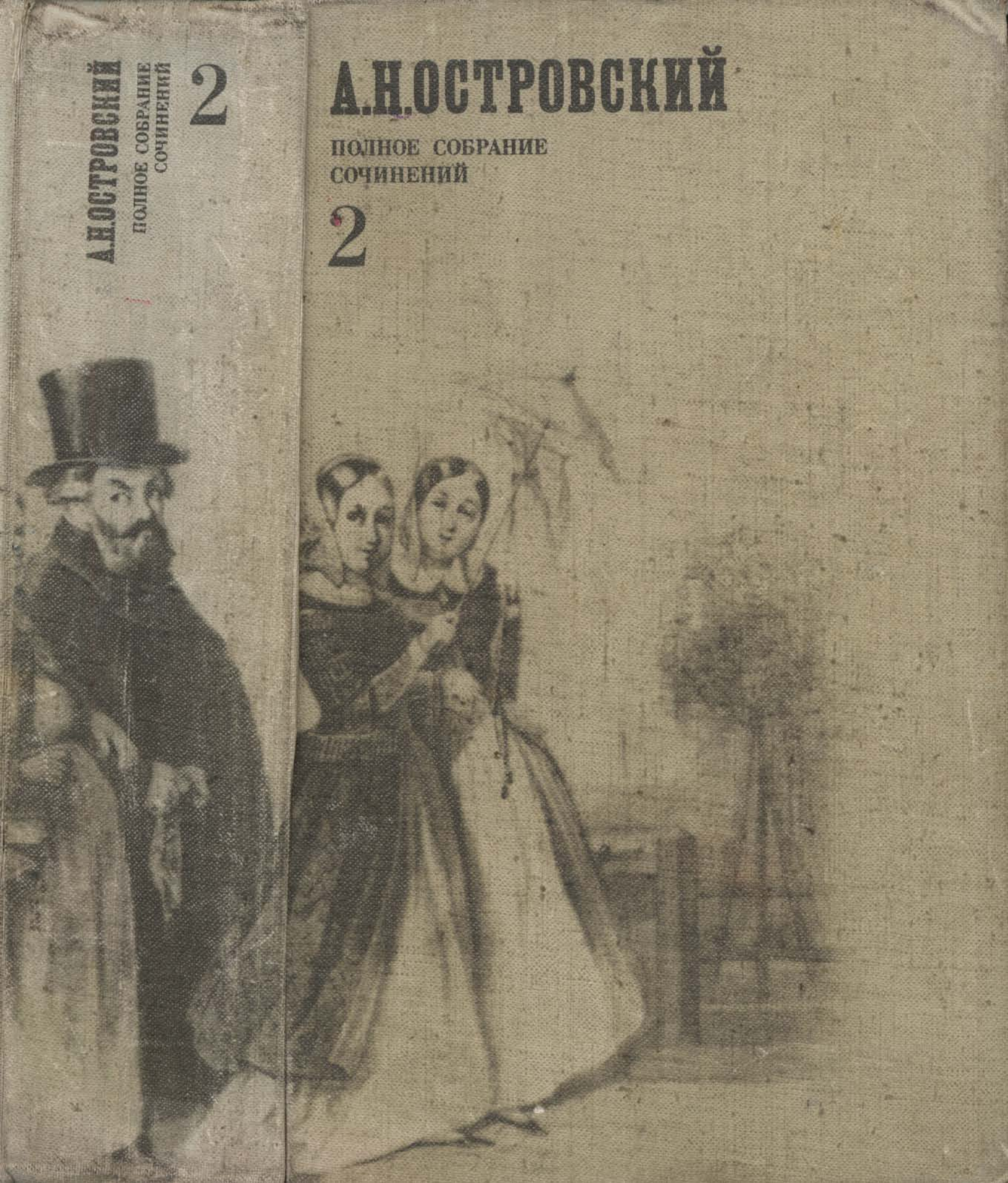

А.Н.ОСТРОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
2
А.Н.ОСТРОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
2

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

Г. И. Владыкина
И. В. Ильинского
В. Я. Лакшина
В. И. Маликова
П. А. Маркова
А. Д. Салынского
Н. Л. Степанова
Е. Г. Холодова

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1974

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

2

ПЬЕСЫ

(1856—1866)

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1974

Р 1
О-77

Подготовка текста и комментарий
Е. И. Прохорова
Л. Н. Смирновой
И. Г. Ямпольского

Редактор тома
Е. Г. Холодов

Оформление
Л. И. Орловой
А. М. Юликова

В оформлении переплета использована литография Р. Жуковского.

О $\frac{70600-105}{025(01)-74}$ Подписное

А. Н. Островский
50-е годы

ПЬЕСЫ

Комедия
в двух
действиях

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Действие происходит в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ИВАН КСЕНОФОНТЫЧ ИВАНОВ
отставной учитель, 60 лет.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА
его дочь, 20 лет.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА
вдова, губернская секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановым.

ТИТ ТИТЫЧ БРУСКОВ
богатый купец.

АНДРЕЙ ТИТЫЧ
его сын.

Сцена представляет бедную комнату в квартире Ивановых. Налево на первом плане окно, дальше дверь в комнату хозяйки; прямо дверь выходная, направо дверь в комнату Лизаветы Ивановны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иван Ксенофонтыч входит, размахивая руками, за ним Аграфена Платоновна.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество! И слышать не хочу невежества! (*Садится за стол и раскрывает книгу.*)

Аграфена Платоновна. У вас все невежество. А сами-то что? Только слава, что ученый человек! А что в нем проку, в ученье-то в вашем? Только одно мнение, что я ученый человек, а хуже нас, неученых. Живете, как бобыль — ни кола, ни двора.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество!

Аграфена Платоновна. Наладил одно! Невежество да невежество! Я к вашей пользе говорю. Мне что! Я женщина посторонняя.

Иван Ксенофонтыч. А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, так и не мешайтесь в чужие дела. Оставьте меня; видите, я делом занимаюсь.

Аграфена Платоновна *(помолчав)*. Мне как хотите. Я, жалеючи вас, говорю. Куда вы денетесь с дочерью-то? Девушке двадцать лет; нынче без приданого-то никто не возьмет; а у вас ни кругом, ни около — все нет ничего, бедность непокрытая.

Иван Ксенофонтыч. Как ничего? У меня есть пенсия, есть уроки.

Аграфена Платоновна. Что ваша пенсия! Что ваши уроки! Разве это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитание хватит; а вы то рассудите: вы пожилой человек, ну, сохрани бог, помрете: куда будет Лизавете Ивановне голову приклонить?

Иван Ксенофонтыч. Она куда пойдет? Она будет детей учить. Будет заниматься, сударыня, тем благородным делом, которым отец занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна. Уж куда какая невидаль! Хорошее житье,— по чужим людям шляться из-за куска хлеба! Чужой-то хлеб горек! А вы послушайте-ка меня, глупую, давайте-ка я примусь сватать вам жениха; благо, здесь сторона купеческая.

Иван Ксенофонтыч. Какое же это благо? В чем тут благо? Кроме невежества, я ничего не вижу.

Аграфена Платоновна. А я вижу. Вот, например, Андрей Титыч, что к нам ходит, чем не жених? И молод, и богат, и из себя красавец.

Иван Ксенофонтыч. И дурак набитый, читать по-русски не умеет. Это ваш жених, а не Лизин. Вас будет пара.

Аграфена Платоновна. Уж какой он мне жених! Очень нужно ему старуху-то брать! Он с своими деньгами-то получше вашей Лизы найдет. Ему уж давно от невест проходу нет, от богатых; да не хочет, потому влюблен до чрезвычайности в Лизавету Ивановну. Вот что!

Иван Ксенофонтыч *(вскочив)*. Что? Да как же он смел, скажите вы мне? Кто ему позволил? Это житья нет! Лиза моя... ведь это сокровище, это совершенство! А он, безграмотный, смел влюбиться! Мужик! Невежа!

Аграфена Платоновна. Ах, батюшка, да разве кому закажешь! Ведь она не королевна какая! А почем знать, дело женское мудреное, может, она и сама его любит. Чужая душа-то темна. Девушки об этом не сказывают.

Иван Ксенофонтыч. Вздор, вздор! Этого быть не может. Я и слушать не хочу. *(Переходит к другому столу.)* Не мешайте мне заниматься, Аграфена Платоновна; вы видите, у меня дело есть.

Аграфена Платоновна *(переходит за ним)*. А может, и вздор; я так говорю, по своему понятию. А жаль малого-то, уж очень сокрушается. Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем.

Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это черт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...

Иван Ксенофонтыч. О tempora, о mores![1]

Аграфена Платоновна. Так вот Андрюша-то и боится, что отец ему жениться не позволит... Ну да это ничего, я баба огневая, я обломаю дело; только было бы ваше согласие. Я за двуми мужьями была, Иван Ксенофонтыч, всеми делами правила. Я теперь хоть в суде, какое хочешь, дело обделаю. Стряпчего не нанимай. По всем кляузным делам ходок. Во всех судах надоела. Прямо до енарала хожу...

Иван Ксенофонтыч. Об чем вы говорите, я не понимаю.

Аграфена Платоновна. Все об том же об Брускове, об купце.

Иван Ксенофонтыч. Послушайте: Плутарх в одной книге...

Аграфена Платоновна. А насчет плутовства— это точно, он старик хитрый.

Иван Ксенофонтыч *(обращая глаза к потолку)*. О, невежество!

Аграфена Платоновна. И это есть. Хоть он и плутоват, а человек темный. Он только в своем доме свиреп, а то с ним что хочешь делай, дурак дураком; на пустом спугнуть можно. Теперь как хотите, Иван Ксенофонтыч, так и сделаем. Честно, так честно, а

---

[1] О времена, о нравы! *(лат.)*.

то и на штуку поймаем. Так запутаем, что хоть плачь, а жени сына на Лизавете Ивановне.

Иван Ксенофонтыч. Что я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

Аграфена Платоновна. За что ж вы бранитесь? Я вас люблю, вам добра желаю *(утирает слезы)*, а вы меня всяческими словами ругаете.

Иван Ксенофонтыч. Как хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте нас с дочерью в покое.

Аграфена Платоновна *(покачав головой)*. Эх, Иван Ксенофонтыч, Иван Ксенофонтыч! Жаль мне тебя! Человек-то ты добрый, да больно ты прост. Беден ты уж больно. Вот и одежонка-то...

Иван Ксенофонтыч. Я беден, да честен, бедным и останусь. Не хочу я знаться с твоими с богатыми.

Аграфена Платоновна. А нынче так жить-то нельзя. *(Отходит от стола.)* Как хочешь ты, Иван Ксенофонтыч, обижай меня, а я все-таки всякое добро для вас готова сделать, да и завсегда буду делать, за вашу кротость и сиротство. Мне за это бог пошлет. *(Уходит в свою комнату.)*

В середнюю дверь входит Лизавета Ивановна, скидает шляпку и кладет на стол. Иван Ксенофонтыч, не замечая ее, читает с жаром и размахивает руками.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван Ксенофонтыч и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна. Здравствуй, папа!

Иван Ксенофонтыч. А, здравствуй! Подай мне шляпу.

Лизавета Ивановна. Куда ты, папа? Отдохни немного! Ты и так много трудишься.

Иван Ксенофонтыч. Нельзя, Лиза, нельзя! Отдыхать некогда. Молодым людям учиться надобно, и так, Лиза, у нас мало учатся, мало. Достань-ка мне Горация да подсыпь табачку, весь вышел.

Лиза достает ему книгу и насыпает табаку.

Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, может быть, затолкуюсь с ребятами.

Лизавета Ивановна. Бедный папаша!

Иван Ксенофонтыч *(надевает шляпу, идет к*

дверям и возвращается). Лиза, ты меня извини, я тебе задам вопрос...

Лизавета Ивановна. Что такое, папа?

Иван Ксенофонтыч. Давеча вот эта глупая женщина *(показывая на комнату хозяйки)* говорила, только не утвердительно, а так, одно предположение, что, может быть, ты... Только ты, Лиза, не сердись!

Лизавета Ивановна. Что же она говорила?

Иван Ксенофонтыч. Она говорила, что, может быть, ты влюблена в этого молодого купца, который ходит к нам за книгами. Ну, разумеется, я не поверил.

Лизавета Ивановна. Охота тебе, папа, слушать ее!

Иван Ксенофонтыч. Я ее и не слушаю, она вздорная болтунья, необразованная женщина. Только вот что, Лиза: ты теперь в таком возрасте... Молодая девушка, тебе скучно со мной, со стариком... ты, сделай милость, прыгай... веселись... влюбись в когонибудь, я тебя прошу об этом. Только ты не скрывай от меня, скажи мне — я сам с тобой помолодею; я все за книгами, Лиза, у меня душа зачерствела.

Лизавета Ивановна. Ах, папаша! Если б я полюбила кого, я б тебе сказала... А то нет еще... Этот молодой человек... так себе; только уж очень необразован, ни стать, ни сесть не умеет. И ты, папаша, мог подумать?

Иван Ксенофонтыч. Ну, ну, ну, виноват! *(Целует ее.)* В последний раз, больше не буду. *(Смотрит на часы.)* Пора, пора... *(Бежит бегом из комнаты, Лизавета Ивановна смотрит вслед ему.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лизавета Ивановна *(одна, подходит к столу, садится и берет работу; молчание)*. Нет, уж мы очень много трудимся! Что ни говори, как себя ни утешай, а тяжело, право, тяжело! Уж я не говорю об деньгах, не говорю о том, что за наши труды нам платят мало; хоть бы уважение-то нам за наш честный труд оказывали; так и этого нет. На что уж наша хозяйка, и та смотрит на нас с каким-то сожалением! А всего мне обиднее, что смеются над папашей. Он, точно, немного странен, да ведь он всю жизнь провел за книгами,

его можно извинить. И что в этом смешного, что человек ходит в старой шинели, в старой шляпе? А у нас такая сторона, чуть не в глаза хохочут. Конечно, это невежество, с образованием это пройдет, а все-таки тяжело. Вот вчера, как я шла из церкви, какие-то молодые купцы вслух смеялись над моим салопом. Где же я лучше возьму? Ты же приносишь людям пользу почти бескорыстно, тебя же презирают. *(Подносит платок к глазам.)*

А н д р е й Т и т ы ч входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Л и з а в е т а И в а н о в н а и А н д р е й Т и т ы ч.

А н д р е й Т и т ы ч. С нашим почтением-с, Лизавета Ивановна!

Л и з а в е т а И в а н о в н а. Здравствуйте, Андрей Титыч! Садитесь.

А н д р е й Т и т ы ч *(утираясь)*. Покорнейше благодарим-с. Летел к вам скоропалительно, инда взопрел-с. Тятеньки нет-с?

Л и з а в е т а И в а н о в н а. Нет; ушел на урок.

А н д р е й Т и т ы ч. По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек-с.

Л и з а в е т а И в а н о в н а. Что вы такое говорите?

А н д р е й Т и т ы ч. У нас в ряду один учитель ходит, горькой, так над ним смеются, дразнят, значит. Ты, говорят, окромя свинячьего, на семь языков знаешь.

Л и з а в е т а И в а н о в н а. Как же вам не стыдно смеяться над людьми почтенными! Как это дурно!

А н д р е й Т и т ы ч. Что ж такое! Шутка не вредит-с. Хороший человек на свой счет не примет.

Л и з а в е т а И в а н о в н а. Бросьте эту привычку, нехорошо. Зачем обижать!

А н д р е й Т и т ы ч. Нельзя нашему брату не смеяться-с; потому эти стрюцкие такие дела с нами делают, что смеху подобно.

Л и з а в е т а И в а н о в н а. Что у вас за слова такие! Какие-то стрюцкие!

А н д р е й Т и т ы ч. Уж это слово им недаром дано-с. Другой весь-то грош стоит, а такого из себя барина доказывает, и не подступайся,— засудит; а дал ему

целковый или там больше, глядя по делу, да подпоил, так он хоть спирю плясать пойдет. *(Помолчав.)* Я теперь от тятеньки скрываюсь-с.

Лизавета Ивановна. Как скрываетесь? Зачем же?

Андрей Титыч. Женить хотят... насильственным образом.

Лизавета Ивановна. Что ж, разве вам невеста не нравится?

Андрей Титыч. Такую нашли — с ума сойдешь! Тысяч триста серебра денег, рожа, как тарелка,— на огород поставить, ворон пугать. Я у них был както раз с тятенькой, еще не знамши ничего этого; вышла девка пудов в пятнадцать весу, вся в веснушках; я сейчас с политичным разговором к ней: «Чем, говорю, вы занимаетесь?» Я, говорит, люблю жестокие романсы петь. Да как запела, глаза это раскосила, так-то убедила народ, хоть взвой, на нее глядя. Унеси ты мое горе на гороховое поле!

Лизавета Ивановна. Да разве вы своей воли не имеете? Не нравится вам девушка, ну, и не женитесь, так и скажите отцу.

Андрей Титыч. Какая тут воля! Эх, Лизавета Ивановна! Нешто у нас так, как у людей! *(Махнув рукой.)* Крылья у меня ошибены, то есть обрублены, как есть. Уродом сделали, а не человеком. Словно угорелый хожу по земле. У нас так не водится, чтоб сын смел выбрать себе невесту по душе, значит, как следует; а привезут тебя, покажут, ну и женись. А коли скажешь, что, мол, тятенька, эта невеста не нравится: а, говорит, в солдаты отдам! Ну и шабаш! Уж не то что в этаком деле, и в другом-то в чем воли не дают. Я вот помоложе был, учиться захотел, так и то не велели.

Лизавета Ивановна. Неужели это правда? Право, мне не верится. Что-нибудь да не так.

Андрей Титыч. Уж это так точно-с, будьте покойны. Диви бы негде было учиться, али бы денег не было; а то денег угол непочатый лежит, девать куда не сообразим. Коммерческая академия существует на Покровском бульваре. На что ж она построена? Смотреть на нее? Кабы у нас, значит, вообще по купечеству такое заведение было, чтобы детей не учить, так бы и не обидно. А то этого нет. Перед другим-то,

перед своим братом и совестно. Вот у тятеньки приятель был, тоже русский купец, с бородой ходил, а сына-то в Англию посылал. Теперь свое дело, по машинной части, лучше их знает. Стало быть, их и выписывать не надо и денег им не платить. Что их баловать-то! Я, может, не глупей его, а теперь смотри да казнись. Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на свете дошел: потому страсть имею. Вот тятенька меня поедом ест, а за что? Сам не знает. По фабрике кто первый? Все я. Я вперед знаю, что требуется.

Молчание.

Лизавета Ивановна, вы ведь не поверите, что я вам скажу: я к скрыпке оченно пристрастие имею.

Лизавета Ивановна. Ну, так что ж?

Андрей Титыч. Вот теперь пятый год учусь... знаете, где? На чердаке, в чулане. Беда, как узнает... «Да что это! Да к чему это! Да с твоим ли рылом, скажет, такие нежности разводить!» В театр никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, так беда. У нас все равно, что загулял, что в театре просидел, это на одном счету. Ту причину пригоняют, что у нас один брат помешанный от театру; а он совсем не от театру, так, с малолетства заколотили очень.

Лизавета Ивановна. Знаете ли, Андрей Титыч, я вас научу. Когда вы заметите, что ваш отец в хорошем расположении духа, вы ему откровенно и выскажите все: что вы чувствуете, что у вас есть способности, что вы учиться хотите.

Андрей Титыч. Он такую откровенность задаст, что места не найдешь. Вы думаете, он не знает, что ученый лучше неученого,— только хочет на своем поставить. Один каприз, одна только амбиция, что вот я неучен, а ты умнее меня хочешь быть.

Лизавета Ивановна. Мне, право, вас жалко, Андрей Титыч! Ходите к нам почаще. Вы моего отца знаете, он образованный человек, он вам может много пользы принести, да и я, с своей стороны, постараюсь, что могу.

Андрей Титыч. Эх, Лизавета Ивановна, жаль только, что мне развязки никакой не дано.

Лизавета Ивановна. Какой развязки?

Андрей Титыч. Не умею я по-французски говорить и походки настоящей не имею. Вон теперь в магазинах приказчики разговаривают по-французски, ногами шаркают, барышни им глазки делают.

Лизавета Ивановна. Полноте вздор говорить!

Андрей Титыч. Да как же-с! Уж коли знаешь французский язык да есть походка, так тут можно смело... значит, что только завидел, орел ли в небе, щука ли в море,— все наше.

Лизавета Ивановна. Вы мне, пожалуйста, глупостей не говорите, я вас прошу.

Андрей Титыч. Ведь женщины, они души в человеке понять не могут-с: только ловкость нужна, ну и насчет одежи, чтобы первый сорт-с.

Лизавета Ивановна. Я вам откровенно скажу, Андрей Титыч, с вами очень мудрено разговаривать. Вы не подумавши говорите такие вещи, которые могут показаться обидными. Неужели вы думаете, что мы принимаем и ласкаем вас за ваше платье?

Андрей Титыч. Да что со мной, дураком, толковать-с; я просто пропащий человек, от своего собственного необразования. Болтаю, что в голову придет, всякие наши рядские глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки,— да только я выразить не умею. Мне как-то раз показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселей взглянули, так я загулял на три дни, таких вертунов наделал,— беда! Одному извозчику что денег заплатил.

Лизавета Ивановна. Ну, зачем же это? Разве вы не знаете, что это дурно?

Андрей Титыч. А что ж мне делать-то? Куда мне деваться-то? Я как сумасшедший сделался. Я в жизнь ни от кого хорошего слова не слыхивал. *(Подходит к Лизавете Ивановне.)* Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна. Что вам угодно?

Андрей Титыч. Дайте мне ручку поцеловать.

Лизавета Ивановна. Что вы за вздор говорите! Ну, для чего это?

Андрей Титыч. Да что ж за важность! Может, в последний раз. Ведь вас не убудет.

Лизавета Ивановна. Да нехорошо, и совсем не нужно... ну, а впрочем... *(Оглядываясь, протягивает ему руку.)*

Андрей Титыч *(целует)*. Умер бы у вас, и домой

не пошел! Уж очень тяжко мне! Эх, доля, доля! *(Плачет.)*

Входит Аграфена Платоновна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лизавета Ивановна, Андрей Титыч и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна. Здравствуй, Андрюша! Что с тобой?

Андрей Титыч. Так, ничего-с.

Аграфена Платоновна. Как ничего? Ты словно как мокрая курица.

Андрей Титыч. Подвесить себя хочу-с.

Аграфена Платоновна. Как так?

Андрей Титыч. Известно как: за петельку на гвоздик.

Аграфена Платоновна. Что за напасть такая?

Андрей Титыч. Да что, разговаривать-то не хочется. Женить хотят, вот и все-с.

Аграфена Платоновна. Плохо твое дело.

Андрей Титыч. Обидно-с! *(Раскланивается.)* А впрочем, прощайте-с. *(Подходит к Аграфене Платоновне.)* Что ж, отдайте энту штуку-то; еще, пожалуй, история выдет.

Аграфена Платоновна. Ну вот, на что она тебе?

Андрей Титыч. А то, пожалуй, и не надо; делайте, что хотите. Уж семь бед, один ответ. До приятнейшего свидания. *(Кланяется и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна. Видали вы, что мужики-то значат? Так вот посмотрите. Насильно хотят малого женить. Самое низкое обыкновение! Нешто человек может любить против желания? Какие на это права? Какие законы? Живут неопрятно, ну ничего и не понимают. Ломят по-своему, что на ум взбрело спросонков... А я было его, барышня, признаться, для вас прочила.

Лизавета Ивановна. Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня спроситься.

Аграфена Платоновна. Да что спрашивать-то? Дело видимое. Человек хороший, богатый, вас любит. Куражу не имеет сказать вам, потому что умных слов не знает от своего от дурацкого воспитания. А случится, когда ко мне в комнату зайдет, так и заливается-плачет: все бы я, говорит, сидел у вас, все бы глядел на Лизавету Ивановну, жизни готов решиться, только бы жениться на ней. Сколько мне подарков переносил, чтобы я вам за него словечко замолвила.

Лизавета Ивановна. Какой еще он жених, ему учиться надобно в школе где-нибудь.

Аграфена Платоновна. Любовь-то не спрашивает, все ли науки знаешь. Влюбляются и вовсе безграмотные. А что ж ему делать? Он бы и рад учиться, да батюшка-то у него ишь какой сахар!

Лизавета Ивановна. Мне смешно вас слушать, Аграфена Платоновна. Ну, рассудите вы сами, какая же мне неволя идти в такую семью: сын необразованный, а отец дурак.

Аграфена Платоновна. Не тысячу же лет этот старый хрыч жить будет. Потерпите маленько, а потом сами барыней будете. Оно, точно, вам будет не сладко; да денег-то у них, у леших, больно много. Зато что захотите, муж все для вас будет делать, разве только птичьего молока не достанет.

Лизавета Ивановна. Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сих пор меня не знаете? Я ни за какие сокровища не захочу терпеть унижения. Ведь они за каждую копейку выместят оскорблением; а я не хочу их переносить ни от кого. То ли дело, как мы живем с папашей! Хоть бедно, да независимо. Мы никого не трогаем, и нас никто не смеет тронуть. *(Работает.)*

Аграфена Платоновна *(взглянув в окно)*. К нам дрожки подъехали. Ах, батюшки! Да ведь это он!

Лизавета Ивановна. Кто он?

Аграфена Платоновна. Андрюшин отец, Тит Титыч.

Лизавета Ивановна. Это, должно быть, к вам; а к нам ему незачем.

Тит Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лизавета Ивановна, Аграфена Платоновна и Тит Титыч.

Тит Титыч. Где Андрюшка? Сказывайте скорей, а то искать примусь.

Аграфена Платоновна. Почем мы знаем, где твой Андрюшка. Ступай, откуда пришел; нечего тебе здесь делать!

Тит Титыч. Не с тобой говорят. Барышня, выдавай Андрюшку! Да не вертись; видишь, я сам за ним пришел; я шутить не люблю! У меня слово — закон.

Лизавета Ивановна *(встает)*. Я вас не знаю и знать не хочу. Подите вон отсюда!

Тит Титыч *(садится)*. Полно вилять-то! Все суседи говорят, что он у тебя скрывается. Ты, надо полагать, за него замуж норовишь; так нет, шалишь, не пообедаешь!

Лизавета Ивановна *(закрывает лицо платком)*. Господи! Что же это такое!

Аграфена Платоновна. Ступайте, барышня, к себе в комнату. Что вам с мужиком разговаривать! Я одна с ним управлюсь.

Лизавета Ивановна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Аграфена Платоновна и Тит Титыч.

Аграфена Платоновна. Ты что буянишь-то! Ты куда, в кабак, что ли, зашел? Кричи поди у себя дома, а здесь язык-то прикусишь. Я, брат, так раскассирую...

Тит Титыч. А вот я обыск исделаю, квартального позову.

Аграфена Платоновна. Так тебе и позволят в благородном доме безобразничать!.. Да ну, коли на то пошло, делай обыск. А не найдешь, чем ответишь?

Тит Титыч. Не ваша печаль, это наше дело. За безобразие заплатим.

Аграфена Платоновна. Ты думаешь деньгами отъехать? Нет, ведь старик-то не алтынник, он с тебя ничего не возьмет. Чем ты смотришь — и того не возьмет. Он заслуженный человек, за тридцать лет пряжку имеет. Он тебя в смирительный упрячет.

Тит Титыч. Видали мы виды-то! Черт Ваньку не обманет, Ванька сам слово знает. Вы мне Андрюшку подайте; видишь, я сам за ним пришел.

Аграфена Платоновна. Сам с усам! Жалко вот, что тебя не боится здесь никто; а то так бы тебе Андрюшку и представили, невидимой силой. Да коли нет его, чудак человек, значит, негде взять. Он дома давно.

Тит Титыч. Да ты врешь, может быть?

Аграфена Платоновна. А ты сходи посмотри, либо пошли кого-нибудь.

Тит Титыч. Нет уж, я лучше сам пойду, только если не найду его, я уж за тебя примусь. Слышишь! *(Берет шапку.)*

Аграфена Платоновна. Погоди, куда ты? Еще мне с тобой поговорить надо. Ты думаешь, ты скоро разделаешься. *(Вынимает из стола бумагу.)* Ты это видишь?

Тит Титыч. Что это такое? Кажи!

Аграфена Платоновна. Читай! Только из рук не выпущу; мы вашего брата знаем.

Тит Титыч *(надев очки)*. «Я, нижеподписавшийся купеческий сын, Андрей Титов сын Брусков, обязуюсь жениться на дочери титулярного советника, девице Елизавете Ивановне Ивановой, в чем и даю сию расписку». *(Перестает читать и снимает очки.)*

Аграфена Платоновна. Понял?

Тит Титыч. Как не понять! Это, то есть, насчет грабежу. Ну, народец! Что ж вы с эвтой бумагой делать будете?

Аграфена Платоновна *(запирает в стол бумагу)*. Уж старик знает, что делать. Порядок известный: дело по делу, а суд по форме.

Тит Титыч *(почесав затылок)*. По форме? Нет уж, лучше мы так, между себя сделаемся.

Аграфена Платоновна. Известно, лучше: только ведь с тобой честью-то мудрено.

Тит Титыч. Уж и ваш-то брат нам солон приходится. А вы пожалейте душу человеческую.

Аграфена Платоновна. Что тебя жалеть-то! Давай три тысячи целковых, вот и квит.

Тит Титыч. Ишь ты, ишь ты заломила! Ведь я не сам деньги-то делаю; трудами доставал, пóтом.

Аграфена Платоновна. Да, потеете вы в трактире за чаем. Ты лучше и не торгуйся; а то сам придет, пожалуй, и трех не возьмет. Уж это я так беру смелость, хочу без него дело сделать.

Тит Титыч. Полтораста рубликов.

Аграфена Платоновна. Что? За такое дело полтораста рублей! Да как у тебя язык-то поворотился!

Тит Титыч. За что деньги-то давать, ты сама рассуди. Ведь задаром-то жалко.

Аграфена Платоновна. За что? За твое нравство! Не ходи по лавке... Говорю, не торгуйся, а то прогоню; так ни с чем уйдешь.

Тит Титыч. Ты меня выведешь из терпимости, в те поры я в себе не властен: я тебя прибью.

Аграфена Платоновна. Любопытно это будет посмотреть! Я караул-то на всю Зацепу закричу. Свяжем тебе лапки назад, да еще три тысячи заплатишь.

Тит Титыч. Надоела уж ты мне. Говори последнюю цену.

Аграфена Платоновна. Последнюю?

Тит Титыч. Да, последнюю.

Аграфена Платоновна. Без разговору — две тысячи.

Тит Титыч. Возьми пятьсот.

Аграфена Платоновна. И говорить не хочу, что за торговля! *(Молчание.)* Ну, давай полторы.

Тит Титыч. Семьсот пятьдесят.

Аграфена Платоновна. Ну, вот тебе последнее слово: тысячу рублей и ни копейки меньше.

Тит Титыч. Ни копейки?

Аграфена Платоновна. Ни копейки.

Тит Титыч. Ну, по рукам!

Аграфена Платоновна. Давай деньги.

Тит Титыч. Давай бумагу.

Аграфена Платоновна. Клади деньги на стол, и я положу.

Тит Титыч отсчитывает деньги и кладет на стол, Аграфена Платоновна вынимает из стола бумагу. Размениваются. Аграфена Платоновна кладет деньги в стол и запирает. Тит Титыч кладет бумагу в карман.

Тит Титыч *(садится)*. Разбойники, грабители!

Аграфена Платоновна. Ну, теперь ступай с богом. Дела все покончили, больше не об чем с тобой толковать.

Тит Титыч. Нет, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники, грабители! За что только вы с нас денег не берете? Обмануть, ограбить, обольстить человека!

Аграфена Платоновна. Как с тебя и не взять-то! Ведь уж ты жила известный, сам норовишь на грош пятаков купить.

Лизавета Ивановна проходит из боковой двери в середнюю.

Должно быть, старик пришел. Ступай, ступай!

Тит Титыч. Обманули мальчишку, дурака, опутали, а с отца деньги взяли. Честно это, благородно? А еще благородством похваляетесь!

Иван Ксенофонтыч и Лизавета Ивановна входят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Тит Титыч, Аграфена Платоновна, Лизавета Ивановна и Иван Ксенофонтыч.

Лизавета Ивановна. Папаша, посмотри, что у нас делается.

Иван Ксенофонтыч молча смотрит на Брускова.

Тит Титыч. Ты что на меня смотришь? На мне, брат, ничего не написано. Деньги-то взять умели! Вы меня хоть попотчуйте чем за мои деньги-то.

Иван Ксенофонтыч *(смотрит на всех вопросительно)*. Он сумасшедший? Сделайте одолжение, милостивый государь, оставьте нас.

Тит Титыч. Обобрали, а теперь гоните. *(Показывая на Лизавету Ивановну.)* Ишь, какая красавица! Как не прельститься на нее. Ловушку для нашего брата подстроили. У вас тут такая шайка подобрана, что вы и старика какого из ума выведете, а не то что мальчишку глупого.

Иван Ксенофонтыч. Поди вон!

Тит Титыч. Что ты кричишь-то! Я ведь ничего, я так, шучу с тобой.

Иван Ксенофонтыч. Поди вон, говорю я тебе.

Тит Титыч *(встает).* Пойду. *(Подходит к Ивану Ксенофонтычу и ударяет его по плечу.)* Поедем ко мне! Выпьем вместе, приятели будем! Что ссориться-то!

Иван Ксенофонтыч. Уйди ты от нас.

Тит Титыч. Ну, прощай. *(Подходит к двери.)* Ишь ты, какой сердитый! Да уж теперь не испугаете. Вот она, бумага-то, здесь в кармане. Разбойники, грабители! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Иван Ксенофонтыч, Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Иван Ксенофонтыч. Что это за человек?

Аграфена Платоновна. Тит Титыч Брусков, Андрюшин отец.

Иван Ксенофонтыч. Что он говорил? Какие деньги? Какие грабители? Кто его ограбил?

Аграфена Платоновна. Ну, да за дело, чтоб не шумел в чужом доме. За дело ему! Так их и надо. Я-таки, признаться, сорвала с него малую толику. Жаль, что мало! Нам годится, а с паршивой собаки хоть шерсти клок.

Иван Ксенофонтыч. Да за что?

Аграфена Платоновна. Все жалеючи вас, Иван Ксенофонтыч, да вашу дочку; глядя на вашу бедность, решилась на такое дело. Что ж, ведь тут дурного ничего нет.

Иван Ксенофонтыч. Да каким образом? Не мучьте вы меня, говорите.

Аграфена Платоновна. А вот каким образом: как Андрюша-то уж очень влюбленный был, вот как-то раз и зашел ко мне, и расплакался, а я ему нарочно и говорю: тебе, мол, нельзя к нам ходить, будут соседи говорить и то, и се. Что хорошего! Наше, мол, дело женское, мы никакого такого разговору про себя не хотим. Ты, говорю, оставь, не ходи. Он это, сударь мой, стал меня просить, плакать, руки целовать. Я взяла подпоила его, да и говорю: все может, Андрюша, случиться, отец твой не нынче-завтра умрет, ты будешь на воле, тогда, пожалуй, нас с Лизаветой Ивановной и забудешь, других найдешь.

А он-то божится, он-то разные клятвы произносит. А у меня на ту пору случись лист гербовой бумаги.

Иван Ксенофонтыч. Ну!

Аграфена Платоновна. Ну, я своей рукой написала расписку, что он обещается жениться на Лизавете Ивановне, все как следует, по форме, а он и подписал.

Лизавета Ивановна. Какой стыд! Какой срам! Папаша, что мне делать! *(Рыдая, падает на грудь отцу.)*

Иван Ксенофонтыч. Ну, ну...

Аграфена Платоновна. Ну, вот за это и взяла с Тита Титыча тысячу целковых.

Иван Ксенофонтыч. А расписка где?

Аграфена Платоновна. Я ему отдала.

Иван Ксенофонтыч *(обнимая дочь)*. Бедное дитя мое! *(Плачет.)*

Аграфена Платоновна. Да об чем вы плачете?

Иван Ксенофонтыч. Куда нам с тобой деться от грубости, от оскорблений, от невежества!

Лизавета Ивановна. Папаша, уедем отсюда поскорей!

Иван Ксенофонтыч. Уедем, уедем!

Лизавета Ивановна. Ты поди, брось ему деньги. *(Садится у стола.)*

Иван Ксенофонтыч. Да, да, и расписку возьму. Он мне ее отдаст, я ему деньги возвращу. Как ты думаешь, ведь он отдаст? Отдаст? Он не смеет не отдать — мы не виноваты. Я разорву ее, вот и конец, и не об чем нам плакать с тобой! *(К Аграфене Платоновне.)* Подай деньги!

Аграфена Платоновна. Иван Ксенофонтыч, пригодятся.

Иван Ксенофонтыч. Подай деньги! Подай!

Аграфена Платоновна *(вынимая из стола)*. А чем завтра топить будете? *(Отдает.)*

Иван Ксенофонтыч. Прощай, Лиза!

Лизавета Ивановна. Прощай, папаша. *(Обнимает его.)* Поди, выкупай наше бесчестье.

Идут к двери.

Аграфена Платоновна *(вслед им)*. Вот хлопочи для людей, старайся, сама ж виновата останешься. Кто же вас знал, что вы такие сумасшедшие!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ТИТ ТИТЫЧ БРУСКОВ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА
жена его.

АНДРЕЙ ТИТЫЧ }
КАПИТОН ТИТЫЧ } *сыновья их.*

НЕНИЛА СИДОРОВНА
знакомая Брусковой.

ИВАН КСЕНОФОНТЫЧ ИВАНОВ.

ЗАХАР ЗАХАРЫЧ
стряпчий.

ЛУША
горничная девушка.

Богатая гостиная в доме купца Брускова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Луша (стирает пыль) и Капитон Титыч (крадется к двери).

Капитон Титыч. Луша, здесь никого нет?

Луша. Никого.

Капитон Титыч. Как тут хорошо, просторно, а в кухне сегодня угарно. Что в кухне-то сидеть за охота. Я такой же сын, как и Андрюша, а меня все в кухне взаперти держат.

Луша. Захотел ты сравняться с Андреем Титычем! Андрей Титыч у нас молодец, а ты что! Так, дурачок.

Капитон Титыч. Да, дурачок, как же! У вас будешь дурачок. На цепь еще посадите! *(Ходит по комнате и делает трагические жесты.)*

Луша. Купидон Титыч, представь что-нибудь из тиатрального.

Капитон Титыч *(становится в позу)*. «Прочь с дороги! Посторонитесь! Лев ушел из клетки! Бык с бойни сорвался! Посторонитесь!» *(Разгорячившись.)* Давай теперь сюда, кто меня дураком сделал, убью сразу.

Луша хохочет. Капитон Титыч, услышав, что идут, крадется к двери и скрывается. Настасья Панкратьевна и Ненила Сидоровна входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Настасья Панкратьевна, Немила Сидоровна и Луша.

Настасья Панкратьевна. Милости просим, Немила Сидоровна, садиться покорнейше прошу. Луша, принеси-ка нам вареньица.

Луша. Сейчас-с. *(Уходит.)*

Настасья Панкратьевна. Как дела ваши?

Немила Сидоровна. Дела ничего, слава богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

Настасья Панкратьевна. Видно, матушка, Немила Сидоровна, всякому своя ноша тяжела. Вот вы об дочерях, а я об сыновьях. Что у кого болит, тот о том и говорит. А по-моему, дочери все-таки легче.

Немила Сидоровна. Глаз да и глаз нужно, Настасья Панкратьевна. Ведь нынче время-то какое! Люди-то какие! Верите ли, боишься в сад выпустить.

Настасья Панкратьевна. Что дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопот с ними меньше, ни учить, ни что. Ну, конечно, замуж выдавать хлопотно, возни много. А вам и то с пола́-горя, Немила Сидоровна, ведь вы денег много даете за дочерьми-то, так вам нечего бояться, что в девках засидятся.

Немила Сидоровна. Про это что толковать. Дочь не домашний товар; как не как, а надо с рук сбывать. Ну, там уж не наша беда; живи, как хочешь. А покедова-то вот! Ведь у нас приказчики, ну и другого постороннего народу много.

Настасья Панкратьевна. Присмотр нужен, я про это вам и докладываю, зато уж больше-то никаких хлопот. Мальчики-то ведь на воле, Немила Сидоровна, как за ними усмотришь; везде ходят. У меня всего-то два сына: Андрюша да Купидоша, да и то голова кругом идет. Андрюша мальчик шустрый, проворный, до всего понятливый, так, сударыня моя, от дому совсем отбивается: то не хорошо, другое не по нем, учиться, говорит, хочу. Что ж, мы разве его не учили! И рихметике и граматике гимназист учил. На что ему много-то знать? И так боек, а как обучат-то всему, тогда с ним и не сговоришь; он мать-то и уважать не станет; хоть из дому беги.

Немила Сидоровна. Да, вот насчет ученья-то,

У нас соседка отдала сына учиться, а он глаз и выколол.

Настасья Панкратьевна. Это долго ли. А вот теперь влюбился. Да в кого! Ненила Сидоровна, в кого! Во что влюбиться-то! Так, одна непокорность к родителям.

Ненила Сидоровна. В кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Настасья Панкратьевна. Что за секрет; весь околоток в трубы трубит. Знаете учителя Иванова, так в его дочь; ну, и погибает совсем.

Ненила Сидоровна. Знаю, знаю, видала. Скажите! Где же глаза-то у него были! Так, творение какое-то... ни живности, ничего.

Настасья Панкратьевна. Ну, вот сами рассудите.

Ненила Сидоровна. Что говорить!

Настасья Панкратьевна. Каково матери-то?

Ненила Сидоровна. Подсыпали чего-нибудь. Это бывает.

Настасья Панкратьевна. Уж я и сама так думаю.

Ненила Сидоровна. А вы вот что... не хорошо только говорить-то...

Настасья Панкратьевна. Ничего.

Ненила Сидоровна. А сразу снимает. *(Шепчет ей на ухо.)*

Настасья Панкратьевна. Помогает?

Ненила Сидоровна. Помогает. То-то вот, хитры они, ан хитрей их есть. На всякий приворот средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и от глазу, и от запою, и против бородавок у меня симпатия есть.

Настасья Панкратьевна. Так надоть попробовать, а то что же хорошего! Мы теперь его женить хотим; нам надо невесту с большими деньгами, потому сами богаты. Что за неволя нам бедную-то брать.

Ненила Сидоровна. Разумеется.

Настасья Панкратьевна. Ну, вот, матушка моя, теперь есть такая на примете, отец нашел; а он скрывается от отца-то. Всякая мать баловница; другой раз расплачется,— глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по малости. А все-таки нехорошо.

Ненила Сидоровна. Нельзя похвалить.

Настасья Панкратьевна. А другой, Купидоша, так совсем какой-то ума рехнувший по театру. Да табак курит, Немила Сидоровна, такой крепкий, просто дышать нельзя. В комнатах такого курить нельзя ни под каким видом, кого хочешь стошнит. Так все больше в кухне пребывает. Вот иногда скучно, позовешь его, а он-то и давай кричать по-тиатральному, ну и утешаешься на него. С певчими поет басом, голос такой громкий, так как словно из ружья выпалит.

Ненила Сидоровна. Говорят, маленьких нехорошо по голове бить, глупеют от этого.

Настасья Панкратьевна. Кто их знает, может, и правда.

Капитон Титыч выглядывает из-за двери.

Да вот он.

Ненила Сидоровна. Кто? Дурачок-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

Настасья Панкратьевна. Купидоша, Купидоша!

Капитон Титыч робко входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Капитон Титыч.

Настасья Панкратьевна. Что ты, Купидоша?

Капитон Титыч. Я так, ничего... Пятачок мне надо.

Настасья Панкратьевна. На что?

Капитон Титыч. Табачку купить... Без табаку-то скучно.

Настасья Панкратьевна. Ну, хорошо, дам. Представь что-нибудь нам с Немилой Сидоровной.

Капитон Титыч *(трагически)*. «Изумлю мир злодейства, и упокойники в гробах спасибо скажут, что умерли!»

Ненила Сидоровна. Что это, матушка! Что это такое! Страсть какая! Он у вас, должно быть, порченый!

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна, Капитон Титыч и Андрей Титыч.

Настасья Панкратьевна. А вот мой другой сын, Немила Сидоровна.

Ненила Сидоровна. Этот умный?

Настасья Панкратьевна. Умный. *(Сыну.)* Отец тебя нынче целый день ищет, никак хочет вечером к невесте ехать.

Андрей Титыч. Я опять убегу-с.

Настасья Панкратьевна. Что ты, что ты! Уж от своей судьбы не уйдешь! Что кому суждено, тому и быть.

Андрей Титыч. Да почем же вы, маменька, знаете, что мне суждено жениться на дуре неотесанной!

Настасья Панкратьевна. Ну вот, изволите видеть, Немила Сидоровна, можно с ним разговаривать?

Ненила Сидоровна. Ах, молодой человек, молодой человек!

Настасья Панкратьевна. Что ты, умней отца с матерью хочешь быть! Выше лба глаза не растут, яицы курицу не учат.

Андрей Титыч. Маменька, да ведь мне с ней жить-то будет!

Настасья Панкратьевна. Как ты можешь грубить! Кто с тобой говорит-то? Мать али нет? Должен ты это понимать.

Андрей Титыч. Да что понимать-то? Понимать-то нечего.

Настасья Панкратьевна. Вот видите, какую заразу на него напустили.

Ненила Сидоровна. Послушайте, молодой человек, я постарше вас, все эти штуки, все эти подходы и все эти дела видала.

Настасья Панкратьевна. Так, так, Немила Сидоровна. А ты слушай, что старшие-то говорят. И ты тоже, Купидоша. Все это вам на пользу.

Андрей Титыч. Да что слушать-то? Слыхал я эти разговоры-то.

Настасья Панкратьевна. Не груби, говорю тебе, не груби!

Н е н и л а С и д о р о в н а. Молодой человек, вы мало жили, мало видели свет, вы еще не знаете, как люди хитры.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Да, да. У нас у кучера поддевку украли в одну минуточку. И кто же украл-то? Приятель его.

Н е н и л а С и д о р о в н а. Вот вы теперь влюблены, мне ваша маменька говорила: вы думаете, это спроста?

А н д р е й Т и т ы ч. Этот разговор надоть кончить-с.

Н е н и л а С и д о р о в н а. Нет, позвольте-с. Мы тоже бывали молоды, у меня у самой семь дочерей.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Да, да, вот слушай, что умные-то люди говорят, и ты тоже, Купидоша, слушай.

Н е н и л а С и д о р о в н а. Будем прямо говорить. Кругом вас, по соседству, есть какие грузди! Из всякого сословия! Уж можно сказать, что наша сторона этим отличается! Чего б, кажется, лучше! Так нет, вам не по сердцу. А эта что? Диви бы собой... *(делает жест руками)* или что другое! Вот только стыдно говорить-то, а то бы сказала. Во что влюбиться-то молодому человеку?

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Да, да.

Н е н и л а С и д о р о в н а. Значит, механика и выходит... с их стороны.

А н д р е й Т и т ы ч. Говорите, что угодно, мне все равно-с. Ей моею женой не быть. Такие девушки не про нас-с. Где нам, дуракам! Мы их и понимать-то не умеем. Говорить-то всякий умеет, кто почаще, кто пореже, да толку-то в этом немного; слушать-то нечего. Вот кабы я умел вам объяснить, какая в этом разница — образованная девушка или необразованная, так бы другой разговор был. А то не умею. Да хоть бы и умел, так вы не поймете ничего. Значит, лучше молчать.

Н е н и л а С и д о р о в н а *(Настасье Панкратьевне)*. Попробуйте, что я говорила.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Непременно попробую.

А н д р е й Т и т ы ч. Вы хотите меня теперича женить,— так найдите невесту, чтоб хоть мало-мальски была на человека похожа. Я, пожалуй, женюсь, ведь уж не отбегаешься. А эта ваша мне уж очень

противна. Маменька, спрячьте меня куда-нибудь от тятеньки! А то уж жените, что ли, поскорей, чтоб я не мучился.

Настасья Панкратьевна. Какая же в этом мука, глупый! Ничего, окромя хорошего. Ты, я вижу, такой же дурак, как и Купидошка.

Капитон Титыч. «Умолкни, чернь непросвещенна!»

Настасья Панкратьевна. Полно орать-то! Ишь, затрубил.

Капитон Титыч. Брат, дай три гривенника, пойду нынче в театр, душу отвести.

Андрей Титыч. На, Капитоша. (*Достает деньги из кармана и отдает Капитону Титычу.*)

Луша (*вбегая*). Сам приехал! (*Уходит.*)

Капитон Титыч за ней прокрадывается в дверь.

Настасья Панкратьевна (*Андрею Титычу*). Поди, спрячься в спальню, там и сиди. Я скажу, когда выйти.

Андрей Титыч уходит.

Немила Сидоровна. Прощайте, Настасья Панкратьевна. К нам как-нибудь.

Настасья Панкратьевна. Прощайте, Немила Сидоровна. Вы такая, право, умная и обходительная женщина, что мне завсегда оченно приятно вас видеть. Я, признаться вам сказать, сама-то не из дальних, ведь уж не скроешь; так мне лестно позаняться от умных-то. Как-нибудь на днях беспременно заеду. (*Провожает ее до дверей.*)

Немила Сидоровна уходит.
Тит Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Настасья Панкратьевна и Тит Титыч.

Тит Титыч (*садится молча на стул*). Фу ты, черт возьми! Впервой отроду со мной такая беда! Меня не уважать! Меня ругать! Меня! Брускова! Нет, погоди!

Настасья Панкратьевна. Кто тебя не уважил, Кит Китыч? Кто смел?

Тит Титыч. Молчи, не твое дело! За мои же деньги да меня обругали! Меня выгнали! (*Топает ногой.*) Жив быть не хочу! Настасья!

Настасья Панкратьевна. Что прикажете, Кит Китыч?

Тит Титыч. Отыскать Захарыча сию минуту.

Настасья Панкратьевна. Да он тут где-то путается: я его в окно сейчас видела. *(Подходит к окну.)* Эй, Луша!

За сценой смех.

Что ты там с молодцами все играешь! Нет на вас времени!

Луша за сценой: «Я ничего-с. Чего изволите?»

Сыщи сейчас Захарыча да приведи сюда.

Тит Титыч. Чтоб я перенес такую обиду над собой! От дряни, от учителишки! Да что ж это за времена пришли! Нет, стой! Я сроду ни от кого обиды не видывал. Настасья! Смеет меня кто обидеть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите.

Тит Титыч. Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денег заплатил на своем веку.

Настасья Панкратьевна. Много, Кит Китыч, много.

Тит Титыч. Молчи! Они только тем и взяли, что я в чужой квартире был. А ты, поди-ка, здесь со мной потолкуй, так я тебя уконтентую по-своему.

Захар Захарыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Захар Захарыч.

Тит Титыч. Эй ты, Сахар Сахарыч, благодетель я тебе али нет?

Захар Захарыч. Благодетель, батюшка Тит Титыч.

Тит Титыч. Ты человек, внимания не стоющий, потерянный человек, а я тебя призрел. Не гнушаюсь тобой, к себе в дом пущаю.

Захар Захарыч кланяется.

Дочь твою пристроил... за межевого, за вольнопрактикующего. Уж не моя это вина, что он пьяница.

Захар Захарыч. Был вольнопрактикующий, а теперь праздношатающийся.

Тит Титыч. Все-таки я тебе благодетель. А ты отчего у меня давно не был?

Захар Захарыч. Нет никаких возможностей, Тит Титыч, терпенья никакого не хватает. Мальчишки очень одолевают. Как только к рынку подходишь, и откуда их нанесет, туча тучей, бегут, укают: у-у-у-у. Приказчики из лавок подсвищут: такой гам подымут, хоть сквозь землю провались.

Тит Титыч. А ты вечером ходи. Да не в том дело. Можешь ты такое прошение написать, чтобы в Сибирь сослать по этому прошению?

Захар Захарыч. Кого, Тит Титыч?

Тит Титыч. Троих человек. Тебе все равно, что одного, что троих?

Захар Захарыч. Все равно, Тит Титыч.

Тит Титыч. Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку их. Я так хочу.

Захар Захарыч. Что же писать прикажете?

Тит Титыч. А ты вот что пиши: что обидели такого-то купца, а с сына оного купца учитель, против всяких прав, взял расписку, чтобы жениться на его дочери. Вот тебе и расписка. Я никаких денег не пожалею, коли сделаешь. Можешь ты это сделать?

Захар Захарыч. Могу-с.

Тит Титыч. Ну, так садись и пиши при мне. Вон тебе чернила и бумага на столе.

Захар Захарыч садится за стол.

Да дай ему графин водки!.. Нет, не надо.

Захар Захарыч. Для воображения, Тит Титыч!

Тит Титыч. Нет, после, а то я тебя знаю. *(Жене.)* Ну, теперь ты мне сына подай. *(Захару Захарычу.)* А ты строчи!

Настасья Панкратьевна. Да его нету дома, Кит Китыч.

Тит Титыч. Настасья! Кто я?

Настасья Панкратьевна. Кит Китыч Брусков.

Тит Титыч. Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — закон!

Настасья Панкратьевна. Слушаю, Кит Китыч. *(Подходит к двери.)* Андрюша, Андрюша, поди, отец кличет.

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна, Захар Захарыч и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Ну, Андрей, что мне теперича с тобой делать?

Андрей Титыч. Что вам угодно-с, вся ваша воля.

Тит Титыч. Ты благодари бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мне давеча, я бы тебя изуродовал. Ты для чего скрываешься?

Андрей Титыч. Тятенька, можно с вами говорить откровенно?

Тит Титыч. Ты, что хочешь, говори, только дело, а то смотри!

Андрей Титыч. Я вам, тятенька, во всю жизнь свою ни в одном слове не перечил.

Тит Титыч. Еще бы ты смел!

Андрей Титыч. Конечно, я должен повиноваться своим родителям. А коли которую вы мне теперь невесту сватаете, да ежели она мне не нравится, что же должен я делать?.. На всю жизнь страждить? Ежели мне нравится другая?

Тит Титыч. Знаю, знаю.

Андрей Титыч. Почем же вы их знаете-с?

Тит Титыч. Сейчас сам был у них.

Андрей Титыч. А сами видели, так лучше всего-с. Истинно достойная девушка, можно чести приписать. Не то что...

Тит Титыч. Вот я тебе такое достоинство задам! Ты уж лучше меня не серди. Молчи, я тебе говорю. Вон, видишь, строчило пишет. Это вот прошение на них. *(Захару Захарычу.)* Пиши хорошенько! *(Сыну.)* Они с тебя, дурака, расписку взяли, а с меня за нее тысячу целковых вытребовали.

Андрей Титыч. Кто же это-с?

Тит Титыч. Все они же. И красавица твоя тут же. Так вас, дураков, и обманывают. А ты рот-то разинул, ты думаешь, тебя так, даром станут любить, на кра-

соту свою надеешься. Как же не так. Еще хорошо, что на тысяче помирились, а то заломили было три.

Андрей Титыч. Кому ж теперь на свете верить после этого! Истинная правда, тятенька, что нас кругом обманывают.

Тит Титыч. Вот для этого-то для самого я и хочу тебя женить, чтоб ты не баловался. Ну, теперь, что ты еще будешь разговаривать, я послушаю.

Андрей Титыч. Ничего не могу говорить против вас, потому сам кругом виноват-с.

Тит Титыч. Так-то вот лучше. Собирайся к невесте.

Иван Ксенофонтыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна, Захар Захарыч, Андрей Титыч и Иван Ксенофонтыч.

Иван Ксенофонтыч. Милостивый государь, извините, я ничего не знал...

Тит Титыч. А, теперь извините, за разум взялся! Нет, уж поздно. Видишь, вон пишет! Это прошение на вас с дочерью.

Иван Ксенофонтыч. Милостивый государь, ни я, ни дочь тут ни в чем не виноваты. Это, без нашего ведома, сделала глупая женщина... Мы живем смирно, мы никого не трогаем, мы занимаемся своим делом.

Тит Титыч. Знать ничего не хочу!

Андрей Титыч. Тятенька, что ж вы мне говорили? Вот она правда-то, наружу выходит.

Тит Титыч *(топнув)*. Молчи, не дыши!

Иван Ксенофонтыч. Вот ваши деньги, возьмите их.

Тит Титыч. Деньги! Ты деньги принес? Что за диковина такая! Деньги назад принес! Тут нет ли подвоху какого? Сахарыч, как ты думаешь, взять деньги али нет? Обману нет ли?

Захар Захарыч. Деньги возьмите, ничего.

Тит Титыч. Ну, давай деньги.

Иван Ксенофонтыч отдает.

Все ли? На, Андрей, сочти.

Иван Ксенофонтыч. Все, все. Не мучьте вы меня, не считайте.

Тит Титыч. Так тебе и поверить! Как же!

Андрей Титыч. Все-с.

Тит Титыч *(берет деньги)*. Ну, теперь ступай! А за обиду я с тобой разочтусь. Видишь, пишет.

Иван Ксенофонтыч. Отдайте мне расписку.

Тит Титыч. Какую это расписку? Что Андрей-то дал?

Иван Ксенофонтыч. Эту самую.

Тит Титыч. Что ты, очумел, что ли? Слышишь, Сахар Сахарыч, расписку просит.

Захар Захарыч. Как можно-с! Он ее представит, тогда хлопот-то не оберешься.

Тит Титыч. Ишь ты, что выдумал! Какую штуку гнет! Нет, брат, нас не надуешь! Мы тоже волки-то травленые! *(Смотрит на него.)* Ха-ха-ха-ха-ха!

Захар Захарыч *(тоже глядя на Ивана Ксенофонтыча)*. Ха-ха-ха-ха-ха!

Тит Титыч. Он, должно быть, для того и деньги-то принес, чтобы расписку выручить, а потом за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система.

Иван Ксенофонтыч *(потерявшись)*. Нет, я потому деньги принес, что нам чужих не надобно... мы живем бедно... мы живем своими трудами... мы смирно живем. Я вам еще денег принесу, сколько у меня есть... я достану, заработаю.

Тит Титыч. Ишь ты, как распевает. Ха-ха-ха!

Захар Захарыч. Ха-ха-ха!

Иван Ксенофонтыч *(бросается к Титу Титычу)*. Подай расписку, подай! Я у вас отниму ее, я вырву... мое дело правое... мы не виноваты...

Тит Титыч *(отстраняя его рукой)*. Тише, тише! Сахарыч! Ловкий народ, а? Ха-ха-ха!..

Захар Захарыч. Ха-ха-ха!

Иван Ксенофонтыч *(падая на колена)*. Отдайте, Христа ради, отдайте! Я ее изорву, при вас же изорву.

Андрей Титыч. Маменька, попросите. У меня сердце все изорвалось, да говорить-то я не смею.

Настасья Панкратьевна. Отдайте, Кит Китыч. Ведь он старичок, жалко старичка-то.

Тит Титыч. Ты молчи! Не твое дело... Аль отдать? Сахарыч, отдать?

Иван Ксенофонтыч. Отдайте, отдайте! Я не выду без этого! Как мне показать глаза дочери! Это сделала глупая хозяйка. Разве моя Лиза может? Она плачет теперь... Да что я говорю! Где я говорю об ней! Я с ума сойду!..

Захар Захарыч. Ни, ни, ни!..

Тит Титыч. А я говорю, что отдать. Ты молчи, не смей разговаривать! А то еще дело заводить, путаться. Как же, нужно очень!

Захар Захарыч. Что вам дела бояться! Ваше дело правое. Я за него возьмусь.

Тит Титыч. Да, тебе еще деньги платить! Нет! не надо! Подай расписку.

Захар Захарыч подает.

Ступай домой, прощай! Когда надо будет, пришлю. Улепетывай!

Захар Захарыч берет картуз и становится у дверей.

(Учителю.) Так ты говоришь, что вы не знали этого дела?

Иван Ксенофонтыч. Не знали, не знали.

Тит Титыч. Значит, это хозяйка обработала. Ну, бой-баба! Нá твою расписку. Я не в тебя. *(Подает расписку.)*

Иван Ксенофонтыч *(разрывает ее и с хохотом топчет ногами)*. Будьте вы прокляты! Как это вас земля-то терпит! Как эти стены не обвалятся на вас! Дочь моя! Сокровище мое! *(Убегает.)*

Тит Титыч. Что он говорит? Как он смеет? Держи его! Вот видишь ты, с какой сволочью связываешься. Подите все вон! А ты, Андрей, собирайся к невесте ехать.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Тит Титыч *(один; сидит довольно долго молча, потом ударяет кулаком по столу)*. Деньги и все это тлен, металл звенящий! Помрем — все останется.

Так тому и быть. Мое слово — закон. Жена, Андрей, подите сюда!

Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч входят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Андрей, я тебя отделяю; полтораста тысяч тебе серебром и живи, как знаешь.

Андрей Титыч. Тятенька...

Тит Титыч. Молчи! Не смей со мной разговаривать!

Настасья Панкратьевна. Как это можно, Кит Китыч! Он у нас еще ребенок совсем.

Тит Титыч. Не твое дело. Я мальчишкой из деревни привезен, на все четыре стороны без копейки пущен; а вот нажил себе капитал и других устроил. Хороший человек нигде не пропадет, а дурного и не жаль. Слушай ты, Андрей, вели заложить пару вороных в коляску, оденься хорошенько, возьми мать с собой да поезжай к учителю, проси, чтоб дочь отдал за тебя. Он человек хороший.

Андрей Титыч. Помилуйте, тятенька, он и прежде-то бы не отдал, а теперь мне и глаза показать нельзя.

Тит Титыч. Я тебе приказываю, слышишь! Проси, кланяйся в ноги. Он и постарше тебя, да кланялся. Как он смеет не отдать, когда я этого желаю! Я на приданое ей денег дам. Ступай! Небось, не откажется.

Андрей Титыч. Да они никаких денег не возьмут.

Тит Титыч. Молчи!

Настасья Панкратьевна. А как же, Кит Китыч, та-то невеста?

Тит Титыч. Вы со мной не смейте разговаривать! *(Идет к двери.)* Если он не отдаст за тебя,— ты лучше мне и на глаза не показывайся. *(Уходит.)*

Андрей Титыч. Что только за жизнь моя! *(Махнув рукой.)* Ах, маменька, поедемте! Уж знаю, что толку ничего не будет, одна мука.

Уходят.

Комедия
в пяти
действиях

ДОХОДНОЕ МЕСТО

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

АРИСТАРХ ВЛАДИМИРЫЧ ВЫШНЕВСКИЙ
одряхлевший старик, с признаками подагры.

АННА ПАВЛОВНА
жена его, молодая женщина.

ВАСИЛИЙ НИКОЛАИЧ ЖАДОВ
молодой человек, племянник его.

АКИМ АКИМЫЧ ЮСОВ
старый чиновник, служащий под начальством Вышневского.

ОНИСИМ ПАНФИЛЫЧ БЕЛОГУБОВ
молодой чиновник, подчиненный Юсову.

АНТОН
человек в доме Вышневского.

МАЛЬЧИК.

Большая зала в доме Вышневского, богато меблированная. Налево дверь в кабинет Вышневского, направо в комнаты Анны Павловны; по обе стороны на стенах по зеркалу и под ними столики; прямо входная дверь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Вышневский в байковом сюртуке и без парика и Вышневская в утреннем наряде. Выходят из половины Вышневской.

Вышневский. Какая неблагодарность! Какая злоба! *(Садится.)* Пять лет вы за мной замужем, и в пять лет я не могу ничем заслужить вашего расположения. Странно! Может быть, вы недовольны чем-нибудь?

Вышневская. Нисколько.

Вышневский. Я думаю. Не для вас ли я купил и отделал великолепно этот дом? Не для вас ли я выстроил в прошлом году дачу? Чего у вас мало? Я думаю, ни у одной купчихи нет столько бриллиантов, сколько у вас.

Вышневская. Благодарю вас. Впрочем, я ничего от вас не требовала.

Вышневский. Вы не требовали; но я должен был чем-нибудь вознаградить вас за разность в летах. Я ду-

мал найти в вас женщину, способную оценить жертвы, которые я вам принес. Я ведь не волшебник, я не могу строить мраморных палат одним жестом. На шелк, на золото, на соболь, на бархат, в который вы окутаны с головы до ног, нужны деньги; их нужно доставать. А они не всегда легко достаются.

Вышневская. Мне ничего не нужно. Я уж говорила вам не один раз об этом.

Вышневский. Но мне нужно же наконец покорить ваше сердце. Ваша холодность меня сводит с ума. Я страстный человек: из любви к женщине я способен на все! Я купил вам в нынешнем году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которые я ее купил... как бы вам это сказать?.. ну, одним словом, я рискнул более, нежели позволяло благоразумие. Я могу подлежать ответственности.

Вышневская. Ради бога, не делайте меня участницею ваших поступков, если они не совсем честны. Не оправдывайте их любовью ко мне. Я вас прошу. Для меня это невыносимо. Впрочем, я не верю вам. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно так же. Я даже перед своей совестью не хочу отвечать за ваше поведение.

Вышневский. Поведение! Поведение! Из любви к вам я готов даже на преступление. Чтобы только купить вашу любовь, я готов заплатить своим бесчестием. *(Встает и подходит к Вышневской.)*

Вышневская. Аристарх Владимирыч, я притворяться не могу.

Вышневский *(берет ее за руку)*. Притворитесь! притворитесь!

Вышневская *(отвернувшись)*. Никогда.

Вышневский. Но ведь я вас люблю!.. *(Дрожа, опускается на колена.)* Я вас люблю!

Вышневская. Аристарх Владимирыч, не унижайтесь! Вам одеваться пора. *(Звонит.)*

Вышневский поднимается. Входит Антон из кабинета.

Одеваться Аристарху Владимирычу.

Антон. Пожалуйте, готово-с. *(Уходит в кабинет.)*

Вышневский идет за ним.

Вышневский *(в дверях)*. Змея! змея! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вышневская одна, сидит несколько времени задумавшись. Входит мальчик, подает письмо и уходит.

Вышневская. От кого это? *(Распечатывает и читает.)* Вот еще мило! Любовное послание. И от кого же! Пожилой человек, жена красавица. Мерзко! Оскорбительно! Что делать женщине в таком случае? И какие пошлости написаны! Какие глупые нежности! Послать его назад? Нет, лучше показать его кой-кому из знакомых да посмеяться вместе, все-таки развлечение... фу, как гадко! *(Уходит.)*

Антон выходит из кабинета и становится у двери, входит Юсов, потом Белогубов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Антон, Юсов и Белогубов.

Юсов *(с портфелем)*. Доложи-ка, Антоша.

Антон уходит. Юсов поправляется перед зеркалом.

Антон *(в дверях)*. Пожалуйте.

Юсов уходит.

Белогубов *(входит, вынимает из кармана гребенку и причесывается)*. Что, Аким Акимыч здесь-с?

Антон. Сейчас прошли в кабинет.

Белогубов. А сами-то как сегодня? Ласковы-с?

Антон. Не знаю. *(Уходит.)*

Белогубов стоит у стола подле зеркала.

Юсов *(выходя, заметно важничает)*. А, ты здесь.

Белогубов. Здесь-с.

Юсов *(просматривая бумагу)*. Белогубов!

Белогубов. Чего изволите-с?

Юсов. Вот, братец ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

Белогубов. Мне приказали переписать-с?

Юсов *(садясь)*. Тебе. У него, сказали, почерк хорош.

Белогубов. Мне очень приятно слышать-с.

Юсов. Так ты слушай, братец: ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать...

Белогубов. Я ведь, Аким Акимыч, понимаю-с. Каллиграфически напишу-с, всю ночь просижу.

Юсов *(вздыхает)*. Охо-хо-хо! охо-хо-хо!

Белогубов. Мне, Аким Акимыч, только бы обратили внимание.

Юсов *(строго)*. Что ты, шутишь этим, что ли?

Белогубов. Как можно-с!..

Юсов. Обратили внимание... Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего он еще желать может?

Белогубов. Да-с.

Юсов. Обратили на тебя внимание, ну, ты и человек, дышишь; а не обратили,— что ты?

Белогубов. Ну, что уж-с.

Юсов. Червь!

Белогубов. Я, кажется, Аким Акимыч, стараюсь-с.

Юсов. Ты? *(Смотрит на него.)* Ты у меня на хорошем замечании.

Белогубов. Я, Аким Акимыч, даже в пище себе отказываю, чтоб быть чисто одетым-с. Чисто одетый чиновник ведь всегда на виду у начальства-с. Вот извольте посмотреть, как талия... *(Поворачивается.)*

Юсов. Постой. *(Оглядывает его и нюхает табак.)* Талия хорошо... Да еще, Белогубов, смотри, пограмотней.

Белогубов. Вот правописание-то я, Аким Акимыч, плохо-с... Так что, поверите ли, самому обидно.

Юсов. Эка важность, правописание! Не все вдруг, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потом уж с этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

Белогубов. Уж попрошу кого-нибудь-с поправить, а то все Жадов смеется-с.

Юсов. Кто?

Белогубов. Жадов-с.

Юсов *(строго)*. Да сам-то он что такое? Что за птица? Еще смеется!

Белогубов. Как же-с, ведь надо показать, что ученый-с.

Юсов. Тьфу! Вот он что.

Белогубов. Я даже никак не могу определить его, Аким Акимыч, что он за человек-с.

Юсов. Ничтожество!..

Молчание.

Сейчас я там был *(показывая на кабинет)*, так говорили *(тихо)*: не знаю, что с племянником делать! Пойми из этого.

Белогубов. А ведь как о себе-то много мечтает-с.

Юсов. Высоко летает, да где-то сядет! Уж чего лучше: жил здесь на всем на готовом. Что ж ты думаешь, благодарность он чувствовал какую-нибудь? Уважение от него видели? Как же не так! — Грубость, вольнодумство... Ведь хоть и родственник ему, а все-таки особа... кто же станет переносить? Ну, вот ему и сказали, другу милому: поди-ка поживи своим разумом, на десять целковых в месяц, авось поумнее будешь.

Белогубов. Вот глупость-то до чего доводит-с, Аким Акимыч! Кажется, то есть... Господи... этакое счастье! Поминутно должен бога благодарить. Ведь так я говорю, Аким Акимыч, должен он бога благодарить-с?

Юсов. Еще бы!

Белогубов. Сам от своего счастья бегает. Чего ему еще нужно-с! Чин имеет, в родстве с таким человеком, содержание имел готовое; кабы захотел, мог бы место иметь хорошее, с большим доходом-с. Ведь Аристарх Владимирыч ему не отказали бы!

Юсов. Ну, вот поди же!

Белогубов. Мое мнение такое, Аким Акимыч, что другой человек, с чувством, на его месте стал бы сапоги чистить Аристарху Владимирычу, а он еще огорчает такого человека.

Юсов. Все гордость да рассуждение.

Белогубов. Какое же рассуждение! Об чем мы можем рассуждать? Я, Аким Акимыч, никогда...

Юсов. Еще бы ты-то!

Белогубов. Я никогда-с... потому это ни к чему не ведет к хорошему, окромя неприятности.

Юсов. Как же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что в университете был.

Белогубов. Какая же польза от ученья, когда в человеке нет страху... никакого трепету перед начальством?

Юсов. Чего?

Белогубов. Трепету-с.

Юсов. Ну, да.

Белогубов. Меня бы, Аким Акимыч, столоначальником-с.

Юсов. У тебя губа-то не дура.

Белогубов. Я ведь больше потому-с, что у меня те-

перь невеста есть-с. Барышня и отлично образованная-с. Только без места нельзя-с, кто ж отдаст.

Ю с о в. Что ж не покажешь?

Б е л о г у б о в. Первым долгом-с... хоть нынче же... как вместо родственника-с.

Ю с о в. А об месте я доложу. Мы подумаем.

Б е л о г у б о в. Мне бы уж это место на всю жизнь-с. Я хоть подписку дам, потому выше я не могу-с. Мне не по способностям.

Входит Ж а д о в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и Ж а д о в.

Ж а д о в. Что, дядюшка занят?

Ю с о в. Занят.

Ж а д о в. Ах, жалко! Мне бы очень нужно его видеть.

Ю с о в. Можно и подождать, у них дела-то поважней ваших.

Ж а д о в. Почем вы знаете мои дела?

Ю с о в *(смотрит на него и смеется)*. Какие у вас дела! Так, вздор какой-нибудь.

Ж а д о в. С вами лучше не говорить, Аким Акимыч; вы всегда на грубость напрашиваетесь. *(Отходит и садится на авансцене.)*

Ю с о в *(Белогубову)*. Каков?

Б е л о г у б о в *(громко)*. Не стоит внимания разговаривать-то! Только вам, на старости лет, себя беспокоить. Прощайте-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ж а д о в и Ю с о в.

Ю с о в *(про себя)*. Ха, ха, ха! Жили, жили, да, слава богу, дожили! Мальчишки стали нос подымать.

Ж а д о в *(оглядывается)*. Что вы там ворчите?

Ю с о в *(продолжает)*. Делать, что приказано, мы не любим, а рассуждать — вот наше дело. Как можно нам в канцелярии сидеть! Нас бы всех министрами сделать! Ну, что ж делать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали ваших талантов. Сделаем министрами, непременно сделаем... погодите немножко... завтра же.

Ж а д о в *(про себя)*. Надоел!

Ю с о в. Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совести. У другого еще и губы не обсохли, а уж амбицию показывает. Кто я! Не тронь меня!

Входит А н т о н.

А н т о н *(Юсову)*. Пожалуйте к барину.

Ю с о в уходит в кабинет.

Ж а д о в. Скажи Анне Павловне, что я хочу их видеть.

А н т о н. Слушаю-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ж а д о в *(один)*. Что этот старый хрыч разворчался! Что я ему сделал! Университетских, говорит, терпеть не могу. Да разве я виноват? Вот и служи под этаким начальством. А впрочем, что же он мне сделает, коли я буду себя вести хорошо? А вот как вакансия откроется, так, пожалуй, местом и обойдут. От них станется.

В ы ш н е в с к а я входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ж а д о в и В ы ш н е в с к а я.

В ы ш н е в с к а я. Здравствуйте, Василий Николаич!

Ж а д о в. Ах, тетенька, здравствуйте! *(Целует у ней руку.)* Я вам новость скажу.

В ы ш н е в с к а я. Садитесь.

Садятся.

Что за новость?

Ж а д о в. Я жениться хочу.

В ы ш н е в с к а я. Не рано ли?

Ж а д о в. Влюблен, тетушка, влюблен. И какая девушка-то! Совершенство!

В ы ш н е в с к а я. А богата она?

Ж а д о в. Нет, тетушка, у ней ничего нет.

В ы ш н е в с к а я. Чем же вы жить-то будете?

Ж а д о в. А голова-то, а руки-то на что? Неужели мне весь век жить на чужой счет? Конечно, другой был бы рад, благо случай есть, а я не могу. Уж не говоря про то, что для этого я должен, из угождения дяде,

противоречить собственным убеждениям. А кто ж будет работать-то? Зачем же нас учили-то? Дядя советует прежде нажить денег, каким бы то ни было образом, купить дом, завесть лошадей, а потом уж завести и жену. Могу ли я согласиться с ним? Я полюбил девушку, как любят только в мои лета. Неужели я должен отказаться от счастия оттого только, что она не имеет состояния?

Вышневская. Страдают не от одной бедности, страдают и от богатства.

Жадов. Помните наши разговоры с дядей? Что ни скажешь, бывало, против взяток или вообще против всякой неправды, у него один ответ: поди-ка, поживи, не то заговоришь. Ну, вот я и хочу пожить, да еще не один, а с молодой женою.

Вышневская *(вздыхая)*. Да, позавидуешь женщинам, которых любят такие люди, как вы.

Жадов *(целуя руку)*. Уж как я буду трудиться, тетушка! Большего, вероятно, жена от меня не потребует. А если и случится даже некоторое время перенести нужду, так, вероятно, Полина, из любви ко мне, не покажет и виду неудовольствия. Но, во всяком случае, как бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже миллионной доли тех убеждений, которыми я обязан воспитанию.

Вышневская. За вас-то можно поручиться; но ваша жена... молодая женщина! Ей трудно будет перенести какой бы то ни было недостаток. У нас очень дурно воспитывают девушек. Вы, молодые люди, представляете нас ангелами, а поверьте, Василий Николаич, что мы хуже мужчин. Мы корыстнее, пристрастнее. Что делать! нужно признаться: в нас чувства чести и строгой справедливости гораздо меньше. Что еще в нас нехорошо, так это — недостаток деликатности. Женщина способна упрекнуть, что редкий развитой мужчина себе позволит. Самые обидные колкости нередки между короткими приятельницами. Иногда глупый попрек женщины тяжелее всякой обиды.

Жадов. Это правда. Но я сам буду ее воспитывать. Она еще совсем ребенок, из нее еще можно сделать все. Только надобно ее поскорей вырвать из семейства, пока не успели ее испортить пошлым воспитанием. А как сделают ее барышней в полном смысле этого слова, тогда уж поздно.

Вышневская. Не смею сомневаться и не хочу вас разочаровывать. Было бы неблагородно с моей стороны охлаждать вас на первых порах. Давайте больше воли вашему сердцу, пока оно еще не зачерствело. Не бойтесь бедности. Бог вас благословит. Поверьте, что никто так не желает вам счастья, как я.

Жадов. Я всегда был в этом уверен, тетушка.

Вышневская. Одно меня беспокоит: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себе врагов.

Жадов. Да, мне все говорят, что я нетерпим, что от этого я много теряю. Да разве нетерпимость недостаток? Разве лучше равнодушно смотреть на Юсовых, Белогубовых и на все мерзости, которые постоянно кругом тебя делаются? От равнодушия недалеко до порока. Кому порок не гадок, тот сам понемногу втянется.

Вышневская. Я не называю нетерпимость недостатком, только знаю по опыту, как она неудобна в жизни. Я видала примеры... когда-нибудь вы узнаете...

Жадов. Как вы думаете, откажет мне дядюшка или нет? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мне бы теперь очень кстати.

Вышневская. Не знаю. Попросите.

Входит Вышневский во фраке и парике, за ним Юсов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Вышневский и Юсов.

Вышневский *(Жадову)*. А, здравствуй! *(Садится.)* Садись! Садись, Аким Акимыч! Ты все ленишься, на службу редко ходишь.

Жадов. Делать нечего. Не дают дела.

Юсов. Мало ли дела у нас!

Жадов. Переписывать-то? Нет уж, я слуга покорный! На это у вас есть чиновники способнее меня.

Вышневский. Ты все еще не уходился, мой милый! Все проповеди читаешь. (*К жене.*) Представьте: читает в канцелярии писарям мораль, а те, натурально, ничего не понимают, сидят, разиня рот, выпуча глаза. Смешно, любезный!

Жадов. Как я буду молчать, когда на каждом шагу вижу мерзости? Я еще не потерял веру в человека, я думаю, что мои слова произведут на них действие.

Вышневский. Они уж и произвели: ты стал посмешищем всей канцелярии. Ты уж достиг своей цели, успел сделать так, что все с улыбкой переглядываются и перешептываются, когда ты входишь, и распространяется общий хохот, когда ты уйдешь.

Юсов. Да-с.

Жадов. Однако что же смешного в моих словах?

Вышневский. Все, мой друг. Начиная от излишнего, нарушающего приличия увлечения, до ребяческих, непрактических выводов. Поверь, что каждый писец лучше тебя знает жизнь; знает по собственному опыту, что лучше быть сытым, чем голодным философом, и твои слова, естественно, кажутся им глупыми.

Жадов. А мне кажется, что они знают только то, что взяточником быть выгоднее, нежели честным человеком.

Юсов. Гм, гм...

Вышневский. Глупо, мой милый! И дерзко, и глупо.

Жадов. Позвольте, дядюшка! Для чего же нас учили, для чего же в нас развивали такие понятия, которых нельзя выговорить вслух без того, чтобы вы не обвинили в глупости или дерзости?

Вышневский. Не знаю, кто вас там и чему учил. Мне кажется, что лучше учить делать дело и уважать старших, чем болтать вздор.

Юсов. Да-с, гораздо бы лучше.

Жадов. Извольте, я буду молчать; но расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни.

Вышневский. Да, на чердаке, за куском черного хлеба. Славное утешение! С голоду восхвалять свою добродетель и ругать товарищей и начальников за то, что они умели устроить свою жизнь и живут в довольстве, семейно и счастливо. Прекрасно! Тут и зависть пособит.

Жадов. Боже мой!

Вышневская. Это жестоко.

Вышневский. Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорил что-нибудь новое. Всегда это было и всегда будет. Человек, который не умел или не успел нажить себе состояние, всегда будет завидовать человеку с состоянием — это в натуре человека. Оправ-

дать зависть тоже легко. Завидующие люди обыкновенно говорят: я не хочу богатства; я беден, но благороден.

Юсов. Медоточивые уста!

Вышневский. Благородная бедность хороша только на театре. А попробуй-ка перенести ее в жизни. Это, мой друг, не так легко и приятно, как нам кажется. Ты же привык слушаться только самого себя, пожалуй, еще женишься. Что тогда будет? Вот любопытно!

Жадов. Да, дядюшка, я женюсь и хотел об этом поговорить с вами.

Вышневский. И, вероятно, по любви, на бедной девушке, а еще, пожалуй, и на дуре, которая об жизни имеет столько же понятия, сколько и ты; но уж, наверно, она образована и поет под расстроенные фортепьяно: «с милым рай и в шалаше».

Жадов. Да, она бедная девушка.

Вышневский. И прекрасно.

Юсов. Для размножения нищих-с...

Жадов. Аким Акимыч, не оскорбляйте меня. Я вам не давал на это никакого права. Дядюшка, брак дело великое, и я думаю, что каждый в этом деле должен следовать собственному внушению.

Вышневский. Сделай милость, тебе никто и не мешает. Только подумал ли ты вот об чем? Ты, конечно, любишь свою невесту?

Жадов. Разумеется, люблю.

Вышневский. Что же ты готовишь для нее, какие радости в жизни? Нищету, всевозможные лишения. По моему мнению, кто любит женщину, тот старается усыпать путь ее, так сказать, всеми наслаждениями.

Юсов. Да-с.

Вышневский. Вместо шляпок там и разных мод, которые женщины считают необходимыми, ты будешь ей читать лекции о добродетели. Она, конечно, из любви тебя выслушает, а шляпок и салопов у нее все-таки не будет.

Вышневская. В его лета еще любовь не покупают.

Жадов. Тетушка говорит правду.

Вышневский. Я согласен, покупать любовь тебе нет надобности; но вознаградить ее, отплатить за любовь обязан всякий, иначе самая бескорыстная любовь остынет. Пойдут попреки, сетованья на судьбу. Не знаю, каково будет тебе переносить,

когда жена поминутно будет раскаиваться вслух, что, по неопытности, связала свою судьбу с нищим. Одним словом, ты *обязан* составить счастие женщины, которую ты любишь. А без богатства или, по крайней мере, довольства нет счастия для женщины. Ты, может быть, по своему обыкновению, станешь мне противоречить; так я тебе докажу, что это правда. Оглянись вокруг себя: какая умная девушка задумается выйти замуж за богатого старика или урода? Какая мать усумнится выдать дочь таким образом, даже против ее воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество, и благодаря бога, что он послал ее Машеньке или Аннушке такое счастье. Каждая мать наперед уверена, что дочь после будет благодарить ее. Да и для собственного спокойствия, которое тоже чего-нибудь стоит, муж должен обеспечить жену совершенно в материальном отношении; тогда даже... даже если жена и не совсем счастлива, так не имеет права... не смеет жаловаться. *(С жаром.)* Женщине, взятой из бедности и окруженной попечениями и роскошью, кто же поверит, что она несчастлива? Спроси у жены, правду ли я говорю.

Вышневская. Ваши слова так умны и убедительны, что могут обойтись и без моего согласия. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же без Вышневской.

Жадов. Не все же женщины таковы, как вы говорите.

Вышневский. Почти все. Есть, конечно, исключения; но мудрено, чтоб на твою долю выпало это исключение. Для этого надобно пожить, поискать, а не влюбляться, как ты, в первую встречную. Послушай, я с тобой буду говорить, как родственник, потому что мне жаль тебя. Что ты, в самом деле, о себе думаешь? Как ты будешь жить с женой без средств?

Жадов. Я буду жить трудом. Я надеюсь, что спокойствие совести может заменить для меня земные блага.

Вышневский. Труда твоего мало будет для поддержки семейства. Места хорошего ты не получишь, потому что ты с своим глупым характером не сумеешь ни одного начальника расположить в свою пользу, а скорее вооружишь. Спокойствие совести

тоже не спасет тебя от голоду. Вот видишь, мой друг, в обществе заметно распространяется роскошь, а ваши спартанские добродетели не живут вместе с роскошью. Мне твоя мать поручила заботиться о тебе, и я обязан для тебя сделать все, что могу. Вот что я тебе советую в последний раз: укроти немного свой характер, брось завиральные идеи, брось, глупо ведь, служи, как служат все порядочные люди, то есть гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебе помочь и советом, и деньгами, и протекцией. Ты уж не маленький,— жениться сбираешься.

Жадов. Никогда!

Вышневский. Как это громко — «никогда!» и как это глупо вместе с тем! Я так думаю, что ты возьмешься за ум; я довольно видел таких примеров, только, смотри, не опоздай. Теперь у тебя есть случай и покровительство, а тогда может не быть: ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдут вперед, трудно будет тебе начинать опять сначала. Я говорю тебе как чиновник чиновнику.

Жадов. Никогда, никогда.

Вышневский. Ну, так живи как знаешь, без поддержки. На меня уж не надейся. Мне надоело и говорить-то с тобой.

Жадов. Боже мой! Поддержка будет для меня в общественном мнении.

Вышневский. Да, дожидайся! У нас общественного мнения нет, мой друг, и быть не может, в том смысле, в каком ты понимаешь. Вот тебе общественное мнение: не пойман — не вор. Какое дело обществу, на какие доходы ты живешь, лишь бы ты жил прилично и вел себя, как следует порядочному человеку. Ну, а если ты будешь ходить без сапог и читать всем мораль, так уж извини, если тебя не примут в порядочных домах и будут говорить о тебе как о пустом и даже о вредном человеке. Я служил в губернских городах: там короче знают друг друга, чем в столицах; знают, что каждый имеет, чем живет, следовательно, легче может составиться общественное мнение. Нет, люди — везде люди. И там смеялись при мне над одним чиновником, который жил только на жалованье с большой семьей, и говорили по городу, что он сам себе шьет сюртуки; и там весь город уважал первейшего взяточника за

то, что он жил открыто и у него по два раза в неделю бывали вечера.

Жадов. Неужели это правда?

Вышневский. Поживи, так узнаешь. Пойдем, Аким Акимыч. *(Встает.)*

Жадов. Дядюшка!

Вышневский. Что такое?

Жадов. Я получаю очень мало жалованья, мне нечем жить. Теперь есть ваканция,— позвольте мне занять ее, я женюсь...

Вышневский. Гм... Для этого места нужно мне не женатого, а способного человека... Я не могу, по совести, дать тебе больше жалованья: во-первых, ты его не стоишь, а во-вторых — ты мой родственник, сочтут лицеприятием.

Жадов. Как вам угодно. Буду жить на те средства, какие имею.

Вышневский. Да вот еще, мой милый! скажу тебе, один раз навсегда: мне твой разговор не нравится, выраженья твои резки и непочтительны, и я не вижу никакой надобности для тебя расстроиваться. Не думай, чтобы я считал твои мнения оскорбительными — это слишком много чести для тебя, я просто считаю их глупыми. И потому все мои отношения к тебе, кроме начальнических, ты можешь считать совершенно конченными.

Жадов. Так я перейду лучше в другое место.

Вышневский. Сделай милость. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Жадов и Юсов.

Юсов *(глядя ему в глаза)*. Ха, ха, ха, ха...

Жадов. Чему вы смеетесь?

Юсов. Ха, ха, ха... Да как же не смеяться-то? С кем вы спорите? ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

Жадов. Что же тут смешного?

Юсов. Что ж, дядюшка-то глупее вас? А, глупее? Меньше вас понимает в жизни? Да ведь это курам насмех. Ведь этак вы когда-нибудь уморите со смеху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жадов. Вы этого, Аким Акимыч, не понимаете.

Юсов. Понимать-то тут нечего. Хоть тысячу человек приведите, все бы померли со смеху, глядя на вас.

Этого человека вам бы слушать надобно было разиня рот, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Ведь это комедия, ей-богу комедия, ха, ха, ха... Вот вас дядюшка-то и отделали, хе, хе, хе, да еще мало. То ли бы следовало. Будь я на его месте... *(Делает строгую гримасу и уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Жадов *(один, подумав)*. Да, разговаривайте! Не верю я вам. Не верю и тому, чтобы честным трудом не мог образованный человек обеспечить себя с семейством. Не хочу верить и тому, что общество так развратно! Это обыкновенная манера стариков разочаровывать молодых людей: представлять им все в черном свете. Людям старого века завидно, что мы так весело и с такой надеждой смотрим на жизнь. А, дядюшка! я вас понимаю. Вы теперь всего достигли — и знатности, и денег, вам некому завидовать. Вы завидуете только нам, людям с чистой совестью, с душевным спокойствием. Этого вы не купите ни за какие деньги. Рассказывайте, что хотите, а я все-таки женюсь и буду жить счастливо. *(Уходит.)*

Вышневский и Юсов выходят из кабинета.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Юсов и Вышневский.

Вышневский. На ком он женится?

Юсов. На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежского асессора.

Вышневский. Ты знаком с ней?

Юсов. Так-с, с мужем был знаком. Белогубов на другой сестре жениться хочет.

Вышневский. Ну, Белогубов другое дело. Во всяком случае, ты к ней съезди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. *(Кивает головой и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Юсов *(один)*. Что это за время такое! Что теперь на свете делается, глазам своим не поверишь! Как жить

на свете! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговаривает-то? Кто спорит-то? Так, ничтожество! Дунул на него, фу! *(дует)* вот и нет человека. Да еще с кем спорит-то! — С гением. Аристарх Владимирыч гений... гений, Наполеон. Ума необъятного, быстрота, смелость в делах. Одного недостает: в законе не совсем тверд, из другого ведомства. Кабы Аристарх Владимирыч, при его уме, да знал законы и все порядки так, как его предшественник, ну, и конец... конец... и разговаривать нечего. Поезжай за ним, как по железной дороге. Так ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякие угодья, и дома, и деревни с пустошами... Дух захватывает! *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ФЕЛИСАТА ГЕРАСИМОВНА КУКУШКИНА
вдова коллежского асессора.

ЮЛИНЬКА } *ее дочери.*
ПОЛИНА }

АКИМ АКИМЫЧ ЮСОВ.

ВАСИЛИЙ НИКОЛАИЧ ЖАДОВ.

ОНИСИМ ПАНФИЛЫЧ БЕЛОГУБОВ.

СТЕША
горничная девушка.

Комната в доме Кукушкиной: обыкновенная гостиная в небогатых домах; посередине дверь и налево дверь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Юлинька, Полина стоят перед зеркалом и Стеша со щеткой и крылом в руках.

Стеша. Ну вот, мои барышни и готовы. Хоть сейчас женихи наезжайте, как на выставку выставлены, первый сорт. Такой форс покажем — в нос бросится. Генералу какому не стыдно показать!

Полина. Ну, Юлинька, по местам; сядем, как умные

барышни сидят. Сейчас маменька будет нам смотр делать. Товар лицом продает.

Стеша *(стирая пыль)*. Да уж как ни смотри, все в порядке, все на своем месте, все подшпилено да подколоно.

Юлинька. Она у нас такой ревизор,— что-нибудь отыщет.

Садятся.

Стеша *(останавливается посереди комнаты)*. Уж и в самом деле, барышни, вам от нее житья нет вовсе. Муштрует, муштрует, как солдат на ученьи. Все на вытяжке да на вытяжке,— только что ноги поднимать не заставляет. А уж надо мной-то, барышни, измывается, измывается — одной только чистотой одолела. *(Стирает пыль.)*

Юлинька. Нравится тебе твой жених, Василий Николаич?

Полина. Ах, просто душка! А тебе твой Белогубов?

Юлинька. Нет, дрянь ужасная!

Полина. Зачем же ты маменьке не скажешь?

Юлинька. Вот еще! Сохрани господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только бы из дому-то вырваться.

Полина. Да, правда твоя! Не попадись и мне Василий Николаич, кажется, рада бы первому встречному на шею броситься: хоть бы плохенький какой, только бы из беды выручил, из дому взял. *(Смеется.)*

Стеша *(нагибаясь под диван)*. Уж истинно мука мученическая. Вот уж правду, барышня, говорите.

Полина. Другие девушки плачут, Юлинька, как замуж идут: как же это с домом расстаться! Каждый уголок оплачут. А мы с тобой — хоть за тридевять земель сейчас, хоть бы какой змей-горыныч унес. *(Смеется.)*

Стеша. Вот, не сотри я здесь,— так будет на орехи. А кто тут увидит, кому нужно! *(Стирает под зеркалом.)*

Юлинька. Ты счастлива, Полина; тебе все смешно; а я так серьезно начинаю подумывать о замужестве. Выйти замуж нехитро — эта наука нам известна; надобно подумать и о том, как будешь жить замужем.

Полина. А об чем тут думать? Уж верно не будет хуже, чем дома.

Юлинька. Не хуже! Этого мало. Надобно, чтоб лучше было. Уж коли выйти замуж, так чтобы быть дамой, как следует барыней.

Полина. Оно бы очень хорошо, уж чего лучше, да только как это сделать? Ты ведь у нас умница: научи!

Юлинька. Надобно замечать из разговора, у кого что есть, кто на что надеется. Коли теперь нет, так в виду чего не имеет ли. Уж сейчас из слов видно, кто какой человек. Твой Жадов что говорит с тобой, как вы одни остаетесь?

Полина. Ну уж, Юлинька, вот хоть сейчас голову на отсечение, ничего не понимаю, что он говорит. Сожмет руку так крепко и начнет говорить, и начнет... чему-то меня учить хочет.

Юлинька. Чему же?

Полина. Уж, право, Юлинька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, может быть, вспомню, только как бы не засмеяться, слова такие смешные! Постой, постой, вспомнила! *(Передражнивая.)* «Какое назначение женщины в обществе?» Про какие-то еще гражданские добродетели говорил. Я уж и не знаю, что это такое. Нас ведь этому не учили?

Юлинька. Нет, не учили.

Полина. Он, должно быть, это в тех книгах читал, которые нам не давали. Помнишь... в пансионе? Да мы, правда, никаких не читали.

Юлинька. Есть об чем жалеть! и без них тоска смертная! Вот бы на гулянье или в театр — другое дело.

Полина. Да, сестрица, да.

Юлинька. Ну, Полина, признаться сказать, на твоего надежды мало. Нет, мой не таков.

Полина. Какой же твой?

Юлинька. Мой Белогубов хоть и противен немного, а надежды подает большие. «Вы, говорит, полюбите меня-с. Теперь еще мне жениться не время-с, а вот как столоначальником сделают, тогда женюсь». Я у него спрашивала, что такое столоначальник. «Это, говорит, первый сорт-с». Должно быть, что-нибудь хорошее. «Я, говорит, хоть и необразованный человек, да у меня много дел с купцами-с: так я вам буду из городу шелковые и всякие

разные материи возить, и насчет провианту все будет-с». Что ж? Это очень хорошо, Полина, пускай возит. Тут и думать нечего, за такого человека надо идти.

П о л и н а. А у моего, должно быть, нет знакомых купцов, он мне об этом ничего не говорил. Ну, как он мне не станет привозить ничего?

Ю л и н ь к а. Нет, должно быть, и у твоего есть. Ведь он служащий, а служащим всем дарят, кому что нужно. Кому материи разные, коли женатый; а коли холостой — сукна, трико; у кого лошади — тому овса или сена, а то так и деньгами. Прошлый раз Белогубов был в жилетке, помнишь, такая пестрая, это ему купец подарил. Он мне сам сказывал.

П о л и н а. Все-таки надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые купцы.

Входит К у к у ш к и н а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и К у к у ш к и н а.

К у к у ш к и н а. Как себя не похвалить! У меня чистота, у меня порядок, у меня все в струне! *(Садится.)* А это что? *(Указывает горничной под диван.)*

С т е ш а. Да помилуйте, сил моих не хватает, всю поясницу разломило.

К у к у ш к и н а. Как ты смеешь, мерзкая, так разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядок, у меня по ниточке ходи. За деньги ты моя раба.

Г о р н и ч н а я подметает и уходит.

Юлинька!

Юлинька встает.

Я с вами хочу говорить.

Ю л и н ь к а. Что вам угодно, маменька?

К у к у ш к и н а. Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нет.

Ю л и н ь к а. Знаю, маменька.

К у к у ш к и н а. Пора знать, сударыня! Доходов у меня нет ниоткуда, одна пенсия. Своди концы с концами, как знаешь. Я себе во всем отказываю. Поворачиваюсь, как вор на ярмарке, а я еще сама не старая женщина, могу партию найти. Понимаете вы это?

Ю л и н ь к а. Понимаю-с.

К у к у ш к и н а. Я вам делаю модные платья и разные безделушки, а для себя перекрашиваю да перекраиваю из старого. Не думаете ли вы, что я наряжаю вас для вашего удовольствия, для франтовства? Так ошибаетесь. Все это делается для того, чтобы выдать вас замуж, с рук сбыть. По моему состоянию, я вас могла бы только в ситцевых да в затрапезных платьях водить. Если не хотите или не умеете себе найти жениха, так и будет. Я для вас обрывать да обрезывать себя понапрасну не намерена.

П о л и н а. Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, в чем дело.

К у к у ш к и н а. Ты молчи! не с тобой говорят. Тебе за глупость бог счастье дал, так ты и молчи. Как бы не дурак этот Жадов, так бы тебе век горе мыкать, в девках сидеть за твое легкомыслие. Кто из умных-то тебя возьмет? Кому надо? Хвастаться тебе нечем, тут твоего ума ни на волос не было: уж нельзя сказать, что ты его приворожила,— сам набежал, сам в петлю лезет, никто его не тянул. А Юлинька девушка умная, должна своим умом себе счастье составить. Позвольте узнать, будет от вашего Белогубова толк или нет?

Ю л и н ь к а. Я, маменька, не знаю.

К у к у ш к и н а. Кто же знает? Вам известно, сударыня, что я посторонних молодых людей в дом не принимаю. Я принимаю только женихов или тех, которые могут быть женихами. У меня, коли маломальски похож на жениха, милости просим, дом открыт, а как завилял хвостом, так и поворот от ворот. Нам таких не надобно. Я свою репутацию берегу, да и вашу также.

Ю л и н ь к а. Что же, маменька, мне делать?

К у к у ш к и н а. Делать то, что приказано. Вы помните одно, что вам в девках оставаться нельзя. Вы должны будете в кухне жить.

Ю л и н ь к а. Я, маменька, делала все, что вы приказали.

Кукушкина. Что же вы делали? Извольте говорить, я буду слушать вас.

Юлинька. Когда он пришел к нам во второй раз, помните, еще вы его почти насильно привели, я сделала ему глазки.

Кукушкина. Ну, а он что?

Юлинька. А он как-то странно сжимал губы, облизывался. Мне кажется, он так глуп, что ничего не понял. Нынче всякий гимназист ловчее его.

Кукушкина. Уж я там ваших наук не знаю, а вижу, что он почтителен, и есть в нем этакое какое-то приятное искательство к начальству. Значит, он пойдет далеко. Я это сразу поняла.

Юлинька. Когда он был у нас в третий раз, помните, в пятницу, я ему стихи читала любовные; он тоже, кажется, ничего не понял. А уж в четвертый раз я ему записку написала.

Кукушкина. Что же он?

Юлинька. Он пришел и говорит: «мое сердце никогда от вас не отвращалось, а всегда было, есть и будет».

Полина хохочет.

Кукушкина *(грозя ей пальцем)*. Что же дальше?

Юлинька. Говорит: «как только получу место столоначальника, так буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей».

Кукушкина. А скоро он получит?

Юлинька. Говорит, что скоро.

Кукушкина. Поди, Юлинька, поцелуй меня. *(Целует ее.)* Выйти замуж, мой друг, для девушки великое дело. Вы это после поймете. Я ведь мать, и мать строгая; с женихом, что хочешь, делай, я сквозь пальцы буду смотреть, я молчу, мой друг, молчу; а уж с посторонним, нет, шалишь, не позволю. Поди, Юлинька, сядь на свое место.

Юлинька садится.

А выйдете, дети, замуж, вот вам мой совет: мужьям потачки не давайте, так их поминутно и точите, чтоб деньги добывали; а то обленятся, потом сами плакать будете. Много бы надо было наставлений сделать; но вам теперь, девушкам, еще всего сказать нельзя; а коли случится что, приезжайте прямо ко мне, у меня всегда для вас прием, никогда запрету нет.

Все средства я знаю и всякий совет могу дать, даже и по докторской части.

Полина. Маменька, кто-то приехал.

Юлинька *(взглянув в окно)*. Белогубов с каким-то стариком.

Кукушкина. Садитесь по местам. Юлинька, спусти немного мантилью с правого плеча.

Юсов и Белогубов входят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Юсов и Белогубов.

Белогубов. Здравствуйте-с, Фелисата Герасимовна! *(К барышням.)* Здравствуйте-с. *(Показывая на Юсова.)* Вот-с они желали-с... Это-с мой начальник и благодетель, Аким Акимыч Юсов-с. Все-таки лучше-с, Фелисата Герасимовна, когда начальство-с...

Кукушкина. Милости просим, милости просим! Садиться покорно просим.

Аким Акимыч и Белогубов садятся.

Вот рекомендую вам: две мои дочери, Юлинька и Полина. Совершенные дети, ни об чем понятия не имеют; им бы еще в куклы играть, а не то что замуж выходить. И жаль расставаться, а нечего делать. Такой товар дома не удержишь.

Юсов. Да-с, уж это закон судеб-с, круг житейский-с! Что предначертано от века, того уж человек не может-с...

Кукушкина. Я вам правду скажу, Аким Акимыч, они у меня в строгости воспитываются, от всего отдалены. Денег я не могу за ними дать много, но уж за нравственность мужья будут благодарны. Я люблю детей, Аким Акимыч, но строга, очень строга. *(Строго.)* Полина, подите, распорядитесь чаем.

Полина *(встает)*. Сейчас, маменька. *(Уходит.)*

Юсов. Я сам строг-с. *(Строго.)* Белогубов!

Белогубов. Чего изволите-с?

Юсов. Ведь я строг?

Белогубов. Строги-с. *(Юлиньке.)* У меня опять новая жилетка-с. Вот посмотрите-с.

Юлинька. Очень хороша. Это вам тот же купец подарил?

Б е л о г у б о в. Нет, другой-с. У этого фабрика лучше.

Ю л и н ь к а. Пойдемте в гостиную, я вам свою работу покажу.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ю с о в и К у к у ш к и н а.

К у к у ш к и н а. Как любят друг друга, трогательно смотреть. Одного недостает молодому человеку, места, говорит, нет хорошего. Не могу, говорит, обеспечить жену всем полным спокойствием. Кабы, говорит, столоначальником сделали, я бы, говорит, мог жену содержать. А ведь жаль, Аким Акимыч! Такой прекрасный молодой человек, так влюблен...

Ю с о в *(нюхая табак)*. Понемногу, Фелисата Герасимовна, понемногу.

К у к у ш к и н а. Однако вы должны знать, скоро ли он это место получит. Может быть, даже это и от вас зависит. Я за него просительница. *(Кланяется.)* Вам нельзя будет мою просьбу не уважить; я мать, нежная мать, хлопочу для счастья своих детей, своих птенцов.

Ю с о в *(сделав серьезную физиономию)*. Скоро, скоро будет. Я уж об нем докладывал нашему генералу. А генерал весь в моих руках: что я скажу, то и будет. Мы его сделаем столоначальником. Я захочу,— будет столоначальником, а не захочу, не будет столоначальником... Хе, хе, будет, будет. Генерал у меня вот где. *(Показывает руку.)*

К у к у ш к и н а. Признаться вам сказать, я даже не люблю холостых. Что они делают? так только землю тяготят.

Ю с о в *(важно)*. Бремя на земле, бремя... и празднословие.

К у к у ш к и н а. Да-с. Да и в дом опасно принимать холостого человека, особенно у кого есть дочери или молодая жена. Кто его знает, что у него на уме. По-моему, молодого человека надо женить поскорей, он после сам будет благодарен, а то ведь они глупы, своей пользы не понимают.

Ю с о в. Да-с. От рассеянности. Ведь жизнь — это море житейское... поглощает.

Кукушкина. Холостой не может завести хозяйства у себя, об доме не заботится, ходит по трактирам.

Юсов. Да ведь и мы ходим-с... отдохновение от трудов...

Кукушкина. Ах, Аким Акимыч, большая разница. Вы пойдете, когда вас позовут, захотят вас угостить, уважение свое показать вам; а на свои вы ведь уж не пойдете.

Юсов. Как можно, нет-с, не пойду.

Кукушкина. Теперь возьмите: холостого человека проситель за какое-нибудь дело позовет в трактир, угостит обедом, да и все тут. Денег истратят много, а пользы ни на грош. А женатый-то, Аким Акимыч, скажет просителю: на что мне твои обеды, я пойду лучше с женой пообедаю, семейным образом, тихо, в своем угле, а ты мне дай чистыми. Да деньги-то принесет. Так оно две выгоды: и трезвый придет, да и с деньгами... Который вы год женаты?

Юсов. Сорок третий год-с...

Кукушкина. Скажите! А как вы молоды на лицо!

Юсов. Регулярность в жизни... банки вчера ставил.

Кукушкина. Здоровому все здорово, особенно когда человек душой покоен, живет в довольстве.

Юсов. Я вам доложу, какая игра природы бывает... с человеком... из бедности и в богатство. Меня, сударыня,— давно уж это было,— привели в присутствие в затрапезном халатишке, только что грамоте знал — читать да писать... Сидят, вижу, все люди пожилые, важные, сердитые, тогда брились-то не часто, так оно еще больше важности придает. Страх на меня напал, слова выговорить не мог. Года два был на побегушках, разные комиссии исправлял: и за водкой-то бегал, и за пирогами, и за квасом, кому с похмелья, и сидел-то я не у стола, не на стуле, а у окошка на связке бумаг, и писал-то я не из чернилицы, а из старой помадной банки. А вот вышел в люди. Конечно, все это не от нас... свыше... знать, уж так надобно было мне быть человеком и занимать важный пост. Иногда думаем с женой: за что так нас бог взыскал своей милостью? На все судьба... и добрые дела нужно делать... помогать неимущим. Да-с, имею теперь три домика, хоть далеко, да мне это не мешает, лошадок держу четверню. Оно подальше-то лучше: и земли побольше, и не так шумно, да и разговору меньше, пересуду.

К у к у ш к и н а. Да, конечно. Садик, чай, имеете при домах-то?

Ю с о в. Как же-с. В летний зной прохлада и отдохновение членам. А гордости во мне нет-с. Гордость ослепляет... Мне хоть мужик... я с ним, как с своим братом... все равно, ближний... По службе нельзя... особенно верхоглядов не люблю, нынешних образованных-то. С этими строг и взыскателен. Возмечтали очень. Предрассудкам этим я не верю, будто ученые с неба звезды хватают. Видал я их: не лучше нас, грешных, да и к службе не так внимательны. У меня правило — всячески их теснить для пользы службы... потому от них вред. Как-то, Фелисата Герасимовна, к простым людям больше сердце лежит. При нынешних строгостях случается с человеком несчастие, выгонят из уездного училища за неуспехи или из низших классов семинарии: как его не призреть? Он и так судьбой убит, всего он лишен, всем обижен. Да и люди-то как-то выходят по нашему делу понятливее и подобострастнее, душа у них открытее. По христианскому долгу, выведешь такого человека в люди, он тебе всю жизнь благодарен: и в посаженые отцы зовет, и в кумовья зовет. Ну, и в будущем веке мзда... Вот Белогубов, ведь грамоты не знает, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, как сына: в нем чувство есть. А признаться вам сказать, другой ваш жених... он ведь тоже под начальством у меня... Так я могу судить...

К у к у ш к и н а. Что же такое?

Ю с о в *(делает серьезное лицо)*. Неблагонадежен.

К у к у ш к и н а. Отчего же? Ведь он не пьяница, не мот, к службе не ленив?

Ю с о в. Да-с. Но... *(нюхает табак)* неблагонадежен.

К у к у ш к и н а. Каким же образом, растолкуйте мне, батюшка Аким Акимыч, ведь я мать.

Ю с о в. А вот, изволите ли видеть. Имеет такого человека родственником... Аристарх Владимирыч Вышневский.

К у к у ш к и н а. Знаю.

Ю с о в. Особа, уж можно сказать, особа.

К у к у ш к и н а. Знаю.

Ю с о в. А он оказывает непочтение.

К у к у ш к и н а. Знаю, знаю.

Ю с о в. Против начальства груб... высокомерие сверх

границ... и даже такие мысли... развращает юношество... а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотреть.

Кукушкина. Знаю.

Юсов. А коли знаете, так сами можете рассудить. Какие времена пришли, Фелисата Герасимовна, житья нет! А от кого? От дряни, от мальчишек. Сотнями выпускают их; заполонят нас совсем.

Кукушкина. Эх, Аким Акимыч, женится — переменится. А не знать всего этого я не могла, я не такая мать, без оглядки ничего не сделаю. У меня такое правило: как только повадился к нам молодой человек, так и пошлю кого-нибудь узнать про него всю подноготную или сама от сторонних людей выведаю. Все эти глупости в нем, по-моему, происходят от холостой жизни. Вот как женится, да мы на него насядем, так и с дядей помирится, и служить будет хорошо.

Юсов. Он переменится, и начальство к нему переменится... *(Помолчав.)* Нет прежних чиновников, Фелисата Герасимовна! Упадает чиновничество. Духу того нет. А какая жизнь была, Фелисата Герасимовна, рай просто! Умирать не надо. Купались, просто купались, Фелисата Герасимовна. Прежние-то чиновники были орлы... орлы, а теперь молодежь, верхогляды, пустота какая-то.

Жадов входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Жадов.

Кукушкина. Милости просим, Василий Николаич, милости просим. Полина совсем стосковалась об вас. Все глаза проглядела, то к тому окошку подбежит, то к другому. Уж так любить, так любить!.. Я, право, и не видывала. Счастливы вы, Василий Николаич. За что вас так любят-то, скажите вы мне?

Жадов. Извините, Фелисата Герасимовна, я опоздал немного. Ах, Аким Акимыч! *(Кланяется.)* Вы каким образом?

Кукушкина. Аким Акимыч так добры, так пекутся о своих чиновниках... я уж и не знаю, как быть им благодарной... Сами потрудились приехать, познакомиться.

Ж а д о в *(Юсову)*. Благодарю вас. А впрочем, напрасно беспокоились.

Ю с о в. Я, Фелисата Герасимовна, больше для Белогубова. Родных у него нет, я ему вместо отца...

К у к у ш к и н а. Уж не говорите, Аким Акимыч, вы сами семейный человек, и я сейчас увидела, что вы стараетесь молодых людей всячески поощрять к семейной жизни. Я сама того же мнения, Аким Акимыч. *(К Жадову.)* Вы себе представить не можете, Василий Николаич, как я страдаю, когда вижу, что два влюбленных сердца разделяют какие-нибудь препятствия. Когда читаешь роман, видишь, как обстоятельства запрещают влюбленным видеться, или родители не согласны, или состояние не позволяет,— как страдаешь в эту минуту. Я плачу, просто плачу! И как жестоки бывают иногда родители, которые не хотят уважить чувства своих детей. Некоторые даже умирают от любви по этому случаю. Но когда видишь, что все идет к благополучной развязке, все препятствия уничтожаются *(восторженно)*, любовь торжествует и молодые люди соединяются законным браком, как сладко становится на душе. Так даже нега какая-то по всем членам.

П о л и н а входит.

П о л и н а. Пожалуйте, чай готов. *(Увидав Жадова.)* Василий Николаич! Не стыдно ли заставлять так страдать? Я ждала, ждала вас.

Ж а д о в *(целует руку)*. Виноват.

К у к у ш к и н а. Поди, дитя мое, поцелуй меня.

П о л и н а *(Жадову)*. Пойдемте.

К у к у ш к и н а. Пойдемте, Аким Акимыч!

Уходят. Б е л о г у б о в и Ю л и н ь к а входят с чашками в руках.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Б е л о г у б о в и Ю л и н ь к а.

Ю л и н ь к а. Как я вижу, вы всё меня обманываете.

Б е л о г у б о в. Как же я смею вас обманывать-с? С чем это сообразно?

Садятся.

Юлинька. Мужчинам верить ни в чем нельзя, решительно ни в чем.

Белогубов. Отчего же такая критика на мужчин?

Юлинька. Какая же критика, когда это истинная правда?

Белогубов. Не может быть-с. Это один разговор; мужчины обыкновенно комплименты говорят, а барышни им не верят, говорят, что мужчины обманщики.

Юлинька. Вы все знаете. Вы, должно быть, сами очень много комплиментов говорили в своей жизни.

Белогубов. Мне некому было, да я и не умею-с. Вам известно, что я недавно стал вхож в дом-с, а прежде этого и знакомства никакого не имел.

Юлинька. И вы никого не обманывали?

Белогубов. Насчет чего вы спрашиваете?

Юлинька. Не говорите. Я вам ни одного слова не верю. *(Отворачивается.)*

Белогубов. Да за что же-с? Это даже обидно.

Юлинька. Кажется, можете понять.

Белогубов. Не понимаю-с.

Юлинька. Не хотите! *(Закрывает глаза платком.)*

Белогубов. Я вас могу заверить чем угодно-с, что я всегда-с... как был влюблен, так и теперь... Я вам уж докладывал...

Юлинька. Любите, а медлите.

Белогубов. Да-с... Теперь понимаю-с. Так ведь это не такого роду дело-с... скоро нельзя-с.

Юлинька. Отчего же Жадову можно?

Белогубов. Совсем другое дело-с. У него дяденька богатый-с, да и сам он образованный человек, везде может место иметь. Хоть и в учители пойдет — все хлеб-с. А я что-с? Пока не дадут места столоначальника, ничего не могу-с... Да и вы сами не захотите щи да кашу кушать-с. Это только нам можно-с, а вы барышня, вам нельзя-с. А вот получу место, тогда совсем другой переворот будет.

Юлинька. Когда же этот переворот будет?

Белогубов. Теперь скоро-с. Обещали. Как только получу место, так в ту ж минуту... только платье новое сошью... Я уж и маменьке говорил-с. Вы не сердитесь, Юлия Ивановна, потому что не от меня зависимо. Пожалуйте ручку.

Юлинька протягивает руку, не глядя на него. Он целует.

Белогубов. Я уж и сам жду не дождусь.

Входят Жадов и Полина.

Юлинька. Уйдемте, оставимте их одних.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жадов и Полина (садятся).

Полина. Знаете, что я вам скажу?

Жадов. Нет, не знаю.

Полина. Только вы, пожалуйста, маменьке не сказывайте.

Жадов. Не скажу, будьте покойны.

Полина *(подумав)*. Я сказала бы вам, да боюсь, что вы меня разлюбите.

Жадов. Вас разлюбить? Да разве это можно?

Полина. Да вы правду говорите?

Жадов *(берет за руку)*. Да уж не разлюблю, поверьте.

Полина. Ну, смотрите же. Я вам по простоте скажу. *(Тихо.)* У нас в доме все обман, все, все, решительно все. Вы, пожалуйста, ничему не верьте, что вам говорят. За нами ничего нет. Маменька говорит, что нас любит, а совсем не любит, только хочет поскорее с рук сбыть. Женихам в глаза льстит, а за глаза ругает. Нас заставляет притворяться.

Жадов. Вас это возмущает? Возмущает?

Полина. Только я не притворяюсь, я в самом деле вас люблю.

Жадов. Вы меня с ума сведете! *(Целует руку.)*

Полина. Да еще вот что я вам скажу: мы ведь совсем не образованы. Еще Юлия кой-что знает, а я так вовсе дурочка.

Жадов. Как дурочка?

Полина. Так, как бывают дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала... что вы иногда говорите, ничего не понимаю, решительно ничего.

Жадов. Вы ангел! *(Целует у ней руку.)*

Полина. Я вот только добрее Юлиньки, а глупее ее гораздо.

Жадов. За то-то я вас и люблю, что вас не успели ничему выучить, не успели испортить вашего сердца. Вас надобно поскорей взять отсюда. Мы с вами нач-

нем новую жизнь. Я с любовью займусь вашим воспитанием. Какое наслаждение ожидает меня!

П о л и н а. Ах, поскорей бы!

Ж а д о в. Что же откладывать? Я уж решился. *(Страстно смотрит на нее.)*

Молчание.

П о л и н а. У вас есть знакомые купцы?

Ж а д о в. Что за вопрос? На что вам?

П о л и н а. Так. Мне хочется знать.

Ж а д о в. Я не понимаю, однако, для чего вам это?

П о л и н а. А вот для чего. Белогубов говорит, что у него есть знакомые купцы и что они дарят ему жилетки, а когда он женится, тогда будут дарить материи жене на платье.

Ж а д о в. Вот что! Ну, нет, нам дарить не будут. Мы с вами будем сами трудиться. Так ведь, Полина?

П о л и н а *(рассеянно)*. Да-с.

Ж а д о в. Нет, Полина, вы еще не знаете высокого блаженства жить своим трудом. Вы во всем обеспечены, бог даст, узнаете. Все, что мы приобретем, будет наше, мы уж никому не будем обязаны. Понимаете вы это? Тут два наслаждения: наслаждение трудом и наслаждение свободно и с спокойной совестью распоряжаться своим добром, не давая никому отчета. А это лучше всяких подарков. Не правда ли, Полина, ведь лучше?

П о л и н а. Да-с, лучше.

Молчание.

Хотите, я вам загадаю загадку?

Ж а д о в. Загадайте.

П о л и н а. Что идет без ног?

Ж а д о в. Вот какая загадка! Дождик!

П о л и н а. Как это вы все знаете! Досадно, право. Я так никак не могла отгадать, уж Юлинька сказала.

Ж а д о в. Дитя! Останьтесь всегда таким ребенком.

П о л и н а. А можно счесть звезды на небе?

Ж а д о в. Можно.

П о л и н а. Нет, нельзя. Я вам не поверю.

Ж а д о в. Да нечего и трудиться считать, они уж сосчитаны.

П о л и н а. Вы смеетесь надо мной. *(Отворачивается.)*

Ж а д о в *(нежно)*. Мне смеяться над вами, Полина!

Я всю жизнь хочу посвятить вам. Посмотрите на меня хорошенько, могу ли я смеяться над вами?

Полина *(смотрит на него)*. Нет, нет...

Жадов. Вы говорите, что вы дурочка,— я дурак. Смейтесь надо мной! Да уж многие и смеются. Без средств, без состояния, с одними надеждами на будущее, я женюсь на вас. Зачем ты женишься? говорят мне. Зачем? Затем, что люблю вас, что верю в людей. Что я поступаю необдуманно,— с этим я согласен. Когда же мне думать, я так люблю вас, что мне некогда думать.

Кукушкина и Юсов входят.

Полина *(с некоторым чувством)*. Я сама вас люблю.

Жадов целует у ней руку.

Кукушкина *(Юсову)*. Посмотрите, точно голуби воркуют. Не мешайте им. Трогательно видеть!

Белогубов и Юлинька входят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Жадов, Полина, Кукушкина, Юсов, Белогубов и Юлинька.

Жадов *(оборачиваясь, берет Полину за руку и подводит к Кукушкиной)*. Фелисата Герасимовна, отдайте мне это сокровище.

Кукушкина. Признаюсь вам, мне тяжело с ней расстаться. Это любимая моя дочь... она была бы мне утешением на старости... но бог с ней, возьмите ее... ее счастие для меня дороже. *(Закрывает лицо платком.)*

Жадов и Полина целуют у ней руки. Белогубов подает ей стул. Садится.

Юсов. Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна.

Кукушкина. Да, я этим похвастаться могу. *(С жаром.)* Нет, воспитание дочерей неблагодарное дело! Вырастишь, взлелеешь подле себя, и потом отдай чужому человеку... останься сиротой... ужасно! *(Закрывает глаза платком.)*

Белогубов. Маменька, мы вас не оставим.

Полина и Юлинька *(вместе)*. Маменька, мы вас не оставим.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ЖАДОВ.

МЫКИН.
его приятель, учитель.

ДОСУЖЕВ.

ЮСОВ.

БЕЛОГУБОВ.

1-й } *чиновники.*
2-й

ГРИГОРИЙ } *половые.*
ВАСИЛИЙ

Гости и половые в другой комнате.

(Между вторым и третьим действиями проходит около года).
Трактир. Задняя занавесь на втором плане, посереди машина; направо отворенная дверь, в которую видна другая комната, налево вешалка для платья, на авансцене по обе стороны столы с диванами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Василий стоит у машины и читает газету. Григорий стоит у двери и смотрит в другую комнату. Жадов и Мыкин входят. Григорий их провожает, стирает со стола и стелет салфетку.

Мыкин. Ну что, старый приятель, как поживаешь?
Жадов. Плохо, брат. *(Григорью.)* Дай-ка нам чаю.

Григорий уходит.

А ты как?
Мыкин. Ничего. Живу себе, учительствую понемногу.

Садятся.

Жадов. Много ли ты получаешь?
Мыкин. Двести рублей.
Жадов. Тебе довольно?
Мыкин. Так и живу, соображаясь со средствами. Лишних затей, как видишь, не завожу.
Жадов. Да, холостому жить можно.
Мыкин. И тебе не надобно было жениться! Нашему брату жениться не след. Где уж нам, голякам! Сыт, прикрыт чем-нибудь от влияния стихий — и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бедна, а хоть и бедна, так одна.

Ж а д о в. Дело сделано.

М ы к и н. Посмотри ты на себя, такой ли ты был прежде. Что, брат, видно, укатали сивку крутые горки? Нет, нашему брату жениться нельзя. Мы работники.

Г р и г о р и й подает чай. Мыкин наливает.

Уж служить, так служить; для себя пожить после успеем, коли придется.

Ж а д о в. Что ж делать-то! Я полюбил ее очень.

М ы к и н. Мало ли что, полюбил! Разве другие-то не любят? Эх, брат, и я любил, да не женился вот. И тебе не следовало жениться.

Ж а д о в. Да отчего же?

М ы к и н. Очень просто. Холостой человек думает о службе, а женатый о жене. Женатый человек ненадежен.

Ж а д о в. Ну, вот вздор.

М ы к и н. Нет, не вздор. Я не знаю, чего бы я ни сделал для той девушки, которую любил. Но я решился лучше принесть жертву. Лучше, брат, заморить в себе это весьма законное чувство, чем подвергнуться искушениям.

Ж а д о в. Я думаю, тебе нелегко было?

М ы к и н. Ну, да уж что говорить! Отказываться вообще нелегко; а отказаться от любимой женщины, когда и препятствий никаких нет, кроме бедности... Ты очень любишь свою жену?

Ж а д о в. Безумно.

М ы к и н. Ну, плохо дело! Умна она?

Ж а д о в. Право, не знаю. Знаю только, что она мила необыкновенно. Какая-нибудь безделица расстроит ее, она так мило, так искренно расплачется, что сам, глядя на нее, заплачешь.

М ы к и н. Ты мне скажи откровенно, как ты живешь. Я ведь тебя полтора года не видал.

Ж а д о в. Изволь. История моя коротка. Я женился по любви, как ты знаешь, взял девушку неразвитую, воспитанную в общественных предрассудках, как и все почти наши барышни, мечтал ее воспитать в наших убеждениях, и вот уж год женат...

М ы к и н. И что же?

Ж а д о в. Разумеется, ничего. Воспитывать ее мне некогда, да я и не умею приняться за это дело. Она так и осталась при своих понятиях; в спорах, разумеет-

ся, я ей должен уступать. Положение, как видишь, незавидное, а поправить нечем. Да она меня и не слушает, она меня просто не считает за умного человека. По их понятию, умный человек должен быть непременно богат.

М ы к и н. Вот куда пошло! Ну, а как насчет средств?

Ж а д о в. Работаю с утра до ночи.

М ы к и н. И все не хватает?

Ж а д о в. Нет, жить можно.

М ы к и н. Ну, а жена?

Ж а д о в. Дуется немного, иногда поплачет. Что ж делать!

М ы к и н. Жаль мне тебя. Нет, брат,— нам жениться нельзя. Я вот год был без места, ел один черный хлеб. Что бы я с женой-то делал?

Д о с у ж е в входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и Д о с у ж е в.

Д о с у ж е в *(садясь у другого стола)*. Гарсон, жизни!

В а с и л и й. Какой прикажете?

Д о с у ж е в. Рябиновой. С приличной нашему званию закуской.

В а с и л и й. Слушаю-с. *(Идет к двери.)*

Д о с у ж е в. Французской горчицы! Слышишь? Трактир запечатаю. Григорий, запусти шарманку.

Г р и г о р и й. Сейчас-с. *(Заводит машину.)*

М ы к и н. Вот это, должно быть, холостой.

Д о с у ж е в. Что вы на меня смотрите? Я вот карася дожидаюсь.

Ж а д о в. Какого карася?

Д о с у ж е в. Придет с рыжей бородой, я его буду есть.

В а с и л и й приносит водку.

Ты, Василий, поглядывай его там. Как придет, так скажи мне.

Машина играет.

Господа, видали, как пьяные немцы плачут? *(Представляет плачущего немца.)*

Жадов и Мыкин смеются. Машина замолкает.

М ы к и н *(Жадову)*. Ну, прощай! Как-нибудь зайду к тебе.

Ж а д о в. Прощай.

М ы к и н уходит.

В а с и л и й *(Досужеву)*. Пожалуйте, пришел-с.
Д о с у ж е в. Позови сюда.
В а с и л и й. Нейдет-с. Сел в заднюю комнату.
Д о с у ж е в *(Жадову)*. Конфузится. Прощайте! Коли посидите здесь, я приду поговорить с вами, мне ваша физиономия понравилась. *(Уходит.)*
Ж а д о в *(Василью)*. Дай-ка что-нибудь почитать.
В а с и л и й *(подает книгу)*. Извольте вот прочитать статейку. Одобряют-с.

Жадов читает. Входят: Ю с о в, Б е л о г у б о в, 1-й и 2-й ч и н о в н и к и.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ж а д о в, Ю с о в, Б е л о г у б о в, 1-й и 2-й ч и н о в н и к и.

Б е л о г у б о в. Аким Акимыч-с, мы там пообедали, позвольте вас здесь вином угостить, и музыка поиграет-с.
Ю с о в. Угощай, угощай!
Б е л о г у б о в. Какого прикажете? Шампанского-с?
Ю с о в. Ну его...
Б е л о г у б о в. Так рейнвейну-с? Господа, садитесь!

Садятся все, кроме Белогубова.

Василий! принеси рейнвейну, заграничной разливки.

В а с и л и й уходит.

А, братец, здравствуйте! Не угодно ли с нами за компанию? *(Подходит к Жадову.)*
Ж а д о в. Благодарю вас. Я не пью.
Б е л о г у б о в. Что это, братец, помилуйте! Для меня-то!.. одну рюмочку... мы с вами теперь родственники!

В а с и л и й приносит вино, Белогубов подходит к своему столу.

Наливай!

Василий наливает.

Ю с о в. Ну, брат, за твое здоровье! *(Берет рюмку и встает.)*

1-й и 2-й чиновники. За ваше здоровье-с. *(Берут рюмки и встают.)*

Юсов *(показывая пальцем на голову Белогубова)*. В этом лбу, в этой голове всегда видел прок.

Чокаются рюмками.

Поцелуемся!

Целуются.

Белогубов. Нет, позвольте ручку-с.

Юсов *(прячет руки)*. Не надо, не надо. *(Садится.)*

Белогубов. Через вас человеком стал-с.

1-й и 2-й чиновники. Позвольте-с. *(Чокаются с Белогубовым, пьют и садятся.)*

Белогубов *(наливает рюмку и подает на подносе Жадову)*. Братец, сделайте одолжение.

Жадов. Я вам сказал, что не пью.

Белогубов. Нельзя-с, братец, обидите.

Жадов. Это скучно наконец.

Белогубов. Коли вина не угодно, чем прикажете вас потчевать? Чего только пожелаете, братец, все с удовольствием.

Жадов. Ничего мне не нужно. Оставьте меня в покое! *(Читает.)*

Белогубов. Ну, как угодно. Не знаю, братец, за что обижаете. Я со всем расположением... *(Отходит к своему столу.)*

Юсов *(тихо)*. Оставь его.

Белогубов *(садится)*. Господа, еще по рюмочке! *(Наливает.)* Пирожного не прикажете ли? Василий, принеси пирожного побольше!

Василий уходит.

Юсов. Ты что-то нынче разгулялся! Должно быть, ловко хватил?

Белогубов *(показывая на карман)*. Попало-таки! А кому? Все вам обязан.

Юсов. Зацепил, должно быть?

Белогубов *(вынимает пачку ассигнаций)*. Вот они-с.

Юсов. Да уж я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивит.

Белогубов *(прячет деньги)*. Нет, позвольте! Кому же я обязан? Разве бы я понимал что, кабы не вы? От кого я в люди пошел, от кого жить стал, как не от вас? Под вашим крылом воспитался! Другой бы того и в десять лет не узнал, всех тонкостей и обо-

ротов, что я в четыре года узнал. С вас пример брал во всем, а то где бы мне с моим-то умом! Другой отец того не сделает для сына, что вы для меня сделали. *(Утирает глаза.)*

Ю с о в. У тебя душа благородная, ты можешь чувствовать, а другие не могут.

В а с и л и й приносит пирожное.

Б е л о г у б о в. Что бы я был? Дурак-с! А теперь член общества, все уважают, по городу идешь, все купцы кланяются, в гости позовут, не знают, где посадить, жена меня любит. А то за что бы ей любить-то меня, дурака? Василий! Нет ли у вас конфект каких дорогих?

В а с и л и й. Можно достать-с.

Б е л о г у б о в *(Юсову)*. Это жене-с. *(Василью.)* Ну, так ты заверни в бумагу побольше. Что хочешь возьми, ничего не пожалею.

Василий идет.

Постой! И пирожного туда положи всякого.

Ю с о в. Будет с нее, избалуешь.

Б е л о г у б о в. Нельзя-с. *(Василью.)* Всего положи, слышишь?

В а с и л и й. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Б е л о г у б о в. Люблю, очень люблю жену-с. Будешь угождать, и она будет больше любить, Аким Акимыч. Что я перед ней-с? Она образованная-с... Платье нынче купил-с... то есть, не купил, а так взял, после сочтемся.

Ю с о в. Все равно. Неужели деньги платить? Может быть, дело какое-нибудь будет, ну и квит. Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится.

В а с и л и й приносит конфекты в бумаге.

Б е л о г у б о в. Положи в шляпу. Еще по рюмочке-с. *(Наливает.)* Василий! Еще бутылку.

Ю с о в. Будет.

Б е л о г у б о в. Нет, уж позвольте-с. Здесь не вы распоряжаетесь, а я.

В а с и л и й уходит.

1-й ч и н о в н и к. Какой случай был! Писарек у нас, так, дрянненький, какую штуку выкинул! Фаль-

шивую копию с решения написал (что ему в голову пришло!) и подписался за всех присутствующих, да и снес к истцу. А дело-то интересное, денежное. Только он копию-то не отдал, себе на уме, а только показал. Ну, и деньги взял большие. Тот после пришел в суд, ан дело-то совсем не так.

Белогубов. Это уж подлость! За это выгнать нужно.

Юсов. Именно выгнать. Не марай чиновников. Ты возьми, так за дело, а не за мошенничество. Возьми так, чтобы и проситель был не обижен и чтобы ты был доволен. Живи по закону; живи так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Что за большим-то гоняться! Курочка по зернышку клюет, да сыта бывает. А этот уж что за человек! Не нынче, так завтра под красную шапку угодит.

Белогубов *(наливает рюмку)*. Пожалуйте, Аким Акимыч!.. Что я у вас попрошу, вы мне не откажете? Я вам в ножки поклонюсь.

Юсов. Проси.

Белогубов. Помните, вы прошлый раз прошлись под машину: «По улице мостовой»-с?

Юсов. Ишь что выдумал!

Белогубов. Осчастливьте, Аким Акимыч! Так, чтобы уж я всю жизнь помнил.

Юсов. Изволь, изволь. Для тебя только! Вели пустить «По улице мостовой».

Белогубов. Эй, Василий! Пусти «По улице мостовой», да постой у двери, посмотри, чтоб не вошел кто.

Василий. Слушаю-с. *(Заводит машину.)*

Юсов *(показывая на Жадова)*. Вот этот-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумает что-нибудь.

Белогубов *(садясь к Жадову)*. Братец, будьте с нами по-родственному. Вот Аким Акимыч вас конфузится.

Жадов. Чего же он конфузится?

Белогубов. Да они потанцевать хотят. Надо ведь, братец, и развлечение какое-нибудь иметь после трудов. Не все же работать, надо и себя потешить. Что ж такое! Это удовольствие невинное, мы никого не обижаем.

Жадов. Танцуйте, сколько угодно, я вам не мешаю.

Белогубов *(Юсову)*. Ничего-с, Аким Акимыч, он с нами по-родственному.

Василий. Прикажете пустить?

Ю с о в. Пускай!

Машина играет «По улице мостовой». Юсов пляшет. По окончании все, кроме Жадова, хлопают.

Б е л о г у б о в. Нет, уж теперь нельзя-с! Надо шампанского выпить! Василий, бутылку шампанского! Да много ли денег за все?

В а с и л и й *(считает на счетах)*. Пятнадцать рублей-с.

Б е л о г у б о в. Получи! *(Отдает.)* Вот тебе полтинник на чай.

В а с и л и й. Благодарю покорно-с. *(Уходит.)*

Ю с о в *(громко)*. Вы, молодежь, молокососы, чай, смеяться над стариком!

1-й ч и н о в н и к. Как можно, Аким Акимыч, мы не знаем, как вас благодарить!

2-й ч и н о в н и к. Да-с.

Ю с о в. Мне можно плясать. Я все в жизни сделал, что предписано человеку. У меня душа покойна, сзади ноша не тянет, семейство обеспечил,— мне теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на божий мир! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цветок увижу, и на него радуюсь: премудрость во всем вижу.

В а с и л и й приносит бутылку, откупоривает и наливает в продолжение речи Юсова.

Помня свою бедность, нищую братию не забываю. Других не осуждаю, как некоторые молокососы из ученых! Кого мы можем осуждать! Мы не знаем, что еще сами-то будем! Посмеялся ты нынче над пьяницей, а завтра сам, может быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а может быть, сам завтра будешь вором. Почем мы знаем свое определение, кому чем быть назначено? Знаем одно, что все там будем. Вот ты нынче посмеялся *(показывая глазами на Жадова)*, что я плясал; а завтра, может быть, хуже меня запляшешь. Может быть *(кивая головой на Жадова)*, и за подаянием пойдешь, и руку протянешь. Вот гордость-то до чего доводит! Гордость, гордость! Я плясал от полноты души. На сердце весело, на душе покойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади перед всем народом буду плясать. Мимоходящие скажут: «Сей человек пляшет, должно быть, душу имеет чисту!» и пойдет всякий по своему делу.

Белогубов *(поднимая бокал)*. Господа! За здоровье Акима Акимыча! Ура!

1-й и 2-й чиновники. Ура!

Белогубов. Вот бы вы, Аким Акимыч, осчастливили нас, заехали к нам как-нибудь. Мы еще с женой люди молодые, посоветовали бы нам, поученье бы сказали, как жить в законе и все обязанности исполнять. Кажется, будь каменный человек, и тот в чувство придет, как вас послушает.

Юсов. Заеду как-нибудь. *(Берет газету.)*

Белогубов *(наливает бокал и подносит Жадову)*. Уж я, братец, от вас не отстану.

Жадов. Что вы мне не дадите почитать! Интересная статья попалась, а вы все мешаете.

Белогубов *(садясь подле Жадова)*. Братец, вы на меня напрасно претензию имеете. Бросимте, братец, всю эту вражду. Выкушайте!.. Выпейте. Вам легче будет. Для меня теперь это ничего не значит-с. Будемте жить по-родственному.

Жадов. Нельзя нам с вами жить по-родственному.

Белогубов. Отчего же-с?

Жадов. Не пара мы.

Белогубов. Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь в счастии, а вы в бедном положении. Что ж, я не горжусь. Ведь это как кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братец, что вы нуждаетесь; может быть, вам деньги нужны; не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолжение не сочту. Что за счеты между родными!

Жадов. С чего вы выдумали предлагать мне деньги!

Белогубов. Братец, я теперь в довольстве, мне долг велит помогать. Я, братец, вижу вашу бедность.

Жадов. Какой я вам братец! Оставьте меня.

Белогубов. Как угодно! Я от души предлагал. Я братец, зла не помню, не в вас. Мне только жаль смотреть на вас с женой с вашей. *(Отходит к Юсову.)*

Юсов *(бросая газету)*. Что нынче пишут! Ничего нравоучительного нет! *(Наливает Белогубову.)* Ну, допивай. Пойдемте!

Белогубов *(допивает)*. Пойдемте!

Василий и Григорий подают шинели.

В а с и л и й *(подает Белогубову два свертка)*. Вот, захватите-с.

Б е л о г у б о в *(умиленно)*. Для жены-с. Люблю-с.

Уходят. Д о с у ж е в входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ж а д о в и Д о с у ж е в.

Д о с у ж е в. «Не стая воронов слеталась!»

Ж а д о в. Правда ваша.

Д о с у ж е в. Поедемте в Марьину рощу.

Ж а д о в. Мне нельзя.

Д о с у ж е в. Отчего же? Семья, что ли? Детей нянчить надобно?

Ж а д о в. Детей не нянчить, а жена дома дожидается.

Д о с у ж е в. Да вы давно с ней не видались?

Ж а д о в. Как давно? Сегодня утром.

Д о с у ж е в. Ну, так это недавно. Я думал, дня три не видались.

Жадов смотрит на него.

Что вы на меня смотрите! Я знаю, что вы думаете обо мне. Вы думаете, что я такой же, как вот эти франты, что ушли; так ошибаетесь. Ослы во львиной шкуре! Только шкура-то и страшна. Ну, и пугают народ.

Ж а д о в. Признаться вам сказать, я никак не разберу, что вы за человек.

Д о с у ж е в. А вот, изволите ли видеть, во-первых — я веселый человек, а во-вторых — замечательный юрист. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступил я на маленькое жалованье; взяток брать не могу — душа не переносит, а жить чем-нибудь надо. Вот я и взялся за ум: принялся за адвокатство, стал купцам слезные прошения писать. Уж коль не ехать, так давайте выпьем. Василий, водки!

В а с и л и й уходит.

Ж а д о в. Я не пью.

Д о с у ж е в. Где вы родились? Ну, а это вздор! Со мной можно. Ну, вот-с, стал я слезные прошения писать. Ведь вы не знаете, что это за народ! Я вам сейчас расскажу.

Входит В а с и л и й.

Налей две. Получи за весь графин. *(Отдает деньги.)*

Ж а д о в. И с меня за чай. *(Отдает.)*

В а с и л и й уходит.

Д о с у ж е в. Выпьем!

Ж а д о в. Извольте: для вас только, а то, право, не пью.

Чокаются и пьют. Досужев наливает еще.

Д о с у ж е в. Напиши бороде прошение просто да возьми с него недорого, так он тебя оседлает. Откуда фамильярность явится: «Ну, ты, писака! на тебе на водку». Почувствовал я к ним злобу неукротимую! Выпьемте! «Пити вмерти, й не пити вмерти; так вже лучше пити вмерти».

Пьют.

Стал я им писать по их вкусу. Например: надо представить вексель ко взысканию — и всего-то десять строк письма, а ему пишешь листа четыре. Начинаю так: «Будучи обременен в многочисленном семействе количеством членов». И все его орнаменты вставишь. Так напишешь, что он плачет, а вся семья рыдает до истерики. Насмеешься над ним да возьмешь с него кучу денег, вот он и уважает тебя, и кланяется в пояс. Хоть веревки из него вей. Все их толстые тещи, все бабушки невест тебе сватают богатых. Человек-то уж очень хорош, по душе им пришелся! Выпьемте!

Ж а д о в. Будет!

Д о с у ж е в. За мое здоровье!

Ж а д о в. Уж разве за ваше здоровье.

Пьют.

Д о с у ж е в. Много надо силы душевной, чтобы с них взяток не брать. Над честным чиновником они сами же смеяться будут; унижать готовы — это им не с руки. Кремнем надо быть! И храбриться-то, право, не из чего! Тащи с него шубу, да и все тут. Жаль, не могу. Я только беру с них деньги за их невежество да пропиваю. Эх! охота вам было жениться! Выпьемте. Как вас зовут?

Ж а д о в. Василий.

Д о с у ж е в. Тезка. Выпьем, Вася.

Пьют.

Я вижу, ты хороший человек.

Ж а д о в. Какой я человек! Я ребенок, я об жизни не

имею никакого понятия. Все это ново для меня, что я от вас слышу. Мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругом разврат, сил мало! Зачем же нас учили!

Досужев. Пей, легче будет.

Жадов. Нет, нет! *(Опускает голову на руки.)*

Досужев. Так ты не поедешь со мной?

Жадов. Не поеду. Зачем вы меня поили? Что вы со мной сделали!

Досужев. Ну, прощай! Вперед будем знакомы! Захмелел, брат! *(Жмет Жадову руку.)* Василий, манто! *(Надевает шинель.)* Ты меня строго не суди! Я человек потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь. *(Идет к двери и возвращается.)* Да! вот еще тебе мой совет. Может быть, с моей легкой руки, запьешь, так вина не пей, а пей водку. Вино нам не по карману, а водка, брат, лучше всего: и горе забудешь, и дешево! Adieu! [1] *(Уходит.)*

Жадов. Нет! пить не хорошо! Ничего не легче,— еще тяжелей. *(Задумывается.)*

Василий, по приказанию из другой залы, заводит машину. Машина играет «Лучинушку». Жадов поет.

«Лучина, лучинушка березовая!..»

Василий. Пожалуйте-с! Не хорошо-с! Безобразно-с!

Жадов машинально надевает шинель и уходит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ВАСИЛИЙ НИКОЛАИЧ ЖАДОВ.

ПОЛИНА
жена его.

ЮЛИНЬКА
жена Белогубова.

ФЕЛИСАТА ГЕРАСИМОВНА КУКУШКИНА.

Сцена представляет очень бедную комнату. Направо окно, у окна стол, на левой стене зеркало.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Полина *(одна, смотрит в окно)*. Как скучно, просто смерть! *(Поет.)* «Матушка, голубушка, солнышко

[1] Прощай! *(франц.)*.

мое! Пожалей, родимая, дитятко твое». *(Смеется.)* Какая песня в голову пришла! *(Опять задумывается.)* Провалился бы, кажется, от скуки. Загадать разве на картах? Что ж, за этим дело не станет. Это можно, можно. Чего другого, а это у нас есть. *(Достает из стола карты.)* Как хочется поговорить с кем-нибудь. Кабы кто-нибудь пришел, вот бы я была рада, сейчас бы развеселилась. А то на что это похоже! сиди одна, все одна... Уж нечего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанет, трещим, трещим, и не увидишь, как пройдет. А теперь и поговорить не с кем. Разве к сестре сбегать? Да уж поздно. Эко я, дура, не догадалась пораньше. *(Поет.)* «Матушка, голубушка...». Ах, я и забыла погадать-то... Об чем бы загадать-то? А вот загадаю я, будет ли у меня новая шляпка? *(Раскладывает карты.)* Будет, будет... будет, будет. *(Хлопает в ладоши, задумывается и потом поет.)* «Матушка, голубушка, солнышко мое! Пожалей, родимая, дитятко твое».

Входит Юлинька.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Полина и Юлинька.

Полина. Здравствуй, здравствуй!

Целуются.

Как я тебе рада. Скидай шляпку!

Юлинька. Нет, я к тебе на минуту.

Полина. Ах, как ты хорошо одета, сестрица!

Юлинька. Да, я теперь себе покупаю все, что только есть лучшего и нового из-за границы.

Полина. Счастлива ты, Юлинька.

Юлинька. Да, я могу про себя сказать, что я счастлива. А ты, Полинька, как ты живешь? Ужасно. Нынче совсем не такой тон. Нынче у всех принято жить в роскоши.

Полина. Что же мне делать? Разве я виновата?

Юлинька. А мы вчера в парке были. Как весело было — чудо! Какой-то купец угощал нас ужином, шампанским, фруктами разными.

Полина. А я все дома сижу одна, со скуки погибаю.

Юлинька. Да, Полина, я уж теперь совсем не та стала. Ты не можешь представить, как деньги и хорошая жизнь облагораживают человека. В хозяйстве я теперь ничем не занимаюсь, считаю низким. Я теперь все пренебрегаю, кроме туалета. А ты! ты! это ужасно! Что же твой муж делает, скажи, пожалуйста?

Полина. Он меня даже и к вам не пускает, все велит сидеть дома да работать.

Юлинька. Как это глупо! Представляет из себя умного человека, а нынешнего тону не знает. Он должен знать, что человек создан для общества.

Полина. Как ты говоришь?

Юлинька. Человек создан для общества. Кто ж этого не знает! Это нынче решительно всем известно.

Полина. Хорошо, я это ему скажу.

Юлинька. Ты бы с ним ссориться попробовала?

Полина. Пробовала, да что толку. Он всегда прав выходит, а я виновата остаюсь.

Юлинька. Да он любит тебя?

Полина. Очень любит.

Юлинька. А ты его?

Полина. И я люблю.

Юлинька. Ну, так ты сама виновата, душа моя. Лаской из мужчин ничего не сделаешь. Ты к нему ластишься — вот он и сидит сложа руки, ни об тебе, ни об себе не думает.

Полина. Он много работает.

Юлинька. Да что проку в его работе-то. Вот мой муж и немного работает, а посмотри, как мы живем. Надобно правду сказать, Онисим Панфилыч для дому отличный человек, настоящий хозяин; чего, чего у нас нет, кабы ты посмотрела. И в какое короткое время! Откуда он только берет! А твой! Что это? Ведь срам смотреть, как вы живете.

Полина. Он все говорит: сиди, работай, не завидуй другим; будем и мы жить хорошо.

Юлинька. Да когда же это будет? Состареешься, пока дождешься. На что тогда и удовольствие! Всякое терпение лопнет.

Полина. Что же мне делать?

Юлинька. Он просто тиран. Что с ним много-то разговаривать! Скажи, что ты его не любишь,—

вот и все тут. Или вот что лучше: ты скажи ему, что тебе надоела такая жизнь, что ты не хочешь с ним жить и переедешь к маменьке, и чтоб он не знал тебя. А я маменьку предупрежу об этом.

Полина. Хорошо, хорошо! Я это обделаю в лучшем виде.

Юлинька. Да сумеешь ли ты?

Полина. Еще бы! Я какую хочешь сцену сыграю, не хуже всякой актрисы. Во-первых, нас дома с малолетства к этому приучили, а теперь я все сижу одна, работать-то скучно; я все сама с собою и разговариваю. Так научилась, что чудо. Только немного жаль его будет.

Юлинька. А уж ты не жалей! А я тебе, Полинька, шляпку привезла. *(Вынимает из картона.)*

Полина. Ах, какая прелесть! Спасибо, сестрица, душенька. *(Целует ее.)*

Юлинька. А то у тебя старая-то уж нехороша.

Полина. Ужасная мерзость! Скверно на улицу выйти. Вот я теперь мужа подразню. Вот, скажу, милый мой, посторонние купили, а ты не догадаешься.

Юлинька. Да уж нечего делать, Полинька, мы пока, сколько можем, будем тебя поддерживать. Только не слушай ты, пожалуйста, своего мужа. Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даром любить не будешь. Ты, глупенькая, пойми, за что их даром любить-то, мужьев-то? Это довольно странно! Обеспечь меня, дескать, во всем, чтобы я блистала в обществе, тогда я тебя и стану любить. Он от капризу не хочет твоего счастия, а ты молчишь. Попроси только он у дяди, и ему дадут такое же доходное место, как у моего мужа.

Полина. Уж я теперь к нему пристану.

Юлинька. Ты представь только себе: ты такая хорошенькая, одень-ка тебя со вкусом да посади в театр... при огне-то... все мужчины так на тебя лорнеты и уставят.

Полина. Не говори, сестрица, заплачу.

Юлинька. Вот тебе денег *(достает из портмоне)*, иногда что понадобится, так можешь и без мужа обойтись. У нас теперь есть средства, так что мы решились даже другим благодетельствовать.

Полина. Спасибо, сестрица! Только он, пожалуй, рассердится.

Юлинька. Велика важность! Что на него смотреть-то! От родных, не от чужих. Что ж, по его милости, голодной сидеть! Прощай, Полина.

Полина. Прощай, сестрица. *(Провожает ее.)*

Юлинька уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Полина. Какая эта Юлинька у нас умная! А я-то дура, дура! *(Увидав картон.)* Новая шляпка! Новая шляпка! *(Хлопает в ладоши.)* Я теперь целую неделю буду весела, если только муж не расстроит. *(Поет.)* «Матушка, голубушка...» *(и т. д.)*.

Кукушкина входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Полина и Кукушкина.

Кукушкина. У тебя все песенки на уме.

Полина. Здравствуйте, маменька! От скуки.

Кукушкина. Я совсем и ходить-то к тебе не хотела.

Полина. Отчего же, маменька?

Кукушкина. Мерзко мне, сударыня, мерзко бывать у вас. Да так уж мимо шла, так зашла к тебе. Нищенство, бедность... фу... я этого видеть не могу. У меня чистота, у меня порядок, а здесь — что такое! Изба деревенская! Гадость!

Полина. Чем же я-то виновата?

Кукушкина. Бывают же такие мерзавцы на свете! А впрочем, я его и не виню: я на него никогда надежды не имела. Ты-то что ж молчишь, сударыня? Не я ли тебе твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день, и ночь: давай денег да давай, где хочешь возьми, да подай. Мне, мол, на то нужно, на другое нужно. Маменька, мол, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Скажет: нет у меня. А мне, мол, какое дело? Хоть укради, да подай. Зачем брал? Умел жениться, умей и жену содержать прилично. Да этак с утра да до ночи долбила бы ему в голову-то, так авось бы в чувство пришел. У меня бы на твоем месте другого и разговору не было.

Полина. Что ж делать-то, маменька, у меня в характере никакой строгости нет.

К у к у ш к и н а. Нет, уж ты лучше скажи, что у тебя в характере глупости много, баловства. А ты знаешь ли, что ваше баловство портит мужчин? У тебя все нежности на уме, все бы ты вешалась к нему на шею. Обрадовалась, что замуж вышла, дождалась. Бесстыдница! А нет, чтобы об жизни подумать. И в кого это ты такая уродилась! У нас в роду все решительно холодны к мужьям: больше все думают об нарядах, как одеться приличнее, блеснуть перед другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы он чувствовал, за что его ласкают. Вот Юлинька, когда муж привезет ей что-нибудь из городу, так и кинется ему на шею, так и замрет, насилу стащат. Оттого он чуть не каждый день ей и возит подарки. А не привезет, так она и губы надует и не говорит с ним два дни. Висни, пожалуй, к ним на шею-то, они и рады, им только это и нужно. Стыдись!

П о л и н а. Я чувствую, что я глупа; он приласкает меня немного, а я и рада.

К у к у ш к и н а. А вот погоди, мы на него насядем обе, так авось подастся. Главное — не баловать и не слушать его глупостей: он свое, а ты свое; спорь до обмороку, а не уступай. Уступи им, так они готовы на нас хоть воду возить. Да гордость-то, гордость-то ему сшибить надо. Ты знаешь ли, что у него на уме?

П о л и н а. Где мне знать.

К у к у ш к и н а. Это, вот видишь ли, есть такая дурацкая философия, я недавно в одном доме слышала, нынче она в моду пошла. Они забрали себе в голову, что умней всех на свете, а то все дураки да взяточники. Какая глупость-то непростительная! Мы, говорят, не хотим брать взяток, хотим жить одним жалованьем. Да после этого житья не будет! За кого ж дочерей-то отдавать? Ведь этак, чего доброго, и род человеческий прекратится.— Взятки! Что за слово взятки? Сами ж его выдумали, чтобы обидеть хороших людей. Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказываться грех, обидеть человека надо. Коли ты холостой человек, на тебя и суда нет, юродствуй, как знаешь. Пожалуй, хоть и жалованья не бери. А коли женился, так умей жить с женой, не обманывай родителей. За что они терзают родитель-

ское сердце? Другой полоумный вдруг берет воспитанную барышню, которая с детства понимает жизнь и которую родители, не щадя ничего, воспитывают совсем не в таких правилах, даже стараются, как можно, отдалять от таких глупых разговоров, и вдруг запирает ее в конуру какую-то! Что же, поихнему, из воспитанных барышен им хочется прачек переделать? Да это весь свет перевернется. Уж коли хотят жениться, так и женились бы на каких-нибудь заблужденных, которым все равно, что барыней быть, что кухаркой, которые, из любви к ним, рады будут себе и юбки стирать и по грязи на рынок трепаться. А ведь есть такие, без понятия, женщины.

Полина. Вот он и из меня, должно быть, то же хочет сделать.

Кукушкина. Что нужно для женщины... образованной, которая видит и понимает всю жизнь, как свои пять пальцев? Они этого не понимают. Для женщины нужно, чтобы она одета была всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное — нужно спокойствие, чтобы она могла быть отдалена от всего, по своему благородству, ни в какие хозяйственные дрязги не входила. Юлинька у меня так и делает; она ото всего решительно далека, кроме как занята собой. Она спит долго; муж поутру должен распорядиться насчет стола и решительно всем; потом девка его напоит чаем, и он уезжает в присутствие. Наконец она встает; чай, кофей, все это для нее готово, она кушает, разоделась отличнейшим манером и села с книжкой у окна дожидаться мужа. Вечером надевает лучшие платья и едет в театр или в гости. Вот жизнь! вот порядок! вот как дама должна вести себя! Что может быть благороднее, что деликатнее, что нежнее?.. Хвалю.

Полина. Ах, вот блаженство-то! Хоть бы недельку так пожил.

Кукушкина. Да, с своим мужем ты дождешься, как же!

Полина. Уж вы его, маменька, хорошенько! А то мне, право, завидно. Юлинька, как ни приедет, все в новом платье, а я все в одном да в одном. Вот он идет. *(Идет к дверям.)*

Жадов входит с портфелем. Целуются.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Жадов.

Жадов. Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! *(Садится.)* Ах, как устал!

Полина садится подле матери.

Заработался совсем, отдыху себе не знаю. Утром в присутствии, днем на уроках, ночью за делами сижу: беру выписки составлять,— порядочно платят. А ты, Полина, вечно без работы, вечно сложа руки сидишь! Никогда тебя за делом не застанешь.

Кукушкина. Они у меня не так воспитаны, к работе не приучены.

Жадов. Очень дурно. После трудно привыкать, когда с малолетства не приучены. А надобно будет.

Кукушкина. Незачем ей и привыкать. Я их не в горничные готовила, а замуж за благородных людей.

Жадов. Мы с вами различных мнений, Фелисата Герасимовна. Я хочу, чтобы Полина слушалась меня.

Кукушкина. То есть вы хотите сделать из нее работницу; так уж такую бы себе под пару и искали. А уж нас извините, мы люди совсем не таких понятий в жизни, в нас благородство врожденное.

Жадов. Какое это благородство, это фанфаронство пустое! А нам, право, не до того.

Кукушкина. Вас послушать, так уши вянут. А вот что нужно сказать: кабы я знала, что она, несчастная, будет такую нищенскую жизнь вести, уж ни за что бы не отдала за вас.

Жадов. Вы ей, пожалуйста, не втолковывайте, что она несчастная женщина; я прошу вас. А то она, пожалуй, в самом деле подумает, что несчастная.

Кукушкина. А то счастлива? Разумеется, в самом горьком положении женщина. Другая бы на ее месте я уж и не знаю, что сделала.

Полина плачет.

Жадов. Полина, перестань дурачиться, пожалей меня!

Полина. У тебя все дурачиться. Видно, ты не любишь, когда тебе правду-то говорят.

Жадов. Какую правду?

Полина. Уж разумеется, правду; маменька не станет лгать.

Жадов. Мы с тобой ужо об этом поговорим.

П о л и н а. Не об чем говорить-то. *(Отворачивается.)*
К у к у ш к и н а. Разумеется.
Ж а д о в *(вздыхает)*. Вот несчастие!

Кукушкина и Полина не обращают на него внимания и разговаривают шепотом. Жадов достает из портфейля бумаги, раскладывает на столе и в продолжение следующего разговора оглядывается на них.

К у к у ш к и н а *(громко)*. Вообрази, Полина, я была у Белогубова, он купил жене бархатное платье.
П о л и н а *(сквозь слезы)*. Бархатное! Какого цвета?
К у к у ш к и н а. Вишневое.
П о л и н а *(плачет)*. Ах, боже мой! Я думаю, как к ней идет.
К у к у ш к и н а. Чудо! Только представь, какой проказник Белогубов! Насмешил, право, насмешил. Вот, маменька, я, говорит, вам жалуюсь на жену: я ей купил бархатное платье, а она меня так целовала, укусила даже очень больно. Вот жизнь! Вот любовь! Не то, что у других.
Ж а д о в. Это невыносимо! *(Встает.)*
К у к у ш к и н а *(встает)*. Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдает? Давайте мне отчет.
Ж а д о в. Она уж вышла из-под вашей опеки и поступила под мою, и потому оставьте мне распоряжаться ее жизнью. Поверьте, что будет лучше.
К у к у ш к и н а. Но я мать, милостивый государь.
Ж а д о в. А я муж.
К у к у ш к и н а. Вот мы видим, каков вы муж! Никогда любовь мужа не может сравняться с родительской.
Ж а д о в. Каковы родители!
К у к у ш к и н а. Каковы бы ни были, все-таки не вам чета. Мы вот, милостивый государь, какие родители! Мы с мужем по грошам набирали деньги, чтоб воспитать дочерей, чтоб отдать их в пансион. Для чего это, как вы думаете? Для того, чтоб они имели хорошие манеры, не видали кругом себя бедности, не видали низких предметов, чтобы не отяготить дитя и с детства приучить их к хорошей жизни, к благородству в словах и поступках.
Ж а д о в. Благодарю вас. Я вот почти уж год стараюсь из нее выбить ваше воспитание, да никак не могу. Кажется, половину жизни бы отдал, чтоб только она его забыла.

Кукушкина. Да разве я ее для такой жизни готовила! Я бы лучше руку дала на отсечение, чем видеть в таком положении дочь: в бедности, в страдании, в убожестве.

Жадов. Оставьте ваши сожаления, я вас прошу.

Кукушкина. Разве они у меня так жили? У меня порядок, у меня чистота. Средства мои самые ничтожные, а все-таки они жили, как герцогини, в самом невинном состоянии; где ход в кухню, не знали; не знали, из чего щи варятся; только и занимались, как следует барышням, разговором об чувствах и об предметах самых облагороженных.

Жадов *(указывая на жену)*. Да, такого глубокого разврата, как в вашем семействе, я не видывал.

Кукушкина. Разве такие люди, как вы, могут оценить благородное воспитание! Моя вина, я поторопилась! Выдь она за человека с нежными чувствами и с образованием, тот не знал бы, как благодарить меня за мое воспитание. И она была бы счастлива, потому что порядочные люди не заставляют жен работать, для этого у них есть прислуга, а жена только для...

Жадов *(быстро)*. Для чего?

Кукушкина. Как для чего? Кто ж этого не знает? Ну, известно... для того, чтобы одевать ее, как нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить в люди, доставлять все наслаждения, исполнять каждую ее прихоть, как закон... боготворить.

Жадов. Стыдитесь! Вы пожилая женщина, дожили до старости, вырастили дочерей и воспитали их, а не знаете, для чего человеку дана жена. Не стыдно ли вам! Жена не игрушка, а помощница мужу. Вы дурная мать!

Кукушкина. Да, я знаю, что вы очень рады себе из жены кухарку сделать. Бесчувственный вы человек!

Жадов. Полноте вздор болтать!

Полина. Маменька, оставьте его.

Кукушкина. Нет, не оставлю. С чего ты выдумала, чтобы я его оставила?

Жадов. Перестаньте. Я вас слушать не стану и жене не позволю. У вас, на старости лет, все вздор в голове.

Кукушкина. Каков разговор, каков разговор, а?

Жадов. Между мной и вами другого разговору быть не может. Оставьте нас в покое, я прошу вас. Я люб-

лю Полину и обязан беречь ее. Ваши разговоры вредны для Полины и безнравственны.

Кукушкина. Да вы не очень горячитесь, милостивый государь!

Жадов. Вы ровно ничего не понимаете.

Кукушкина *(с озлоблением)*. Не понимаю? Нет, я очень хорошо понимаю. Видала я примеры-то, как женщины-то гибнут от бедности. Бедность-то до всего доводит. Другая бьется, бьется, ну и собьется с пути. Даже и винить нельзя.

Жадов. Что! Как вы можете говорить при дочери такие вещи! Увольте нас от своего посещения... сейчас же, сейчас же.

Кукушкина. Коли дома холодно да голодно, да муж лентяй, поневоле будешь искать средств...

Жадов. Оставьте нас, я вас честью прошу. Вы меня выведете из терпения.

Кукушкина. Уж, конечно, уйду, и нога моя никогда не будет у вас. *(Полине.)* Каков муж-то у тебя! Вот горе-то! Вот несчастье-то!

Полина. Прощайте, маменька. *(Плачет.)*

Кукушкина. Плачь, плачь, несчастная жертва, оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты уж лучше умри, несчастная, чтоб не разрывалось мое сердце. Легче мне будет. *(Жадову.)* Торжествуйте! Вы свое дело сделали: обманули, прикинулись влюбленным, обольстили словами и потом погубили. Вся ваша цель была в этом, я теперь вас понимаю. *(Уходит.)*

Полина ее провожает.

Жадов. Надобно будет с Полиной построже поговорить. А то, чего доброго, ее вовсе с толку собьют.

Полина возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жадов и Полина (садится у окна, надувшись).

Жадов *(разложив бумаги, садится к столу)*. Фелисата Герасимовна, вероятно, больше к нам не придет, чему я очень рад. Я бы желал, Полина, чтобы и ты к ней не ходила, а также и к Белогубовым.

Полина. Не прикажете ли для вас всю родню бросить?

Жадов. Не для меня, а для себя. У них у всех такие

дикие понятия! Я тебя учу добру, а они развращают.

П о л и н а. Поздно меня учить, я уж учена.

Ж а д о в. Для меня было бы ужасно убедиться в том, что ты говоришь. Нет, я надеюсь, что ты меня поймешь наконец. Теперь много работы у меня; а вот будет поменьше, мы с тобой займемся. Утром будешь работать, а по вечерам будем читать. Тебе многое надо прочесть, ты ведь ничего не читала.

П о л и н а. Как же, стану я сидеть с тобой! Куда как весело! Человек создан для общества.

Ж а д о в. Что?

П о л и н а. Человек создан для общества.

Ж а д о в. Откуда это у тебя?

П о л и н а. Ты меня, в самом деле, за дуру считаешь. Кто ж этого не знает! Всякий знает. Что ты меня, с улицы, что ли, взял?

Ж а д о в. Да для общества-то нужно приготовить себя, образовать.

П о л и н а. Ничего этого не нужно, все вздор; нужно только одеваться по моде.

Ж а д о в. Ну, а мы и этого не можем, стало быть, и толковать нечего. Займись-ка лучше работой какой-нибудь, и я примусь за дело. *(Берет перо.)*

П о л и н а. Работой займись! С чего это ты выдумал? Уж будет тебе надо мной командовать-то... помыкать-то всячески да насмехаться-то!

Ж а д о в *(оборачиваясь)*. Что это, Полина?

П о л и н а. А то же, что я хочу жить, как люди живут, а не как нищие. Надоело уж. И так я с тобой загубила свою молодость.

Ж а д о в. Вот новости! Я этого не слыхал еще.

П о л и н а. Не слыхал, так послушай. Ты думаешь, что я молчала-то почти год, так и все буду молчать? Нет, извини! Ну, да что толковать! Я хочу жить, как Юлинька живет, как все благородные дамы живут. Вот тебе и сказ!

Ж а д о в. Вот что! Только позволь тебя спросить: на какие же средства нам так жить?

П о л и н а. А мне что за дело! Кто любит, тот найдет средства.

Ж а д о в. Да ты пожалей меня; я и так работаю, как вол.

П о л и н а. Работаешь ты или не работаешь — мне вовсе никакого дела нет. Не на мытарство, не на тиранство я за тебя замуж шла.

Жадов. Вы меня нынче совсем измучили. Замолчи, ради бога.

Полина. Как же, дожидайся, буду я молчать! По твоей милости все смеются надо мною. Что я стыда натерпелась! Сестрица уж сжалилась. Нынче приехала: «ты, говорит, нас страмишь, всю нашу фамилию: в чем ты ходишь!» И это не стыдно тебе? А еще уверял, что любишь. На свои деньги сестрица купила да привезла шляпку мне.

Жадов *(встает)*. Шляпку?

Полина. Да, вот она. Посмотри, на. Что, хороша?

Жадов *(строго)*. Отнеси сейчас назад.

Полина. Назад?

Жадов. Да, сейчас, сейчас снеси! И не смей от них ничего брать.

Полина. Ну, уж этому не бывать; уж будьте покойны.

Жадов. Так я ее выкину за окно.

Полина. А! так ты вот как стал! Хорошо, мой друг, я снесу.

Жадов. И снеси.

Полина *(со слезами)*. Снесу, снесу. *(Надевает шляпку, мантилью, берет зонтик.)* Прощайте!

Жадов. Прощай!

Полина. Простимся хорошенько; уж вы больше меня не увидите.

Жадов. Это что за вздор еще?

Полина. Я к маменьке пойду, там и останусь; ты уж и не ходи к нам.

Жадов. Что за глупость ты говоришь, Полина!

Полина. Нет, я уж давно обдумала! *(Чертит зонтиком по полу.)* Что моя за жизнь? Одно мученье, и никакой радости!

Жадов. Не грех тебе это говорить? Неужели ты со мной и не видала никакой радости?

Полина. Какие радости! Кабы ты богат был — другое дело, а то бедность-то терпеть. Что за радость! Вот намедни пьяный пришел; еще, пожалуй, бить меня будешь.

Жадов. Ах, боже мой! Что ты говоришь? Один раз в год пришел навеселе... Да кто же из молодых людей не бывает пьян?

Полина. Знаем мы, бедность-то до чего доводит, Мне маменька сказывала. Ты, пожалуй, запьешь, да и я-то с тобой погибну.

Ж а д о в. Все вздор какой тебе в голову лезет!

П о л и н а. Чего мне ждать хорошего-то? Я уж и на картах гадала про судьбу свою, и у ворожеи спрашивала: выходит — самая несчастная.

Ж а д о в *(хватает себя за голову)*. На картах гадает! К ворожеям ходит!

П о л и н а. По-твоему, чай, карты вздор! Нет уж, извини, ни в жизнь не поверю! Карты никогда не лгут. Вот уж всегда-то правду говорят. Что даже на уме у человека, и то по картам сейчас видно. Ты ведь ничему не веришь, у тебя все вздор; оттого-то нам и счастья нет.

Ж а д о в *(нежно)*. Полина! *(Подходит к ней.)*

П о л и н а *(отходя)*. Сделайте милость, оставьте.

Ж а д о в. Нет, ты меня не любишь.

П о л и н а. За что тебя любить-то? Очень нужно даром-то любить!

Ж а д о в *(горячо)*. Как даром? как даром? За любовь я тебе плачу любовью. Да ведь ты жена моя! Разве ты забыла это? Ты обязана со мной делить и горе и радость... Если б я был даже последний нищий.

П о л и н а *(садится на стул и, закинув голову, хохочет)*. Ха, ха, ха, ха!

Ж а д о в. Это уж гадко наконец! Это безнравственно!

П о л и н а *(быстро встает)*. Я не понимаю, что вам за охота жить с безнравственной женой. Прощайте!

Ж а д о в. Бог с тобой, прощай! Коли ты можешь бросить равнодушно мужа, так прощай! *(Садится к столу и подпирает голову руками.)*

П о л и н а. А что ж такое! Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.

Ж а д о в. Ну, прощай, прощай!

П о л и н а *(перед зеркалом)*. Вот шляпка, так шляпка, не то, что моя. *(Поет.)* «Матушка, голубушка, солнышко мое...». В этой и по улице-то пройдешь, все-таки кто-нибудь взглянет, скажет: ах, какая хорошенькая! Прощайте! *(Приседает и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ж а д о в *(один)*. Что у меня за характер! Куда он годится? С женой — и то ужиться не мог! Что же мне делать теперь? Господи боже мой! Я с ума сойду. Без нее мне незачем на свете жить. Как это сдела-

лось, я, право, не понимаю. Как же это я мог ее отпустить от себя! Что она будет делать у матери! Там она погибнет совсем. Марья! Марья!

Марья за сценой: «Что угодно?»

Догони поди барыню, скажи, что мне нужно с ней поговорить. Да поскорей, поскорей!.. Что это в самом деле, Марья, какая ты неповоротливая! Да беги же, беги скорей!

Марья за сценой: «Сейчас!»

А ну, как она не захочет вернуться! Да и прекрасно сделает! Она имеет полное право. Чем она виновата, что я не могу ее содержать прилично. Она красавица. Ей только восемнадцать лет, ей жить хочется, хочется удовольствий. А я держу ее в одной комнате, целый день дома не бываю. Хороша любовь! Ну, вот и живи один! Прекрасно! Очень хорошо!.. Опять сирота! чего ж лучше! Поутру пойду в присутствие, после присутствия домой незачем ходить, — посижу в трактире до вечера; а вечером домой, один, на холодную постель... зальюсь слезами! И так каждый день. Очень хорошо! *(Плачет.)* Ну, что ж! не умел с женой жить, так живи один. Нет, надо решиться на что-нибудь. Я должен или расстаться с ней, или... жить... жить... как люди живут. Об этом надо подумать. *(Задумывается.)* Расстаться? Да в силах ли я с ней расстаться? Много ли я пожил-то с ней? Ах, какая мука! какая мука! Нет уж, лучше... что с мельницами-то сражаться! Что я говорю! Какие мысли лезут мне в голову!

Входит Полина.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Жадов и Полина.

Полина *(садится не раздеваясь)*. Что вам угодно?

Жадов *(подбегает к ней)*. Пришла, пришла! Опять пришла!.. Не стыдно ли тебе! Ты меня так расстроила, так расстроила, Полина, что я и с мыслями не соберусь. Я совсем растерялся. *(Целует руки.)* Полина, друг мой!

Полина. Да ты с нежностями-то не подъезжай ко мне.

Жадов. Ты ведь пошутила, Полина, а? Ты меня не оставишь?

П о л и н а. Куда как интересно жить-то с тобой, горе-то мыкать!

Ж а д о в. Ты меня убиваешь, Полина! Уж коли не любишь, так хоть пожалей меня. Ты знаешь, как я тебя люблю.

П о л и н а. Да, оно и видно! Так и любят.

Ж а д о в. Как же еще любить? Как? Скажи, я все исполню, что ты мне прикажешь.

П о л и н а. Поди сейчас к дяде, помирись с ним и попроси такое же место, как у Белогубова, да и денег попроси кстати; после отдадим, как разбогатеем.

Ж а д о в. Ни за что на свете, ни за что на свете! И не говори ты мне этого.

П о л и н а. Зачем же ты меня воротил? Смеяться, что ли, надо мной хочешь? Так уж будет, я теперь стала умней. Прощай! *(Встает.)*

Ж а д о в. Постой! Погоди, Полина! Дай мне с тобой поговорить.

П о л и н а *(перед зеркалом)*. Об чем говорить! Уж все переговорили.

Ж а д о в *(с умоляющим видом)*. Нет, нет, Полина, не все еще. Много, много мне нужно еще сказать тебе. Ты многого не знаешь. Кабы можно было мне вдруг передать тебе свою душу, передать то, о чем думал и мечтал я,— как бы я был счастлив! Давай поговорим, Полина, поговорим. Ты слушай только, ради бога, слушай, одной милости прошу у тебя.

П о л и н а. Говори.

Ж а д о в *(горячо)*. Слушай, слушай! *(Берет ее за руку.)* Всегда, Полина, во все времена были люди, они и теперь есть, которые идут наперекор устаревшим общественным привычкам и условиям. Не по капризу, не по своей воле, нет; а потому, что правила, которые они знают, лучше, честнее тех правил, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они их слышали с пастырских и профессорских кафедр, они их вычитали в лучших литературных произведениях наших и иностранных. Они воспитались в них и хотят их провести в жизнь. Что это нелегко, я согласен. Общественные пороки крепки, невежественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна; но тем больше славы для избранных: на них благословение потомства; без них ложь, зло, насилие вы-

росли бы до того, что закрыли бы от людей свет солнечный...

Полина *(смотрит на него с изумлением)*. Ты сумасшедший, право сумасшедший! И ты хочешь, чтоб я тебя слушала; у меня и так ума-то немного, и последний с тобой потеряешь.

Жадов. Да ты послушай меня, Полина!

Полина. Нет, уж я лучше буду слушать умных людей.

Жадов. Кого же ты будешь слушать? Кто эти умные люди?

Полина. Кто? Сестрица, Белогубов.

Жадов. И ты сравняла меня с Белогубовым!

Полина. Скажите, пожалуйста! Ты что такой за важный человек? Известно, Белогубов лучше тебя. У начальства в уважении, жену любит, отличный хозяин, свои лошади... А ты что? только что хвастать... *(Передразнивая его.)* «Я умный, я благородный, все дураки, все взяточники!»

Жадов. Что за тон у тебя! Что за манеры! Какая мерзость!

Полина. Ты опять ругаться! Прощай! *(Хочет идти.)*

Жадов *(держит ее)*. Постой, погоди немножко.

Полина. Пусти.

Жадов. Нет, постой, постой! Полиночка, друг мой, погоди. *(Хватает ее за платье.)*

Полина *(смеется)*. Ну, что ты меня держишь руками-то! какой ты чудак! Захочу уйти, так не удержишь.

Жадов. Что ж мне с тобой делать? Что ж мне с тобой делать, с моей милой Полиной?

Полина. Поди к дяде да помирись.

Жадов. Постой, постой, дай подумать.

Полина. Подумай.

Жадов. Ведь я тебя люблю, я для тебя готов на все на свете... Но что ты мне предлагаешь!.. Ужасно!.. Нет, надо подумать. Да, да, да, да... подумать надо... надо подумать... Ну, а если я не пойду к дяде, ты уйдешь от меня?

Полина. Уйду.

Жадов. Совсем уйдешь?

Полина. Совсем. Не десять тебе раз говорить-то, надоело уж. Прощай!

Жадов. Постой, постой! *(Садится к столу, подпирает голову руками и задумывается.)*

Полина. Долго ли мне ждать-то!

Ж а д о в *(почти со слезами)*. А ведь знаешь что, Полина? Ведь хорошо, когда хорошенькая жена да хорошо одета?

П о л и н а *(с чувством)*. Очень хорошо!

Ж а д о в. Ну, да, да... *(Кричит.)* Да, да! *(Топает ногами.)* И хорошо с ней выехать в хорошем экипаже?

П о л и н а. Ах, как хорошо!

Ж а д о в. Ведь молодую, хорошенькую жену надо любить, надо ее лелеять... *(Кричит.)* Да, да, да, надо ее наряжать... *(Успокоившись.)* Ну, что ж, ничего... ничего... Это легко сделать! *(С отчаянием.)* Прощайте, юношеские мечты мои! Прощайте, великие уроки! Прощай, моя честная будущность! Ведь буду и я старик, будут у меня и седые волосы, будут и дети...

П о л и н а. Что ты? что ты?

Ж а д о в. Нет, нет! детей будем в строгих правилах воспитывать. Пусть идут за веком. Нечего им на отцов смотреть.

П о л и н а. Да перестань!

Ж а д о в. Дай мне поплакать-то, ведь уж это я плачу в последний раз в жизни. *(Рыдает.)*

П о л и н а. Что это с тобой сделалось?

Ж а д о в. Ничего... ничего... легко... легко... все легко на свете. Только надобно, чтоб не напоминало ничто! Это просто сделать! Это я сделаю... сделаю, буду сторониться, прятаться от своих прежних товарищей... не буду ходить туда, где говорят про честность, про святость долга... целую неделю работать, а в пятницу на субботу собирать разных Белогубовых и пьянствовать на ворованные деньги, как разбойники... да, да... А там и привыкнешь.

П о л и н а *(почти плача)*. Ты что-то нехорошее говоришь.

Ж а д о в. Петь песни... Ты знаешь эту песню? *(Поет.)*

Бери, большой тут нет науки.
Бери, что можно только взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать, брать, брать...

Хороша эта песенка?

П о л и н а. Что с тобой такое, я уж и не пойму,

Ж а д о в. Пойдем к дядюшке просить доходного места! *(Надевает небрежно шляпу и берет жену за руку.)*

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

АРИСТАРХ ВЛАДИМИРЫЧ ВЫШНЕВСКИЙ.

АННА ПАВЛОВНА ВЫШНЕВСКАЯ.

АКИМ АКИМЫЧ ЮСОВ.

ВАСИЛИЙ НИКОЛАИЧ ЖАДОВ.

ПОЛИНА.

АНТОН.

МАЛЬЧИК.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Вышневская и Антон (подает письмо на подносе и уходит).

Вышневская *(читает)*. «Милостивая государыня, Анна Павловна! Извините меня, если мое письмо вам не понравится; ваши поступки со мной оправдывают и мои. Я слышал, что вы смеетесь надо мной и показываете посторонним мои письма, писанные с увлечением и в порыве страсти. Вы не можете не знать моего положения в обществе и сколько компрометирует меня такое ваше поведение. Я не мальчик. И по какому праву вы так поступаете со мной? Мое искательство совершенно оправдывалось вашим поведением, которое, вы сами должны признаться, не было безукоризненно. И хотя мне, как мужчине, позволительны некоторые вольности, но смешным я быть не хочу. А вы меня сделали предметом разговора в целом городе. Вы знаете мои отношения к Любимову, я уже говорил вам, что между бумагами, которые остались после него, я нашел несколько ваших писем. Я предлагал вам их получить от меня. Стоило только вам побороть вашу гордость и согласиться с общественным мнением, что я один из красивейших мужчин и более других пользуюсь успехами между дамами. Вам угодно было обращаться со мною презрительно; в таком случае вы должны меня извинить: я решился передать эти письма вашему мужу». — Вот это благородно! Фу, какая мерзость! Ну да все равно, надобно же было кончить когда-

нибудь. Я не из тех женщин, чтобы согласилась поправлять холодным развратом проступок, сделанный по увлечению. Хороши у нас мужчины! Человек, которому сорок лет, у которого жена красавица, начинает ухаживать за мной, говорить и делать глупости. Что может оправдать его? Страсть? Какая страсть! Он уж, я думаю, в восемнадцать лет потерял способность влюбляться. Нет, очень просто: до него дошли разные сплетни про меня, и он считает меня доступной женщиной. И вот он безо всякой церемонии начинает писать ко мне страстные письма, наполненные самыми пошлыми нежностями, очевидно весьма хладнокровно придуманными. Он объездит десять гостиных, где будет рассказывать про меня самые ужасные вещи, и потом приезжает утешать меня. Говорит, что он стоит выше холодного бездушного общества с его приличиями и законами, что он презирает общественное мнение, что страсть в его глазах оправдывает все. Клянется в любви, говорит пошлые фразы, желая придать своему лицу страстное выражение, делает какие-то странные, кислые улыбки. Даже не дает себе труда хорошенько притвориться влюбленным. Зачем трудиться, сойдет и так, только бы форма была соблюдена. Если посмеешься над таким человеком или окажешь ему презрение, которого он заслуживает,— он считает себя вправе мстить. Для него смешное страшнее самого грязного порока. Связью с женщиной он станет хвастаться сам — это делает ему честь; а письма его показать — беда, это его компрометирует. Он сам чувствует, что они смешны и глупы. За кого же они считают тех женщин, к которым пишут такие письма? Бессовестный народ! И вот он теперь, в порыве благородного негодования, делает подлость против меня и, вероятно, считает себя правым. Да не один он, все таковы... Ну, да тем лучше, по крайней мере я объяснюсь с мужем. Мне даже хочется этого объяснения. Он увидит, что если я виновата перед ним, то он еще более виноват передо мной. Он убил всю мою жизнь. Он своим эгоизмом засушил мое сердце, отнял у меня возможность семейного счастия; он заставил меня плакать о том, чего воротить нельзя,— об моей молодости. Я провела ее с ним пошло, бесчувственно,

тогда как душа просила жизни, любви. В пустом, мелочном круге его знакомых, в который он ввел меня, во мне заглохли все лучшие душевные качества, оледенели все благородные порывы. И вдобавок, я испытываю угрызения совести за проступок, которого избежать было не в моей власти.

Юсов входит, заметно расстроенный.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вышневская и Юсов.

Юсов *(кланяясь)*. Еще не приезжали-с?

Вышневская. Нет еще. Садитесь.

Юсов садится.

Вы чем-то встревожены?

Юсов. Нет слов-с... уста немеют.

Вышневская. Да что такое?

Юсов *(качает головой)*. Человек все равно... корабль по морю... вдруг кораблекрушение, и несть спасающего!..

Вышневская. Я вас не понимаю.

Юсов. Я насчет бренности... что прочно в жизни сей? С чем придем? с чем предстанем?.. Одни дела... можно сказать, как ноша за спиной... в обличение... и помышления даже... *(махнув рукой)* все записаны.

Вышневская. Что, умер, что ли, кто-нибудь?

Юсов. Нет-с, переворот в жизни. *(Нюхает табак.)* В богатстве и в знатности затмение бывает... чувств наших... забываем нищую братию... гордость, плотоугодие... За то и наказание бывает по делам нашим.

Вышневская. Я это давно знаю; не понимаю только, к чему вы передо мной теряете даром свое красноречие.

Юсов. Близко сердцу моему... Положим, хоть я тут не подлежу большой ответственности... но все-таки над такой особой! Что прочно... когда и сан не защищает.

Вышневская. Над какой особой?

Юсов. Опала на нас.

Вышневская. Да говорите!

Юсов. Открылись якобы упущения, недочеты сумм и разные злоупотребления.

Вышневская. Что же?

Юсов. Так нас под суд-с... То есть я-то, собственно, не подлежу большой ответственности, а Аристарх Владимирыч должны будут...

Вышневская. Что должны?

Юсов. Ответствовать всем своим имуществом и подвергнуться суду за противузаконные якобы поступки.

Вышневская *(подняв глаза)*. Начинается расплата!

Юсов. Конечно, смертный... Станут придираться, так, пожалуй, найдут что-нибудь; я так полагаю, что, по нынешним строгостям, отставят... Должен буду бедствовать без куска хлеба.

Вышневская. Вам, кажется, далеко до этого.

Юсов. Да ведь дети-с.

Молчание.

Я все думал дорогой, с прискорбием думал: за что такое попущение на нас? За гордость... Гордость ослепляет человека, застилает глаза.

Вышневская. Полноте, какая тут гордость! просто за взятки.

Юсов. Взятки? Взятки что-с, маловажная вещь... многие подвержены. Смирения нет, вот главное... Судьба все равно, что фортуна... как изображается на картине... колесо, и на нем люди... поднимается кверху и опять опускается вниз, возвышается и потом смиряется, превозносится собой и опять ничто... так все кругообразно. Устроивай свое благосостояние, трудись, приобретай имущество... возносись в мечтах... и вдруг наг!.. Надпись подписана под этой фортуной... *(С чувством.)*

Чуден в свете человек!
Суетится целый век,
Счастия сыскать желает,
А того не вображает,
Что судьба им управляет.

Вот что раскусить надо! Вот что должен человек помнить! Мы родимся, ничего не имеем, так и в могилу. Для чего же трудимся? Вот философия! Что наш ум? Что он может постигнуть?

Входит Вышневский и молча проходит в кабинет. Юсов встает.

Вышневская. Как он изменился!

Юсов. За доктором бы послать. С ними давеча в присутствии дурно сделалось. Такой удар... человеку благородных чувств... как его перенесть!

Вышневская звонит.
Входит мальчик.

Вышневская. Сходи за доктором, попроси поскорей приехать.

Вышневский выходит и садится в кресла.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Вышневский.

Вышневская *(подходя к нему)*. Я слышала от Акима Акимыча, с вами несчастие. Не падайте духом.

Молчание.

Вы ужасно переменились. Вы дурно себя чувствуете? Я послала за доктором.

Вышневский. Какое лицемерие! Какая гнусная ложь! Какая подлость!

Вышневская *(гордо)*. Никакой лжи! Я вас жалею, как стала бы жалеть всякого в несчастии — ни больше и ни меньше. *(Отходит и садится.)*

Вышневский. Не нужно мне ваших сожалений. Не жалейте меня! я обесчещен, разорен! За что?

Вышневская. Спросите у вашей совести.

Вышневский. Не говорите о совести! Вы не имеете права говорить о ней... Юсов! За что я погиб?

Юсов. Превратность... судьба-с.

Вышневский. Вздор, какая судьба! Сильные враги — вот причина. Вот что меня сгубило! Проклятие вам! Позавидовали моему благополучию. Как не позавидовать! Человек в несколько лет возвышается, богатеет, смело создает свое благоденствие, строит дома и дачи, покупает деревню за деревней, вырастает выше их целой головой. Как не позавидовать! Человек идет к богатству и почестям, как по лестнице. Чтобы перегнать или хоть догнать его, нужен ум, гений. Ума взять негде, ну так подставить ему ногу. Я задыхаюсь от бешенства...

Юсов. Зависть человека может на все подвигнуть...

Вышневский. Не падение меня бесит, нет — а торжество, которое я им доставлю своим падением.

Что теперь разговору! что радости! О, черт возьми, я не переживу! *(Звонит.)*

Входит Антон.

Воды...

Антон подает и уходит.

Теперь с вами мне нужно поговорить.

Вышневская. Что вам угодно?

Вышневский. Мне угодно вам сказать, что вы развратная женщина.

Вышневская. Аристарх Владимирыч, здесь посторонние люди.

Юсов. Прикажете уйти-с?

Вышневский. Останься! Я скажу то же самое при всей дворне.

Вышневская. За что вы оскорбляете меня? Вам не на кого излить свою бессильную злобу. Не грех ли вам!

Вышневский. Вот вам доказательство моих слов. *(Бросает конверт с письмами.)*

Юсов поднимает и подает Вышневской.

Вышневская. Благодарю вас. *(Судорожно рассматривает их и прячет в карман.)*

Вышневский. Юсов, что делают с женщиной, которая, несмотря на все благодеяния мужа, забывает свой долг?

Юсов. Гм... гмм...

Вышневский. Я тебе скажу: выгоняют с позором! Да, Юсов, я несчастен, вполне несчастен, я одинок. Не бросай хоть ты меня. Человек, как бы он ни был высоко поставлен, когда он в горе, все-таки ищет утешения в семействе. *(С злобою.)* А я нахожу в своем семействе...

Вышневская. Не говорите про семейство! У вас его никогда не было. Вы даже не знаете, что такое семейство! Позвольте же теперь, Аристарх Владимирыч, высказать вам все, что я перенесла, живя с вами.

Вышневский. Для вас нет оправданий.

Вышневская. Я и не хочу оправдываться,— мне не в чем оправдываться. За минутное увлечение я перенесла много горя, много унижения, но, поверьте, без ропота на судьбу и без проклятий, как вы. Я хочу вам сказать только, что если я виновата, то перед

собой одной, а не перед вами. Вы не должны меня упрекать. Если б вы имели сердце, вы бы чувствовали, что вы меня погубили.

Вышневский. Ха, ха! Вините кого другого в вашем поведении, а не меня.

Вышневская. Нет, вас. Разве вы жену брали себе? Вспомните, как вы за меня сватались! Когда вы были женихом, я не слыхала от вас ни одного слова об семейной жизни; вы вели себя, как старый волокита, обольщающий молодых девушек подарками, смотрели на меня, как сатир. Вы видели мое отвращение к вам, и, несмотря на это, вы все-таки купили меня за деньги у моих родственников, как покупают невольниц в Турции. Чего же вы от меня хотите?

Вышневский. Вы моя жена, не забывайте! и я вправе всегда требовать от вас исполнения вашего долга.

Вышневская. Да, вы свою покупку, не скажу, освятили — нет, а закрыли, замаскировали браком. Иначе нельзя было: мои родные не согласились бы, а для вас все равно. И потом, когда уж вы были моим мужем, вы не смотрели на меня как на жену: вы покупали за деньги мои ласки. Если вы замечали во мне отвращение к вам, вы спешили ко мне с каким-нибудь дорогим подарком и тогда уж подходили смело, с полным правом. Что же мне было делать... вы все-таки мой муж: я покорялась. О! перестанешь уважать себя. Каково испытывать чувство презрения к самой себе! Вот до чего вы довели меня! Но что со мной было потом, когда я узнала, что даже деньги, которые вы мне дарите,— не ваши; что они приобретены не честно...

Вышневский *(привстает)*. Замолчите!

Вышневская. Извольте, я замолчу об этом, вы уж довольно наказаны; но я буду продолжать о себе.

Вышневский. Говорите, что хотите, мне все равно; вы не измените моего мнения о вас.

Вышневская. Может быть, вы о себе измените мнение после моих слов. Вы помните, как я дичилась общества, я боялась его. И недаром. Но вы требовали,— я должна была уступить вам. И вот, совсем неприготовленную, без совета, без руководителя, вы ввели меня в свой круг, в котором искушение и порок на каждом шагу. Некому было ни предупредить,

ни поддержать меня! Впрочем, я скоро сама узнала всю мелочность, весь разврат тех людей, которые составляют ваше знакомство. Я берегла себя. В то время я встретила в обществе Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его светлые глаза, как умен и как чист был он сам! Как горячо он спорил с вами, как смело говорил про всякую ложь и неправду! Он говорил то, что я уже чувствовала, хотя и не ясно. Я ждала от вас возражений. Возражений от вас не было; вы только клеветали на него, за глаза выдумывали гнусные сплетни, старались уронить его в общественном мнении, и больше ничего. Как я желала тогда заступиться за него; но я не имела для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мне оставалось только... полюбить его.

Вышневский. Так вы и сделали?

Вышневская. Так я и сделала. Я видела потом, как вы губили его, как мало-помалу достигали своей цели. То есть не вы одни, а все, кому это нужно было. Вы сначала вооружили против него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодых людей, потом твердили постоянно, что он вольнодумец и вредный человек, и восстановили против него его начальство; он принужден был оставить службу, родных, знакомство, уехать отсюда... и умер далеко. *(Закрывает глаза платком.)* Я все это видела, все это выстрадала на себе. Я видела торжество злобы, а вы все еще считаете меня той девочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить вас за ваши подарки. Из моих чистых отношений к нему сделали гнусную сплетню; дамы стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали без церемонии преследовать меня. Вот до чего вы довели меня, женщину, достойную, может быть, лучшей участи, женщину, способную понимать истинное значение жизни и ненавидеть зло! Вот все, что я хотела сказать вам,— больше вы не услышите от меня упрека никогда.

Вышневский. Напрасно. Я теперь бедный человек, а бедные люди позволяют своим женам ругаться. Это у них можно. Если б я был тот Вышневский, каким был до нынешнего дня, я бы вас прогнал без разговору; но мы теперь, благодаря врагам моим, должны спуститься из круга порядочных людей. В низ-

шем кругу мужья бранятся с своими женами и иногда дерутся — и это не делает никакого скандала.

Входит Жадов с женой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Жадов и Полина.

Вышневский. Ты зачем?

Жадов. Дядюшка, извините...

Полина. Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, тетенька! *(Шепчет Вышневской.)* Пришел места просить. *(Садится подле Вышневской.)*

Вышневская. Как! Неужели! *(Смотрит с любопытством на Жадова.)*

Вышневский. Ты пришел посмеяться над дядей!

Жадов. Дядюшка, я, быть может, оскорбил вас. Извините меня... увлечение молодости, незнание жизни... я не должен был... вы мой родственник.

Вышневский. Ну?

Жадов. Я испытал, что значит жить без поддержки... без протекции... я женат.

Вышневский. Ну, что ж тебе?

Жадов. Я живу очень бедно... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю... Позвольте мне опять служить под вашим начальством... дядюшка, обеспечьте меня! Дайте мне место, где бы я... мог... *(тихо)* приобресть что-нибудь.

Полина *(Вышневской)*. Подоходнее!

Вышневский *(хохочет)*. Ха, ха, ха! Юсов! Вот они, герои-то! Молодой человек, который кричал на всех перекрестках про взяточников, говорил о каком-то новом поколении, идет к нам же просить доходного места, чтобы брать взятки! Хорошо новое поколение! ха, ха, ха!

Жадов *(встает)*. Ох! *(Хватается за грудь.)*

Юсов. Молод был! Разве дело говорил! Одни слова... Так они словами и останутся. Жизнь-то даст себя знать. *(Нюхает табак.)* Бросишь философию-то. Только то нехорошо, что прежде надобно было умных людей послушать, а не грубить.

Вышневский *(Юсову)*. Нет, Юсов, помнишь, какой тон был! Какая уверенность в самом себе! Какое негодование к пороку! *(Жадову, более и более разгорячаясь.)* Не ты ли говорил, что растет какое-то новое

поколение образованных, честных людей, мучеников правды, которые обличат нас, закидают нас грязью? Не ты ли? Признаюсь тебе, я верил. Я вас глубоко ненавидел... я вас боялся. Да, не шутя. И что ж оказывается! Вы честны только до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; честны только до первой встречи с нуждой! Ну, обрадовал ты меня, нечего сказать!.. Нет, вы не стоите ненависти — я вас презираю!

Жадов. Презирайте, презирайте меня. Я сам себя презираю.

Вышневский. Вот люди, которые взяли себе привилегию на честность! Мы с тобой осрамлены! Нас отдали под суд...

Жадов. Что я слышу!

Юсов. Люди — всегда люди.

Жадов. Дядюшка, я не говорил, что наше поколение честней других. Всегда были и будут честные люди, честные граждане, честные чиновники; всегда были и будут слабые люди. Вот вам доказательство — я сам. Я говорил только, что в наше время... *(начинает тихо и постепенно одушевляется)* общество мало-помалу бросает прежнее равнодушие к пороку, слышатся энергические возгласы против общественного зла... Я говорил, что у нас пробуждается сознание своих недостатков; а в сознании есть надежда на лучшее будущее. Я говорил, что начинает создаваться общественное мнение... что в юношах воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растет, растет и принесет плоды. Не увидите вы, так мы увидим и возблагодарим бога. Моей слабости вам нечего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человек; у меня мало воли, как почти у всех у нас. Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь. Но довольно одного урока, хоть такого, как теперь... благодарю вас за него; довольно одной встречи с порядочным человеком, чтобы воскресить меня, чтобы поддержать во мне твердость. Я могу поколебаться, но преступления не сделаю; я могу споткнуться, но не упасть. Мое сердце уж размягчено образованием, оно не загрубеет в пороке.

Молчание.

Жадов. Я не знаю, куда деться от стыда... Да, мне стыдно, стыдно, что я у вас.

Вышневский *(поднимаясь)*. Так поди вон!

Жадов *(кротко)*. Пойду. Полина, теперь ты можешь идти к маменьке; я тебя держать не стану. Уж теперь я не изменю себе. Если судьба приведет есть один черный хлеб,— буду есть один черный хлеб. Никакие блага не соблазнят меня, нет! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядеть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайных угрызений, читать и смотреть сатиры и комедии на взяточников и хохотать от чистого сердца, откровенным смехом. Если вся жизнь моя будет состоять из трудов и лишений, я не буду роптать... Одного утешения буду просить я у бога, одной награды буду ждать. Чего, думаете вы?

Короткое молчание.

Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного.

Вышневский *(встает)*. Я тебя задушу своими руками! *(Шатается.)* Юсов, мне дурно. Проводи меня в кабинет. *(Уходит с Юсовым.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вышневская, Жадов, Полина и потом Юсов.

Полина *(подходит к Жадову)*. Ты подумал, что я в самом деле хочу тебя оставить? Это я нарочно. Меня научили.

Вышневская. Помиритесь, дети мои.

Жадов и Полина целуются.

Юсов *(в дверях)*. Доктора! Доктора!

Вышневская *(приподымаясь в креслах)*. Что, что?

Юсов. С Аристархом Владимирычем удар!

Вышневская *(слабо вскрикнув)*. Ах! *(Опускается в кресла.)*

Полина со страху прижимается к Жадову; Жадов опирается рукой на стол и опускает голову. Юсов стоит у двери, совершенно растерявшись. Картина.

Картины из московской жизни

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОН — ДО ОБЕДА [1]

ЛИЦА:

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА
вдова.

МИХАЙЛО ДМИТРИЧ БАЛЬЗАМИНОВ
ее сын, чиновник, 25 лет.

КЛЕОПАТРА ИВАНОВНА НИЧКИНА
вдова, купчиха, 35 лет.

КАПОЧКА *(Капитолина)*
ее дочь, 17 лет.

УСТИНЬКА
подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лет.

АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА
сваха.

НИЛ БОРИСЫЧ НЕУЕДЕНОВ
купец, брат Ничкиной, 40 лет.

ЮША (ЕФИМ)
сын его, 13 лет.

МАТРЕНА
кухарка у Бальзаминовых.

МАЛАНЬЯ
горничная у Ничкиной.

[1] По народному поверью, сон, виденный под праздник, сбывается только до обеда. *(Прим. автора).*

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Бедная комната; направо дверь, у двери старинные часы; прямо печь изразцовая, с одной стороны ее шкаф, с другой — дверь в кухню; налево комод, на нем туалетное зеркало; на первом плане окно, у окна стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова *(одна, сидит с чулком в руках)*. Миша! Миша! Что ты там в кухне делаешь?

Бальзаминов из кухни: «Не мешайте, маменька! Матрена меня завивает!»

Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей уж очень занят. Эх, молодо, зелено! Все счастье себе хочет составить, прельстить кого-нибудь. А я так думаю, не прельстит он никого; разумом-то он у меня больно плох. Другой и собой-то, из лица-то неказист, так словами обойдет; а мой-то умных слов совсем не знает. Да, да! Уж и жаль его. Знай-ка он умные-то слова, по нашей бы стороне много мог выиграть: сторона глухая, народ темный. А то слов-то умных не знает. Да и набраться-то негде. Уж хоть бы из стихов, что ли, выписывал. *(Подумав.)* И диковина это, что случилось! В кого это он родился так белокур? Опять беда: нынче белокурые-то не в моде. Ну и нос... не то чтобы он курносый вовсе, а так мало как-то, чего-то не хватает. А понравиться хочется, особенно кабы богатой невесте. Уж так, бедный, право, старается — из кожи лезет. Кто ж себе враг! Сторона-то у нас такая, богатых невест очень много, а глупы ведь. Может, Мише и посчастливится по их глупости. Умишком-то его очень бог обидел.

Бальзаминов кричит из кухни: «Маменька, я хочу а ля полька завиться!»

Глупенький, глупенький! Зачем ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжешь, все врозь смотрят. Так-то лучше к тебе идет, натуральнее! Ах ты, Миша, Миша! Мне-то ты мил, я-то тебя ни на кого не променяю; как-то другим-то понравишься, особенно богатым-то? Что-то уж и не верится! На мои-то бы глаза лучше и нет тебя, а другие-то нынче раз-

борчивы. Поговорят с тобой, ну и увидят, что ты умом-то недостаточен. А кто ж этому виноват? *(Вздыхает.)* Глупенький ты мой! А ведь, может быть, и счастлив будет. Говорят, таким-то бог счастье дает. *(Вяжет чулок.)*

Бальзаминов в халате вбегает из кухни.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминов, Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминов *(держась за голову)*. Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрена *(в двери, со щипцами)*. Я ведь не полихмахтер, с меня что взять-то!

Бальзаминов. Да ведь я тебя просил волосы завивать-то, а не уши.

Матрена. А зачем велики отрастил! Ин шел бы к полихмахтеру; а с меня что взять-то! *(Уходит.)*

Бальзаминов. Батюшки, что ж мне делать-то! *(Подходит к зеркалу.)* Ай, ай, ай! Почернело все!.. Уж больно-то, нужды б нет, как бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

Бальзаминова. За дело!

Бальзаминов. Какое, задела! Так горячими-то щипцами все ухо и ухватила... Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки... Ой, батюшки!

Бальзаминова. Я говорю, Миша, за дело тебе. Зачем завиваться! Что хорошего! Точно как цирульник; да и грех. Уж как ни завивайся, лучше не будешь.

Бальзаминов. Как вы, маменька, мне счастья не желаете, я не понимаю. Как мы живем? Просто бедствуем.

Бальзаминова. Так что ж! Зачем же волосы-то портить?..

Бальзаминов. Да ведь нынче праздник.

Бальзаминова. Так что ж, что праздник?

Бальзаминов. Как, что? Здесь сторона купеческая; может такой случай выйти... Вдруг...

Бальзаминова. Все у тебя глупости на уме.

Бальзаминов. Какие же глупости?

Бальзаминова. Разумеется, глупости. Разве хорошо? Растреплешь себе волосы, да и пойдешь мимо

богатых купцов под окнами ходить. Как-нибудь и беды наживешь. Другой ревнивый муж или отец вышлет дворника с метлой.

Бальзаминов. Ну, что ж такое? Ну, вышлет; можно и убежать.

Бальзаминова. Незачем шататься-то.

Бальзаминов. Как незачем? Разве лучше в бедности-то жить! Ну, я год прохожу, ну два, ну три, ну пять — ведь также у меня время-то идет,— зато вдруг...

Бальзаминова. Лучше бы ты служил хорошенько.

Бальзаминов. Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь мильон.

Бальзаминова. Уж и мильон?

Бальзаминов. А что ж такое! Нешто не бывает. Вы сами ж сказывали, что я в сорочке родился.

Молчание.

Ах, маменька, не поверите, как мне хочется быть богатым, так и сплю, и вижу. Кажется... эх... разорвался бы! Уж так хочется, так хочется!

Бальзаминова. Дурное ли дело!

Бальзаминов. Ведь другой и богат, да что проку-то: деньгами не умеет распорядиться, даже досадно смотреть.

Бальзаминова. А ты умеешь?

Бальзаминов. Да, конечно, умею. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что мне к лицу. *(Подбегает к окну.)* Маменька, маменька, поглядите!

Бальзаминова. Нужно очень!

Бальзаминов. Какая едет-то! Вся бархатная! *(Садится у окна, повеся голову.)* Вот кабы такая влюбилась в меня да вышла за меня замуж, что бы я сделал!

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. А вот: во-первых, сшил бы себе голубой плащ на черной бархатной подкладке. Надо только вообразить, маменька, как мне голубой цвет к лицу! Купил бы себе серую лошадь и беговые дрожки и ездил бы по Зацепе, маменька, и сам правил...

Бальзаминова. Все-то вздор у тебя.

Бальзаминов. Да, я вам и забыл сказать, какой я сон видел! Вот разгадайте-ка.

Б а л ь з а м и н о в а. Ну, говори, какой?

Б а л ь з а м и н о в *(берет стул и садится подле матери)*. Вот, вдруг я вижу, будто я еду в хорошей коляске и одет, будто, я очень хорошо, со вкусом: жилетка, будто, на мне, маменька, черная, с мелкими золотыми полосками; лошади, будто, серые, а еду я подле реки...

Б а л ь з а м и н о в а. Лошади — ложь; река — речи, разговор.

Б а л ь з а м и н о в. Слушайте, маменька, что дальше было. Вот, вижу я, будто кучер меня уронил, во всем-то в новом платье, и прямо в грязь.

Б а л ь з а м и н о в а. Грязь — это богатство.

Б а л ь з а м и н о в. Да какая грязь-то, маменька! Бррр... И, будто, я в этом... весь перепачкался. Так я и обмер! Во всем-то в новом, вообразите!

Б а л ь з а м и н о в а. Это... золото. Это тебе к большому богатству.

Б а л ь з а м и н о в. Кабы сбылось! Хоть бы вот насмех один сон сбылся! Уж сколько я таких снов видел: и денег-то у меня много, и одет-то я очень хорошо — проснешься, хвать, ан нет ничего. Один раз генералом себя видел. Как обрадовался! Нет! Перестану верить снам.

Б а л ь з а м и н о в а. Как можно не верить.

Б а л ь з а м и н о в. Нет, нет! Один обман...

Б а л ь з а м и н о в а. А вот подождем. Праздничный сон — до обеда сбывается: коли до обеда не сбудется, так ничего не будет,— надобно его совсем из головы выкинуть.

Б а л ь з а м и н о в. Я, маменька, оденусь да пойду погуляю. *(Уходит.)*

Б а л ь з а м и н о в а. А сон-то в самом деле хорош. Чего не бывает на свете! Может быть, и ему счастье выйдет.

М а т р е н а *(в дверях)*. Какая-то старуха, русачка, вас спрашивает.

Б а л ь з а м и н о в а. Ну, позови!

М а т р е н а уходит.

Что ей от меня нужно? Право, не придумаю. Уж не сваха ли?

К р а с а в и н а входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Красавина и Бальзаминова.

Бальзаминова. Садитесь, матушка!

Красавина садится.

Что вам угодно?

Красавина. Аль не узнали?

Бальзаминова. Не признáю, матушка.

Красавина. Уж, кажется, нашу сестру из тысячи выберешь. Видна сова по полету. Где сын-то?

Бальзаминова. Одевается.

Красавина. Ну, уж кавалер, нечего сказать! С налету бьет! Крикнул это, гаркнул: сивка, бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой! В одно ухо влез, в другое вылез, стал молодец молодцом. Сидит королевишна в своем новом тереме на двенадцати венцах. Подскочил на все двенадцать венцов, поцеловал королевишну во сахарны уста, а та ему именной печатью в лоб и запечатала для памяти.

Бальзаминова. Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша!

Бальзаминов входит во фраке.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота моя неописанная! Младой вьюнош, чем дарить будешь?

Бальзаминов. Кого?

Красавина. Меня.

Бальзаминов. За что?

Красавина. Много будешь знать, скоро состареешься. Ты подарок-то готовь.

Бальзаминов *(сконфузившись)*. Чем тебя дарить-то? *(Шарит в карманах.)* Право... эх... ничего-то у меня нет.

Красавина. На нет — суда нет. Теперь нет, после будет. Смотри же, уговор лучше денег. Мне многого не надо, ты сам человек бедный, только вдруг счастье-то тебе такое вышло. Ты мне подари кусок материи на платье да платок пукетовый, французский.

Б а л ь з а м и н о в. Да уж хорошо, уж что толковать!

К р а с а в и н а. Что разгорячился больно! Надо толком поговорить. Ты свое возьмешь, и мне надо свое взять. Так смотри же, французский. А то ты подаришь, пожалуй, платок-то по нетовой земле пустыми цветами.

Б а л ь з а м и н о в. Да уж все, уж все, только говори.

К р а с а в и н а. Аль сказать?

Б а л ь з а м и н о в. Говори, говори! Маменька, вот сон-то!

Б а л ь з а м и н о в а. Да, Миша.

К р а с а в и н а. Разве видел что?

Б а л ь з а м и н о в. Видел, видел.

К р а с а в и н а. Ну, вот тебе и вышло.

Б а л ь з а м и н о в. Да что вышло-то?

К р а с а в и н а. Ишь ты какой проворный! Так тебе вдруг и сказать! Вы хоть бы меня попотчевали чем-нибудь. Уж, одно слово, обрадую.

Б а л ь з а м и н о в. Маменька, что ж вы сидите в самом деле! Всего-то один сын у вас, и то не хлопочете об его счастье!

Б а л ь з а м и н о в а. Что ты, с ума, что ли, сошел!

Б а л ь з а м и н о в. Да как же, маменька! Сами теперь видите, какая линия мне выходит. Вдруг человеком могу сделаться... Поневоле с ума сойдешь.

Б а л ь з а м и н о в а. Чаю не хотите ли?

К р а с а в и н а. Пила, матушка, раза четыре уж нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то от него немного.

Б а л ь з а м и н о в а. Так не прикажете ли водочки?

К р а с а в и н а. Праздничный день — можно. Я от добра не отказываюсь; во мне нет этого.

Б а л ь з а м и н о в а *(достает из шкафа водку)*. Матрена! Сбегай в лавочку, возьми колбасы.

Матрена из кухни: «Что бегать-то, коли дома есть!»

Так подавай поскорее.

Матрена из кухни: «Подам! над нами не каплет».

Б а л ь з а м и н о в. Ведь вот удавить Матрену — ведь мало.

Б а л ь з а м и н о в а идет в кухню и приносит на двух тарелках хлеб и колбасу и ставит на стол.

Б а л ь з а м и н о в а. Кушайте.

Красавина. Я ни от чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничем не брезгаю. В одном доме хотели надо мной насмешку сделать, поднесли вместо водки рюмку ладиколону.

Бальзаминова. Скажите! Какая насмешка!

Красавина. Ничего. Я выпила да еще поблагодарила. От него ведь вреда нет, от ладиколону-то. С праздником! *(Пьет и закусывает.)*

Бальзаминова. Кушайте на здоровье! Как вас звать?

Красавина. Акулина Гавриловна. Между народом-то Говорилихой прозвали, так Говорилихой и кличут.

Бальзаминов. Чем же, Акулина Гавриловна, обрадуете?

Красавина. Будто не знаешь! Ты ведь заполонил-то, так должен знать.

Бальзаминов. Право, не знаю.

Красавина. Каков молодец! Ох, глаза твои плутовские, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А девка-то теперь сохнет, по стенам мечется. Видит беду неминучую, за Говорилихой сейчас: «Выручай, Говорилиха!» — А Говорилихе-то и на руку. Посольскую должность мне не в первый раз править. Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором.

Бальзаминов. Да от кого?

Красавина. От кого! Тебе все скажи. Сам догадайся. Где с утра до ночи основу-то снуешь, аль не знаешь? Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует.

Бальзаминов. Так неужто Ничкина?

Красавина *(ударив рукой по столу)*. В самую центру!

Бальзаминов *(ухватив себя за голову, вскакивает)*. О-ох, маменька! *(Стоит в оцепенении.)*

Бальзаминова. Что с ним?

Красавина. От любви. Еще хуже бывает. Любовь — ведь она жестокая для сердец. Нет ее ужасней. За неверность кровь проливают.

Бальзаминов. Ах! *(Садится на стул.)*

Бальзаминова. С чем же они, матушка, вас к нам прислали, с каким предложением?

Красавина. Насчет знакомства. Надо прежде познакомиться.

Бальзаминова. Разумеется.

Б а л ь з а м и н о в. Познакомиться! Боже мой!

Б а л ь з а м и н о в а. Как же, матушка, это сделать?

К р а с а в и н а. А вот пошлите молодца-то ужо, после вечерен, будто попроситься в сад погулять, да вечером и приходите,— они вас деликатным манером пригласят чай кушать.

Б а л ь з а м и н о в а. Ну, и прекрасно, мы так и сделаем.

Б а л ь з а м и н о в. Маменька, я с ума сойду! Мне уж что-то казаться начинает.

Б а л ь з а м и н о в а. Глупенький, глупенький!

К р а с а в и н а. Любовь действует. Так что ж мне своим-то сказать?

Б а л ь з а м и н о в а. Миша, что сказать?

Б а л ь з а м и н о в. Скажи, что я̀ умираю от любви; что, может быть, умру к вечеру.

Б а л ь з а м и н о в а. Ну, что за глупости ты говоришь.

К р а с а в и н а. Зачем умирать! Надо жить, а мы на вас будем радоваться!

Б а л ь з а м и н о в. Нет, нет, пускай сберут все розы и лилеи и насыплют на гроб мой.

Б а л ь з а м и н о в а. Эх, Миша, уж не говорил бы ты лучше, не стыдил бы ты меня!.. Так мы придем. А позвольте спросить... конечно, еще все это, как бог даст, а все-таки интересно знать, как насчет приданого?

К р а с а в и н а. Золотая невеста! У нее своих денег — после отца достались — триста тысяч серебра.

Б а л ь з а м и н о в *(вскочив)*. Охо, хо, хо! *(Ходит по комнате.)*

К р а с а в и н а. Ишь его схватывает!

Б а л ь з а м и н о в а. Что это ты, Миша, не умеешь вести себя!.. Уж извините его,— от радости.

К р а с а в и н а. Обрадуешься! Деньги-то деньгами, да и собой-то уж очень красавица: телом сахар, из себя солидна, во всей полноте; как одевается, две девки насилу застегнут. Даже несколько совестится. Чего же, я говорю, совеститься, коли бог дал. Аккурат пельсик. Ну, прощайте! Вечерком увидимся.

Б а л ь з а м и н о в а. Прощайте! На дорожку-то. *(Наливает.)*

К р а с а в и н а. И то выпить; об одной-то хромать будешь. *(Пьет и закусывает.)* Прощай, победитель!

Б а л ь з а м и н о в. Прощай! *(Кидается к ней на шею.)*

К р а с а в и н а. Рад, рад, уж вижу, что рад; только

смотри, под силу ль дерево-то рубишь? Ну, прощай, развозжай, разиня уж уехал. *(Уходит.)*

Бальзаминова провожает ее до кухни и возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов, Бальзаминова и потом Матрена.

Бальзаминов. Где мой крандаш, где мой крандаш?

Бальзаминова. На что тебе крандаш?

Бальзаминов. Надо, маменька. Матрена! Матрена!

Матрена входит.

Где мой крандаш?

Матрена. А я почем знаю. Какой же ты писарь после этого, когда крандаш потерял.

Бальзаминов. Писарь! писарь!

Матрена. Ведь крандаш у тебя все равно, что у солдата ружье. Так нешто солдаты ружья теряют?

Бальзаминов. Какой я писарь! Я скоро барин буду.

Матрена. Ты барин? Непохоже.

Бальзаминов. А вот увидишь, как триста тысяч получу.

Матрена. Триста тысяч! Не верю. У кого ж это такие деньги бешеные, чтоб за тебя триста тысяч дали. Да ты их счесть-то не умеешь.

Бальзаминов. Ну, да что с тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

Матрена. Где понимать! А еще жених, жениться хочет, а сам крандаш потерял. Бесстыдник!

Бальзаминов *(шарит в боковом кармане)*. Вот он, нашел.

Бальзаминова. Ну, что ж будет?

Бальзаминов. А вот сейчас. *(Берет с комода бумажку и садится у стола.)* Я теперь получаю жалованья сто двадцать рублей в год, мы их и проживаем; а как будет триста тысяч *(пишет триста тысяч)*, так если по тысяче в год... все-таки мне на триста лет хватит.

Матрена *(всплеснув руками)*. Батюшки!

Бальзаминова. Неужли ж ты триста лет хочешь прожить!..

Бальзаминов. Ну, позвольте! Если по две в год *(пишет)*, все на полтораста лет хватит.

Бальзаминова. Ты рехнулся совсем.

Бальзаминов. Что ж, маменька, при хорошей-то жизни, может быть и проживешь.

Матрена. Как не прожить!

Бальзаминов. Ах, я о процентах-то и забыл. Сколько, маменька, процентов с трехсот тысяч?

Бальзаминова. Да, чай, тысяч двенадцать.

Бальзаминов. Кажется, маменька, с чем-то двенадцать тысяч.

Матрена. С денежкой.

Бальзаминов. С какой денежкой! Что ты врешь!

Матрена. Что считать-то, чего нет. Смотреть-то скучно. Ты вот сочти лучше: девять веников, по денежке веник, много ли денег? И того не счесть. *(Уходит.)*

Бальзаминов *(встает)*. Пойду погулять, пусть немного ветром обдует; а то уж очень много мыслей в голове об жизни.

Бальзаминова. Ты бы пока слова-то подбирал, какие ужо говорить с невестой.

Бальзаминов. А вот я во время прогулки и буду слова подбирать.

Бальзаминова. А я платье приготовлю, надо ужо одеться хорошенько.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В доме купчихи Ничкиной: богатая купеческая гостиная, хорошо меблированная; рояль.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ничкина в широкой блузе, Капочка тоже и Маланья входят.

Ничкина. Как жарко! А пообедаешь, так еще пуще разморит... так разморит... разморин такой нападет, не глядела б ни на что! *(Садится на диван.)*

Капочка. Давай, Малаша, споем.

Ничкина. Ну вас, и так жарко.

Капочка. Мы, маменька, потихоньку. *(Садится за рояль.)*

Капочка и Малаша запевают: «Вот на пути село большое». Немного погодя Ничкина пристает к ним.

Н и ч к и н а *(перестав петь)*. Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

К а п о ч к а. Что это, маменька, как вы капризны! Вдруг на меня нашла фантазия петь, а вы не даете.

Н и ч к и н а. Да жарко, Капочка.

К а п о ч к а. В другой раз сами будете просить, а у меня фантазии не будет. Кто ж виноват, что вам жарко. Это даже довольно странно с вашей стороны!

Н и ч к и н а. Ну, уж ты!

К а п о ч к а. Чем же мне развлекаться прикажете? Кавалеров у нас не бывает. Только и делаем, что по целым дням с Малашей в окно глядим. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Н и ч к и н а. Делай что хочешь, только не тревожь ты меня.

У с т и н ь к а входит в шляпке.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и У с т и н ь к а[1].

У с т и н ь к а. Здравствуйте, Клеопатра Ивановна!

Н и ч к и н а. Здравствуй, Устинька! Что, жарко на дворе?

У с т и н ь к а. Жарко.

Н и ч к и н а. Что это за наказанье!

У с т и н ь к а. Здравствуй, Капочка! *(Снимает шляпку.)* Сейчас видела твой предмет, ходит по набережной в забвении чувств.

К а п о ч к а. Ах! Одно сердце страдает, а другое не знает.

У с т и н ь к а. Что же, Клеопатра Ивановна, вы посылали к нему Гавриловну?

Н и ч к и н а. Да... вот... баловница я. И не надо б мне вас слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалит за это! Всякий умный человек заругает. Да вот пристала, ну, я по слабости и послушалась. Кто его знает, какой он там! Придет в дом... как жених... страм.

У с т и н ь к а. Над сердцем нельзя шутить.

М а л а н ь я. В сердце-то замирание бывает, сударыня.

Н и ч к и н а. Какое сердце! Так, с жиру... Знаем мы это сердце-то... сама была в девках... Другая б стро-

[1] Устинька немного картавит. *(Прим. автора).*

гая мать-то пришила б хвост-то тебе, да сама б нашла жениха-то хорошего, а не сволочь какую-нибудь.

Устинька. Нынче уж тиранство-то не в моде.

Ничкина. Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и рассудку-то не хватает... да и жарко-то... Батюшки!.. говорить-то, и то тяжело... так уж и махнула рукой — что хочет, то и делает.

Устинька. Самые нынешние понятия.

Капочка. А в чахотку-то, маменька, разве не приходят от родителей?

Устинька. Разве есть законы для чувств?

Капочка. Разве не бегают из дому-то в слуховое окно?

Устинька. Или в форточку.

Маланья. А то и в подворотню, барышня.

Ничкина. Так-то так... да уж и воли-то вам большой дать нельзя... с вами стыда-то и не оберешься... на все Замоскворечье...

Устинька. Однако какой сюжет вы об нас имеете! Мы, кажется, себя ничем не доказали с такой стороны.

Капочка. Уж маменька скажет словечко — одолжит.— Вот этак при людях отпечатает, ведь осрамит, куда деться от стыда! Подумают, что мы и в самом деле такие.

Ничкина. Разве нет баловниц-то? Неправду, что ль, я говорю?

Устинька. Хотя и есть, но все-таки это до нас не относится.

Капочка. Все больше от родителей, потому что запирают.

Ничкина. Нельзя и не запирать-то... вас...

Устинька. Напрасно так полагаете. Одно суеверие.

Капочка. Никакого толку-то нет от запиранья.

Ничкина. Все-таки спишь спокойнее... не думается... не то, что на свободе.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы смеетесь-то? Известно, присмотр лучше... Без присмотру нельзя.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы?

Капочка. Своему смеху.

Ничкина. Что вы меня насмех, что ли, подымаете? Не глупей я вас... Батюшки, жарко! *(Маланье.)* Ты чему, дура?

М а л а н ь я. Я на барышень глядя.

У с т и н ь к а. Да как же не смеяться? Разве можно за девушкой усмотреть! Что вы говорите-то!

К а п о ч к а. Хоть тысяча глаз гляди, все равно.

Н и ч к и н а. Есть чем хвалиться! Куда как хорошо!

У с т и н ь к а. Мы и не хвалимся и совсем это не про себя говорим; напрасно вы так понимаете об нас. Мы вообще говорим про девушек, что довольно смешно их запирать, потому что можно найти тысячу средств... и кто ж их не знает. А об нас и разговору нет. Кто может подумать даже! Мы с Капочкой очень себя знаем и совсем не тех правил. Кажется, держим себя довольно гордо и деликатно.

Н и ч к и н а. Случаю-то вам нет...

У с т и н ь к а. Ах, боже мой! Разве можно так обижать девушек!

К а п о ч к а. Да ведь маменька судит по-старому, как в ее время было.

Н и ч к и н а. Да разве давно это время было-то!

У с т и н ь к а. Нынче уж девушки стали гораздо благороднее во всех направлениях.

К а п о ч к а. Уж я не знаю, что вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости в жизни, не могла угодить вам?

Н и ч к и н а. Ах, отстаньте от меня, и без вас тошно! Куда деться-то от жару? Батюшки!

М а л а н ь я. Шли бы, сударыня, на погребицу.

Н и ч к и н а. И то на погребицу.

Входит К р а с а в и н а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и К р а с а в и н а.

К р а с а в и н а. Здравствуйте! Все справила и ответ принесла. Что, Калюпатра Ивановна, аль неможется?

Н и ч к и н а. Ничего... Садись... только подальше, а то жарко...

К а п о ч к а. Какой же ответ?

К р а с а в и н а. Загорелось! И подождешь, не велика важность. *(Ничкиной.)* Коли жарко, ты бы пивца велела подать с леднику: говорят, прохлаждает.

Н и ч к и н а. Все говорят — прохлаждает... ничего не прохлаждает.

К р а с а в и н а. А то чайку...

Н и ч к и н а. Ничего не прохлаждает... Поди, Маланья, поставь самовар.

Маланья уходит.

У с т и н ь к а. Но, однако, скажите, вы должны же дать ответ об том, зачем вас посылали.

К р а с а в и н а. А мой ответ будет короткий. По щучьему веленью, по моему прошенью, извольте снаряжаться,— к вечеру гости будут.

Н и ч к и н а. Ты чего лишнего не сболтнула ли?

К р а с а в и н а. Ничего я лишнего не сказала; сказала только: пожалуйте в наш сад вечером погулять, вишенье, орешенье щипать. Он так обрадовался, ровно лунатик какой сделался.

К а п о ч к а. Ах, я боюсь.

У с т и н ь к а. Чего же ты боишься, душа моя? Довольно непонятно для меня.

К а п о ч к а. Я всегда боюсь мужчин, особенно в кого влюблена.

К р а с а в и н а. Что его бояться-то, не укусит.

К а п о ч к а. Уж лучше б они прямо говорили; а то заведут такие разговоры, издалека, не знаешь, что отвечать.

К р а с а в и н а. Как можно прямо-то! Нехорошо! Стыдно! Известно, для прилику нужно сначала об чем-нибудь об другом поговорить.

К а п о ч к а. Отчего же не сказать прямо, когда что чувствуешь. Ах, Устинька, я ужасть как боюсь. Ну, сконфузишься? Я никак не могу воздержать своих чувств... Вдруг могу сделать что-нибудь... могу все чувства потерять...

У с т и н ь к а. Не бойся, я буду с тобой. Я уж тебя не выдам.

Говорят шепотом.

Н и ч к и н а. Нового нет ли чего?

К р а с а в и н а. Что бы тебе новое-то сказать? Да вот, говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдет. Говорят, это перед последним концом.

Н и ч к и н а. Как страшно!

К р а с а в и н а. Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионтов войска ведет.

Н и ч к и н а. Откуда же он, белый арап?

К р а с а в и н а. Из Белой Арапии.

Н и ч к и н а. Как будет на свете-то жить! Такие страсти! Времена-то такие тяжелые!

К р а с а в и н а. Да говорят еще, какая-то комета ли, планида ли идет; так ученые в митроскоп смотрели на небо и рассчитали по цифрам, в который день и в котором часу она на землю сядет.

Н и ч к и н а. Разве можно знать божью планиду! У всякого человека есть своя планида... Батюшки, как жарко! Разделась бы, да нельзя — праздничный день, в окошки народ смотрит; в сад войдешь — соседи в забор глядят.

К р а с а в и н а. А ставни закрыть.

М а л а н ь я входит.

М а л а н ь я. Братец приехал.

Н и ч к и н а. Батюшки! В такой жар...

К а п о ч к а. Как бы, маменька, он у нас дела не расстроил! Дяденька такой необразованный!

У с т и н ь к а. Уж какие могут быть понятия, из степи приехал!

Н и ч к и н а. Не из степи, а из Коломны.

У с т и н ь к а. Все равно, одно образование, один вкус.

К а п о ч к а. Маменька, вы ему командовать-то не давайте.

Н и ч к и н а. Разве с ним сговоришь!

К а п о ч к а. Вот наказанье-то!

У с т и н ь к а. Нет, вообрази, что может Бальзаминов подумать о вас, видя такое невежество!

Н и ч к и н а *(Маланье)*. Поди проводи его прямо в столовую. Да обедать подать,— чай, с дороги-то есть захочет. Пойти принять его.

Н и ч к и н а, М а л а н ь я и К р а с а в и н а уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а п о ч к а и У с т и н ь к а.

К а п о ч к а. Вот принесло вовремя! Теперь все в доме на русский манер пойдет. Ах, я чувствую свою судьбу; расстроит он маменьку. Ну, как он да научит маменьку отдать меня за купца с бородой! Тогда я умру от любви.

Устинька. Зачем такие жестокие слова говорить!

Капочка. Нет, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Мое сердце самое горячее к любви.

Устинька. Капочка, скажи, душка, как ты влюбилась? Я ужасть как люблю открытия в любви от своих подруг.

Капочка. Ах! одна минута — и навек все кончено! Шла я вечером откуда-то с Маланьей, вдруг нам навстречу молодой человек, в голубом галстуке; посмотрел на меня с такой душой в глазах, даже уму непостижимо! А потом взял опустил глаза довольно гордо. Я вдруг почувствовала, но никакого виду не подала. Он пошел за нами до дому и раза три прошел мимо окон. Голубой цвет так идет к нему, что я уж и не знаю, что со мной было!

Устинька. Знаков он тебе никаких не показывает, когда ходит мимо?

Капочка. Нет. Только всегда так жалко смотрит, как самый постоянный.

Устинька. И часто ходит?

Капочка. Ах, Устинька, каждый день. Ах!.. Разве уж очень грязно...

Устинька. Это значит, он просто сгорает... И должно быть, самый, самый пламенный к любви.

Капочка. Ах! Я не знаю, что со мной будет, когда я его увижу! Для моих чувств нет границ.

Устинька. Однако все-таки нужно себя удерживать немного.

Капочка. Ах! Сверх сил моих.

Неуеденов, Юша и Ничкина входят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Капочка, Устинька, Ничкина, Неуеденов и Юша.

Капочка. Здравствуйте, дяденька! *(Подходит и целует дядю.)*

Устинька кланяется.

Юша. Здравствуйте-с. *(Подходит к Капочке, кланяется, целуются три раза, опять кланяется и встряхивает головой; так же и с Устинькой. Потом садится в углу на самый последний стул и сидит потупя глаза.)*

Н е у е д е н о в. Как живешь, Капочка? *(Садится.)*

К а п о ч к а. Слава богу, дяденька. Покорно вас благодарю.

Н е у е д е н о в. Весело ли?

К а п о ч к а. Ничего, весело-с.

Н е у е д е н о в. Женихи есть ли? Чай, так у ворот на разные голоса и воют.

У с т и н ь к а. Какой разговор!

Н е у е д е н о в. А что ж разговор! Чем, барышня, нехорош?

У с т и н ь к а. Неприлично при барышнях так говорить; нынче не принято.

Н е у е д е н о в. Да-с! Я ведь с племянницей разговариваю, а до других прочих мне дела нет. *(Ничкиной.)* Чья такая?

Н и ч к и н а. Подруга Капочки.

Н е у е д е н о в. Из благородных, что ль?

Н и ч к и н а. Нет, из купеческих.

Н е у е д е н о в. Ну, так невелика птица... А ведь и то, сестра, жарко.

Н и ч к и н а. И то, братец, жарко.

Н е у е д е н о в. Юфим!

Юша подходит.

На-ка, возьми мой кафтан-то. *(Снимает кафтан.)* Снеси его к нам в комнату.

Ю ш а берет и уходит.

У с т и н ь к а. Какое необразование!

Н е у е д е н о в. Ничего-с! Не взыщут!

Н и ч к и н а. Вы, братец, соснуть не хотите ли?

Н е у е д е н о в. Нет. Я б теперь орешков пощелкал. А потом можно и соснуть.

Н и ч к и н а. Маланья!

Входят М а л а н ь я и Ю ш а.

Принеси поди братцу орехов.

Н е у е д е н о в. Юфим! Поди поищи на дворе камень; поглаже выбери, да потяжеле.

Ю ш а уходит.

К а п о ч к а. Зачем вам, дяденька, камень?

Н е у е д е н о в. Что ты испугалась? Небось! я орехи...

У с т и н ь к а. Боже мой!

Входит М а л а н ь я с орехами.

Ничкина. Пожалуйте, братец.

Маланья подносит ему орехи на тарелке.

Неуеденов. Поставь на окно. *(Подходит к окну, открывает и садится против него.)*

Маланья ставит орехи на окно, Юша *входит с камнем.*

Подай сюда!

Юша подает.

Здесь-то лучше продувает. *(Кладет на окно по ореху и по два и разбивает их камнем.)*

Капочка. Дяденька, что это вы с камнем-то у окна сидите! Вы этак испугаете у меня жениха, когда он пойдет.

Неуеденов *(продолжая колотить орехи)*. Какого жениха?

Ничкина. Да... вот... такая жара, а мы сватовство затеяли... какая теперь свадьба... в такой жар...

Неуеденов. А вот дай срок, я посмотрю, что за жених.

Капочка *(берет дядю за плечи)*. Дяденька, право, испугаете!

Неуеденов. Поди прочь! *(Продолжает стучать.)*

Капочка подходит к Устиньке, обнимается с ней и смотрит с презреньем на дядю.

Капочка. Какой срам!

Устинька. Какое невежество!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сад: направо сарай с голубятней и калитка; прямо забор и за ним деревья другого сада; налево беседка, за беседкой деревья; посередине сцены, в кустах, стол и скамейки; подле сарая куст и скамейка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Капочка, Устинька *и* Юша *входят.*

Капочка. Ох! Ох! Я умру!

Устинька. Что ты так вздыхаешь! Смотри, что-нибудь лопнет.

Капочка. Ох! Он сейчас придет.

Устинька. Разумеется, придет. Его маменька пошла к твоей, а он сюда придет.

Капочка. Ох!

Юша. Что, это голубятня у вас?

Капочка. Ох! голубятня.

Юша. Так первым долгом слазить надоть, проминовать нельзя. *(Уходит.)*

Устинька. Ну, и прекрасно; а то он только мешает.

Бальзаминов входит в калитку.

Капочка. Ах, идет!

Гуляют, обнявшись, по авансцене, как будто не замечая его.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов *(несколько времени ходит молча, потом встречается будто нечаянно с Капочкой и Устинькой)*. Здравствуйте-с. *(Кланяется.)*

Капочка и Устинька кланяются и идут дальше. Бальзаминов за ними.

Какой приятный запах у вас в саду.

Устинька. Да-с.

Бальзаминов. Продаете яблоки или сами кушаете?

Капочка. Сами-с.

Юша показывается на голубятне.

Бальзаминов. Я когда-нибудь ночью приду к вам в сад яблоки воровать.

Капочка. Ах!

Устинька. У них собаки злые.

Бальзаминов. Как прикажете понимать ваши слова?

Устинька. Слова эти совсем не до вас касаются, а до воров; вы и так завсегда можете здесь гулять, вам завсегда будут рады.

Капочка. Да-с.

Бальзаминов. Покорнейше вас благодарю за ваше приглашение.

Устинька. Здесь в окружности ужасть как мало хороших кавалеров для знакомства с барышнями.

К а п о ч к а. И всего только двое: Толкачев да Кирпичев.

У с т и н ь к а. Какие же это кавалеры? Разве хорошая девушка может иметь с ними знакомство или любовь. Себя страмить! Один — антриган, все говорит из-под политики и в насмешку; другой — антиресан, знакомится с дамами из антиресу. Вы лучше всех.

К а п о ч к а. Да-с.

У с т и н ь к а. Вот вам от нас привелегия!

Б а л ь з а м и н о в. Я даже не знаю, как вас благодарить за все ваши снисхождения!

Капочка садится на скамейку с правой стороны. Устинька стоит подле нее. Бальзаминов поодаль.

К а п о ч к а *(Устиньке тихо)*. Что он говорит? Уж лучше б прямо.

У с т и н ь к а *(тихо)*. А вот погоди, я ему сейчас скажу.

К а п о ч к а *(тихо)*. Ах, не говори.

У с т и н ь к а. Нельзя же! *(Подходит к Бальзаминову и отводит его в сторону.)* Капочка просила вам сказать, чтобы вы были с ней посмелее, а то она сама очень робка. Вы ничего, не конфузьтесь, у нас просто. А я пойду постерегу: как войдет кто, я дам вам знать. Что же вы стоите! Ступайте к ней скорей.

Б а л ь з а м и н о в *(откашливается)*. Гм... Гм... Сейчас. *(Стоит.)*

У с т и н ь к а. Сейчас, а сами ни с места. *(Толкает его.)* Ступайте скорей, а то помешают.

Б а л ь з а м и н о в. Гм... Гм... *(Громко.)* Гм... Сейчас.

У с т и н ь к а. Это даже неучтиво с вашей стороны — заставлять себя дожидаться.

Б а л ь з а м и н о в. Сейчас-с! *(Медленно идет к Капочке.)*

Устинька становится у калитки.

К а п о ч к а *(Бальзаминову)*. Садитесь!

Бальзаминов садится довольно далеко от Капочки, смотрит в землю и изредка откашливается. Капочка смотрит на забор. Юша наблюдает за ними с голубятни. Довольно долгое молчание.

Б а л ь з а м и н о в. Что вам лучше нравится, зима или лето?

К а п о ч к а. Лето лучше-с. Летом можно гулять.

Б а л ь з а м и н о в. А зимой кататься.

К а п о ч к а. Летом всякие цветы расцветают.

Б а л ь з а м и н о в. А зимой очень весело на святках и на масленице.

К а п о ч к а. А летом весело в семик-с.

Б а л ь з а м и н о в. Вы на масленице с которого дня начинаете кушать блины?

К а п о ч к а. Со вторника-с... А летом всякие ягоды поспевают.

Молчание. Бальзаминов тянется к Капочке, она к нему, целуются и потупляют глаза в землю.

Ю ш а *(на голубятне)*. Раз!

У с т и н ь к а *(грозит ему)*. Молчи!

Молчание.

К а п о ч к а. Какие ягоды вы больше любите?

Б а л ь з а м и н о в. А вы какие?

К а п о ч к а. Клубнику со сливками.

Б а л ь з а м и н о в. А я крыжовник.

К а п о ч к а. Вы шутите! Как можно крыжовник... он колется.

Б а л ь з а м и н о в. Я этого не боюсь-с. А вы разве боитесь-с?

К а п о ч к а. Ах! Что вы говорите? Я вас не понимаю.

Капочка начинает склоняться в сторону Бальзаминова, Бальзаминов в ее сторону; целуются и опять опускают глаза в землю.

Ю ш а *(с голубятни)*. Два!

У с т и н ь к а *(Юше)*. Молчи, говорю я тебе.

К а п о ч к а. А вообще, что вы больше всего любите?

Б а л ь з а м и н о в. Вас-с. А вы?

К а п о ч к а. Можете сами догадаться.

Целуются.

Ю ш а. Три! *(Бежит с голубятни.)*

У с т и н ь к а *(подходит к Бальзаминову)*. Подите за беседку. Когда можно будет, я вас позову.

Б а л ь з а м и н о в уходит за беседку.

К а п о ч к а. Ах, какой милый!

У с т и н ь к а. Юша все с голубятни видел.

К а п о ч к а. Ах, он дяденьке скажет!

У с т и н ь к а. Погоди, мы его уговорим.

Ю ш а входит.

Капочка. Ты, Юша, смотри, никому не сказывай, что видел.

Устинька. Это нужды нет — целоваться, только сказывать не надо. Я, пожалуй, и тебя поцелую. *(Целует Юшу.)*

Капочка. И я. *(Целует.)*

Устинька. И еще поцелуем. *(Целует его с жаром.)*

Юша. Да не надо! *(Отстораниваеm их руками.)* Что пристали! Закричу! Ай! Ну вас! Ай! Пустите, я опять на голубятню пойду. Караул!

Устинька. Нет, уж я тебя не пущу на голубятню Пойдем со мной в беседку.

Юша. Я, пожалуй, пойду, только не приставай, а то закричу.

Устинька берет его за руку и ведет в беседку.

Устинька *(подходя к беседке)*. Выходите! Теперь можно.

Бальзаминов выходит из-за беседки.

Капочка. Ах, не подходите ко мне близко!

Бальзаминов. За что такие немилости-с?

Капочка. Мужчинам доверять никак нельзя.

Бальзаминов. Но я могу себя ограничить-с.

Капочка. Все так говорят; но на деле выходит совсем противное. Я мужчин не виню, для них все легко и доступно; но наша сестра всегда должна опасаться по своей горячности к любви. Ах! я вас боюсь! Лучше оставьте меня.

Бальзаминов. Какие жестокости для моего сердца!

Капочка. Оставьте, оставьте меня!

Бальзаминов. Умерла моя надежда и скончалася любовь!

Капочка. Ах, для чего только мы рождены с такою слабостью! Мужчина все может над нами... ах!

Бальзаминов. Как же я могу без вашего расположения-с? *(Садится возле Капочки.)*

Капочка. Ах! Что вы со мной сделали!

Бальзаминов. Извините, я был вне себя-с.

Капочка. Что может противиться любви! *(Приклоняется к Бальзаминову. Целуются)*. Навеки!

Устинька и Юша выходят из беседки.

Устинька. Идут, идут.

Капочка подходит к Устиньке. В калитку входят Ничкина, Бальзаминова и Маланья с чайным прибором, который ставит на стол.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминов, Капочка, Устинька, Юша, Ничкина, Бальзаминова и Маланья.

Ничкина *(Маланье)*. А самовар принесешь, когда братец встанет.

Маланья уходит.

(Бальзаминовой.) Сядемте... жарко. *(Садятся у стола. Бальзаминову.)* Садитесь с нами... побеседуемте!

Бальзаминов садится. Барышни и Юша тоже садятся возле стола.

(Капочке.) Ишь, как тебя стянули... в такой жар.

Устинька. Оставьте, вы конфузите.

Ничкина. Вы читаете газеты?

Бальзаминов. Читаю-с.

Бальзаминова. Он мне всякие новости рассказывает.

Ничкина. А мы не читаем... ничего не знаем... что там делается. Вот я у вас хотела спросить, не читали ли вы чего про Наполеона? Говорят, опять на Москву идти хочет.

Бальзаминов. Где же ему теперь-с! Он еще внове, не успел еще у себя устроиться. Пишут, что всё дворцы да комнаты отделывает.

Ничкина. А как отделает, так, чай, пойдет на Москву-то с двунадесять языков?

Бальзаминов. Не знаю-с. В газетах как-то глухо про это пишут-с.

Ничкина. Да вот еще, скажите вы мне: говорят, царь Фараон стал по ночам с войском из моря выходить.

Бальзаминов. Очень может быть-с.

Ничкина. А где это море?

Бальзаминов. Должно быть, недалеко от Палестины.

Ничкина. А большая Палестина?

Бальзаминов. Большая-с.

Н и ч к и н а. Далеко от Царьграда?

Б а л ь з а м и н о в. Не очень далеко-с.

Н и ч к и н а. Должно быть, шестьдесят верст... Ото всех от таких мест шестьдесят верст, говорят... только Киев дальше.

Ю ш а. Царьград, тетенька, это — пуп земли?

Н и ч к и н а. Да, миленький. *(Пристально оглядывает Бальзаминова.)*

Б а л ь з а м и н о в *(жмется)*. Что вы так на меня смотрите?

Н и ч к и н а. Узко как платье-то на вас сшито.

Б а л ь з а м и н о в. Это по моде-с.

Б а л ь з а м и н о в а. Он у меня всегда по моде одевается.

Н и ч к и н а. Какая уж мода в такую жару?.. Чай, вам жарко... ну, а по улице-то ходить в таком платье, просто угореть можно.

Б а л ь з а м и н о в. Ничего-с. Покорно вас благодарю за внимание!

Молчание.

Н и ч к и н а. Двужильные лошади, говорят, бывают... и не устают никогда, и не надорвутся.

У с т и н ь к а. Что за разговор об лошадях!

Н и ч к и н а. Так об чем же говорить-то?.. Ну, скажи, коли ты умна.

У с т и н ь к а. Есть разные разговоры. А то вы разговариваете, а мы должны молчать. Куда как приятно! Вот два самые благородные разговора — один: что лучше — мужчина или женщина?

Н и ч к и н а. Ну, уж нашла сравнение! Уж что женщина! Куда она годится! Курица не птица, женщина не человек!

У с т и н ь к а. Ах нет, зачем же! Пускай мужчины защищают свое звание, а женщины свое; вот и пойдет разговор. А другой разговор еще антиресней. Что тяжеле: ждать и не дождаться, или иметь и потерять?

Б а л ь з а м и н о в а. Это самый приятный для общества разговор.

Н и ч к и н а. Уж этого я ни в жизнь не пойму.

К а п о ч к а. Что вы, маменька! Не срамите себя.

Входят Н е у е д е н о в и М а л а н ь я с самоваром; ставит его на стол и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Неуеденов[1].

Неуеденов. Соснул малым делом.

Ничкина. Братец, садитесь! Вот наши новые знакомые!

Неуеденов *(кланяется Бальзаминовой)*. Здравствуйте!

Бальзаминова кланяется.

Здравствуйте, милостивый государь! *(Протягивает Бальзаминову руку, тот робко подает свою.)* Служить изволите? *(Садится.)*

Бальзаминов. Служу-с.

Неуеденов. Хорошее дело-с. Всякому свое-с: купец торгуй, чиновник служи, шатун шатайся.

Ничкина. Не угодно ли, господа, чайку?

Маланья подает на подносе.

Неуеденов. Я с вами буду, сударь, про наше дело купеческое говорить. Вот у меня сестра — она женщина богатая, а ведь глупая — с деньгами-то не знает, что делать. А в нашем, в купеческом деле — деньги важная вещь.

Устинька. Неужли только одним купцам деньги нужны?

Бальзаминов. Деньги всякому приятно иметь-с.

Неуеденов. Никому, сударь, и не запрещается. Кому приятно иметь, тот наживи.

Бальзаминова. Трудно наживать-то по нынешним временам.

Бальзаминов. Особенно если человек со вкусом-с, просто должен страдать. Хочется жить прилично, а способов никаких нет-с. Вот хоть бы я...

Неуеденов. Зачем же жить-то прилично такому человеку, который не имеет способов деньги достать?

Бальзаминова. А коли человек не имеет способностей ни к службе, ни к чему, коли бог не дал, чем же он виноват?

Бальзаминов. Да-с. А в мечтах все представляет-

---

[1] Сидят в следующем порядке: справа, ближе к зрителям, на стуле Неуеденов; с правой стороны стола Ничкина и Бальзаминова; за столом Юша; слева, у стола, Капочка и Устинька; слева, ближе к зрителям, на стуле Бальзаминов. *(Прим. автора).*

ся богатство, и даже во сне снится; притом же вкусу много.

Н е у е д е н о в. А по-моему — такому человеку, который не умеет достать ничего, не то что в богатстве жить, а и вовсе жить незачем.

Б а л ь з а м и н о в а. Куда ж их девать-то?

Н е у е д е н о в. В черную работу, землю копать. Это дело всякий умеет. Сколько выработал, столько и денег бери.

Б а л ь з а м и н о в а. Этак будет на свете жить нельзя.

У с т и н ь к а. Не у всех такие понятия.

Н е у е д е н о в. Какой, сударь, чин носите на себе?

Б а л ь з а м и н о в. Первый-с.

Н е у е д е н о в. Ну, вам до генерала еще далеко. А много ли жалованья по своим трудам получаете?

Б а л ь з а м и н о в. Сто двадцать рублей-с.

Н е у е д е н о в. Это по-нашему значит: в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается; по-татарски — ёк, а по-русски — нет ничего.

Н и ч к и н а. Маланья, прими чашки, я налью еще.

Маланья принимает пустые чашки. Ничкина наливает. Маланья разносит и отходит с подносом к стороне.

Н е у е д е н о в. Так вот, сударь, я уж вам говорил, что сестра у меня дура набитая.

Н и ч к и н а. Ну, уж... ты, братец... ну, право! С тобой не сговоришь... право, ну!

Н е у е д е н о в. Что ты нукаешь-то?— не запрягла еще... Так докладывал я вам, что сестра у меня глупа-с. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого же дурака найдет, как сама. У баб волос долог, да ум короток. Тогда уж все дело брось.

Б а л ь з а м и н о в а. У них такое состояние, что ввек и с зятем не прожить; а бедного человека могут осчастливить.

Н е у е д е н о в. Да ведь деньги-то ее муж наживал не для того, чтоб она их мотала да проживала с разными прожектёрами. На деньги-то надо дело делать. Купеческий капитал, сударыня, важное дело. Хороший-то купец, с большим капиталом, и себе пользу делает, да и обществу вдвое.

У с т и н ь к а. Не все наживать, надо когда-нибудь и проживать для своего удовольствия.

Н е у е д е н о в. А разве мы не проживаем! Да прожи-

вать-то надобно с толком. Я, сударь мой, вот за сестру теперь очень опасаюсь. Подвернется ей фертик во фрачке с пуговками или какой с эполетками, а она, сдуру-то, и обрадуется, как невесть какому счастью. Дочь-то отдаст — нужды нет, а вот денег-то жалко...

Н и ч к и н а. Да, братец, точно жалко.

К а п о ч к а. Вы, кажется, маменька, меня уморить хотите?

У с т и н ь к а. Сказали, да и на попятный.

Н е у е д е н о в. Да ведь, Капочка, у них совести очень мало. Другой сунется в службу, в какую бы то ни на есть, послужит без году неделю, повиляет хвостом, видит: не тяга — умишка-то не хватает, учился-то плохо, двух перечесть не умеет, лень-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вот он и пойдет бродить по улицам да по гуляньям,— не объявится ли какая дура с деньгами. Так нешто честно это?

Н и ч к и н а *(тихо)*. Перестаньте, братец... поймут.

Н е у е д е н о в. Ничего, я обиняком. А по-моему, так и грех таким людям денег-то дать. Наши деньги-то на распутство пойдут да на важность глупую. Нос-то подымет, станет издеваться да величаться над своим братом, который грóши-то трудом достает, в поте лица. Коли счесть, сколько наша братия, по своей глупости, денег роздали за дочерьми разным аферистам,— так, право, сердце повернется. Что добра-то бы можно на эти деньги сделать! Боже мой! Эти деньги, я так считаю, у общества украдены. Как вы об этом думаете, сударь мой?

Б а л ь з а м и н о в. Не все же в таких направлениях, как вы говорите.

Н е у е д е н о в. Нет, сударь, уж кто взялся за такую спекуляцию, я тому грóша не поверю. Хорошие люди во всяком звании есть. И разбирать нечего, беден кто или богат — я этого сестре не советую. Смотри на человека, умеет ли он дело делать. Коли умеет, так давай ему денег, сколько хочешь, всё на пользу. А вот щелкопёры-то, извините вы меня, больно нам не к масти. Другому и вся цена-то две копейки ассигнациями, а он успеет оходить дуру какую, так еще форс показывает. Мне, говорит, вот столько-то денег давай, приданое давай самое лучшее.

Ю ш а.

Соболий салоп атласный,
Воротник суконный красный!

Устинька и Капочка *(Юше)*. Молчи!

Неуеденов *(Юше)*. Юшка, молчи! Наши-то бабы сдуру батистовых рубашек ему нашьют, того-сего, с ног до головы оденут; а он-то после ломается перед публикой, и ничего ему — не совестно! Везде деньги бросает, чтоб его добрым барином звали.

Капочка. Вы, дяденька, оттого так рассуждаете, что вы совсем необразованы.

Неуеденов. Именно, мой друг, необразованы. Не одна ты это говоришь. Вот и те голые-то, которых мы обуваем да одеваем, да на беспутную их жизнь деньги даем, тоже нас необразованными зовут. Им бы только от нас деньги-то взять, а родни-то хоть век не видать.

Бальзаминова *(встает)*. После таких слов нам с тобой, Миша, кажется, здесь нечего делать.

Неуеденов. Да, похоже на то. На воре-то, видно, шапка горит.

Бальзаминов. Я этих слов, маменька, на свой счет не принимаю.

Неуеденов. Нет, я на ваш счет. Вот маменька-то ваша поумнее — сейчас поняла.

Бальзаминов. Я за большим, пожалуй, не погонюсь: мне хоть бы что-нибудь дали.

Неуеденов. Ведь у тебя ни гро́ша нет, так тебе все барыш, что ни дай.

Бальзаминов. В таком случае, прощайте-с. *(Кланяется всем.)* Я не ожидал-с.

Бальзаминова. Благодарим за угощенье.

Ничкина. Не на чем-с.

Неуеденов. Ходите почаще, без вас веселей.

Бальзаминов и Бальзаминова подходят к калитке. Юша за ними.

Бальзаминова. Я говорила тебе, Миша, что праздничный сон — до обеда.

Бальзаминов. Кабы я его в будни видел, совсем бы другое дело было.

Уходят.

Юша *(в калитку)*. Заходите! Нам без дураков скучно.

Н е у е д е н о в. Юшка, молчи!
К а п о ч к а. Ох, я умру!
У с т и н ь к а *(тихо)*. Сделайся как без чувств.
К а п о ч к а. Ах! *(Падает на скамейку.)*
Н и ч к и н а. Батюшки! Что это с ней?
Н е у е д е н о в. Ничего, пройдет. Маланья, поди-ка вели принести ушат воды.
К а п о ч к а *(встает)*. Нет уж, извините, я этого не позволю.
Н е у е д е н о в. Ожила! Эх, сестра! Как тебя не ругать-то! Какую было штуку выкинула! Такой товар *(показывая на Капочку)*, да еще с деньгами, за строку листа было отдала. А я тебе уж и жениха приготовил. Молодого русачка, здорового, свежего, умницу. А уж какой делец-то! Да и с капиталом.
Н и ч к и н а. Посватайте, братец.
Н е у е д е н о в. Посватать, Капочка?
К а п о ч к а. Он с бородой?
Н е у е д е н о в. С маленькой.
К а п о ч к а. Да ведь она вырастет.
Н е у е д е н о в. Эка глупая! Пока она вырастет, так уж ты привыкнешь... А какой красавец-то! Посватать, что ли?
К а п о ч к а *(потупившись)*. Посватайте.
Н е у е д е н о в. Так-то лучше. Вот и по рукам.

Картины
московской
жизни

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ПРЕЖНЕВ
совершенно дряхлый старик, почти без всякого движения, в больших чинах. Его возят на кресле.

ПРЕЖНЕВА СОФЬЯ ИВАНОВНА
жена его, 45 лет.

ПОЛЬ
молодой человек, ее сын.

УСТИНЬЯ ФИЛИМОНОВНА ПЕРЕШИВКИНА
пожилая женщина, прежде бывшая нянька Поля, теперь вроде приживалки или экономки по разным знакомым домам.

ЛАКЕЙ.

Большая зала, оклеенная богатыми, но потемневшими и по местам отставшими от стен обоями. Паркетный пол по углам значительно опустился. Налево окны в сад и дверь на деревянный с колоннами балкон; прямо дверь выходная, направо во внутренние комнаты. По узким простенкам мраморные столики на бронзовых ножках, над ними узкие, длинные с надставками зеркала в золоченых рамах. Мебель старая, тяжелая, с потертой позолотой. На столах бронза старого фасона. С потолка висит люстра из мелких стекол в виде миндалин. Две или три ширмочки из плюща. На всем видны и совершенный упадок, и остатки прежней роскоши.

1

Прежнев подле окна спит в вольтеровском, на колесах, кресле. Одет в меховой халат, ноги покрыты белым шерстяным пологом. На противуположной стороне Прежнева, в изящном утреннем неглиже, полулежит на диване с книгою в руках.

Прежнева *(опустив книгу)*. Это жестоко! это ужасно! я бы никогда так не поступила! Nous autres femmes...[1] мы... о! мы верим, мы слепо верим, мы никогда не анализируем. Нет, я не стану дальше читать этот роман. Молодой человек хорошего происхождения, красив, умен, служит в военной службе, выражает ей свою любовь таким прекрасным языком... и она... она имела силы отказать ему! Нет, она не женщина! Женщина творение слабое, увлекающееся! Мы живем только сердцем! И как легко нас обмануть! Мы для любимого человека готовы всем пожертвовать. Если мужчины нас и обманывают, что, к несчастию, случается очень часто, то уж в этом виноваты не мы, а они. Они, по

[1] Мы, женщины... *(франц.)*.

большей части, хитры и коварны... мы, женщины, так добры и доверчивы, так готовы всему верить, что только после горьких *(задумывается)*, да, горьких опытов убеждаемся в безнравственности обожаемых лиц. *(Молчание.)* Но нет! мы и после обмана, и даже нескольких обманов, готовы опять увлечься, готовы поверить в возможность чистой и бескорыстной любви. Да! такова наша судьба! Тем более, если все это случится в такой прекрасной обстановке, как в этом романе. Весна, цветы, прекрасный парк, журчанье вод. Он пришел в охотничьем костюме, с ружьем, собака легла у его ног. Ах! но мужчины... они часто во зло употребляют прекрасные качества нашего нежного сердца, они не хотят знать, сколько страдаем от них мы, бедные женщины! *(Молчание.)* Конечно, есть и между нас такие, которых весь интерес в жизни составляют низкие материальные расчеты, хозяйственные хлопоты. Но это проза, проза! что бы мне ни говорили, а это проза. Есть даже такие, которые рассуждают о разных ученых предметах не хуже мужчин, но я не признаю их женщинами. Они могут быть умны, учены, но вместо сердца у них лед. *(Молчание.)* Когда мне приходят такие мысли в голову, я всегда вспоминаю об моем Поле. Ах! сколько он должен иметь успехов между женщинами! Я наперед рада за него. Как приятно это для матери! Ах, дети! дети! *(Нюхает спирт и потом звонит.)*

Входит лакей.

Лакей. Чего изволите-с?

Прежнева. Что, барин не приходил еще?

Лакей. Никак нет-с.

Прежнева. Когда он придет, пошли его ко мне.

Лакей. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Прежнева. Он такой чувствительный, нервный мальчик! Весь в меня. Его бы надобно беречь, лелеять, а я не могу; я не имею средств. После такого прекрасного воспитания он, по несчастию, должен служить. Там эти столоначальники... все они в таких странных фраках... а он такой нервный, такой нервный!.. я верю, что его все притесняют, потому что ему все завидуют.

Входит Поль.

II

Прежнева и Поль, безукоризненно одетый, в летнем костюме, с утомленным видом, несколько ломаясь.

Поль. Bonjour, maman! [1]

Прежнева *(целует его в лоб)*. Bonjour, Paul! Откуда ты?

Поль *(садится с другой стороны на диван)*. Откуда!.. Из того прекрасного места, куда вам угодно было определить меня.

Прежнева. Что ж делать, Поль!

Поль. И шел пешком в такой ужасный жар.

Прежнева. У нас, в этой зале, так хорошо, так прохладно!

Поль. Да; но зато каково здесь зимой! Все углы сгнили, пол провалился.

Прежнева. Да, мой друг, теперь наши дела в очень дурном положении.

Поль. Ваши дела! Какие у вас дела? Отец вон едва дышит, вы тоже уж отжили свой век. Каково мое положение!

Прежнева. Я тебе верю, мой друг. Я воображаю, как тебе тяжело!

Поль. Еще бы легко! Вы послушайте меня! По рождению, по воспитанию, по знакомству, ну, наконец, по всему,— поглядите вы на меня с ног до головы,— я принадлежу к лучшему обществу...

Прежнева. О да.

Поль. И чего же мне недостает? Ведь это срам, позор! Мне недостает состояния. Да и кому нужно знать, что у меня нет состояния? Я все-таки должен жить так, как все из нашего круга. Я должен и одеваться так, как они, и вести себя так, как они. Что ж, в мещане, что ли, мне приписаться? Сапоги шить? Нет состояния!.. это смешно даже.

Прежнева. Было, Поль, было.

Поль. Я знаю, что было, да теперь где? Я знаю больше... я знаю, что вы его промотали.

Прежнева. Ах, Поль, не вини меня; ты знаешь, что все мы, женщины, так доверчивы, так слабы! Когда был еще здоров твой отец, нас все считали очень богатыми людьми, у нас было отличное имение в Сим-

---

[1] Добрый день, мама! *(франц.)*.

бирской губернии. Он как-то умел управлять всем этим. Потом, когда его разбил паралич, я жила совсем не роскошно, а только что прилично.

П о л ь. А monsieur Пеше что вам стоил? Сознайтесь, maman!

П р е ж н е в а. Ах, мой друг, он так нужен был для твоего воспитания. Потом я два раза была за границей; а впрочем, больших расходов никаких не делала. И вдруг мне говорят, что я все прожила, что у нас ничего нет. Это ужасно! Вероятно, всему виною там эти управляющие да бурмистры.

П о л ь. Канальи!

П р е ж н е в а. Что делать, мой друг! Люди так злы, коварны, а мы с тобою так доверчивы.

П о л ь. Это вы, maman, доверчивы; а попадись они мне, я бы им задал. Фить, фить... *(Делает жест рукой.)* Ведь с этим народом нельзя иначе. Это им хорошо... почаще... Просто зло берет. Из-за этих негодяев я теперь должен чем свет идти пешком в какой-то суд, о котором я бы и не слыхал никогда; потом бежать пешком домой или трястись на ваньке. Не могу же я так жить, как живут эти писцы, с которыми, впрочем, я сижу рядом. Они там на крыльце едят у разносчиков пироги с луком. Они все могут, они так созданы; а я не могу. Ну, вот я теперь и задолжал всем: и извозчику, и портному, и Шевалье. Наши все ходят к Шевалье, и правоведы... Не могу же я, в самом деле, пироги с луком есть, а там еще нужно экзамен держать в каком-то уездном училище. Ужасно! А будь у меня состояние, я бы ничего этого и не знал: ни судов, ни уездных училищ, ни писарей с пирогами. На что мне все это?..

П р е ж н е в а. Да, да, я понимаю... с твоим нежным сердцем... ты такой нервный!..

П о л ь. Я просто не знаю, что мне делать! Выдь случай, так в карты бы обыграл кого-нибудь, не посовестился.

П р е ж н е в а. Да, в твоем положении... конечно...

П р е ж н е в *(просыпаясь)*. Павел, ты давно был в театре?

П о л ь. Недавно.

П р е ж н е в. Кто нынче маркизов играет?

П о л ь. Давно уж никто не играет.

П р е ж н е в. Я прежде хорошо маркизов играл.

Прежнева звонит. Входит л а к е й.

П р е ж н е в а. Вывези барина на балкон; да возьми старые газеты, почитай ему!

Л а к е й берет газеты и увозит П р е ж н е в а на балкон.

П о л ь. Вот еще мой любезный дядюшка, там он где-то председателем был, так и рассуждает свысока. Ты, говорит, многого хочешь. Скажите, пожалуйста, чего я хочу? Что это — прихоти, роскошь? Я хочу только необходимого, без чего нельзя обойтись человеку нашего круга. Кажется, ясно. Так нет, дядюшка любезный говорит: ты этого не должен желать, потому что ты не имеешь средств! Да разве я виноват, что не имею средств. Где же тут логика?

П р е ж н е в а. Какая логика, все вздор.

П о л ь. Ты, говорит, работай. Нет уж, слуга покорный! Что я, лошадь, что ли?

П р е ж н е в а. Дядя твой человек грубый.

П о л ь. Нет, maman, это драма.

П р е ж н е в а. Драма, mon cher! [1]

П о л ь. И еще какая драма! Что там — режутся, отравляются, все это вздор.

П р е ж н е в а. Знаешь что, Поль? Я думаю, тебе бы жениться.

П о л ь. Что ж, я непрочь жениться, да на ком?

П р е ж н е в а. Да, это вопрос! Я знаю тебя, Поль. Зачем ты так прекрасно воспитан? Зачем у тебя такая нежная душа? Ты через это будешь несчастлив в своей жизни. Тебе нет пары! Много, слишком много нужно иметь девушке достоинств, чтобы понравиться тебе и сделать твое счастье.

П о л ь. Вы, может быть, думаете, maman, что меня прельщает семейное счастие? Я уж не ребенок, мне двадцать один год. Что за пастораль! *(Хохочет.)* Мне просто нужны деньги.

П р е ж н е в а. Но, все-таки, мой друг, я знаю твой характер, я знаю, что ты не захочешь жениться на ком-нибудь.

П о л ь. На ком хотите. Мне нужны деньги, чтоб быть порядочным человеком, чтоб играть роль в обществе, одним словом, чтоб делать то, к чему я способен,

---

[1] Мой дорогой! *(франц.)*.

к чему я рожден. Я наживать не могу, я могу только проживать прилично и с достоинством. У меня для этого есть все способности, есть такт, есть вкус, я могу быть передовым человеком в обществе.

Прежнева. Однако, мой друг...

Входит лакей.

Лакей. Перешивкина пришла.

Прежнева. Вечно не вовремя придет.

Поль. Поговорим после, еще будет время.

Прежнева. Пусть войдет.

Лакей уходит.

III

Те же и Перешивкина.

Прежнева. Что ты, Устинья Филимоновна?

Перешивкина *(целует Прежневу в плечо и становится сзади)*. Проведать, матушка, пришла, все ли вы здоровы? Я благодетелей не забываю.

Поль. А, ботвинья лимоновна, откуда тебя принесло?

Перешивкина. Какая я ботвинья лимоновна? Вы все, барин, шутите.

Поль. Она, кажется, воображает, что с ней можно говорить серьезно.

Перешивкина. У меня, матушка, знакомый человек дюми-терьмо делает...

Поль хохочет.

Ничего, смейся, батюшка, смейся надо мной, старухой... Так вот, не угодно ли купить, он мне дешево отдает. Широкий такой, добротный. Прикажете принести? В городе за эту цену не купите.

Прежнева. Принеси, я посмотрю.

Поль. А много ли ты тут, старая карга, наживешь?

Перешивкина. Уж и старая карга?

Поль. Что ж, ты, может быть, еще замуж сбираешься?

Перешивкина. Не годится вам, барин, меня, старуху, бранить, я вас на руках нянчила.

Поль. Кажется, она обижаться вздумала. Вот одолжит!

Прежнева. Оставь ее, мой друг!

Перешивкина. Ничего, матушка, ничего, пусть шутит. Он уж такой шутник! Еще маленький мне как-то чепчик сзади зажег.

Поль. А, помнишь!

Перешивкина. Как не помнить! Все волосы сжег, да и лицу досталось. А вы, барин, не смейтесь надо мной; я еще, может, пригожусь вам.

Поль. На что ж ты мне пригодишься? В огороде вместо чучела поставить.

Перешивкина. А может быть, на что на другое пригожусь, Павел Петрович. Как знать? Что, матушка барыня, не обидитесь вы на мои глупые слова? Может, я какое слово и к месту скажу.

Прежнева. Что такое? Говори!

Перешивкина. Есть у меня одна дама знакомая, Серафимой Карповной зовут. Я завсегда к ним в дом вхожа. Она, вот видите ли, матушка, купеческого роду, только была за господином Асламевичем, важный человек, в чинах. Он, матушка, один раз генералом был.

Поль *(хохочет)*. Как это так?

Перешивкина. А вот как: где он служил-то, так ихний генерал в отпуску был, в это-то самое время он и был генералом целый месяц.

Поль. А, вот как. Ну, ври, ври!

Перешивкина. Это истинно я вам говорю. И всего один годочек жила она с ним, а теперь вот другой год вдовеет... Да вы не рассердитесь, матушка барыня...

Прежнева. Ну, продолжай!

Перешивкина. Красавица собой и добрая, а уж скромная какая! на редкость. И расчетливая, уж на наряды или там на какие безделицы денег не промотает.

Поль. То есть просто скупа.

Перешивкина. Не то что скупа, а расчетлива, хозяйка хорошая. Теперича приданое, которое за ней дадено, значит, все при ней состоит. Одних денег полтораста тысяч.

Поль. Полтораста тысяч!

Перешивкина. Сама, сама видела, все эти билеты у нее в шкатулке видела; при мне считала. Только вы лучше велите мне, дуре, замолчать. Ведь язык без костей, пожалуй, мели, что хочешь. Хоть она для меня женщина и добрая, а вы все-таки мне дороже ее. Бог с ней! За что же я вас буду напрасно в гнев вводить!

Прежнева и Поль. Ничего, говори, говори!

Перешивкина. Коли приказываете, так буду говорить. Вот, матушка барыня, так сказать, по-нашему, по-женски: дело молодое, другой год вдовеет... ну, вот она... И не то чтобы лгу: я на себя и греха этого не возьму. Я всегда вашим добром довольна. Могу ли я это забыть! Конечно, мы люди маленькие, а добра не забываем, и завсегда, чем могу, услужить...

Поль *(махнув рукой)*. Ну!

Прежнева. Да ты продолжай.

Перешивкина. Слушаю, матушка. Вот она у вас тут по соседству живет. Налево белый каменный дом; Павел Петрович часто мимо ходит.

Прежнева. Ну, так что ж?

Перешивкина *(на ухо)*. Влюбилась.

Прежнева. Что?

Перешивкина *(громче)*. Влюбилась. Ей-богу!.. Да.

Прежнева *(смеется)*. Да что ж тут удивительного? Ты глупа, душа моя! Еще бы в него-то не влюбиться! Вот редкость!

Перешивкина. Ну, само собой, матушка; да ведь с деньгами.

Поль *(поет)*. La donna e mobile...

Перешивкина. Я, говорит, влюблена, Устинья Филимоновна.— В кого, говорю, матушка, в кого? — А вот посмотри, сейчас пройдет.— Я гляжу в окно-то, а Павел-то Петрович и идет; а она мне и говорит: вот он. Я так и ахнула!

Поль *(поет)*. La donna e mobile...

Перешивкина. Конечно, надо Павлу Петровичу самому посмотреть: понравится ли еще. Ну, да коли сомнение имеете, можно и в Опекунском справиться, билеты-то все именные. Отчего ж не справиться? Любовь любовью, а деньги деньгами. Ведь это дело вечное.

Поль *(подходит к матери)*. Maman, я иду гулять.

Прежнева. Прощай, мой друг! *(Целует его в лоб.)*

Поль *(тихо)*. Хлопочите. *(Уходит.)*

Прежнева. Вот видишь ли, милая Устинья Филимоновна, не велика радость для моего Поля, что какая-то мадам Асламевич в него влюбилась. Однако, если он ее увидит, может быть, она ему и понравится... Я, конечно, с своей стороны, не буду препятствовать ему, хоть она и из купеческого звания...

Мне только был бы он счастлив... *(Встает.)* Пойдем, я велю тебя чаем напоить... Только ты уж веди себя поумнее.

П е р е ш и в к и н а. Матушка, я по гроб жизни...

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

КАРП КАРПЫЧ ТОЛСТОГОРАЗДОВ
купец, седой, низенький, толстый.

УЛИТА НИКИТИШНА
жена его, пожилая женщина, без особых примет.

СЕРАФИМА КАРПОВНА
дочь Толстогораздова, вдова, высокого росту, худощава, необыкновенной красоты. Походка и движения институтки. Часто задумывается, вздыхает и поднимает глаза к небу, когда говорит о любви; то же делает, когда про себя считает деньги, а иногда и просто без всякой причины.

МАТРЕНА
горничная, дальняя родственница Толстогораздовых. Молодая девка, полная, тело мраморной белизны, щеки румяные, глаза и брови черные. Ходит в шубке, рубашка с кисейными рукавами, в косе ленты.

1-Й КУЧЕР
Толстогораздова.

2-Й КУЧЕР
Серафимы Карповны.

Двор. Направо галерея дома, на заднем плане сад; налево надворное строение; две двери: одна на погреб, другая на сенник.

I

На дворе

1 - й к у ч е р сидит на приступке у погребицы. М а т р е н а входит.

1 - й к у ч е р *(поет тонким голосом).*

Прежде жил я, мальчик, веселился,
Но имел свой капитал.
Капиталу, мальчик, я решился,
Во неволю жить попал.

М а т р е н а. Хозяева проснулись. Ты бы, Иваныч, самовар-то втащил.

1-й кучер. А ты что за барыня? Промнись! Ишь жиру-то нагуляла; не уколупнешь нигде, точно на наковальне молотками сколочена. *(Поет.)*

И какова, братцы, неволя?
Да кто знает про нее?

Матрена. Позавидовал ты моему жиру. У самого рыло-то уж лоснится, лопнуть хочет. Неси, что ли, говорят тебе.

1-й кучер. Приходи завтра! *(Поет.)*

Какова, братцы, неволя?
Да кто знает про нее?

Матрена. Дай срок, я вот Улите Никитишне скажу, что ты ничего не делаешь, никогда тебя ничего не допросишься.

1-й кучер. Я кучер, понимаешь ты это? Я свое дело правлю. А ты что? Типун-дворянка! Тонко ходите, чулки отморозите! Значит, ты его *(показывая на самовар)* и волоки.

Матрена. Да ведь в нем пудов пять будет, где ж девке его стащить!

1-й кучер. Опять-таки это до меня не касающее.

Матрена. Стыда-то в тебе ничего нет, бесстыжие твои глаза! Хоть надорвись девка, тебе все равно. *(Поднимает самовар, всем корпусом отваливается назад и, загнув голову на сторону от пару, идет к галерее.)*

1-й кучер *(вслед ей)*. Не балуй в серьгах, позолота сойдет!

Матрена *(входя на крыльцо, оборачивается)*. Ругатель! *(Ставит на стол самовар.)*

1-й кучер *(поет)*.

Какова, братцы, неволя?
Да кто знает про нее?

На галерею выходят Карп Карпыч и Улита Никитишна. Кучер замолкает и уходит.

II

На галерее

Карп Карпыч и Улита Никитишна (садятся у стола на галерее).

Улита Никитишна *(заваривая чай)*. Нынче все муар-антик в моду пошел.

Карп Карпыч. Какой это муар-антик?
Улита Никитишна. Такая материя.
Карп Карпыч. Ну и пущай ее.
Улита Никитишна. Да я так... Вот кабы Серафимочка замуж вышла, так уж сшила бы себе, кажется... Все дамы носят.
Карп Карпыч. А ты нешто дама?
Улита Никитишна. Обнакновенно дама.
Карп Карпыч. Да вот можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь.
Улита Никитишна. Да что же такое за слово — дама? Что в нем... *(ищет слова)* постыдного?
Карп Карпыч. Да коли не люблю! Вот тебе и сказ!
Улита Никитишна. Ну, а Серафимочка дама?
Карп Карпыч. Известно дама, та ученая да за барином была. А ты что? Все была баба, а как муж разбогател, дама стала! А ты своим умом дойди.
Улита Никитишна. Да нет! Все-таки... как же!
Карп Карпыч. Сказано — молчи, ну и баста!

Молчание.

Улита Никитишна. Когда было это стражение...
Карп Карпыч. Какое стражение?
Улита Никитишна. Ну вот недавно-то. Разве не помнишь, что ли?
Карп Карпыч. Так что же?
Улита Никитишна. Так много из простого звания в офицеры произошли.
Карп Карпыч. Ведь не бабы же. За свою службу каждый получает, что соответственно.
Улита Никитишна. А как же вот к нам мещанка ходит, так говорила, что когда племянник курс выдержит, так и она будет благородная.
Карп Карпыч. Да, дожидайся.
Улита Никитишна. А говорят, в каких-то землях из женщин полки есть.
Карп Карпыч *(смеется)*. Гвардия!

Молчание.

Улита Никитишна. Говорят, грешно чай пить.
Карп Карпыч. Это еще отчего?
Улита Никитишна. Потому, из некрещеной земли идет.

Карп Карпыч. Мало ли что из некрещеной земли идет.

Улита Никитишна. Вот тебе пример: хлеб из крещеной земли, мы его и едим вовремя; а чай — когда пьем? Люди к обедне, а мы за чай; вот теперь вечерни, а мы за чай. Вот и, значит, грех.

Карп Карпыч. А ты пей вовремя.

Улита Никитишна. Нет, все-таки...

Карп Карпыч. Все-таки, молчи. Ума у тебя нет, а разговаривать любишь. Ну, и молчи!

Молчание.

Улита Никитишна. Какая Серафимочка у нас счастливая! Была за барином — барыня стала, и овдовела — все-таки барыня. А как теперь, если за князя выдет, так, пожалуй, княгиня будет.

Карп Карпыч. Все-таки, по муже.

Улита Никитишна. Ну, а как за князя выдет, неужто я так-таки ничего? Ведь она мое рождение.

Карп Карпыч. С тобой говорить — только мысли в голове разбивать. Я было об деле задумал, а ты тут с разговором да с глупостями. Ведь вашего бабьего разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебе: молчи! так вот дело-то короче будет. *(Задумывается.)*

Молчание. Вбегает Матрена.

Матрена. Матушка, Улита Никитишна! Серафима Карповна приехала.

Улита Никитишна. Ах, батюшки! *(Быстро встает и уходит с Матреной.)*

Карп Карпыч. Кабы на баб да не страх, с ними бы и не сообразил. Есть свое дело, так нет, давай лезть в чужое. Пристает к мужу: скажи ей свое дело и свою тайну, и прельщают его прелестию и лукавством, и осклабляют лицо свое — и все на погибель. И кто им скажет свое дело, и они наущают и соблазняют: делай не так, а вот так, по моему желанию. И многие мужи погибли от жен. Молодой человек, который и неопытный, может польститься на их прелесть, а человек, который в разум входит и в лета постоянные, для того женская прелесть ничего не значит, даже скверно.

III

На дворе

Входят 1-й и 2-й кучера.

2-й кучер. У вас какое сравнение! Не в пример лучше. Просто жид, а не барыня; сама овес выдает.

Уходят в сарай. Входят Улита Никитишна, Серафима Карповна и Матрена.

IV

На галерее

Карп Карпыч; Улита Никитишна садится на свое место и разливает чай; Серафима Карповна, в шляпке, в мантилье, в зеленых перчатках, с зонтиком, подходит к отцу; Матрена ставит на стол расписную чашку, которую принесла из комнат, и становится поодаль.

Серафима Карповна. Здравствуйте, папенька!

Целуются.

Карп Карпыч. Здравствуй! Садись, так гостья будешь.

Серафима Карповна *(садясь)*. А где же братец, Онисим Карпович?

Карп Карпыч. Где Онисим-то? Загулял. Вот уж пятый день чертит.

Серафима Карповна. А сестрица, Анна Власьевна?

Карп Карпыч. Да вот как ни бьемся, все Онисим пить-то не перестает, так жена и повезла по тюрьмам калачи раздавать. Авось, бог простит.

Улита Никитишна. Да, да... Повезла калачи раздавать... заключемным... Ведь все больше занапрасно...

Карп Карпыч. Да, занапрасно! Они там режут да грабят, а их не сажать.

Улита Никитишна. Так, чай, те, которые грабят-то, в остроге сидят; а в яме-то за что?

Карп Карпыч. А в яме-то за долги.

Улита Никитишна. Как не за долги! Вон, говорят, Кон Коныч за процент сидит.

Карп Карпыч. За какой процент?

Улита Никитишна. Да как же, за процент.

А какой тут процент! Как брал, так и отдай. Чай, ведь, это грех.

Карп Карпыч. Ты опять разговаривать!

Улита Никитишна наливает чай; Матрена подает на подносе чашку Серафиме Карповне; та берет, не снимая перчаток.

Улита Никитишна. Ты б, Серафимушка, сняла шляпку-то, да мантилию, да и платье-то бы расстегнула сзади, здесь все свои. Вот тебе Матрена расстегнет.

Серафима Карповна. Ах, что это вы, маменька! Мне не жарко. Я к вам на минуточку приехала, только посоветоваться.

Карп Карпыч *(дуя на блюдечко)*. Об чем бы это, например?

Серафима Карповна. Я хочу замуж идти.

Улита Никитишна *(всплеснув руками)*. Ах, батюшки!

Карп Карпыч. Ну, что ж! С богом! Это дело хорошее. Это лучше...

Улита Никитишна *(качая головой и складывая руки на груди)*. Красавица ты моя!

Карп Карпыч. А за кого бы это? Желаю я знать.

Серафима Карповна. Он, папенька, молодой человек, служит в суде, и, надобно вам сказать, не богатый. Я б и не пошла за бедного, да уж очень я в него влюблена. *(Поднимает глаза к небу, вздыхает и задумывается.)*

Улита Никитишна *(всплеснув руками)*. Ах, матушка моя!

Карп Карпыч. А чьих он?

Серафима Карповна. Прежнев. Он благородный, хорошей фамилии, может место хорошее получить. Что ж, думаю, у меня свои деньги; если буду жить расчетливо, могу прожить и с мужем. Лучше я себе во всем откажу, а уж я без него жить не могу. *(Опять вздыхает и поднимает глаза.)*

Карп Карпыч. Может, качества какие есть?

Серафима Карповна. Качеств за ним никаких не слыхать.

Карп Карпыч. Ты, Серафима, помни одно, что ты отрезанный ломоть, я тебе больше денег не дам. Так ты смотри, не проживи деньги-то, которые за тобой дадены.

Улита Никитишна. Тот был старик, а этот, ишь ты, молодой: гляди, рожать будешь, так деньги-то чтоб детям остались.

Серафима Карповна. Мне денег прожить нельзя с моим характером. *(Отдает чашку Матрене.)*

Карп Карпыч. Ну, он молодой, а ты все-таки вдова, а не девушка, все как будто перед мужем совестно; ну, он подластится да и выманит деньги-то.

Серафима Карповна *(принимая чашку от Матрены)*. Неужели мужчины могут любить только из денег? *(Вздох и глаза к небу.)*

Карп Карпыч. А ты думала как? Порядок известный.

Серафима Карповна *(выходя из задумчивости)*. Да я ему и не дам денег.

Карп Карпыч. Ну, и ладно. Ты поступай так, как я тебе приказывал.

Серафима Карповна. Конечно, папенька! Что я, дура, что ли?

Карп Карпыч. А вот и у нас скоро свадьба: Матрену в саду с приказчиком застали, так хочу повенчать.

Матрена закрывает лицо рукавом.

Тысячу рублев ему денег, и свадьба на мой счет.

Улита Никитишна. Тебе бы только пображничать где было, за тем и свадьбу-то затеял.

Карп Карпыч. Ну, еще что?

Улита Никитишна. Ничего больше.

Карп Карпыч *(строго)*. Нет, ты поговори!

Улита Никитишна. Ничего, право, ничего.

Карп Карпыч *(строже)*. Нет, поговори что-нибудь, я послушаю.

Улита Никитишна. Да что говорить-то, коли не слушаешь.

Карп Карпыч. Что слушать-то! Слушать-то у тебя нечего. Эх, Улита Никитищна! *(Грозит пальцем.)* Сказано: молчи! Я хочу, чтоб девка чувствовала, а ты с своими разговорами!

Матрена закрывает другим рукавом глаза.

Третью племянницу так отдаю. Я всей родне благодетель. Вот теперь есть еще махонькая, так и ту на место Матрены возьму, и ту в люди выведу.

Молчание.

Улита Никитишна. Смотри, будет ли он любить-то тебя?

Серафима Карповна. Что ж, маменька, в моем характере ничего дурного нет. Только я... еще и в пансионе говорили, что я музыки совсем не понимаю, задумываюсь часто, так, ни об чем, да очень люблю сладкое, так, может, он этого не заметит; да вот еще на серебро плохо считаю...

Карп Карпыч. Ничего, привыкнешь.

Серафима Карповна. Может быть, ему не понравится, что я расчетлива, так ведь иначе мне как же? Я стараюсь только, чтоб не прожить капиталу, а проживать одни проценты. Что ж я буду тогда без капиталу, я ничего не буду значить.

Карп Карпыч. Обнакновенно.

Серафима Карповна. А проценты я сейчас могу расчесть на бумажке, нас в пансионе этому учили. А вот без бумажки я и не могу. *(Задумывается.)*

Улита Никитишна. Об чем ты это думаешь-то, милушка?.. Да и я-то дура! Как тебе, бедной, не думать-то! Перемена жизни... ведь в него не влезешь, какой он там.

Серафима Карповна. Нет, маменька, я вот давеча ленты покупала, по восьми гривен ассигнациями, семь аршин; так вот я и думаю, сколько это на серебро-то будет, и так ли он мне сдачу сдал с трех целковых? *(Вынимает портмоне и смотрит в него.)*

Карп Карпыч. Рубь шесть гривен... рубь сорок сдачи.

Серафима Карповна. Так ли, папенька-с?

Карп Карпыч. Ну, да что тут еще разговаривать!

Серафима Карповна *(прячет портмоне)*. Хорошо-с.

Улита Никитишна. Смотри, не пьет ли?

Карп Карпыч. Опять ты все врешь! Кто нынче не пьет!

Улита Никитишна. То есть ты спроси, во хмелю-то он каков?

Карп Карпыч. Ну, вот это дело!

Улита Никитишна. Потому другой смирный во хмелю, так это нужды нет, все равно что непьющий.

Серафима Карповна. Хорошо, маменька, я расспрошу-с. Мне, маменька, пора.

Улита Никитишна. Ах, как это можно! Посиди. Ведь ты сладкое-то любишь... У нас фрухты какие преотменные! Поди, Матрена, принеси, они у меня на окне в спальне.

Матрена уходит, скоро возвращается с фруктами и подносит Серафиме Карповне, а потом ставит на стол.

Кушай, милушка, кушай! Наливочки не хочешь ли?

Серафима Карповна. Что это вы, маменька!

Улита Никитишна. Пивца, душенька?

Серафима Карповна. Да разве я пью?

Улита Никитишна. Ну, медку?

Серафима Карповна. Право, не могу.

Улита Никитишна. Ну, вареньица?

Серафима Карповна. Вареньица можно.

Улита Никитишна *(достав ключи из кармана)*. Матрена, сходи в кладовую, принеси двух сортов.

Серафима Карповна. Да вели моему кучеру подавать.

Матрена берет ключи и уходит через сцену.

Улита Никитишна. Кушай еще, Серафимушка!

Серафима Карповна берет еще.

А ты что же, Карп Карпыч?

Карп Карпыч. Ну вот еще! Стану я теперь есть всякую дрянь. А ты отложи мне, а остальные вели убрать; я ужо, как стану водку пить, так закушу апельсиком.

Улита Никитишна берет и ест. Молчание.

V

На дворе

Матрена идет с двумя тарелками. Подходит к двери сенника и толкает ее ногой.

Матрена. Эй вы, гужееды!

Кучера выходят.

Подавай лошадей! Барыня ехать хотят.

2-й кучер. Меня в те поры за одну провинность барин хотел в солдаты отдать.

1-й кучер. Ишь ты!

2-й кучер. Так я в те поры, братец ты мой, все только об войне и думал и со всяким, то есть, человеком все про войну разговаривал. И так у меня раскипелось сердце, что хоть сейчас под черкеса.

1-й кучер. У меня тут по соседству один денщик есть приятель, они с барином в венгерской кампании были, так он про австрияка сказывал.

2-й кучер. А что такое?

1-й кучер. А вот что, друг любезный, будто ему еще допреж сказано, при французе, когда француз был: что ты можешь мне препятствовать? Хочешь, я тебя раззорю.

2-й кучер. И раззорит!

1-й кучер. Раззорит!

2-й кучер. Потому, сила.

1-й кучер. Ничего не поделаешь! Все равно как милюция была... одиннадцать вершков росту, пятнадцать пудов подымает. Прут себе! Там ту-ту-ту-ту-ту-ту, значит в барабан отбой. А они говорят: ребята, вперед! Измена! Ну и прут себе, что ты хочешь!

2-й кучер. Известно, уж тут, кто кого.

1-й кучер. Кто, значит, уж одолеет, чья сила возьмет.

Матрена. Скучно слушать-то! Ох, воины! сидя на печке воете. Видно, не страшна война, только утиши, господи.

1-й кучер *(скосив глаза в сторону Матрены с совершенным презрением)*. Сволочь!

Матрена. Говорят вам, барыня дожидается.

2-й кучер *(надевая на правую руку петлю кнута, левую подает Иванычу)*. Прощай!

1-й кучер. Прощай, друг любезный!

Уходят за дом. Матрена — на галерею.

VI

На галерее

Улита Никитишна. Серафимушка! я было и забыла... Еще вот что надо беспременно тебе сделать! Уж проминовать нельзя... Когда ты все узнаешь про жениха, что он не мот, не пьяница, не картежник,— так съезди к ворожее, к Параше. Приди к ней смирненько и спроси: будет ли, мол, раба Серафима счастлива с рабом... как его?

Серафима Карповна. Павлом.

Улита Никитишна. С рабом Павлом? Что она тебе скажет, так и сделай.

Карп Карпыч. Ничего ты этого не делай!

Улита Никитишна. Ну уж, Карп Карпыч, я во всем тебя послушаю, а это дело не твое, это дело женское! Не слушай ты его, Серафимушка, делай, как я велю. Я мать — худо не посоветую.

Серафима Карповна. Хорошо-с. *(Встает.)* Прощайте, папенька! Прощайте, маменька! *(Целует.)*

Карп Карпыч. А ты вот что: ты скажи жениху, коли будет ко мне почтителен — я ему шубу подарю хорошую; а коли не будет — назад отниму.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ[1]

ЛИЦА:

ПОЛЬ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА
жена его.

СОФЬЯ ИВАНОВНА ПРЕЖНЕВА.

НЕИЗВЕСТНЫЙ
приятель Поля, человек средних лет, с греческим профилем и мрачным выражением лица.

ГОРНИЧНАЯ.

ЛАКЕЙ.

Богато убранный кабинет.

I

Поль сидит за столом и пишет, лакей входит.

Лакей. Павел Петрович, там портной да каретник дожидаются.

Поль *(оборачиваясь)*. Гони их вон!

Лакей. Да нейдут-с.

Поль. Ну, скажи им, что на следующей неделе.

Лакей. Говорил, да нейдут-с.

Поль. Так неужели ж мне самому с ними разговари-

[1] Между 2-й и 3-й картиною проходит месяц. *(Прим. автора.)*

вать? Ну, скажи им что-нибудь такое. Ты видишь, что я занят. Надоел! Пошел вон!

Л а к е й. Там еще какой-то барин вас спрашивает.

П о л ь. И его гони.

Н е и з в е с т н ы й показывается в дверях; л а к е й, увидев неизвестного, уходит.

Н е и з в е с т н ы й. Гони природу в дверь, она войдет в окно.

П о л ь *(встает)*. Ах, любезный друг, я и не знал, что это ты. Извини, сделай милость!

Н е и з в е с т н ы й. Да, ты не знал. *(Осматривает с ног до головы Поля и потом кабинет.)*

П о л ь. Право же, не знал. Неужели бы я тебя не принял?

Н е и з в е с т н ы й *(садится)*. Ну, хорошо, хорошо.

П о л ь. Сигару не хочешь ли?

Н е и з в е с т н ы й *(иронически улыбаясь)*. Сигару? А когда же деньги?

П о л ь. Теперь скоро.

Н е и з в е с т н ы й. То есть как же это: теперь или скоро?

П о л ь. Скоро, скоро.

Н е и з в е с т н ы й. Ты скоро отдашь? *(Смотрит пристально на Поля.)* Ну, а если я тебе не верю?

П о л ь. Как же тебе не верить, у тебя в руках документ. Потом, ты видишь, как я живу.

Н е и з в е с т н ы й. Да ведь документу срок; а это не твое, а женино.

П о л ь. Это все равно.

Н е и з в е с т н ы й. Нет, не все равно.

П о л ь. Так чего же ты хочешь?

Н е и з в е с т н ы й. А вот чего: или ты завтра мне отдашь все деньги, или мы перепишем документ...

П о л ь. Изволь, перепишем хоть сейчас.

Н е и з в е с т н ы й. Нет, мы перепишем завтра, только чтоб твоя жена подписалась поручительницей.

П о л ь. Как же это?

Н е и з в е с т н ы й. Там уж маклер знает как; а то я подам ко взысканию. *(Встает.)*

П о л ь. Ну, хорошо.

Н е и з в е с т н ы й. Так смотри же, завтра! *(Идет к двери.)* Ты не думаешь ли отвертеться как-нибудь? Этого со мной нельзя. *(Уходит.)*

П о л ь. Это скучно наконец! Богат, богат, а денег все нет. Надо у жены попросить; теперь все равно, что у ней деньги, что у меня, у нас все общее. Еще даже лучше, если у меня. И для чего я так долго откладываю! Только все больше и больше запутываюсь.

С е р а ф и м а К а р п о в н а входит. Поль пишет.

II

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Поль, брось писать, не пиши! *(Обнимает его.)*

Поль перестает писать.

Я так счастлива, так счастлива! Господи, за что мне такое счастье! (*Задумывается.*) Всего у меня много, муж такой милый *(целует его)*, красавец, умный! Только одно меня беспокоит: ты часто уезжаешь. Уж коли ты женился, ты бы все и сидел со мной; я бы, кажется, тебя еще больше любить стала.

П о л ь. Нельзя же, мой друг, у меня служба.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Ты и нынче поедешь?

П о л ь. Да, поеду. Уж мне пора.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Возьми меня с собой.

П о л ь. Куда это, в сенат-то?

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Ну, да.

П о л ь. Что ты говоришь! Да разве это можно?

С е р а ф и м а К а р п о в н а. У вас все нельзя. Просто ты меня не любишь, оттого и не хочешь взять. Кабы ты любил, ты бы взял. Ты бы сказал всем: «Это моя жена». Что ж, я тебя нигде не острамлю, я в пансионе воспитывалась.

П о л ь. Да ты спроси у кого-нибудь, коли мне не веришь, берут ли жен в присутственные места?

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Оттого и не берут, что не любят нас. Кабы любили, так бы брали. Если бы вы нас любили так, как мы вас любим, вы бы все наши прихоти исполняли. Мы для вас все на свете готовы сделать, а вы никакой малости не хотите.

П о л ь. Да и я все, что хочешь, готов для тебя сделать, только этого нельзя.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Ну, по крайней мере, сделай для меня удовольствие, не езди нынче, посиди со мной.

П о л ь *(пожимая плечами)*. Если ты хочешь,— изволь.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Нет, в самом деле, ты не поедешь?

П о л ь. Не поеду, если тебе угодно.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Милый Поль, какой ты добрый! Как ты меня балуешь! Чего я для тебя на свете не сделаю! Ну, говори! Говори, чего хочешь! да говори же! *(Ласкает его.)* Проси, чего хочешь. Все, все на свете. Ну, скажи, чего ты хочешь: сейчас же поеду в город и куплю тебе.

Входит горничная.

Г о р н и ч н а я. Барыня, пожалуйте, швея пришла.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Поль, милый Поль, я сейчас приду. *(Уходит.)*

III

П о л ь. Странные иногда у нее желания являются, и не разберешь: от глупости это или от любви ко мне. Впрочем, это очень хорошо, что она меня так любит. Чего, говорит, ты хочешь? Чего? Разумеется, денег. Значит, правду говорят, что у женщин сердце гораздо чувствительнее нашего. А я, признаться, этому прежде не верил. Теперь я понимаю, что если любовь заберет их за живое, так бери с них, что хочешь. Да и хорошенькая какая! Даже этак, если и с другой стороны взять... да что тут разговаривать-то, просто наслаждение! Если уж просить, так за раз большой куш; надо пользоваться минутой, пока она в экстазе.

Входит Серафима Карповна.

Ах, Серафима, я хотел с тобой поговорить.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. И я хотела с тобой поговорить, Поль.

П о л ь. Ну, так говори ты.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Нет, ты говори прежде.

П о л ь. Нет, ты, Серафима.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Нет, ты.

П о л ь. Я тебе уступаю как даме, Серафима.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Вот что я хотела тебе сказать, мой Поль: ты каждый день сорочки меняешь, ведь это расчет.

П о л ь. Что ты, с ума, что ли, сошла! Что это за расчет для нас? Нет, я хотел поговорить совсем о другом.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Все-таки, друг ты мой *(целует его)*, надобно рассчитывать. Никакого в этом сумасшествия нет.

П о л ь. Извини, Серафима! Я тебя понимаю, мой друг; это даже хорошо, что ты в мелочах соблюдаешь экономию. Мелочи в жизни важное дело. Я очень рад, что нашел в тебе такую хозяйку. Но я хочу с тобой поговорить о более важном деле.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Об чем же это, Поль? Да нет, постой! Что нам об деле говорить! Мы еще с тобой мало о любви говорили. Теперь время свободное, ты не поехал в присутствие. Что нам говорить об делах, поговорим об любви. *(Вздох и глаза к небу.)*

П о л ь. Об любви еще мы успеем, когда только тебе будет угодно, а теперь мне нужно об деле.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Ах, Поль, ты остался со мной; мне теперь, право, ни об чем другом думать не хочется.

П о л ь. Нет, Серафима, мне, право, нужно с тобой серьезно поговорить.

С е р а ф и м а К а р п о в н а *(несколько обиженным тоном)*. Что такое тебе нужно? Говори!

П о л ь. Как ты хочешь употребить свой капитал?

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Что за вопрос! Я его никак не хочу употреблять; пускай лежит в Совете, а мы будем жить процентами.

П о л ь. Но процентов очень мало, мой друг! Мы лучше пустим капитал в оборот.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. В какой оборот?

П о л ь. Например, купим имение.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Нет, нет, нет, ни за что! Какое имение?

П о л ь. Ну, деревню в хорошей губернии, хоть в Орловской.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Ни за что на свете! Мужики не будут платить, деревня может сгореть... пять лет неурожай. Что ж тогда делать?

П о л ь. Пять лет неурожай не бывает.

С е р а ф и м а К а р п о в н а. Однако может быть; ты ведь не пророк.

П о л ь. Ну, купим дом да пустим жильцов.

Серафима Карповна. А жильцы платить не будут.

Поль. Как это платить не будут? С них всегда можно взыскать.

Серафима Карповна. Ну, а дом сгорит?

Поль. Надо застраховать.

Серафима Карповна. А придет неприятель да раззорит все. Нет, нет, ни за что!

Поль. Ну, перестанем лучше об этом говорить.

Серафима Карповна. Ты сам посуди. Ты молодой еще человек, у нас могут быть дети.

Поль. Конечно, будут дети, но что ж из этого? Чем мы больше будем получать, тем больше детям достанется.

Серафима Карповна. Нет, нет, я и говорить не хочу; а то мне сейчас скучно сделается. Ты и не расстроивай меня. Какие там обороты! Мы и так можем жить. Всего у нас много. *(Задумывается.)* Теперь время свободное, ты не поехал в присутствие... *(Обнимает Поля.)*

Поль *(освобождаясь из объятий)*. Нет, Серафима, как ты хочешь, а мне с тобой нужно поговорить.

Серафима Карповна *(серьезно)*. Об чем еще?

Поль. А вот об чем: дай ты мне, коли любишь меня, пять тысяч рублей серебром. Мне очень нужно для одного дела. Дело, Серафима, очень выгодное,— я теперь тебе не скажу, какое, но мы можем вдвое получить, а пожалуй, и больше. Да я почти уверен, что больше.

Серафима Карповна. Пять тысяч рублей серебром... Сколько же это будет на ассигнации?

Поль. Почем я знаю!

Серафима Карповна. Постой, я сейчас сочту. *(Вынимает из кармана бумажку и карандаш и считает.)* Ах! Ах! *(Убегает.)*

IV

Поль. Что же это такое? Чего она испугалась? Я уж и не пойму. Не думает ли она, что я всю жизнь буду только одной любовью пробавляться? Это будет очень оригинально! Скупа, что ли, она? Нужно же, наконец, узнать, что она больше любит: меня или

деньги? Коли меня — так дело поправить можно. А как деньги? Просто хоть в петлю лезь.

Входит Прежнева.

Прежнева. Bonjour, Paul!

Поль. Bonjour, maman!

Прежнева *(садится)*. Я сейчас заходила к твоей жене; что с ней сделалось? Плачет и собирается куда-то ехать.

Поль. Была маленькая сцена.

Прежнева. Ах, Поль, так рано! Так скоро после свадьбы! Не оскорбил ли ты ее чем-нибудь? Женщина такое слабое, такое нежное создание.

Поль. Какой черт оскорбил! Я только попросил у ней денег.

Прежнева. Довольно ли ты нежен был с ней?

Поль. Да помилуйте, я целый месяц с ней нежничал, жили как голуби. *(Хохочет.)* Только нынче решился попросить денег. Она сначала было так расчувствовалась, что любо. Проси, говорит, чего хочешь; я все для тебя на свете. Я хоть сейчас, говорит, поеду в город и куплю тебе, чего хочешь. Что ж она мне купит? Собачку фарфоровую или сахарного гусара? А вот как попросил я у ней пять тысяч, так взвизгнула да ушла... а теперь плачет. Это черт знает что такое!

Прежнева. У ней нет, нет чувств, мой друг. Женщина для любимого человека готова все на свете. Нет, мой Поль, она не женщина.

Поль. Нет, она женщина, только денег не дает.

Прежнева. Ах, Поль, я думаю, что она со временем тебя оценит — и так полюбит, так полюбит *(восторженно)*, что отдаст в твое полное распоряжение и себя и... все свое состояние.

Поль. Да ведь этого нужно ждать, а мне ждать нельзя.

Прежнева. Подожди, Поль! Зато вперед какое блаженство ожидает тебя.

Входит горничная с письмом и бумажником в руках и подает Полю.

Поль. Это что такое?

Горничная. Барыня уехали и приказали вам отдать бумажник и письмо. *(Уходит.)*

Поль. Бумажник! Это хорошо! *(Кладет бумажник в карман.)*

П р е ж н е в а. Я тебе говорила.

П о л ь. Теперь почитаем послание. *(Читает.)* «Милый Поль! Как я ни люблю тебя, но нам должно расстаться. Теперь всю жизнь мое сердце будет разрываться, и я буду день и ночь плакать по тебе. Я теперь хочу жить у папеньки, подобно заключенной, и оплакивать судьбу свою, а дом этот продам. Теперь уж ты меня никогда не увидишь. Я тебя люблю всей душой, а ты мне сегодня показал, что будто ты меня любишь из денег. Но в нашем купеческом кругу не принято отдавать деньги. Что я буду значить, когда у меня не будет денег? — тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будет денег,— я кого полюблю, а меня, напротив того, не будут любить. А когда у меня будут деньги,— я кого полюблю, и меня будут любить, и мы будем счастливы. Я приготовила тебе к именинам бумажник и сама вышила, и как я чувствовала, что тебе мой подарок будет очень приятен, то и посылаю тебе. Ты к папеньке не езди, он у нас очень сердит и очень разгневается на тебя, когда все это узнает; а я ничего не могу скрыть. Прощай, Поль! Когда будешь нуждаться в деньгах, я тебе всегда готова помочь потихоньку от своих, только немного — рублей сто, не более. Будь счастлив. А я должна плакать всю жизнь. Твоя навеки, Серафима».— Что же это такое! Это так странно, что я даже этому и не верю. Вероятно, она шутит или хочет меня попугать. Однако посмотрим, что такое за бумажник. Может быть, в нем что-нибудь и есть. *(Вынимает из кармана.)*

П р е ж н е в а. Я почти уверена, Поль. Она, верно, хотела тебе сделать сюрприз.

П о л ь. Бумажник щегольской! *(Развертывает его и рассматривает.)* Пусто!

П р е ж н е в а. Посмотри, нет ли где секретного какого отделения?

П о л ь. Вот есть и секретное, да в нем тоже ничего нет.

Входит л а к е й.

Что тебе?

Л а к е й. Да помилуйте, что же это такое? Шубу увезли!

П о л ь. Какую шубу?

Л а к е й. Вашу шубу. Велели положить к барыне в карету и увезли. Уж я с Анюткой немало ругался, да

что ж с ними сделаешь. На что ж это похоже, я уж и не знаю.

Поль. Маменька! Это уж не шутки.

Лакей. Это ведь срам! Не первый год служу. *(Всплеснув руками.)* Господи! я и не видывал. Помилуйте, Павел Петрович!

Поль. Ну, поди вон!

Лакей. Да это и в люди сказать, так стыда-то не оберешься. Что это такое? Что это такое? *(Уходит.)*

Поль *(садясь и пристально глядя на мать)*. Maman!

Прежнева. Нынче у женщин совсем нет сердца, совсем нет.

Поль. Позвольте мне, maman, поблагодарить теперь вас за две вещи: во-первых, за то, что вы промотали мое состояние, а во-вторых, за то, что воспитали меня так, что я никуда не гожусь. Я умею только проживать. А где деньги, где? *(Горячо.)* Где деньги? Ну, давайте мне их! Вам весело было, когда я восьми лет, в бархатной курточке, танцевал лучше всех детей в Москве и уж умел волочиться за маленькими девочками! Вам весело было, когда я шестнадцати лет отлично скакал на лошади! Вы любовались, когда мы с моим развратным гувернером, вашим любимцем, скакали по нашим наследственным полям и хлестали своими хлыстами по глазам мужиков, которые не сворачивают с дороги. Вам весело было! При таком воспитании нужно иметь деньги, чтобы играть значительную роль в нашем обществе. Зачем же вы все промотали? Куда делись наши имения, наши крестьяне? Изо всего из этого я бы железной рукой выбрал себе деньги и блистал бы в обществе наперекор всем этим ученым и современно образованным людям с новыми идеями. Мне это было бы легко: они большой симпатией не пользуются. А теперь что? Теперь вы, может быть, будете иметь удовольствие видеть меня выгнанным из службы, праздношатающимся, картежным игроком, а может быть, и хуже. Что ж мне делать? Нельзя же мне от живой жены жениться в другой раз. *(Опускает голову на руки.)*

Сцены
из деревенской
жизни

ВОСПИТАННИЦА

ЛИЦА:

УЛАНБЕКОВА
старуха лет под 60, высокого роста, худая, с большим носом, черными, густыми бровями, тип лица восточный, небольшие усы. Набелена, нарумянена, одета богато, в черном. Помещица 2000 душ.

ЛЕОНИД
ее сын, 18 лет, очень красив, немного похож на мать. Одет полетнему. Учится в Петербурге.

ВАСИЛИСА ПЕРЕГРИНОВНА
приживалка, девица 40 лет. Волос мало, пробор косой, коса зачесана высоко, с большой гребенкой. Постоянно коварно улыбается и страдает зубами; желтая шаль около самого горла заколота булавкой.

ПОТАПЫЧ
старый дворецкий. Галстух и жилет белые, фрак черный. С виду важен.

НАДЯ
17 лет, любимая воспитанница Уланбековой, одета, как барышня.

ГАВРИЛОВНА
ключница, пожилая женщина, полная, с открытым лицом.

ГРИША
мальчик лет 19, любимец барыни, одет франтом, часы с золотой цепочкой. Красив, волосы кудрявые, выражение лица глупое.

НЕГЛИГЕНТОВ
приказный, очень грязный молодой человек.

ЛИЗА
горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; в белом платье, лиф которого короток и сидит неловко, на шее маленький красный платочек, волосы очень напомажены.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕВУШКА, ЛАКЕЙ И ГОРНИЧНАЯ
без речей.

Действие происходит весной, в подгородной усадьбе Уланбековой.

I

Часть густого сада, с правой стороны скамейка, на заднем плане решетка, отделяющая сад от поля.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Надя и Лиза.

Надя. Нет, Лиза, ты этого не говори: какое же может быть сравнение жить в деревне али в городе!

Лиза. Какая же такая особенная жизнь в городе?

Надя. Там уж все другое; и люди не те, да и порядок совсем другой.

Садятся на скамью.

Когда мы были с барыней в Петербурге, так это только поглядеть надобно было, какие к нам господа ездили, и как у нас было убрано в комнатах; опять же барыня везде брала меня с собой, даже и в Петергоф мы ездили на пароходе и в Царское село.

Лиза. То-то, я думаю, хорошо!

Надя. Уж так прелестно, что и словами нельзя сказать! Потому что, как хочешь тебе рассказывай, если ты сама не видала, так ничего не поймешь. Еще тогда у нас гостила барышня, племянница барыни, так я с ней по целым вечерам разговаривала, иногда и ночи просиживала.

Лиза. Об чем же вы с ней разговаривали?

Надя. Ну, разумеется, все больше про благородное обращение, об кавалерах там да об гвардейцах. Так как они часто бывают на балах, так и рассказывали, какие у них там разговоры бывают, и кто им больше нравится. Только уж какие эти барышни!

Лиза. А что?

Надя. Бойки очень. И откуда они это все знают? А потом мы целую зиму жили в Москве. Видя все это, моя милая, и сама стараешься себя облагородить. Уж и держишь себя не так и разговор стараешься иметь особенный.

Лиза. Да к чему же нам себя облагороживать-то! кому это нужно!

Надя. Как к чему? А вот барыня обещали меня выдать замуж, так я стараюсь так себя образовать, чтоб меня никому не стыдно было взять. Ты знаешь, какие жены у наших чиновников, ну на что это похоже?

Я в десять раз лучше их понимаю жизнь и обращение. У меня теперь только одна и надежда — выйти за хорошего человека, чтобы мне быть полной хозяйкой. Посмотри тогда, какой я порядок в доме заведу; у меня не хуже будет, чем у дворянки у какой-нибудь!

Лиза. Дай тебе бог! А замечаешь, как за тобой барин молодой ухаживает?

Надя. Напрасно он ухаживает. Что ж, конечно, он мальчик хорошенький, даже, можно сказать, красавец; только от меня ему ничего не дождаться; потому что я совсем не таких правил и, напротив того, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня никакого дурного разговору не было. У меня только одно и на уме, что выйти замуж.

Лиза. И замужем иногда тоже житье-то не радость! другой такой чадо навяжется, что не накажи господи!

Надя. Что ж мне за радость идти за такого! Я, слава богу, могу в людях разобрать, кто хорош, кто дурен. Это сейчас по обращению и по разговору видно. А вот барыня так напрасно это делают, что нас в такой строгости держат и беспрестанный присмотр за нами имеют. Мне даже обидно! Я такая девушка, что без всякого присмотра могу хорошо себя понимать.

Лиза. Кажется, барин идет.

Надя. Так пойдем.

Встают и уходят. Входит Леонид с ружьем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леонид и потом Потапыч.

Леонид. Погодите! Куда вы, куда вы! Что это они всё от меня бегают? никак их не поймаешь. *(Стоит задумавшись.)*

Молчание.

Девушка *(поет за решеткой)*.

Никак невозможно без печали жить!
Любить друга можно, нельзя не тужить.

Леонид *(подбегая к решетке)*. Какая ты хорошенькая!

Девушка. Хороша, да не ваша.

Леонид. Поди сюда!

Д е в у ш к а. Куда?

Л е о н и д. Ко мне в сад.

Д е в у ш к а. А пошто я к тебе пойду?

Л е о н и д. Я поеду в город, тебе сережки куплю.

Д е в у ш к а. Молоденек еще! *(Громко смеется и уходит.)*

Леонид стоит повеся голову и задумавшись. Входит П о т а п ы ч в охотничьем платье, с ружьем.

П о т а п ы ч. За вами, сударь, не поспеешь; у вас ножки-то молоденькие.

Л е о н и д *(все еще задумавшись)*. Ведь все это, Потапыч, мое будет.

П о т а п ы ч. Все, сударь, ваше и мы все ваши будем... Как, значит, при барине, при покойнике, так всё равно и вам должны... Потому одна кровь... Уж это прямое дело. Конечно, продли бог веку вашей маменьке...

Л е о н и д. Я уж тогда, Потапыч, служить не стану, прямо в деревню приеду, здесь и буду жить.

П о т а п ы ч. Нельзя, сударь, вам не служить.

Л е о н и д. Ну да, как же! Нужно мне очень. Еще писать заставят! *(Садится на скамейку.)*

П о т а п ы ч. Нет, сударь, зачем же вам самим дело делать! Уж это непорядок! Вам такую службу найдут — самую барственную, великатную; работать будут приказные, а вы будете над ними надо всеми начальником. А чины уж сами собой пойдут.

Л е о н и д. Разве виц-губернатором сделают либо в предводители выберут!

П о т а п ы ч. Что ж мудреного!

Л е о н и д. А что, как я буду виц-губернатором, ты меня будешь бояться?

П о т а п ы ч. Чего же мне бояться? Это другие, точно, должны раболепствоваться, а нам все равно, вы наш барин; для нас даже еще чести больше.

Л е о н и д *(не слушая)*. А что, Потапыч, много у нас хорошеньких девушек?

П о т а п ы ч. Вот видите ли, сударь, если взять в рассуждение, так оно, точно, как девушек не быть! Есть и в вотчине, и в дворне: только притом же надобно сказать, что у нас насчет этого строгости большие. Наша барыня, по их строгой жизни и по своему богомольству, очень за этим наблюдают. Теперича возьмите то: воспитанниц и горничных, которых любят,

сами замуж отдают. Коли где им человек понравится, за того и отдают, и приданое дают, не большое — этого нельзя сказать. У нас всегда воспитанницы две или три не переводятся. Возьмут у кого-нибудь девочку, воспитают ее; а как минет лет семнадцать или восемнадцать, так, без всякого разговора, и отдают замуж, за приказного или за мещанина в город, как им вздумается, а иногда и за благородного. Да, сударь, да! Только какое житье этим воспитанницам, сударь! Беда!

Л е о н и д. А что?

П о т а п ы ч. Уж очень строго. Скажут: я тебе нашла жениха, и вот, скажут, тогда-то свадьба, ну и конец, тут уж разговаривать ни одна не смей! За кого прикажут, за того и ступай. Потому что, сударь, я рассуждаю так, кому же приятно, давши воспитание, да видеть непокорность. А бывает, сударь, и так, что и жених невесте не нравится, и невеста жениху, так уж тут очень гневаются. Так даже из себя выходят. Пожелали они одну воспитанницу отдать за лавочника в город, а он, человек неполированный, вздумал было сопротивляться. Мне, говорит, невеста не нравится, да я и жениться-то не хочу еще. Так в те поры и городничему жаловались, и отцу протопопу, ну и уломали дурака.

Л е о н и д. Вот как.

П о т а п ы ч. Да-с. Они даже и у знакомых у кого, если увидят девушку, так сейчас и ищут ей жениха. Наша барыня так рассуждают, что они глупы; если теперича над ними попечения не иметь, так они зря и проживут, без всякого порядка. Точно так, сударь. Некоторые даже, по своей глупости, прячут девок-то от барыни, чтоб они как-нибудь на глаза не попались; потому тут им уж и конец.

Л е о н и д. Так она и чужих точно так же?

П о т а п ы ч. И чужих. На всех свою заботливость простирают. Такое доброе сердце имеют, что обо всех беспокоются. И уж очень сердятся, когда без их спросу делают. А уж как о своих воспитанницах заботятся, так это на редкость. Одевают их, как бы истинно своих родных дочерей, и иногда с собой кушать сажают, и работать ничего не заставляют. Пускай, говорят, смотрят все, как у меня живут воспитанницы; хочу, говорят, чтоб все им завидовали.

Л е о н и д. Что ж, это хорошо, Потапыч.

П о т а п ы ч. И какое трогательное поучение делают, когда замуж отдают! Вы, говорят, жили у меня в богатстве и в роскоши, и ничего не делали; теперь ты выходишь за бедного, и живи всю жизнь в бедности, и работай, и свой долг исполняй. И позабудь, говорят, как ты у меня жила, потому что не для тебя я это делала, я себя только тешила, а ты не должна никогда об такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и из какого ты звания. И так чувствительно, даже у самих слезки.

Л е о н и д. Что ж, это хорошо.

П о т а п ы ч. Не знаю, как сказать, сударь. Как-то всё скучают замужеством-то потом, сохнут больше.

Л е о н и д. Отчего же, Потапыч, сохнут?

П о т а п ы ч. Должно быть, не сладко, коли сохнут.

Л е о н и д. Странно это.

П о т а п ы ч. Мужья-то больше всё разбойники попадаются.

Л е о н и д. А, вот что!

П о т а п ы ч. Уж очень все льстятся на наших воспитанниц, потому что барыня сейчас свою протекцию оказывают. Теперь, которых отдали за приказных, так уж мужьям-то жить хорошо; потому, если его выгнать хотят из суда, или и вовсе выгнали, он сейчас к барыне к нашей с жалобой, и они уж за него горой, даже самого губернатора беспокоют. И уж этот приказный в те поры может и пьянствовать, и все; и уж никого не боится; только разве когда сами поругают, или уж проворуется очень...

Л е о н и д. А скажи, Потапыч, отчего это девушки бегают от меня?

П о т а п ы ч. Как же им не бегать, им нельзя не бегать, сударь!

Л е о н и д. Да отчего ж нельзя?

П о т а п ы ч. Хм! Отчего? Потому самому, как вы еще в малолетствии, так барыня хотят вас соблюсти, как должно; ну, и их тоже соблюдают.

Л е о н и д. Соблюдает, ха-ха-ха!

П о т а п ы ч. Да-с! Уж это верно! Разговор был об этом. Вы как есть ребенок, все равно, что голубь, ну а девки глупы.

Молчание.

Да что ж, сударь: маменька ваша, обыкновенно, должны строгость наблюдать, потому как они дамы. А вам что на них смотреть! Вы сами по себе должны поступать, как все молодые господа поступают. Уж вам порядку этого терять не должно. Что ж вам от других-то отставать! Это будет к стыду к вашему.

Л е о н и д. Так-то так, да не умею я с девушками разговаривать.

П о т а п ы ч. Да вам что с ними разговаривать-то долго! Об чем это? Об каких науках вам с ними разговаривать? Нешто они что понимают! Обыкновенно, вы барин, ну, вот и конец.

Л е о н и д *(смотрит в сторону)*. Кто это там идет? это Надя, кажется. Ах, Потапыч, какая она хорошенькая!

П о т а п ы ч. Она, сударь, мне сродственница доводится, племянница. Ее отец еще покойным барином был на волю отпущен; он в Москве при кондитерской должности находился. Как мать у нее померла, ее барыня и взяли на воспитание и оченно любят. А потом у ней и отец теперича помер,— значит, сирота теперича выходит. Девушка хорошая.

Л е о н и д. Они, кажется, сюда идут.

П о т а п ы ч. Ну, что ж, пущай.

Входят Г а в р и л о в н а и Н а д я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е, Г а в р и л о в н а и Н а д я.

Г а в р и л о в н а. Здравствуйте, барин хороший!

Л е о н и д *(кланяется)*. Здравствуйте!

Г а в р и л о в н а. А что, барин, чай, вам скучно в деревне-то?

Л е о н и д. Нет, ничего.

Г а в р и л о в н а. Ну, уж как, чай, не скучать! Ишь, ведь, у нас точно монастырь, в сто глаз смотрят. Ну, а вы, известное дело, молодой человек — и позабавились бы чем-нибудь, да нельзя. Невелико веселье-то уток стрелять! *(Смеется.)*

Л е о н и д *(подходя к Гавриловне)*. Да, да, Гавриловна.

Н а д я *(Гавриловне)*. Пойдем!

Г а в р и л о в н а. Куда это идти-то? Ты бы вот, благо барыни-то дома нет, побалагурила б с молодым ба-

рином. Молодым людям то и надобно. А какая она у нас умная, барин! И поговорить, и все.

Надя. Ну, что хорошего!

Гавриловна. Да и дурного-то ничего нет! Я молода была, от господ не бегала, да вот не съели же меня. Авось и он тебя не укусит. Полно скромничать-то, останься! А я пойду чай готовить! Прощайте, барин хороший! *(Уходит.)*

Леонид. Отчего вы не хотели со мной остаться?

Потапыч. Что это вы, барин, ей *вы* говорите, точно барышне.

Леонид. Чего же ты боялась?

Надя молчит.

Потапыч. Говори, что ж ты молчишь! А я, сударь, пойду, мне также к чаю одеться надобно. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Леонид, Надя и потом Лиза.

Надя. Конечно, я девушка простого звания, а ведь и нам тоже не хочется, чтоб об нас дурно говорили. Сами извольте посудить, кто же меня после таких разговоров замуж возьмет?

Леонид. Ты разве замуж выходишь?

Надя. Да-с. Какая же девушка не надеется когда-нибудь выйти замуж?

Леонид. А у тебя уж есть жених?

Надя. Еще нет-с.

Леонид *(робко)*. Если нет жениха, так ты, может быть, влюблена в кого-нибудь.

Надя. Уж вы очень любопытны. Да нет, нечего на себя и лгать, ни в кого я не влюблена-с.

Леонид *(с большею робостью)*. Полюби меня!

Надя. Насильно сердце заставить нельзя-с.

Леонид. Отчего же? Разве я тебе не нравлюсь?

Надя. Нет-с, как можно, чтоб вы не нравились! Да вы нам неровня! Какая уж это любовь! видимая погибель. Вот Лиза бежит, должно быть, за мной! Прощайте. Счастливо оставаться! *(Уходит.)*

Лиза входит.

Лиза. Барин, пожалуйте! маменька приехала.

Леонид. Лиза!

Л и з а *(подходя)*. Что вам угодно?

Л е о н и д *(обнимает Лизу, она вздрагивает от удовольствия)*. Отчего Надя меня любить не хочет?

Л и з а *(жеманясь)*. Как вы, барин, рассуждаете! Наша сестра, уж известно, себя беречь должна!

Л е о н и д. Как беречь?

Л и з а *(смотрит ему в лицо и улыбается)*. Уж известно как. Что это, словно вы маленький!

Л е о н и д *(печально)*. Что же мне теперь? Я уж и не знаю. Все от меня бегают.

Л и з а. А вы куражу не теряйте; поволочитесь хорошенько! Ведь сердце-то у нас тоже не каменное.

Л е о н и д. Да что уж! Я у нее спрашивал, она говорит, что не любит.

Л и з а. Ах, вы какой чудной, барин! Да кто ж у девушек прямо спрашивает, любят или нет. Хоть бы другая наша сестра и любила, так не скажет.

Л е о н и д. Отчего же?

Л и з а. Потому стыдно. Однако пустите, барин! *(Освобождается.)* Вон нинфа-то[1] идет.

Л е о н и д. Приходите ужо в сад после ужина, как маменька спать ляжет.

Л и з а. Ишь вы какие проворные!

Л е о н и д. Пожалуйста, приходите.

Л и з а. Ну, уж там видно будет.

Входит В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а.

Барин, чай пожалуйте кушать, маменька дожидается.

Л е о н и д. Хорошо, сейчас.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Видела, мой друг, видела.

Л и з а. Нечего видеть-то было. *(Уходит.)*

Л е о н и д. Ну что ж, что видели? Жаловаться, что ли, станете? Так я скажу, что вы лжете. Кому больше поверят: вам или мне? *(Делает гримасу и уходит.)*

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Вот все-то так со мной. Моченьки моей нету! Все сердце изболело.

---

[1] Нинфа (нимфа) в простонародии имеет значение злой женщины, фурии. *(Прим. автора.)*

Мученица я на этом свете. *(Срывает с сердцем цветок и обрывает с него листики.)* Кажется, кабы моя власть, вот так бы вас всех! Так бы вас всех! Так бы вас всех! Погоди ж ты, мальчишка. Уж я тебя поймаю. Кипит мое сердце, кипит, ключом кипит. А вот теперь иди, улыбайся перед барыней, точно дура какая! Эка жизнь! эка жизнь! Грешники так в аду не мучаются, как я в этом доме мучаюсь. *(Уходит.)*

II

Гостиная. Прямо отворенная дверь в сад, по сторонам двери, посередине круглый стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из боковой двери выходят лакей *с самоваром и* девка *с чайным прибором, ставят то и другое на стол и уходят.* Гавриловна *и* Потапыч *входят за ними. Гавриловна приготовляет чай.* Василиса Перегриновна *выходит из саду.*

Василиса Перегриновна. Вы мне, моя милая, всегда только одной воды наливаете.

Гавриловна. Крепкий-то чай вам нездорово пить, сударыня.

Василиса Перегриновна. Не ваше дело обо мне заботиться!

Гавриловна. Он грудь сушит, а вы уж и так совсем высохли.

Василиса Перегриновна. Эка жизнь! Эка жизнь! Не от чаю я, милая, высохла, от обиды людской я высохла.

Гавриловна. Обидишь вас! Вы сами всех обижаете, точно вас что поджигает.

Василиса Перегриновна. Не смеешь ты так со мной разговаривать! Ты помни, кто ты. Я сама была помещица; у меня такие-то, как ты, пикнуть не смели, по ниточке ходили. Не давала я вашей сестре зазнаваться.

Гавриловна. Были да сплыли. То-то вот бодливой корове бог рог не дает.

Василиса Перегриновна. Изверги вы мои, злодеи! Смерти вы моей желаете. Скоро я умру, скоро; чувствует душа моя скорую мою кончину! *(Поднимает глаза к небу.)* Закрой меня от людей, гробо-

вая доска! Прими меня к себе, сырая земля! То-то вам радость будет, то-то веселье!

Потапыч. Нам что ж! Нам какая оказия!.. живите себе.

Гавриловна. Пока бог грехам терпит.

Василиса Перегриновна. За свои грехи уж я здесь намучилась; чужие грехи теперь оплакиваю.

Гавриловна. Лучше бы вы чужих-то грехов не трогали. А то помирать сбираетесь, а чужие грехи пересуживаете. Нешто вы не боитесь?

Василиса Перегриновна. Чего бояться? Чего мне бояться?

Гавриловна. А того, что с крючком-то сидит. Уж он, чай, поджидает.

Василиса Перегриновна. Где я! Где я! Боже мой! Точно я в омуте каком, изверги...

Входят с левой стороны Уланбекова, Надя, Лиза и Гриша.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Уланбекова, Гриша, Надя и Лиза.

Василиса Перегриновна. Помолиться, благодетельница наша, изволили?

Уланбекова. Да, к вечерне ездила в город, праздник нынче там.

Василиса Перегриновна. Много благодеяний рассыпали нестоющим людям?

Уланбекова. Нет, только в Пустую улицу заезжала, к старику Неглигентову. Просил меня устроить его племянника, крестник ведь он мне. Жаль этих людей!

Василиса Перегриновна. Уж вы, матушка, всем благодетельница. Всем-таки, всем! Которые и взгляду-то вашего не стоят, вы и тем благодетельствуете.

Уланбекова *(садится)*. Нельзя же, душа моя! Нужно делать ближним добро.

Василиса Перегриновна. Да чувствуют ли они это добро-то? Могут ли они понять, бесчувственные животные, сколько вашего для них снисхождения?

Уланбекова. А мне все равно, милая! для себя надо добро делать, для своей души. Заезжала потом к ис-

правнику, просила, чтоб Неглигентова столоначальником сделал.

Василиса Перегриновна. Да, благодетельница, стоит ли...

Уланбекова. Не перебивай! Странный человек у нас исправник; я его прошу, а он говорит, места нет. Я ему говорю, вы, кажется, не понимаете, кто вас просит? Что ж, говорит, не выгнать же мне хорошего человека для вашего крестника! Грубый человек! Однако обещал!

Василиса Перегриновна. Еще бы он смел! Я и понять не могу, как это у него язык-то повернулся против вас. Вот уж сейчас необразование-то и видно. Положим, что Неглигентов, по жизни своей, не стоит, чтобы об нем и разговаривать много, да по вас-то он должен сделать для него все на свете, какой бы он там ни был негодяй.

Уланбекова. Ты не забывай, что он мой крестник.

Василиса Перегриновна. Я про то вам и докладываю, благодетельница; крестник он вам, ну и кончено дело, он никаких и разговоров не должен слушать. А то, мало ли что говорят! Вот говорят, что он беспутный совсем; что дядя его в суд определил, а он оттуда скрывается; целую неделю пропадал, говорят, где-то версты за четыре на большой дороге, подле кабака, рыбу ловил. Да что пьянствует не по летам. Да кому ж какое дело — значит, он стоит того, когда вы за него просите!

Уланбекова. Я этого не слыхала и пьяным его не видала никогда; а просила я за него исправника, потому что он мой крестник. Я ему вместо матери.

Василиса Перегриновна. Знаю, благодетельница, знаю; все это знают, что вы, если захотите, так можете из грязи человеком сделать; а не захотите, так будь хоть семи пядей во лбу, так в ничтожестве и пропадет. Сам виноват, отчего не умел заслужить!

Уланбекова. Я, кажется, никому зла не сделала.

Василиса Перегриновна. Какое же зло! Да вы, по своему ангельскому сердцу, и мухи не обидите! Оно, конечно, все мы люди не без греха, дел же у вас много; на всех нельзя угодить! Коли правду говорить, так, благодетельница вы моя, довольно-таки народу и на вас плачутся.

Уланбекова. Кто же на меня плачется? Что ты врешь!

Василиса Перегриновна. Вам, благодетельница наша, всего знать нельзя. Да и не стоит вам, по вашей барственности, о всякой дряни беспокоиться. А хоть и плачутся, что на них смотреть, стоят ли они того? Вы уж другим-то много благодеяний делаете, так вам, нашей благодетельнице, бог простит.

Уланбекова. Я все-таки желаю знать, кого я обидела?

Василиса Перегриновна. Есть-таки, благодетельница.

Уланбекова *(строго)*. Да кто же, говори!

Василиса Перегриновна. Не гневайтесь, благодетельница! Это я так сказала; потому что, сами знаете, какой нынче народ стал обидчивый, ничем не довольный.

Уланбекова. Это ты сказала для того, чтобы сделать мне какую-нибудь неприятность.

Василиса Перегриновна. Лопни глаза мои!

Уланбекова. Ну, уж я тебя знаю. Ты душой не покойна, если чего-нибудь обидного не скажешь. Будь ты, пожалуйста, осторожней; а то ты меня когда-нибудь выведешь из терпения, тебе ж будет хуже.

Молчание.

Давайте чаю.

Гавриловна. Сейчас, сударыня! *(Наливает две чашки.)*

Потапыч подает Уланбековой и Василисе Перегриновне.

Уланбекова. Налей и Грише, он нынче ездил со мной, устал.

Гавриловна. Налью, сударыня. *(Наливает и подает Грише.)*

Гриша. Что ж молока-то мало налила! Жаль тебе, что ли!

Гавриловна *(подливает молока)*. И так тебя как теленка уж отпоили.

Гриша берет чашку и уходит за дверь в сад.

Уланбекова. Я думала вот Надю отдать за Неглигентова,— с приличным награжденьем, разумеется. Ты говоришь, что он дурную жизнь ведет; так надо-

бно будет свадьбой поторопиться. Она у меня девушка хороших правил, будет его удерживать, а то он от холостой жизни совсем избалуется. Холостая жизнь ужасно портит молодых людей.

Н а д я *(Лизе)*. Слышишь, Лиза? Что же это! Боже мой!

Л и з а. Вот и слушай, а говорить нельзя.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Давно, благодетельница, пора отдать ее; что ей болтаться-то! Теперь же сынок-то ваш, наш ангельчик, сюда приехал.

У л а н б е к о в а. Ах, перестань, что ты еще выдумываешь? Он ребенок совсем.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Ребенок, благодетельница! Уж нечего сказать, дал вам бог сына на радость да на утешение. И мы-то все на него не нарадуемся. Словно солнце какое у нас показалось. Такой добрый, такой веселый, такой ко всем ласковый! А уж за девушками так и бегает; проходу нигде не дает; а они-то, дуры, рады-радехоньки, так и ржут.

У л а н б е к о в а. Врешь ты, мне кажется, ему девушек и видеть негде, они весь день на своей половине, да и не ходят никуда.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Ах, благодетельница, да девку никакими замками не удержить, коли она что сделать задумает.

У л а н б е к о в а. Слышишь, Гавриловна! Ты у меня смотри за девками. Ты знаешь, я разврата не терплю. Скажи это всем строго-настрого. *(Василисе Перегриновне.)* Да нет, этого быть не может. Ты меня только расстроиваешь своими глупостями. Экая ты скверная на язык! Очень нужно тебе было болтать! Теперь у меня из головы не выйдет. Смотри же, Гавриловна!

Г а в р и л о в н а. Что вы, сударыня, ее слушаете!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Да что ж, благодетельница, разве я что дурное говорю! Смею ли я подумать-то про него, про ангельчика? Конечно, еще ребенок, поиграть ему хочется; а здесь товарищей ему нет, он с девушками и играет.

У л а н б е к о в а. Яд у тебя на языке. *(Задумывается.)*

Потапыч принимает чашки. Гавриловна наливает и подает. Г р и ш а приходит из сада, толкает Гавриловну и делает знак головой, чтобы налила еще. Гавриловна наливает. Г р и ш а уходит.

А Надю все-таки нужно замуж отдать.

Надя *(почти плача)*. Сударыня, я вами так была обласкана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смею теперь вам говорить: но, по вашему ко мне расположению, я от вас совсем не такой милости ждала. Чем же я вам теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?

Уланбекова. Ты, милая, об этом рассуждать не можешь, ты девушка. Ты должна во всем положиться на меня, на свою благодетельницу. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять же ты и того не должна забывать, что он мой крестник. Ты бы за честь должна была благодарить. Да и вот еще я тебе скажу один раз навсегда: я не люблю, когда рассуждают, просто не люблю, да и все тут. Этого позволить я не могу никому. Я смолоду привыкла, чтоб каждого моего слова слушались; тебе пора это знать! И мне очень странно, моя милая, что ты осмеливаешься возражать мне. Я вижу, что избаловала тебя; а вы ведь сейчас зазнаетесь.

Надя плачет.

Василиса Перегриновна. Благодетельница, чувство нужно человеку иметь, чувство. А какое же в них может быть чувство, окромя неблагодарности?

Уланбекова. Не с тобой говорят! Что ты вмешиваешься во всякое дело! *(Наде строго.)* Это что за новости, ты плакать еще! Чтобы этих слез не было!

Надя плачет.

Я тебе говорю. *(Привстает.)* Для меня ваши слезы ровно ничего не значат! Когда я захочу что-нибудь сделать по-своему, уж я поставлю на своем, никого в мире не послушаюсь! *(Садится.)* И вперед знай, что упрямство твое ни к чему не поведет; только ты рассердишь меня.

Надя *(плача)*. Сирота я, сударыня! Ваша воля во всем.

Уланбекова. Еще бы! разумеется, моя воля; потому что я тебя воспитала; это все равно, что жизнь дала.

Леонид входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Леонид.

Леонид. Здравствуйте, мамаша!

Уланбекова. Здравствуй, мой друг! Где ты был?

Леонид. Ходили на охоту с Потапычем; я, мамаша, двух уток убил.

Уланбекова. Не жалеешь ты матери; ну с твоим ли здоровьем, мой друг, на охоту ходить! Захвораешь еще, сохрани господи, тогда ты меня просто убьешь! Ах, боже мой, сколько я страдала с этим ребенком! *(Задумывается.)*

Гавриловна. Барин, угодно чаю?

Леонид. Нет, не хочу.

Уланбекова *(Василисе Перегриновне)*. Когда я родила его, я была очень долго больна; потом он все хворал, так и рос все хворый. Сколько я над ним слез пролила! Бывало, гляжу на него, а у самой так слезы и катятся: нет, не придется мне его видеть в гвардейском мундире. Но тяжелей всего мне было, когда отец, по болезни, должен был его определить в штатскую школу. Чего мне стоило, моя милая, отказаться от мысли, что он будет военный! я полгода больна была. Ты представь только себе, моя милая, когда он кончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже? В военной службе, особенно в кавалерии, все чины благородны; даже юнкер, уж сейчас видно, что из дворян. А что такое губернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником, и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй. Только стоит поучиться да послужить. Другой и из мещан способен к ученью-то, так он еще, пожалуй, чином-то обгонит. Как это заведено! Как это заведено! Ну уж! (*Махнув рукой, отворачивается.)* Не люблю я ничего осуждать, что от высшего начальства установлено, и другим не позволяю, а уж этого не похвалю. Всегда буду вслух говорить, что это несправедливо, несправедливо.

Леонид. Отчего это у Нади глаза заплаканы?

Василиса Перегриновна. Не бита давно.

Уланбекова. Это, мой друг, до тебя не касается. Надя, поди отсюда, тебе нечего здесь делать.

Надя уходит.

Л е о н и д. А я знаю об чем; вы ее замуж хотите выдать.

У л а н б е к о в а. Отдаю я ее замуж или нет, это, мой друг, уж мое дело. Да я и не люблю, кто в мои распоряжения вмешивается.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Какой вы у нас умный, все-то знаете, во все-то входите!

Л е о н и д. Ах, мамаша, я и не вмешиваюсь в ваши распоряжения. Только он пьяница.

У л а н б е к о в а. Опять-таки это не твое дело. Предоставь об этом судить матери.

Л е о н и д. Мне только, мамаша, жалко ее.

У л а н б е к о в а. Все это прекрасно, мой друг; но желала бы я знать, от кого ты слышал, что я выдаю Надю замуж. Если это из дворни кто-нибудь...

Л е о н и д. Нет, мамаша, нет.

У л а н б е к о в а. Откуда ж тебе знать иначе? Когда это передать успели! *(Гавриловне.)* Узнать непременно.

Л е о н и д. Да нет, мамаша, мне сам жених ее сказывал.

У л а н б е к о в а. Какой жених?

Л е о н и д. Я не знаю какой! Он говорит, что чиновник! такая мудреная фамилия — Неглигентов. Какой он смешной! Он говорит, что ваш крестник и никого не боится. Теперь пляшет пьяный в саду.

У л а н б е к о в а. Пьяный, в моем доме!

Л е о н и д. Хотите, я его позову. Потапыч, позови Неглигентова! Он говорил, что вы нынче были у его дяди и обещали отдать за него Надю. Он теперь уж заранее рассчитывает, сколько доходов будет получать в суде, или халтуры, как он говорит. Какой он смешной! Он мне представлял, как его учили в училище. Хотите, я при вас его заставлю?

П о т а п ы ч и Н е г л и г е н т о в входят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е, Н е г л и г е н т о в и П о т а п ы ч.

У л а н б е к о в а. Ах, ах, какой противный! Не подходи ко мне!

Н е г л и г е н т о в. Послан от дяди возблагодарить за щедроты ваши.

Л е о н и д. Он говорит, мамаша, что его много учили, только никак нельзя было выучить.

Н е г л и г е н т о в. Невозможно, от рождения не имел способностей к наукам; верберов по пятьдесят и по сто получал почти ежедневно; но понятия не прибавлялось.

Л е о н и д. Ах, мамаша, как он смешно рассказывает про свое ученье! Вот послушайте. Ну, а как ты по-латыни учился?

Н е г л и г е н т о в. Турписсиме!

У л а н б е к о в а *(пожимая плечами)*. Это что такое?

Н е г л и г е н т о в. Весьма гнусно.

Л е о н и д. Нет, постойте, а что учитель с тобой делал?

Н е г л и г е н т о в *(хохочет)*. Смеха достойно. Однажды, после жестокого истязания, приказал двум ученикам привязать меня за шею кушаком и водить по базару для посмеяния.

У л а н б е к о в а. Как же тебя на службу-то приняли, когда ты ничему не выучился?

Н е г л и г е н т о в. По ходатайству сильных лиц.

Л е о н и д. Ну, а из училища тебя выгнали?

Н е г л и г е н т о в. Не выгнали; но исключили за великовозрастие.

Л е о н и д. Как за великовозрастие?

Н е г л и г е н т о в. А так как я в продолжение учения и истязаний, оставаясь в одних классах, возмужал и возрос более всех своих сверстников, то и был исключен за великовозрастие. Более же я пострадал от мздоимства начальствующих. Наш ректор любил приношения и перед экзаменами за неделю рассылал нас всех по родителям за подарками. По количеству сих подарков мы и переводились в высшие классы.

Л е о н и д. А поведения ты был какого?

Н е г л и г е н т о в. Предосудительного.

У л а н б е к о в а. Что это такое! Боже мой! Поди вон, любезный, поди вон!

Л е о н и д. Ах, мамаша, он очень смешон, погодите его гнать. Неглигентов, пляши!

Н е г л и г е н т о в *(пляшет и поет)*.

Я пойду, пойду косить
Во зеленый луг.

Гриша хохочет.

У л а н б е к о в а. Перестань, перестань!

Неглигентов перестает.

(Грише.) Чему ты смеешься?

Г р и ш а. Да уж очепно смешно член пляшет.

У л а н б е к о в а. Как член?

Г р и ш а. Да он нам всем говорит, что он в суде член, а не писарь. Так его членом и зовут.

Н е г л и г е н т о в. Членом я называю себя хотя и ложно, но собственно для уважения от дворовых челядинцев, и чтоб избежать глумления и обид.

У л а н б е к о в а. Поди вон, и не смей никогда ко мне являться.

Н е г л и г е н т о в. Дядя говорит, что я впал в разврат от холостой жизни и что я могу погрязнуть в оном, если вы меня не облагодетельствуете.

У л а н б е к о в а. Нет, нет, никогда.

Н е г л и г е н т о в *(на коленях)*. Дядя велел мне слезно умолять вас, потому что я человек потерянный, подверженный многим порокам, и, без ваших благодеяний, терпим быть на службе не могу.

У л а н б е к о в а. Скажи своему дяде, что благодетельствовать я вам буду всегда; а ты об невесте и не думай. Поди, поди!

Н е г л и г е н т о в. Благодарим за неоставление. *(Грише.)* Просись на гулянку у барыни и догоняй. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е без Неглигентова.

У л а н б е к о в а. Как можно ошибиться в людях! хлопочешь об них, заботишься, а они даже и не чувствуют. Я было хотела устроить счастие для этого мальчика, а он лезет в дом пьяный. Уж если он подвержен этой слабости, так, по крайней мере, старался бы скрывать ее от меня. Пей он там, где хочет, да чтоб я-то не видала! Я бы тогда знала, по крайней мере, что он меня уважает. Какое невежество! Какая дерзость! Кого же он побоится, если не боится меня?

Л е о н и д. Ах, какой он смешной. Вы на меня, мамаша, не сердитесь! Когда я узнал, что вы хотите отдать за него Надю, мне стало ее жалко. Вы у нас такая добрая *(целует у ней руку)*, мне не хотелось, чтоб вы сделали несправедливость.

У л а н б е к о в а. С этим народом не согреша согрешишь! *(Целуя его.)* Прекрасную душу ты имеешь, мой друг!

(Василисе Перегриновне.) Вот я всегда верила, что иногда сам бог говорит устами младенцев. Лиза, поди скажи Надежде, чтоб она не плакала, что я прогнала ее жениха.

Л и з а. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Г р и ш а *(подходит, раскачиваясь, и становится в непринужденную позу)*. Сударыня!

У л а н б е к о в а. Что тебе?

Г р и ш а. Позвольте мне в город сходить, нынче там праздник.

У л а н б е к о в а. Зачем это ты пойдешь? На пьяных смотреть?

Г р и ш а *(заложив руки назад)*. Позвольте-с.

У л а н б е к о в а. Незачем, незачем!

Г р и ш а. Уж позвольте, сударыня.

У л а н б е к о в а. Говорю тебе, что незачем. На этих гуляньях только нравственность портится. Там всяких мерзостей наслушаешься! Ты еще мальчик, нечего тебе там делать!

Г р и ш а. Нет, уж вы позвольте-с!

У л а н б е к о в а. Останься. Выкинь из головы эти глупости!

Г р и ш а. Что ж это такое! Служи, служи, а уж и погулять никогда нельзя!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Ах-ах-ах, ах-ах-ах! До чего ты избалован! До чего ты избалован!

У л а н б е к о в а. Что ты раскудахталась! Молчи!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Да как же, благодетельница, молчать-то? Такое бесчувствие! Такая неблагодарность! Сердце надрывается.

У л а н б е к о в а. Я тебе приказываю молчать, так ты и должна молчать.

Г р и ш а. Уж вы позвольте-с.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Его ль не любят, его ль не ласкают, кажется, больше сына родного.

У л а н б е к о в а *(топнув ногой)*. Сс!.. Я тебя прогоню.

Г р и ш а. Мне очень хочется на гулянку-то, уж позвольте-с!

У л а н б е к о в а. Ну, ступай, только приходи раньше!

Г р и ш а. Слушаю-с!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Ручку-то поцелуй, дурак!

Г р и ш а. Что вы меня учите, я свое дело знаю. *(Целует руку у барыни и уходит.)*

У л а н б е к о в а. А тебя, моя милая, если я еще услышу когда-нибудь подобное, я велю со двора метлами согнать. *(Уходит.)*

Василиса Перегриновна стоит в оцепенении.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е без Уланбековой и потом Л и з а.

Л е о н и д. Что, дождались! ну и поделом!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Будет и на нашей улице праздник.

Л и з а входит.

Л и з а *(тихо Леониду)*. Надя велела вам сказать, что мы уже придем в сад.

Л е о н и д. Поцелуй ее от меня.

Г а в р и л о в н а. Дай вам бог здоровья, барин, что за нас заступаетесь. Обидеть-то нас всякая дрянь умеет, заступиться-то только за нас некому. За много это вам, барин, на том свете сочтется.

Л е о н и д. Я всегда за вас готов. *(Уходит, припрыгивая, направо.)*

Г а в р и л о в н а. Спасибо тебе, батюшка! *(Уходит с Лизой налево.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а и П о т а п ы ч.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Что ж ты меня не обижаешь? Они обижают, а ты что ж? Слышал, сама-то уж бить хочет; метлами, говорит, велю. Чтоб ее лопнуло!

П о т а п ы ч. Я что ж... Мне человека обидеть что ж! А что там господа... это я не знаю, может, оно так и нужно.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Видишь ты, что в доме-то делается? Видишь? Понятно тебе или нет? Как я давеча стала про Гришу-то говорить, слышал, как сама-то зарычала? Слышал, как зашипела?

П о т а п ы ч. Мне что! Я, по милости барыни, при своей должности... я все порядки произвожу... А какое мне дело? Что не мое дело, я того не знаю.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. А видел, как Надька-то с Лизкой смотрели на меня? Видел, как

аспидски смотрели? Ох, нужно глядеть за ними, ох, нужно.

Потапыч, махнув рукой, уходит.

У, ты, старый дурак! Экой народец! Экой народец! Не с кем и поговорить-то, душу отвести. *(Уходит.)*

III

Часть сада, на заднем плане пруд, у берега лодка. Светлая ночь. Вдали слышится хороводная песня. Сцена несколько времени пуста.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Выходят Надя и Лиза.

Лиза. Ах, Надя, что это мы делаем! Ну, как барыня узнает, тогда и не живи на свете.

Надя. Коли ты боишься, так ступай домой.

Лиза. Нет, уж я подожду тебя. А все-таки, что ты ни говори, страшно, девушка! Сохрани господи, как узнают.

Надя. Наладила одно! Волка бояться, так в лес не ходить.

Лиза. Да что это с тобой сделалось? Ты прежде не так разговаривала; прежде пряталась, а теперь сама идешь к нему.

Надя. Да, прежде бегала от него, теперь не хочу. *(Стоит задумавшись.)* Теперь и сама не знаю, что со мной вдруг сделалось! Как только барыня давеча сказала, чтоб не смела я разговаривать, а шла за кого прикажут, так у меня все сердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, господи! *(Плачет.)* Что в том проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только от слова от какого, а и от взгляду-то! Так меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мне беречь-то себя? Вот не хочу ж, не хочу! А у самой так сердце замерло — кажется, еще скажи она слово, я б умерла на месте.

Лиза. Что ты говоришь! я ведь думала, что ты шутя к барину-то вышла.

Надя. Какие шутки! Не могу я обиды переносить! не могу!

Молчание.

Эх, Лиза, будь жизнь получше, не пошла б я ночью в сад. Помнишь, бывало, как я об себе раздумывала; да и тебе самой, чай, тоже в голову приходило, что вот ты девушка честная, живешь ты себе как птичка какая, вдруг тебе понравился некоторый человек, начинает он за тебя свататься, ходит к тебе часто, целует тебя... тебе и стыдно-то его, и рада ты ему. Все это идет порядком. Хоть и не богато, хоть, может быть, сидишь ты с женихом в людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздник. Потом обвенчают, все тебя поздравляют. Ну, там хоть и трудно будет за мужем жить; может быть, работы много будет; да зато живешь ты, как в раю; словно ты гордишься чем!

Лиза. Разумеется, девушка.

Надя. А как тебе скажут: ступай за пьяного, да еще и разговаривать не смей, и поплакать-то о себе не смей... Ах, Лиза!.. Да как подумаешь, что станет этот безобразный человек издеваться над тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубит он твой век так, ни за что! Не живя, ты за ним состаришься! *(Плачет.)* Говорить-то — только свое сердце надрывать! *(Махнув рукой.)* Так уж, право, молодой барин лучше.

Лиза. Ах, Надя! Не ты б говорила, а не я б тебя слушала.

Надя. Полно, Лиза! что ты передо мной-то скромничаешь! Ну, а сама что, кабы тебя барин полюбил?

Лиза *(заминаясь)*. Да как знать! Уж, конечно, что говорить... враг-то силен.

Надя. То-то вот!..

Молчание.

Я тебе вот что, Лиза, хотела сказать, вот какая премудрость со мной сделалась: как пошли мне такие мысли в голову, и как стала это я, Лиза, думать об барине,— и так он мне мил сделался!.. так мил, что я уж и не знаю!.. Прежде, когда он ухаживал за мной, мне было ничего; а теперь словно что меня тянет к нему.

Лиза. Ах, девушка! Ну вот поди ж ты! знать, уж так судьба!

Надя. И такой во мне дух сделался: ничего я не боюсь!

Кажется, вот режь меня на части, я все-таки на своем поставлю. И отчего это так, не знаю.

Молчание.

Жду не дождусь ночи-то! Так, кажется, на крыльях бы к нему полетела. То одно держу в уме, что недаром я, по крайней мере, собой хороша, будет чем вспомнить молодость. *(Задумчиво.)* Думаю себе: молодой такой, да хороший! Еще стою ли я, дура, чтоб он любил-то меня? Заглохнуть бы мне здесь, в этом захолустье, кабы не он.

Л и з а. Что это, Надя, ты словно как не в себе?

Н а д я. Да и то не в себе. Пока она баловала меня да ласкала, так и я думала, что я такой же человек, как и все люди; и мысли у меня совсем другие были об жизни. А как начала она мной командовать, как куклой, да как увидела я, что никакой мне воли, ни защиты нет, так отчаянность на меня, Лиза, напала. Куда страх, куда стыд девался — не знаю. Хоть день, да мой, думаю,— а там что будет, то будет, ничего я и знать не хочу! Хоть меня замуж отдавай за пастуха, хоть в какой за́мок за тридесять замков запри,— мне все равно.

Л и з а. Кажется, барин идет.

Л е о н и д выходит с противоположной стороны, в плаще.

Н а д я. Ну, не красавец, что ль, это, а? Лиза!

Л и з а. Ах, перестань! Ты точно больная, либо полоумная.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и Л е о н и д.

Л е о н и д *(подходя)*. А я думал, что ты обманешь меня— не придешь.

Н а д я. Отчего же вы так думали?

Л е о н и д. Да ведь ты говорила, что не любишь меня.

Н а д я. Мало ли что девушки говорят, а вы им не верьте. Как вас не любить, красавца этакого.

Л е о н и д *(удивленный)*. Что ты, Надя! *(Берет ее руку, несколько времени держит, потом целует.)*

Н а д я *(в испуге отнимает руку)*. Ах! Что вы это делаете! Голубчик, барин! Как вам не стыдно!

Л е о н и д. Уж я тебя очень люблю, Надя!

Н а д я. Любите? Ну что ж, вы бы так меня поцеловали.
Л е о н и д. Можно, Надя, а? ты позволишь?
Н а д я. А что ж такое за беда!
Л е о н и д *(оборотившись)*. Ах, и ты, Лиза, здесь...
Л и з а. Уйду, уйду!.. Мешать не буду.
Л е о н и д *(сконфуженный)*. Я совсем не потому. С чего это ты выдумала...
Л и з а. Ну уж, не хитрите. Мы тоже знаем... *(Отходит за кусты.)*
Л е о н и д. Так ты мне позволишь поцеловать тебя. *(Робко целует.)* Да нет, дай мне руку поцеловать.
Н а д я *(прячет руки)*. Нет, нет, как можно! Что это вы!..
Л е о н и д. Отчего же? Знаешь ли ты это: ты для меня теперь дороже всего на свете.
Н а д я. Будто и правда?
Л е о н и д. Ведь меня еще никто не любил.
Н а д я. Не обманываете вы?
Л е о н и д. Нет, право!.. Право, никто не любил. Ей-богу!
Н а д я. Не божитесь, я и так поверю.
Л е о н и д. Пойдем, сядем на лавочку.
Н а д я. Пойдемте.

Садятся.

Л е о н и д. Что ты так дрожишь?
Н а д я. А разве я дрожу?
Л е о н и д. Дрожишь.
Н а д я. Так, должно быть, озябла немножко.
Л е о н и д. Позволь, я тебя одену. *(Одевает ее полой плаща и обнимает.)*

Надя берет его руки и держит.

Н а д я. Ну, вот и давайте так сидеть да разговаривать.
Л е о н и д. Да об чем же мы будем разговаривать? Я только одно и буду говорить тебе, что люблю тебя.
Н а д я. Вы будете говорить, а я буду слушать.
Л е о н и д. Да ведь это надоест одно и то же.
Н а д я. Вам, может быть, надоест, а мне никогда не надоест.
Л е о н и д. Ну, изволь, я буду говорить. Я люблю тебя, Наденька. *(Встает и целует ее.)*
Н а д я. Что ж это вы! А вы сидите смирно, как уговор был.
Л е о н и д. Так сложа руки и сидеть?

Н а д я *(смеясь)*. Так и сидеть. Вот слышите, в роще соловей поет. А вы сидите да слушайте. Как хорошо так слушать!

Л е о н и д. Как так?

Н а д я. Да вот так, как мы с вами сидим. Кажется, всю жизнь так бы и сидела да слушала. Уж чего еще лучше, чего еще надобно...

Л е о н и д. Наденька, да ведь это, право, скучно.

Н а д я. Вот вы каковы, мужчины-то! Вам уж сейчас и скучно сделается. А я вот готова всю ночь просидеть да глядеть на вас, не спуская глаз. Кажется, про весь свет забуду! *(У нее навертываются слезы, она нагибает голову, потом смотрит на Леонида пристально и задумчиво.)*

Л е о н и д. Теперь бы хорошо на лодке покататься; погода теплая, месяц светит.

Н а д я *(рассеянно и почти машинально)*. Чего-с?

Л е о н и д. Покататься бы на лодке; я бы тебя перевез на островок. Там так хорошо, на островке. Ну, что ж, пойдем. *(Берет ее за руку.)*

Н а д я *(в задумчивости)*. Куда же-с?

Л е о н и д. Как, куда? Я тебе говорил, разве ты не слыхала?

Н а д я. Ах, извините, голубчик барин. Я задумалась и не слыхала ничего. Барин миленький, простите. *(Кладет голову ему на плечо.)*

Л е о н и д. Я говорю: поедем на островок.

Н а д я *(прилегая)*. Ах, да куда вам угодно! Хоть на край света!.. Только бы с вами... Ведите, куда хотите.

Л е о н и д. Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что мне кажется, я запла́чу, глядя на тебя.

Подходят к лодке.

Прощай, Лиза.

Л и з а *(выходя из кустов, грозит)*. Смотрите вы!

Л е о н и д и Н а д я садятся в лодку и уезжают.

Вот и уехали! Дожидайся их тут! Страсти ведь это, да и только! Ночью, в саду-то, да еще и одна! Эко наше дело — всего-то бойся! И человека-то бойся и... *(Оглядывается.)* Смерть ведь это! Человек-то бы еще ничего, все как-нибудь сговорить можно... Батюшки! Идет кто-то! *(Смотрит.)* Ну, ничего; это наши старики с гулянья. *(Прячется.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Выходят Потапыч, *в шинели и в шляпе с широкими полями и с тростью, немного под хмельком;* Гавриловна, *в старомодной шляпке. Садятся на скамью.*

Потапыч. Нет, ты, Гавриловна, не то... ты не говори!.. Барыня у нас такая... барыня добрая!.. Вот попросились мы на гулянье, ну, говорит, ступайте... А что про нее говорят... это я не знаю; не мое дело, ну, я и не знаю.

Гавриловна. Еще б нас-то не пустить, Потапыч! Мы с тобой не молоденькие, не избалуемся.

Потапыч. Молодых нельзя, потому на все, Гавриловна, примеры. Какие человек пред собой имеет примеры, так и он все может... подобно как...

Гавриловна. Ну, а вот зачем Гришку пустила? Сказала, не пущу — ну, и не пущала бы.

Потапыч. Меня давеча Василиса Перегриновна смущала очень насчет Гришки... очень смущала, а я не знаю... Не мое дело, ну, я и не знаю.

Гавриловна. То-то вот, ты говоришь, примеры-то! Лучше бы она сама хороший пример показывала! А то только и кричит: смотри да смотри за девками! А что за ними смотреть-то? Малолетные они, что ли? У всякого человека свой ум в голове. Пущай всякий сам о себе и думает. Смотрят-то только за пятилетними, чтоб они не сбаловали чего-нибудь. Эка жизнь девичья! Нет-то хуже ее на свете! А не хотят того рассудить: много ли девка в жизнь-то радости видит! Ну, много ли? скажи.

Потапыч *(вздыхает)*. Желтенькая жизнь.

Гавриловна. То-то вот и есть! Стало быть, их пожалеть надо, а не то что обижать на каждом шагу. А то, на что это похоже! Уж им и веры нет, словно они и не люди! Только куда девка нос высунула, так уж сторожа и ходят.

Потапыч. Ведь нельзя же...

Гавриловна. Чего нельзя-то? Все можно. Полно ты, Потапыч! Ты привык с чужих слов, как сорока, болтать, а ты сам подумай.

Потапыч. А я не знаю... Я ничего не знаю.

Гавриловна. Строгостью ничего не возьмешь! Хоть скажи им, пожалуй, что вот, мол, за то-то и то-то вешать будут — все-таки будут делать. Где больше

строгости, там и греха больше. Надо судить по человечеству. Нужды нет, что у них разум-то купленый, а у нас свой дешевый, да и то мы так не рассуждаем. На словах-то ты прикажи строго-настрого; а на деле не всякого виноватого казни, а иного и помилуй. Иное дело бывает от баловства, а иной беде и сам не рад.

Потапыч. Теперь, если меня спросить... так что я на это отвечать могу? Ну, что я тебе отвечу?

Гавриловна. Ну, что?

Потапыч. А вот что: я этого не знаю, потому это не мое дело... это дело барыни.

Гавриловна. Ах ты, старина, старина, совсем-то ты из ума выжил.

Потапыч. Я что ж... я, по милости барыни, теперича у своей должности... Я все порядки свои веду... а я не знаю...

Гавриловна. Пойдем-ка домой. Как бы и про нас с тобой чего не подумали.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лиза *(выходит)*. Вот опять одна! Что же это голубки-то мои? Они, чай, и забыли про меня! Да уж где теперь им обо мне помнить! Батюшки, скоро рассветать станет. Ишь ты, ночи-то нынче короче воробьиного носу. Как тогда домой-то пройти? Эка эта Надя бесстрашная.

Входит Василиса Перегриновна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лиза и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна. Ты, милушка, тут что делаешь?

Лиза. Разве не видите? — Гуляю.

Василиса Перегриновна. Вижу! Как не видать! А что это за гулянье у вас по ночам!

Лиза. А когда же нам гулять-то? Днем работаем да господам служим, а по ночам гуляем. Вот на вас так я дивлюсь! Неужто вы днем-то не нагуляетесь,

что вам еще хочется по ночам бродить да людей пугать, словно как...

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Что словно как?.. Ну, говори, говори.

Л и з а. Что? Ничего.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Нет, ты сказала: словно как... Ну, так говори ж теперь, словно как кто?

Л и з а. Ну, сказала так сказала.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Нет, ты увертываться не смей! ты говори!

Л и з а. Да что вы пристали! Я, пожалуй, и скажу. Как кикимора.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Что, что! как кикимора!.. Как ты смеешь, дрянная девчонка, а! Да что ж это такое! Вы меня живую в гроб вогнать хотите! А вот я найду здесь твоего любовника да к барыне вас и приведу. Вот посмотрю я тогда, что ты запоешь.

Л и з а. Нет у меня любовника! Нечего вам и искать. Пожалуй хоть весь сад обыщите! А хоть бы и был, так не ваше дело. Вам стыдно про это и говорить. Вы и знать-то про это не должны: вы барышня. Это к стыду вашему относится!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Пой, пой, милая, хорошо ты поешь, где-то сядешь! Даром ты по ночам шататься не станешь. Я ваши плутни-то знаю. Я вас всех на свежую воду выведу. Уж теперь раскипелось мое сердце, так хоть ты мне в ноги кланяйся, а я тебе не прощу этого.

Л и з а. Дожидайтесь! Стану я вам кланяться, как же! Держите карман-то!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Нет, уж я теперь каждый кустик огляжу.

Л и з а. Оглядывайте.

Василиса Перегриновна смотрит по сторонам, потом подходит к пруду.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. А, вот оно что! Скажите пожалуйста, какую штуку придумали! В лодке! обнявшись! Как это нежно! Точно на картинке на какой! Уж вам бы догадаться гитару взять да романцы петь!.. Целуются! Вот это хорошо! Вот прекрасно! Опять! Отлично! Уж чего лучше! тьфу ты,

мерзость! Смотреть противно! Ну, милые мои, будете вы меня помнить! Теперь разговаривать с вами нечего. Завтра я с вами поговорю. *(Уходит.)*

Л и з а. Вот нелегкая нанесла! Не расхлебаешь теперь беды-то!

Л е о н и д и Н а д я пристают к берегу и выходят из лодки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Л и з а, Н а д я и Л е о н и д.

Л и з а. Что вы наделали, что вы наделали!..

Н а д я *(не слушая ее, тихо Леониду)*. Придете завтра?

Л е о н и д. Приду.

Л и з а. Да что ты, не слышишь, что ли?

Н а д я. Коли мне нельзя будет, так я вам как-нибудь записочку передам.

Л е о н и д. Хорошо.

Н а д я. Ну, прощайте.

Целуются.

Л и з а *(громко)*. Да Надя!..

Леонид садится на скамью.

Н а д я *(подходит к Лизе)*. Что тебе?

Л и з а. Василиса Перегриновна видела, как вы на пруде катались.

Н а д я. Ну, бог с ней.

Л и з а. Ну, девка! Не сносить тебе своей головы!

Л е о н и д. Надя.

Надя подходит.

Ах, Надя, какой я дрянной, негодный мальчишка.

Н а д я. Что это вы!

Л е о н и д. Наденька. *(Шепчет ей на ухо.)*

Н а д я *(качает головой)*. Ах, голубчик вы мой! Что это вам в голову пришло! Я не тужу, а вы тужите, какой добренький! Ну, прощайте! Пора нам. Не ушла бы я от вас, да нечего делать: не своя воля.

Л е о н и д. Ну. прощай.

Медленно, как бы нехотя, расходятся. Надя возвращается, догоняет Леонида и смотрит ему в глаза.

Н а д я. Любишь меня?
Л е о н и д. Люблю, люблю!

Целуются и уходят в разные стороны.

IV

Комната второй картины.

ЯВЛЕНОЕ ПЕРВОЕ[1]

П о т а п ы ч становится у притолоки и держится за голову. В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а входит тихо.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Со вчерашнего, должно быть, друг мой?
П о т а п ы ч. Чего-с?
В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Голова-то болит.
П о т а п ы ч. Вы, што ль, мне денег-то давали?
В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. На что другое у вас нет; а на это найдете.
П о т а п ы ч. Ну, так, стало быть, и не ваше дело.
В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Конечно, Потапыч, ты старый человек, отчего тебе и не выпить иногда!
П о т а п ы ч. Само собою. Чай, трудимся...
В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Так, так, Потапыч!
П о т а п ы ч. Уж нам выговоры-то от вас надоели.
В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Добра вам желаю, Потапыч!
П о т а п ы ч. Да уж не надо!

Молчание.

Да вы барыню вот расстроиваете! Чем бы за нас словечко замолвить, когда она в веселом духе, а вы нарочно дурного часу ищете, чтоб на нас нажаловаться.
В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. И, что ты, Потапыч, сохрани меня бог!
П о т а п ы ч. Да уж что! Как ни божитесь, я вас знаю! Вот хоть бы теперь, вы зачем идете к барыне?
В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. С добрым утром поздравить благодетельницу.
П о т а п ы ч. А вы не ходите лучше!

---

[1] Все явление шепотом. *(Прим. автора.)*

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. А что?

П о т а п ы ч. Должно быть, левой ногой с постели встала; на свет не глядит.

Василиса Перегриновна потирает руки от удовольствия.

Вот уж я и вижу, что вы рады; вас так и подмывает сдьяволить что-нибудь. Тьфу! прости господи! Уж такой карахтер!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Обидные ты мне, Потапыч, слова говоришь, до самого до́ сердца обидные. Когда я про тебя что-нибудь барыне говорила?

П о т а п ы ч. А не про меня, так про другого про кого-нибудь.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. А, уж это мое дело.

П о т а п ы ч. И все ведь это в вас ехидство действует.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Не ехидство, не ехидство, мой друг! Ошибаешься ты! Я такую обиду над собою видела, что на свете жить нельзя после этого. Умирать буду, не забуду.

У л а н б е к о в а входит, П о т а п ы ч уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

У л а н б е к о в а и В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а *(целуя обе руки Уланбековой)*. Раненько встали, благодетельница! Заботы-то у вас больно много.

У л а н б е к о в а *(садясь)*. Не поспалось что-то! Дурной сон видела.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Что сон, благодетельница! И страшен сон, да милостив бог. Не сон, а на яву-то что делается, расстроивает вас, благодетельницу. Вижу я это, давно вижу.

У л а н б е к о в а. Ах, да что мне за дело, что́ там делается?

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Как же, благодетельница, разве мы не знаем, что душенька ваша о всякой твари печется?

У л а н б е к о в а. Надоела ты мне.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Жаль мне вас, благодетельница! Не дождетесь вы себе в этой жи-

зни отрады! Вы всем благодеяния рассыпаете, а чем вам платят за это? Мир-то полон разврата.

Уланбекова. Отойди!

Василиса Перегриновна (*плача*). Слезами я заливаюсь, глядя на вас! Сердце мое кровью обливается, что вас, благодетельницу, не уважают, дому вашего не уважают! В вашем ли честном доме, в этаких ли местах благочестивых, такие дела делать!

Уланбекова (*нахмурив брови*). Ты ворона! Ты каркать хочешь что-нибудь. Ну, каркай!

Василиса Перегриновна. Благодетельница, не расстроить бы вас, боюсь я.

Уланбекова. Уж ты расстроила. Говори.

Василиса Перегриновна (*оглядывается во все стороны и садится на скамейку у ног Уланбековой*). Кончила я, благодетельница, вчера свою вечернюю молитву творцу небесному и пошла по саду погулять, благочестивыми размышлениями на ночь заняться.

Уланбекова. Ну!

Василиса Перегриновна. И что же я там увидела, благодетельница! Как меня ноги сдержали, уж я и не знаю! Лизка бегает по кустам в развращенном виде — должно быть, любовников своих ищет; ангельчик наш, барин, катается на пруду в лодке, а Надька, тоже в развращенном виде, уцепилась ему за шею руками и лобзает его. И как это видно было, что он, по своей непорочности, старается ее оттолкнуть от себя; а она все хватает его за шею, лобзает и соблазняет.

Уланбекова. А если ты врешь?

Василиса Перегриновна. Четверить себя позволю, благодетельница.

Уланбекова. Если в твоих словах есть хоть капля правды, так уж и этого довольно.

Василиса Перегриновна. Все правда, благодетельница.

Уланбекова. Вздор! не может быть, чтобы все! Ты всегда больше половины сочиняешь. А где ж люди были?

Василиса Перегриновна. Все, благодетельница, пьянехоньки. Только вас уложили, все и ушли на гулянку, да и напились. И Гавриловна, и Потапыч, все пьяные. Какой пример молодым-то!

Уланбекова. Это дело надо разобрать хорошенько. Ну, уж я никак бы и не подумала на Леонида. Вот они, тихенькие-то! Ну еще будь он военный, так извинительно бы, а то... *(Задумывается.)*

Василиса Перегриновна. Да вот еще, благодетельница, Гриша-то до сих пор с гулянки не бывал.

Уланбекова. Как? И не ночевал дома?

Василиса Перегриновна. Не ночевал, благодетельница!

Уланбекова. Врешь, врешь, врешь! Со двора сгоню.

Василиса Перегриновна. Издохнуть на этом месте.

Уланбекова *(опускаясь в кресло)*. Ты меня уморить хочешь! *(Поднимаясь с кресла.)* Ты меня просто уморить хочешь. *(Звонит.)*

Входит Потапыч.

Где Гриша?

Потапыч. Сейчас пришел-с.

Уланбекова. Позови его сюда!

Потапыч уходит.

Однако это уж из рук вон!

Василиса Перегриновна. Не найти вам, благодетельница, никого преданнее меня, только одним я и несчастлива, что характер мой вам не нравится.

Входит Гриша, растрепанный и взъерошенный.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Гриша.

Уланбекова. Ты где был?

Гриша *(то открывает, то закрывает глаза, нетверд в языке и на ногах)*. На гулянке-с.

Уланбекова. До сих-то пор?

Гриша молчит.

Что же ты молчишь?

Молчание.

Дождусь ли я от тебя слова или нет?

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Отвечай барыне.

Г р и ш а. Вам что еще!

У л а н б е к о в а. Отвечай мне, где ты был до сих пор?

Г р и ш а. Виноват-с.

У л а н б е к о в а. Я не об том у тебя спрашиваю, виноват ты или нет; я у тебя спрашиваю, где ты был?

Г р и ш а *(смотрит в потолок и хлопает глазами)*. Где ж мне быть-то! Что ж такое; обыкновенно где.

У л а н б е к о в а. Ну, где же?

Г р и ш а. Да я вам докладывал, что все там же-с.

У л а н б е к о в а. Ты меня выводишь из терпения! Где там?

Г р и ш а. Да что же такое-с! На все ваша воля-с. Я что же-с... я виноват-с.

У л а н б е к о в а. Боже мой! Да ты и пьян еще, кажется.

Г р и ш а. Никак нет-с.

У л а н б е к о в а. Как нет? Я вижу.

Г р и ш а. Что же такое-с! Про человека все можно сказать.

У л а н б е к о в а. Ах ты, мерзкий мальчишка! Он еще запирается! Это ужасно! это ужасно! Ну, говори сейчас, где был?

Г р и ш а. Что же-с! Я вам докладывал-с.

У л а н б е к о в а. Целую-то ночь ты был на гулянье?

Г р и ш а. Я вам докладывал-с.

У л а н б е к о в а. Как же ты смел, когда я тебя отпустила не надолго?

Г р и ш а. Что же-с! Я и хотел идти домой, да не пустили-с.

У л а н б е к о в а. Кто же тебя не пустил?

Г р и ш а. Знакомые не пустили-с.

У л а н б е к о в а. Кто же у тебя знакомые?

Г р и ш а. Что же-с! Приказные знакомые.

У л а н б е к о в а. Боже мой! Приказные! Понимаешь ли ты, что это за народ?

Г р и ш а. Кто-с? Приказные-то. Что ж их понимать-то-с?

У л а н б е к о в а. С ними-то ты всю ночь и шлялся! Лучше б уж ты мне и не говорил, мерзавец ты этакой. Знаю я их поведение-то! Они всему научат. Что же это такое! Поди вон! И не смей мне показываться на глаза!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Проси прощенья, дурак! целуй у барыни ручку!

Г р и ш а, махнув рукой, уходит.

Уланбекова. Это наказание! Я просто больна сделаюсь! Я уже чувствую, что у меня спазмы начинаются! Какой негодяй мальчишка! Ушел, точно ему и нужды нет! И никакого раскаяния не видно.

Василиса Перегриновна. Ах, благодетельница: ведь он еще ребенок, больше по глупости.

Уланбекова. Нет, его надо бы хорошенько.

Василиса Перегриновна. И, что вы, благодетельница! Еще совсем глуп мальчишка! Что с него и требовать-то! Вот поумнее будет, тогда другое дело.

Уланбекова. Больше всего меня оскорбляет неблагодарность! Кажется, он должен бы чувствовать, что я для него делаю. Я больна совсем. Пошли за доктором!

Василиса Перегриновна. Успокойтесь, благодетельница. Стоят ли они того, чтобы вы из-за всякой дряни себя расстроивали!

Уланбекова. Подай мне спирт.

Василиса Перегриновна *(подает)*. Плюнуть на них, да и все тут. Хоть бы теперь эти девки...

Уланбекова. Ах, вот еще наказанье-то! Я теперь и с мыслями не соберусь. Совершенно расстроена, а она тут с девками. Я, того и гляди, в постель слягу.

Василиса Перегриновна. Уж и разврату-то, благодетельница, терпеть мочи нет.

Уланбекова. Нет, уж они-то не жди от меня милости. А то одного прости, другого прости, так весь народ перебалуешь. *(Звонит.)*

Входит Потапыч.

Позови Надежду и сам приходи!

Потапыч уходит.

Вот что значит женщина-то! Будь я мужчина, разве бы посмели так вольничать?

Василиса Перегриновна. Ни во что, благодетельница, вас считают, ни во что. Ни капельки-таки не боятся.

Уланбекова. А вот они увидят сейчас, что я значу.

Входят Потапыч и Надя. Гавриловна и Лиза смотрят в двери.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Потапыч и Надя.

Уланбекова. Надежда! Василиса Перегриновна говорит, что видела тебя с барином нынче ночью в саду. Правда, ли это?

Надя молчит.

Ты молчишь — значит, правда. Ну, уж теперь пеняй на себя. Я разврату не потворщица и терпеть его в своем доме не хочу. Прогнать мне тебя, чтобы ты шлялась везде, я не могу; это на моей совести останется. Я должна тебя отдать замуж. (*Потапычу.*) Послать в город и сказать Неглигентову, что я отдаю Надежду за него и чтобы свадьба была скорее, как можно. *(Встает со стула и хочет идти.)*

Надя *(падая ей в ноги)*. Что хотите, только не за него замуж.

Уланбекова. Это вздор! Что я сказала, то свято. Да и что за сцены такие? Ты разве не видишь, что я нездорова. Еще расстроивать меня! Потапыч! У ней отца нет, ты ей будь вместо отца, внуши ей по-отечески, как гнусно ее поведение и что она должна исполнять мои приказания.

Потапыч. Ты, Надежда, слушай, что барыня приказывает! Потому как они мне тебя поручают — значит, я должен свою власть показать над тобою. Коли, сударыня, прикажете, я могу сейчас же при вас собственноручно ей нравоучение сделать! Вот смей хоть одно словечко напротив сказать, тут же и оттаскаю; ни на кого не посмотрю. *(Замахивается.)*

Надя. Ах!.. *(Пригибается.)*

Уланбекова. Не бей ее! Что за сцены отвратительные!

Потапыч. Да как же, сударыня! Так с ними не сговоришь. Опять же, коли я отец, так уж это прямое дело! На то есть закон, и, при всем том, как она вам теперича противится, так я и для вас должен это удовольствие сделать.

Надя *(плача)*. Сударыня! Не губите меня!

Уланбекова. Ах, боже мой! Вы меня совсем не бережете. Слезы, драки! Пошлите сейчас за доктором! Сколько мне раз говорить! А ты сама виновата,

не на кого тебе плакаться. Потапыч, чтобы это дело было кончено. Я не люблю десять раз повторять одно и то же. *(Уходит. Гавриловна за ней.)*

Молчание. Гавриловна возвращается.

Гавриловна. Улеглась в постель и на свет не глядит!

Потапыч *(в окно)*. Антошка! Антошка! Фалетор! Седлай лошадь, поезжай в город за доктором. Ах ты, господи!

Надя *(вставая с колен)*. Как вам не грех обижать меня, Потапыч! Что же я вам-то сделала?

Потапыч. Мне что же! Мне до тебя какое дело! А как собственно на то есть господская воля, ну я и должен потрафлять во всем; потому я должен раболепствовать.

Надя. Вам бы убить меня приказали, вы бы и убили?

Потапыч. Уж это не наше дело, мы этого рассуждать не можем.

Гавриловна. Полно, Надя, не плачь! Бог сирот не оставляет.

Надя падает ей на грудь.

Лиза *(Василисе Перегриновне)*. Ну, что, весело теперь вашему сердцу?

Василиса Перегриновна. Погоди, милая, и до тебя очередь дойдет.

Леонид входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Леонид.

Леонид. Что такое? Что случилось?

Василиса Перегриновна. Набедокурили сами, да и спрашиваете, что случилось.

Леонид. Что я набедокурил? Что вы все выдумываете?

Василиса Перегриновна. Уж не притворяйтесь! Теперь все наружу вышло. Пошалили немножко! Что ж такое! В ваши лета, да и не пошалить!

Лиза. Уж она все барыне отлепортовала. Барыня так разгневались, что беда! Уж теперича Надю, сударь, за того за приказного отдают.

Л е о н и д. Неужели?

Н а д я. Кончено дело, барин голубчик! Приходится мне отвечать за вчерашнее гулянье.

Л е о н и д. Очень сердита маменька?

Г а в р и л о в н а. Уж и не подходи никто.

Л е о н и д. Как же это быть-то? Как-нибудь уговорить нельзя ль?

Г а в р и л о в н а. Подите-ко, попробуйте. Нет, уж она теперь дней пять из комнаты не выйдет, и никого к себе пускать не велела.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. А вам хочется уговорить маменьку?

Л е о н и д. Да.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Хотите, научу?

Л е о н и д. Сделайте милость, Василиса Перегриновна!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Ну уж, извольте. Благодетельница наша обиделись очень на Гришку, что он не ночевал дома, пришел пьяный, да еще и прощенья не попросил, ручку не поцеловал. От этого огорчения они и больны-то сделались. Уж Надежда-то так, под сердитую руку попалась. Теперь наша благодетельница и из комнаты не выйдет и никого к себе не пустит, пока этот противный Гришка прощения просить не будет.

Г а в р и л о в н а. А, так тут вот какая контра вышла. Ну, уж Гриша тоже свой характер выдержит. Он хоть и дурак, а себе на уме; он теперь завалится на сено да дня четыре на брюхе и пролежит.

П о т а п ы ч. Взять бы орясину — после дяди Герасима, да с хазового-то конца и начать охаживать.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Вот теперь, барин наш хороший, не угодно ли вам будет ему поклониться, чтобы он поскорей шел у маменьки прощенья просить.

Л е о н и д *(подумав)*. Ну, уж это ему много чести будет. А что, Гавриловна, маменька в самом деле очень сердится?

Г а в р и л о в н а. Так, сударь, сердится, что беда!

Л е о н и д. Что ж теперь делать-то?

Н а д я. Да что вы хлопочете-то! Ничего ведь вы сделать не можете: уж оставьте лучше! Вы же теперь скоро уедете в Петербург; веселитесь себе, что вам об таких пустяках думать, себя беспокоить!

Л е о н и д. Да ведь мне тебя жалко!

Н а д я. Не жалейте, пожалуйста! Я сама, как сумасшедшая, на беду лезла, не спросясь ума-разума.

Л е о н и д. Как же ты теперь думаешь?

Н а д я. А уж это мое дело.

Л е о н и д. Да ведь тебе будет очень тяжело!

Н а д я. Вам-то что за дело! Вам зато весело будет.

Л е о н и д. Да зачем же ты так говоришь?

Н а д я. Затем, что вы мальчик еще!.. Оставьте!

Л е о н и д. Да ведь он пьяный, скверный такой!

Н а д я. Ах, боже мой! Уж ехали бы вы лучше куда-нибудь,— с глаз долой.

Л е о н и д. А в самом деле, я лучше поеду к соседям на неделю.

Н а д я. Ну и с богом!

Л е о н и д. А как уж очень-то тебе, Надя, тяжело будет с мужем-то жить, что ж тогда?

Н а д я *(плача)*. Ах, оставьте вы меня! Сделайте милость, оставьте! *(Рыдая.)* Об одном я вас прошу, оставьте меня, ради бога. *(Рыдает.)*

Г а в р и л о в н а и Л и з а *(машут руками)*. Ступайте! Ступайте!

Л е о н и д. Что ж вы меня гоните! Мне, чай, жалко ее! Я все-таки подумаю — может быть, можно еще как-нибудь помочь ей.

Н а д я *(с отчаянием)*. Ни помощников, ни заступников мне не надо! не надо! Не хватит моего терпения, так пруд-то у нас не далеко!

Л е о н и д *(робко)*. Ну, я, пожалуй, уеду... Только что она говорит! Вы, пожалуйста, смотрите за ней! Прощайте! *(Идет к дверям.)*

Н а д я *(вслед ему громко)*. Прощайте!

Л е о н и д уходит.

Л и з а. Видно, правда пословица-то: кошке игрушки, а мышке слезки!

Драма
в пяти
действиях

ГРОЗА

ЛИЦА[1]**:**

САВЕЛ ПРОКОФЬЕВИЧ ДИКОЙ
купец, значительное лицо в городе.

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
племянник его, молодой человек, порядочно образованный.

МАРФА ИГНАТЬЕВНА КАБАНОВА (КАБАНИХА)
богатая купчиха, вдова.

ТИХОН ИВАНЫЧ КАБАНОВ
ее сын.

КАТЕРИНА
жена его.

ВАРВАРА
сестра Тихона.

КУЛИГИН
мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.

ВАНЯ КУДРЯШ
молодой человек, конторщик Дикова.

ШАПКИН
мещанин.

ФЕКЛУША
странница.

ГЛАША
девка в доме Кабановой.

БАРЫНЯ С ДВУМЯ ЛАКЕЯМИ
старуха 70-ти лет, полусумасшедшая.

ГОРОДСКИЕ ЖИТЕЛИ ОБОЕГО ПОЛА.

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом. Между 3-м и 4-м действиями проходит 10 дней.

---

[1] Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски. *(Прим. автора.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку, Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин *(поет)*. «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...». *(Перестает петь.)* Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш. Нештó!

Кулигин. Восторг! А ты «нештó!» Пригляделись вы, либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш. Ну, да ведь уж с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик!

Кулигин. Механик, самоучка-механик.

Кудряш. Все одно.

Молчание.

Кулигин *(показывая в сторону)*. Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш. Это? Это — Дикóй племянника ругает.

Кулигин. Нашел место!

Кудряш. Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.

Шапкин. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.

Кудряш. Пронзительный мужик!

Шапкин. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш. Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Шапкин. Унять-то его некому, вот он и воюет!

Кудряш. Мало у нас парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин. А что бы вы сделали?

Кудряш. Постращали бы хорошенько.

Шапкин. Как это?

Кудряш. Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Шапкин. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

Кудряш. Хотел, да не отдал, так это все одно, что ничего. Не отдаст он меня, он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин. Ой ли?

Кудряш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь, за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пущай же он меня боится.

Шапкин. Уж будто он тебя и не ругает?

Кудряш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он — слово, а я — десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

Кулигин. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

Кудряш. Ну, вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи! Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Шапкин. А то что ж бы?

Кудряш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!

Проходят Дикой и Борис. Кулигин снимает шапку.

Шапкин *(Кудряшу)*. Отойдем к стороне: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Дикóй и Борис.

Дикóй. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом!

Борис. Праздник; что дома-то делать!

Дикóй. Найдешь дело, коль захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все неймется! Мало тебе места-то? Куда

ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты, как столб стоишь-то! Тебе говорят, аль нет?

Б о р и с. Я и слушаю, что ж мне делать еще!

Д и к о́ й *(посмотрев на Бориса)*. Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. *(Уходя.)* Вот навязался! *(Плюет и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К у л и г и н, Б о р и с, К у д р я ш и Ш а п к и н.

К у л и г и н. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не поймем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Б о р и с. Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

К у л и г и н. Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить. Коли можно, сударь, так скажите нам.

Б о р и с. Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

К у л и г и н. Ну как не знать!

К у д р я ш. Как не знать!

Б о р и с. Батюшку она ведь не взлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось.

К у л и г и н. Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Б о р и с. Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион, да оба вдруг и умерли в холеру, мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

К у л и г и н. С каким же, сударь?

Б о р и с. Если мы будем к нему почтительны.

К у л и г и н. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Б о р и с. Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, наругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще

станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

К у д р я ш. Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?

Б о р и с. Ну, да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»

К у л и г и н. Значит, сударь, плохо ваше дело.

Б о р и с. Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да и уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была — и представить страшно.

К у д р я ш. Уж само собой. Нешто они обращение понимают?

К у л и г и н. Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Б о р и с. Да ни на каком: «Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.

К у д р я ш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит. «Ты, говорит, почем знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

К у л и г и н. Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.

Б о р и с. В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне!

К у д р я ш. Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступиться, только бы он унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Б о р и с. Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!»

К у д р я ш. Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Ш а п к и н. Одно слово: воин!

К у д р я ш. Еще какой воин-то!

Б о р и с. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!

К у д р я ш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге на перевозе гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Б о р и с. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

К у л и г и н. Что это? Никак народ от вечерни тронулся?

Проходят н е с к о л ь к о л и ц в глубине сцены.

К у д р я ш. Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Б о р и с. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь, без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

К у л и г и н. И не привыкнете никогда, сударь.

Б о р и с. Отчего же?

К у л и г и н. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтоб на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу, да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами об

таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: не доплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, а у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое истеряно. А те им, за малую благостыню, на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся-судятся здесь, да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: водят их, водят, волочат их, волочат; а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я, говорит, потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить...

Борис. А вы умеете стихами?

Кулигин. По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрец был Ломоносов, испытатель природы... А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис. Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят: Феклуша и другая женщина.

Феклуша. Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Б о р и с. Кабановых?

К у л и г и н. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только б мне, сударь, перпету-мобиль найти!

Б о р и с. Что ж бы вы сделали?

К у л и г и н. Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Б о р и с. А вы надеетесь найти перпетуум-мобиле?

К у л и г и н. Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Б о р и с *(один)*. Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе и счастлив. А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе. Уж ведь совсем убитый хожу, а тут еще дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! мне ли уж нежности заводить? Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого! В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся.

Молчание.

А все-таки нейдет она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идет с мужем, ну и свекровь с ними! Ну не дурак ли я! Погляди из-за угла, да и ступай домой. *(Уходит.)*

С противуположной стороны входят К а б а н о в а, К а б а н о в, К а т е р и н а и В а р в а р а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К а б а н о в а, К а б а н о в, К а т е р и н а и В а р в а р а.

К а б а н о в а. Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала.

К а б а н о в. Да как же я могу, маменька, вас ослушаться!

К а б а н о в а. Не очень-то нынче старших уважают.

В а р в а р а *(про себя)*. Не уважишь тебя, как же!

К а б а н о в. Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

К а б а н о в а. Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

К а б а н о в. Я, маменька...

К а б а н о в а. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А! как ты думаешь?

К а б а н о в. Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

К а б а н о в а. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

К а б а н о в *(вздыхая, в сторону)*. Ах ты, господи! *(Матери.)* Да смеем ли мы, маменька, подумать!

К а б а н о в а. Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А сохрани господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну, и пошел разговор, что свекровь заела совсем.

К а б а н о в. Нешто, маменька, кто говорит про вас?

К а б а н о в а. Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слышала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. *(Вздыхает.)* Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдет, ну и согрешишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори, что хочешь, про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

К а б а н о в. Да отсохни язык...

К а б а н о в а. Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

К а б а н о в. В чем же вы, маменька, это видите?

К а б а н о в а. Да во всем, мой друг! Мать чего глазами не увидит, так у нее сердце вещун, она сердцем мо-

жет чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

Кабанов. Да нет, маменька! что вы, помилуйте!

Катерина. Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

Кабанова. Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу, небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

Варвара *(про себя)*. Нашла место наставления читать.

Катерина. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

Кабанова. Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

Катерина. Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

Кабанова. Эка важная птица! Уж и обиделась сейчас.

Катерина. Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

Кабанова. Знаю я, знаю, что вам не понутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну, что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомянете.

Кабанов. Да мы об вас, маменька, денно и нощно бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

Кабанова. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе: у тебя жена молодая.

Кабанов. Одно другому не мешает-с: жена само по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею.

Кабанова. Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю.

Кабанов. Да для чего же мне менять-с? Я обеих люблю.

Кабанова. Ну да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

К а б а н о в. Думайте, как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

К а б а н о в а. Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

К а б а н о в. Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

К а б а н о в а. Как, зачем бояться! Как, зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

К а б а н о в. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

К а б а н о в а. Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее, и не пригрозить?

К а б а н о в. Да я, маменька...

К а б а н о в а *(горячо)*. Хоть любовника заводи! А? И это, может быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

К а б а н о в. Да, ей-богу, маменька...

К а б а н о в а *(совершенно хладнокровно)*. Дурак! *(Вздыхает.)* Что с дураком и говорить! Только грех один.

Молчание.

Я домой иду.

К а б а н о в. И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

К а б а н о в а. Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

К а б а н о в. Нет, маменька, сохрани меня господи!

К а б а н о в а. То-то же! *(Уходит).*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же без Кабановой.

К а б а н о в. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

К а т е р и н а. Чем же я-то виновата?

К а б а н о в. Кто ж виноват, я уж и не знаю.

В а р в а р а. Где тебе знать!

К а б а н о в. То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого»! А теперь поедом ест, проходу не дает — все за тебя.

В а р в а р а. Так нешто она виновата! Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя. *(Отворачивается.)*

К а б а н о в. Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

В а р в а р а. Знай свое дело — молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь — переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

К а б а н о в. Ну а что?

В а р в а р а. Известно что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

К а б а н о в. Угадала, брат.

К а т е р и н а. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

В а р в а р а. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

К а б а н о в. Уж как не знать!

В а р в а р а. Нам тоже не велика охота из-за тебя брань-то принимать.

К а б а н о в. Я мигом. Подождите! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Катерина и Варвара.

К а т е р и н а. Так ты, Варя, жалеешь меня?

В а р в а р а *(глядя в сторону)*. Разумеется, жалко.

К а т е р и н а. Так ты, стало быть, любишь меня? *(Крепко целует.)*

В а р в а р а. За что ж мне тебя не любить-то!

К а т е р и н а. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

В а р в а р а. Что?

Катерина. Отчего люди не летают!

Варвара. Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? *(Хочет бежать.)*

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина *(вздыхая)*. Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключик, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много, много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы,— у нас полон дом был странниц да богомолок. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать, где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!

Варвара. Да ведь и у нас то же самое.

Катерина. Да здесь все как будто из-под неволи. И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно, как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану,— у нас тоже везде лампадки горели,— да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об

чем я молилась тогда, чего я просила, не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

Варвара. А что же?

Катерина *(помолчав)*. Я умру скоро.

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то! Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.

Варвара. Что же с тобой такое?

Катерина *(берет ее за руку)*. А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. *(Хватается за голову рукой.)*

Варвара. Что с тобой? Здорова ли ты?

Катерина. Здорова... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себя совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо, и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...

Варвара. Ну?

Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты — девушка.

Варвара *(оглядываясь)*. Говори! Я хуже тебя.

Катерина. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

В а р в а р а. Говори, нужды нет!

К а т е р и н а. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...

В а р в а р а. Только не с мужем.

К а т е р и н а. А ты почем знаешь?

В а р в а р а. Еще бы не знать!..

К а т е р и н а. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?

В а р в а р а. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

К а т е р и н а. Что же мне делать! Сил моих не хватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

В а р в а р а. Что ты! Бог с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

К а т е р и н а. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани господи!

В а р в а р а. Чего ты так испугалась?

К а т е р и н а. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

В а р в а р а. А вот погоди, там увидим.

К а т е р и н а. Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу.

В а р в а р а. А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит б а р ы н я с палкой и д в а л а к е я в треугольных шляпах сзади.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т е ж е и б а р ы н я.

Б а р ы н я. Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот куда красота-то ведет. *(Показывает на Волгу.)* Вот, вот, в самый омут.

Варвара улыбается.

Барыня. Что смеетесь? Не радуйтесь! *(Стучит палкой.)* Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неутолимой! *(Уходя.)* Вон, вон куда красота-то ведет. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Катерина и Варвара.

Катерина. Ах, как она меня испугала,— я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

Варвара. На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара. Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся,— грозит на них палкой да кричит *(передразнивая)*: «Все гореть в огне будете!»

Катерина *(зажмуриваясь)*. Ах, ах, перестань! У меня сердце упало.

Варвара. Есть чего бояться! Дура старая...

Катерина. Боюсь, до смерти боюсь. Все она мне в глазах мерещится.

Молчание.

Варвара *(оглядываясь)*. Что это братец нейдет, вон никак гроза заходит.

Катерина *(с ужасом)*. Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Варвара. Что ты, с ума, что ли, сошла! Как же ты без братца-то домой покажешься?

Катерина. Нет, домой, домой! Бог с ним!

Варвара. Да что ты уж очень боишься; еще далеко гроза-то.

Катерина. А коли далеко, так, пожалуй, подождем немного: а право бы, лучше идти. Пойдем лучше!

Варвара. Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

Катерина. Да все-таки лучше, все покойнее; дома-то я к образам да богу молиться!

Варвара. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

Катерина. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то,— вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! страшно вымолвить!

Гром.

Ах!

Кабанов входит.

Варвара. Вот братец идет. *(Кабанову.)* Беги скорей!

Гром.

Катерина. Ах! Скорей, скорей!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в доме Кабановых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глаша (собирает платье в узлы) и Феклуша (входит).

Феклуша. Милая девушка, все-то ты за работой! Что делаешь, милая?

Гла́ша. Хозяина в дорогу собираю.

Феклуша. Аль едет куда, свет наш?

Глаша. Едет.

Феклуша. Нá долго, милая, едет?

Глаша. Нет, не нá долго.

Феклуша. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?

Глаша. Уж не знаю, как тебе сказать.

Феклуша. Да она у вас воет когда?

Глаша. Не слыхать что-то.

Феклуша. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то!

Молчание.

А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стянула б чего.

Г л а ш а. Кто вас разберет, все вы друг на друга клеплете. Что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь; греха-то вы не боитесь.

Ф е к л у ш а. Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!

Г л а ш а. Отчего ж к вам так много?

Ф е к л у ш а. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть, точно; я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну, так что ж! По немощи моей господь посылает.

Г л а ш а. А ты, Феклуша, далеко ходила?

Ф е к л у ш а. Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала. Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земля, где все люди с песьими головами.

Г л а ш а. Отчего ж так, с песьими?

Ф е к л у ш а. За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность. Прощай покудова!

Г л а ш а. Прощай.

Ф е к л у ш а уходит.

Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть; нет, нет да и услы-

шишь, что на белом свету делается; а то бы так дураками и померли.

Входят Катерина и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Катерина и Варвара.

Варвара *(Глаше)*. Тащи узлы-то в кибитку, лошади приехали. *(Катерине.)* Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось: вот у тебя сердце-то и не уходилось еще.

Глаша уходит.

Катерина. И никогда не уходится.

Варвара. Отчего ж?

Катерина. Такая уж я зародилась, горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно; я выбежала на Волгу, села в лодку да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!

Варвара. Ну, а парни поглядывали на тебя?

Катерина. Как не поглядывать!

Варвара. Что же ты? Неужто не любила никого?

Катерина. Нет, смеялась только.

Варвара. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

Катерина. Нет, как не любить! Мне жалко его очень!

Варвара. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь одного человека.

Катерина *(с испугом)*. Почем же ты заметила?

Варвара. Как ты смешно говоришь! Маленькая я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина потупляет глаза.

Да мало ли...

Катерина *(потупившись)*. Ну, кого же?

Варвара. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

Катерина. Нет, назови! По имени назови!

Варвара. Бориса Григорьича.

К а т е р и н а. Ну да, его, Varинька, его! Только ты, Варинька, ради бога...

В а р в а р а. Ну, вот еще! Ты сама-то, смотри, не проговорись как-нибудь.

К а т е р и н а. Обманывать-то я не умею, скрыть-то ничего не могу.

В а р в а р а. Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас весь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

К а т е р и н а *(после непродолжительного молчания, потупившись)*. Ну, так что ж?

В а р в а р а. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

К а т е р и н а *(потупившись еще более)*. Где же видеться! Да и зачем...

В а р в а р а. Скучный такой...

К а т е р и н а. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

В а р в а р а. Да не думай, кто ж тебя заставляет?

К а т е р и н а. Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нем думать; да что делать, коли из головы нейдет. Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.

В а р в а р а. Ты какая-то мудрёная, бог с тобой! А помоему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

К а т е р и н а. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

В а р в а р а. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

К а т е р и н а. Что я сделаю?

В а р в а р а. Да, что сделаешь?

К а т е р и н а. Что мне только захочется, то и сделаю.

В а р в а р а. Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.

К а т е р и н а. А что мне! Я уйду, да и была такова.

В а р в а р а. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

К а т е р и н а. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня ни-

какой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Молчание.

В а р в а р а. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

К а т е р и н а. Ну зачем, Варя?

В а р в а р а. Да нешто не все равно?

К а т е р и н а. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать.

В а р в а р а. Чего бояться-то! Глаша с нами будет.

К а т е р и н а. Все как-то робко! Да я, пожалуй!

В а р в а р а. Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.

К а т е р и н а *(смотря на нее)*. Зачем же тебе нужно?

В а р в а р а *(смеется)*. Будем там ворожить с тобой.

К а т е р и н а. Шутишь, должно быть?

В а р в а р а. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Молчание.

К а т е р и н а. Где ж это Тихон-то?

В а р в а р а. На что он тебе?

К а т е р и н а. Нет, я так. Ведь скоро едет.

В а р в а р а. С маменькой сидят запершись. Точит она его теперь, как ржа железо.

К а т е р и н а. За что же?

В а р в а р а. Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело! Сама посуди! У нее сердце все изноет, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь и надает приказов, один другого грозней, да потом к образу поведет, побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.

К а т е р и н а. И на воле-то он словно связанный.

В а р в а р а. Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят К а б а н о в а и К а б а н о в.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е, К а б а н о в а и К а б а н о в.

К а б а н о в а. Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала? Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

К а б а н о в. Помню, маменька.

К а б а н о в а. Ну, теперь все готово. Лошади приехали, проститься тебе только, да и с богом.

К а б а н о в. Да-с, маменька, пора.

К а б а н о в а. Ну!

К а б а н о в. Чего изволите-с?

К а б а н о в а. Что ж ты стоишь, разве порядку не знаешь? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза в землю.

К а б а н о в. Да она, чай, сама знает.

К а б а н о в а. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтоб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь, спросишь, так ли все исполнила.

К а б а н о в *(становясь против Катерины)*. Слушайся маменьки, Катя!

К а б а н о в а. Скажи, чтоб не грубила свекрови.

К а б а н о в. Не груби!

К а б а н о в а. Чтоб почитала свекровь, как родную мать!

К а б а н о в. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать!

К а б а н о в а. Чтоб сложа ручки не сидела, как барыня!

К а б а н о в. Работай что-нибудь без меня!

К а б а н о в а. Чтоб в окны глаз не пялила!

К а б а н о в. Да, маменька, когда ж она...

К а б а н о в а. Ну, ну!

К а б а н о в. В окны не гляди!

К а б а н о в а. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя!

К а б а н о в. Да что ж это, маменька, ей-богу!

К а б а н о в а *(строго)*. Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. *(С улыбкой.)* Оно все лучше, как приказано-то.

К а б а н о в *(сконфузившись)*. Не заглядывайся на парней!

Катерина строго взглядывает на него.

К а б а н о в а. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдем, Варвара!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кабанов и *Катерина* *(стоит, как будто в оцепенении)*.

Кабанов. Катя!

Молчание.

Катя, ты на меня не сердишься?

Катерина *(после непродолжительного молчания, покачав головой)*. Нет!

Кабанов. Да что ты такая? Ну, прости меня!

Катерина *(все в том же состоянии, слегка покачав головой)*. Бог с тобой! *(Закрыв лицо рукою.)* Обидела она меня!

Кабанов. Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну, и пущай она говорит, а ты мимо ушей пропущай! Ну, прощай, Катя!

Катерина *(кидаясь на шею мужу)*. Тиша, не уезжай! Ради бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

Кабанов. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

Катерина. Ну, бери меня с собой, бери!

Кабанов *(освобождаясь из ее объятий)*. Да нельзя.

Катерина. Отчего же, Тиша, нельзя?

Кабанов. Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то; а ты еще навязываешься со мной.

Катерина. Да неужели же ты разлюбил меня?

Кабанов. Да не разлюбил; а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина; всю-то жизнь вот этак жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов этих на ногах нет, так до жены ли мне?

Катерина. Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?

Кабанов. Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься! Ведь ты не одна, ты с маменькой останешься.

Катерина. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! *(Плачет.)* Куда

мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

К а б а н о в. Да полно ты!

К а т е р и н а *(подходит к мужу и прижимается к нему)*. Тиша, голубчик, кабы ты остался, либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого. *(Ласкает его.)*

К а б а н о в. Не разберу я тебя, Катя! То от тебя слова не добьешься, не то что ласки; а то так сама лезешь.

К а т е р и н а. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!

К а б а н о в. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.

К а т е р и н а. Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...

К а б а н о в. Какую клятву?

К а т е р и н а. Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

К а б а н о в. Да на что ж это?

К а т е р и н а. Успокой ты мою душу, сделай такую милость для меня!

К а б а н о в. Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.

К а т е р и н а *(падая на колени)*. Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покаяния, если я...

К а б а н о в *(поднимая ее)*. Что ты! Что ты! Какой грех-то! Я и слушать не хочу!

Голос Кабановой: «Пора, Тихон!»
Входят К а б а н о в а, В а р в а р а и Г л а ш а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е, К а б а н о в а, В а р в а р а и Г л а ш а.

К а б а н о в а. Ну, Тихон, пора. Поезжай с богом! *(Садится.)* Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! *(Встает и все встают.)*

К а б а н о в *(подходя к матери)*. Прощайте, маменька!

К а б а н о в а *(жестом показывает в землю)*. В ноги, в ноги!

Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женой!

К а б а н о в. Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

К а б а н о в а. Что ты на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж, глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

К а б а н о в. Прощай, сестрица! *(Целуется с Варварой.)* Прощай, Глаша! *(Целуется с Глашей.)* Прощайте, маменька! *(Кланяется.)*

К а б а н о в а. Прощай! Дальние проводы — лишние слезы.

К а б а н о в уходит, за ним К а т е р и н а, В а р в а р а и Г л а ш а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К а б а н о в а *(одна)*. Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта. Ничего-то не знают, никакого порядку. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят, а выдут на волю-то, так и путаются на покор да на смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше все смеются. Да не смеяться-то нельзя; гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, так плюнешь да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят К а т е р и н а и В а р в а р а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К а б а н о в а, К а т е р и н а и В а р в а р а.

К а б а н о в а. Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.

Катерина. Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!

Кабанова. Хитрость-то невеликая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; все-таки пристойнее; а то, видно, на словах только. Ну, я богу молиться пойду; не мешайте мне.

Варвара. Я со двора пойду.

Кабанова *(ласково)*. А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Уходят Кабанова и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Катерина *(одна, задумчиво)*. Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать,— ангелы ведь это. *(Молчание.)* Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка. *(Задумывается.)* А я вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня бога помолят. Вот и засядем шить с Варварой, и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша приедет.

Входит Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Катерина и Варвара.

Варвара *(покрывает голову платком перед зеркалом)*. Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На, вот, может быть, понадобится. *(Подает ключ.)* Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

Катерина *(с испугом, отталкивая ключ)*. На что! На что! Не надо! Не надо!

Варвара. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

Катерина. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты? Что ты! Что ты!

Варвара. Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мне. Мне гулять пора. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Катерина *(одна, держа ключ в руках)*. Что она это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право, сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он мне руки-то жжет, точно уголь. *(Подумав.)* Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело! Мало ли что в голову-то придет. Вышел случай, другая и рада, так, очертя голову, и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горче покажется. *(Молчание.)* А горька неволя, ох, как горька! Кто от нее не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть я теперь! Живу, маюся, просвету себе не вижу! Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этот грех-то на меня. *(Задумывается.)* Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня... от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны. *(Задумчиво смотрит на ключ.)* Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он это ко мне в руки попал? На соблазн, на пагубу мою. *(Прислушивается.)* Ах, кто-то идет. Так сердце и упало. *(Прячет ключ в карман.)* Нет!.. Никого!.. Что я так испугалась! И ключ спрятала... Ну, уж знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех, если я взгляну на него раз, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, так все не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да может, такого и случая-то еще во всю жизнь не выдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть, да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь... Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА 1-я

Улица. Ворота дома Кабановых, перед воротами скамейка. Кабанова и Феклуша сидят на скамейке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Феклуша. Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто Содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует, один туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живем не спеша.

Феклуша. Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются; оттого все и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве: бегает народ взад да вперед неизвестно зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он и бегает. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный, людей не узнает, ему мерещится, что его манит некто; а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдет в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то ведь она вроде туману бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за ворота-то выдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то индо грохот идет, стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости.

Кабанова. Слышала я, милая.

Феклуша. А я, матушка, так своими глазами видела; конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так *(растопыривает пальцы)* делает. Ну, и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

К а б а н о в а. Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Ф е к л у ш а. Что за крайности, матушка! Сохрани господи от такой напасти! А вот еще, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высоком-превысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом черен. Уж сами понимаете кто. И делает он руками, как будто сыплет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы сыплет, а народ днем в суете-то в своей невидимо и подберет. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют; да как будто они что потеряли, либо чего ищут, в лице печаль, даже жалко.

К а б а н о в а. Все может быть, моя милая! В наши времена чему дивиться!

Ф е к л у ш а. Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

К а б а н о в а. Как так, милая, в умаление?

Ф е к л у ш а. Конечно, не мы, где нам заметить в суете-то! А вот умные люди замечают, что у нас и время-то короче становится. Бывало, лето или зима-то тянутся-тянутся, не дождешься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, как пролетят. Дни-то и часы все те же как будто остались: а время-то, за наши грехи все короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

К а б а н о в а. И хуже этого, милая, будет.

Ф е к л у ш а. Нам-то бы только не дожить до этого.

К а б а н о в а. Может, и доживем.

Входит Д и к ó й.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и Д и к ó й.

К а б а н о в а. Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Д и к ó й. А кто ж мне запретит!

К а б а н о в а. Кто запретит! Кому нужно!

Д и к ó й. Ну и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты еще что тут! Какого еще тут черта водяного!..

Кабанова. Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога! Ступай своей дорогой, куда шел. Пойдем, Феклуша, домой. *(Встает.)*

Дикóй. Постой, кума, постой. Не сердись. Еще успеешь дома-то быть: дом-от твой не за горами. Вот он!

Кабанова. Коли ты за делом, так не ори, а говори толком.

Дикóй. Никакого дела нет, а я хмелён, вот что!

Кабанова. Что ж ты мне теперь хвалить тебя прикажешь за это?

Дикóй. Ни хвалить, ни бранить. А значит, я хмелён; ну, и кончено дело. Пока не просплюсь, уж этого дела поправить нельзя.

Кабанова. Так ступай, спи!

Дикóй. Куда же это я пойду?

Кабанова. Домой. А то куда же!

Дикóй. А коли я не хочу домой-то?

Кабанова. Отчего же это, позволь тебя спросить.

Дикóй. А потому что у меня там война идет.

Кабанова. Да кому ж там воевать-то? Ведь ты один только там воин-то и есть.

Дикóй. Ну так что ж, что я воин? Ну, что ж из этого?

Кабанова. Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами. Вот что.

Дикóй. Ну, значит, они и должны мне покоряться. А то я, что ли, покоряться стану!

Кабанова. Уж немало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу в доме, а на тебя на одного угодить не могут.

Дикóй. Вот поди ж ты!

Кабанова. Ну, что ж тебе нужно от меня?

Дикóй. А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всем городе и умеешь меня разговорить.

Кабанова. Поди, Феклуша, вели приготовить закусить что-нибудь.

Феклуша уходит.

Пойдем в покои!

Дикóй. Нет, я в покои не пойду, в покоях я хуже.

Кабанова. Чем же тебя рассердили-то?

Дикóй. Еще с утра с самого.

К а б а н о в а. Должно быть, денег просили.

Д и к о́ й. Точно сговорились, проклятые; то тот, то другой целый день пристают.

К а б а н о в а. Должно быть, надо, коли пристают.

Д и к о́ й. Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое! Ведь уж знаю, что надо отдать, а все добром не могу. Друг ты мне, и я тебе должен отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдать отдам, а обругаю. Потому — только заикнись мне о деньгах, у меня всю нутренную разжигать станет; всю нутренную вот разжигает, да и только; ну, и в те поры ни за что обругаю человека.

К а б а н о в а. Нет над тобой старших, вот ты и куражишься.

Д и к о́ й. Нет, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то, о великом, я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги ему кланялся, право, так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи ему и кланялся; при всех ему кланялся.

К а б а н о в а. А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? Это, кум, нехорошо.

Д и к о́ й. Как так нарочно?

К а б а н о в а. Я видала, я знаю. Ты коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотят, ты возьмешь да нарочно из своих на кого-нибудь и накинешься, чтобы рассердиться; потому что ты знаешь, что к тебе сердитому никто уж не подойдет. Вот что, кум!

Д и к о́ й. Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко!

Г л а ш а входит.

Г л а ш а. Марфа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйте!

К а б а н о в а. Что ж, кум, зайди! Закуси чем бог послал!

Д и к о́ й. Пожалуй.

К а б а н о в а. Милости просим! *(Пропускает вперед Дикова и уходит за ним.)*

Глаша, сложа руки, стоит у ворот.

Глаша. Никак Борис Григорьич идет. Уж не за дядей ли? Аль так гуляет? Должно, так гуляет.

Входит Борис.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глаша, Борис, потом Кулигин.

Борис. Не у вас ли дядя?

Глаша. У нас. Тебе нужно, что ль, его?

Борис. Послали из дому узнать, где он. А коли у вас, так пусть сидит: кому его нужно. Дома-то рады-радехоньки, что ушел.

Глаша. Нашей бы хозяйке за ним быть, она б его скоро прекратила. Что ж я, дура, стою-то с тобой! Прощай. *(Уходит.)*

Борис. Ах ты, господи! Хоть бы одним глазком взглянуть на нее! В дом войти нельзя; здесь незваные не ходят. Вот жизнь-то! Живем в одном городе, почти рядом, а увидишься раз в неделю, и то только в церкви, либо на дороге, вот и все! Здесь что вышла замуж, что схоронили — все равно. *(Молчание.)* Уж совсем бы мне ее не видать: легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людях; во сто глаз на тебя смотрят. Только сердце надрывается. Да и с собой-то не сладишь никак. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здесь у ворот. И зачем я хожу сюда? Видеть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговор какой выдет, ее-то в беду введешь. Ну, попал я в городок! *(Идет, ему навстречу Кулигин.)*

Кулигин. Что, сударь? Гулять изволите?

Борис. Да, так гуляю себе, погода очень хороша нынче.

Кулигин. Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздух отличный, из-за Волги с лугов цветами пахнет, небо чистое...

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.

Пойдемте, сударь, на бульвар, ни души там нет.

Борис. Пойдемте!

Кулигин. Вот какой, сударь, у нас городишко! Бульвар сделали, а не гуляют. Гуляют только по праздникам, и то один вид делают, что гуляют, а сами

ходят туда наряды показывать. Только пьяного приказного и встретишь, из трактира домой плетется. Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь работа. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? Ну, что бы, кажется, им не гулять, не дышать свежим воздухом? Так нет. У всех давно ворота, сударь, заперты и собаки спущены. Вы думаете, они дело делают, либо богу молятся? Нет, сударь. И не от воров они запираются, а чтоб люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слез льется за этими запорами, невидимых и неслышимых! Да что вам говорить, сударь! По себе можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату темного да пьянства! И все шито да крыто — никто ничего не видит и не знает, видит только один бог! Ты, говорит, смотри в людях меня да на улице, а до семьи моей тебе дела нет; на это, говорит, у меня есть замки, да запоры, да собаки злые. Семья, говорит, дело тайное, секретное! Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а остальные — волком воют. Да и что за секрет? Кто его не знает! Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чем, что он там творит, пикнуть не смели. Вот и весь секрет. Ну, да бог с ними! А знаете, сударь, кто у нас гуляет? Молодые парни да девушки. Так эти у сна воруют часик, другой, ну и гуляют парочками. Да вот пара.

Показываются К у д р я ш и В а р в а р а. Целуются.

Б о р и с. Целуются.

К у л и г и н. Это у нас нужды нет.

К у д р я ш уходит, а Варвара подходит к своим воротам и манит Бориса. Он подходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Б о р и с, К у л и г и н и В а р в а р а.

К у л и г и н. Я, сударь, на бульвар пойду. Что вам мешать-то? Там и подожду.

Б о р и с. Хорошо, я сейчас приду.

К у л и г и н уходит.

В а р в а р а *(закрываясь платком)*. Знаешь овраг за Кабановым садом?
Б о р и с. Знаю.
В а р в а р а. Приходи туда ужо́ попозже.
Б о р и с. Зачем?
В а р в а р а. Какой ты глупый! Приходи, там увидишь зачем. Ну, ступай скорей, тебя дожидаются.

Б о р и с уходит.

Не узнал ведь! Пущай теперь подумает. А ужотка я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит. *(Уходит в ворота.)*

СЦЕНА 2-я

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху забор сада Кабановых и калитка; сверху тропинка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К у д р я ш *(входит с гитарой)*. Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождем. *(Садится на камень.)* Да со скуки песенку споем. *(Поет.)*

Как донской-то казак, казак вел коня поить,
Добрый молодец, уж он у ворот стоит.
У ворот стоит, сам он думу думает,
Думу думает, как будет жену губить.
Как жена-то, жена мужу возмолилася,
Во скоры́-то ноги ему поклонилася:
Уж ты, батюшка, ты ли мил сердечный друг!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера!
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моим малым детушкам,
Малым детушкам, всем ближним соседушкам.

Входит Б о р и с.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К у д р я ш и Б о р и с.

К у д р я ш *(перестает петь)*. Ишь ты! Смирен, смирен, а тоже в разгул пошел.
Б о р и с. Кудряш, это ты?
К у д р я ш. Я, Борис Григорьич!
Б о р и с. Зачем это ты здесь?
К у д р я ш. Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не пошел. Вас куда бог несет?

Б о р и с *(оглядывая местность)*. Вот что, Кудряш, мне бы нужно здесь остаться, а тебе ведь, я думаю, все равно, ты можешь идти и в другое место.

К у д р я ш. Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь еще в первый раз, а у меня уж тут место насиженное, и дорожка-то мной протоптана. Я вас люблю, сударь, и на всякую вам услугу готов, а на этой дорожке вы со мной ночью не встречайтесь, чтобы, сохрани господи, греха какого не вышло. Уговор лучше денег.

Б о р и с. Что с тобой, Ваня?

К у д р я ш. Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парни ноги переломают. Я за свою... да я и не знаю, что сделаю! Горло перерву!

Б о р и с. Напрасно ты сердишься; у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришел сюда, кабы мне не велели.

К у д р я ш. Кто ж велел?

Б о р и с. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабановых, где тропинка.

К у д р я ш. Кто ж бы это такая?

Б о р и с. Послушай, Кудряш. Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?

К у д р я ш. Говорите, не бойтесь! У меня все одно что умерло.

Б о р и с. Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое...

К у д р я ш. Полюбили, что ль, кого?

Б о р и с. Да, Кудряш.

К у д р я ш. Ну, что ж, это ничего. У нас насчет этого слободно. Девки гуляют себе, как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.

Б о р и с. То-то и горе мое.

К у д р я ш. Так неужто ж замужнюю полюбили?

Б о р и с. Замужнюю, Кудряш.

К у д р я ш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!

Б о р и с. Легко сказать — бросить! Тебе это, может быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! уж я коли полюбил...

Кудряш. Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите, Борис Григорьич!

Борис. Сохрани господи! Сохрани меня господи! Нет, Кудряш, как можно. Захочу ли я ее погубить! Мне только бы видеть ее где-нибудь, мне больше ничего не надо.

Кудряш. Как, сударь, за себя поручиться! А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.

Борис. Ах, не говори этого, Кудряш, пожалуйста, не пугай ты меня!

Кудряш. А она-то вас любит?

Борис. Не знаю.

Кудряш. Да вы видались когда, аль нет?

Борис. Я один раз только и был у них с дядей. А то в церкви вижу, на бульваре встречаемся. Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится.

Кудряш. Так это молодая Кабанова, что ль?

Борис. Она, Кудряш.

Кудряш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем проздравить!

Борис. С чем?

Кудряш. Да как же! Значит, у вас дело на лад идет, коли сюда приходить велели.

Борис. Так неужто она велела?

Кудряш. А то кто же?

Борис. Нет, ты шутишь! Этого быть не может. *(Хватается за голову.)*

Кудряш. Что с вами?

Борис. Я с ума сойду от радости.

Кудряш. Вота! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите — себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите! Положим, хоть у нее муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

Варвара выходит из калитки.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Варвара, потом Катерина.

Варвара *(у калитки поет)*.

За рекою, за быстрою, мой Ваня гуляет.
Там мой Ванюшка гуляет...

К у д р я ш *(продолжает).*

Товар закупает.

(Свищет.)

В а р в а р а *(сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису).* Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдем на Волгу.

К у д р я ш. Ты что ж так долго? Ждать вас еще! Знаешь, что не люблю!

В а р в а р а обнимает его одной рукой и уходят.

Б о р и с. Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свидания! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо, так весело! Вот и я жду чего-то! А чего жду — и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце да дрожит каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, дух захватывает, подгибаются колени! Вот какое у меня сердце глупое, раскипится вдруг, ничем не унять. Вот идет.

К а т е р и н а тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым платком, потупив глаза в землю. Молчание.

Это вы, Катерина Петровна?

Молчание.

Уж как мне благодарить вас, я и не знаю.

Молчание.

Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас! *(Хочет взять ее за руку.)*

К а т е р и н а *(с испугом, но не подымая глаз).* Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!

Б о р и с. Не сердитесь!

К а т е р и н а. Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Б о р и с. Не гоните меня!

К а т е р и н а. Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски, до гробовой доски...

Б о р и с. Вы сами велели мне прийти...

Катерина. Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь до гробовой доски!

Борис. Лучше б мне не видать вас!

Катерина *(с волнением)*. Ведь что я себе готовлю. Где мне место-то, знаешь ли?

Борис. Успокойтесь! *(Берет ее за руку.)* Сядьте!

Катерина. Зачем ты моей погибели хочешь?

Борис. Как же я могу хотеть вашей погибели, когда я люблю вас больше всего на свете, больше самого себя!

Катерина. Нет, нет! ты меня загубил!

Борис. Разве я злодей какой?

Катерина *(качая головой)*. Загубил, загубил, загубил!

Борис. Сохрани меня бог! Пусть лучше я сам погибну!

Катерина. Ну как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе.

Борис. Ваша воля была на то.

Катерина. Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)*

Небольшое молчание.

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею.)*

Борис *(обнимая Катерину)*. Жизнь моя!

Катерина. Знаешь что? Теперь мне умереть вдруг захотелось!

Борис. Зачем умирать, коли нам жить так хорошо?

Катерина. Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.

Борис. Не говори, пожалуйста, таких слов, не печаль меня...

Катерина. Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..

Борис. Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!

Катерина. Э! Что меня жалеть, никто не виноват,— сама на то пошла. Не жалей, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю! *(Обнимает Бориса.)* Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.

Б о р и с. Ну, что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!

К а т е р и н а. И то! надуматься-то да наплакаться-то еще успею на досуге.

Б о р и с. А я было испугался, я думал, ты меня прогонишь.

К а т е р и н а *(улыбаясь)*. Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! Кабы ты не пришел, так я, кажется, сама бы к тебе пришла.

Б о р и с. Я и не знал, что ты меня любишь.

К а т е р и н а. Давно люблю. Словно на грех ты к нам приехал. Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Б о р и с. Надолго ль муж-то уехал?

К а т е р и н а. На две недели.

Б о р и с. О, так мы погуляем! Время-то довольно.

К а т е р и н а. Погуляем. А там... *(Задумывается.)* Как запрут на замок, вот смерть! А не запрут, так уж найду случай повидаться с тобой!

Входят К у д р я ш и В а р в а р а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е, К у д р я ш и В а р в а р а.

В а р в а р а. Ну, что, сладили?

Катерина прячет лицо у Бориса на груди.

Б о р и с. Сладили.

В а р в а р а. Пошли бы, погуляли, а мы подождем. Когда нужно будет, Ваня крикнет.

Б о р и с и К а т е р и н а уходят. Кудряш и Варвара садятся на камень.

К у д р я ш. А это вы важную штуку придумали, в садовую калитку лазить. Оно для нашего брата оченно способно.

В а р в а р а. Все я.

К у д р я ш. Уж тебя взять на это. А мать-то не хватится?..

В а р в а р а. Э! Куда ей! Ей и в лоб-то не влетит.

К у д р я ш. А ну, на грех?

В а р в а р а. У нее первый сон крепок; вот к утру, так просыпается.

К у д р я ш. Да ведь как знать! Вдруг ее нелегкая поднимет.

В а р в а р а. Ну, так что ж! У нас калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, из саду; постучит, постучит, да так и пойдет. А поутру мы скажем, что крепко спали, не слыхали. Да и Глаша стережет; чуть что, она сейчас голос подаст. Без опаски нельзя! Как же можно! Того гляди в беду попадешь.

Кудряш берет несколько аккордов на гитаре. Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет.

(Зевая.) Как бы это узнать, который час?

К у д р я ш. Первый.

В а р в а р а. Почем ты знаешь?

К у д р я ш. Сторож в доску бил.

В а р в а р а *(зевая)*. Пора. Покричи-ка. Завтра мы пораньше выдем, так побольше погуляем.

К у д р я ш *(свищет и громко запевает)*.

Все домой, все домой!
А я домой не хочу.

Б о р и с *(за сценой)*. Слышу!

В а р в а р а *(встает)*. Ну, прощай! *(Зевает, потом целует холодно, как давно знакомого.)* Завтра, смотрите, приходите пораньше! *(Смотрит в ту сторону, куда пошли Борис и Катерина.)* Будет вам прощаться-то, не навек расстаетесь, завтра увидитесь. *(Зевает и потягивается.)*

Вбегает К а т е р и н а, за ней Б о р и с.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К у д р я ш, В а р в а р а, Б о р и с и К а т е р и н а.

К а т е р и н а *(Варваре)*. Ну, пойдем, пойдем!

Всходят по тропинке, Катерина оборачивается.

Прощай!

Б о р и с. До завтра!

К а т е р и н а. Да, до завтра! Что во сне увидишь, скажи!

Подходят к калитке.

Б о р и с. Непременно.
К у д р я ш *(поет под гитару)*.

Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай-лели, до поры,
До вечерней до зари.

В а р в а р а *(у калитки)*.

А я, млада, до поры,
До утренней до зари,
Ай-лели, до поры,
До утренней до зари!

Уходят.

К у д р я ш.

Как зорюшка занялась,
А я домой поднялась и т. д.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

На первом плане узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кой-где трава и кусты; за арками берег и вид на Волгу.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Н е с к о л ь к о г у л я ю щ и х обоего пола проходят за арками.

1 - й. Дождь накрапает, как бы гроза не собралась?
2 - й. Гляди, сберется.
1 - й. Еще хорошо, что есть где схорониться.

Входят все под своды.

Ж е н щ и н а. А что народу-то гуляет на бульваре! День праздничный, все повышли. Купчихи такие разряженные.
1 - й. Попрячутся куда-нибудь.
2 - й. Гляди, что теперь народу сюда набьется!
1 - й *(осматривая стены)*. А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было. И теперь еще местами означает.
2 - й. Ну, да, как же! Само собой, что расписано было. Теперь, ишь ты, все впусте оставлено, развалилось,

заросло. После пожару так и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лет сорок будет.

1 - й. Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было; довольно затруднительно это понимать.

2 - й. Это геенна огненная.

1 - й. Так, братец ты мой!

2 - й. И идут туда всякого звания люди.

1 - й. Так, так, понял теперь.

2 - й. И всякого чину.

1 - й. И арапы?

2 - й. И арапы.

1 - й. А это, братец ты мой, что такое?

2 - й. А это Литовское разорение. Битвá! — видишь? Как наши с Литвой бились.

1 - й. Что ж это такое Литва?

2 - й. Так она Литва и есть.

1 - й. А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2 - й. Не умею я тебе сказать. С неба, так с неба.

Ж е н щ и н а. Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1 - й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно.

Входит Д и к ó й и за ним К у л и г и н без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, Д и к ó й и К у л и г и н.

Д и к ó й. Ишь ты, замочило всего. *(Кулигину.)* Отстань ты от меня! Отстань! *(С сердцем.)* Глупый ты человек!

К у л и г и н. Савел Прокофьич, ведь от этого, ваше степенство, для всех вообще обывателей польза.

Д и к ó й. Поди ты прочь! Какá польза! Кому нужна эта польза?

К у л и г и н. Да хоть бы для вас, ваше степенство, Савел Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой: столбик каменный *(показывает жестами размер каждой вещи)*, дощечку медную, такую круглую, да шпильку, вот шпильку прямую *(показывает жестом)*, простую самую. Уж я все это прилажу,

и цифры вырежу уж все сам. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочие, которые гуляющие, сейчас подойдете и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и все, а как будто пусто. У нас тоже, ваше степенство, и проезжие бывают, ходят туда наши виды смотреть, все-таки украшение,— для глаз оно приятней.

Д и к о́ й. Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе — равный, что ли! Ишь ты — какое дело нашел важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

К у л и г и н. Кабы я с своим делом лез, ну, тогда был бы я виноват. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Д и к о́ й. А может, ты украсть хочешь; кто тебя знает!

К у л и г и н. Коли я свои труды хочу даром положить, что же я могу украсть, ваше степенство! Да меня здесь все знают; про меня никто дурно не скажет.

Д и к о́ й. Ну, и пущай знают, а я тебя знать не хочу.

К у л и г и н. За что, сударь, Савел Прокофьич, честного человека обижать изволите?

Д и к о́ й. Отчет, что ли, я стану тебе давать! Я и поважней тебя никому отчета не даю. Хочу так думать о тебе, так и думаю. Для других ты честный человек, а я думаю, что ты разбойник, вот и все. Хотелось тебе это слышать от меня? Так вот слушай! Говорю, что разбойник, и конец! Что ж ты, судиться, что ли, со мной будешь! Так ты знай, что ты червяк. Захочу — помилую, захочу — раздавлю.

К у л и г и н. Бог с вами, Савел Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, ваше степенство: «И в рубище почтенна добродетель!»

Д и к о́ й. Ты у меня грубить не смей! Слышишь ты!

К у л и г и н. Никакой я грубости вам, сударь, не делаю; а говорю вам потому, что, может быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сделать. Силы у вас, ваше степенство, много; была б только воля на доброе дело. Вот хоть бы теперь то возьмем: у нас грозы частые, а не заведем мы громовых отводов.

Д и к о́ й *(гордо)*. Все суета!

Кулигин. Да какая же суета, когда опыты были.

Дикой. Какие такие там у тебя громовые отводы?

Кулигин. Стальные.

Дикой *(с гневом)*. Ну, еще что?

Кулигин. Шесты стальные.

Дикой *(сердясь более и более)*. Слышал, что шесты, аспид ты этакой; да еще-то что? Наладил: шесты! ну а еще что?

Кулигин. Ничего больше.

Дикой. Да гроза-то что такое по-твоему? а? Ну, говори!

Кулигин. Электричество.

Дикой *(топнув ногой)*. Какое еще там елестричество! Ну как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А? Говори! Татарин?

Кулигин. Савел Прокофьич, ваше степенство, Державин сказал:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю.

Дикой. А за эти вот слова тебя к городничему отправить, так он тебе задаст! Эй, почтенные! прислушайте-ка, что он говорит!

Кулигин. Нечего делать, надо покориться! А вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю. *(Махнув рукой, уходит.)*

Дикой. Что ж ты, украдешь, что ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужичонко! С этим народом какому надо быть человеку? Я уж и не знаю. *(Обращаясь к народу.)* Да вы, проклятые, хоть кого в грех введете! Вот не хотел нынче сердиться, а он, как нарочно, рассердил-таки. Чтоб ему провалиться! *(Сердито.)* Перестал, что ль, дождик-то?

1-й. Кажется, перестал.

Дикой. Кажется! А ты, дурак, сходи да посмотри. А то: кажется.

1-й *(выйдя из-под сводов)*. Перестал!

Дикой уходит, и все за ним. Сцена несколько времени пуста. Под своды быстро входит Варвара и, притаившись, высматривает.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Варвара и потом Борис.

Варвара. Кажется, он!

Борис проходит в глубине сцены.

Сс-сс!

Борис оглядывается.

Поди сюда. *(Манит рукой.)*

Борис входит.

Что нам с Катериной-то делать? Скажи на милость!

Борис. А что?

Варвара. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Борис. Нет, я не знал.

Варвара. Она просто сама не своя сделалась.

Борис. Видно, только я и пожил десять деньков, пока его не было. Уж теперь и не увидишь ее!

Варвара. Ах ты, какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза как у помешанной! Давеча утром плакать принялась, так и рыдает. Батюшки мои! Что мне с ней делать?

Борис. Да, может быть, пройдет это у нее!

Варвара. Ну, уж едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да все на нее косится, так змеей и смотрит; а она от этого еще хуже. Просто мука глядеть-то на нее! Да и боюсь я.

Борис. Чего же ты боишься?

Варвара. Ты ее не знаешь! Она ведь чудная какая-то у нас. От нее все станется! Таких дел наделает, что...

Борис. Ах, боже мой! Что же делать-то! Ты бы с ней поговорила хорошенько. Неужели уж нельзя ее уговорить!

Варвара. Пробовала. И не слушает ничего. Лучше и не подходи.

Борис. Ну, как же ты думаешь, что она может сделать?

Варвара. А вот что: бухнет мужу в ноги, да и расскажет все. Вот чего я боюсь.

Борис *(с испугом)*. Может ли это быть!

Варвара. От нее все может быть.
Борис. Где она теперь?
Варвара. Сейчас с мужем на бульвар пошли, и маменька с ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется.

Вдали удары грома.

Никак гроза? *(Выглядывает.)* Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Входят несколько лиц разного звания и пола.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Разные лица и потом Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

1-й. Должно быть, бабочка-то очень боится, что так торопится спрятаться.
Женщина. Да уж как ни прячься! Коли кому на роду написано, так никуда не уйдешь.
Катерина *(вбегая)*. Ах! Варвара! *(Хватает ее за руку и держит крепко.)*
Варвара. Полно, что ты!
Катерина. Смерть моя!
Варвара. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!
Катерина. Нет! Не могу! Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.
Кабанова *(входя)*. То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.
Кабанов. Да какие ж, маменька, у нее грехи такие могут быть особенные! Все такие же, как и у всех у нас, а это так уж она от природы боится.
Кабанова. А ты почем знаешь? Чужая душа потемки.
Кабанов *(шутя)*. Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.
Кабанова. Может быть, и без тебя.
Кабанов *(шутя)*. Катя, кайся, брат, лучше, коли в чем грешна. Ведь от меня не скроешься; нет, шалишь! Все узнаю!
Катерина *(смотрит в глаза Кабанову)*. Голубчик мой!

В а р в а р а. Ну что ты пристаешь! Разве не видишь, что ей и без тебя тяжело.

Б о р и с выходит из толпы и раскланивается с Кабановым.

К а т е р и н а *(вскрикивает)*. Ах!

К а б а н о в. Что ты испугалась! Ты думала, чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Б о р и с. Слава богу!

К а т е р и н а *(Варваре)*. Чего ему еще надо от меня?.. Или ему мало этого, что я так мучаюсь. *(Приклоняясь к Варваре, рыдает.)*

В а р в а р а *(громко, чтобы мать слышала)*. Мы с ног сбились, не знаем, что делать с ней; а тут еще посторонние лезут! *(Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.)*

К у л и г и н *(выходит на середину, обращаясь к толпе)*. Ну чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьет! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У вас все гроза! Северное сияние загорится, любоваться бы надобно да дивиться премудрости: «С полночных стран встает заря»! А вы ужасаетесь да придумываете, к войне это или к мору. Комета ли идет,— не отвел бы глаз! красота! звезды-то уже пригляделись, всё одни и те же, а это обновка; ну смотрел бы да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь вас берет! Изо всего-то вы себе пугал наделали. Эх, народ! Я вот не боюсь. Пойдемте, сударь!

Б о р и с. Пойдемте! Здесь страшнее!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е без Бориса и Кулигина.

К а б а н о в а. Ишь, какие рацеи развел! Есть что послушать, уж нечего сказать! Вот времена-то пришли, какие-то учители появились. Коли старик так рассуждает, чего уж от молодых-то требовать!

Ж е н щ и н а. Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, так и накрыло.

1 - й. Эко, братец ты мой, точно клубком туча-то вьется, ровно что в ней там живое ворочается. А так на нас и ползет, так и ползет, как живая.

2-й. Уж ты помяни мое слово, что эта гроза даром не пройдет. Верно тебе говорю: потому знаю. Либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит; вот увидишь: потому, смотри, какой цвет необнакновенный!

Катерина *(прислушиваясь)*. Что они говорят? Они говорят, что убьет кого-нибудь.

Кабанов. Известно, так городят зря, что в голову придет.

Кабанова. Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на все приметы есть. Старый человек на ветер слова не скажет.

Катерина *(мужу)*. Тиша, я знаю, кого убьет.

Варвара *(Катерине тихо)*. Ты уж хоть молчи-то!

Кабанов. Ты почем знаешь?

Катерина. Меня убьет. Молитесь тогда за меня!

Входит барыня с лакеями. Катерина с криком прячется.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и барыня.

Барыня. Что прячешься! Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! видишь, какая красавица! Ха, ха, ха! Красота! А ты молись богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь! Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колят друг друга. Весело! Старики старые, благочестивые, об смерти забывают, соблазняются на красоту-то! А кто отвечать будет? За все тебе отвечать придется. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!

Катерина прячется.

Куда прячешься, глупая! От бога-то не уйдешь!

Удар грома.

Все в огне гореть будете в неугасимом! *(Уходит.)*

Катерина. Ах! Умираю!

Варвара. Что ты мучаешься-то, в самом деле! Стань к сторонке да помолись, легче будет.

К а т е р и н а *(подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает)*. Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабанова, Кабанов и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что и не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала! В первую же ночь я ушла из дому...

К а б а н о в *(растерявшись, в слезах, дергает ее за рукав)*. Не надо, не надо, не говори! Что ты! Матушка здесь!

К а б а н о в а *(строго)*. Ну, ну, говори, коли уж начала.

К а т е р и н а. И все-то десять ночей я гуляла... *(Рыдает.)*

Кабанов хочет обнять ее.

К а б а н о в а. Брось ее! С кем?

В а р в а р а. Врет она, она сама не знает, что говорит.

К а б а н о в а. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

К а т е р и н а. С Борисом Григоричем.

Удар грома.

Ах! *(Падает без чувств на руки мужа.)*

К а б а н о в а. Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Декорация первого действия. Сумерки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К у л и г и н сидит на лавочке. К а б а н о в идет по бульвару.

К у л и г и н *(поет)*.

Ночною темнотою покрылись небеса,
Все люди для покою закрыли уж глаза... (и проч.).

(Увидав Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

Кабанов. Домой. Слышал, братец, дела-то наши? Вся, братец, семья в расстройство пришла.

Кулигин. Слышал, слышал, сударь.

Кабанов. Я в Москву ездил, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мне наставления-то, а я как выехал, так загулял. Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве все пил, так это кучу, что на-поди! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про дом-то и не вспомнил. Да хоть бы и вспомнил-то, так мне бы и в ум не пришло, что тут делается. Слышал?

Кулигин. Слышал, сударь.

Кабанов. Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что погибаю, ни за грош!

Кулигин. Маменька-то у вас больно крута.

Кабанов. Ну, да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мне на милость? Я вот зашел к Дикóму, ну, выпили; думал — легче будет, нет, хуже, Кулигин! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя...

Кулигин. Мудреное дело, сударь. Мудрено вас судить.

Кабанов. Нет, постой! Уж на что еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вот маменька говорит — ее надо живую в землю закопать, чтоб она казнилась! А я ее люблю, мне ее жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на нее, пойми ты это, Кули́гин. Маменька ее поедом ест, а она как тень какая ходит, безответная. Только плачет да тает как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на нее.

Кулигин. Как бы-нибудь, сударь, ладком дело-то сделать! Вы бы простили ей да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не без греха!

Кабанов. Уж что говорить!

Кулигин. Да уж так, чтоб и под пьяную руку не попрекать! Она бы вам, сударь, была хорошая жена; гляди — лучше всякой.

Кабанов. Да пойми ты, Кулигин: я-то бы ничего, а маменька-то... разве с ней сговоришь!.

Кулигин. Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить.

Кабанов. Что ж мне, разорваться, что ли! Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим. Я вот возьму да и последний-то, какой есть, пропью;

пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.

Кулигин. Эх, сударь! Дела, дела! Ну, а Борис-то Григорьич, сударь, что?

Кабанов. А его, подлеца, в Тяхту, к китайцам. Дядя к знакомому купцу какому-то посылает туда на контору. На три года его туды.

Кулигин. Ну, что же он, сударь?

Кабанов. Мечется тоже; плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали — молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите, делайте, только ее не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.

Кулигин. Хороший он человек, сударь.

Кабанов. Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что это ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин! Расказнить его надобно на части, чтобы знал...

Кулигин. Врагам-то прощать надо, сударь!

Кабанов. Поди-ка, поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец Кулигин, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги друг другу. Варвару маменька точила, точила, а та не стерпела, да и была такова,— взяла да и ушла.

Кулигин. Куда ушла?

Кабанов. Кто ее знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки; потому стала ее тиранить и на замок запирать. «Не запирайте, говорит, хуже будет!» Вот так и вышло. Что ж мне теперь делать, скажи ты мне! Научи ты меня, как мне жить теперь! Дом мне опостылел, людей совестно, за дело возьмусь — руки отваливаются. Вот теперь домой иду; на радость, что ль, я иду?

Входит Глаша.

Глаша. Тихон Иваныч, батюшка!

Кабанов. Что еще?

Глаша. Дома у нас нездорово, батюшка!

Кабанов. Господи! Так уж одно к одному! Говори, что там такое?

Г л а ш а. Да хозяюшка ваша...

К а б а н о в. Ну, что ж? Умерла, что ль?

Г л а ш а. Нет, батюшка; ушла куда-то, не найдем нигде. Сбились с ног, искамши.

К а б а н о в. Кулигин, надо, брат, бежать, искать ее. Я, братец, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего ж вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?

Г л а ш а. Недавнушко, батюшка! Уж наш грех, не доглядели. Да и то сказать: на всякий час не остережешься.

К а б а н о в. Ну, что стоишь-то, беги!

Г л а ш а уходит.

И мы пойдем, Кулигин!

Уходят.

Сцена несколько времени пуста. С противоположной стороны выходит К а т е р и н а и тихо идет по сцене.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К а т е р и н а *(одна)*[1]. Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает? Мне бы только проститься с ним, а там... а там хоть умирать. За что я его в беду ввела? Ведь мне не легче от этого! Погибать бы мне одной! А то себя погубила, его погубила, себе бесчестье, ему вечный покор! Да! Себе бесчестье, ему вечный покор. *(Молчание.)* Вспомнить бы мне, что он говорил-то? Как он жалел-то меня? Какие слова-то говорил? *(Берет себя за голову.)* Не помню, все забыла. Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. Так страшно в потемках! Шум какой-то сделается, и поют, точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко, далеко от меня... Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы, да и бросили меня

---

[1] Весь монолог и все следующие сцены говорит, растягивая и повторяя слова, задумчиво и как будто в забытьи. *(Прим. автора.)*

в Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, говорят, так с тебя грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться!.. Для чего мне теперь жить, ну для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет божий не мил! — а смерть не приходит. Ты ее кличешь, а она не приходит. Что ни увижу, что ни услышу, только тут *(показывая на сердце)* больно. Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую-нибудь я и видела... Что ж: уж все равно, уж душу свою я ведь погубила. Как мне по нем скучно! Ах, как мне по нем скучно! Уж коли не увижу я тебя, так хоть услышь ты меня издали! Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно! *(Подходит к берегу и громко, во весь голос.)* Радость моя! жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! *(Плачет.)*

Входит Борис.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Катерина и Борис.

Борис *(не видя Катерины)*. Боже мой! Ведь это ее голос! Где же она? *(Оглядывается.)*

Катерина *(подбегает к нему и кидается на шею)*. Увидала-таки я тебя! *(Плачет на груди у него.)*

Молчание.

Борис. Ну, вот и поплакали вместе, привел бог.

Катерина. Ты не забыл меня?

Борис. Как забыть, что ты!

Катерина. Ах, нет, не то, не то! Ты не сердишься?

Борис. За что мне сердиться?

Катерина. Ну, прости меня. Не хотела я тебе зло сделать; да в себе не вольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила.

Борис. Полно, что ты! что ты!

Катерина. Ну, как же ты? Теперь-то ты как?

Борис. Еду.

Катерина. Куда едешь?

Борис. Далеко, Катя, в Сибирь.

Катерина. Возьми меня с собой отсюда!

Борис. Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы; я только отпро-

сился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.

К а т е р и н а. Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.

Б о р и с. Что обо мне-то толковать! Я вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?

К а т е р и н а. Мучает меня, запирает. Всем говорит и мужу говорит: «Не верьте ей, она хитрая». Все и ходят за мной целый день и смеются мне прямо в глаза. На каждом слове все тобой попрекают.

Б о р и с. А муж-то?

К а т е р и н а. То ласков, то сердится, да пьет все. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев.

Б о р и с. Тяжело тебе, Катя!

К а т е р и н а. Уж так тяжело, так тяжело, что умереть легче!

Б о р и с. Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше б бежать мне тогда!

К а т е р и н а. На беду я увидела тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о том, что будет! Вот я теперь тебя видела, этого они у меня не отымут; а больше мне ничего не надо. Только ведь мне и нужно было, увидать тебя. Вот мне теперь гораздо легче сделалось; точно гора с плеч свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня...

Б о р и с. Что ты, что ты!

К а т е р и н а. Да нет, все не то я говорю; не то я хотела сказать! Скучно мне было по тебе, вот что; ну, вот я тебя увидала.

Б о р и с. Не застали б нас здесь!

К а т е р и н а. Постой, постой! Что-то я тебе хотела сказать! Вот забыла! Что-то нужно было сказать! В голове-то все путается, не вспомню ничего.

Б о р и с. Время мне, Катя!

К а т е р и н а. Погоди, погоди!

Б о р и с. Ну, что же ты сказать-то хотела?

К а т е р и н а. Сейчас скажу. *(Подумав.)* Да! Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу.

Б о р и с. Ах, кабы знали эти люди, каково мне про-

щаться с тобой! Боже мой! Дай бог, чтоб им когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает ее и хочет уйти.)* Злодеи вы! Изверги! Эх, кабы сила!

Катерина. Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз. *(Смотрит ему в глаза.)* Ну, будет с меня! Теперь бог с тобой, поезжай. Ступай, скорее, ступай!

Борис *(отходит несколько шагов и останавливается)*. Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе.

Катерина. Ничего, ничего! Поезжай с богом.

Борис хочет подойти к ней.

Не надо, не надо, довольно!

Борис *(рыдая)*. Ну, бог с тобой! Только одного и надо у бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтобы ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.)*

Катерина. Прощай!

Борис уходит. Катерина провожает его глазами и стоит несколько времени задумавшись.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Катерина *(одна)*. Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу — все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше... Под деревцем могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие *(задумывается)*, всякие... Так тихо, так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду! Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это! Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Руки крест-накрест складывают... в гробу! Да, так... я вспомнила. А поймают меня, да воротят

домой насильно... Ах, скорей, скорей! *(Подходит к берегу. Громко.)* Друг мой! Радость моя! Прощай! *(Уходит.)*

Входят Кабанова, Кабанов, Кулигин и работник с фонарем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кабанова, Кабанов и Кулигин.

Кулигин. Говорят, здесь видели.

Кабанов. Да это верно?

Кулигин. Прямо на нее говорят.

Кабанов. Ну, слава богу, хоть живую видели-то.

Кабанова. А ты уж испугался, расплакался! Есть о чем. Не беспокойся: еще долго нам с ней маяться будет.

Кабанов. Кто ж ее знал, что она сюда пойдет! Место такое людное. Кому в голову придет здесь прятаться.

Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!

С разных сторон собирается народ с фонарями.

Один из народа. Что, нашли?

Кабанова. То-то что нет. Точно провалилась куда.

Несколько голосов. Эка притча! Вот оказия-то! И куда б ей деться!

Один из народа. Да найдется!

Другой. Как не найтись!

Третий. Гляди, сама придет.

Голос за сценой: «Эй, лодку!»

Кулигин *(с берега)*. Кто кричит? Что там?

Голос: «Женщина в воду бросилась!»
Кулигин и за ним несколько человек убегают.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же без Кулигина.

Кабанов. Батюшки, она ведь это! *(Хочет бежать.)*

Кабанова удерживает его за руку.

Маменька, пустите, смерть моя! я ее вытащу, а то так и сам... Что мне без нее!

К а б а н о в а. Не пущу, и не думай! Из-за нее да себя губить, стоит ли она того! Мало она нам страму-то наделала, еще что затеяла!

К а б а н о в. Пустите!

К а б а н о в а. Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь.

К а б а н о в *(падая на колена)*. Хоть взглянуть-то мне на нее!

К а б а н о в а. Вытащут: взглянешь.

К а б а н о в *(встает, к народу)*. Что, голубчики, не видать ли чего?

1 - й. Темно внизу-то, не видать ничего.

Шум за сценой.

2 - й. Словно кричат что-то, да ничего не разберешь.

1 - й. Да это Кулигина голос.

2 - й. Вон с фонарем по берегу ходят.

1 - й. Сюда идут. Вон и ее несут.

Н е с к о л ь к о н а р о д у возвращается.

О д и н и з в о з в р а т и в ш и х с я. Молодец Кулигин! Тут близехонько, в омуточке у берега; с огнем-то оно в воду-то далеко видно, он платье и увидал, и вытащил ее.

К а б а н о в. Жива?

Д р у г о й. Где уж жива! Высоко бросилась-то, тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, робяты, как живая! Только на виске маленькая такая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.

Кабанов бросается бежать; навстречу ему К у л и г и н с н а р о д о м несут К а т е р и н у.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т е ж е и К у л и г и н.

К у л и г и н. Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней, что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша; она теперь перед судией, который милосерднее вас! *(Кладет на землю и убегает.)*

К а б а н о в *(бросается к Катерине)*. Катя! Катя!

К а б а н о в а. Полно! Об ней и плакать-то грех!

К а б а н о в. Маменька, вы ее погубили! Вы, вы, вы...

К а б а н о в а. Что ты? Аль себя не помнишь! Забыл, с кем говоришь!

К а б а н о в. Вы ее погубили! Вы! Вы!

К а б а н о в а *(сыну)*. Ну, я с тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!

Все кланяются.

К а б а н о в. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*

Картины
из московской
жизни,
в трех
действиях

СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА
мещанка, хозяйка небольшого деревянного дома.

ОЛИНЬКА
ее дочь, портниха, 20 лет.

ПУЛЬХЕРИЯ АНДРЕВНА ГУЩИНА
жена чиновника.

ПРОХОР ГАВРИЛЫЧ ВАСЮТИН
титулярный советник.

Небольшая комната; направо окно на улицу, подле окна стол, на котором лежат разные принадлежности шитья; прямо дверь; налево за перегородкой кровать.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Олинька *(сидит у стола, шьет и поет вполголоса).*

Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна,
И сижу обнакновенно
Близ камина у огня.

Ах, житье, житье! *(Вздыхает.)* Надо опять к Ивану Яковличу сходить, погадать про судьбу свою. Прошлый раз он мне хорошо сказал. По его словам выходит, что чуть ли мне не быть барыней. А ведь что ж мудреного? нешто не бывает? На грех мастера нет. Прохор Гаврилыч ведь обещал жениться, так, может, и сдержит свое обещание. Хорошо бы было; доходы он получает — большие; можно бы тону задать. Вот только разве — семья-то у него, а то бы он женился, он на это прост. Да ведь и все они судейские-то такие. Я прежде сама дивилась, как это они, при своих чинах, да на нашей сестре женятся; а теперь, как поглядела на них, так ничего нет удивительного. Тяжелые всё да ленивые, компанию такую водят, что им хороших барышень видеть негде: ну, да и по жизни по своей они в хорошем обществе быть не могут,— ему тяжело, он должен там тяготиться. Ну, а с нами-то ему ловко, за ним ухаживают, а он и рад. Ему без няньки одного дня не прожить,— ему и платок-то носовой в карман положь, а то он забудет. Ходит только в свой суд да денег носит, а уж другим чем заняться ему лень. Приста-

ну-ко я к Прохору Гаврилычу: «Что ж, мол, ты жениться обещал», разные ему резонты подведу — авось, у нас дело-то как-нибудь и сладится. Уж как я тогда оденусь! Вкусу-то мне не занимать стать,— сама портниха. *(Поет.)*

Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна и т. д.

Татьяна Никоновна входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Олинька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Знаешь что, Олинька, я хочу тут к окну-то занавеску повесить. Оно, конечно, красота небольшая, а все как будто лучше.

Олинька. А я так думаю, что не к чему.

Татьяна Никоновна. А к тому, что прохожие всё заглядывают.

Олинька. Что ж, вы боитесь, что сглазят нас с вами?

Татьяна Никоновна. Сглазить-то не сглазят, да ты-то все у меня повесничаешь.

Олинька. Вот что! Скажите, пожалуйста!

Татьяна Никоновна. Да, толкуй тут себе, а я все вижу.

Олинька. Что же такое вы видите? Скажите, очень интересно будет послушать.

Татьяна Никоновна. А ты бы вот меньше тарантила! А то не дашь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтов найдешь. Ты только знай, что от меня ничего не скроется.

Олинька. Тем для вас больше чести: означает, что вы проницательная женщина.

Татьяна Никоновна. Да уж конечно.

Олинька. А коли вы проницательны, так, значит, вы знаете моих обожателев.

Татьяна Никоновна. Разумеется, знаю.

Олинька. А вот ошиблись; у меня их нет!

Татьяна Никоновна. Ты мне зубы-то не заговаривай.

Олинька. Ну скажите, коли знаете!

Татьяна Никоновна. Екзамент, что ли, ты мне хочешь делать? Сказано, что знаю, вот ты и мотай себе теперь на ус. Ты думаешь обмануть мать,— нет, шалишь: будь ты вдесятеро умней, и то не обманешь.

Олинька. Коли вы чувствуете себя, что вы так длинновидны, пускай это при вас и останется.

Татьяна Никоновна. Да-с, длинновидны-с; потому что вам доверия сделать нельзя-с.

Олинька. Отчего вы так воображаете обо мне, что мне нельзя сделать доверия?

Татьяна Никоновна. Потому что все вы баловницы, вот почему; а особенно которые из магазина. Вот ты долго ли в магазине-то пожила, а прыти-то в тебе сколько прибыло!

Олинька. Когда вы так гнушаетесь магазином, отдали бы меня в пансион.

Татьяна Никоновна. В какой это пансион? Из каких это доходов? Да я так думаю, что тебе это и не к лицу, нос короток! Пожалуй, сказали бы: залетела ворона в высоки хоромы.

Олинька. Не хуже бы других были, не беспокойтесь. Ну да уж теперь тосковать об этом поздно.

Татьяна Никоновна. Да, вот, сударыня, я было и забыла! Позвольте-ка вас спросить: какого вы это чиновника приучили мимо окон шляться?

Олинька. Никого я не приучала, а и запретить, чтобы по нашей улице не ходили, тоже никому нельзя. Никто нашего запрету не послушает.

Татьяна Никоновна. Что ты мне толкуешь! И без тебя я знаю, что запретить никому нельзя. Жильцы-то вон что говорят: что, как он пройдет, ты накинешь что-нибудь на плечи да и потреплешься за ним.

Олинька. Кому это нужно за мной наблюдать, я удивляюсь.

Татьяна Никоновна. А ты думала перехитрить всех? Нет, уж нынче никого не обманешь. Скажи ты мне, сударыня, с чего это ты выдумала шашни-то заводить?

Олинька. Какие шашни?

Татьяна Никоновна. Да такие же. Ты у меня смотри, я ведь гляжу, гляжу, да примусь по-своему.

Олинька. Что же вы со мной сделаете?

Татьяна Никоновна. Убью до смерти.

Олинька. Уж будто и убьете?

Татьяна Никоновна. Убью, своими руками убью. Лучше ты не живи на свете, чем срамить меня на старости лет.

Олинька. Не убьете, пожалеете.

Татьяна Никоновна. Нет, уж пощады не жди. Да я и не знаю, что с тобой сделаю, так, кажется, пополам и разорву.

Олинька. Вот страсти какие!

Татьяна Никоновна. Ты меня не серди, я с тобой не шутя говорю.

Олинька. А я думала, что вы шутите.

Татьяна Никоновна. Нисколько-таки не шучу, и не думала шутить.

Олинька. Так неужели же в самом деле вы верите нашим жильцам?

Татьяна Никоновна. Как не верить-то, когда все говорят?

Олинька. Вот прекрасно! Как же вы обо мне понимаете, после этого? Что же я такое, по-вашему? Всякий меня может поманить с улицы, а я так и пойду?

Татьяна Никоновна. Нешто я тебе такими словами говорила?

Олинька. Нет, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неосновательного поведения, зачем же вы живете со мной вместе? Для чего вам себя срамить? Я себе везде место найду, меня во всякий магазин с радостью возьмут.

Татьяна Никоновна. Что ты еще выдумываешь-то! Пущу я тебя в магазин, как же!

Олинька. Однако вы мне столько обидного наговорили, что ни одна девушка не может перенесть этого.

Татьяна Никоновна. Ты, видно, не любишь, когда тебе дело-то говорят.

Олинька. Какое дело? Нешто вы сами видели? Когда сами увидите, тогда и говорите; а до тех пор нечего вам толковать да козни разные придумывать.

Татьяна Никоновна. То-то уж я и вижу, что ты губы надула. Ну извините-с *(приседает)*, что об такой особе да смели подумать. Извините-с! Пардон, мадмуазель!

Олинька. Нечего извиняться-то! Вы всегда сначала обидите, а потом и извиняетесь.

Татьяна Никоновна. Больно уж ты что-то обидчива стала! Ну да хорошо, изволь, больше не буду об этом говорить. Теперь довольны вы?

Олинька. Даже очень довольна-с.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Только все-таки помни ты, что ежели я замечу...

О л и н ь к а. Так убьете. Я уж слышала.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Да, и убью.

О л и н ь к а. Ну хорошо, так и будем ожидать. *(Взглянув в окно.)* Ну, радуйтесь! теперь вам новостей на неделю будет.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. А что?

О л и н ь к а. Пульхерия Андревна идет.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Это наш телеграф; нам газет не нужно получать. А ведь и достается ей, бедной, за сплетни; ну, да благо невзыскательна; поругают, прогонят, она опять придет, как ни в чем не бывала. Уж я сколько раз гоняла, а вот все идет.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и П у л ь х е р и я А н д р е в н а.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Здравствуйте, здравствуйте! Сейчас нашу трактирщицу встретила, идет такая разряженная, платье новое. Я-таки довольно долго ей вслед посмотрела. К чему, думаю, к чему!.. Муж-то вон уж задолжал много, говорят. Ну, как поживаете? Иду мимо, думаю: как не зайти? ну и зашла.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Садитесь! Что новенького?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Какие у нас новости, в нашей глуши! С тоски пропадешь; словечка перемолвить не с кем.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Уж вам еще новостей не знать, так кому же! Знакомство у вас большое.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Да помилуйте, какое знакомство? Народ все грубый, обращения никакого не знает; не то чтобы что-нибудь любопытное сказать, а норовят всё, как тебя обидеть, особенно купечество. Я даже со многими перессорилась теперь за их обращение. Вот хотя бы сейчас; зашла я к соседям, они приданое шьют, старшую дочь выдают. Отдают-то за лавочника, а приданое сделали графское, ну смех да и только. Вот, говорю: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив; с нечесаной-то бородой да какое приданое возьмет». Так кабы вы посмотрели, как они все накинулись на меня, а осо-

бенно старуха,— она у них пренасмешница и преругательница, да еще какую-то злобу к нашему благородному сословию имеет. Уж чего-чего она не прибрала! Да все в насмешку, словами непристойными, да все с рифмой. Я просто со стыда сгорела, насилу выкатилась. Знаете сами, я не люблю, когда со мной дурно обращаются; я хочу себя поддержать, как прилично благородной даме. А если мне позволить всякому наступить мне на ногу, я должна буду тогда свое звание уронить.

Татьяна Никоновна. Ну, конечно, что за аказия ронять себя!

Пульхерия Андревна. Я вам скажу, что во мне гордости даже очень много. Я и в порок этого себе не ставлю, потому что моя гордость благородная. Против себе равных у меня нет гордости, а против таких людей, которые, при всем их необразовании, превозносятся своим богатством, я всегда стараюсь показать, что я много выше их.

Татьяна Никоновна. Супруг ваш здоров ли?

Пульхерия Андревна. Ах, помилуйте, что ему делается! Деревянный человек, сами знаете, чувств не имеет; значит, что же его может тревожить в жизни? Только толстеет. Наградил бог муженьком, уж нечего сказать!

Татьяна Никоновна. Ну, вам грех на мужа жаловаться, он у вас добышник хороший.

Пульхерия Андревна. Оно так, Татьяна Никоновна, только он по характеру мне совсем не пара; у меня характер легкий, увлекательный, а он сидит, точно бирюк, ни до чего ему дела нет. А все-таки мы живем не хуже людей. Возьмемте хоть соседей: у Крутолобых через день драка. У Кумашниковых в неделю раз, уж это положеное.

Татьяна Никоновна. Сохрани господи!

Пульхерия Андревна. У нас хоть, по крайней мере, этого нет. А у Чепчуговых вчера история-то вышла, мне кухарка их сегодня на рынке сказывала,— вот так уж комедия!

Татьяна Никоновна. Что же такое?

Пульхерия Андревна. Сила-то, что ли, у ней не берет, так она какую же штуку придумала: взяла да мужу вареньем и лицо и бороду и вымазала. Насилу отмыли. Ну, скажите, на что это похоже!

Татьяна Никоновна. Хорошего немного.

Пульхерия Андревна. Вот так-то нынче жены-то с мужьями живут, Татьяна Никоновна, а всё люди женятся. Да еще на ком женятся-то! норовят всё выше себя взять. Вот сейчас была я у Васютиных.

Олинька прислушивается.

Татьяна Никоновна. У каких это Васютиных?

Пульхерия Андревна. Как это вы не знаете! Да вот Ольга Ивановна его знает.

Олинька. А мне почем знать?

Пульхерия Андревна. Полноте, полноте! еще вы были в магазине, так он к вашей хозяйке ходил.

Олинька. Это белокурый такой, что ли?

Пульхерия Андревна. Да, да! Я очень хорошо знаю, что вы его знаете.

Татьяна Никоновна *(взглянув на дочь)*. Так что же такое у Васютиных-то? Расскажите.

Пульхерия Андревна. Нет, я к тому говорю, Татьяна Никоновна, как люди возмечтать-то вдруг могут о себе! Ну, положим, что им счастье, да что же уж так возноситься-то! К чему это?

Татьяна Никоновна. Да какое же им счастье-то?

Пульхерия Андревна. Да такое же и счастье, что сыну невесту нашли, и с крестьянами, видите ли, и образованную; а и крестьян-то всего тринадцать душ. Вот я и говорю, Татьяна Никоновна, как люди-то не умеют себя вести. Вы бы посмотрели только, что с старухой-то делается. Так нос подняла, что и глядеть ни на кого не хочет. Я тоже не захотела себя перед ней унизить. Мы с ней в одинаковом чине; с чего же она взяла важничать передо мной? Ну, я и ограничила ее, сколько могла. Так это, изволите ли видеть, ей не понравилось; такую подняла историю, что я даже думаю совсем оставить это знакомство. Хоть мне и не хотелось с ней ссориться, ну да что делать: язык мой — враг мой.

Олинька, видимо встревоженная, надевает шляпку и мантилью.

Татьяна Никоновна. Куда ты?

Олинька. Я, маменька, сейчас приду; мне нужно. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пульхерия Андревна и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Что это с ней сделалось? Она как будто плачет.

Пульхерия Андревна. Знаю я, все знаю; мне только при ней говорить-то не хотелось. А вы вот ничего не знаете, а еще мать! А я думала, что вам все известно, а то бы давно сказала.

Татьяна Никоновна. Как же, узнаешь от нее что-нибудь,— она так дело обделает, что концов не найдешь.

Пульхерия Андревна. Нет, Татьяна Никоновна, как ни остерегайся, а всякое дело со временем все уж откроется. Вот у богатых да у знатных такие-то пассажи бывают, так уж как стараются скрыть! а глядишь, после через людей или через кого-нибудь и выдет наружу. Ну, а уж в нашей стороне, кажется, муха не пролетит, чтобы этого не знали.

Татьяна Никоновна. Да послушайте, Пульхерия Андревна, неужели ж вы что серьезное про Олиньку знаете?

Пульхерия Андревна. Серьезное не серьезное, там как рассудите. Конечно, для девушки мараль. Только вы не подумайте, чтобы я кому-нибудь, кроме вас, сказывала. Сохрани меня господи! Ну, разумеется, Васютин обольстил ее тем, что жениться на ней обещал; мне ее товарка сказывала.

Татьяна Никоновна. Ах-ах-ах-ах-ах-ах! Да когда же, матушка, когда? *(Плачет.)*

Пульхерия Андревна. А когда она жила у хозяйки. Они и теперь видятся, и я знаю даже где.

Татьяна Никоновна. Ну, уж погоди же, теперь вернись только домой, я тебе задам! Эко наказанье с дочерьми! *(Утирает слезы.)*

Пульхерия Андревна. Уж теперь ни бранью, ни слезами дела не поправите, а вы лучше смотрите за ней хорошенько.

Татьяна Никоновна. Уж я ее теперь с глаз не спущу.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Однако прощайте! Заболталась я с вами, а мне еще надобно кой-куда зайти. Прощайте!

Целуются.

(Уходит и сейчас же возвращается.) А ведь Илья-то Ильич вчера опять пьяный домой приехал. Скажите, пожалуйста, я вас спрашиваю, когда это кончится? Ведь ты женатый человек, ведь ты обязан семейством! Коли нет в тебе стыда перед людьми-то, ты хоть бы стен посовестился! Сколько у него детей-то? Знаете? Ведь пятеро. Каково же это! Прощайте! Некогда, право некогда. *(Уходит и опять возвращается.)* А я и забыла вам сказать. Ведь я в горе.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Что за горе у вас? Может так, шутите?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Какие шутки! Этакого варварства... Этакого тиранства... Нет, этого нигде не бывает. Разве только уж в самом низком классе.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. С мужем опять что-нибудь?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Ведь уж все нынче носят бурнусы, уж все; кто же нынче не носит бурнусов?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Ну так что же?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Ну вот одна знакомая и продает бурнус, совсем новенький. Я в надежде-то на своего дурака и говорю ей: «Вы, моя милая, не беспокойте себя, не носите ни к кому, а приносите прямо ко мне, мы его у вас купим». Ну вот она его и приносит. Думаю: что делать? И себя-то поддержать перед ней хочется, да и мужа-то боюсь; ну, как он при постороннем человеке историю заведет! Подымаюсь я на хитрости. Надеваю бурнус, беру на себя равнодушный тон и говорю ему: «Поздравь меня, мой друг, с обновкой!» Я думала, что хоть после он и побранит меня, уж так и быть, и все-таки при чужом человеке не захочет уронить меня и себя.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. А что же он?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Что он? Обыкновенно что. Для него первое удовольствие жену унизить; и норовит все при посторонних людях. И шутки у него, знаете, самые неприличные. «Вы, говорит, ее

не слушайте; это она к зубам грезит; с ней, говорит, это бывает».— «Но за что же однако, позвольте вас спросить, такое тиранство?» — говорю я ему. А он мне все-таки на это ни одного слова не ответил, а продолжает говорить той даме: «Она бы, говорит, всего накупила, да купило-то у ней притупилось; а я ей на глупости денег не даю». Пошел, да и сел за свои бумаги, и двери затворил. Острамил меня, решительно острамил.

Татьяна Никоновна. Да что вы, молоденькая, что ли, рядиться-то?

Пульхерия Андревна. Это, Татьяна Никоновна, не от лет,— это бывает врожденный вкус в человеке; и от воспитания тоже много зависит.

Татьяна Никоновна. Вот и с воспитанием-то беда: затей-то много, а денег нет.

Пульхерия Андревна. Кабы вы понимали, что значит благородная дама, вы бы так не рассуждали; а то вы сами из простого звания, так вы и судите.

Татьяна Никоновна. Я сужу, как умею; а званием своим вам передо мной нечего гордиться, не много вы от меня ушли.

Пульхерия Андревна. Далеко вам до меня; я из вашего-то звания себе прислугу нанимаю.

Татьяна Никоновна. А коли так, я и не знаю, что вам за охота с простыми людьми знакомство иметь! — знались бы только с благородными.

Пульхерия Андревна. Да уж, конечно, у благородных людей совсем другие понятия, чем у вас.

Татьяна Никоновна. Ну, и ступайте к ним, а об нас уж вы не беспокойтесь; мы об вас плакать не будем.

Пульхерия Андревна. Да-с, прощайте! Много я от вас обиды видела, всё переносила; а уж этого не перенесу; после этих слов я у вас оставаться не могу.

Татьяна Никоновна. Вот и прекрасно, так и запишем. Прощайте! И вперед просим не жаловать.

Пульхерия Андревна. Я еще с ума не сошла, чтобы с вами знакомство водить после этого.

Татьяна Никоновна. И очень рады будем.

Пульхерия Андревна *(подходя к двери)*. За дочерью-то бы лучше смотрели!

Татьяна Никоновна. Не ваша печаль чужих детей качать.

Пульхерия Андревна. Уж теперь ни когой.

Татьяна Никоновна. Скажите, какая жалость!

Пульхерия Андревна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Татьяна Никоновна и потом Олинька.

Татьяна Никоновна. Какая ехидная бабенка, просто средств нет! А что ж это у меня Ольга-то делает! Убить ее мало за эти дела. Что она нейдет-то? Благо, у меня сердце-то не прошло. Беда мне с моим характером: расходится сердце, ничем не удержишь.

Олинька входит, раздевается и, плача, садится на свое место.

Ты что же это, сударыня, делаешь? Что ты об своей голове думаешь? Где была, говори сейчас?

Олинька. Ах, маменька, оставьте! Мне и без вас тошно.

Татьяна Никоновна. А! теперь тошно; а то так матери не слушаться! Вот ты и знай! Да ты еще погоди у меня!

Олинька *(встает и одевается)*. Ах, боже мой!

Татьяна Никоновна. Что ты еще выдумала? Куда это ты?

Олинька. Пойду куда глаза глядят. Что мне за охота брань-то слушать!

Татьяна Никоновна. Что ж, мне тебя хвалить, что ли, за твои дела?

Олинька. Да ведь и бранью-то ничего не поможете. Не маленькая уж я, мне не десять лет.

Татьяна Никоновна. Так что ж мне делать-то, по-твоему?

Олинька *(садясь к столу и закрывая лицо руками)*. Пожалеть меня, бедную.

Татьяна Никоновна *(несколько взволнованная)*. Да... ну что ж... ну... *(Молчит несколько времени, потом подходит к дочери, гладит ее по голове и садится подле нее.)* Ну что ж там такое у тебя случилось?

Олинька *(плача)*. Да женится.

Татьяна Никоновна. Да кто женится-то?

Олинька. Прохор Гаврилыч.

Татьяна Никоновна. Это Васютин-то?

Олинька. Ну да.

Татьяна Никоновна. Вот видишь ты, вот видишь ты, до чего вас своя-то воля доводит, что значит без присмотру-то жить!

Олинька. Опять вы за свое.

Татьяна Никоновна. Ну хорошо, ну не буду.

Олинька. Ведь как божился-то! Как клялся-то!

Татьяна Никоновна. Божился? А! скажите, пожалуйста! *(Качает головой.)*

Олинька. Как же мне было не поверить ему? Разве я тогда понимала людей?

Татьяна Никоновна. Где понимать еще! Какие года!

Олинька *(прилегая к матери)*. Зачем же он обманул меня?

Татьяна Никоновна. А ты думаешь, это ему так и пройдет? Ему самому бог счастья не даст за это. Вот посмотри, что ему это даром не пройдет.

Олинька *(взглянув в окно)*. Ах, бесстыжие глаза! Да он еще сюда идет,— хватило у него совести-то! Маменька, пускай он к нам взойдет; не идти же мне к нему на улицу со слезами-то!

Татьяна Никоновна. Ну что ж, пускай войдет.

Васютин *(в окно)*. Ольга Ивановна, можно войти?

Татьяна Никоновна. Пожалуйте, пожалуйте!

Олинька *(умоляющим голосом)*. Маменька!

Татьяна Никоновна. Что тебе еще?

Олинька *(плача)*. Маменька, мне стыдно! Уйдите! Как я стану при вас с ним говорить!

Татьяна Никоновна *(грозя пальцем)*. То-то вот ты! Ох ты мне!

Олинька. Маменька!

Татьяна Никоновна. Ну, уж право... уж! Так вот только браниться-то не хочется. *(Уходит за перегородку.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Олинька и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч *(в дверях)*. Ты, Вавила Осипыч, подожди! Я сейчас. *(Входит.)*

Олинька. Садиться милости просим.

Прохор Гаврилыч. Нет, я ведь так — на минуточку.

Олинька. Все-таки присядьте, коли вам у нас не противно. Или вы, может быть, уж теперь нас гнушаетесь.

Прохор Гаврилыч *(садясь)*. Да нет. Вот какого роду дело... Вот видишь ты, я сам, ей-богу, бы никогда, да маменька...

Олинька. Что же маменька?

Прохор Гаврилыч. Все меня бранит за мою жизнь. Говорит, что я неприлично себя веду, что совсем дома не живу.

Олинька *(чертит ножницами по столу)*. Да-с. Вам неприлично себя так вести, вы благородный, служащий...

Прохор Гаврилыч. Ну вот все и пристает ко мне, чтобы я женился, чтобы я жил семейно, как порядочному человеку следует. Ну, понимаешь, все-таки мать...

Олинька. Понимаю-с, как не понять! Так вы хотите маменькино желанье исполнить? Что ж, это очень благородно с вашей стороны, потому что старших всегда надобно уважать. Вы же так свою маменьку любите и во всем ее слушаетесь... Ну, так что же-с?

Прохор Гаврилыч. Ну вот я...

Олинька. И женитесь?

Прохор Гаврилыч. И женюсь.

Олинька. Честь имею вас поздравить! Что же, вы с большим состоянием берете?

Прохор Гаврилыч. Ну нет, не очень.

Олинька. Отчего же так? Вы, в надежде на вашу красоту, могли бы за миллионщицу посвататься. Или вы, может быть, хотите облагодетельствовать собой какую-нибудь бедную барышню? Это доказывает, что у вас доброе сердце.

Прохор Гаврилыч. Какое же тут сердце! Я для маменьки делаю. Конечно, нам с маменькой приятно, что она в пансионе воспитывалась, по-французски говорит.

Олинька. Ну да как же вам, с вашим умом и образованием, да жениться на невоспитанной! Это для вас очень низко! Вот же́нитесь, будете с своей супругой по-французски и на разных языках говорить.

Прохор Гаврилыч. Да я не умею.

Олинька. Вы притворяетесь, что не умеете. Вы не хотите только перед нами, простыми людьми, своего

образования показывать, а перед барышней вы себя покажете.

Прохор Гаврилыч. Так вот я и пришел к тебе...

Олинька. Напрасно себя беспокоили.

Прохор Гаврилыч. Надо же было сказать...

Олинька. Стоит ли вам об нас думать!

Прохор Гаврилыч. Как же не думать! Кабы я тебя не любил; а то ведь я люблю тебя.

Олинька. Очень вам благодарна за вашу любовь!

Прохор Гаврилыч. Ты на меня, Олинька, не сердись: я сам вижу, что поступаю против тебя дурно, даже можно сказать — подло.

Олинька. Коли вы так понимаете об себе, пускай это при вас и останется.

Прохор Гаврилыч. Нет, право, Олинька, я ведь не то, что другие: бросил да и знать не хочет.

Олинька. А вы что же?

Прохор Гаврилыч. Да я все, что тебе угодно. Ты мне скажи, что тебе нужно.

Олинька. Ничего мне от вас не нужно! Вы меня обижать так не смеете. Что же, я вас из-за денег любила? Я, кажется, этого виду не показывала. Я вас любила, потому что всегда знала, что вы на мне женитесь, а иначе я бы ни за что на свете...

Прохор Гаврилыч. Да мне что! Разве я бы не женился, да вот семья-то.

Олинька. Вы должны были это знать.

Прохор Гаврилыч. Как же мне с тобой быть,— я, право, уж и не знаю.

Олинька. Это довольно странно для меня. Вы свое дело сделали: обманули, насмеялись,— чего вам еще нужно? Остается поклон, да и вон. Об чем вам еще беспокоиться! Чтобы я жаловаться не пошла кому-нибудь? Так я за это не возьму миллиона от одного только от стыда.

Прохор Гаврилыч. Я не об себе беспокоюсь, а о тебе.

Олинька. А обо мне — что вам беспокоиться! Да и кто вам поверит, что вы обо мне думаете сколько-нибудь!

Прохор Гаврилыч. Нет, Олинька, ты мне этого не говори! Мне, право, совестно. Я ведь человек простой, откровенный...

Олинька. Тем лучше для вас.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Только характер у меня такой, путаный. Ведь вот я теперь буду мучиться об тебе.

О л и н ь к а. Скажите!

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Мне до смерти жаль тебя... Да ты мне позволь как-нибудь заходить к тебе хоть на минуту.

О л и н ь к а. Нет, уж увольте! Вам нужно, чтобы везде слава пошла. Я хочу замуж идти.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Так уж никогда и не видаться?

О л и н ь к а. Разумеется, никогда. Ведь, кроме страму, от вас прибыли-то никакой нет.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Ну, так простимся без сердца по крайней мере.

О л и н ь к а. Прощайте.

Васютин хочет поцеловаться.

Не для чего!

П р о х о р Г а в р и л ы ч *(после непродолжительного молчанья)*. Как же это, право... Подло, уж сам вижу, что подло! А как поправить, не знаю.

О л и н ь к а. Мне даже смешно слушать! Ступайте! Вас товарищ дожидается.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Какой это товарищ! Это купец, кутило. Вот ты какая! Тебе ничего, а я ночи не сплю. Право.

О л и н ь к а. Смотрите, не захворайте!

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Нет, пожалуйста, коли тебе что понадобится: деньги или что другое, ты сделай милость — пришли! Для меня даже это будет приятно.

О л и н ь к а. Нет, уж я лучше с голоду умру. За кого вы меня принимаете?

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Мне, право, так жалко тебя; я хоть заплакать готов.

О л и н ь к а. Это будет очень интересно!

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Позволь нынче вечерком заехать.

О л и н ь к а. С чего это вы выдумали!

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Ну, прощай! Бог с тобой! *(Уходя.)* Ты, ради бога, не сердись! А то все и будешь думать об тебе.

О л и н ь к а. Прощайте! Прощайте!

В а с ю т и н уходит; входит Т а т ь я н а Н и к о н о в н а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Олинька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Ну что? Ушел?

Олинька. Ушел. *(Садится к столу и плачет, закрывшись платком.)* Как я выдержала, это только один бог знает.

Татьяна Никоновна. Поплачь, поплачь, легче будет. Да и совсем его из головы надо выкинуть,— чтоб пусто ему было! *(Взглянув в окно.)* Ну, опять Андревна мимо идет.

Олинька. Маменька, покличьте ее.

Татьяна Никоновна. Да ведь я с ней побранилась.

Олинька. Помиритесь! Мне нужно, нужно!

Татьяна Никоновна. Помириться долго ли! *(В окно.)* Пульхерия Андревна! Пульхерия Андревна! *(Дочери.)* Идет. Благо, еще не спесива, хоть то хорошо. Только зачем она тебе понадобилась, я уж этого не придумаю.

Олинька. А вот увидите.

Пульхерия Андревна входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Олинька, Татьяна Никоновна и Пульхерия Андревна.

Татьяна Никоновна. Вы меня, пожалуйста, извините, Пульхерия Андревна; я давеча по своему глупому характеру погорячилась.

Пульхерия Андревна. Коли вы, Татьяна Никоновна, говорите это от раскаяния, так я на вас ни в каком случае сердиться не могу. Я очень снисходительна к людям,— даже больше, чем следует.

Олинька. Вы, Пульхерия Андревна, знаете, на ком Васютин женится?

Пульхерия Андревна. Еще бы мне не знать!

Олинька. Вы знакомы с ними?

Пульхерия Андревна. Нет, не знакома. Да разве долго познакомиться!

Олинька. Сделайте милость, Пульхерия Андревна, разузнайте хорошенько...

Пульхерия Андревна. Что разузнать-то?

Олинька *(плача)*. Хороша ли его невеста? Любит ли он ее? Любит ли она его?

Пульхерия Андревна. Только?

Олинька. Только! *(Садится к столу и закрывает лицо руками.)*

Татьяна Никоновна. Ну, оставимте ее. Бог с ней!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГАВРИЛА ПРОХОРЫЧ ВАСЮТИН
старик, отставной чиновник.

АНФИСА КАРПОВНА
жена его.

ПРОХОР ГАВРИЛЫЧ ВАСЮТИН
сын их.

ВАВИЛО ОСИПОВИЧ ГУСТОМЕСОВ
купец, лет 35, одет по-русски.

ОРЕСТ
лакей, лет 50, важный, неповоротливый, в засаленном сюртуке, часто вынимает табакерку с генералом.

<ПУЛЬХЕРИЯ АНДРЕВНА

ПРОСИТЕЛЬ>

Гостиная в доме Васютиных; налево дверь в кабинет Прохора Гаврилыча, прямо выходная дверь, направо во внутренние комнаты. Налево от зрителей диван, направо стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Орест *(проводит просителя в кабинет)*. Пожалуйте! Пожалуйте! Мы ваше дело знаем; ваше дело правое.

Проситель уходит.

Правда, пословица-то говорится: «У всякого плута свой расчет»! Вот хоть бы нашего барина взять! Ума у него нет. С судейскими со своими или и с нашим братом хорошего разговору от него нет, умного *(нюхает табак)*, чтобы стоило внимания. Лепечет много языком-то, а ничего не складно, безо всякого рассудка, что к месту, что не к месту — так, как шелаш какой. А вот с просителями так он свое дело знает,— такой тон держит, что любо на него смотреть. Строгость на себя напустит, точно в меланхолии в какой

сделается и язык-то у него не ворочается; так проситель-то вздыхает, вздыхает, пот его прошибет; выйдет из кабинета-то, точно из бани; и шинель-то станет надевать — вздыхает, и по двору-то идет — все вздыхает да оглядывается. А с кем так и лаской — и по плечу треплет и по животу гладит. Вот эту-то политику он знает! Нужды нет, что не умен, а на эти дела тонок. Ну и живет себе, как сыр в масле катается. Так-то вот и наш брат,— всякий должен себя понимать! Кто что умеет, то и делай, а не за свое дело не берись! Я теперь... я все могу, а в хороший дом я служить не пойду. Потому, во-первых — лета, во-вторых — болезнь во мне: в ногах лом стоит; опять же по временам слабость у меня к этой дряни *(плюет)*, к этому проклятому вину. В хорошем доме ума не нужно, там ловкость, и чтобы в струне человек был; потому завсегда ты на виду. А мне теперь нужен покой! Мне, по моему характеру, только и жить у подьячих! Ни одежи от тебя не требуется, ни чистоты,— знай только обращение с просителями. А коли я умею обойтись с человеком, так мне и жаловаться не нужно. У барина свой доход, а у меня свой; потому в моей власти допустить к барину и не допустить. И ежели бы я не был подвержен, по своей слабости, этой временной болезни дня на три и на четыре в месяц, большие бы у меня капиталы были; по здешнему дому оно, конечно, сокращать себя не стоит,— удовольствия этого лишать; да только вот что: как наберешься этого угару, так много у тебя зря денег выходит.

Входит Анфиса Карповна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Орест и Анфиса Карповна.

Анфиса Карповна. Есть кто-нибудь у барина?

Орест. Проситель сидит.

Анфиса Карповна. Купец или благородный?

Орест. По-немецки, а должно быть купец.

Анфиса Карповна. Я тебе, Орест, давно говорила, чтобы ты с купцов денег не просил, а ты все-таки своей привычки не оставляешь. Я ведь все вижу. В передней помешают тебе, так ты за ворота выскочишь да там пристаешь, словно нищий.

О р е с т. Эх, сударыня!

А н ф и с а   К а р п о в н а. Что: эх, сударыня? И для нас это срам; подумают, что вы у нас нужду терпите.

О р е с т. Эх, барыня! Из чего служить-то?

А н ф и с а   К а р п о в н а. Ты жалованье получаешь.

О р е с т. Какое жалованье, сударыня! Стоит ли оно внимания!

А н ф и с а   К а р п о в н а. Так зачем же ты живешь, коли ты недоволен жалованьем?

О р е с т. Эх, сударыня! Затем и живу, что доход есть. Уж это от начала вселенной заведено, что у служащего человека камердинер свой доход имеет. Ну, а которые из просителей этого обыкновения не имеют, тем и напомнишь.

А н ф и с а   К а р п о в н а. Да все-таки это мараль.

О р е с т. Никакой, сударыня, марали нет.

А н ф и с а   К а р п о в н а. А я вот Прошеньке скажу, чтоб он тебе запретил.

О р е с т. Никогда они мне не запретят, по тому самому, что они тоже доходом живут, жалованье тоже небольшое получают. Они могут рассуждать правильно, сообразно с рассудком.

А н ф и с а   К а р п о в н а. А я, по-твоему, неправильно рассуждаю, несообразно с рассудком? Как ты смеешь так говорить со мной?

О р е с т. Вот что, сударыня, извините вы меня: всякий свое дело знает. Одно дело вы можете рассудить, а другое дело мужского рассудка требует. Как же вы говорите, чтобы не брать! Господи боже мой! Да с чем это сообразно! Ну, положим, не я у вас буду служить, другой будет; так нешто он не станет брать? тоже станет; женщину заставьте служить, и та станет брать. Коли есть такое положение, чтобы брать деньги с просителей, как же вы мне приказываете не брать? Для чего же мне от своего счастья отказываться? Это даже смешно слушать!

А н ф и с а   К а р п о в н а. Ты такой грубиян, такой грубиян стал, что просто терпенья нет с тобой! Я непременно на тебя сыну пожалуюсь.

О р е с т. Эх, сударыня! Какой же я грубиян! А что, конечно, которое дело до вас не касающее, так скажешь...

А н ф и с а   К а р п о в н а. Как не касающее? Все, что

до сына касается, и до меня касается, потому что я всячески стараюсь его хоть немножко облагородить.

О р е с т. Все это я, сударыня, понимаю-с, только никак нельзя.

А н ф и с а К а р п о в н а. Отчего же нельзя? Вот он теперь женится на барышне образованной, так совсем другой порядок в доме пойдет.

О р е с т. Никак этого нельзя-с.

А н ф и с а К а р п о в н а. Как нельзя? Вот ты увидишь, что очень можно.

О р е с т. Разве службу оставят.

А н ф и с а К а р п о в н а. И службу оставлять не станет, только деликатнее вести себя будет, уж и людей таких держать будет...

О р е с т. Каких хотите, сударыня, держите, все это одно. Хоть теперь барин и женится, да ежели не оставит службу, так круг знакомства у них все тот же будет, всё те же служащие да купечество, та же самая канитель, что и теперь; так и люди, глядя на господ, себя в строгости содержать не будут. И брать деньги тоже будут, потому что купцы даже любят, когда с них деньги берут. Если с него не взять, так он опасается,— уж у него такой развязности в разговоре нет, точно он чего боится. С купечеством тоже надо уметь обойтись! А что насчет благородства, так этак всякий бы, пожалуй, захотел...

А н ф и с а К а р п о в н а. Ну уж молчи, пожалуйста, когда тебя не спрашивают.

О р е с т. Я замолчу; только уж видно, сударыня, выше лба глаза не растут.

А н ф и с а К а р п о в н а. Где твое место? Твое место в передней! Что же ты здесь толчешься! В комнаты ты должен войти, когда тебя позовут...

О р е с т. Известно, в передней; потому хам. А тоже и господа господам рознь, и потому только одно это название, что он господин, а по делу совсем напротив выходит. Хоть бы теперь барин жениться хочет...

А н ф и с а К а р п о в н а. Я тебе сказала, чтоб ты шел в переднюю.

О р е с т. Я пойду. Эх, сударыня! Говорить-то только не приходится, а то бы я сказал. Тоже смыслим койчто.— Надо жену-то по себе брать. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анфиса Карповна и потом Гаврило Прохорыч.

Анфиса Карповна. Какое наказание с этим народом! Сколько уж у нас людей перебывало, все такие же. Сначала недели две поживет ничего, а потом и начнет грубить, либо пить. Конечно, всякий дом хозяевами держится. А у нас какие хозяева-то! Только сердце болит, на них глядя. С сыном вот никак не соображу; молодой еще человек, а как себя неприлично держит. Знакомства-то, что ли, у него нет, заняться-то ему не у кого? Или уж в отца, что ли, уродился? тоже, знать, пути не будет! Хоть бы мне уж женить-то его поскорее! Отец от безобразной жизни уж совсем рассудок потерял. Ну вот люди-то, глядя на них, и меня не уважают. Всю жизнь я с мужем-то маялась, авось хоть сын порадует чем-нибудь! Хоть бы месяц пожить как следует; кажется, для меня это дороже бы всего на свете. А и мне еще люди завидуют, что сын много денег достает. Бог с ними и с деньгами, только б жил-то поскромнее. Есть же такие счастливые, что живут да только радуются на детей-то, а я вот...

Входит Гаврило Прохорыч.

Вот еще давно не видались. Зачем это? Не слыхать ли?

Гаврило Прохорыч *(приседает, как барышня — и шепотом)*. За газетами-с. *(Берет со стола газеты.)*

Анфиса Карповна. Сидели бы наверху у себя. Кому нужно на вас глядеть-то! Тут, чай, люди ходят. Сына-то только стыдите!

Гаврило Прохорыч. Сына стыдите! У! у! *(Делает гримасы.)*

Анфиса Карповна. Ну, пожалуйста, не паясничайте, я не люблю этого.

Гаврило Прохорыч *(злобно)*. Кого я могу стыдить! Я титулярный советник.

Анфиса Карповна. Важное кушанье!

Гаврило Прохорыч. Да-с! Дослужитесь подите! Что такое титулярный советник? Капитан-с! А! Какова штука-то! Вот и думайте, как знаете!

Анфиса Карповна. Что думать-то! Думать-то не-

чего! Много вашего брата по кабакам-то шляется. Знаю я одно, что тридцать лет с вами маялась, да и теперь маюсь.

Гаврило Прохорыч. Ну, не очень гневайтесь, уйду-с. А то сына стыдить! Сам он меня стыдит. *(Уходит, потом возвращается и плачет.)*

Анфиса Карповна. Это что еще?

Гаврило Прохорыч. Прошенька скоро женится.

Анфиса Карповна. Ну так что же?

Гаврило Прохорыч. Жалко Прошеньку.

Анфиса Карповна. Ведь это не вы плачете; это вино в вас плачет. Плачут-то, когда дочерей отдают, а когда сыновей женят, так радуются. Вы забыли.

Гаврило Прохорыч. Нет, так что-то чувствительно стало; а то я ничего,— я радуюсь. Он ко мне почтителен; он меня, старика, уважает, к слабостям моим нисходит.

Анфиса Карповна. Вы и его-то этим слабостям выучили. А вы бы вот оделись да нынче с сыном к невесте съездили,— благо, вы в своем виде, а то ведь не скоро этого дождешься.

Гаврило Прохорыч. Хорошо, я пойду оденусь.

Анфиса Карповна. Да ведите-то себя приличней.

Гаврило Прохорыч. Что вы меня учите! Я знаю, как себя вести. Как ведут себя благородные люди, так и я себя стану вести. *(Уходит.)*

Анфиса Карповна. Как же! Похоже на то, что ты будешь вести себя, как благородные люди ведут! Ну, да с старика-то не взыщут.

Входит купец с кульком в руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анфиса Карповна и купец.

Анфиса Карповна. А, Вавило Осипыч! — Вы к Прошеньке?

Купец. Точно так-с.

Анфиса Карповна. Он занят теперь.

Купец. Подождем-с.

Анфиса Карповна. Садитесь, пожалуйста!

Купец. Покорнейше благодарим-с. Не извольте беспокоиться-с. *(Садится.)*

Анфиса Карповна. Что это такое у вас? Вино, должно быть?

Купец. Оно самое-с.

Анфиса Карповна. Что это вы все вино носите?

Купец. Потому завсегда требуется-с.

Анфиса Карповна. Да уж часто вы его носите-то, да и помногу.

Купец. Изойдет-с. Для дому вещь необходимая-с.

Анфиса Карповна. Что ваше дело?

Купец. Прикончено-с.

Анфиса Карповна. Что ж, вы довольны?

Купец. Не то что довольны, а так надобно сказать, что должны век бога молить за Прохора Гаврилыча. За это дело я теперича, кажись, по гроб моей жизни все, что только им угодно. Скажи они мне: Вавила Осипыч!.. меня, сударыня, Вавила Осипыч зовут... достань птичьего молока! Всю вселенную пешком сбойду, а уж достану.

Анфиса Карповна. Да, ему многие благодарны.

Купец. Отменный человек-с.

Анфиса Карповна. Его купечество очень любит.

Купец. Нельзя не любить-с; потому, первое дело, человек деловой-с, всякому нужный; а второе дело, невзыскательны-с. С нашим братом компанию водит, все равно что с равным, безобразия нашего не гнушается; даже я так замечаю, что им очень нравится. Ну и выпить ежели, так как у нас этот порядок заведен,— я вам доложу, сударыня, мы временем бываем довольно безобразны, так нам для этого нужна компания,— так они никогда от этого не прочь, а завсегда с нами по душе. И не то, чтоб отставать или компанию ломать, а могут посидеть вплотную и со всеми равняются. Да другой и из наших против них не выстоит. Ну и значит, человек стоит уважения. Ведь и у нас тоже не всякого полюбят, а с разбором-с, кто чего стоит.

Анфиса Карповна. Только уж он много пьет-то с вами.

Купец. Нет, что за много-с! Соразмерно пьют.

Анфиса Карповна. Нет, уж не очень соразмерно.

Купец. Оно точно, кто редко, так, может быть, и много покажется-с; а ежели пить постепенно, вот как мы-с, так оно ничего.— На все привычка-с.

Анфиса Карповна. Знаете ли, Вавила Осипыч, я его женить собираюсь.

Купец. Оченно прекрасно-с.

Анфиса Карповна. Он теперь в таких летах.

Купец. В самом разе-с.

Анфиса Карповна. Ну, а я стара стала; ведь не знаешь, когда бог пó душу пошлет, так хочется его устроить при жизни. Познакомилась я недавно с одной барыней, у ней дочка только что из пансиона вышла; поразговорились мы с ней, я ей сына отрекомендовала; так у нас дело и пошло. Я ей как-то и намекнула, что вот бы, мол, хорошо породниться! «Я, говорит, не прочь! Как дочери понравится!» Ну, уж это, значит, почти кончено дело. Долго ли девушке понравиться? Она еще и людей-то не видала. А с состоянием, и деньги есть и имение.

Купец. Самое настоящее дело-с.

Анфиса Карповна. Я вам скажу, Вавила Осипыч, я никак не думала, что он такой дельный будет. Ученье ему не давалось,— понятия ни к чему не было, так что через великую силу мы его грамоте выучили,— больших хлопот нам это стоило. Ну, а уж в гимназии-то совсем ничего не мог понять; так из второго класса и взяли. К этому же времени отец-то его совсем ослаб. Столько я горя перенесла тогда, просто выразить вам не могу! Определила я его в суд, тут у него вдруг понятие и открылось. Что дальше, то все лучше; да вот теперь всю семью и кормит. Да еще что говорит! Я, говорит, маменька, службой не дорожу; я и без службы, только частными делами, состояние себе составлю. Вот какое понятие ему вдруг открылось!

Купец. И теперича их работа самая дорогая и самая тяжелая; потому что все надо мозгами шевелить. Без мозгов, я так полагаю, ничего не сделаешь.

Входят из кабинета Прохор Гаврилыч и проситель. Купец встает.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Прохор Гаврилыч и проситель.

Прохор Гаврилыч *(провожая просителя до двери)*. Я вам сказал, что хлопотать буду; ну, а там, что бог даст.

Проситель. Сделайте милость, Прохор Гаврилыч! *(Уходит в дверь.)*

Прохор Гаврилыч *(в дверь)*. Хлопотать я буду, уж я вам сказал; а там, как взглянут.

Проситель *(из передней)*. Уж похлопочите, Прохор Гаврилыч. Прощенья просим!

Прохор Гаврилыч. Прощайте! *(К купцу.)* А, друг! Что это ты, вина принес?

Купец. Особенного.

Прохор Гаврилыч. Ну вот спасибо! Так попробовать надо. Орест!

Входит Орест.

Откупори да подай рюмок!

Орест берет кулек.

Купец. Ты двух сортов откупори. А те, что с долгим горлышком-то, для другого разу оставь. Да постой, я покажу тебе.

Купец и Орест уходят.

Анфиса Карповна. Ты хоть к невесте хотел ехать.

Прохор Гаврилыч. Я и поеду.

Анфиса Карповна. А зачем же вино-то пить?

Прохор Гаврилыч. Так, маменька, что-то я нынче в расположении. Все сидел за делом, так хочется голову освежить, чтобы фантазия была.

Входят купец и Орест с бутылками и рюмками на подносе и ставят его на стол.

Купец *(Оресту)*. А ты, братец, поглядывай! Коли видишь, что которая опросталась, ты и перемени, свеженькую подставь. Не все же тебя кликать.

Орест уходит.

Прохор Гаврилыч *(садится)*. Ну вот теперь сядем да потолкуем.

Купец. Сейчас-с! *(Наливает вино в рюмки и подносит Прохору Гаврилычу.)* Пожалуйте-с!

Прохор Гаврилыч берет и пьет.

Вас, сударыня, прикажете просить?

Анфиса Карповна. Я его и видеть-то не могу.

К у п е ц. Как будет угодно; неволить не смею-с. Вот теперь сам выпью-с. *(Наливает себе.)* Желаю вам быть здоровым, сударыня!

А н ф и с а К а р п о в н а. Покорно благодарю! Кушайте на здоровье.

К у п е ц *(пьет)*. Теперь разве вдруг по другой? А то с одной-то не разберешь.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Наливай!

Купец наливает.

А н ф и с а К а р п о в н а. Будет вам!

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Полноте, маменька! Что мы, дети, что ли! Я себя знаю.

К у п е ц *(подавая рюмки)*. Пожалуйте-с! Честь имею поздравить! *(Пьет сам.)*

П р о х о р Г а в р и л ы ч. С чем?

К у п е ц. Как с чем! Да нынче что?

П р о х о р Г а в р и л ы ч. А что?

К у п е ц. Первая пятница на этой неделе. Ну вот и честь имеем поздравить.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Ах ты, голова! Маменька, каков молодец!

А н ф и с а К а р п о в н а. Поезжай ты поскорее!

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Маменька, я понимаю. Вот сейчас и поедем.

К у п е ц. Прикажете?

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Наливай!

А н ф и с а К а р п о в н а. Этому конца не будет!

Прохор Гаврилыч и купец пьют.

П р о х о р Г а в р и л ы ч *(встает и подходит к матери; в это время купец еще наливает по рюмке)*. Маменька, я вижу, что вы обо мне заботитесь, и чувствую это. Пожалуйте ручку! *(Целует руку.)* Я грязную жизнь веду,— я это понимаю; какой же матери это приятно! Ну, я и оставлю. Женюсь и оставлю. Вам не угодно, чтобы я такую жизнь вел, ну я и оставлю. *(Опять целует руку.)* Я для вас все, что вам угодно.

А н ф и с а К а р п о в н а. Дай-то бог!

П р о х о р Г а в р и л ы ч *(подходит к столу и пьет)*. Я уж сказал, маменька! У меня сказано — сделано.

К у п е ц. А я тебя, барин, вчера долго ждал. Я с вашим сынком теперь, сударыня, все равно, что неизменное копье: куда он, туда и я. Вот уж другую неделю

с ним путаемся, расстаться не могу, всё и ездим вместе. Коли он по делу куда зайдет, я на дрожках подожду либо в трактире посижу. А глядишь, к вечеру-то кулечек захватим да и за город махнем, на травке полежать. Под кустиком-то оно приятно.

Прохор Гаврилыч. Мы и нынче с тобой вместе поедем.

Анфиса Карповна. Ты с отцом поедешь.

Прохор Гаврилыч. Ну, что ж! Он за нами поедет. Ты подожди в трактире! Я оттуда скоро. Что там долго-то делать? Посидим, поговорим, да и кончено дело. Там ведь сухо; кроме чаю, ничем не попотчуют. Да и разговаривать-то с ними, из пустого в порожнее пересыпать, тоже скука возьмет.

Купец. Канитель... *(Наливает себе и Прохору Гаврилычу.)*

Прохор Гаврилыч *(пьет)*. Уж именно, брат, канитель.

Анфиса Карповна *(умоляющим голосом)*. Проша!

Прохор Гаврилыч. Маменька, я чувствую. Что у меня — каменное, что ли, сердце-то! Я ведь понимаю, что вам эта жизнь не нравится,— и мне она не нравится. Вы находите, что грязно,— и я вижу, что грязно. Вижу, вижу, маменька. Вам не нравится, ну я и оставлю: я для вас это удовольствие сделаю.

Анфиса Карповна. Что же не оставляешь?

Прохор Гаврилыч. Маменька, оставлю. Уж будьте покойны, оставлю, и в рот не буду брать.

Купец *(наливая)*. Зачем совсем оставлять!

Прохор Гаврилыч *(берет и пьет)*. Нет, я, брат, совсем оставлю. Только, маменька, нельзя же вдруг.

Купец. Даже вред может быть от этого.

Анфиса Карповна. Как же ты к невесте-то поедешь?

Прохор Гаврилыч. Маменька, я себя знаю. Надобно так к невесте ехать,— не то чтобы пьян, это уж скверно, а чтобы фантазия в голове была. Что я без фантазии буду с ними, маменька, разговаривать? Об чем? Кабы я знал что-нибудь, или читал книги какие, тогда бы другое дело. Значит, мне фантазия и нужна.

Купец. С фантазией лучше.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Я без фантазии с женщинами никогда и не разговариваю; мне как-то робко подойти. А как есть маленькая фантазия, так откуда смелость возьмется!

Входит О р е с т, *ставит бутылку на стол, а пустую уносит.*

А н ф и с а К а р п о в н а. Сходи наверх, скажи барину, что пора ехать.

О р е с т. Они не могут.

А н ф и с а К а р п о в н а. Отчего?

О р е с т. Я из передней-то отлучился не надолго, а они унесли бутылку да, должно быть, ее и кончили.

А н ф и с а К а р п о в н а. Тиранит он меня! Хоть вы-то поезжайте.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Мы, маменька, сейчас. Ну-ка, на дорожку. Орест, вели лошадь подавать!

О р е с т *уходит.*

К у п е ц. И по закону следует. *(Наливает.)*

П р о х о р Г а в р и л ы ч. А где такой закон? Где он написан? *(Пьет.)*

К у п е ц. Да хоть он и не написан, а всякий его исполняет.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Ну, какие же у тебя планы? Куда мы с тобой нынче вечером?

К у п е ц. А какие планы? Планы у меня вот какие: перво-наперво в Марьину рощу съездить засветло; а оттуда по дороге в Ельдораду.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Ну, хорошо. Я недолго пробуду, часу до девятого, не больше.

А н ф и с а К а р п о в н а. Да поезжайте! Лошадь дожидается.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Сейчас, маменька. Надобно же столковаться-то; а то там рассуждай после, куда ехать, а время-то идет.

К у п е ц. Это настоящее дело-с.

П р о х о р Г а в р и л ы ч *(встает)*. Ну, поедем! Прощайте, маменька! *(Целует руку.)* Видите, маменька, я еду. Я для вас все... Что прикажете, то я и сделаю. Вот теперь я себя чувствую, что я могу разговаривать. Я теперь об чем хотите... А без фантазии просто смерть, рот боишься разинуть. *(Нагибается к матери.)* А вы, маменька, не беспокойтесь насчет того; там все кончено. Ну, то есть насчет Олиньки... Вам Пульхерия Андревна насплетничала, вы огорчились

этим; я сейчас же понял, что вам это неприятно, ну, и кончил все. Я из вашего лица заметил, что вам неприятно, ну, я и кончил.

Анфиса Карповна. Ну, и хорошо.

Прохор Гаврилыч. Кончил, кончил. Прощайте! *(Целует руку.)*

Купец. А посошок на дорогу. *(Наливает.)*

Анфиса Карповна. Какой еще посошок?

Купец. Уж без этого нельзя-с.

Пьют.

Прохор Гаврилыч *(взяв шляпу)*. Маменька, прощайте!

Купец. Прощения просим, сударыня! Вы нас извините; потому, как собственно, мы из расположения, а не с тем, чтобы что-нибудь дурное. *(Кланяется.)*

Прохор Гаврилыч *(уходя)*. А вы, маменька, насчет того не беспокойтесь. Я вам сказал,— так оно и есть. Кончил я все,— кончил.

Уходят.

Анфиса Карповна. Ну, слава богу, уехали! Ну вот надо бы прогнать этого купца, а как его прогонишь? нужный человек! Что делать, должность такая. Она бы служба-то и нетрудна, да вот этим-то уж очень тяжела,— знакомством-то. Тяжелая служба! Ты его стараешься, как на путь наставить; а по службе-то он должен вот этакую компанию водить. Не водить компанию, не иметь доходу; а водиться с ними, так сопьешься с кругу. Вот тут, как хочешь, и раскидывай умом. А матери-то и то больно, и другое не сладко. Деньги-то, знать, никому даром не достаются.

Входит Пульхерия Андревна.

Это еще какими судьбами!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анфиса Карповна и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Вы не удивляйтесь! Хоть мы с вами и поссорились, но я все-таки всегда желала вам добра, и никогда вас не могу променять на мещанку какую-нибудь. А теперь выходит такое

дело, что я должна вас предупредить; потому я и думаю, что лучше мне позабыть все, что между нами было. По крайней мере, вы из слов моих увидите, сколько во мне благородства против вас.

Анфиса Карповна. Покорно вас благодарю.

Пульхерия Андревна. Потому что, как бы мы с вами ни ссорились, а вы всегда дороже для меня, по своему званию, какой-нибудь мещанки.

Анфиса Карповна. В чем дело-то? Я вас не пойму.

Пульхерия Андревна. Дело в том, Анфиса Карповна, что есть люди, которые, при всем своем ничтожестве, много об себе думают и много себе позволяют. Но по глупости своей, которая в их круге врожденная, не могут никак скрыть своих хитростей.

Анфиса Карповна. Вы уж очень мудрено говорите.

Пульхерия Андревна. Кажется, вам бы можно понять; теперь же у вас такое дело, которое требует с вашей стороны осторожности и оглядки.

Анфиса Карповна. Что же такое за дело? Что я хочу сына женить, так это дело очень обыкновенное.

Пульхерия Андревна. А ежели есть люди, которым это очень не нравится?

Анфиса Карповна. А мне-то что за дело!

Пульхерия Андревна. Ежели бы не было дела, разве бы я к вам пришла?

Анфиса Карповна. Пустяки какие-нибудь.

Пульхерия Андревна. Хотя ваши слова для меня и обидны, но я вам скажу, что не пустяки. Если б пустяки, я бы к вам не пошла. Я должна была переломить себя, чтобы идти к вам; а ежели бы были пустяки, для чего бы мне переламывать себя и идти к вам?

Анфиса Карповна. Ну так скажите, коли знаете что.

Пульхерия Андревна. Разумеется, знаю.

Анфиса Карповна. Что же такое?

Пульхерия Андревна. Я вам говорила про одну девушку.

Анфиса Карповна. Помню, помню.

Пульхерия Андревна. Ну так они хотят помешать вашему намерению. Я у них нынче была,

они мне об этом говорили. Я притворилась, что их слушаю; но, вы сами можете понять, могу ли я стерпеть, чтобы какая-нибудь мещанка сделала такую неприятность благородной даме? Они воображают, что я могу быть с ними заодно; но они очень ошибаются.

Анфиса Карповна. Да чем же они могут помешать?

Пульхерия Андревна. Ах, боже мой! Точно вы не понимаете! Пойдут к невесте в дом, ну и расскажут все.

Анфиса Карповна. Да что же все-то?

Пульхерия Андревна. Какого Прохор Гаврилыч поведения, и разные другие поступки.

Анфиса Карповна. Да кто же им поверит?

Пульхерия Андревна. Отчего же не поверить?

Анфиса Карповна. Да стоит только взглянуть на моего сына, чтоб не поверить никаким сплетням. А они его часто видят; вот он и теперь к ним поехал.

Пульхерия Андревна. Что же уж вы так очень высокого мнения об вашем сыне?

Анфиса Карповна. Да если он этого стоит.

Пульхерия Андревна. Ну, а насчет крепких напитков-то, что вы скажете?

Анфиса Карповна. Кто же его видел пьяным?

Пульхерия Андревна. Вот прекрасно! Да я думаю, все видали. Трезвым-то редко видят, а пьяным-то чуть не каждый день.

Анфиса Карповна. Так затем-то вы пришли, чтоб моего сына мне в глаза позорить?

Пульхерия Андревна. Хотя и не затем, но что же делать, когда вы так ослеплены? Должна же я вам выразить то, что все об нем знают.

Анфиса Карповна. Вы можете это про себя знать, а я вперед этого слушать не желаю и покорнейше вас прошу...

Пульхерия Андревна *(встает)*. Не беспокойтесь, не беспокойтесь! Я уж давно сама себя внутренно проклинаю, что мне пришло в мысль зайти к вам. Я хотела для вашей пользы...

Анфиса Карповна. Да сделайте одолжение, не нужно...

Пульхерия Андревна. И если же после этого когда-нибудь нога моя...

Анфиса Карповна. Очень, очень будем рады.

Пульхерия Андревна *(уходя)*. Не пришлось бы и мне кланяться.

Анфиса Карповна *(провожая ее)*. Не дай-то господи!

Пульхерия Андревна *(из двери)*. Осыпь меня, кажется, золотом, так уж я к вам никогда! *(Скрывается.)*

Анфиса Карповна *(в дверях)*. Я молебен отслужу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

ОЛИНЬКА.

ПУЛЬХЕРИЯ АНДРЕВНА.

ПРОХОР ГАВРИЛЫЧ.

ВАВИЛА ОСИПЫЧ.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Татьяна Никоновна и Олинька (сидят за столом и шьют.)

Олинька. Нейдет что-то наша Пульхерия Андревна.

Татьяна Никоновна. Мало ли у ней дела-то! У ней ведь опека большая, не одни мы с тобой. Разве скоро всю нашу Полестину-то обходишь! А она уж как вышла из дому, так всех знакомых навестит.

Олинька. Уж она, чай, все разнюхала; хоть бы рассказала пришла.

Татьяна Никоновна. Что-то ты уж очень слободно разговариваешь! А у самой, чай, кошки на сердце скребут...

Олинька. Ровнехонько-таки ничего.

Татьяна Никоновна *(взглянув в лицо Олиньки)*. Поверю я тебе, как же! Так только куражишь себя.

Олинька. Да, пожалуй, не верьте; мне-то какая надобность! Вы, может быть, потому так заключаете, что я вчера плакала?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. А хоть бы и потому.

О л и н ь к а. Так это только одна глупость была с моей стороны. Не стоит внимания жалеть-то его. Вообразила я себе сдуру-то, что он на мне женится; оттого и обидно стало. А так-то невелика находка! Хуже-то мудрено найти, а лучше-то хоть сейчас.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Ты что еще придумываешь? Смотри у меня!

О л и н ь к а. Ничего. Не беспокойтесь!

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. То-то ничего! Я тебя замуж выдам и таки скорёхонько.

О л и н ь к а. За кого это, позвольте спросить? За мастерового за какого-нибудь?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. А хоть бы и за мастерового.

О л и н ь к а. Нет, уж увольте, сделайте милость. Идти ли, нет ли — за благородного; а то так и не надо.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Мало бы ты чего захотела! А коли благородных-то не припасено для тебя...

О л и н ь к а. Не припасено, так и не надо. Проживу и так.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Да я-то не хочу, чтоб ты так жила да ветреничала.

О л и н ь к а. Все будет по-вашему, только не горячитесь, пожалуйста! Нарисуйте мне рисунок, как жить; так точно я и буду.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Рисовать нечего. Потому что узоры не мудреные.

Входит П у л ь х е р и я А н д р е в н а и садится.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и П у л ь х е р и я А н д р е в н а.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Ну, можете себе представить, как я узнала...

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Здравствуйте!

О л и н ь к а. Как дела?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. А вот сейчас расскажу все по порядку. Ну, вот-с: ведь была я там, у невесты-то...

О л и н ь к а. Были?

Пульхерия Андревна. Была. Даже только сейчас от них.

Олинька. Каким же это манером?

Пульхерия Андревна. А вот каким: у соседки нашей продается шаль, презент,— понимаете ли. Так как много ей этих презентов делают, так она половину продает. Ну вот подхватила я эту шаль в охапку, да и марш к Шишанчиковым. Шишанчиковы им фамилия-то. Направляю это туда стопы свои да и думаю: приду будто продавать, а там распущу разговор, не выгонят же. Мне только бы в дом взойти! Так точно и случилось! Прихожу, докладывают; выходит ко мне сама старуха, женщина солидная, обстоятельная... Начинаю разговор: я, говорю, сама благородная дама, наслышана об вас, что вы дочку отдаете, так приятно будет для меня услужить вам. Поверьте, говорю, что я не из интересу, а собственно для вас; ну и пошла дальше да больше, уж я за словом в карман не полезу. Просят меня кофеем, я располагаюсь, как дома. Только мне старуха-то и говорит: «Это точно, я было, говорит, дочь просватала, да теперь у нас, кажется, это дело должно разойтись».

Татьяна Никоновна и Олинька. Как так? Что вы говорите?

Пульхерия Андревна. А вот слушайте! «Вчерашний, говорит, день нас жених в большое сомнение ввел». А он, знаете ли, какую штуку отколол! Поехал из дому-то уж выпивши, с приятелем со своим, с подрядчиком, да, видно, им мало показалось, так они еще по разным местам заезжали. Где уж они там плутали, это неизвестно; только к невесте-то он явился уж часу в одиннадцатом и все с этим с Вавилой Осипычем. Ну, можете себе представить, каковы соколы налетели! Старуха-то мне и говорит: «Поглядим на них с дочерью, поглядим, да выдем, говорит, в другую комнату; потолкуем, потолкуем, да опять придем, поглядим; да опять выдем, потолкуем. Нет, видим, дело не годится, так и ушли к себе и легли спать; как уж они уехали, и не знаем». Ну уж, Татьяна Никоновна, и напела же я им! Я, говорю, ваши речи слушала, теперь послушайте моих! Да уж и отчитала его, друга милого! Дивлюсь, откуда только у меня слова брались! Такие слова,

самые поразительные! Они тут же при мне написали записку с отказом и послали ему с человеком. Сегодня суббота, он в присутствие не ходит, так уж теперь он ее и получил давно; я-таки у них еще с полчаса после этого посидела.

Татьяна Никоновна. Теперь ведь, гляди, сюда придет.

Олинька. Сегодня же придет, уж я его знаю. *(Задумывается.)*

Татьяна Никоновна. Что ты задумалась?

Олинька. Да надобно язвительных слов побольше придумать.

Татьяна Никоновна. Придумывай, придумывай! И я после подбавлю. Что, дурочка, рада, небось?

Олинька. Да разумеется, рада; только погодите, маменька, не мешайте! Слова-то в голове, одно за другим, так и вьются клубком, только бы не забыть.

Пульхерия Андревна. А уж как я довольна, Татьяна Никоновна, что им форс-то сбили! А то бы с ними и не сговорил. Теперь спеси-то у них поубудет вершка на два.

Татьяна Никоновна *(взглянув в окно)*. Никак едет? Он! Он! Да и с купцом.

Пульхерия Андревна. Вы меня спрячьте куда-нибудь! Не хотелось бы мне, чтоб он меня здесь видел.

Татьяна Никоновна. А вот пожалуйте за перегородку!

Пульхерия Андревна уходит.

Ну, Олинька, теперь поругать его хорошенько да и прогнать. Поставить на порог, да в три шеи до ворот.

Олинька. Прогнать-то не хитро! Прогнать-то всегда успеем.

Татьяна Никоновна. А что же?

Олинька. А надобно его жениться заставить, вот что!

Татьяна Никоновна. Уж ты, девка, больно ловка хочешь быть!

Олинька. Чего ж зевать-то! Дураков-то уж нынче, говорят, меньше стало; еще жди, скоро ли другой-то набежит.

Васютин входит и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Татьяна Никоновна, Олинька и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч *(в дверях)*. Смотри же, Вавило Осипыч, ты подожди!

Олинька. Я даже, маменька, не могу понять, как это могут люди не иметь совсем совести! Наделают в жизни столько гадостей, и не стыдно им людям в глаза смотреть!

Татьяна Никоновна. Разные люди-то бывают. У иного стыд есть, а другому хоть ты кол на голове теши, так ему все равно.

Прохор Гаврилыч *(садится)*. Ну да что вы толкуете! Вы знаете ли, зачем я к вам пришел-то?

Олинька. Нам и знать-то не нужно. Мы и думать-то про вас забыли.

Татьяна Никоновна. Непрошенный гость хуже татарина.

Прохор Гаврилыч. А ведь я жениться-то раздумал.

Олинька. Какое же нам до этого дело! Женитесь вы или не женитесь, нам решительно все равно.

Татьяна Никоновна. Да полно, сами ли раздумали?

Олинька. Не карету ли подали?

Прохор Гаврилыч. Кому это карету? Мне-то? Посмотрел бы я! Я сам не захотел. Что, думаю, связывать-то себя! Жениться-то я еще всегда успею. Невест, что ли, мало в Москве-то!

Татьяна Никоновна. Да-с, да-с! Что вам за охота себя связывать!

Обе хохочут.

Прохор Гаврилыч. Да вы что смеетесь-то! Вы, значит, человека ценить не умеете. Почем вы знаете, может быть, я из любви к ней *(показывает на Олиньку)* не женился?

Татьяна Никоновна. Не захотели девушку обидеть. Это очень хорошо с вашей стороны.

Хохочут.

Прохор Гаврилыч. Ну, да! Что ж такое! Оттого и не женился. Тебя не захотел обидеть, оттого и не женился. Вот я каков! Захотел тебе доказать, что

люблю тебя, и доказал. Уж какая была невеста,— прелесть! Не хочу, говорю, да и все тут. Олинька, говорю, дороже для меня всего на свете.

О л и н ь к а. Очень много вам за это благодарна!

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Так маменьке и говорю: «Невеста влюблена в меня; ну и пускай она страдает! А я Олиньку ни на кого не променяю».

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Так вы мою дочку очень любите?

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Да нельзя ее и не любить, Татьяна Никоновна! Я вам вот что скажу: никого я так не любил, да никогда и любить не буду. Ее озолотить надо, вот какая она девушка!

О л и н ь к а. Какие вы жестокости говорите.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Что за жестокости! У меня уж такой характер. Коли я кого полюбил, я уж ничего не пожалею. Что только душе угодно, я сейчас. Деньги я считаю ни за что.

О л и н ь к а. Нет, уж это очень жестоко для моего сердца! Я даже и не знаю, что вам отвечать на такие нежности. Помилуйте, стою ли я такой любви от вас?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Чего доброго, ты, смотри, к нему на шею не кинься за такие благодеянья!

О л и н ь к а. Да уж и то, маменька, насилу могу совладать с своими чувствами! *(Хохочет.)* Вот как нас любят, маменька!

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Очень вам, батюшка, благодарны. *(Кланяется.)*

О л и н ь к а. Вы всю свою любовь выразили, или еще что-нибудь осталось?

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Я могу и на деле доказать.

О л и н ь к а. Очень сожалеем, что ваша любовь пришла не ко времени.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Отчего же не ко времени?

О л и н ь к а. Немного поздно вы хватились. Я выхожу замуж.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Да, батюшка, я ей жениха нашла.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Как замуж? За кого?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Уж это, батюшка, наше дело.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Не может быть! Вы, должно быть, нарочно.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Хотите верьте, хотите нет,— это дело ваше. Только, батюшка, вот что: вы уж не беспокойте себя, не ходите к нам.

О л и н ь к а. Да, уж сделайте такую милость, я вас прошу.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Да когда ж это вы успели?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Долго ли, батюшка! Олинька, тебе одеться надо!

О л и н ь к а. Да, маменька. Я думаю, скоро жених придет.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Так у вас, значит, кончено?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Кончено, батюшка, кончено. Да и в комнате-то нужно прибрать.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Нет, как хотите, а я не пойду отсюда.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Так благородные люди не делают. Пришли неизвестно зачем, уселись, как дома, и выгнать вас нельзя.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Что хотите, требуйте от меня; берите с меня, что хотите, только не выходи замуж. Я ни за чем не постою. Ты знаешь, как я привык к тебе; я без тебя с ума сойду.

О л и н ь к а. Я бы не пошла ни за кого; но маменька этого хочет.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Отчего бы ты не пошла?

О л и н ь к а. Вы сами знаете.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Знаю, знаю. Против тебя подлости делают, а ты все готова простить, потому что у тебя сердце доброе. Ты плачешь да убиваешься об нем, а он и взгляду-то твоего не стоит. Прощайте, батюшка!

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Нет, постойте! Разве она плачет обо мне?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Разумеется, плачет. Это она при вас нарочно виду не подает, веселой прикидывается; а без вас, посмотрите-ка, что делает... Да вы нас когда же в покое-то оставите?

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Сейчас, сейчас! Так, значит, ты меня любишь? Да это я всегда знал.

О л и н ь к а. Конечно, люблю; но маменька, узнавши все это, непременно хочет, чтобы я шла замуж. Я из воли маменькиной не выйду; я и так чувствую себя, что я против нее много виновата.

Татьяна Никоновна. Да, уж я теперь ее ни на шаг не отпущу от себя, пока замуж не выдам.

Олинька. Само собою, что я по своей любви к тебе не могу тебя равнодушно оставить; кажется бы, век не рассталась...

Татьяна Никоновна. На то я и мать, чтобы смотреть за тобой! Да что ж вы нейдете! Будет ли этому конец?

Прохор Гаврилыч. Не пойду я от вас, и свадьбы вашей не бывать; я сам женюсь на ней.

Татьяна Никоновна. А когда это случится? После дождичка в четверг?

Прохор Гаврилыч. Ну, через месяц.

Татьяна Никоновна. Долго ждать, батюшка! В месяц много воды утечет.

Прохор Гаврилыч. Ну, да уж вы поверьте мне.

Олинька. Поверить-то нельзя.

Прохор Гаврилыч. Отчего же?

Олинька. Оттого, что ты все врешь. Ведь ты нам тут что наговорил; а мы всё знаем. Знаем, как ты вчера к невесте пьяный приезжал, как тебе нынче поутру записку прислали.

Татьяна Никоновна. Вот, значит, вам верить-то и нельзя.

Прохор Гаврилыч. Ну да вот что: с отцом мне нечего много толковать, мне только маменьку уговорить. Значит, я вам через полчаса дам ответ. Коли маменька согласна, так хоть завтра же свадьба.

Татьяна Никоновна. Через полчаса — уж очень скоро; зачем так торопиться? А вот если к вечеру вы нам не дадите ответу, так мы ее вечером образом благословим.

Прохор Гаврилыч. Ну, так до свиданья! Прощай, Олинька! *(Целует ее.)*

Олинька *(провожая его)*. Ты только никуда с купцом-то не заезжай!

Прохор Гаврилыч. Нет, я прямо домой. *(Уходит.)*

Татьяна Никоновна. Уж теперь, должно быть, не сорвется.

Олинька. Да, похоже на то. А ведь я, маменька, буду барыня хоть куда!

Татьяна Никоновна. Еще бы! Только, ох — как пуст малый-то!

О л и н ь к а. Все-таки лучше мастерового.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Что говорить!

О л и н ь к а. А вот я его после свадьбы-то к рукам приберу.

Входит П у л ь х е р и я А н д р е в н а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и П у л ь х е р и я А н д р е в н а.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Ну что, прогнали?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Зачем гнать! Добрых людей не гоняют.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Давно ли это он стал для вас добрый человек?

О л и н ь к а. Он всегда был добрый человек, только он немножко рассеян.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Из ваших слов я замечаю, что вы с ним помирились. Это для меня очень странно! После всего того, что он против вас сделал, я бы на вашем месте его и на глаза к себе не пустила.

О л и н ь к а. Уж поверьте, что я бы то же сделала. Но он показал себя очень с благородной стороны против меня. Даже в нынешнем свете очень немного таких людей.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Я уж не пойму этого, извините меня.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Что ж тут не понять-то! Очень просто. Он женится на Олиньке.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Он! На Олиньке! Вы шутите, или смеетесь надо мной?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Нисколько не думаем. Да и что же это для вас так удивительно! Что вы тут такого странного находите, хотела бы я знать?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Да что же он, помешался, что ли, от пьянства-то?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Из чего это вы заключаете, что он помешался?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Да изо всего.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Нет, однако?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Да разве в здравом уме можно такие дела сделать?

О л и н ь к а. Хотел же он жениться на другой; отчего ж

ему на мне не жениться? Я себя нисколько не считаю хуже других.

Пульхерия Андревна. Все-таки он не должен марать своего звания.

Олинька. Да чем же это марать-то?

Татьяна Никоновна. Да вас-то муж взял, разве вы лучше были Олиньки?

Пульхерия Андревна. Тогда были совсем другие понятия об жизни, чем теперь.

Татьяна Никоновна. Значит, вам не нравится, что Васютин женится на моей дочери?

Пульхерия Андревна. Разумеется, она ему не пара.

Татьяна Никоновна. Ну извините, что, не спросясь вас, дело сделали! Вперед будем спрашиваться. Как это мы оплошали, я уж и не знаю! С такой умной дамой да не посоветовались! Да и он-то как осмелился без вашего позволения, для меня удивительно! Ему бы к вам прийти да спросить: что, мол, мне, Пульхерия Андревна, жениться на Олиньке или нет?

Пульхерия Андревна. Вы мне колкостей не говорите! Я от вас их слушать не желаю.

Татьяна Никоновна. А мы-то, вы думаете, желаем вас слушать? Да с чего вы взяли нам свою важность-то показывать! Кому она нужна! Что вы величаетесь-то перед нами!

Олинька. Оставьте, маменька! Пущай говорят, что хотят.

Татьяна Никоновна. Нет, погоди! Я тебя в обиду никому не дам. Это уж и на свете жить не надо, коли у себя в доме да над собой же ругаться позволить.

Пульхерия Андревна *(встает)*. Вы по своему необразованию можете ругаться; а я никогда себе этого не позволю, потому что считаю за невежество. А я все-таки вам скажу и всегда буду говорить, что ваша дочь никаким образом не пара Васютину.

Татьяна Никоновна. Говорить вам никто не запрещает. Говорите, что хотите, только где-нибудь в другом месте, а не у нас.

Пульхерия Андревна. Вам только таких дураков и опутывать, как Васютин.

Олинька. Вы очень умны; да жаль, что некстати.

Татьяна Никоновна. Эк вам чужое-то счастье поперек горла становится. Да еще погодите, мы вам то ли покажем! Вот мы с дочерью-то разоденемся, да будем в коляске на своих лошадях разъезжать. Что-то вы тогда скажете?

Пульхерия Андревна. Вы и сидеть-то в коляске не умеете.

Татьяна Никоновна. К вам учиться не пойдем, не беспокойтесь!

Пульхерия Андревна. Не об чем мне беспокоиться; я очень покойна.

Татьяна Никоновна. А покойны, так и прекрасно. Вы бы и нас-то тоже в покое оставили!

Пульхерия Андревна. И оставлю. Я секунды не могу остаться после таких оскорбительных для меня слов.

Татьяна Никоновна. Да уж и напредки-то...

Пульхерия Андревна. Само собою. *(Подходя к двери.)* Нет, какова нынче благодарность! Ведь это если людям сказать, так не поверят. По чьей милости Васютину-то отказали?

Татьяна Никоновна. Небось, по вашей? Да если бы и по вашей, так все-таки вы не для нас делали; да никто вас об этом и не просил, а так, свое сердце тешили. Разве вы можете жить без кляузов?

Пульхерия Андревна. Что же я, аспид, по-вашему? Покорно вас благодарю за такое мнение.

Татьяна Никоновна. Не стоит благодарности. Чего другого, а за этим у меня дело не станет.

Пульхерия Андревна. Нет, уж это нестерпимо даже, как вы себе много воли даете!

Татьяна Никоновна. Да кого ж мне в своем доме бояться! Кто чего стоит, так я и ценю.

Пульхерия Андревна. Я всегда дороже вас была и буду.

Татьяна Никоновна. Для кого это вы дороги-то? Ну, да ваше счастье! Вы туда бы и ходили, где вас высоко-то ценят! А мы народ неблагодарный, ваших благодеяниев не чувствуем, благородством вашим не нуждаемся,— так что вам за охота с нами знакомство водить!

Пульхерия Андревна. Ну, уж теперь кончено! Теперь я вас очень хорошо поняла.

Татьяна Никоновна. И слава богу!

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Так поняла, что даже считаю ваше знакомство низким для себя!

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Ну, а низко, так и танцуйте от нас!

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Вот воспитание!

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Извините! В другой раз придете, так поучтивее прогоним.

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. До чего я себя довела! Где я? Боже мой! Сколько еще в нашей стороне невежества, так это и описать нельзя! И с такими-те понятиями люди, да еще находят женихов из благородного звания! Должно быть, конец света скоро будет. *(В дверях.)* Хотя я себя никак с вами не равняю, но все-таки я вашей обиды не забуду. *(Уходит.)*

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а *(подойдя к двери)*. Танцуйте, танцуйте! *(Дочери.)* Ну, уж теперь долго не придет. Отчитала я ее, будет помнить!

О л и н ь к а. Сами без нее соскучитесь. *(Глядит в окно.)*

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Ну, нет, не скоро. Грешная я — точно, поболтать люблю, посудачить, и очень рада, когда мне есть с кем разговоры развести; да уж ехидством-то своим она меня доехала. С ней часто говорить нельзя, много крови портится. Кого ты глядишь?

О л и н ь к а. Так, смотрю.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Что скрывать-то! Друга милого поджидаешь. А он, гляди, кантует теперь где-нибудь с купцом с этим, и думать о тебе забыл.

О л и н ь к а. А вот ошиблись. Идет.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Ужли идет?

О л и н ь к а. Право!

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Ну, что-то бог даст! У меня, девушка, сердце так и застучало.

О л и н ь к а. И у меня тоже, маменька.

В а с ю т и н входит. Обе молча глядят на него.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и П р о х о р Г а в р и л ы ч.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Что вы на меня так смотрите?

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Ждем, что скажешь. Разве не видишь, у нас дух захватило?

Прохор Гаврилыч. Что говорить-то! Теперь уж ваш, хоть в телегу запрягайте!

Олинька бросается к нему на шею.

Татьяна Никоновна. Поцелуй уж и меня, старуху. *(Целует его.)* Ну, вот и ладно! Нынче же мы вас и благословим; а через недельку и свадьбу сыграем.

Прохор Гаврилыч. Как хотите. Чем скорей, тем для меня лучше. Обвенчался да и к стороне, чтоб меньше разговору было.

Татьяна Никоновна. Уж само собой. Ну что, как дома-то уладил?

Прохор Гаврилыч. Насилу маменьку уговорил. Уж чего-чего я не прибирал! Да после вчерашнего-то голова болит, так мыслей никак не соберу; а то бы я ей не то наговорил. «Вы, говорю, хотите, маменька, чтобы я в тоску впал. Знаете, говорю, что́ от тоски человек делает, к чему его тянет?» Ну, и испугалась; согласилась, только чтобы врозь жить.

Олинька. Да это еще лучше.

Прохор Гаврилыч. Да и для меня свободнее. Ну, потом рассмешил ее, ручки у ней расцеловал. Благословила она меня, я к вам и пошел.

Татьяна Никоновна. Ах, голубчик мой! Ну, уж я за тобой теперь стану ухаживать что твоя родная мать.

Олинька. Надо б тебя поругать, надо бы; ну, да уж бог с тобой!

Прохор Гаврилыч. А за что это?

Олинька. А за то, что ты мне изменить хотел. Ведь что ты выдумал-то! На образованной барышне жениться! Во-первых, ты всю мою душу истерзал, а вовторых, глупость-то какая с твоей стороны! Маменька, уж как мне обидно было, что он меня обманывает, как досадно, что он дурака из себя разыгрывает. Нет, погоди, я тебе еще это вымещу. Ведь куда и лезет-то! Ну, пара ли она тебе?

Прохор Гаврилыч. Что ж такое! Я сам...

Олинька. Что ты сам? Ничего. Ей нужно жениха барина; а какой ты барин? С которой стороны? Только денег-то награбили, да уж и думаете об себе, что вам все покоряться должны.

Прохор Гаврилыч. Коли ты так обо мне думаешь,

какая же может быть у тебя любовь ко мне! Да и мне что ж за охота...

Олинька. Погоди, не перебивай! Дай ты мне высказать-то все, сердце свое облегчить, чтобы зла не оставалось; а потом уж все целоваться будем.

Прохор Гаврилыч. Ну, болтай, пожалуй, коли язык чешется!

Олинька. Ну, положим, что ты женился б на ней; что ж бы вышло из этого хорошего? Если у ней вольный дух, так она смеялась бы над тобой да любовника завела; а если смирная, так иссохла бы, глядя на тебя. А ведь уж я-то тебя знаю; жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя и остановить умею, и гостей твоих знаю, как принимать, да еще и вкусу тебя научу, как одеваться и как вести себя благородней. А ты, было, меня совсем бросить хотел! Ну какой же ты человек после этого! *(Плачет.)*

Прохор Гаврилыч. Прости! Ведь по нашей жизни замотаешься; а тут еще маменька пристает.

Олинька. Ну, бог с тобой! Расстроила только я себя. Давай помиримся.

Целуются.

Татьяна Никоновна. Вот так-то лучше! Дай вам бог совет да любовь!

Прохор Гаврилыч. Что это Вавило Осипыч нейдет?

Вавила Осипыч входит с кульком вина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Вавила Осипыч.

Купец. А вот и я здесь! Хозяюшке наше почтение! Барышня, желаю здравствовать. *(Кланяется.)*

Прохор Гаврилыч. Что ты замешкался?

Купец. А я забежал, кулечек винца захватил. Хозяюшка, нет ли какой посудины? Коли бокальчиков нет, так из чайной чашки можно; нам случалось не раз, мы народ бывалый.

Татьяна Никоновна. Как бокальчиков не быть! *(Уходит за перегородку.)*

Купец. А уж штопор, барышня, я завсегда с собой

ношу. У меня складной, с ножичком, да теперь его и не требуется. Только ножичек нужно. Я, барин, велел и смолку сбить и проволоку отвернуть; только веревочки подрезать — и конец. *(Вынимает из кармана штопор.)*

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а *(приносит стаканы на подносе)*. Вот, батюшко, стаканчики!

К у п е ц. Стаканчиком-то оно еще способнее! *(Откупоривает, наливает и подносит Татьяне Никоновне.)* Честь имеем поздравить! Пожалуйте, хозяюшка!

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Ох, много!

К у п е ц. Пожалуйте, без церемонии-с!

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а *(берет стакан)*. Ну дай вам бог всякой радости. *(Целуется с Васютиным и дочерью, отпивает немного.)*

К у п е ц *(не принимая стакана)*. Просим обо всей-с!

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Тяжело, батюшка!

К у п е ц. Ничего-с. Не хмельное, пройдет.

Татьяна Никоновна допивает и отдает стакан. Он наливает и подносит Олиньке.

Пожалуйте-с.

О л и н ь к а. Я не пью.

К у п е ц. Нельзя-с!

О л и н ь к а. Право, не могу.

К у п е ц. Никак невозможно-с.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Выпей немножко!

Олинька целуется с Васютиным и отпивает немного.

К у п е ц. Этого нельзя-с. Зла не оставляйте-с!

О л и н ь к а. Я вас уверяю, что не могу.

К у п е ц. Пожалуйте! Не задерживайте-с.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Выпей, поневолься!

Олинька допивает.

К у п е ц *(наливает и подносит Васютину)*. Пожалуйте-с.

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Маменька, за ваше здоровье! Олинька, за твое здоровье! *(Целуется и пьет.)*

К у п е ц *(наливает)*. Вот теперь я сам выпью-с! Честь имеем, на многие лета! Чтобы вам богатеть, а нам на вас радоваться, да завсегда компанию водить! *(Пьет и целуется со всеми.)* Очення приятно-с! Уж мы теперь, хозяюшка, к вам каждый вечер.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Милости просим, батюшко!

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Мы, маменька, теперь уж ваши гости.

К у п е ц. Мы здесь гнездушко совьем! Только вы, хозяюшка, насчет провианту не беспокойтесь на будущее время,— это уж моя забота. Я к вам завтрашнего числа зараз побольше привезу, чтоб нáдолго хватило. *(Откупоривает еще бутылку и наливает.)*

П р о х о р Г а в р и л ы ч. Опять тем же порядком!

К у п е ц. Как водится. Сначала дамам.

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Батюшко, увольте!

К у п е ц. Уж это, Прохор Гаврилыч, так чин-чином по порядку у нас линия и пойдет. *(Подносит Татьяне Никоновне.)*

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Да ты дай хоть вздохнуть-то немножко!

К у п е ц. Не задерживайте-с!

Картины
московской
жизни

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ!

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА
вдова.

МИХАЙЛО ДМИТРИЧ БАЛЬЗАМИНОВ
сын ее.

АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА
сваха.

МАТРЕНА
кухарка.

ПАВЛИН ИВАНЫЧ УСТРАШИМОВ
сослуживец Бальзаминова, брюнет, большого роста, лицом мрачен и рябоват.

Бедная комната у Бальзаминовых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова *(одна, сидит с чулком в руках).* У Миши, должно быть, опять какие-нибудь планы в голове. Прибежит из присутствия, пообедает наскоро,— да и был таков, и пропал на целый день. Где-то он, бедный, бродит? Должно быть, далеко-далеко куда-нибудь ходит! Придет всегда такой измученный, усталый, и лица-то на нем нет, и не ест ничего, только все вздыхает. Надо полагать, он в Рогожскую бегает; а пожалуй что и в Лефортово! Все разбогатеть-то ему, бедному, хочется. Ну, да это ничего, пускай бегает; это еще здорово, говорят. Теперь время летнее, дел у него никаких нет особенных; все-таки лучше: пусть на воздухе бегает, чем в комнате-то сидеть; да еще и польза может произойти. Только я все что-то боюсь за него; все как-то мне не верится, чтобы он уж очень богатую-то невесту себе нашел. А уж сколько у него к этому делу старания! Сколько старания! Даже удивительно это видеть. По его-то старанию ему бы уж давно надо миллионщицу приспособить. Должно быть, счастья нет! Без счастья, сколько уж ни старайся, ничего не выходишь. Говорят, и грибы искать — счастье нужно; а уж невест-то и подавно. Вот был же случай у Ничкиных; а из-за чего разошлись? Так, из пустяков. Нужно же было этому облому приехать! И как на

грех его принесло в такое время! Кабы не он, жили бы мы теперь, как сыр в масле катались. Есть же такие злые люди на свете! Ну, что ему нужно было? Себе он пользы никакой не сделал, только Мишу моего обидел.

Матрена входит с письмом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминова и Матрена.

Матрена. Письмо вот принесли. *(Подает.)*

Бальзаминова. Кто принес?

Матрена. Должно, что почталион, одет так, по-военному. Говорит: городская почта.

Бальзаминова. От кого бы это? Я уж и не знаю.

Матрена. И я не знаю. Да вот что: вы мне дайте письмо-то.

Бальзаминова. Зачем тебе?

Матрена. Я догоню солдата-то да назад ему отдам.

Бальзаминова. Что ты! Как можно назад, когда оно к Мише писано.

Матрена. Должно быть, солдат-то по ошибке занес; часто бывает, что в другой дом заносят.

Бальзаминова. Да я тебе говорю, что к нам. Вот и на адресе написано.

Матрена. Нет, право, лучше назад отдадим от греха. Кто к нам письма писать станет? Кому нужно! Ведь письма-то пишут, коли дела какие есть али знакомство; а у нас что!

Бальзаминова. Какая ты глупая! Ну, слушай: «Его благородию...»

Матрена. Ишь ты, «благородию»!

Бальзаминова. «Михаилу Дмитриевичу Бальзаминову».

Матрена. Ну, да хоть и написано, а все лучше назад отдать; а то еще, пожалуй, солдата-то в ответ введешь перед начальством. Давайте! Что, право!

Бальзаминова *(кладет письмо в стол)*. С тобой ведь не сговоришь. Ты смотри, не вошел бы кто в кухню-то!

Матрена. Украсть-то там нечего, хошь и войдет кто. *(Уходит и возвращается.)* Там идет кто-то по двору-то.

Бальзаминова. Кто ж такой?

Матрена. Кто его знает! Черный, долговязый такой. Гляди, приказный; а то кому ж! Словно, как он бывал тут.

Бальзаминова. Устрашимов, должно быть.

Матрена уходит. Входит Устрашимов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминова и Устрашимов.

Устрашимов *(кланяется)*. Михайло дома?

Бальзаминова. Нет. Ушел куда-то.

Устрашимов *(подходит к окну и молча, мрачно смотрит на улицу)*. Да это верно?

Бальзаминова. Ах, батюшка, что мне тебя обманывать-то!

Устрашимов *(продолжает глядеть в окно)*. Бывает, иногда *(многозначительно)* прячутся. Ну, да ведь это не поможет. Нет, шалишь!

Бальзаминова. Вы такие странные слова говорите, что и понять вас нет никакой возможности.

Устрашимов. Нет, Миша, это, брат, дудки! Атанде-с!

Бальзаминова. Вы мне объясните, в чем ваше дело и что вам угодно: так я сыну и передам.

Устрашимов *(со вздохом, продолжая глядеть в окно)*. Тут, брат, два года хожено. Это не другое что-нибудь. Этого уступить нельзя. Ты моим несчастьем вздумал воспользоваться! Ты рыть яму ближнему! Погоди еще, может быть, сам туда попадешь! Боже мой! Боже мой! Как это случилось! Как это могло случиться!

Бальзаминова. Если вы Мишу ждете, так напрасно беспокоите себя: он обыкновенно к ночи приходит.

Устрашимов *(оборачивается)*. Нет ли у вас воды? Разве вы не видите: я ужасно расстроен.

Бальзаминова. Ах, батюшка, какое же мне дело, что ты расстроен!

Устрашимов *(садится)*. Прикажите мне дать воды! Ну, я вас прошу, наконец.

Бальзаминова. Что ты, угорел, что ли? Матрена, подай стакан воды!

Устрашимов. Да-с, бывают случаи! жизнь не мила, вот оно как-с. Вы этого не понимаете.

Бальзаминова. Где понимать!

Устрашимов. А отчего? Отчего, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Да что ты пристал?

Устрашимов. Все от своей гордости да от женского капризу. Вот от чего-с.

Матрена входит со стаканом воды на тарелке.

Матрена. Кому воды-то?

Устрашимов. Мне. *(Берет и в рассеянности, задумчиво смотрит на Матрену.)*

Матрена. Что ты глаза-то выпучил?

Устрашимов *(рассеянно)*. Выпучишь. *(Пьет и отдает стакан Матрене.)*

Матрена уходит. Устрашимов подходит к Бальзаминовой.

Да-с! Так вы скажите ему, что я был здесь, что я очень расстроен; он поймет. Или нет!.. *(Подумав.)* Вы скажите ему *(грозно и с расстановкой)*, что если он осмелится туда хоть нос показать, так я... Постойте! Скажите ему, что я ста тысяч не возьму, умру там у ворот... Уж он знает где. Нам двоим жить на свете нельзя. Понимаете вы, нельзя. Либо он, либо я!..

Бальзаминова *(отворачиваясь)*. Надоел, голубчик!

Устрашимов. Да что тут надоел! Вы войдите в мое-то положение.

Бальзаминова. Очень мне нужно!

Устрашимов. Или вот что! Я и забыл. Отдайте ему это письмо. *(Достает письмо и подает.)* Я его написал на случай, если не застану. Он поймет: знает кошка, чье мясо съела. Ну, да еще он увидит! Он будет меня знать! Я смирный человек; но если дело коснется женщины либо интересу, тогда уж я неумолим. Прощайте! *(Уходит.)*

Бальзаминова. Что он тут мне наплел? Должно быть, за одной ухаживают. Да, так точно! По его словам-то, так и надо полагать. Ишь ты, еще пугать выдумал! Так его и побоялись! Так ему Миша и уступит! Как же! Тебе ходить мимо окон не мешают, и ты другим не мешай! Кому бог пошлет, того и счастье. Чтой-то на нем больно много этих разных штук нацеплено,— и колец, и всего! Должно быть, сам-то интересан, так вот ему и завидно, чтобы другим не

доставалось. И письмо-то надо бы за окно выбросить. Как бы только Миша не рассердился. *(Прячет в стол.)* Я так Мише и скажу: «Нечего тебе на них смотреть; много их тут найдется; а ты свое дело делай. Волка бояться, в лес не ходить! Дома-то сидя, ничего не высидишь! Не пойдут невесты тебя отыскивать; сам должен ходить да искать хорошенько». А то, ишь ты, нагородил тут с три короба, да и думает, что его побоятся. Нет, брат, тут дело серьезное, денежное! Стражаться, так стражаться,— чья возьмет. Никак Миша идет?

Бальзаминов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бальзаминова и Бальзаминов (входит и садится в раздумье).

Бальзаминова. Что это ты скоро воротился, али забыл что?

Бальзаминов *(садится)*. Так, раздумал, маменька. У меня такая примета есть. И уж эта примета самая верная. Если ты идешь и задумал что-нибудь, и вдруг тебе встреча нехорошая: лучше воротись, а то ничего не будет. Если так идешь, без мысли, так еще можно продолжать дорогу; а коли есть мысль — воротись.

Бальзаминова. Какой ты, Миша! Молодой еще ты, можно сказать мальчик, а приметы разбираешь, точно старуха какая.

Бальзаминов. Конечно, маменька, если рассуждать правильно, так все эти приметы — бабья болтовня, вздор; только все-таки в нашем деле нельзя приметам не верить. Потому что, маменька, в нашем деле все от счастья, решительно все.

Бальзаминова. Да в каком же это в вашем деле?

Бальзаминов. Да как же, маменька! У другого дело верное, так что ему до примет! Он так на верное и идет, куда ему нужно. А у нас все от случая, все от счастья. Мы никуда на верное не ходим. Иду по улице — вдруг понравился — ну, и богат, и счастлив; не понравился — ну, всю жизнь бедствуй. А ведь это, маменька, с одной стороны, даже заманчиво. Я, бедный молодой человек, решительно

голь, ну голь, как есть во всей форме, хожу себе, гуляю где-нибудь и вдруг... Вы только представьте это себе, маменька, вдруг вижу я под окном даму или девицу. Раз прохожу, два — бросаю нежный взгляд; она мне отвечает тем же. Я знакомлюсь через кого-нибудь, и вдруг, представьте, дом этот, в котором я ее видел,— мой; и сижу я поутру за чашкой кофею в бархатном халате... *(Быстро встает.)* Вот это — жизнь! Боже мой милостивый! И может быть, маменька, мне это счастье суждено; может, оно ждет меня где-нибудь; я только не знаю, где оно: там, или там, или там. Я только не знаю, куда идти, где его искать-то... и вдруг судьба...

Бальзаминова. Мечты ведь это всё, мой друг, так все одно — облако.

Бальзаминов. Ах, маменька, зачем вы меня перервали! Вы не знаете, какое это удовольствие — мечтать. Иногда так занесешься, занесешься, даже вскрикнешь: «Эй, четверню закладывать в карету!»

Бальзаминова. Оно, пожалуй, и сладко мечтать-то; да только ничего этого быть не может.

Бальзаминов. Ну, нет, маменька, вы не говорите этого! Как же можно так говорить! Да вот вы увидите, что в нынешнем месяце что-нибудь да уж будет хорошее.

Бальзаминова. Откуда это? Из каких земель?

Бальзаминов. Уж я не знаю откуда, а будет. Вы видели, как я вчера был весел?

Бальзаминова. Ну, так что же?

Бальзаминов. А знаете ли, отчего? Разве уж сказать? Я, маменька, молодой месяц видел с правой стороны.

Бальзаминова. Только-то?

Бальзаминов. Позвольте, позвольте! Вы разве не верите в эту примету?

Бальзаминова. Да как же верить-то! Я сколько раз на своем веку видала месяц-то с правой стороны, а вот ничего не случилось особенного.

Бальзаминов. А вот увидим! Нет уж, я так уверен, что хоть на пари готов. Давайте, маменька, поспорим о чем-нибудь. Если случится что, так вы проиграли; а если не случится, так я.

Бальзаминова. Эх, какой ты глупый! Что тут спорить-то! Я уж знаю, что ничего не будет.

Б а л ь з а м и н о в. Подождите, подождите, увидим. А уж если это не сбудется, я не знаю, чему тогда и верить после этого!

Б а л ь з а м и н о в а. Ну, да вот заметим, давай, с которого числа по которое.

Б а л ь з а м и н о в. Надо считать, маменька, от нового месяца и опять до нового. В это-то время, маменька, и нужно ждать чего-нибудь. У меня просто сердце не на месте; так вот и жду, так вот и жду каждую минуту...

К р а с а в и н а входит, Бальзаминов ее не замечает.

...вдруг случится что-нибудь...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и К р а с а в и н а.

К р а с а в и н а. Да и случится.

Б а л ь з а м и н о в. Ах! *(Остолбеневши, смотрит на Красавину.)*

К р а с а в и н а *(целуясь с Бальзаминовой)*. Здравствуйте, матушка Павла Петровна!

Б а л ь з а м и н о в а. Здравствуйте! Садитесь! Что, опять с вестями?

К р а с а в и н а. Я, что птица вещая, даром не покажусь!

Б а л ь з а м и н о в а. Не опять ли по-прежнему?

К р а с а в и н а. Уж, видно, не судьба; а я не причинна. Сами видели, я свой оборот сделала; а я за всех не ответчица, коли они всякому в своем доме волю дают. *(Бальзаминову.)* Ну что, получил?

Б а л ь з а м и н о в. Что получил?

Б а л ь з а м и н о в а. Я и забыла,— ведь тебе письмо принесли. *(Достает письмо.)*

К р а с а в и н а. Про него-то я и спрашиваю.

Б а л ь з а м и н о в. Как это вы, маменька! Вы, должно быть, мне совсем счастья не желаете! Как можно забывать такие вещи! Ведь тут, может быть, вся судьба моя. *(Берет письмо.)*

К р а с а в и н а. Тут она и есть.

Б а л ь з а м и н о в. Ну, вот видите! Эх, маменька! Батюшки, не распечатаю никак, руки так и ходят, так и ходят. *(С сердцем.)* Ну, затряслись, затряслись!

Экой характер! экой подлый характер! Сам не рад, ей-богу, не рад.

Красавина. Да и есть от чего. Как тут рукам не затрястись! Еще то ли бывает!

Бальзаминов. Да постой ты! Я в себя не приду, а ты еще подбавляешь.

Красавина. Да ну тебя! Уж и сказать ничего нельзя!

Бальзаминова. Тут тебе еще есть письмо; ну, да это не важное.

Бальзаминов. Маменька, маменька! что вы со мной делаете! Боже мой милостивый! До того ли мне!

Бальзаминова. Ну, я его тут на столе положу; после прочитаешь на досуге; это от Устрашимова; он заходил без тебя.

Бальзаминов *(распечатывает)*. Ух! насилу распечатал.

Бальзаминова. Да от кого это? скажите вы мне.

Красавина. А вот, изволите видеть: ходит-бродит он, добрый молодец, по таким палестинам, что другому и на ум не взойдет. Доходился он до край-Москвы, видит он: стоит нов-высок терем; а во этом терему, во купеческом дому, такая пава, что только «ах», да и все тут. Не скажу, чтобы красавица, а пышна уж очень. Так пышна, что нынче мало можно найти таких женщин, вот как! Уж, именно, что на ловца и зверь бежит. Вот он ходил-ходил мимо окон-то, да не будь дурень, амурное письмо и напиши. Да таково складно: я видела письмо-то. Пишет это так учтиво, безо всякого охальства. Другой ведь напишет, просто страм; а это хоть барышне дай, так ничего. От этого письма она и приди в чувство; уж оченно ей понравилось, что учтиво пишет-то, охальства-то никакого нет. А он еще в конце-то стих прибрал: «Взвейся, вихорь, ветерочек, отнеси ты сей листочек во объятия к тому, кто мил сердцу моему». А на пакете-то написал: «Лети туда, где примут без труда». Стихом-то уж он ее больше и убедил.

Бальзаминов *(все время слушал)*. Неужли стихом?

Красавина. Стихом. Она в стихи очень верует, потому, говорит, коли что стихами написано, уж это верно: значит, от души человек писал, безо всякой

фальши. А я и случись тут, как он письмо-то в окошко бросил.

Бальзаминова. В окошко бросил?

Красавина. В окошко. Вижу ее в таких чувствах от его учтивости-то: напишите, говорю, ему на ответ, и адрес твой сказала. Она и написала.

Бальзаминова. Кто же такая?

Красавина. Вдова, Антрыгина. При больших деньгах, а одна как есть. Ну, теперь читай, что тебе на ответ написано.

Бальзаминов *(читает)*. «Вы пишете, что, может, ваше письмо будет неприятно; но ежели бы оно было неприятно, вам бы, напротив того, ничего не отвечали. Поймите из этого! Завсегда видно по поступкам, кто чего стоит; по этому самому ваше знакомство для нас будет очень приятно; то и можете меня видеть в известном вам доме, когда вам угодно. Заочно посылаю вам воздушный поцелуй...» *(Перестает читать.)* Маменька! Что же это такое, я вас спрашиваю! Умереть! Больше ничего не остается. Да я когда-нибудь и умру от этого. *(Садится в задумчивости.)*

Красавина. Такая женщина, я вам скажу, одно слово — король! И характеру самого слободного.

Бальзаминова. Как же это так, матушка, слободного-то?

Красавина. Так, слободного, да и все тут. Ходит это по комнатам, размахивает руками. «Никого, говорит, я не боюсь, что хочу, то и творю; нет, говорит, надо мной старших!» Да и точно, кого ей бояться! Ни мужа у нее, ни отца; одна как есть. Да и сторона же у них такая глухая.

Бальзаминов. Что мне теперь делать? Научи ты меня, сделай милость!

Красавина. Да что тебя учить-то! Приходи ужо вечером, вот и все тут; а там уж по делу видно будет, какой оборот вести. Известное дело, зевать нечего! Куй железо, пока горячо!

Бальзаминов. Так прямо и приходить?

Красавина. Так прямо и приходи.

Бальзаминов. А что говорить?

Красавина. Что в голову придет, то и говори. Если и соврешь что, так не важность; на первый раз не взыщут.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Боже мой! Совсем точно потерянный. Понимаю ведь я сам, что теперь нужно делать-то, и другого, пожалуй, научу; да как же мне быть с моим характером-то? Теперь бы поскорей да поумней, так и можно бы дело обделать; а у меня вон руки и ноги трясутся. Вот ты и толкуй тут, что хочешь. Такая робость нападает, точно тебя казнить ведут.

Красавина. Кого это робеть-то? бабы-то? А ты напусти на себя еройский дух, вот и все.

Бальзаминов. Хорошо тебе говорить-то: «геройский дух». А где его взять-то?

Красавина. Ну, а негде взять, так плохо дело! А я думала, что ты ходо́к на эти дела. А еще чиновник называешься, при форме ходишь! Да будь я мужчиной, так я, кажись бы, всех заполонила. *(Встает.)* Ну, я свое дело сделала, сказала тебе; а там уж ты как хочешь.

Бальзаминова. Куда же вы? Посидели бы, чайку бы напились!

Красавина. А вот мне тут, по соседству, нужно бобы развести; к чаю-то я еще к вам поспею.

Бальзаминова. Ну, так я велю самовар поставить да вас поджидать буду.

Красавина *(Бальзаминову)*. Ну, теперь ты видел мою службу?

Бальзаминов. Видел.

Красавина. Ты человек казенный?

Бальзаминов. Как казенный?

Красавина. Ну, да так же, казенный! Ведь ты при должности?

Бальзаминов. При должности.

Красавина. Праву знаешь?

Бальзаминов. Какую праву?

Красавина. Такую же праву, документы там ваши и законы всякие.

Бальзаминов. Знаю.

Красавина. Служит кто задаром али нет?

Бальзаминов. Кому же охота задаром служить!

Красавина. Ну вот видишь ли! Значит, и мне тоже по Москве-то даром трепаться нужда невелика.

Бальзаминова. Да уж вы, матушка, об этом не беспокойтесь.

Красавина. Как же не беспокоиться? Кому охота

свои труды терять! Ведь этак, пожалуй, добрые люди дурой назовут.

Бальзаминов. Ты мне только скажи, что тебе нужно; а уж я ни за чем не постою.

Красавина. А мы вот что сделаем! Ты завтра в суд пойдешь, так принеси лист гербовой бумаги; мы с тобой для верности условие и напишем.

Бальзаминов. Уж ты будь покойна, уж я все... Маменька, что такое деньги? — Прах! Нет их — так они дороги; а теперь для меня что они значат? Ровно ничего.

Бальзаминова. Ну, и мотать-то тоже ничего нет хорошего!

Бальзаминов. Я, маменька, мотать не стану, а пожить — поживу, с шиком поживу.

Красавина. Еще б не пожить! Будет уж, победствовал! Видел нужду-то, в чем она ходит; теперь можно себе и отвагу дать. Однако прощайте! *(Кланяется.)* Хорошо вам тут разговаривать, вам делать-то больше нечего; а у меня еще дела-то по уши.

Бальзаминова. Так я вас жду.

Красавина. Уж теперь ваша гостья. Прощай сокол — вороньи крылья! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бальзаминов и Бальзаминова.

Бальзаминов. Ну, маменька, что вы на это скажете? месяц-то, месяц-то!

Бальзаминова. Что сказать-то тебе? По-моему, еще очень-то радоваться нечему! Еще верного ничего нет.

Бальзаминов. А все-таки, маменька, видно, что она в меня влюблена. И дом, маменька, у нее каменный. Ах, блаженство!

Бальзаминова. Уж и влюблена! Понравился ты ей так, с виду, вот и все. А ты того не забудь, что ты еще с ней ни одного слова не говорил. Что-то она тогда скажет, как поговорит-то с тобой! Умных ты слов не знаешь...

Бальзаминов. Это, маменька, нужды нет. В нашем деле все от счастья; тут умом ничего не возьмешь. Другой и с умом, да лет пять даром проходит; я вот и неумен, да женюсь на богатой!

Бальзаминова. Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские, я их много знаю; ты бы хоть их заучил когда, на досуге. Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями разговаривают,— просто прелесть слушать.

Бальзаминов. Какие же это слова, маменька? Ведь как знать, может быть, они мне и на пользу пойдут.

Бальзаминова. Разумеется, на пользу. Вот слушай! Ты все говоришь: «я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «я хочу проминаж сделать!»

Бальзаминов. Да-с, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминаж лучше.

Бальзаминова. Про кого дурно говорят, это — мараль.

Бальзаминов. Это я знаю-с.

Бальзаминова. Коль человек или вещь какая-нибудь не стоит внимания, ничтожная какая-нибудь,— как про нее сказать? Дрянь? Это как-то неловко. Лучше сказать по-французски: «гольтепа!»

Бальзаминов. Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова. А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют,— это «асаже» называется.

Бальзаминов. Я этого, маменька, не знал, а это слово хорошее. Асаже, асаже...

Бальзаминова. Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминов. Припоминайте, маменька, припоминайте! После мне скажете. Теперь сбегать в цирюльню завиться, да и бежать. Вот, маменька, полечу-то я, кажется, и ног-то под собой не буду слышать от радости. Ведь вы только представьте: собой не дурна, дом каменный, лошади, деньги, одна, ни родных, никого. Вот где счастье-то! Я с ума сойду. Кто я буду? Меня тогда и рукой не достанешь. Мы себя покажем.

Бальзаминова. На-ко, вот еще письмо к тебе. *(Отдает письмо Устрашимова.)*

Бальзаминов *(берет письмо и распечатывает)*. Мы себя покажем, маменька! Мы себя покажем. *(Читает.)* Боже мой! *(С отчаянием садится на стул.)* Все кончено, все!

Бальзаминова. Что там еще за беда случилась?

Бальзаминов. Все, все кончено! Нечего теперь и думать, и мечтать... Как обухом, так и ошарашил.

Бальзаминова. Наладил одно! Да ты скажи мне, что такое?

Бальзаминов. Нечего и завиваться идти. И не пойду. Вот тебе и дом. Точно как я все это во сне видел.

Бальзаминова. Эх, глуп ты, Миша!

Бальзаминов. Да, глуп! Хорошо вам разговаривать-то! Поглупеешь, как вот этакие письма получать будешь. Я вот сижу, маменька,— а ведь я убитый...

Бальзаминова. Да читай! Что за страсти такие!

Бальзаминов. Эко наказанье! Ну что я ему сделал? Слушайте, маменька! *(Хочет читать и останавливается.)* Разбойник! Право, разбойник! *(Читает.)* «Михайло! я давно слышал, что ты ходишь мимо известного тебе дома; но не верил...» И рожа-то у него, маменька, разбойницкая! *(Читает.)* «...но не верил; я думал, что ты, зная меня, не посмеешь этого сделать. Теперь я сам тебя видел и знаю, что ты кинул в окно записку. Такой подлости я от тебя не ожидал!» В чем же тут подлость, позвольте вас спросить? А он сам разве этого не делает! Откуда ж у него перстни да цепочки-то?

Бальзаминова. Да ты читай!

Бальзаминов. Сейчас, маменька! *(Читает.)* «Я уж два года знаком с этой дамой...» Кто ж его знал! Разве я знал это?

Бальзаминова. Ну, а если б знал?

Бальзаминов. Разумеется бы, не пошел.

Бальзаминова. А отчего бы это не пойти? Что он тебе, начальник, что ли? Ведь она еще не жена ему! Кому удастся, того и счастье. Ну, читай дальше! А то: «не пошел бы!» То-то вот ты тетеря у меня: вот что мне и горько!

Бальзаминов. Это я, маменька, так сказал. Может быть, я и пошел бы.

Бальзаминова. Ну, что там дальше?

Бальзаминов *(читает)*. «Теперь у нас вышла ссора из капризу...».

Бальзаминова. Вышла ссора. Ну вот и прекрасно! Ты и должен этим пользоваться.

Бальзаминов. Да, как же, прекрасно! Вы послушайте, что он дальше-то пишет. *(Читает.)* «Но я надеюсь помириться с ней; следовательно, ты мне мешать не должен. Если бы она была поумней, я бы тебя не боялся; а то она по глупости готова всякому дураку кинуться на шею...».

Бальзаминова. И чудесно, и чудесно!

Бальзаминов. Ах, маменька, да уж вы не перебивайте! *(Читает.)* «Поэтому самому ты и не смей ходить в ту сторону». Вот оно что! *(Читает.)* «Если тебе жизнь еще не надоела, чтобы и нога твоя там не была!» Как это вам покажется?

Бальзаминова. Небось, страшно?

Бальзаминов. А то не страшно? Ведь я, чай, один у вас сын-то! Ну, а вот дальше-то. *(Читает.)* «А то я тебя изувечу или совсем убью. Так ты и знай! Вот тебе и вся недолга».

Бальзаминова. Что такое? Я не дослышала.

Бальзаминов *(робко)*. «Вот тебе и вся недолга!»

Бальзаминова. Скажите пожалуйста! Так вот вас и испугались! Ну, что ж ты молчишь?

Бальзаминов. Что ж мне говорить-то? Точно меня чем ошибло, ничего не помню, из головы все вылетело, словно как пустая теперь.

Бальзаминова. Что ж, ты пойдешь или нет?

Бальзаминов. Как идти-то, маменька? Разве мне жизнь-то не мила, что ли? Как ни бедствуешь, а все пожить-то хочется.

Бальзаминова. А дом-то каменный, а лошади, а деньги!

Бальзаминов. Ах, не терзайте вы меня! *(Хватает себя за голову.)* Что мне делать? Батюшки, что мне делать?

Бальзаминова. Так ты в самом деле боишься, что он убьет тебя?

Бальзаминов. Убьет, маменька, убьет! Уж я его знаю. *(Стоит задумавшись.)*

Бальзаминова. А я так думаю, что не убьет. Глупый ты человек, ведь за это в Сибирь ссылают. Кому охота! Побить, может быть, побьет, это я не спорю, коли он сильнее тебя.

Бальзаминов *(в задумчивости)*. Сильней.

Бальзаминова. Зато, коли ты понравишься, какой ты ему нос-то натянешь!

Бальзаминов *(все в задумчивости)*. Асаже?

Бальзаминова. Да, асаже славное сделаешь.

Бальзаминов *(несколько времени стоит молча)*. Ну, была не была! Прощайте! Побегу завиваться.

Бальзаминова. Ступай. Волка бояться — в лес не ходить!

Бальзаминов. Именно! Ну, Устрашимов, посмотрим, чья возьмет! *(Уходит.)*

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

АНФИСА ДАНИЛОВНА АНТРЫГИНА
вдова, 30 лет.

АННА ПРОКЛОВНА ПИОНОВА
ее знакомая, 25 лет.

МАША
горничная Антрыгиной.

БАЛЬЗАМИНОВ.

УСТРАШИМОВ.

КРАСАВИНА.

Богатая гостиная в доме Антрыгиной.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маша *(одна; смотрит в окно и кланяется)*. Павлин Иваныч, здравствуйте! Что? Говорите громче, здесь никого нет.

Голос Устрашимова: «Сделай милость, Маша, узнай, за что на меня твоя барыня сердится?»

Да как узнаешь-то? они не сказывают.

Устрашимов: «Рубль серебром, Маша».

Обманете!

Устрашимов: «Ну, вот еще!»

Побожитесь!

Устрашимов: «Да что божиться; я тебе вперед отдам».

Ну, хорошо! Уж постараюсь как-нибудь.

Устрашимов: «Так ты вот что: ты как узнаешь, так прибеги в лавочку к заставе. Я буду там дожидаться».

Хорошо, хорошо! *(Кланяется.)* Прощайте! Отчего сердится? Известно отчего, от ревности. Надо только узнать, к кому она его ревнует. А он-то, бедный, мучится, думает, что она его разлюбит. Не разлюбит, не бойся! Она хоть и прикидывается, будто ей ничего, и какого-то белобрысого чиновника теперь приманивает; а все это только один отвод, помучить хочется. Кабы в самом-то деле захотела бросить Павлина Иваныча, так бы с утра до ночи на трефового короля не гадала. Нет уж, видно, как полюбишь вашего брата, так не скоро развяжешься. Эка эта любовь! И зачем только она сотворена. Уж про нашу сестру нечего говорить — слабое творение; а и мужчины — и те от нее муку видят. А все-таки без любви никто не живет! И стыда от нее много бывает; случается, что и горя натерпишься,— а без нее все-таки скучно. Вот тут у меня как-то перемежка вышла, так не знала, куда деться от тоски. Хожу как не своя, точно как потеряла что. А как есть предмет, так то ли дело!..

Входит Антрыгина *и молча ложится на диван.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Антрыгина и Маша.

Маша. Что это вы, сударыня, какие нынче скучные?

Антрыгина *(томно и со вздохом)*. Так.

Маша. Нет, уж это, сударыня, что-нибудь да не так; прежде с вами этого не было.

Антрыгина. Оттого и скучаю, что мне все на свете надоело, ничто меня в жизни не занимает. И зачем я живу? Я не понимаю.

Маша. Да давно ли это, сударыня? Вы прежде были такие веселые. Даже очень приятно было видеть вас, что вы всегда в хорошем расположении бываете.

Антрыгина. Да, может быть, я и была весела; но только для виду. Я давно поняла, что такое жизнь; следовательно, что же меня может к ней привлекать!

Маша. Вы еще так молоды, сударыня.

Антрыгина. Что ж из этого? Коли я вижу, что все в жизни обман, что никому поверить нельзя, что на свете только суета одна,— что же я должна делать? Я должна удаляться от света. С хитростью,

с политикой женщина может жить в свете; а с чувством, с нежным сердцем должна только страдать. Следовательно, я лучше буду жить, как отшельница, чем за все свое расположение и за свое добро видеть от людей обиду или насмешку.

Маша. Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду, что людям нельзя большого доверия делать, особенно мужчинам; только для чего же из-за этого из-за самого вы будете себя мучить! Разве мало может быть для вас развлечений?

Антрыгина. Каких это развлечений?

Маша. Мало ли, сударыня, развлечений! Можете ехать на гулянье, в гости, у себя гостей принимать, зимой — в театр, в Собрание.

Антрыгина. Для чего? для кого?

Маша. А как знать, сударыня, может, вам кто-нибудь понравится, выйдете замуж и будете жить да поживать.

Антрыгина. Я? Никогда! Чтобы я когда-нибудь поверила мужчине! Да если он все клятвы произнесет, я и тогда не поверю. *(Молчание.)* Я в монастырь пойду.

Маша. Что вы, сударыня! Как это можно!

Антрыгина. А вот увидишь. Уж если я на что решилась...

Маша. Едет кто-то. *(Подходит к окну и смотрит.)* Военный... к нам в окны смотрит... с аполетами...

Антрыгина. С густыми?

Маша. С густыми.

Антрыгина. Молод?

Маша. Не очень.

Антрыгина. Уж если я на что-нибудь решилась... Да, может быть, это он так взглянул?

Маша. Должно быть. Что-то не оборачивается.

Антрыгина. Ну его! Уж коли я на что решилась, так я и сделаю. Ты еще моего характера не знаешь. Ты, может быть, думаешь, что я буду жалеть о разных глупостях? Как же, нужно очень! Я уж давно все шалости из головы выкинула. У меня и в помышлении-то нет ничего такого. *(Задумывается с улыбкой.)*

Маша *(указывая глазами на карты)*. Не раскинуть ли?

Антрыгина. Кинь!

Маша. На трефового короля прикажете?

Антрыгина *(рассеянно)*. Ну, да.
Маша *(гадает)*. Очень, очень недурно, сударыня.
Антрыгина. Что там у тебя?
Маша. А вот извольте посмотреть.
Антрыгина *(встает и смотрит)*. И то ведь хорошо.
Маша *(со смехом показывая на карту)*. А вот извольте посмотреть, что здесь-то!
Антрыгина *(улыбаясь, смешивает карты)*. Ах, пустяки какие! Неужели ты веришь?
Маша. Никогда не врут, сударыня. А уж это-то завсегда сбывается.
Антрыгина. Ну, болтай еще! Чего ты не выдумаешь! *(Молчание.)* Хоть бы шарманка, что ли, прошла: тоска такая.
Маша. Барыня, подъехал кто-то.
Антрыгина. Беги, посмотри, кто такой?

Маша уходит. Антрыгина поправляется перед зеркалом, потом смотрит в окно.

Вчера не проходил и нынче нейдет. Ах, противный! Коли завтра не придет, так надо будет Машу спосылать! Пускай она, как будто от себя, и скажет, что я замуж выхожу; вот мы тогда и посмотрим. Ему первому покориться не хочется, потому что мужчины все горды; ну уж и я, кажется, ни за что на свете не покорюсь.

Входят Пионова и Маша.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Антрыгина, Пионова и Маша (у дверей).

Антрыгина. Ах, Анета! Что это ты пропала?

Целуются и садятся.

Пионова. Хорошо тебе разговаривать-то, ты сама себе госпожа; а у меня муж, да и дела куча. Я и заехала-то к тебе не надолго, поговорить нужно об одном деле. У нас в доме такая тоска.
Антрыгина. Я воображаю.
Пионова. Поверишь ли, не с кем слова перемолвить. Иногда так нужно бывает, так нужно, а решительно не с кем, ну, и едешь к тебе за семь верст.
Антрыгина. Разве есть что?
Пионова. Нет еще, серьезного ничего нет.

Антрыгина. Где поймала?
Пионова. В Сокольниках.
Антрыгина. Хорош?
Пионова. Недурен. Ну, да об этом после. Что твой?
Антрыгина. Ах, оставь, сделай милость! Я и думать-то забыла о нем.
Пионова. Да отчего с тобой вдруг такая перемена, скажи на милость?
Антрыгина. Оттого, что мерзавец!
Пионова. Ах, Анфиса! Ты ли это говоришь!
Антрыгина. Уж коли я говорю, так, значит, я знаю.
Пионова. Помилуй! Такой прекрасный молодой человек! Так тебя любит!
Антрыгина. Да, любит; оно и видно.
Пионова. Разумеется, видно. Неужели ты в этом сомневаешься? Это ни на что не похоже! И ты до сих пор все его мучишь, все не принимаешь?
Антрыгина. Еще бы! Да и нога его здесь не будет.
Пионова. Что ты! Что ты!
Антрыгина. И таки — никогда, никогда!
Пионова. Ну, уж я не знаю! Ты каменная какая-то! Железо, просто железо! Да и то подается. Чего тебе еще нужно? Красивый мужчина, очень милый, влюблен без памяти...
Антрыгина. Да тебе-то что за дело?
Пионова. Да не могу я этого видеть равнодушно! Делать такие тиранства над человеком, который, может быть, ни душой ни телом не виноват, это ужасно!
Антрыгина. Нет, он стоит, он еще не того стоит!
Пионова. Попался тебе мужчина с кротким сердцем, можно сказать, с ангельским, так его и мучить.
Антрыгина. Хороши ваши мужчины, нечего сказать!
Пионова. Ну, уж и женщины-то ваши тоже хороши.
Антрыгина. Разумеется, лучше мужчин.
Пионова. Ну едва ли!
Антрыгина. Про какое это ты ангельское сердце говоришь?
Пионова. Конечно, про Устрашимова.
Антрыгина. Разве у фальшивых людей может быть ангельское сердце? Давно ли это?
Пионова. Кто же сказал, что он фальшивый человек? Против кого он фальшивый человек?
Антрыгина. Решительно против всех.

Пионова. Но только не против тебя. Он такой душка, прелесть что такое!

Антрыгина. Бессовестный!

Пионова. Ангел, а не человек.

Антрыгина. Мерзавец, каких свет не производил.

Пионова. Очарование, что за мужчина!

Антрыгина. Ну, и возьми его себе, коли он тебе нравится.

Пионова. Мне не надобно-с. Не извольте обо мне беспокоиться! Конечно, я умею ценить людей, не то, что ты. Скажи же ты мне, наконец, за что ты на него сердишься?

Антрыгина. Тебе хочется знать? Изволь. Постой, когда это... да на той неделе во вторник — еду я мимо Чистых прудов, вдруг вижу: этот господин идет под ручку с какой-то дамой, садятся на лавочку и так это горячо разговаривают...

Пионова. Да ты хорошо ли рассмотрела?

Антрыгина. Где ж было рассмотреть! Оно бы и нужно было остановиться, да уж я себя не помнила. Во всех членах трясение сделалось. Вместо того чтобы сказать кучеру: «стой!» я кричу: «Скорей, скорей!» Как домой доехала, уж не помню. Сейчас же не велела его пускать и писем от него принимать...

Маша уходит.

Пионова. Да может быть, это не он был. Надо узнать.

Антрыгина. Как же узнать? У него, что ли, спросить? Так он разве скажет! Известное дело, обманет, перевернет все в другую сторону. Нет, уж лучше бог с ним. *(Подносит платок к глазам.)*

Пионова. А сама плачешь, да вот и трефовый король тут на столе. Значит, ты об нем думаешь.

Антрыгина. И не воображала.

Пионова. Анфиса, помирись с ним! *(Целует ее.)* Ну, сделай милость! Ну, для меня! Душенька!

Антрыгина. Ни за что на свете.

Пионова. Успокой ты меня! Я ни одной ночи не усну, пока вы не помиритесь.

Антрыгина. Нет, уж у меня другой есть на примете. Выду за него замуж; он же такой скромный, учтивый.

Пионова. И ты решишься этакое варварство сделать?

Антрыгина. Что за варварство?

Пионова. Да как же не варварство? Променять такого человека на какую-нибудь дрянь.

Антрыгина. Совсем не дрянь. Во-первых, он не то, что другие, он любит меня.

Пионова. Да, как же, любит! Он тебя обманывает, прикидывается только.

Антрыгина. Во-первых, это сейчас видно, кто обманывает; а во вторых...

Пионова. Да, как же, увидишь ты у них!

Антрыгина. У кого у них?

Пионова. У мужчин. Так тебя проведут, что и не услышишь. Уж обмануть — их дело. Тем только всю жизнь и занимаются. Мы им на жертву созданы; вот они и потешаются над нами.

Антрыгина. У тебя, Анета, семь пятниц на неделе; давеча хвалила мужчин, а теперь уж нехороши стали.

Пионова *(горячо)*. Ну что ж такое! Давеча одно говорила, а теперь говорю другое; а все-таки Устрашимов — бесподобный мужчина, а этот твой новый — дрянь. Устрашимов никогда не позволит себе обмануть женщину, а этот обманывает. Это очень ясно. Вот тебе и все. Да этого и не может быть, чтобы Устрашимов был тебе неверен. Да вот, давай, сейчас загадаем на картах, вот все и узнаем. *(Раскладывает карты.)*

Антрыгина. Гадай, коли тебе хочется.

Входит Красавина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Красавина.

Антрыгина. А, бабушка-старушка! Ну, что скажешь? Была?

Красавина *(садится)*. Была и мед пила, по усам текло, а в рот не попало.

Антрыгина. Ну, здесь попадет. Что же?

Красавина. Сокол в путь снаряжается: чай, скоро прилетит.

Пионова *(строго)*. Анфиса!

Антрыгина. Пускай прилетит, мы его примем как должно.

Пионова *(бросив карты)*. Нет, это из рук вон! Ты так ветрена, так ветрена, ни на что не похоже!

Красавина. А что ж такое в этом дурного, теперича спросить у тебя. Ты еще понимаешь ли, какое это дело, как оно называется? Ведь это — судьба. А что такое судьба? Понимаешь ли ты это? Может, ей на роду написано быть за ним замужем. Так разве можно от своей судьбы бегать! Где это видано?

Пионова. Тебя послушай только! У вас все судьба; все свахи так говорят. Известное дело — в этом вам интерес, вот вы и хлопочете.

Красавина. А что такое сваха? Сваха — великое слово! Не у всякого хватит ума, как его понимать! Если рассудить хорошенько, так нас бы надобно всякими разными чинами жаловать,— вот что я тебе скажу. Нами только и государство-то держится, без нас никакое государство стоять не может. Вот оно какое слово — сваха. Не будь нас, ну и конец, и род человеческий прекратится.

Пионова. Не беспокойся, не прекратится.

Красавина. Где тебе знать! Ты еще молода для этого!

Антрыгина. А что, Гаврилиха, каково они живут? С достатком или нет?

Красавина. Уж какие достатки у приказных! Мне перед тобой таить нечего; живут не больно авантажно. Избушка на курьих ножках, маленько — тово... набок; рогатого скота: петух да курица; серебряной посуды: крест да пуговица. Да тебе что за дело до достатков? У тебя у самой много, тебе человека нужно. Да вот никак и он пришел, кто-то в передней толчется. *(Встает и заглядывает в дверь.)* Войди, ничего, не бойся! Войди, говорят тебе! Чего бояться-то!

Бальзаминов входит и раскланивается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Антрыгина. Здравствуйте, Михайло Дмитрич! Я давно хотела с вами познакомиться и очень рада, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста!

Красавина. Ну, и сядь!

Бальзаминов *(Красавиной)*. Да уж я сам-с... *(Раскланивается.)*

Красавина. И садись, коли просят.

Бальзаминов садится.

Антрыгина. У вас, должно быть, служба не очень трудная?

Бальзаминов. С девяти часов до половины третьего-с; а на дом редко когда дают-с.

Пионова. Оно и видно, что вам делать-то нечего; то-то вы по всей Москве и ходите.

Антрыгина. Ах, какая ты, Анета! Отчего ж и не ходить? Погода теперь прекрасная.

Бальзаминов. Проминаж-с.

Пионова. Хорош проминаж, черезо всю Москву!

Антрыгина. Разумеется, без цели не стоит ходить. У них, может быть, есть цель; почем ты знаешь! Может быть, им кто-нибудь нравится в этой стороне. Вероятно, вы за этим и ходите в нашу сторону?

Бальзаминов *(конфузясь)*. Да-с, так точно-с!

Антрыгина. Вот видите ли, я и угадала.

Пионова. Мудрено было угадать! *(Бальзаминову.)* А можно вас спросить, кто это вам нравится в этой стороне?

Бальзаминов. Это я должен сохранять в глубине души своей-с.

Антрыгина. И очень вы ее любите?

Бальзаминов. Для моей любви нет границ и нет слов-с, чтобы выразить.

Антрыгина. Вот как! Это, должно быть, очень приятно, когда так любят. Слышишь, Анета?

Пионова. А я так думаю, что оттого и нет слов, что сказать-то нечего.

Бальзаминов. Конечно, кто знает много стихов хороших-с, тот сейчас может прибрать на всякий случай-с; а кто если не знает, как же он выразит свои чувства!

Антрыгина. А вы много стихов знаете? Я ужасно люблю стихи.

Бальзаминов. Я больше все чувствительными стихами занимаюсь, которые выражают любовь-с и разные страдания. А то много ведь стихов написано теперь и таких, которые ничего не выражают; так те для меня не интересны-с.

Антрыгина. Скажите какие-нибудь, мы послушаем!

Красавина. Ну, и скажи, коли знаешь.

Бальзаминов. Прикажете чувствительные?
Антрыгина. Ах, сделайте милость, чувствительные.
Бальзаминов.

Льются слезы, дух мятется,
Томно сердце, томно бьется:
Где любезная моя?
Нет ея!

Красавина. Что-то, брат, нескладно.
Бальзаминов. Есть и другие-с.
Антрыгина. Какие же это такие?
Бальзаминов. Пастух, ищущий своей пастушки. Голос нежный. Так и в книжке напечатано. А то я знаю и жестокие-с.
Антрыгина. Скажите жестокие!
Бальзаминов.

Злой пастух!
Весь твой дух
Ныне пременился:
Ты иной
Красотой,
Знать, теперь пленился?

Красавина. Да что ты все про пастухов наладил! Нужно очень! Вот невидаль какая! Ты хорошие какие-нибудь скажи! Про ерцогиню какую либо про прынца.
Бальзаминов. У меня дома тетрадь есть для стихов-с, я в нее и вписываю; если прикажете, я принесу-с. Только жаль, что хороших стихов достать негде-с. У нас в суде никто этим не занимается, только разве один Устрашимов.
Антрыгина. А вы разве в одном суде служите?
Бальзаминов. В одном-с и даже за одним столом-с.
Пионова. Как я вам завидую.
Антрыгина. Вы, значит, его хорошо знаете?
Бальзаминов. Как же не знать-с? Пять лет вместе служим-с.
Пионова *(тихо Антрыгиной)*. Ну, вот и спроси про вторник.
Антрыгина. Мне хотелось бы от вас слышать, что он за человек. Одна моя знакомая очень им интересуется.
Бальзаминов. Я не знаю, как говорить-с. Как бы не вышло чего.
Антрыгина. А что же может выйти?
Бальзаминов. А ежели он узнает-с.

А н т р ы г и н а. Не беспокойтесь, не узнает. А разве он дурной человек?

Б а л ь з а м и н о в. Одно слово, разбойник-с.

А н т р ы г и н а. Как разбойник?

Б а л ь з а м и н о в. Душегубец-с.

П и о н о в а. Какой вы вздор говорите! Скучно слушать!

Б а л ь з а м и н о в. Помилуйте, какой же вздор, когда есть примеры-с.

А н т р ы г и н а *(с испугом)*. Что вы говорите! Ах, боже мой! Он убил кого-нибудь?

Б а л ь з а м и н о в. Нет, не убил-с, а хочет убить до смерти-с.

П и о н о в а. Уж не вас ли?

Б а л ь з а м и н о в. Да, меня-с. Ей-богу! *(Антрыгиной.)* Только уж вы, сделайте одолжение, ему ничего не говорите-с.

А н т р ы г и н а. Да что вы! Я его и не знаю.

Б а л ь з а м и н о в. Нет, это вы нарочно-с. Он сказывал, что вы с ним знакомы, только у вас теперь ссора вышла.

А н т р ы г и н а. Ну да! То есть мы были знакомы, а теперь уж все кончено.

Б а л ь з а м и н о в. Это очень хорошо-с.

П и о н о в а. В самом деле? Вам это нравится?

Б а л ь з а м и н о в. Да как же-с! Что же можно от него ожидать, коли он разбойник? Кроме неприятности, ничего-с. Теперь вы представьте себе: за что же он меня хочет убить до смерти-с? За то, что я к вам в дом пришел-с? Так уж ведь это кому счастье-с! Зачем же мне от своего счастья бегать! Притом же, я человек с большим вкусом-с, у меня вкусу-то еще гораздо больше, чем у Устрашимова, а средств к жизни нету-с. Следственно, я должен их искать. Кабы мне теперь средства-с... А про Устрашимова я бы много мог сказать, да по-товарищецки не годится. Я только одно скажу, что человек самой черной души!

П и о н о в а. Вы нам вот что скажите: во вторник Устрашимов был в суде?

А н т р ы г и н а. Да, сделайте одолжение!

Б а л ь з а м и н о в. Во вторник? Позвольте-с! Он во вторник был дежурный, целый день в суде-с и ночевал там.

П и о н о в а *(Антрыгиной)*. Ну, что! Говорила я тебе.

Бальзаминов. Если человек со вкусом, да не имеет средств, это ужасное положение-с! В мечтах все представляется богатство и даже во сне-с...

Маша показывается в дверях.

Маша. Барыня, пожалуйте сюда!

Антрыгина подходит, говорят шепотом, возвращается и садится.

Пионова *(тихо)*. Что?

Антрыгина *(тоже тихо)*. Письмо.

Бальзаминов. Я говорю-с, когда много вкусу и притом в мечтах...

Антрыгина. Не угодно ли вам по саду погулять.

Бальзаминов. Ничего-с. Мне и здесь хорошо-с.

Антрыгина. Уж сделайте одолжение! Мне нужно тут заняться кой-чем.

Пионова. И мы сейчас к вам придем.

Красавина. Ну, что ж, пойдем! Знать, им что-нибудь нужно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Антрыгина, Пионова и Маша (у дверей).

Пионова. Ну, читай скорее, читай!

Антрыгина *(распечатывает и читает)*. «Милостивая государыня Анфиса Даниловна! Наконец я узнал, отчего происходит ваш гнев на меня. Маша мне все сказала. Но я ни в чем не виноват, в чем вы сами можете легко убедиться. Стоит вам только спросить у кого-нибудь из моих товарищей, где я был во вторник, вам всякий скажет, что я был дежурный. Спросите хоть у Бальзаминова, у своего нового обожателя. Он столько глуп, что не сумеет солгать, хотя бы и хотел. Если я и теперь не дождусь от вас ответа или приглашения, то,— вы меня знаете, я человек решительный,— вам придется отвечать за меня перед богом, правительством и публикою. Мрачную душу мою стерегут злые демоны; я отдал ее им на жертву; я чувствую их приближение. Пистолет заряжен и ждет меня; я с радостию встречу смерть и с адским хохотом закрою глаза свои. Прежде ваш, а теперь ничей, Павлин Устрашимов».

Пионова. Ах, какие чувства! Ах, как ты счастлива,

Анфиса, что тебя так любят! Ах, боже мой! Отвечай ему скорей!

Антрыгина. Что ты разахалась! Я сейчас пошлю за ним, он тут у ворот дожидается. Маша, позови Павлина Иваныча!

Маша уходит.

Что же мне делать с Бальзаминовым?

Пионова. Я пойду в сад, удержу его. А потом, когда мы придем сюда, он сам увидит, что ему здесь делать нечего.

Антрыгина. Ну, и прекрасно.

Пионова *(целуя Антрыгину)*. Милочка! *(Уходит.)*

Антрыгина садится на диван и смотрит в противоположную сторону от двери. Входит Устрашимов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Антрыгина и Устрашимов.

Устрашимов. Вы меня звали?

Антрыгина. Не стоять же вам у ворот.

Устрашимов *(видя, что Антрыгина на него не смотрит, пожимает плечами и отходит к противоположному окну)*. Что же вам угодно?

Антрыгина. Вы хотели меня видеть: что вам угодно?

Устрашимов. Я хотел перед вами оправдаться.

Антрыгина. Что вам оправдываться! Мужчины всегда правы. Да я совсем и не за то сержусь, за что вы думаете.

Устрашимов. Так за что же?

Антрыгина. Уж я знаю за что.

Устрашимов. Но однако?

Антрыгина. Всего не перескажешь.

Устрашимов. Если вы меня звали только за тем, так прощайте.

Антрыгина *(вполовину оборотясь)*. Куда же вы?

Устрашимов. Для вас, я думаю, это решительно все равно, куда бы я ни пошел!

Антрыгина. Почему же вы так заключаете?

Устрашимов. По всему: по приему вашему, по тому, что у вас здесь Бальзаминов. А впрочем, какое же мне теперь до этого дело! Прощайте!

Антрыгина *(взглянув на Устрашимова)*. Останьтесь с нами чай пить.

Устрашимов *(взглянув на Антрыгину)*. К чему же мне оставаться? Ну, скажите, к чему? *(Кладет шляпу на стол.)*

Антрыгина. Вы хотите, чтобы вас просили? Как вы горды!

Устрашимов. Я горд, да, я горд; но не против вас.

Антрыгина. Докажите на деле, что не горды.

Устрашимов. Я вам это доказывал несколько раз и готов доказать, когда угодно. *(Подходит к Антрыгиной и становится перед ней на колени.)* Вы видите, горд ли я! Я ни в чем не виноват перед вами, но я прошу у вас извинения.

Антрыгина молча протягивает руку, он целует.

Вы не сердитесь?

Антрыгина. Встаньте! Не сержусь.

Устрашимов *(встает)*. Вы меня измучили.

Антрыгина *(ударяет его по плечу)*. Кто старое помянет, тому глаз вон.

Устрашимов *(обнимает ее и целует в щеку)*. Ура! Победа!

Антрыгина *(сопротивляясь)*. Что вы! Что вы! Ну войдет кто-нибудь. Какой неосторожный! Обрадовался уж очень! На все есть время.

Входит Пионова.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Пионова.

Пионова *(вопросительно смотрит на них)*. Помирились?

Антрыгина. Помирились.

Пионова *(Устрашимову)*. Я все время за вас заступалась. Вот спросите ее.

Устрашимов *(целуя у ней руку)*. Покорно вас благодарю!

Входят Красавина и Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Красавина и Бальзаминов.

Бальзаминов *(не замечая Устрашимова)*. Какой у вас прекрасный сад-с, и всяких цветов очень мно-

го-с! Только если бы я был богат-с... *(Увидав Устрашимова, остается с открытым ртом.)*

Устрашимов. Что ж бы ты?

Бальзаминов. Я бы-с... Как же это? Зачем же-с?..

Устрашимов. Зачем я-то, это очень просто. Ты-то зачем?

Антрыгина. Да вот все Гавриловна! Навязывается с женихами! И кто ее просит! *(Делает Красавиной знак глазами, достает из кармана ассигнацию и потихоньку отдает ей.)* Я и не думала, а ты тут с сватовством.

Красавина. Ну, кто ж тебя знал! Я думала угодить. *(Тихо.)* Увести, что ль?

Антрыгина утвердительно кивает головой.

(Громко.) Наше дело такое! Где тебе спасибо скажут, а где так и в шею вытолкают. И не рад, да будь готов.

Бальзаминов. Да как же-с, ведь вы поссорились.

Пионова. Они поссорились, они и помирились. Это уж их дело.

Бальзаминов. А как же я-то теперь-с? При чем же-с?

Пионова. А вы знаете русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Бальзаминов. Извините, я не понимаю-с. В каком смысле-с?..

Красавина. А вот пойдем, я тебе доро́гой растолкую.

Бальзаминов. Как-с? так и идти?

Устрашимов. И чем скорей, тем лучше.

Красавина. Уж что тут еще! Видимое дело, что тем же трахтом, да и назад пожалуйте!

Бальзаминов. А как же я маменьке-с... опять же я с правой стороны-с... при всем том...

Все. Прощайте! Прощайте!

Красавина. Ну, совет да любовь!

Бальзаминов раскланивается. Красавина уводит его за руку.

Пионова. И прекрасно, и прекрасно! Вот теперь сядем чай пить.

Антрыгина. Маша, давай самовар.

Картины московской жизни

ЗА ЧЕМ ПОЙДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ

(ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА)

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА
вдова.

МИХАЙЛО ДМИТРИЧ БАЛЬЗАМИНОВ
сын ее.

АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА
сваха.

МАТРЕНА
кухарка.

ЛУКЬЯН ЛУКЬЯНЫЧ ЧЕБАКОВ
офицер в отставке. Очень приличный господин средних лет, с усами, лысоват; сертук застегнут на все пуговицы. Выражение лица насмешливо.

Бедная комната у Бальзаминовых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова (пьет чай) и Матрена (стоит у двери).

Бальзаминова. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то!

Матрена. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдет.

Бальзаминова. А где же Миша? что-то не видать его.

Матрена. Спит, умаялся.

Бальзаминова. Ну, пускай спит.

Матрена. Что ж! пущай спит. Никаких важных дел за ним нет; остановки не будет. А я его соследила, куда он ходит.

Бальзаминова. Куда же?

Матрена. Тут близехонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко уйдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит.

Бальзаминова. Да будет ли толк-то какой-нибудь?

Матрена. Кто ж его знает? Уж это его дело. Надо полагать, что и тут ничего себе не выиграет.

Бальзаминова. Отчего же ты так, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду из себя имеет, польститься-то не на что! Ну и чином еще не вышел.

Бальзаминова *(встает)*. Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. *(Уходит.)*

Матрена садится к столу и пьет. Бальзаминова возвращается. Матрена встает.

Сиди!

Матрена садится, только оборотившись к Бальзаминовой задом.

Спит еще. *(Садится.)* А как их по фамилии-то, где он ходит?

Матрена *(оборотив голову)*. Пеженовых.

Бальзаминова. Кто ж они такие?

Матрена. Сами по себе.

Бальзаминова. Как же так сами по себе?

Матрена. По своей части.

Бальзаминова. Экая ты бестолковая! Что же они, служащие или купцы?

Матрена. Должно, торгуют.

Бальзаминова. Кто ж у них из женского-то полу?

Матрена. Две сестры — обе девки уж в летах. Только выходу им никакого нет; сидят наверху у себя взаперти, все одно под замком.

Бальзаминова. Отчего же?

Матрена. Такой приказ от братьев.

Бальзаминова. Зачем же такой приказ?

Матрена *(дуя в блюдечко и оборачиваясь)*. Потому страм.

Бальзаминова. Какой же страм?

Матрена. Очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят, завистливые, что беда. *(Накрывает чашку.)* Покорно благодарствуйте! *(Встает и уносит самовар.)*

Бальзаминова. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда так бывает. Вот Миша ходит, ходит, а все не находит ничего. Другой бы бросил давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бед-

ность-то еще скучней». Что правда, то правда. Нечего с ним и спорить.

Шум за сценой.

Что там у вас?

Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминов. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самом интересном месте...

Бальзаминова. Что такое?

Бальзаминов. Да Матрена меня разбудила на самом интересном месте. И очень нужно ей было там чашки убирать.

Бальзаминова. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзаминов. Да помилуйте! на самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идет дама, красоты необыкновенной, и говорит: «Господин Бальзаминов, я вас люблю и обожаю!» Тут, как насмех, Матрена меня и разбудила. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду усну. Да ведь, пожалуй, не приснится.

Бальзаминова. Разумеется, не приснится.

Бальзаминов. Экая досада! Мне бы теперь, по моим делам, очень нужно такой сон видеть; может быть, он мне что-нибудь и напророчил бы. Что, маменька, меня никто не спрашивал?

Бальзаминова. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминов. Я, маменька, новое знакомство завел. Лукьян Лукьяныч Чебаков... отличнейший человек. Он капитан в отставке.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминов. Как к чему! Что вы это говорите! Вы знаете, маменька, какая у нас сторона! Я уж теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости.

Бальзаминова. Так что же?

Бальзаминов. Как что же! Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения

не понимают, человечества нет никакого! Пройди по рынку мимо лавок лишний раз — сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие, только и дела что собак гладят да играют с ними; а собаки-то, маменька, как львы. Ведь по нашему делу иногда нужно раз десять мимо окон-то пройти, чтобы заметили тебя, а они разве дадут! Сейчас засвищут, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Как же это можно живого человека собаками травить?

Бальзаминов. Как можно? Что вы, маменька! Разве они знают учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а там, хоть человека до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразование!

Бальзаминов. Меня раза три травили. Во-первых, перепугают до смерти, да еще бежишь с версту, духу потом не переведешь. Да и страм! Какой страм-то, маменька! Ты тут ухаживаешь, стараешься понравиться — и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть! Невежество в высшей степени... что уж тут! А вот теперь, как мы с Лукьян Лукьянычем вместе ходим, так меня никто не смеет тронуть. А знаете, маменька, что я задумал?

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. Я хочу в военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся ли совсем-то, или все еще бредишь?

Бальзаминов. Нет, позвольте, маменька: это дело рассудить надо.

Бальзаминова. Да что тут рассуждать-то! Много ли ты лет до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминов. Сколько бы я ни прослужил: ведь у меня так же время-то идет, зато офицер! А теперь что я! Чин у меня маленький, притом же я человек робкий, живем мы в стороне необразованной, шутки здесь всё такие неприличные, да и насмешки... А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело, уж тогда смело буду ходить; вдруг вижу — сидит барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминова. Все вздор какой городишь! А чем

жить-то мы будем, пока ты в офицеры-то произойдешь?

Бальзаминов. Ах, боже мой! Я и забыл про это, совсем из головы вон! Вот видите, маменька, какой я несчастный человек! Уж от военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мне нельзя. Я вам, маменька, говорил, что я самый несчастный человек в мире: вот так оно и есть. В каком я месяце, маменька, родился?

Бальзаминова. В мае.

Бальзаминов. Ну вот всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы рассудите сами, в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». Впрочем, я не унываю. Этот сон, маменька, не даром... хоть я его и не весь видел,— черт возьми эту Матрену! — а все-таки я от него могу ожидать много пользы для себя. Этот сон, если рассудить, маменька, много значит, ох как много!

Бальзаминова. Да ты помнишь ли в лицо ту даму, которую видел во сне-то?

Бальзаминов. Помню, маменька; как сейчас гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминов. Это, маменька, для нас первое дело. У кого в лице строгость, я ведь с тем человеком разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминов. Другой на тебя смотрит — точно допрос тебе делает. Ну, что ж тут хорошего! Конечно, если строго разобрать, так мы имеем недостатки в себе, в образовании, ну и в платье тоже. Когда на тебя смотрят строго, что ж тут делать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминова. Разумеется. А вот ты коли ждешь кого, так оделся бы пошел; что в халате-то сидишь!

Бальзаминов. Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; какие у него трубки, с какими янтарями, маменька! *(Уходит.)*

Бальзаминова. Какой странный сон! Уж очень прямо; так что-то даже неловко: «я вас люблю и обожаю»... Хорошо, как так и наяву выдет, а то ведь

сны-то больше всё наоборот выходят. Если бы она ему сказала: «Господин Бальзаминов, я вас не люблю и вашего знакомства не желаю» — это было бы гораздо лучше.

Красавина входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминова и Красавина.

Красавина. С повинной, матушка! Не вели казнить, вели речь говорить.

Бальзаминова. Есть же люди на свете, которые стыда не имеют!

Красавина. Есть, матушка, есть всякого народа.

Бальзаминова. Конечно, мы люди бедные, маленькие, но однако же ведь надобно, Гавриловна, немножко и совесть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю! У меня совесть-то чище золота, одно слово — хрусталь, да что ж ты прикажешь делать, коли такие оказии выходят? Ты рассуди, какая мне радость, что всякое дело все врозь да врозь! Первое дело — хлопоты даром пропадают, а второе дело — всему нашему званию мараль. А просто сказать: «знать, не судьба!» Вот и все тут. Ну да уж я вам за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова. Ну, признаться сказать, я от тебя, кроме насмешки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я против кого виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вот у меня какая душа! Хоша оно в нынешнем свете с такой добродетелью жить трудно, милая...

Бальзаминова. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! Я тебе в этом верить не могу. Мы люди бедные, какой тебе интерес?

Красавина. А не веришь, так я тебе вот что скажу: хороший-то который жених, ловкий, и без свахи невесту найдет, а хоть и со свахой, так с него много не возьмешь; ну а твой-то плох: ему без меня этого дела не состряпать; значит, я с него возьму что мне захочется. Знаешь русскую пословицу: «У всякого плута свой расчет»? Без расчету тоже в нынешнем свете жить нельзя.

Бальзаминова. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя так приняла. Мне обидно, что моим сыном как дураком помыкают.

Красавина. Ничего, матушка; брань на вороту не виснет. Нам не привыкать стать к брани-то: наше звание такое. А сынка твоего мы обеспечим, ты не беспокойся.

Бальзаминова. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, ведь, она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует попотчуй, я к тебе вечерком зайду. А теперь вот что я тебе скажу. Такая у меня на примете есть краля, что, признаться сказать, согрешила — подумала про твоего сына, что, мол, не жирно ли ему это будет?

Бальзаминова. Кто ж такая?

Красавина. Ну, об этом речь впереди. Вот, видишь ты, дело какого роду: она вдова и с большим капиталом, от этого самого и скучает.

Бальзаминова. Скажите пожалуйста!

Красавина. Так точно. И как, матушка моя, овдовела, так никуда не выезжает, все и сидит дома. Ну, а дома что ж делать? известно — покушает да почивать ляжет. Богатая женщина, что ж ей делать-то больше!

Бальзаминова. Отчего же это она при таком капитале никуда не ездит и знакомства не имеет?

Красавина. Ленива. Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь али к себе гостей не позовешь?» В гости ехать, говорит,— одеваться надобно; а приедешь — разговаривать нужно.

Бальзаминова. Разве она и разговаривать не любит?

Красавина. Как не любить! Только чтобы не торопясь, с прохладой. Ну таким-то родом, сударыня ты моя, от этакой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать. И даже так, я тебе скажу, тяжесть такая на нее напала, вроде как болезнь. Ну и сейчас с докторами советоваться. Я была при одном докторе. Вот доктор ей и говорит: «Вам, говорит, лекарства никакого не нужно; только чтоб, говорит, развлечение и беспременно чтоб замуж шли».

Бальзаминова. А она что ж?

Красавина. Она ему сейчас в руку три целковых бумажку. Порядок этот знает.

Бальзаминова. Нет, я не про то! Я насчет того, что замуж-то идти?

Красавина. «Я, говорит, замуж не прочь; только где его найдешь дома-то сидя».— А я-то, говорю, на что? — «Ну, говорит, хлопочи!» Так вот какие дела и какие оказии бывают.

Бальзаминова. Ну, а как насчет состояния?

Красавина. Сверх границ. Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть!

Бальзаминова. Как же это не счесть?

Красавина. Так вот и не счесть. Посчитают-посчитают, да и бросят. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всем так кажется, у кого денег нет. А поди-ко, попробуй! Нет, матушка, счет мудреное дело. И чиновники-то, которые при этом приставлены, и те, кто до сколько умеет, до столько и считает: потому у них и чины разные. Твой Михайло до сколько умеет?

Бальзаминова. Да я думаю, сколько ни дай, всё сочтет.

Красавина. Ну где ему! Тысяч до десяти сочтет, а больше не сумеет. А то вот еще какие оказии бывают, ты знаешь ли? Что-то строили, уж я не припомню, так артитехторы считали, считали, цыфирю не хватило.

Бальзаминова. Может ли это быть?

Красавина. Верно тебе говорю. Так что же придумали: до которых пор сочтут, это запишут, да опять цыфирь-то сначала и оборотят. Вот как! Так что ж тут мудреного, что мы денег не сочли? Ну деньги деньгами,— это само по себе, а еще дом.

Бальзаминова. Большой?

Красавина. А вот какой: заведи тебя в середку, да оставь одну, так ты и заблудишься, все равно что в лесу, и выходу не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала. Мало тебе этого, так у нас еще лавки есть.

Бальзаминова. Ты уж что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невесте-то.

Красавина. Это уж его дело. Да что это его не видать?

Бальзаминова. Не знаю, он дома был. Миша!

Бальзаминов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованная! Все ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминов. Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!

Бальзаминова. Нет, Миша, ты с ней не должен таким манером обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу может тебе сделать.

Красавина. Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый стал? Аль нашел на дороге сумму какую значительную?

Бальзаминов. Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она все обманывает.

Красавина. Я обманываю? Значит, ты души моей не знаешь. Ты слыхал ли когда песню:

Никто души моей не знает,
И чувств моих не могут описать.

Бальзаминов. За что она меня, маменька, обманывает? Что я ей сделал? Она сваха — она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себе под пару, так тебя никто и не будет обманывать; а то ты всё не под масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминов. А тебе какое дело! Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли я не могу никакими средствами достать денег, значит я должен жениться на богатой. *(Садится.)* Ах, маменька, какая это обида, что все на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный — на бедной. Есть ли в этом какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а бедный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вот когда такой закон от тебя выдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до тех пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминов. Вот видите, маменька, вот она опять все насмех. Зачем она пришла? Кто ее просил?

Красавина. Мне ведь как хотите! Я из-за своего добра кланяться не стану. Какая мне оказия!

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, он не в своем уме. Как тебе, Миша, не стыдно!

Красавина. Что ж он важность-то на себя напустил? Навязывать ему, что ли? Уж это много чести будет! Москва-то не клином сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова. Нет, ты этого, Гавриловна, не делай. Это тебе грех будет! Ты, Миша, еще не знаешь, какие она нам благодеяния оказывает. Вот ты поговори с ней, а я пойду; признаться сказать, после бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, так кто ж тебе запретит?

Бальзаминова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Красавина, Бальзаминов, потом Матрена.

Бальзаминов. Вот ты сердиться-то умеешь, а каково мне было тогда, как меня из дому выгнали? Вот так асаже!

Красавина. А ты еще все не забыл? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вот за этот-то за самый афронт я и хочу тебе заслужить.

Бальзаминов. Чем же ты заслужишь?

Красавина. Невесту нашла.

Бальзаминов. Ну уж не надо. Опять то же будет. Я сам нашел.

Красавина. Мудрено что-то! Где ж это?

Бальзаминов. Как же! так я и сказал тебе!

Красавина. Ничего у тебя не выдет.

Бальзаминов. А вот посмотрим.

К р а с а в и н а. И смотреть нечего.

Входит М а т р е н а *и становится у двери, приложив руку к щеке.*

Ты сам рассуди! Какую тебе невесту нужно?

Б а л ь з а м и н о в. Известно какую, обыкновенную.

К р а с а в и н а. Нет, не обнаковенную. Ты человек глупый, значит...

Б а л ь з а м и н о в. Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!

М а т р е н а. А что, умен?

Б а л ь з а м и н о в. Ты молчи, не твое дело!

К р а с а в и н а. Ты послушай! ты человек глупый, значит тебе...

Б а л ь з а м и н о в. Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя я, может быть, глуп; а для других совсем нет. Давай спросим у кого-нибудь.

К р а с а в и н а. Давай спросим! Да нечего и спрашивать. Ты поверь мне: я человек старый, обманывать тебя не стану.

М а т р е н а. Какой ты, Михайло Митрич, как погляжу я на тебя, спорить здоровый! Где ж тебе с ней спорить?

Б а л ь з а м и н о в. Как же не спорить, когда она меня дураком называет?

М а т р е н а. Она лучше тебя знает. Коли называет, значит правда.

Б а л ь з а м и н о в. Да что вы ко мне пристали! Что вам от меня надо?

К р а с а в и н а. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпение, выслушай! Ты глупый человек, значит тебе умней себя искать невесту нельзя.

М а т р е н а. Само собой.

К р а с а в и н а. Значит, тебе нужно искать глупей себя. Вот такую-то я тебе теперь...

Б а л ь з а м и н о в *(встает)*. Что ты ко мне пристаешь! Что ты ко мне пристаешь! Я тебе сказал, что я слушать тебя не хочу. А ты все с насмешками да с ругательством! Ты думаешь, я вам насмех дался? Нет, погоди еще у меня!

К р а с а в и н а. Что же ты сделаешь?

Б а л ь з а м и н о в. Я знаю, что сделать! Ты меня не тронь! Я служащий, обидеть меня не смеешь! Я на тебя и суд найду!

Красавина. Суд? Что ты, в уме ли? А судиться так судиться! Ты думаешь, я испугалась? Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я ответ найду. В какой суд на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминов. Это уж мое дело.

Красавина. Да ты все ли суды знаешь-то? Чай, только магистрат и знаешь? Нам с тобой будет суд особенный! Позовут на глаза — и сейчас решение.

Бальзаминов. Для меня все равно.

Красавина. Что же станешь на суде говорить? Какие во мне пороки станешь доказывать? Ты и слов-то не найдешь; а и найдешь, так складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то наперед подберу одно к другому. Вот нас с тобой сейчас и решат: мне превелегию на листе напишут...

Бальзаминов. Какую привилегию?

Красавина. Против тебя превелегию, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всем превозвышена; а тебя в лабет поставят.

Бальзаминов. В какой лабет? Что ты врешь!

Красавина. А еще мужчина, еще служащий, а не знаешь, что такое лабет! Где ж тебе со мной судиться!

Матрена. У! Бесстыдник!

Бальзаминов. Так что ж это вы меня со свету сжить, что ли, хотите? Сил моих не хватит! Батюшки! Ну вас к черту! *(Быстро берет фуражку.)* От вас за сто верст убежишь. *(Бросается в дверь и сталкивается с Чебаковым.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Чебаков.

Чебаков. Что это вы? Что это вы, господин Бальзаминов?

Матрена. Батюшки! Он в уме повихнулся.

Бальзаминов. Ах, извините-с! Такое невежество! Вы не можете себе представить! Это ужас что такое!

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, что с вами такое?

Бальзаминов. Ничего-с! Очень вам благодарен! Конечно, с моей стороны неучтивость... Извините! Покорнейше прошу садиться!

Чебаков *(садясь)*. Послушайте, Бальзаминов, вы что-то не в своей тарелке.

Бальзаминов. Да помилуйте-с, Лукьян Лукьяныч, никак невозможно! Необразование, насмешки...

Чебаков. Ну, да это в сторону! Послушайте, что же, вы исполните, что обещали или нет?

Бальзаминов. Как же можно! Непременно-с.

Чебаков. То-то же! А то ведь вы, пожалуй...

Бальзаминов. Уж ежели я что, Лукьян Лукьяныч, обещал-с...

Чебаков. Ну да, разговаривайте! Знаем мы вас. Только послушайте, Бальзаминов, вам надо башмачником одеться.

Матрена. Батюшки!

Бальзаминов. Зачем же это-с?

Чебаков. А вот я вам сейчас объясню.

Красавина. Ну прощай, башмачник! Уж я к тебе больше не пойду; потому, мой друг, что хлеб за брюхом не ходит. *(Уходит, и Матрена за ней.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, это сваха, должно быть?

Бальзаминов. Так точно-с. Конечно, невежество...

Чебаков. Так вот что, Бальзаминов: нельзя иначе, надо непременно башмачником. А то как же вы к ним в дом войдете? А вы наденьте сертук похуже, да фуражку, вот хоть эту, которая у вас в руках, волосы растреплите, запачкайте лицо чем-нибудь и ступайте. Позвоните у ворот, вам отопрут, вы и скажите, что, мол, башмачник, барышням мерку снимать. Там уж знают, вас сейчас и проведут к барышням.

Бальзаминов. А потом что же-с?

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов! Вы чудак. Как же вы спрашиваете, что делать! Вы влюблены или нет?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Чебаков. Так ведь надо же вам объясниться. И кстати, письмо отдадите. Моей отдайте вот это письмо *(отдает письмо)*, а своей откройтесь в любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колени. Да вы послушайте, не перемешайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминов. Помилуйте! Как можно! А вы, Лукьян Лукьяныч, уж открылись-с?

Чебаков. Давно уж...

Бальзаминов. Мы их, Лукьян Лукьяныч, скоро увезем-с?

Чебаков. Как будут согласны, так и увезем.

Бальзаминов. Моя будет согласна-с, потому что она на меня так смотрит, когда мы мимо проходим, что даже уму непостижимо-с.

Чебаков. Послушайте, ну вот и прекрасно.

Бальзаминов. Только, Лукьян Лукьяныч, как бы нам не ошибиться насчет...

Чебаков. Насчет денег? Нет, господин Бальзаминов, я в этом никогда не ошибаюсь.

Бальзаминов. То вы, а то я-с.

Чебаков. Они сестры, у них поровну капитал от отца. Братья оттого не отдают их замуж, что денег жаль.

Бальзаминов. Ну, так я сейчас-с, только сертук надену-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Чебаков *(один)*. Экой дурачина! Вот олух-то! Воображает, что в него влюбятся. А впрочем, если смотреть на жизнь с философской точки зрения, так и такие люди полезны. Кого нынче заставишь башмачником одеться! А эта штука мне может стоить полтораста тысяч. Из-за этого куша я здесь другой год живу, нарочно поблизости квартиру нанял. Только, черт их возьми, живут очень крепко! Не то что видеться, а и письмо-то передать больших трудов и издержек стоит. Если мне этот дурак поможет ее увезти,— я его, голубчика, в поминанье запишу.

Входит Бальзаминов в сертуке.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Чебаков и Бальзаминов.

Чебаков. Послушайте, вы настоящий сапожник.

Бальзаминов. Башмачник-с.

Чебаков. Только послушайте, ну, как ваше начальство узнает, что вы башмачным мастерством занимаетесь?

Бальзаминов. Да, нехорошо-с, да и от товарищей тоже-с...

Чебаков. Нет, я шучу. Помилуйте, кто же это узнает!

Послушайте, я вам даже завидую. Вы будете разговаривать с любимой женщиной, а я должен страдать в одиночестве.

Б а л ь з а м и н о в. Да-с. А уж как я рад-с, я хоть плясать-с готов-с.

Ч е б а к о в. Именно на вашем месте плясать надобно. Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?

Б а л ь з а м и н о в. Что же это, Лукьян Лукьяныч! Я не пойду-с! Как же вы сами посылаете, а потом говорите, что высекут? На что же это похоже-с!

Ч е б а к о в. Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете!

Б а л ь з а м и н о в. Хорошо как шутки, а ежели в самом деле-с?

Ч е б а к о в. Уж будьте покойны! Я бы вас не послал.

Б а л ь з а м и н о в. Покоен-то я покоен, а все-таки...

Ч е б а к о в. Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади следить.

Б а л ь з а м и н о в. Пойдемте-с.

Подходят к двери.

Матрена! Скажи маменьке, что я ушел.

М а т р е н а *(за дверью)*. Сама увидит.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

ДОМНА ЕВСИГНЕВНА БЕЛОТЕЛОВА
вдова лет тридцати шести, очень полная женщина, приятного лица, говорит лениво, с расстановкой.

АНФИСА ПАНФИЛОВНА }
РАИСА ПАНФИЛОВНА } ПЕЖЕНОВЫ
девицы лет под тридцать, ни хороши, ни дурны; ни худы, ни толсты; одеты в простых ситцевых блузах, но в огромной величины кринолинах.

ХИМКА (АФИМКА)
горничная девочка Пеженовых.

БАЛЬЗАМИНОВ.

КРАСАВИНА.

Сцена представляет два сада, разделенные посередине забором; направо от зрителей сад Пеженовых, а налево — Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.; в саду Белотеловой налево видны две ступеньки и дверь в беседку; у забора с обеих сторон кусты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В саду на левой стороне.

Белотелова и Красавина сидят на лавочке.

Белотелова. Вот мы тут посидим, потом пойдем в беседку, там закусим, посидим. Там закуска приготовлена. Да потом опять сюда придем, посидим.

Красавина. Еще бы! Своя воля, что хотим, то и творим.

Белотелова. Что ж ты мне жениха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица ты моя, скоро. Нельзя же вдруг! Ведь женихов у меня много, да всё не тот сорт. Для тебя уж я особенно займусь, хорошего тебе сыщу.

Белотелова. Сыщи хорошего.

Красавина. Уж ты будь покойна, это наших рук дело. Есть у меня один на примете, а рекомендовать боюсь.

Белотелова. А что же?

Красавина. Он бы и ничего, да дурашен, бог с ним.

Белотелова. Очень дурашен?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты об этом деле не печалься; без мужа не останешься.

Белотелова. Ну хорошо.

Красавина. Веришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на дне моря, я и со дна моря для твоего удовольствия достану. Да уж и ты меня не обидь.

Белотелова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Кто ж этого не знает! Весь свет знает. А это я к тому говорю, красавица ты моя писаная, что от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей? Вам жить да нежиться, а нам для вас служить. Ты сиди только да придумывай, а уж я для тебя все, окромя разве птичьего молока.

Белотелова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Лень тебе, красавица моя, а то как бы не придумать. Я бы на твоем месте, да с твоими деньгами, такое веселье завела, таких бы чудес натворила, что ни об чем бы, кроме меня, и не разговаривали.

Белотелова. А что ж бы ты сделала?

Красавина. Да вот тебе первое. Коли не хочешь ты никуда ездить, так у себя дома сделай: позови баб побольше, вели приготовить отличный обед, чтобы вина побольше разного, хорошего; позови музыку полковую: мы будем пить, а она чтоб играла. Потом все в сад, а музыка чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем; потом опять домой да песни; а там опять маршем. Да так чтобы три дни кряду, а начинать с утра. А вороты вели запереть, чтобы не ушел никто. Вот тебе и будет весело.

Белотелова. Весело, только хлопот много.

Красавина. А ты мне прикажи, я все хлопоты на себя возьму. Я орел на эти дела.

Белотелова. Ну хорошо, как-нибудь сделаем.

Красавина. Да поскорей бы! Хорошего дела никогда откладывать не должно!

Белотелова. Не пойти ли нам в беседку?

Красавина. Погоди! Посидим здесь; хорошо на воздухе-то. Поговорим об чем-нибудь для времяпровождения.

Белотелова. Я уж не знаю, об чем говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.

Белотелова. Войны не слыхать ли?

Красавина. Войны не слыхать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясется местами, об этом слух есть; местах в трех трясение было.

Белотелова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошего! Сама знаешь, писано есть об этом. Да вот еще, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

Белотелова. Откуда ж они?

Красавина. Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули-то, а атаман в турецком платье.

Белотелова. Зачем на ходулях?

Красавина. Для скорости, ну и для страху.

Белотелова. Пойдем в беседку, посидим, закусим!

Красавина. Пойдем! Какой у тебя аппекит, дай

тебе бог здоровья, меня ижно завидки берут. Уж чего лучше на свете, коли аппекит хорош! Значит, весь человек здоров и душой покоен.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

На правой стороне.

Выходят Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса. Тоска, Анфиса.

Анфиса. Тоска.

Раиса. Ой, батюшки, как скучно!

Молчание.

Анфиса. И нейдет, и не шлет никого!

Раиса. Да кого же прислать! Ты знаешь, к нам ходу нет.

Анфиса. Он в прошлом письме писал, что придумает что-нибудь. Не послать ли Химку в лавочку: не дожидается ли он там с письмом?

Раиса. За Химкой-то уж подсматривать стали. Бабушка все ворчит на нее, должно быть, что-нибудь заметила; да старуха-нянька все братцам пересказывает. Выходи, Анфиса, поскорей замуж, и я бы к тебе переехала жить: тогда своя воля; а то ведь это тоска.

Анфиса. Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а уж не пойду за тех женихов, что братцы сватают. Невежество-то мне и дома надоело. А мы сами немножко виноваты: тогда, как тятенька умер, уж мы много себе вольности дали.

Раиса. Вот золотое-то было времечко! Есть чем вспомнить!

Анфиса. Вот братцы-то нас и присадили. Такая тоска в этом положении.

Раиса. Хоть волком вой! Ах, тоска, Анфиса! Ах, тоска!

Анфиса. Я думала-думала, да придумала одну штуку.

Раиса. Что же ты придумала?

Анфиса *(оглядываясь)*. Бежать с Лукьян Лукьянычем.

Раиса. Что ты, сестрица! Как это можно!

Анфиса. А что ж такое! Жалко, что ль, мне кого здесь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здесь живем, так братья над нами власть имеют; а как из

ворот, так и кончено. И деньги свои потребую, какие мне следовают.

Р а и с а. Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозят.

А н ф и с а. Ничего, Раиса, не страшно. Ведь меня уж увозили, ты помнишь?

Р а и с а. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

А н ф и с а. Ну, что старое вспоминать! Вот я теперь и жду от Лукьян Лукьяныча письма об этом об самом. Только как он его передаст?

Р а и с а. Уж как-нибудь придумает.

А н ф и с а. Тогда тебя к себе жить возьму.

Р а и с а. Вот мы, Анфиса, заживем-то! По всем гуляньям, по всем дачам будем ездить. Я себе тоже военного выберу.

А н ф и с а. А что же этот, твой-то?

Р а и с а. Белобрысый-то? Ну, что за крайность! Кабы ничего лучше в предмете не было, так уж так бы и быть — от скуки.

А н ф и с а. Разве он тебе не нравится?

Р а и с а. Он мне что-то, Анфиса, гнусненек кажется.

А н ф и с а. Зачем же ты с ним кокетничаешь?

Р а и с а. От тоски. Все-таки развлечение. Ах, тоска! Ах, тоска!

А н ф и с а. А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена.

Р а и с а. Пускай его думает, убытку-то мне немного.

А н ф и с а. Знаешь, Раиса, что я тебе говорила-то, что бежать-то с Лукьян Лукьянычем? Ведь это, может быть, очень скоро будет. Я уж, что нужно на первый раз, приготовила; хоть сейчас собраться, да и была такова.

Р а и с а. Вот я посмотрю, как ты убежишь, да и я, может, то же сделаю. Не умирать же тут с тоски в самом деле!

Х и м к а вбегает, дрожа от страха и запыхавшись.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А н ф и с а, Р а и с а и Х и м к а.

А н ф и с а. Что ты, Химка?

Х и м к а. Пришел... пришел...

А н ф и с а. Кто пришел?

Х и м к а. Башмачник пришел, башмачник пришел.

А н ф и с а. Какой башмачник?

Х и м к а. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говорит, знакомые послали, барышням мерку снимать, мерку снимать.

Р а и с а. Это от Лукьян Лукьяныча, должно быть?

А н ф и с а. Непременно. Кто ж его пустил?

Х и м к а. Я пустила, все спят, я пустила. Ах, страсти!

А н ф и с а. Где же он?

Х и м к а. У садовой калитки дожидается. Он у калитки...

А н ф и с а. Веди его сюда скорей, да смотри, чтоб не увидали.

Х и м к а. Сейчас, сейчас! Батюшки! Сейчас! *(Убегает.)*

Р а и с а. Ишь ты какой придумщик! Башмачника прислал.

А н ф и с а. Благородного человека сейчас видно: у него все и поступки благородные. Ну кто придумает башмачника прислать, кроме благородного человека? Никто на свете.

Р а и с а. Мы этого башмачника на весь дом шить башмаки заставим, он нам и будет письма переносить.

Входят Бальзаминов и Химка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анфиса, Раиса, Бальзаминов и Химка.

А н ф и с а *(тихо)*. Да ведь это твой белобрысый.

Р а и с а. Вот суприз!

А н ф и с а. Беги, Химка, постереги у калитки: коли в доме проснутся, так ты дай знак какой-нибудь.

Х и м к а. Сейчас! Сейчас! Вот страсти-то! *(Убегает.)*

А н ф и с а. Однако как вы смелы!

Б а л ь з а м и н о в. Любовь все преодолевает-с.

А н ф и с а. Лукьяна Лукьяныча давно ли видели?

Б а л ь з а м и н о в. Даже только сейчас-с. Я от них к вам письмо имею.

А н ф и с а. Так давайте!

Б а л ь з а м и н о в *(подает письмо)*. Извольте-с. Они ответ просили-с.

Анфиса отходит, распечатывает и читает.

Р а и с а. Вас зовут Михайло Дмитрич?

Б а л ь з а м и н о в. Точно так-с. Это я собственно для вас-с.

Р а и с а. Что для меня?

Б а л ь з а м и н о в. В таком виде-с.

Р а и с а. Покорно вас благодарю.

А н ф и с а. Раиса, поди сюда! Вы, господин Бальзаминов, извините: нам нужно поговорить. Вы посидите на лавочке, подождите.

Раиса подходит к Анфисе.

Б а л ь з а м и н о в *(садится на лавочку у забора)*. Очень хорошо-с.

А н ф и с а *(читает)*. «У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словах только, а на самом деле. Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы...».

Р а и с а. Ах, это правда.

А н ф и с а. Правда! *(Читает.)* «Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу. Из любви к вам я решаюсь избавить вас от неволи; теперь все зависит от вас. Если хотите, чтоб мы были оба счастливы,— сегодня, когда стемнеет и ваши улягутся спать, что произойдет, вероятно, не позже девятого часа, выходите в сад. В переулке, сзади вашего сада, я буду ожидать вас с коляской. Забор вашего сада, который выходит в переулок, в одном месте плох...».

Р а и с а. Да, братец давно говорил об этом. На этой неделе хотят починить.

А н ф и с а *(читает)*. «Мы разберем несколько досок, и вы будете на свободе. Мы с вами поедем верст за пятнадцать, где меня ждут мои приятели и уже все готово, даже и музыка...».

Р а и с а. И музыка! Ах, как это весело! А здесь-то какая тоска!

А н ф и с а. Ах, Раиса! Вот что значит благородный человек! Увозит девушку, все устроил отличным манером и потом даже с музыкой! Кто, кроме благородного человека, это сделает? Никто решительно.

Р а и с а. Что же, Анфиса, ты поедешь?

А н ф и с а. Еще бы после этого да я не поехала! Это даже было бы неучтиво с моей стороны. *(Читает.)*

«Впрочем, может быть, вам ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается в том, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати раз мимо ваших окон? В таком случае извините, что я предложил вам бежать со мной...».

Раиса. Отчего же он об нас так низко думает?

Анфиса. Я ему докажу, что я совсем не таких понятий об жизни. *(Читает.)* «Конечно, очень похвально слушаться братцев, бабушек и тетушек...».

Раиса. Анфиса, это он в насмешку!

Анфиса. Разумеется. *(Читает.)* «...но зачем же губить свою молодость и отказывать себе в удовольствиях? С нетерпением жду вашего ответа. Если вы сегодня не решитесь, я завтра уезжаю на Кавказ. Целую ваши ручки. Весь ваш...».

Раиса *(заглядывая в письмо)*. А это что?

Анфиса. А это Люди, Червь, значит: Лукьян Чебаков. Ну, Раиса, я пойду напишу ему ответ, а ты тут посиди с Бальзаминовым. Ты мне после скажи, что он тебе будет говорить.

Раиса. А как же Бальзаминов выдет отсюда? Ведь его никто не видал, как он вошел!

Анфиса. Вот еще беда-то!

Раиса. Знаешь что, Анфиса: я его как-нибудь спровожу через забор.

Анфиса. Ну хорошо. Ответ я с Химкой пришлю. Прощайте, господин Бальзаминов! *(Уходит.)*

Раиса *(Бальзаминову)*. Я сейчас к вам приду. *(Провожает Анфису.)*

Бальзаминов. Ведь вот теперь надо в любви открываться, а я ничего не придумал, никаких слов не прибрал. Эка голова! Что ты будешь делать! Будь тут столб или дерево покрепче,— так бы взял да и разбил ее вдребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дурак. Что ж в самом деле? не стоять же столбом! На счастье буду говорить, что в голову придет: может быть, и хорошо выдет. Вот каковы приятели! Сколько раз просил, чтобы показали, как в любви объясняться — ни один не показал. Всё из зависти, всякий для себя бережет.

Раиса возвращается.

Вот идет! Вот, что мы будем делать?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов и Раиса.

Раиса. Извините, что мы вас заставили дожидаться!

Бальзаминов. Ничего-с! Очень приятно-с!

Молчание.

Они куда же пошли-с?

Раиса. Она пошла ответ писать.

Бальзаминов. Они скоро-с?

Раиса. Нет, она очень долго пишет. Мы скоро не умеем; для этого привычка нужна, а мы, кроме писем, ничего не пишем.

Бальзаминов. Я теперича все скучаю-с.

Раиса. И мы тоже скучаем. Такая тоска, вы не поверите!

Бальзаминов. Да вы, может быть, не оттого-с.

Раиса. Оттого, что всё сидим взаперти, не видим никаких развлечений.

Бальзаминов. А я от другого-с.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминов. Я даже по ночам не сплю-с.

Раиса. Может быть, днем спите?

Бальзаминов. Нет, совсем не оттого-с.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминов. От чувств-с.

Раиса. От каких же это чувств?

Бальзаминов. Я так чувствую себя, что я самый несчастный человек в жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать от вас. Мужчины вообще счастливей женщин.

Бальзаминов. Но не все-с.

Раиса. У женщины несчастие заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминов. А у мужчины несчастие заключается от любви-с.

Раиса. Значит, надобно так полагать, что вы влюблены?

Бальзаминов. Так точно-с.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла вас прельстить собою?

Бальзаминов. Я не смею вам этого открыть-с.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминов. Вам, может быть, будет противно меня слушать-с.

Раиса. Нисколько не противно; даже совсем напротив.

Бальзаминов. В таком случае-с позвольте вам выразить, что эта женщина — вы самые-с и есть-с.

Раиса. Ах, скажите! Я этого никак не ожидала.

Бальзаминов. Могу я сколько-нибудь надежду иметь-с или нет-с?

Раиса. Я еще ничего не слыхала от вас.

Бальзаминов. Для моей любви нет слов-с. Я бы и желал выразить-с, но никак не могу-с.

Раиса. Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминов. Одно только и могу сказать-с, что я сам себе тиран.

Раиса. Какое же в этом тиранство?

Бальзаминов. Самое жестокое тиранство-с. Ежели человек влюблен-с, и даже не спит ночи, и не знает слов-с...

Раиса. Вы давно в меня влюблены?

Бальзаминов. В четверг после обеда, на прошлой неделе.

Раиса. Так это недавно! Лукьян Лукьяныч любит Анфису полтора года.

Бальзаминов. И я могу-с... даже больше.

Раиса. Ну, это еще неизвестно. Может быть, вы непостоянный кавалер?

Бальзаминов. Я считаю это в мужчинах за низкость-с.

Раиса. Коли вы влюблены, отчего же вы мне письма́ не написали? Влюбленные всегда пишут письма.

Бальзаминов. Я не смел-с. А ежели вы так снисходительны, то я первым долгом почту написать вам даже нынче. А вы мне напишете на ответ-с?

Раиса. Отчего же не написать.

Бальзаминов. А ежели бежать-с,— вы согласны будете?

Раиса. Уж это очень скоро.

Бальзаминов *(становится на колени)*. Сделайте такое одолжение-с! Лукьян Лукьяныч тоже хотят увезти вашу сестрицу, так уж и я-с, чтобы вместе-с...

Раиса. Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну, увидит кто-нибудь? Вон Химка бежит.

Бальзаминов встает. Вбегает Химка.

Химка *(подает Бальзаминову письмо)*. Вот письмо, вот письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, все проснулись! *(Убегает.)*

Р а и с а. Ах, как же быть! Куда же мне вас деть? Через двор теперь нельзя.

Б а л ь з а м и н о в *(оглядывается по сторонам и подпрыгивает)*. Что же я-с? Как же я-с? А-я-яй! А-я-яй!

Р а и с а. Разве через забор? Вы умеете?

Б а л ь з а м и н о в. Раз, два, три-с... раз, два, три — и там-с.

Р а и с а. Так ступайте скорей!

Б а л ь з а м и н о в. Сейчас-с. *(Бежит за куст и лезет на забор налево.)*

Р а и с а. Не туда, не туда! Это в чужой сад.

Бальзаминов не слушает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

На левой стороне.
Б е л о т е л о в а и К р а с а в и н а выходят из беседки и останавливаются на ступенях.

Б е л о т е л о в а. Ты говоришь, что разбойники на ходулях ходят? Может быть, это колокол льют.

К р а с а в и н а. Уж это так точно, поверь моему слову! Вот видишь забор. Так выше этого забора у них ходули.

Б а л ь з а м и н о в показывается на заборе.

Б е л о т е л о в а. Ах! Вот они. *(Убегает в беседку.)*

Сваха от испуга садится на ступеньке.

Б а л ь з а м и н о в *(спрыгнув с забора)*. А-я-яй! Ой-ой-ой!

Р а и с а *(за забором)*. Что с вами?

Б а л ь з а м и н о в. В крапиву-с.

Р а и с а. Ну, прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К р а с а в и н а и Б а л ь з а м и н о в.

К р а с а в и н а. Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Все сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было!

Б а л ь з а м и н о в выходит из-за куста.

Ишь тебя где луканька-то[1] носит!

---

[1] Уменьшительное от «лукавый», простонародное слово. *(Прим. автора.)*

Бальзаминов. Где же это я? Вот и ты здесь!

Красавина. Я-то здесь; ты-то как попал?

Бальзаминов. Я оттуда...

Красавина. Видно, хорошо приняли, да может, и угостили чем-нибудь? Шенпанским, что ли, чем ворота запирают? Аль собаками травили?

Бальзаминов. Ты меня выведи как-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то? Скажи ты мне, варвар, что ты с нами сделал? Мы дамы тучные, долго ли до греха! Оборвется сердце — и конец. Нет, мы тебе руки свяжем да в часть теперича.

Бальзаминов. Да за что же?

Красавина. А за то, что не лазий по заборам! Разве показано лазить по заборам, ворам дорогу указывать? Ты у меня как хозяйку-то испугал, а? Как? Так что теперь неизвестно, жива ли она там в беседке-то! Вот что, друг ты мой!

Бальзаминов. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человек!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, как тебя счесть? За вора?

Бальзаминов. Да какой же я вор?

Красавина. А за что за другое — так тебе же хуже будет. Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдет. Она по всем правам на тебя прошение за свое бесчестье подаст. Что тебе за это будет? Знаешь ли ты? А уж ты лучше, для облегчения себя, скажи, что воровать пришел. Я тебе по дружбе советую.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Да как же это, страм какой! Акулина Гавриловна, сделай милость, выпусти как-нибудь!

Красавина. Теперь «сделай милость», а давеча так из дому гнать! Ты теперь весь в моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу — прощу, захочу — под уголовную подведу. Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял.

Бальзаминов. Долго ль меня напугать? Я человек робкий. Уж я тебе все, что ты хочешь, только ты не погуби меня.

Красавина *(встает)*. Ну вот что: две тысячи целковых.

Бальзаминов. Где же я возьму?

Красавина. Уж это не твое дело. Будут. Только уж ты из-под моей власти ни на шаг. Что прикажу, то и делай! Как только хозяйка выдет, говори, что влюблен. *(Показывая на забор.)* Там тебе нечего взять, я ведь знаю; а здесь дело-то скорей выгорит, да и денег-то впятеро против тех.

Бальзаминов. Что же это такое? Я умру. В один день столько перемен со мной! Это с ума сойдешь! Я тебя золотом осыплю.

Красавина. Завтра приду к тебе, условие напишем; а теперь говори одно, что влюблен. *(Заглядывает в беседку.)* Домна Евсигневна! выходи, ничего!

Белотелова выходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бальзаминов, Красавина и Белотелова.

Белотелова. Как я испугалась, думала, умру.

Красавина. Ты б выпила чего-нибудь покрепче! От испугу это хорошо.

Белотелова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдет. Ты не бойся, это знакомый, он по ошибке. *(Берет Бальзаминова за руку и хочет подвести к Белотеловой.)*

Бальзаминов *(тихо)*. Уж очень они полны.

Красавина. Ты еще разговаривать стал! *(Подводит.)* Вот тебе Михайло Дмитрич Бальзаминов. *(Бальзаминову.)* Целуй ручку!

Бальзаминов целует.

Белотелова. Зачем же вы?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Красавина. Ну да, влюблен. Так точно. Это он верно говорит. Вот и потолкуйте, а я по саду погуляю. *(Уходит за кусты.)*

Белотелова. Лучше сядемте.

Садятся на скамейку.

Как же это вы?

Бальзаминов. Через забор-с.

Белотелова. Отчего через забор?

Бальзаминов. От любви-с. Вы не сердитесь на меня-с?

Белотелова. Нет, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что делаете?

Бальзаминов. Я? ничего-с.

Белотелова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не делать, а вместе веселее.

Бальзаминов. Как же можно-с, гораздо веселее!

Белотелова *(кладет руку на плечо Бальзаминову)*. Вы хотите вместе?

Бальзаминов. Даже за счастие почту-с.

Белотелова. Я очень добрая, я всему верю; так уж вы меня не обманите.

Бальзаминов. Как же это можно-с! Я за низкость считаю обманывать.

Белотелова. Ну хорошо! Вы меня любите, и я вас буду...

Бальзаминов. Покорнейше благодарю-с. Пожалуйте ручку поцеловать!

Белотелова. Нате! *(Дает руку.)* А то подвиньтесь поближе: я вас так...

Бальзаминов подвигается, она его целует.
Сваха выходит из-за кустов.

Красавина. Ну вот и прекрасно! Значит, и делу конец!

Белотелова *(встает)*. Пойдемте все в беседку.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Мне бы домой-с.

Красавина. Мы лучше его отпустим. Ты ступай! Поцелуй ручку и ступай! Так прямо, из калитки в ворота, никто тебя не тронет.

Бальзаминов *(целует руку у Белотеловой)*. Прощайте-с.

Белотелова. До свиданья.

Красавина. До завтра, до завтра.

Бальзаминов уходит.

А мы вот с тобой потолкуем. Ну как тебе?

Белотелова. Он мне понравился. Ты мне его!

Красавина. Ну, а его, так его. Все это в наших руках. Вот у нас теперь и пированье пойдет,— дым коромыслом. А там и вовсе свадьба.

Белотелова. Свадьба долго; а он чтоб и прежде каждый день... ко мне...

Красавина. Стоит об этом толковать. Что ж ему

делать-то! Так же бегает. А уж теперь пущай тут с утра до ночи.

лотелова *(смеется)*. Вот мне теперь гораздо веселей.

асавина *(смеется)*. Ах ты, красавица моя писаная! Ишь ты, развеселилась! Вот я тебя чем утешила. Еще ты погоди, какое у нас веселье будет!

Смеются обе.

Пойдем в беседку, я тебя проздравлю как следует.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

БАЛЬЗАМИНОВА.

БАЛЬЗАМИНОВ.

ЧЕБАКОВ.

КРАСАВИНА.

МАТРЕНА.

Комната у Бальзаминовых та же, что в первой картине.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

льзаминова *(одна)*. Ах, как я долго проспала! Уж смеркается. В голове так тяжело, и сны всё такие снились страшные. Все Мишу во сне видела. Уж разумеется, о чем думаешь, то и во сне видишь. Где-то он теперь? А что-нибудь либо делается с ним, либо сделается необыкновенное. Сна-то никак не распутаю; уж очень много видела-то я. Чего-чего не было! Я отроду таких снов не видала. Вот кабы умного человека найти, сейчас бы и посоветовалась, а одной не разобрать. Вот разве как вдвоем с Матреной не разберем ли. Ум хорошо, говорят, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсем; пожалуй, что в снах-то понятия-то большого не имеет. Ведь простой человек спит крепко, а если что и видит, так ему все равно, у него на это понятия нет. Матрена!

Входит Матрена.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминова. Ты, Матрена, умеешь сны разбирать?

Матрена. Да что их разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова. Конечно, не всякий сон к чему-нибудь; бывают сны и пустые, так, к погоде. А вот ты заметь, коли чему быть, так непременно прежде сон увидишь.

Матрена. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова. Разные перевороты могут быть с человеком: один из богатства в бедность приходит, а другой из бедности в богатство.

Матрена. Не видать что-то этих переворотов-то: богатый богатым так и живет, а бедный, как ни переворачивай его, все бедный.

Бальзаминова. Как ты глупо рассуждаешь! Разве не бывает, что на дороге находят значительные суммы? Ну вот Миша жениться может на богатой: вот богат и будет.

Матрена. Оно точно, что говорить! Чем черт не шутит! Только уж на редкость это дело будет, как наш да на богатой женится!

Бальзаминова. Разумеется, на редкость. А все-таки может случиться; такие ли еще дела бывают.

Матрена. Что говорить! Всяко случается. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Бальзаминова. Ну вот видишь ли! Значит, что ж мудреного, что Миша женится на богатой? Вот в этаком-то случае сон-то и много значит, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой уж я, Матрена, сон видела, такой странный, что и не знаю, чему приписать! Вижу: будто я на гулянье, что ли, только народу, народу видимо-невидимо...

Матрена. Это к снегу, говорят.

Бальзаминова. К какому же снегу! Что ты, в уме ли! В августе-то месяце!

Матрена. Ну, так к дождю.

Бальзаминова. Да и не к дождю.

Матрена. Ну, а коли не к дождю, уж я больше не умею сказать, к чему это.

Бальзаминова. Не умеешь, так и молчи; а то ты только перебиваешь. Я уж и так половину переза-

была; уж очень много со мной во сне приключениев-то было. Только тут ли, после ли, вдруг я вижу корабль. Или нет, корабль после.

Матрена. Уплывет что-нибудь.

Бальзаминова. Погоди! Сначала я вижу мост, и на мосту сидят всё бабы с грибами и с ягодами...

Матрена. Мост — это с квартиры съезжать на другую.

Бальзаминова. Постой! Не перебивай ты меня! Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: «Китай». Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: «Маменька, подите сюда, в Китай!» Вот будто я сбираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: «Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне». Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один. А Миша будто такой веселый, пляшет и поет: «Я поеду во Китай-город гулять!»

Матрена. Ну уж это, вот режь ты меня сейчас на части,— ни за что не пойму, к чему приписать.

Бальзаминова. Где тут понять! Да это что! Много я еще чудес-то видела; и все-то Миша в глазах, все-то Миша.

Матрена. Все сокрушаешься об нем, об его малом разуме, вот и видишь.

Бальзаминова. То он пляшет, то догоняет кого-то, то за ним кто-то гонится. То пропадет куда-то, то вдруг явится.

Матрена. Да это и наяву все так же: то пропадет, то явится. Вот давеча пропал, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его в суде за дело за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавал.

Бальзаминова. Какое уж ему дело давать, по его ли разуму?

Матрена. Да вот он, на помине-то легок.

Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов *(садится)*. Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова. Значит, благополучно?

Бальзаминов. Еще как благополучно-то! Так, маменька, что я думаю, что не переживу от радости. Теперь, маменька, и дрожки беговые, и лошадь серая, и всё... Ух, устал!

Бальзаминова. А какой я без тебя сон видела!

Бальзаминов. Что сон! Со мной наяву то было, что никому ни в жизнь не приснится. У своей был... и у той был, что сваха-то говорила, у Белотеловой, я на воротах прочел, что она Белотелова, как выходил оттуда; а туда через забор...

Матрена. Ишь ты, нелегкая-то тебя носит!

Бальзаминов. Молчи ты! Ты еще не знаешь, с кем ты теперь говоришь! Маменька, вот они, мечты-то мои! Ан вот правда выходит. Ух, дух не переведу!

Бальзаминова. Что, богато она живет?

Бальзаминов. Богато. Дом, лошади, сад, деньги, всё...

Бальзаминова. Значит, правду сваха-то говорила, что денег счету нет?

Бальзаминов. Правду.

Бальзаминова. Ну что ж ты?

Бальзаминов. Женюсь.

Бальзаминова. На ком?

Бальзаминов. На обеих.

Матрена. Что ты, татарин, что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, так уж себя не помнишь! Говоришь такие слова, что ни на что не похоже.

Бальзаминов. Погодите, постойте! А то я помешаюсь в мыслях. Этакое счастье и вдруг, в один день...

Матрена. Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Бальзаминов. Да замолчи ты! Я, маменька, себе человека найму, камердинера; а Матрену прочь... за грубость.

Матрена. И давно бы ты нанял. *(Уходит.)*

Бальзаминова. Ну, а эта, как ее, Пеженова, что ли? У нее сколько?

Бальзаминов. Полтораста тысяч.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чем у той.

Бальзаминов. Зато эта, маменька, помоложе, а та постарше — ну, так у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замуж идти, Пеженова-то?

Бальзаминов. Обе согласны. Только одна, чтоб увезти; а другая так дома. Не отдохну никак.

Бальзаминова. Ну как же ты?

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите! Вот он сад-то я нынче во сне-то видел! Я в двух садах был.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видела. Уж не знаю, к чему?

Бальзаминов. У Белотеловой лавка в Китай-городе, вот и весь ваш сон.

Бальзаминова. И то правда.

Бальзаминов *(быстро встает)*. Что же это такое! Боже мой! Представьте, маменька...

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте! Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу себе по улице, и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в коляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пеженовой сад отдадут в приданое: тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей...

Бальзаминова. Да ты никак в самом деле на обеих хочешь жениться?

Бальзаминов. Вот вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Что ж такое! Я этим никому вреда не делаю. Коли нельзя жениться на обеих, я бы хоть помечтал, по крайней мере, а вы меня расстроили.

Бальзаминова. Ну мечтай, бог с тобой!

Бальзаминов *(задумывается. Молчание)*. Нет, маменька, сам чувствую, что начинает все путаться в голове, так даже страшно делается. Планов-то много, а обдумать не могу. Сейчас я думал об доме, ну и представился мне в уме дом, большой, каменный, и львы на воротах; только лев будто и разевает рот, каменный-то, да и залаял, а я об этом и думать не хотел, обо льве-то. Хочу его из головы-то выкинуть, никак нейдет. А отчего это? Оттого, что я не привык думать, как богатые люди думают; все думал так, как бедные думают; вот оно теперь богатство-то в голове и не помещается. А вот привыкну, так ничего.

Бальзаминова. Что мудреного, что не помещается! Этакая пропасть! Иной раз и о пустяках думаешь, да ум за разум заходит; а тут, с такими деньгами — просто беда!

Бальзаминов *(задумавшись)*. Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будет там и голубей держать...

Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будет!

Бальзаминов. Само думается, маменька. Правду говорят, маменька, что с состоянием-то много заботы бывает.

Бальзаминова. А ты давай-ка лучше поговорим об чем-нибудь другом! А то, сохрани господи, долго ли до греха, пожалуй совсем свихнешься.

Бальзаминов. Извольте, маменька! Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чем угодно, я гордости не имею против вас. Нужды нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают. С другими я разговаривать не стану, а с вами завсегда. Вот я какой! *(Садится.)*

Бальзаминова. Еще бы! А которая лучше лицом-то из них?

Бальзаминов. Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу.

Бальзаминова. Что же ты мне не расскажешь, как у вас дело-то было?

Бальзаминов. До того ли мне, маменька, помилуйте! Вот Красавина придет, расскажет. *(Задумывается.)* У меня теперь в голове, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежа, чтобы к лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право, я боюсь, что ты с ума сойдешь. Да что же это мы в потемках-то сидим! Ишь, как смерклось. Пойду велю огня зажечь.

Бальзаминов. Погодите, маменька! Не нужно огня, в потемках лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошего впотьмах сидеть?

Бальзаминов. Впотьмах, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огне, только надобно зажмуриться, а в потемках можно и так, с открытыми глазами. Я теперь могу себя представить как угодно. И в зале могу себя представить в отличной, и в карете, и в саду; а принесите вы свечку — я сейчас и увижу, что я в самой бедной комнате, мебель скверная, ну все и

пропало. Да и на себя-то взгляну — совсем не тот, какой я в мечтах-то.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминов. В мечтах я себя представляю, маменька, что я высокого роста, полный и брюнет.

Бальзаминова. Разумеется, лучше.

Бальзаминов. Вот смотрите, маменька; вот я вам буду сказывать, что мне представляется. Вот будто сижу я в зале у окошка, в бархатном халате; вдруг подходит жена...

Бальзаминова. Ну, а потом что ж?

Бальзаминов. «Поедем, говорит, душенька, на гулянье!»

Бальзаминова. Отчего ж не ехать, коли погода хорошая?

Бальзаминов. Отличная, маменька, погода. Я говорю: «Поди, душенька, одеваться, и я сейчас оденусь».— «Человек!» — Приходит человек. «Одеваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащ на бархатной подкладке!» Вот не нравится мне, маменька, у него улыбка-то какая противная. Как точно он смеется надо мной.

Бальзаминова. Уж с этим народом беда!

Бальзаминов. Вот и грубит. Ну, я этого прогоню, я себе другого возьму. *(Что-то шепчет про себя.)*

Бальзаминова. Что ж ты замолчал?

Бальзаминов. Это мы, маменька, с женой разговариваем и целуемся. Вот, маменька, садимся мы с женой в коляску, я взял с собой денег пятьдесят тысяч.

Бальзаминова. Зачем так много?

Бальзаминов. Как знать, может быть, понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставил.

Бальзаминов. Еще украдут, пожалуй. Вот едем мы дорогой, все нам кланяются. Приезжаем в Эрмитаж, и там все кланяются; я держу себя гордо. *(В испуге вскакивает и ходит в волнении.)* Вот гадость-то! Ведь деньги-то у меня, пятьдесят-то тысяч, которые я взял, пропали.

Бальзаминова. Как пропали?

Бальзаминов. Так и пропали. Должно быть, вытащил кто-нибудь.

Бальзаминова. А ты не бери с собой!

Бальзаминов. В самом деле не возьму. Все равно и дома украдут. Куда ж бы их деть? В саду спрятать, в беседке под диван? Найдут. Отдать кому-нибудь на сбережение, пока мы на гулянье-то ездим? пожалуй, зажилит,— не отдаст после. Нет, лучше об деньгах не думать, а то беспокойно очень; об чем ни задумаешь, всё они мешают. Так я без денег будто гуляю.

Бальзаминова. Гораздо покойнее.

Бальзаминов. Вот, маменька, выхожу я из сада, жандарм кричит: «Коляску Бальзаминова!»

Входит Чебаков.

А я будто, маменька, генерал...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, это вы-то генерал?

Бальзаминова. Ах, батюшка, извините! Мы и не видали, как вы вошли.

Бальзаминов. Ах, я и не знал, что вы здесь-с. Я так, по-домашнему, с маменькой-с... а то я при вас бы не стал таких глупостей говорить-с! Впрочем, что ж такое, в сумерках отчего же и не заняться иногда, не помечтать-с?

Чебаков. Уж вы бы лучше об чем-нибудь другом, а не об генеральстве.

Бальзаминов. Нет, отчего же, в сумерках-с...

Чебаков. Да и в сумерках нельзя. Нет, вы бросьте это занятие!

Бальзаминова. Что же это мы в потемках-то сидим! Извините, батюшка! я сейчас пойду огня принесу.

Чебаков. Послушайте, не беспокойтесь, мы и так друг друга знаем.

Бальзаминова. Все-таки лучше, пристойнее. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, ваше превосходительство, нам надо будет отправиться.

Бальзаминов. Куда же-с?

Ч е б а к о в. Все туда же. Нас там ждут.

Б а л ь з а м и н о в. Зачем же это они нас ждут-с? Ведь я вам письмо принес; а завтра можно опять-с.

Ч е б а к о в. Вот в письме-то и написано, чтоб мы приходили сегодня.

Б а л ь з а м и н о в. И я-с?

Ч е б а к о в. И вы.

Б а л ь з а м и н о в. Что же мы там делать будем-с?

Ч е б а к о в. Вам хочется знать? Ну уж этого я вам не скажу. Вот пойдемте, так сами увидите.

Б а л ь з а м и н о в. А я-то что ж буду делать-с? Ведь уж я теперь в любви объяснился, уж после этого что мне делать, я не знаю-с.

Ч е б а к о в. Я вас научу.

Б а л ь з а м и н о в. Вот вы давеча говорили — увезти; а я вас, Лукьян Лукьяныч, и забыл спросить, куда же это их увозят-с?

Ч е б а к о в. Куда хотите.

Б а л ь з а м и н о в. А на чем же я увезу-с?

Ч е б а к о в. Послушайте, я вас этому всему научу, только пойдемте.

Б а л ь з а м и н о в. Я сейчас-с. *(Берет фуражку.)*

Входит Б а л ь з а м и н о в а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е и Б а л ь з а м и н о в а.

Б а л ь з а м и н о в а. Куда же это ты, Миша?

Б а л ь з а м и н о в. К Пеженовым-с.

Б а л ь з а м и н о в а. Разве уж ты решился?

Б а л ь з а м и н о в. Нет, маменька, как можно решиться! Да вот Лукьян Лукьяныч говорит, что надо идти.

Ч е б а к о в. Послушайте, разумеется, надо.

Б а л ь з а м и н о в. Вот видите, маменька! А решиться я не решился-с. Потому, извольте рассудить, маменька, дело-то какое выходит: ежели я решусь жениться на одной-с, ведь я другую должен упустить. На которой ни решись — все другую должен упустить. А ведь это какая жалость-то! Отказаться от невесты с таким состоянием! Да еще самому отказаться-то.

Ч е б а к о в. Послушайте, вы скоро?

Б а л ь з а м и н о в. Сейчас-с.

Б а л ь з а м и н о в а. Так зачем же ты идешь?

Бальзаминов. Ну уж, маменька, что будет, то будет, а мне от своего счастия бегать нельзя. Все сделано отлично, так чтоб теперь не испортить. Прощайте.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бальзаминова и потом Матрена.

Бальзаминова. Такие мудреные дела делаются, что и не разберешь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Так нужно, так нужно, что, кажется, готова последнее отдать, только бы поговорить с ней. Что без ворожеи сделаешь? И будешь ходить как впотьмах. Почем мы знаем с Мишей, которую теперь невесту выбрать? Почем мы знаем, где Мишу счастье ожидает в будущем? С одной может быть счастье, а с другой — несчастье; опять же и дом: иной счастлив, а другой нет; в одном всё ко двору, а в другом ничего не держится. А какой — нам неизвестно. Как же это так наобум решиться! Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом, спрашиваться, а мы такое важное дело да без совета сделаем! Уж что не порядок, так не порядок. Нет ли тут поблизости хоть какой-нибудь дешевенькой? Она хоть и не так явственно скажет, как дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будет. Матрена!

Входит Матрена.

Нет ли у нас тут где недалеко ворожеи какой-нибудь?

Матрена. Какой ворожеи?

Бальзаминова. Гадалки какой-нибудь.

Матрена. Вам про что спрашивать-то?

Бальзаминова. Об жизни, об счастье, обо всем.

Матрена. Таких нет здесь.

Бальзаминова. А какие же есть?

Матрена. Вот тут есть одна: об пропаже гадает. Коли что пропадет у кого, так сказывает. Да и то по именам не называет, а больше все обиняком. Спросят у нее: «Кто, мол, украл?» А она поворожит да и скажет: «Думай, говорит, на черного или на рябого». Больше от нее и слов нет. Да и то, говорят, от старости, что ли, все врет больше.

Бальзаминова. Ну, мне такой не надо.

Матрена. А другой негде взять.

Бальзаминова. Вот какая у нас сторона! Уж самого необходимого, и то не скоро найдешь! На картах кто не гадает ли, не слыхала ль ты?

Матрена. Есть тут одна, гадает, да ее теперича увезли.

Бальзаминова. Куда увезли?

Матрена. Гадать увезли, далеко, верст за шестьдесят, говорят. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывал, который приезжал-то, что барыня эта расстроилась с барином.

Бальзаминова. С мужем?

Матрена. Нет, оно выходит, что не с мужем, а так у ней, посторонний. Так повезли гадать, когда помирятся. А больше тут никаких нет.

Бальзаминова. Ты не знаешь, а то, чай, как не быть. Такая ты незанимательная женщина: ни к чему у тебя любопытства нет.

Матрена. А на что мне? Мне ворожить не об чем: гор золотых я ниоткуда не ожидаю. И без ворожбы как-нибудь век-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, как умею. *(Достает карты и гадает.)* Вот что, Матрена: теперь, гляди, сваха зайдет, так поставь-ко закусочки какой-нибудь в шкап.

Матрена приносит закуску и уходит. Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминова. Что ты так скоро?

Бальзаминов *(садится)*. Кончено, маменька! Таким дураком меня поставили, что легче бы, кажется, сквозь землю провалиться.

Бальзаминова. Да каким же это манером? Расскажи ты мне.

Бальзаминов. Очень просто. Приходим мы с Лукьян Лукьянычем к ихнему саду, гляжу — уж и коляска тут стоит. Только Лукьян Лукьяныч и говорит мне: «Ну, господин Бальзаминов, теперь наше дело к концу подходит».— Так у меня мурашки по сердцу и пошли.— «Давайте, говорит, теперь за

работу, забор разбирать». Так я, маменька, старался, даже вспотел. Вот мы три доски сняли, а те уж тут дожидаются. Вот он старшую, Анфису, берет за руку: «Садитесь, говорит, в коляску». Потом, маменька, начинают все целоваться: то сестры промеж себя поцелуются, то он и ту поцелует, и другую. Что мне тут делать, маменька, сами посудите? Как будто мне и неловко, и точно как завидно, и словно что за сердце сосет... уж я не знаю, как вам сказать. Я сейчас в ревность.

Бальзаминова. Ты это нарочно?

Бальзаминов. Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать против них. Я, маменька, хотел показать Раисе-то, что я в нее влюблен. Я и говорю Лукьян Лукьянычу: «Какое вы имеете право целовать Раису Панфиловну?» Они как захохочут все. Я, маменька, не обращаю на это внимания и говорю Раисе Панфиловне: «Когда же, говорю, мы с вами бежать будем?» А она, маменька, вообразите, говорит мне: «С чего вы это выдумали?» А сама целуется с сестрой и плачет. Потом Лукьян Лукьяныч сели в коляску с Анфисой и уехали. А Раиса, маменька, прямехонько мне так и отпечатала: «Подите вы от меня прочь, вы мне надоели до смерти», да подобравши свой кринолин, бегом домой. Что ж мне делать? Я и воротился.

Бальзаминова. Это оттого, Миша, что ты все от меня скрываешь, никогда со мной не посоветуешься. Расскажи ты мне, как у вас это дело было с самого начала.

Бальзаминов. Порядок, маменька, обыкновенный. Узнал я, что в доме есть богатые невесты, и начал ходить мимо. Они смотрят да улыбаются, а я из себя влюбленного представляю. Только один раз мы встречаемся с Лукьян Лукьянычем (я еще его не знал тогда), он и говорит: «За кем вы здесь волочитесь?» Я говорю: «Я за старшей». А и сказал-то так, наобум. «Влюбитесь, говорит, в младшую, лучше будет». Что ж, маменька, разве мне не все равно?

Бальзаминова. Разумеется!

Бальзаминов. Я и влюбился в младшую. «Я, говорит, вам помогать буду, потом мы их вместе увезем». Я на него понадеялся, а вот что вышло! Вот, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминова. Как же ты, Миша, не подумал, куда ты увезешь невесту и на чем? Ведь для этого деньги нужны.

Бальзаминов. Я, маменька, на Лукьян Лукьяныча надеялся.

Бальзаминова. Очень ему нужно путаться в чужие дела! Всякий сам о себе хлопочет.

Бальзаминов. А впрочем, маменька, коли правду сказать, я точно в тумане был; мне все казалось, что коли она меня полюбит и согласится бежать со мной, вдруг сама собой явится коляска; я ее привезу в дом к нам...

Бальзаминова. На эту квартиру-то?

Бальзаминов. Вы не поверите, маменька, как бывало начну думать, что увожу ее, так мне и представляется, что у нас дом свой, каменный, на Тверской.

Бальзаминова. Жаль мне тебя, Миша! Совсем еще ты дитя глупое.

Бальзаминов. Уж очень мне, маменька, разбогатеть-то хочется.

Бальзаминова. Ничего-то ты в жизни не сделаешь!

Бальзаминов. Отчего же, маменька?

Бальзаминова. Оттого что не умеешь ты ни за какое дело взяться. Все у тебя выходит не так, как у людей.

Бальзаминов. Нет, маменька, не оттого, что уменья нет, а оттого, что счастья нет мне ни в чем. Будь счастье, так все бы было,— и коляска, и деньги. И с другой невестой то же будет, вот посмотрите. Придет сваха, да такую весточку скажет, что на ногах не устоишь.

Красавина входит.

Да вот она! Вот она!

Бальзаминов и Бальзаминова встают.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Красавина.

Бальзаминова. Чем, матушка, обрадуете? Мы тут без вас завяли совсем.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будет.

Красавина. Ох, далеко я ехала, насилу доехала. *(Садится.)*

Бальзаминова. Откуда ж это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ехала я селами, городами, темными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся.

Бальзаминов. Хлопочите, маменька! Хлопочите скорей!

Бальзаминова достает из шкапа водку и закуску и ставит на стол.

Вот, пей, да и говори уж что-нибудь одно.

Бальзаминова *(наливает рюмку)*. Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то!

Бальзаминов. Ну, ну, поскорее! А то я умру сейчас, уж у меня под сердце начинает подступать.

Красавина. Ишь ты какой скорый! Куда нам торопиться-то! Над нами не каплет.

Бальзаминов. Что ж она не говорит! Маменька, что ж она не говорит? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! *(Садится.)*

Красавина. Не умрешь! А и умрешь, так и опять встанешь. *(Берет рюмку.)* Ну, честь имею поздравить! *(Пьет.)*

Бальзаминова. С чем, матушка, с чем?

Красавина. Как с чем! А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую.

Бальзаминова. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминов. Говорите, что хотите! я умер.

Красавина. Много он маху давал, а теперь попал,— под самое под правое крылушко.

Бальзаминова. В последнее-то время, знаете ли, много с нами таких несчастных оборотов было, так уж мы стали очень сумнительны.

Красавина. Да что тут сумлеваться-то! Хоть завтра же свадьба! Так он ей понравился, что говорит: «Сейчас подавай его сюда!» Ну сейчас, говорю, нехорошо, а завтра я тебе его предоставлю. «А чтоб он не сумлевался, так вот снеси ему, говорит, часы золотые!» Вот они! Отличные, после мужа остались. Ну, что, ожил теперь?

Бальзаминов *(вскакивает)*. Ожил! Ожил! Давай их сюда! *(Берет часы.)* Что ж это, маменька, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Это тебе за долгое твое терпение счастье выходит.

Красавина. А ты помнишь наш уговор? Ты на радостях-то не забудь!

Бальзаминов. Ты просила две?

Красавина. Две.

Бальзаминов. Ну, так вот ты знай же, какой я человек! Маменька, смотрите, какой я человек! Я тебе еще пятьдесят рублей прибавлю.

Красавина. Ишь ты, расщедрился! Ну, да уж нечего с тобой делать, и то деньги.

Бальзаминов. Маменька, уж вы теперь смотрите за мной, как бы со мной чего не сделалось. Батюшки мои! Батюшки мои! *(Прыгает от радости.)* Я теперь точно новый человек стал. Маменька, я теперь не Бальзаминов, я кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочиним на радости!

Бальзаминов. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сделать ничего не умею! А ты говорила, что я дурак!

Красавина. Я, брат, и теперь от своих слов не отступлюсь.

Бальзаминова. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говорит, что «дуракам счастье». Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без ума проживем.

Бальзаминов. Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было,— как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят. А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно.

Красавина. А то вот еще есть пословица. Ты долго за невестами ходил?

Бальзаминов. Долго.

Красавина. А пословица-то говорит: «За чем пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминова. И то, матушка, правда.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Ну, давай плясать! Становись!

Сваха становится в позу.

Драма
в четырех
действиях

ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ВАЛЕНТИН ПАВЛОВИЧ БАБАЕВ
помещик, молодой человек.

КАРП
человек Бабаева.

ШИШГАЛЕВ
приказный.

ЗАЙЧИХА (Прокофьевна)
хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевым.

ЛУКЕРЬЯ ДАНИЛОВНА ЖМИГУЛИНА
девица пожилых лет, дочь отставного приказного.

Действие происходит в уездном городе.

Комната, оклеенная дешевыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо, выходная, другая в соседнюю комнату; окна с ситцевыми занавесками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп (развязывает чемодан), Зайчиха (смотрит в окно).

Зайчиха. Ты погляди-ко, милый человек, сколько народу сошлось.

Карп. Что им надо? Чего они не видали?

Зайчиха. Всякому, милый, знать хочется, кто такой приехал.

Карп. Сказано про вас, что провинция, так она провинция и есть. Ну, скажи им, что Бабаев, Валентин Павлович, помещик.

Зайчиха *(в окно)*. Бабаев, помещик. *(Карпу.)* Спрашивают, зачем?

Карп. Известно, за делом. А ты думаешь, гулять мы к вам приехали? Как же, есть оказия!

Зайчиха *(в окно)*. За делом. *(Карпу.)* Надолго ли?

Карп. Нам здесь не детей крестить. Само собою, дня на два, не больше.

Зайчиха *(в окно)*. На два дни. *(Отходит от окна.)* Теперь всех ублаготворила. Минут через пять весь город знать будет.

Карп. А у тебя, тетенька, квартира-то ничего, чистенька.

З а й ч и х а. Чистенька, батюшко, чистенька; затеев больших нет, а чистенька. Конечно, приезд в наш город небольшой...

К а р п. Не на трахте.

З а й ч и х а. Какой тут трахт! А все-таки, кто наедет получше,— тот у меня останавливается. Помещиков много знакомых по окрестности, привыкли ко мне; в гостиницу-то мало кто заезжает.

К а р п. Потому беспокойно.

З а й ч и х а. Какой покой! Внизу трактир: в базарный день содом просто. А что я у тебя спрошу: не сынок ли твой барин-то покойной енаральше Бабаевой, Софье Павловне?

К а р п. Он самый и есть.

З а й ч и х а. У них усадьба-то Заветным прозывается?

К а р п. Заветным.

З а й ч и х а. Ну, так, так! Я его давеча признала. Еще маленького видала: с маменькой в город ездил и ко мне заезжали. В деревне, что ль, живете?

К а р п. Нет, мы больше в Петербурге; а теперь в деревню на лето для благоустройства приехали.

З а й ч и х а. Так, так. А что, хорош он для людей-то?

К а р п. Ничего, хорош.

З а й ч и х а. Ну, слава тебе господи! Дай ему бог здоровья! В город-то вы по какому делу?

К а р п. Да по этим по судам всё. Дело-то грошовое, там свидетельство, что ли, какое, а пожалуй, протомят дней пять.

З а й ч и х а. Что мудреного! У судей-то были?

К а р п. У всех были. Теперича нам из суда приказного прислали.

З а й ч и х а. Вам, не то что нам, скоро сделают. Коли тебе понадобится что, стукни в стену,— я тут и буду. *(Уходит.)*

Из боковой двери выходят *Б а б а е в* *и* *Ш и ш г а л е в.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б а б а е в, Ш и ш г а л е в и К а р п.

Б а б а е в. Так вы, милый, говорите, что решительно нельзя?

Ш и ш г а л е в *(с поклонами, беспрестанно сморкаясь и прикрывая рот рукою)*. Уж поверьте, сударь, что ежели бы только было возможно, мы бы уж для вас-с...

Б а б а е в. А может быть?

Ш и ш г а л е в. Извольте, сударь, сами рассудить: теперь присутствие кончилось, членов собрать теперича никакой возможности нет-с; завтра праздник — табель, тут суббота, а там воскресенье.

Б а б а е в. Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной делаете.

Ш и ш г а л е в. Чем же я причинен-с? Я человек самый маленький.

Б а б а е в. Но что же я, мой милый, здесь буду делать четыре дня? Ведь это ужасно!

Ш и ш г а л е в. Извольте, сударь, полюбопытствовать, наш город посмотреть.

К а р п. А что его смотреть-то! Что за невидаль такая! Ты как скажешь: Петербург-то хуже вашего города аль нет?

Б а б а е в. Есть у вас какое-нибудь общество?

Ш и ш г а л е в. Что вы изволите говорить-с?

Б а б а е в. Я говорю: нет ли общества какого-нибудь, клуба, гулянья с музыкой, вечеров у кого-нибудь?

Ш и ш г а л е в. Никак нет-с.

Б а б а е в. А где же ваши члены, ну и прочие чиновники, время проводят?

Ш и ш г а л е в. Промежду себя-с.

Б а б а е в. Как же так, промежду себя?

Ш и ш г а л е в. Поденно-с. Дни назначены: нынче, например, у городничего, завтра у судьи-с, послезавтра у стряпчего, потом у откупщика, у инвалидного начальника-с, так вся неделя-с.

Б а б а е в. С которого же часу сбираются?

Ш и ш г а л е в. С шести часов-с.

Б а б а е в. Что же они там делают?

Ш и ш г а л е в. В преферанс играют-с.

Б а б а е в. А еще что? Неужели только в преферанс?

Ш и ш г а л е в. Так точно-с, только в преферанс-с. Ну обыкновенно, уж тут вместе со столами и водка ставится, закуска-с,— все как должно. Играют и закусывают, так время и проводят-с.

Б а б а е в. Так с шести часов всё и пьют?

Ш и ш г а л е в. Нет, как можно-с! Только кто сдает-с, или с ремизу-с другой.

Б а б а е в. Ну, так, стало быть, мой милый, делать нечего, приходится дожидаться.

Ш и ш г а л е в. Уж подождите, сударь. А в понедельник

в суд пожалуйте, мы вам и выдадим безо всякой задержки-с.

Б а б а е в. Ну, хорошо, я в понедельник приеду в суд. Ведь вы будете писать, так я вам там... что следует... Я не люблю, чтоб для меня даром работали.

Ш и ш г а л е в. Семейство большое, сударь...

Б а б а е в. Что такое?

Ш и ш г а л е в. Теперь соблаговолили бы что-нибудь!..

Б а б а е в. Да я, право, не знаю, как же это? Сколько же вам?

К а р п. Да дайте ему, сударь, целковый, вот и будет с него.

Б а б а е в *(отдает деньги)*. Вот извольте... Мне, право, совестно.

Ш и ш г а л е в *(кладет в карман)*. Ничего-с. Чувствительнейше вас благодарю, желаю вам всякого благополучия. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Б а б а е в и К а р п.

Б а б а е в. Как ты груб, Карп!

К а р п. Да если с ними, сударь, нежности-то разводить, так они и повадятся таскаться сюда да на судьбу свою плакаться. На них никаких денег не напасешься. Народ без креста.

Б а б а е в. Однако что же я буду делать! Погулять бы пошел, да еще жарко. Карп, что делать?

К а р п. Вот что: сосните, сударь! С дороги-то хорошо.

Б а б а е в. А ночью-то что делать?

К а р п. Да и ночью то же. От тоски-то, говорят, спится.

Б а б а е в. Эка глупость, книг мы не взяли! Хоть бы легонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то! *(Уходит в боковую дверь.)*

К а р п. Ишь ты, что выдумал! Интрижка! Повадился больно! Все у него интрижки на уме! Балованый был сынок у маменьки! И воспитывался-то все с барышнями да в девичьей: вот его теперь и тянет. Живу я теперича с ним в Петербурге,— каких только я делов навиделся! Грех один! Уснул, что ли, он там? И я б отдохнул. *(Хочет ложиться, дверь отворяется.)* Кого это еще?..

Входит Ж м и г у л и н а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Карп и Жмигулина.

Карп. Вам чего?

Жмигулина. Валентина Павлыча.

Карп. На что он вам?

Жмигулина. Коль скоро я его желаю видеть, это означает, что он мне нужен.

Карп. Вы на бедность, что ли?

Жмигулина. Какое невежество! Разве ты не знаешь, что жмигулинские барышни завсегда при ихней мамаше у них в доме были приняты. Мы даже очення близко знакомы с Валентином Павлычем.

Карп. Вы-то близко? Сумнительно мне это.

Жмигулина. Ты, может быть, принимаешь мои слова в каком-нибудь глупом смысле, который я совсем не понимаю. *(Садится.)* Твоя такая обязанность, что ты сейчас должен пойти и доложить обо мне.

Карп. Вот что я вам скажу: он теперича почивает.

Жмигулина. Невозможно этому быть, потому что я сейчас его видела в окно.

Карп. Ну уж, видно, нечего с вами делать. Доложу пойду. *(Уходит.)*

Жмигулина. По нынешнему времени от этих новых перемен очень много люди стали портиться. Он должен прежде узнать, какого я звания, так со мной и обращаться. И опять же не его дело,— на бедность я пришла просить или нет! Конечно, из нашего звания многие этим занимаются, но не все же. Может быть, и Валентин Павлыч стал довольно горд в Петербурге и не захочет меня видеть! А мне ужасть как хочется доказать в здешнем городе, какое мы знакомство имеем. Кажется, он прежде нами не гнушался, особенно сестрой Таней.

Входит Бабаев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бабаев и Жмигулина.

Бабаев. С кем имею удовольствие говорить?

Жмигулина. Я никак не могла ожидать, Валентин Павлыч, что вы так скоро забудете своих старых знакомых.

Б а б а е в. Садитесь, сделайте одолжение.

Садятся.

Я, право, что-то не припомню.

Ж м и г у л и н а. Конечно, в нынешнем свете чувствы не в моде, нынче все больше политика, но мы, как люди не столичные, очень хорошо помним прежние знакомства и особенно благодеяния.

Б а б а е в. Я с вами согласен,— благодеяний никогда забывать не следует.

Ж м и г у л и н а. Мы вашей мамаше столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько они сделали для семейства Жмигулиных!

Б а б а е в. Жмигулиных?

Ж м и г у л и н а. Особенно для нас с сестрой Таней.

Б а б а е в *(припоминая)*. Таней... Татьяна Даниловна?

Ж м и г у л и н а. Теперь вспомнили?

Б а б а е в. Так вы ее сестрица?

Ж м и г у л и н а. Лукерья Даниловна Жмигулина.

Б а б а е в. Извините, сделайте одолжение!

Ж м и г у л и н а. Я нисколько не могу быть в претензии на вас, что вы больше помните сестру, чем меня. Она такая красавица, что ее даже невозможно забыть.

Б а б а е в. Да, да! Удивительной красоты девушка! Мы были с нею большими приятелями.

Ж м и г у л и н а. Мне это очень хорошо известно. Кому же и знать, как не мне! Я старшая сестра, должна наблюдать за младшей.

Б а б а е в. Да, да, конечно. Скажите, пожалуйста, где она теперь? Что поделывает?

Ж м и г у л и н а. Она здесь в городе, замужем.

Б а б а е в. Замужем? Хорошо живет?

Ж м и г у л и н а. Какая жизнь, помилуйте! В бедности, между такого народа, который без понятия. Это не то, что, бывало, у вашей мамаши в Заветном! Просто был рай земной! Ваша мамаша были самая добрейшая дама и любили, чтоб у них было всем весело. Барышень всегда было в доме много, а также и кавалеров; с утра до ночи разные игры были. Даже горничных, бывало, заставляли с нами в горелки и в другие игры играть, а сáми смотрят на нас да радуются.

Б а б а е в. Ну да как же, как же! Ведь это так недавно было: года три, не больше, как я уехал в Петербург.

Ж м и г у л и н а. Я очень хорошо помню: с пестрой недели третий год пошел, как вы уехали. Ваша мамаша, бывало, даже не любили, когда кто задумается или книжку читает. Что, говорят, ты тоску-то нагоняешь! Ну и бесились все до упаду. А промежду этим весельем, у кого замечательный глаз, мог многое кой-что заметить.

Б а б а е в. Очень естественно. Мужчины, девушки, молодые дамы постоянно вместе,— нельзя же, чтоб обошлось без любви.

Ж м и г у л и н а. Особенно вы отличались по этой части. А последнее время все с Таней да с Таней, так и не отходили от нее. Так вас голубками и звали.

Б а б а е в. Сердце не камень, Лукерья Даниловна! А сами-то вы! Помните землемера?

Ж м и г у л и н а. Об нем и вспоминать не стоит: он впоследствии даже очень низким оказался против меня. Впрочем, судьба его наказала за все невежества относительно благородной девицы: он сам теперь находится под судом за буйственные в нетрезвом виде поступки.

Б а б а е в. Скажите мне, сделайте одолжение, каким образом ваша сестрица вышла замуж?

Ж м и г у л и н а. Прошлым летом, когда ваша мамаша скончалась, у нас решительно не осталось никаких благодетелей. Папенька наш при своей старости был человек в городе незначительный, робкий, оттого что мало чинов произошел. Папенька наш был канцелярист и получал жалованья тридцать рублей в год. На эти деньги как мы могли жить! Мы все-таки видели свет. Прежде мы почти не жили дома, да и ваша мамаша нам во всем помогали. Тут вдруг все прекратилось, а вскоре и папенька умер. В это время посватался за Таню... я просто даже стыжусь вам сказать...

Б а б а е в. Полноте, что за стыд!

Ж м и г у л и н а. Вы так милостиво меня принимаете, интересуетесь моей сестрой, и вдруг этакое невежество с нашей стороны.

Б а б а е в. Что ж делать! Такие, вероятно, были обстоятельства. Чем же вы виноваты?..

Ж м и г у л и н а. Но, ах, я, право, всегда так конфужусь этого родства, что вы себе представить не можете. Ну, одним словом, обстоятельства наши были такие, что она принуждена была выйти за лавочника.

Б а б а е в. За лавочника? Чем он торгует?

Ж м и г у л и н а. Овощным товаром. Вот и лавка видна. На вывеске написано: «Лёв Краснов».

Б а б а е в. Да, я видел. Хороший человек?

Ж м и г у л и н а. Он из ихнего круга очень хороший человек и очень любит сестру, только все, знаете, закоренелость какая-то в ихнем звании. Как хотите судите, а все-таки он от мужика недалеко ушел. А уж этой черты характера, хоть семь лет в котле вари, все не вываришь. Впрочем, надо правду сказать, он для дому хозяин отличный: ни дня, ни ночи себе покою не знает, все хлопочет да бегает. И для сестры теперь все, что только бы ей ни пожелалось, даже последнюю копейку готов отдать, только бы ей угодить, так что сестра решительно никакого дела не делает, живет как барыня; только одно — обращение его тяжело, да вот еще разговор его нас очень конфузит. Совсем, совсем не такого я Тане счастья ожидала. Судя по красоте ее да по тому, какие люди на нее заглядывались, ей бы в карете ездить. А теперь вот пришлось чуть не из-за куска хлеба за мужика идти да перед людьми за него стыд терпеть.

Б а б а е в. Так Татьяна Даниловна замуж вышла... Жаль!

Ж м и г у л и н а. Вам что же жалеть! Ведь она вам не пара.

Б а б а е в. Да, конечно. А все-таки, знаете, вот я здесь в городе по обстоятельствам должен пробыть четыре дня, а может быть и больше,— что я буду делать! Я очень рад, что вы меня навестили. Не будь вас, я бы не знал, куда деваться! Ну, а представьте, если бы ваша сестрица была девушка, мы бы так провели эти четыре дня, что совсем и времени б не заметили. *(Берет ее за руку.)* Не правда ли?

Ж м и г у л и н а. Кто же вам теперь мешает?

Б а б а е в. Ну все-таки как-то неловко. Она замужем, еще что муж подумает. Досадно, право.

Ж м и г у л и н а. Скажите пожалуйста! Вы, кажется,

были прежде совсем других правилов насчет этого. Не очень на мужей-то смотрели, что им нравится, что нет.

Бабаев. Да, но ведь то совсем в другом круге; там обращение гораздо свободнее.

Жмигулина. А вы почем же знаете, свободно сестре или не свободно.

Бабаев *(берет ее за обе руки)*. Но во всяком случае я вам так рад, так благодарен, что вы доставляете развлечение в моей скуке. Не угодно ли вам чего? Сделайте милость, распоряжайтесь как дома: здесь всё к вашим услугам! Чаю не хотите ли?

Жмигулина. Много вами благодарна. Я сейчас только пила, и притом же я домой тороплюсь. Нам нужно с сестрой идти по одному делу. Прикажете поклониться от вас?

Бабаев. Сделайте одолжение!

Жмигулина *(идя к двери)*. Что же вы нас с сестрой в гости не зовете?

Бабаев. Я был бы очень счастлив, только я, право, не знаю, как это сделать! А очень бы мне хотелось видеть Татьяну Даниловну.

Жмигулина. А коли хочется видеть, так за чем же дело стало! Она у нас не прынцеса какая, не за десятью замками посажена. Ведь уж вы беспременно куда-нибудь гулять пойдете, не будете в комнате сидеть?

Бабаев. Я бы пошел, да не знаю куда.

Жмигулина. Вам далеко незачем ходить! Пройдите в задние ворота на берег, сядьте на лавочку и любуйтесь на красоту природы. Это место тихое, уединенное, проходящих там мало; для мечтательных молодых людей очень приятная прогулка. Мы с сестрой пойдем этой дорогой, там вы ее и можете видеть. До свидания! *(Уходит.)*

Бабаев. Вот так сюрприз! Мог ли я ожидать такого счастия! Танечка, Танечка! Я опять ее увижу. Я с ума сойду от радости. Такая она была миленькая, нежненькая. Другие говорили, что она немножко простенька. Разве это порок в женщинах! И притом красота, красота! Нет, этак, пожалуй, здесь не четыре дня, а четыре недели пробудешь. *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

БАБАЕВ.

ЖМИГУЛИНА.

ТАТЬЯНА ДАНИЛОВНА
замужняя сестра ее, по муже Краснова.

АРХИП
слепой старик, дед Краснова.

АФОНЯ
болезненный мальчик, лет восьмнадцати, брат Краснова.

Берег; с одной стороны ворота и забор, с другой угол сарая; за рекой сельский вид; закат солнца.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Архип и Афоня (входят).

Афоня. Дедушко, отдохнем здесь немножко! Недужится мне. Садись вот на скамеечку!

Архип. Сядем, Афоня, сядем. Плохи мы с тобой; меня старость, а тебя хворость одолела.

Афоня. Я не хвораю, а я такой зародился. Я, дедушко, не жилец на белом свете.

Архип. Не слушай ты бабьего разговору! Никто не знает, какой ему предел положóн.

Афоня. Что мне бабы! Я сам знаю, что я не жилец. Меня на еду не тянет. Другой поработавши сколько съест! Много, много съест, и все ему хочется. Вон брат Лёв, когда устанет, ему только подавай. А по мне хоть и вовсе не есть; ничего душа не принимает. Корочку погложу и сыт.

Архип. Это к росту бывает.

Афоня. Нет, не к росту. Куда мне еще расти, с чего! Я и так велик по годам. А это значит: мне не жить. Ты, дедушко, возьми то: живой человек о живом и думает, а у меня ни к чему охоты нет. Другой одёжу любит хорошую, а мне все одно, какой ни попадись зипунишко, было бы только тёпло. Вот робята теперь, так у всякого своя охота есть: кто рыбу ловит, кто что; в разные игры играют, песни поют, а меня ничто не манит. В тé поры, когда людям весело, мне тошней бывает, меня тоска пуще за сердце сосет.

Архип. Так в тебя бог вложил. От младости ты не возлюбил мира сего суетного. У других малодушество-то с летами проходит, когда беды да напасти, Афоня, изомнут да в муку́ изотрут человека; а ты вот не живя, еще ни горя, ни радости не видавши, как старик рассуждаешь. Ну и благодари бога, что он так умудрил тебя. Мир тебя не прельщает, соблазну ты не знаешь и греха, значит, на тебе меньше. Вот тебе какое счастье! А ты вот меня послушай! Я, Афоня, соблазн знал, да и не всегда от него отворачивался, а чаще того случалось, что своей охотой шел на соблазн. Тебе вот все равно, ты говоришь; для тебя никакой утехи на свете нет, а мне божий мир хорош и красен был: все тебя манило, все тебя прельщало. Несытое око да вольная воля велят тебе всю сладость мирскую изведать. А в миру-то, Афоня, добро со злом рядом живет, об руку ходит. Ну и нагрешишь грехов-то больше песка морского. Хорошо вот бог привел до покаяния дожить, не во грехах застал. Каешься, сокрушаешься, на милосердие надеешься, а тебе не в чем будет каяться: ты у нас, Афоня, божий человек.

Афоня. Нет, дедушко, нет, не говори ты этого! Какой я божий человек! Я видал божьих людей, они добрые, зла не помнят; их бранят, дразнят, а они смеются. А я, дедушко, сердцем крут. Вот как брат же, только брат отходчив, а я нет; я, дедушко, злой!

Архип. Да на кого тебе, дитятко, сердце иметь! Кто тебя обижает?

Афоня. Меня-то не обижают, а у меня за всех сердце болит: за тебя, за брата, за всех.

Архип. Что ж тебе об нас болезновать! Мы, кажись, живем безобидно.

Афоня. Мы и жили безобидно, пока брат холостой был. Дедушко, за что брат так очень жену любит?

Архип. Как же ему не любить ее! Зачем же он и женился! Ты бы радоваться должен, что брат жену любит. Экой ты глупый человек!

Афоня. Нет, я дело говорю. Прежде меня брат больше любил и тебя больше любил.

Архип. Ты, стало быть, ненавистник! Стало быть, ты завидуешь.

Афоня. Нет, не завидую. Брат нешто слеп? Так ли она его любит, как он ее? Стоит ли она его? Зачем же

он перед ними рабствует? Мне обидно, что он рабствует. Хуже, что ли, он их с сестрой? Жену-то в дом приводят работницу, а она сидит сложа руки. Брат один работает да ухаживает за ними. Мне его жаль.

А р х и п. Тебе что за дело! Его охота. Он работает, тебя не заставляет. Мы с тобой сыты по его ж милости.

А ф о н я. Нешто я не знаю. Ты мне, дедушко, вот что скажи: лучше они брата или нет?

А р х и п. Лучше не лучше, а они другого роду.

А ф о н я. Так что ж, что другого роду! Стало быть, брат должен работать на них, кормить их, одевать; а они будут важничать. Лучше брата на свете человека нет, а его сделали работником.

А р х и п. Почем ты знаешь; может, брат сам не хочет, чтоб она работала.

А ф о н я. А коль не работает, так и не величайся! Вышла замуж за мещанина, такая же мещанка стала, как и мы. Что ж мы проклятые, что ли, какие, прости господи! У нас тоже и обществó есть, и подати платим, и повинности всякие несем. Брат пóтом да горбом деньги-то достает да в общество несет. Сидела бы дома в девках да и барствовала, а вышла замуж, так знай, что один в доме большой — хозяин. Я ведь, дедушко, все вижу, все слышу; меня они, бесстыжие, не берегутся. Брат ей платки да платья шелковые дарит, а они с сестрой промеж себя смеются, дураком его называют. Я все слышу, все горько мне, дедушко, горько! Стал я брату говорить, он меня же изругал.

Молчание.

Вот я, дедушко, никак уснуть не могу; что я днем-то вижу, все это мне и лезет в глаза, засосет у меня сердце, и всю-то ночь я плачу. Какой я жилец! Мне теперь со здоровьем-то и поправиться нельзя. Уж очень у меня сердце горячо! Скорей бы меня бог прибрал, чтобы мне меньше мучиться.

А р х и п. Полно грешить-то! Тебе жить да жить! Мне вот, Афоня, уж вовсе жить незачем, а я все живу. Бог-то знает, что делает. Что я за человек стал! Красного солнышка, ясного месяца я не вижу, зеленых лугов тоже, студеной водицы и всей твари божьей тоже не увижу никогда. А больней мне всего, что не вижу я светлого лица человеческого.

А ф о н я. Тебе, дедушко, жаль, что ты не видишь ничего; а мне так надоело это все; не мило мне ничто.

А р х и п. Оттого тебе и не мило, что ты сердцем непокоен. А ты гляди чаще да больше на божий мир, а на людей-то меньше смотри; вот тебе на́ сердце и легче станет. И ночи будешь спать и сны тебе хорошие будут сниться. Где мы теперь сидим, Афоня?

А ф о н я. На берегу, дедушко, подле Зайчихи.

А р х и п. А мост у нас направо?

А ф о н я. Направо, дедушко.

А р х и п. А солнышко теперь налево?

А ф о н я. Налево, дедушко; совсем садится.

А р х и п. В тучку?

А ф о н я. Нет, чисто. Заря таково ярко горит, должно к вёдру.

А р х и п. То-то, то-то, я сам чую, воздух такой легкий, ветерок свеженькой; так бы и не ушел. Красен, Афоня, красен божий мир! Вот теперь роса будет падать, от всякого цвету дух пойдет; а там и звездочки зажгутся; а над звездами, Афоня, наш творец милосердный. Кабы мы получше помнили, что он милосерд, сами были бы милосерднее!

А ф о н я. Я, дедушко, буду стараться укротить свое сердце.

Входит Б а б а е в.

Пойдем, дедушко! Какой-то чужой барин тут ходит; еще, пожалуй, станет смеяться над нашими речами.

А р х и п *(встает и идет за Афоней)*. Величит душа моя господа.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б а б а е в (один).

Б а б а е в. Когда ждешь чего-нибудь приятного, как время долго тянется! Нарочно сделал большой обход, чтобы не рано прийти сюда, а все-таки пришел прежде них. Ужасно не люблю дожидаться! Что за глупое положение! А женщины вообще любят помучить, это в их характере; им очень нравится, когда их ждут. Конечно, это к Тане не относится: она, я думаю, рада-радехонька, что я приехал; я говорю про женщин нам равных. Я думаю, они мучат для того...

как бы это сказать... а мысль совершенно оригинальная... для того, чтобы вперед вознаградить себя за те права, которые они потом теряют. Вот что значит быть среди хорошего ландшафта, так сказать наедине с природой! Какие прекрасные мысли приходят в голову! Если эту мысль развить, конечно на досуге, в деревне, может выйти миленькая повесть или даже комедия вроде Альфред Мюссе. Только ведь у нас не сыграют. Такие вещи нужно играть тонко, очень тонко; тут главное — букет. Кажется, кто-то идет. Не они ли? Как-то мы встретимся? Два года разлуки много значат.

Входят Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бабаев, Краснова и Жмигулина.

Краснова *(подавая руку Бабаеву)*. Здравствуйте, Валентин Павлыч! Я так обрадовалась, когда сестра мне сказала, что вы приехали.

Бабаев. Значит, вы меня еще не забыли.

Краснова. Еще бы! Мы очень часто, даже очень часто с сестрой вспоминаем про вас. А вы так нас забыли, она мне сказывала.

Бабаев. Ну, нет, я вас не забыл. Есть отношения, душенька Татьяна Даниловна, которые нескоро забываются. Наше знакомство с вами было в этом роде. Не правда ли?

Краснова *(потупясь)*. Да-с.

Бабаев. Уверяю вас, что, как только вырвался из Петербурга в деревню, я постоянно искал случая побывать в городе и непременно найти вас.

Жмигулина. И до сих пор не находили такого случая? Скажите пожалуйста!

Бабаев. Уверяю вас.

Жмигулина. Так вам и поверили! Ты, Таня, не верь кавалерам, они завсегда обманывают.

Бабаев. Вы-то за что на меня?

Жмигулина. Это не к одним вам, а и ко всем прочим кавалерам относится.

Краснова. Вы долго здесь пробудете?

Бабаев. Долго ли пробуду-то? Я сначала думал, что это будет зависеть от приказных, у которых мое дело;

а теперь вижу, что это зависит от вас, душа моя Татьяна Даниловна.

Краснова. Уж это слишком много чести для меня. Нет, в самом деле, денька три-четыре пробудете?

Бабаев. Дело мое обещали кончить через три дня; но я, пожалуй, остался бы и еще дня на три или четыре, если вы этого хотите.

Краснова. Разумеется, хочу.

Бабаев. Только вот что, душенька Татьяна Даниловна! У вас в городе тоска страшная. Я останусь, но с тем условием, чтобы видеться с вами как можно чаще.

Краснова. Что ж, это очень просто. Приходите к нам. Вот завтра чай кушать милости просим!

Бабаев. Да, но ведь к вам часто нельзя же, пойдут сплетни да разговоры, и притом же ваш муж...

Краснова. Какое же ему дело! Вы мой знакомый, вы ко мне придете, а не к нему.

Жмигулина. Потом мы с своей стороны тоже учтивость соблюдем, отплатим вам визит. И, между прочим, мы часто бываем у хозяйки вашей; следовательно, если наше свидание для вас интересно, вы можете туда приходить.

Бабаев *(отходит с Красновой в сторону)*. Вы не скучаете замужем?

Краснова *(помолчав)*. Не знаю, как вам сказать.

Бабаев. Вы, душенька Татьяна Даниловна, будьте откровенны! Вы знаете, как мы были всегда расположены к вам.

Краснова. Для чего же мне быть с вами откровенной? Какая может быть из этого польза? Ведь уж теперь поправить нельзя.

Бабаев. Если нельзя совсем поправить, так можно, душенька Татьяна Даниловна, хоть на время усладить свое существование, чтобы не совсем заглохнуть в этой пошлой жизни.

Краснова. На время! А потом еще тяжеле будет.

Бабаев. Знаете что! Я хочу совсем переехать в деревню; тогда мы будем жить недалеко друг от друга. Я готов даже в город переехать, только бы вы...

Краснова *(отворачиваясь)*. Не говорите мне, пожалуйста, таких слов! Я даже, Валентин Павлыч, никак не ожидала этого слышать от вас.

Жмигулина *(Бабаеву)*. Вы там что-то уж очень? Я ведь все слышу.

Бабаев. Лукерья Даниловна, кажется, кто-то идет. Сделайте одолжение, посмотрите там на берегу: мне не хотелось бы, чтобы нас здесь видели вместе.

Жмигулина. Ох вы! Тонкий кавалер! *(Отходит.)*

Краснова. Так вы, Валентин Павлыч, придете к нам завтра чай кушать?

Бабаев. Право, не знаю, может быть.

Краснова. Нет, непременно приходите!

Молчание.

Ну, как же мне вас просить? *(Берет Бабаева за руку.)* Ну, голубчик! Ну, ангельчик!

Бабаев. Однако вы, Татьяна Даниловна, переменились.

Краснова. Я переменилась? Ей-богу, нет. Нисколько. Что вы меня обижаете!

Бабаев. Помните, в Заветном, Татьяна Даниловна?

Краснова. Что же такое? Я все помню.

Бабаев. Помните сад? Помните липовую аллею? Помните, как мы после ужина, когда маменька уснет, на террасе сиживали? А помните тоненькую ленточку?

Краснова *(тихо)*. Какую?

Бабаев. Которой вы мне руки связывали.

Краснова *(конфузясь)*. Ну, что ж из этого? Ну, я все помню, все.

Бабаев. А то же, что вы, душа моя, теперь совсем не та, что прежде: вы так холодно меня встретили.

Краснова. Ах, Валентин Павлыч! Я тогда была девушка, могла любить кого хочу, а теперь я замужем. Вы только подумайте.

Бабаев. Ну да, конечно. Но все-таки я не могу никак представить себе, чтобы ты принадлежала другому. Я, ну вот что хочешь со мной делай, едва удерживаюсь, чтоб не назвать тебя по-прежнему Таней.

Краснова. Зачем же удерживаться! Называйте!

Бабаев. Да что ж толку, душа моя! Ведь уж вы меня не любите.

Краснова. Да кто это вам сказал! Я вас люблю точно так же, да еще и больше прежнего.

Бабаев *(нагибаясь к ней)*. Неужели, Танечка, это правда?

К р а с н о в а *(целует его)*. Ну вот вам в доказательство! Теперь вы мне верите? Только, голубчик Валентин Павлыч, если вы не хотите моего несчастия на всю мою жизнь, чтоб нам так и любить друг друга, как мы теперь любим, чтоб вы ничего больше и не думали. А то лучше бог с вами, от греха подальше!

Б а б а е в. Да уж будь покойна, душенька, будь покойна!

К р а с н о в а. Нет, вы побожитесь! Да хорошенько побожитесь, чтоб уж я вас не боялась.

Б а б а е в. Какая ты глупенькая!

К р а с н о в а. Ну да, глупенькая, как бы не так! Если послушать, что старые-то люди говорят, так я и то грех большой делаю. По старому-то закону я, кроме мужа, не должна никого любить. Только что, так как я его любить не могу, а вас и допрежде того любила, и сердца мне своего не преодолеть, так уж я... Только сохрани вас господи!.. и уж я ни под каким видом... потому что я хочу в законе жить.

Б а б а е в. Да успокойся!

К р а с н о в а. Так-то, милый Валентин Павлыч. Значит, между нами будет теперь самая приятная любовь: ни от бога не грех, ни от людей не стыдно.

Б а б а е в. Да, да, уж чего ж лучше!

К р а с н о в а. Вот я вас поцелую за это, что вы такой умный. *(Целует его.)* Ну, так вы придете к нам завтра, этак в вечерни?

Б а б а е в. А потом ты ко мне?

К р а с н о в а. Непременно приходите! А потом мы к вам; уж я теперь вас не боюсь.

Б а б а е в. Какая ты красавица! Ты еще лучше стала, чем прежде.

К р а с н о в а. Ну, это пущай так при мне и останется! Прощайте! Луша, пойдем!

Ж м и г у л и н а *(подходя)*. До свидания! Покойной ночи, приятного сна! Розы рвать, жасмины поливать! *(Уходя.)* Только какой вы! Ой, ой, ой! Ну уж молодец, нечего сказать! Я только смотрела да удивлялась.

Уходят.

Б а б а е в. Ну, роман начинается, какова-то будет развязка!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ЛЁВ РОДИОНЫЧ КРАСНОВ
лавочник, лет тридцати.

КРАСНОВА.

ЖМИГУЛИНА.

АРХИП.

АФОНЯ.

БАБАЕВ.

МАНУЙЛО КАЛИНЫЧ КУРИЦЫН
мучник, лет сорока пяти.

УЛЬЯНА РОДИОНОВНА КУРИЦЫНА
жена его, сестра Краснова.

Комната в доме Краснова; прямо дверь в сени; направо кровать с ситцевым пологом и окно, налево лежанка и дверь в кухню; на авансцене простой дощатый стол и несколько стульев; у задней стены и у окна скамьи, у левой стены шкаф с чашками, маленькое зеркало и стенные часы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Краснова (перед зеркалом надевает платок), Афоня (лежит на лежанке), Жмигулина (входит с цветной салфеткой).

Жмигулина. Вот, Таня, я у соседей салфетку достала стол-то покрыть, а то наша-то уж больно плоха. *(Стелет салфетку на стол.)*

Краснова. Самовар-то поставлен?

Жмигулина. Уж давно поставлен, скоро закипит. Ну вот видишь, как я говорила, так и выходит: этот платок к тебе гораздо лучше идет. Только зачем ты его заколола булавкой? *(Поправляет.)* Вот так будет вантажнее.

Афоня. Куда рядишься? Что перед зеркалом-то пялилась?

Краснова. Никуда, мы дома будем.

Жмигулина. Да тебе что за печаль! Что ж, по-твоему, чумичкой ходить, как ты?

А ф о н я. Да для кого рядиться-то? Для мужа, что ль? Так он и без нарядов твоих любит тебя больше того, чем ты сто́ишь. Аль для кого другого?

Ж м и г у л и н а. Ишь ты! Дурак-дурак, а понял, что для кого-нибудь рядятся.

К р а с н о в а. Что мне для мужа рядиться! Он меня и так знает. Коли я ряжусь, так, значит, для чужого.

А ф о н я. Перед кем дьяволить хочешь? Кого прельщать? Аль в тебе совести нет?

Ж м и г у л и н а. Ну, да что с дураком толковать! Ему только и дела, что молоть. Лежит на печке да придумывает.

К р а с н о в а. Что ты, в самом деле, за указчик! Муж мне ничего не говорит, а ты рассуждать смеешь!

А ф о н я. Да он ослеп от вас, ослеп. Испортили вы его зельем каким-нибудь.

Ж м и г у л и н а. Молчи уж, коли бог убил! Знай свое дело: кашляй век, греха в том нет.

А ф о н я. Дурак брат, дурак! Загубил он свою голову.

Ж м и г у л и н а. Таня, не внести ли самовар-то?

К р а с н о в а. Неси! А я чашки расставлю. *(Ставит чашки.)*

Ж м и г у л и н а уходит.

Шел бы ты в кухню.

А ф о н я. Мне и здесь хорошо.

К р а с н о в а. Чужие люди придут, а ты тут тоску наводишь.

А ф о н я. Не пойду я.

К р а с н о в а. Вот правда пословица-то: «с дураком пива не сваришь». Ведь к нам не ваш брат лавочник какой-нибудь придет! Барин придет, слышишь ты! Что ты ломаешься-то!

А ф о н я. Какой барин? Зачем?

К р а с н о в а. Такой же барин, как и все господа бывают. Наш знакомый, помещик богатый; ну и ступай вон!

А ф о н я. Он там у себя барин, а я здесь у себя барин. Не я к нему иду, он ко мне идет. Я у себя дома, я больной человек, никого не уважу. Ты для него, что ли, разрядилась-то?

К р а с н о в а. Мое дело, не твое.

Ж м и г у л и н а вносит самовар.

Жмигулина *(ставит самовар на стол)*. Лёв Родионыч идет с кем-то.

Краснова. Ну как из родных кто, вот наказание-то!

Афоня. Наказанье! А вы зачем в нашу родню влезли.

Входят Краснов, Курицын и Курицына.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Афоня, Курицын, Курицына.

Краснов *(жене)*. Здравствуйте-с!

Целуются.

Краснова. Вот нежности!

Краснов. Ничего-с. Дело законное-с! Извольте гостинцу-с! Винных ягодок свежих получили-с. *(Подает сверток.)* Вот я вам гостей привел. Самовар-то уж готов у вас, вот и кстати-с.

Курицына. Здравствуйте, сестрица! Вы такая гордая, никогда к нам не зайдете! А мы по простоте живем, взяли да и пришли с Мануйлом Калинычем непрошеные.

Курицын. Здравствуй, сестра! Что взаправду родней-то гнушаешься! Забежала бы когда, чай ноги-то не отсохли!

Краснов. Ну когда им по гостям ходить! Им только бы дома-то управиться! К хозяйству начинают привыкать.

Курицына. Надо, сестрица, привыкать, надо. Такая наша женская обвязанность! Не за мильонщиком вы замужем-то, нечего барствовать!

Курицын. А ты приучай, да хорошенько!

Курицына *(подходя к Афоне)*. А ты, Афоня, все хвораешь? Ты бы чем полечился!

Курицын *(тоже подходя к Афоне)*. А ты ешь больше, вот и хворь пройдет. Не хочется, так насильно ешь! Да, я тебе говорю! *(Разговаривает с Афоней тихо.)*

Краснова *(мужу)*. Что вы наделали! Каких вы гостей навели!

Жмигулина. Ну уж, признаться, зарезали вы нас. Такой конфуз, такой конфуз!

Краснов. Какой конфуз, что барин-то придет-с? Так что ж за беда! Невелика важность! Пущай посмотрит, какая родня у вас.

Жмигулина. Очень ему интересно!

Краснов. Не гнать же мне сестру для него! Стало быть, и разговору нет. Я его еще и в глаза не видал, какой он такой; а это, по крайней мере, родня. А впрочем, наши недолго засидятся. *(Жене.)* Садитесь, наливайте чай! Братец, сестрица, пожалуйте! По чашечке-с!

Все, исключая Афони, садятся у стола.

Курицын. Дело, брат, праздничное, так оно перед чайком-то бы того... по малости. Аль сам-то не пьешь?

Краснов. Женимшись на Татьяне Даниловне, я с самого того дня все это в пренебрежении оставил-с. Татьяна Даниловна, попотчуйте братца с сестрицей водкой!

Краснова *(достает из шкафа и ставит на стол графин, рюмку и закуску)*. Пожалуйте, сестрица!

Курицына пьет.

Пожалуйте, братец!

Курицын. Не так просишь, порядку не знаешь.

Краснов. Вы, братец, не ломайтесь! Моя супруга ваших обнокновениев не знают, да и знать им не для чего. Пожалуйте, без церемонии.

Курицын *(выпив)*. Балуешь ты свою жену, вот что я тебе скажу! Да, воля и добрую жену портит. А ты бы с меня пример брал, учил бы ты ее уму-разуму, так лучше бы дело-то, прочней было. Спроси вот, как я твою сестру школил, небу жарко было.

Курицына. Да уж вы, Мануйло Калиныч, известный варвар, кровопивец! Вам только бы над женой ломаться да власть показывать, в том вся ваша жизнь проходит.

Курицын. Какие это такие слова? Кто это их здесь говорит? Где это говорят? *(Оглядываясь.)* Нет ли тут кого чужого, постороннего? Словно как свои-то у меня не смеют так разговаривать!

Курицына *(спохватясь)*. Это я так к слову только, Мануйло Калиныч! А что, конечно, сестрица, с нашей сестрой без острастки нельзя. Недаром говорится: жену бей, так щи вкусней.

Краснова. Как кому нравится, кто что любит! Вам, сестрица, нравится такое обращение, а я считаю за невежество.

Жмигулина. Нынче уж мужицкое-то обращение везде бросают, выходить стало из моды.

Курицын. Ну уж это ты врешь! Никогда эта самая наука, которая над бабами, из моды не выдет, потому без нее нельзя. Брат, слушай, я до чего Ульяну доводил, до какой точки. Бывало, у нас промеж себя, промеж знакомых или сродственников за спором дело станет, чья жена обходительнее. Я всех к себе на дом веду, сяду на лавку, вот так-то ногу выставлю и сейчас говорю жене: «Чего моя нога хочет?» А она понимает, потому обучена этому, ну и, значит, сейчас в ноги мне.

Курицына. Что ж, это точно, это бывало. Я при всех без стыда скажу.

Краснов. Ничего в этом нет хорошего, один кураж.

Курицын. Эх, брат! бей шубу, будет теплее; а жену — будет умнее.

Краснова. Не всякая жена позволит себя бить, а которая позволяет, так она, значит, больше того и не стоит.

Курицына. Что ж это вы, сестрица, вдруг так заважничали! хуже, что ли, я вас? Ты, матушка, погоди больно возноситься-то! Можно тебе крылья-то и ошибить.

Краснов. Можно, да осторожно.

Курицына. Да ты-то что! Взял голь, да и важничает. Али ты воображаешь, что на значительной помещице женился!

Краснов. Что я воображаю — это мое дело, и не с твоим разумом его понимать. Значит, надо тебе молчать.

Жмигулина. Вот так занятный разговор, есть что послушать!

Курицына. Кажется, не из барского роду взята, а из приказного. Невелика дворянка. Козел да приказный — бесова родня.

Краснов. Я тебе сказал: молчи! Не десять раз говорить, сразу должна понимать!

Курицын. Не трожь, пущай их! Я люблю, когда бабы браниться свяжутся.

Краснов. Да я-то не люблю.

Курицына. Мало ль ты чего не любишь, так по тебе и угождать! Ишь ты какой грозный! Ты на жену кри-

чи, а на меня нечего: я тебе не подначальная. У меня свой муженек хорош, есть кому командовать-то и без тебя. Не я виновата, что твоя жена по пустырям да по заулкам шляется да с молодыми господами по целым часам балясы точит.

Краснов *(вскочив)*. Что-с!

Краснова. Никаких я пустырей, никаких переулков не знаю; а что встретилась я с Валентином Павлычем на берегу, так это я вам, Лёв Родионыч, сказывала, и даже все, что мы говорили.

Жмигулина. Да ведь и я тут сопутствовала.

Курицына. Да ты такая же.

Краснов. Ну, не змея ли ты теперича подколодная! а еще сестра называешься. Чего тебе хочется? меня с женой расстроить? Ненавистно тебе, что я ее люблю? Так знай ты завсегда, что я ее ни на кого не променяю. Я тридцать лет для семьи бобылем жил, до кровавого поту работал, да тогда только жениться-то задумал, когда весь дом устроил. Я тридцать лет себе никакой радости не знал. Следственно, я должен быть им, супруге моей, благодарен, что они, при всей своей красоте и образовании, полюбили меня, мужика. Допрежь того я на вас был работник, а теперь на них вечный работник. Околею на работе, а для них всякое удовольствие сделаю. Я должен у них ножки целовать, потому что я очень хорошо понимаю, что я и со всем-то домом против одного ихнего мизинца не гожусь. Так после этого нешто я дам их в обиду! Я уважаю, и все уважай!

Жмигулина. Сестра и сама понимает, что она всякого уважения стоит.

Краснов. Ты какое слово сказала-то! Коли поверить тебе, что ж тогда делать! Ну, скажи! Одна у меня радость, одно утешение, и я его должен решиться. Легко это, а? легко? Я не каменный какой, чтоб на такие женины дела сквозь пальцы смотреть! Меня слово-то твое дурацкое только за ухо задело, и то во мне все сердце перевернулось. А поверь я тебе, так ведь, чего боже сохрани, долго ли до греха-то! За себя поручиться нельзя: каков час выдет. Пожалуй, дьявол под руку-то толкнет. Господи, обороните нас! Нешто этим шутят! Уж коли ты хотела обидеть меня, взяла бы ты ножик да пнула мне в бок, легче бы мне было. После таких слов мне лучше тебя,

разлучницу, весь век не видать; я лучше от всей родни откажусь, чем ваше ехидство переносить.

Курицына. Не я разлучница-то, она родню-то разлучает.

Курицын. Что, брат! Видно, женина родня — так отворяй ворота; а мужнина родня — так запирай ворота! Приходи к нам, и мы так-то угостить сумеем. Пойдем, жена, дома лучше!

Курицына. Ну, прощай, сестрица, да помни! И ты, братец, подожди, как-нибудь сочтемся.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Афоня.

Краснов *(подходя к жене)*. Татьяна Даниловна, вы не возьмите себе этого в обиду, потому необломанный народ.

Краснова. Вот она ваша родня-то! Я невпример лучше в девушках жила; по крайности я знала, что никто меня обидеть не смеет.

Жмигулина *(прибирая со стола)*. Мы с простонародием никогда не знались.

Краснов. Да и я вас в обиду не дам-с. При ваших глазах родной сестры не пожалел, из дому прогнал; а доведись кого чужого, так он бы и ног не уволок. Вы еще не знаете моего характера, я подчас сам себе не рад.

Краснова. Что ж вы, сердиты, что ли, очень?

Краснов. Не то что сердит, а горяч: себя не помню, людей не вижу в этом разе.

Краснова. Какие вы страсти говорите! Отчего же вы мне прежде не сказали о своем характере, я бы за вас и не пошла.

Краснов. Коли горячий человек, так в этом ничего худого нет-с. Стало быть, он до всякого дела горяч, и до работы, и любить может лучше, потому больше других чувства имеет.

Краснова. Я теперь буду вас бояться.

Краснов. Страху-то мне от вас не больно нужно-с. А желательно бы узнать, когда вы меня любить-то будете?

Краснова. Какой же вам еще любви от меня надо?

Краснов. Вы, чай, сами знаете какой-с; только, может

быть, не чувствуете. Что делать! Будем ждать, авось после придет. Чего на свете не бывает! Были и такие случаи, что любовь-то на пятый или на шестой год после свадьбы приходит. Да еще какая! Лучше, чем смолоду.

Краснова. Ну и ждите!

Жмигулина. Это вы очень горячи к любви-то, а мы совсем другого воспитания.

Краснов. Вы насчет воспитания говорите? Я вам вот что на ваши слова скажу-с: будь я помоложе, я бы для Татьяны Даниловны во всякую науку пошел. Я и сам вижу, чего мне нехватает-с, да уж теперь года ушли. Душа есть-с, а воспитания нет-с. А будь я воспитан-с...

Жмигулина *(взглянув в окно)*. Идет, Таня, идет.

Бегут обе из комнаты.

Краснов. Куда же вы так вдруг-с? Бежать-то зачем?

Жмигулина. Что вы! Опомнитесь! Надо же встретить, учтивость наблюсти.

Уходят.

Афоня. Брат! Ты сестру прогнал; за дело ли, не за дело ли, бог тебя суди! А ты на барина-то поглядывай! Поглядывай, я тебе говорю.

Краснов. Что на тебя пропасти нет! Шипишь ты, как змея. Ужалить тебе меня хотелось. Убирайся вон отсюда! Поди, говорят тебе, а то до смерти убью.

Афоня. Что ж, убей! Мне жизнь-то не больно сладка, да и жить-то недолго осталось. Только не будь ты слеп! Не будь ты слеп! *(Уходит.)*

Краснов. Что они с моей головой делают! Аль в самом деле смотреть надо, аль смущают только? Где ж тогда, значит, любовь! Да неужто ж, господи, я себе не утеху, а муку взял! Встряхнись, Лёв Родионов, встряхнись! Не слушай лукавого! Одна у тебя радость,— он отнимет, сердце высушит. Всю свою жизнь загубишь! Ни за грош пропадешь! Все это наносные слова, вот что! Ненавистно стало, что жена хороша да живем ладно,— и давай мутить. Видимое дело. В каждой семье так. Бросить да не думать, вот и конец. А барина надо будет выжить, да чтоб и вперед не заглядывал. Ходите, мол, почаще, без вас веселей. Так оно и разговору меньше, да и на сердце покойнее.

Входят Бабаев, Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бабаев, Краснов, Краснова, Жмигулина.

Бабаев. Так вот вы где живете! Это у вас свой домик?

Краснова. Свой-с. А вот это мой муж-с.

Бабаев. А, очень приятно. Я с вашей женой давно знаком.

Краснов. Это ваше дело-с.

Бабаев. Вы торгуете?

Краснов. А это вот наше дело-с.

Краснова. Что ж вы не сядете!

Бабаев и Краснов садятся.

Не угодно ли вам чаю?

Бабаев. Нет, благодарю; я теперь не пью чаю.

Жмигулина. Ах, Таня, мы и забыли, что в Петербурге совсем другой вкус. *(Бабаеву.)* Можно сию минуту кофей сделать.

Бабаев. Нет, вы, пожалуйста, не беспокойтесь: я уж пил. Мы лучше так посидим, потолкуем о чем-нибудь. Веселитесь ли вы здесь? Есть ли у вас развлечения?

Краснова. Нет-с. Какие же здесь могут быть развлечения!

Бабаев. Как же вы время проводите? Неужели всё дома сидите?

Краснова. Большею частию.

Краснов. Да оно так и следует в нашем звании. По-нашему, по-русски: мужик да собака на дворе, а баба да кошка дома.

Жмигулина *(тихо Краснову)*. Учтивей-то вы не можете?

Краснов. Я свое дело знаю.

Бабаев. Так вы хозяйством занимаетесь. Вам, я думаю, трудно было привыкать к новым обязанностям.

Краснова *(взглянув на мужа)*. Да-с. А впрочем, нельзя сказать... конечно... сначала...

Бабаев *(Жмигулиной)*. Я спрашиваю, а и сам хорошенько не знаю, в чем заключаются эти обязанности.

Жмигулина. Да вам, по благородству вашему, и знать-то это низко.

Краснов. Никакой низкости нет.

Бабаев. А в самом деле, что же тут низкого?

Жмигулина. Слова низкие и даже довольно грязные, которых при людях воспитанных никогда не говорят.

Б а б а е в. Ну, предположите, что я человек невоспитанный. Какие же слова, скажите!

Ж м и г у л и н а. Вы просто нас с Таней конфузите. Вам интересно слышать эти слова, так извольте! К хозяйству относится кухня и всякие простонародные вещи: сковрода, сковородник, ухват. Разве это не низко?

К р а с н о в. Да уж низко ли ухват, высоко ли, а коли щи в печку сажать, так доставать его надо.

К р а с н о в а. Вы хоть бы при гостях-то не обижали жену!

К р а с н о в. Да я вас ни при гостях, ни без гостей никогда на волос не обидел-с. А вас спрашивают, какая вы мужу хозяйка, да еще при муже-с; так, я полагаю, вам бы надо отвечать, что вы мужу своему хозяйка хорошая, своей должностью не гнушаетесь, потому что в нашем звании это первое дело-с.

Ж м и г у л и н а *(тихо Краснову)*. Вы нам мешаете с нашим гостем разговаривать.

Б а б а е в *(тихо Красновой)*. Что, он у вас всегда такой?

К р а с н о в а *(тихо)*. Я не знаю, что с ним сделалось.

Б а б а е в *(тихо)*. Вы сами видите, что мне здесь делать нечего. Вы лучше приходите ко мне сегодня, а я теперь пойду домой. *(Громко.)* Ну, прощайте! Надеюсь, что мы видимся с вами не в последний раз.

Ж м и г у л и н а. Конечно, конечно.

К р а с н о в а. Покорно благодарим за посещение!

К р а с н о в *(кланяясь)*. Прощенья просим! Вы скоро отсюда уедете?

Б а б а е в. Не знаю. Как дело кончится.

К р а с н о в. Однако, как полагаете?

Б а б а е в. В суде говорят, что послезавтра.

К р а с н о в. И, значит, как кончится, так вы в тот же час и уедете?

Б а б а е в. Я думаю. Что ж мне здесь делать!

К р а с н о в. Да-с! Оно точно, что нечего. Наше вам почтение!

Б а б а е в, К р а с н о в а, Ж м и г у л и н а уходят.

Непрошенный гость хуже татарина. На что он нам! Какая от него польза? Помощи его я не приму, потому мы сами не нищие. Ну, значит, и проваливай! Поезжай себе в Петербург, и любезное дело!

Входят К р а с н о в а и Ж м и г у л и н а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина.

Краснова. Что же это вы делаете! С чего же вы взяли так обижать меня!

Краснов. Никакой обиды-с! А вы вот что-с! Мы с вами еще после свадьбы ни разу не ссорились, так желательно, чтобы и впредь этого не было, а жить в любви-с.

Жмигулина. Хороша любовь! Нечего сказать!

Краснов строго взглядывает на нее.

Краснова. Где же она, ваша любовь-то? Вот мы теперь ее хорошо видим. Вашим родным да знакомым я прислуживай, как кухарка; а пришел наш знакомый, человек благородный, так вы его чуть не выгнали.

Жмигулина. Да и выгнали, только что политически.

Краснова. Уж вы бы и не говорили лучше, что любите. Нужна мне очень ваша любовь, когда вы будете меня срамить на каждом шагу.

Краснов. Да я не понимаю, к чему этот и разговор промеж нас! Все и дело-то разговору не стоит. Может, мы его больше и не увидим никогда, да нам и надобности в нем нет; с чем пришел, с тем и ушел. А нам с вами всю жизнь жить; так стоит ли он того, чтобы нам с вами из-за него неудовольствие иметь.

Краснова. Ах, Луша, какой срам-то! Что он теперь об нас подумает!

Жмигулина. Да. Он теперь скоро в Петербург поедет; хорошее мнение он об нас туда повезет!

Краснов. Я вам опять-таки скажу-с, что его и всякие его мнения надо бросить. Все дело-то гроша не стоит. Я так понимаю: есть ли он на свете, нет ли его, это для нас с вами все одно-с.

Краснова. Для вас его на свете нет, но не для нас. Мы с сестрой обещали бывать у него и даже сегодня хотим идти.

Краснов. Не́ к чему-с.

Краснова. Как не к чему? Я вам говорю, что я хочу его видеть.

Краснов. Вы хотите, да мне не желательно. Должны вы меня уважить или нет?

Краснова. Что это вы какую власть вдруг забрали. Да вы и не воображайте, чтоб мы вас послушались,— этому не бывать!

К р а с н о в *(ударяя по столу)*. Чего-с! Как так не бывать! Нет-с, уж коли что я говорю, так это так точно и будет. Я говорю дело и вам на пользу-с, по тому самому я вам строго и приказываю. *(Опять ударяет по столу.)*

К р а с н о в а *(плачет)*. Что ж это за тиранство! Что за мучение!

Ж м и г у л и н а *(со смехом)*. Ах, какой грозный! Ах, какой страшный! Ха-ха-ха!

К р а с н о в. Вы-то что квакаете! Вас-то я так турну, что у вас об калитку подол завизжит.

К р а с н о в а. Ну уж вы что хотите делайте, хоть убейте нас, а мы все-таки пойдем. Мы не хотим доказать ему, что мы невежи против него. Должны же мы поблагодарить его за неоставление нас и пожелать счастливого пути.

К р а с н о в. Вы, Татьяна Даниловна, извольте понимать, пока вам словами говорят.

К р а с н о в а. Уж вы не драться ли хотите? Что ж, от вас это станется. Только того и жди.

К р а с н о в. Ошиблись. Никогда вы от меня не дождетесь! Я вас столько люблю, что на нынешний раз даже ваш каприз уважу. Извольте идти, и уж больше туда ни ногой. Только вот что еще, Татьяна Даниловна! Вот видите часы-с! *(Показывает на стенные часы.)* Так, когда вы пойдете, взгляните, и чтоб через полчаса здесь-с! *(Показывая на пол.)* На этом самом месте-с. Поняли?

К р а с н о в а. Пойдем, Луша, одеваться.

Уходят.

К р а с н о в. Кажется, у нас дело-то на лад пойдет! Они были маленько избалованы; в таком случае для них строгость не мешает. Стерпится — слюбится. А там, как барин уедет, можно и опять лаской; так наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда они у барина будут, кажется, ничего бы на свете не взял; да что ж делать, сразу круто нельзя,— вовсе от себя оттолкнешь. Само собою, что будет думаться, и то и другое в голову-то полезет. Ну, да ведь не разбойник же он какой, в самом деле! Да и супруга моя, как собственно недавно... То есть враг я сам себе да и только! Ведь ничего не может быть дурного; а я думаю да всякие вздоры прибираю!..

Пойтить с приятелями в трактире посидеть покудова!.. Об чем это он ей давеча шептал?.. Ну да что ж, ведь давно знакомы; может, тáк что! *(Берет картуз.)* Татьяна Даниловна! Сохнул я по тебе, пока не взял за себя; вот и взял, да все сердце не на месте. Не загуби ты парня! Грех тебе будет! *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

БАБАЕВ.

КРАСНОВА.

ЖМИГУЛИНА.

ЗАЙЧИХА.

КАРП.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп и Зайчиха (входят).

Зайчиха. Что сам-то, спит, что ли?

Карп. Не знаю. Да нет, он этой привычки не имеет. Опять же и время не то. Ты как думаешь? Ведь еще теперь в Петербурге не обедали, еще утро.

Зайчиха. Ишь ты! Ах, батюшки!

Карп. Вот иногда зимой уж и смеркнется давно, и огонь везде зажгли, а все еще утро считается.

Зайчиха. Ну да что мудреного! Город большой, столичный, не то что у нас. А я было так взошла: мол, не нужно ль что. *(Взглянув в окно.)* Ведь это к нам кто-то. Пойти встретить. *(Уходит.)*

Карп. Взвоешь здесь от тоски. Спервоначалу бы этим судейским, которые у них поглавнее, дать барашка в бумажке, так они бы мигом. По крайности, мы были бы теперь дома, у дела. Как ему самому-то не скучно! Уж не сследил ли он тут добычку себе! Недаром он по городу-то ходит! У него манера-то известная: ходит, ходит мимо окон-то, да и призрит глазом на какую-нибудь брунетку.

Зайчиха входит.

Зайчиха. Поди-ко, мой милый, доложь самому-то, что его спрашивают.

К а р п. Зачем спрашивают?
З а й ч и х а. Уж ты доложь, он там сам знает.
К а р п *(в дверь)*. Пожалуйте, сударь, к вам пришли.
Б а б а е в *(из двери)*. Кто?
З а й ч и х а. Выдь-ко сюда, батюшко, на минуточку! Нужно.

Б а б а е в входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К а р п, З а й ч и х а, Б а б а е в.

З а й ч и х а. Слушай-ко. К тебе пришла Краснова, лавочница, с сестрой, так спрашивают, можно ли, мол, взойти.
Б а б а е в. Просите их сюда! Да вот что! Послушайте, хозяюшка! Пожалуйста, чтобы разговору не было! Может быть, она и еще ко мне придет, так уж вы скажите лучше, что она к вам ходит. Может быть, спрашивать будут; знаете, ведь город маленький, все друг друга знают, друг за другом смотрят, куда кто пошел, где что делал.
З а й ч и х а. И, батюшко! Да мне что! Я и видела, да не видала. Ты проезжий, не здешний.
Б а б а е в. Попросите их сюда! Мы ведь с вами, милая хозяюшка, старые приятели. *(Треплет ее по плечу.)*
З а й ч и х а. Приятели, батюшко, приятели! *(Уходит.)*
К а р п *(махнув рукой)*. Грехи! *(Уходит.)*

К р а с н о в а и Ж м и г у л и н а входят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Б а б а е в, К р а с н о в а, Ж м и г у л и н а.

Ж м и г у л и н а. Еще здравствуйте! Ждали ли нас?
Б а б а е в. Признаться, так скоро не ждал. Садитесь, что же вы стоите!

Садятся.

Ж м и г у л и н а. Бегом бежали к вам. Из дому-то насилу вырвались.
К р а с н о в а. Полно, Луша, перестань!
Ж м и г у л и н а. Уж нечего скрывать-то! Не скроешь. Валентин Павлыч давеча сами видели нашу алистократию. А уж какая после вас пальба была!

Краснова. Ах, Луша, мало ли что в семье бывает; неужли всем рассказывать! Никому до того дела нет, как мы живем.

Жмигулина. Поняли вы теперь, Валентин Павлыч, что такое значит мужик, когда он важность на себя напустит?

Краснова. Хорошо тебе разговаривать-то, ты посторонняя. Ты бы меня-то пожалела! Он мне муж, мне с ним жить до гробовой доски.

Бабаев. Неосторожно вы поступили, Татьяна Даниловна, неосторожно.

Краснова. Какой вы чудной! За что вы меня упрекаете! Где ж вы были, когда нам было есть нечего! А теперь уж не воротишь. Остается только плакать всю жизнь. *(Плачет.)*

Бабаев. Ну, об чем же вы теперь-то плачете?

Краснова. Чему ж мне радоваться-то? Вам, что ли? Может быть, я и радовалась бы, кабы была свободна. Вы то́ поймите: из-за вас я с мужем поссорилась; вы-то уедете не нынче-завтра, а мне с ним оставаться. Вы только хуже сделали, что приехали: до вас-то он мне не так дурен казался. Да и он вдруг совсем переменился. Пока вас не видал, так всякую мою прихоть исполнял, как собака руки лизал; а теперь начал косо поглядывать, да и покрикивать. Каково же мне будет всю жизнь с постылым горе мыкать! *(Плачет.)*

Бабаев. Ну, перестаньте! Что это вы! *(Жмигулиной.)* Послушайте, Лукерья Даниловна! Вы подите к хозяйке, я один ее лучше уговорю.

Жмигулина. Пожалуйста, не хитрите! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бабаев и Краснова.

Бабаев *(подвигается и обнимает Краснову одной рукой)*. Душенька, Танечка, ну перестань! Что ты так расплакалась! Ну, давай подумаем вдвоем, как помочь твоему горю.

Краснова. И думать нечего! Никак нельзя.

Бабаев. Уж будто? А что если я увезу тебя в деревню?

Краснова. В какую? Куда?

Бабаев. Туда, в свою. Там все так же, как было при

маменьке: те же аллеи, пруды, беседки; все тебе знакомое, все будет напоминать прошлое. Ты бы у меня хозяйничала.

Краснова *(освобождаясь из-под его руки)*. Что вы только придумываете, как погляжу я на вас! Да возможное ли дело, чтоб такой вздор в голову пришел! Что ж, муж-то так вам и позволит! Да он меня на дне моря сыщет.

Бабаев. На время тебя можно будет спрятать, так что он и не найдет; а между тем с ним поторговаться.

Краснова. Что вы! Что вы! Вот еще новости! Ну, да будет вам пустяки-то говорить! Вот вы лучше посоветуйте, как мне всю жизнь с мужем-то жить.

Бабаев. Ну да, как же! Нужно мне очень!

Краснова. Значит, вы меня вот-таки ни крошечки не любите! Только притворяетесь. Вот что, да-с!

Бабаев. И не грех это тебе, Таня? А? Нет, скажи ты мне, не грех?

Краснова. Что?

Бабаев. Подозревать-то меня? Не грех?

Краснова. Да ну вас! Вас ведь не разберешь, притворяетесь вы или нет.

Бабаев. Да и на что тебе разбирать, мой ангел! Ты обо мне-то не заботься! Ты спроси у своего сердца, чтó оно говорит тебе! *(Обнимает ее.)*

Краснова. А ваше что вам говорит?

Бабаев. Да ведь ты мне, Таня, не веришь; ты говоришь, что я притворяюсь, а сама теперь спрашиваешь. А ну как я тебя обману?

Краснова. Да уж это не ваше дело! Вы только говорите!

Бабаев. Да и не обману, не бойся! Из чего мне тебя обманывать. *(Нагибается к ней, она слушает, потупя глаза.)* Вот что, Таня! Сердце мне говорит, что никого еще я не любил так, как тебя люблю. Мне все равно, будешь ли ты верить моим словам, или нет. Да я сейчас и докажу тебе, что это правда, и ты сама со мной согласишься. Я ведь не говорю тебе, что я никогда не видал женщин красивее тебя, умнее. Вот тогда ты мне могла бы прямо в глаза сказать, что я лгу. Нет, я видел и лучше тебя, и умнее, только не видал я никогда такой миленькой, добренькой, такой простенькой женщины, как ты.

К р а с н о в а *(вздохнув)*. Простенькой... Ах, правду вы говорите.

Б а б а е в. Ну, вот я тебе сказал, чтó я чувствую. Что же ты мне не скажешь?

К р а с н о в а. Да что мне говорить-то! Не умею я. Я бы, может быть, больше вашего насказала. Да и зачем говорить,— вы сами знаете.

Б а б а е в. То есть я, может быть, и догадываюсь, да только...

К р а с н о в а. Ну что «да только»? Вот и нечего сказать-то!

Б а б а е в. Нет, есть что. Я догадываюсь, да только проку-то из этого мне мало. *(Молчание.)* Ты мне сама скажи, что ты меня любишь! Ну, что же, Таня?

К р а с н о в а. Что вам?

Б а б а е в. Любишь ты меня?

Молчание.

Любишь? А?

К р а с н о в а *(потупившись)*. Ну, да.

Б а б а е в. Очень?

Молчание.

Что же ты молчишь? Очень любишь?

К р а с н о в а. Да.

Б а б а е в. А в деревню поедешь со мной?

К р а с н о в а. Ах, отстаньте вы от меня!

Б а б а е в. Ну, не надо в деревню. Мы вот что сделаем: я найму здесь в городе квартиру и через неделю буду приезжать сюда. Ты на это согласна?

К р а с н о в а. Согласна.

Б а б а е в. Ну, вот видишь, душенька Танечка, я на все для тебя готов.

К р а с н о в а. Вижу.

Б а б а е в. А ты?

Молчание.

Что же молчишь?

К р а с н о в а. А уговор!

Б а б а е в. Какой уговор?

К р а с н о в а. Вчерашний. Помните, там на берегу.

Б а б а е в. Нужно очень помнить! Да и не было никакого уговора.

К р а с н о в а. Бесстыдник вы, бесстыдник! Нешто можно забывать так скоро!

Б а б а е в. Не хочу я знать никаких уговоров. *(Обнимает ее и целует.)*
К р а с н о в а *(встает)*. Ах, оставьте, пожалуйста!
Б а б а е в. Как «оставьте»? Что значит «оставьте»?
К р а с н о в а. То же и значит, что оставьте.
Б а б а е в. Что за капризы?
К р а с н о в а. Никаких капризов, только вы, пожалуйста, подальше.
Б а б а е в. Если ты станешь так капризничать, я ведь уеду. Брошу и дело, за которым приехал, да сейчас и уеду.
К р а с н о в а. Пожалуй, уезжайте.
Б а б а е в. Я ведь не шучу. Карп!

Входит К а р п.

Собирайся ехать и потом за лошадьми сходи!
К а р п. Слушаю-с.
К р а с н о в а. Так вы вот как? Ну так бог с вами! Прощайте! *(Убегает.)*
К а р п. Что же, сударь, сбираться прикажете?
Б а б а е в. Куда сбираться! Надоел, братец! *(Подходит к окну.)* Уж не домой ли они ушли?
К а р п. Не уйдут-с.
Б а б а е в. Не твое дело! Пошел вон!

К а р п уходит, входит Ж м и г у л и н а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Б а б а е в и Ж м и г у л и н а.

Ж м и г у л и н а. Сестра просила вам сказать, чтоб вы погодили уезжать. Теперь у хозяйки сидит одна знакомая женщина; так вы сами понимаете, что пройти к вам неловко. А когда она уйдет, сестра зайдет к вам. Ей нужно об чем-то с вами поговорить.
Б а б а е в. Вы милы, Лукерья Даниловна!
Ж м и г у л и н а. Что-то ушам не верится! Уж от вас ли я слышу такие комплименты! *(Приседает.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

КРАСНОВ.

КРАСНОВА.

ЖМИГУЛИНА.

АРХИП.

АФОНЯ.

Комната первой сцены второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Краснова (на кровати), Жмигулина (входит).

Жмигулина. Таня, спишь ты?

Краснова. Нет.

Жмигулина. Ну так вставай! Что валяешься целый день! Все утро лежала и теперь лежишь.

Краснова. Зачем вставать-то! Что делать-то!

Жмигулина. Диви бы спала, а то лежишь да плачешь, только сердце надрываешь. Лучше встань, да потолкуем!

Краснова *(встает)*. Ишь ты, день-то сегодня какой невеселый, пасмурный! *(Садится.)* Бесталанная моя головушка! Что только я над собой сделала! Зачем я замуж пошла! Утопила я себя, просто утопила.

Жмигулина. Кто ж его знал! Женихом-то он был тише воды, ниже травы; а теперь точно что нашло на него. Я ведь вчера думала, он шутит, что на полчаса нам сроку-то дал.

Краснова. Да и я тоже думала. Кабы ты посмотрела, как он накинулся, какой страшный сделался. А нынче все утро косился, ушел не простившись; вот и обедать не приходил.

Жмигулина. Что же он тебе говорил, как вы вчера одни-то остались?

Краснова. Уж он и ругал ругательски, и в чувство-то ударялся, и сам плакал; чего-чего не делал! За всю мою любовь к тебе, говорит, одного я прошу, успокой ты меня, потому что я ревнив.

Жмигулина. Вот еще наказание-то!

К р а с н о в а. Ни к кому, говорит, я тебя не ревную, только к одному этому барину.

Ж м и г у л и н а. Еще бы он ко всякому ревновал; вот бы одолжил.

К р а с н о в а. Когда он уедет, говорит, что́ хочешь делай и ходи куда хочешь; а вот за то, что ты меня не послушалась, так не смей ты через порог переступать, пока он совсем не уедет из города.

Ж м и г у л и н а. Ну что ж ты ему на это?

К р а с н о в а. Он кричит, а я все молчу, все молчу; только уж очень мне обидно, что он надо мной такую власть взял. Прежде лисой прикидывался, а теперь, на-ко, вздумал командовать да свои мужицкие грубости говорить. Ему вот ничего, что он меня обидел, а я нынче целый день плакала. Ведь уж он меня хоть зарежь, я его любить не буду. Еще дай он мне волю, так я бы хоть какое-нибудь чувство к нему имела; а теперь назло буду все напротив делать; хотя бы я и виновата была перед ним, я и за вину не сочту; надо же мне ему чем-нибудь выместить. Что ж, не драться же мне с ним: у меня силы не хватит против него.

Ж м и г у л и н а. Известно. Он будь тем доволен, что ты за него замуж-то пошла; а то еще вздумал над поведением наблюдать.

К р а с н о в а. Да и как я его бояться стала со вчерашнего дня. То есть не поверишь ты, так вся и задрожу, как он на меня взглянет.

Ж м и г у л и н а. Ну, как же ты теперь думаешь?

К р а с н о в а. Да как думать-то! Уж очень у меня в голове-то запутано. Как ни кинь, все дурно. За кусок хлеба продала я свою молодость немилому человеку, и день ото дня он мне все противней становится.

Ж м и г у л и н а. Как не опротиветь после таких пассажев с его стороны, Особенно как посравнить кой с кем. Тот кавалер как быть следует, во всей форме.

К р а с н о в а. Ну, вот что ж мне теперь делать-то! Кабы я могла равнодушно отстать от Валентина Павлыча, я была бы этому очень рада. Да, видно, об этом надо было прежде подумать да пораньше хватиться; а теперь уж поздно. Сил моих не хватит.

Ж м и г у л и н а. Ведь и он тебя чрезвычайно как любит, Таня.

Краснова. Ну так что ж! Бог бы с ним. То-то вот ума-то у нас не хватает, а после и плачься. Мне еще маменька покойница говорила: смотри, девка, погубит тебя простота твоя.

Жмигулина. Ведь тебе, чай, с ним повидаться надо? Он, я думаю, ждет.

Краснова. Ну да, само собою. Кабы моя была воля, так и полетела бы к нему.

Жмигулина. Так надо умом раскинуть, как бы нам эту статью обработать.

Краснова. Сколько я ни ломала голову, ничего не придумала.

Жмигулина. Вот что, Таня! Тебе надо мужа обмануть.

Краснова. Каким манером?

Жмигулина. Нашей сестре без хитрости никак жить нельзя, потому мы слабый пол, со всех сторон обиженный.

Краснова. Какие же хитрости? Ты меня научи!

Жмигулина. Теперь ты с мужем, как кошка с собакой, так поневоле в его башку-то придет, что, значит, ты его не любишь, а любишь другого.

Краснова. Ну как же с этим быть?

Жмигулина. А ты переломи себя. Принеси ему покорность, мужики это любят. Притворись перед ним, что ты влюблена в него, нагороди ему турусы на колесах, он уши-то и развесит. Приласкайся к нему хорошенько разными ласками,— это ему в диковинку.

Краснова. Я должна буду против сердца говорить.

Жмигулина. Так что ж за беда! Почем он знает, что́ у тебя на́ сердце. Нешто ему понять, что́ притворное обращение, что́ настоящее. Ты посмотри, после таких твоих деликатностей он так в тебя вверится, что ты хоть в глазах у него амурничай, он и то не будет замечать.

Краснова. Вдруг над собой такой перемены не сделаешь.

Жмигулина. Непременно вдруг. Чего ж тебе дожидаться-то!

Краснова. Он теперь на меня дуется; как к нему подойдешь! Не прощенья же у него просить!

Жмигулина. Зачем прощенья! *(Подумав.)* А ты вот как сделай: поговори ты деду Архипу, что хочешь с мужем помириться, чтобы промежду вас никаких

неудовольствиев не было, что ты мужа любишь и для тебя оченно чувствительно, что он тебя обижает.

Краснова. Что ж, я пожалуй.

Жмигулина. Мне как хочешь! Я для твоей пользы говорю.

Краснова. Поди, приведи дедушку, он в саду сидит.

Жмигулина уходит.

Что значит, коли женщина с умом-то! Хоть бы и понравился кто, так она никому виду не подаст. Мужа так обойдет, что он в ней и души не чает. А без ума-то и попадешься сейчас.

Жмигулина вводит Архипа.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Краснова, Жмигулина, Архип.

Архип. На что я вам? Какие такие у вас дела до меня? Татьяна, ты здесь, что ль?

Краснова. Здесь, дедушко.

Архип. Вот Лукерья ведет меня да говорит: «дедушко Архип, дело есть!» Что, думаю, за дела такие до меня старого!

Жмигулина. Да вот, дедушко, сестра на мужа обижается.

Архип. Ну так что ж! Промежду мужем и женой кто ж судья! Пусть как хотят, так и живут.

Краснова. Что за радость так-то жить! Лучше бы жить в согласии.

Архип. Так за чем же дело стало? Ну, живите в согласии! Кто ж вам мешает!

Жмигулина. Вот видишь ты: у него очень грубое обращение, а мы к этому не привыкли.

Архип. Погоди ты, не таранти! У ней самой язык есть. Говори ты, Татьяна!

Краснова. Муж теперь на меня сердится и не глядит совсем; он думает, что я его не люблю, так это он ошибается.

Жмигулина *(делает знаки Красновой, чтоб та говорила)*. Она только его характеру боится.

Краснова. Я его люблю, как по закону следует. Если он про меня что дурное думает, так напрасно. Разве я могу променять его на кого-нибудь. Ни в жизнь этого не сделаю.

Жмигулина. Еще бы! Этакого распрекрасного человека. Разве она не чувствует.

Краснова. Если я была в чем перед ним виновата, ну побранил, да и будет. Только будь он со мной ласков, а уж я-то всякое уважение ему сделаю. Так буду угождать, что он и не ожидает.

Жмигулина. Она и мне сколько раз говорила: я мужа очень люблю, даже очень.

Архип. Да что вы друг за другом так и погоняете! Сговорились вы, что ли?

Жмигулина. Да как же мне молчать-то! Разве мне приятно видеть, что сестра, которую я даже обожаю, живет с мужем не в согласии. *(Делает знаки Красновой.)*

Краснова. Так вот, дедушко Архип, я и хочу тебя попросить, чтоб ты поговорил мужу...

Архип. Постойте! Постойте! Дайте срок, не сбейте с ног! Ты говоришь, что муж на тебя сердится? Значит, ты виновата?

Краснова. Велика ли моя вина!

Архип. Ну да велика ли, мала ли, а все виновата. Самой тебе, значит, покориться не хочется, стыдно, вот ты и просишь меня. Так, что ли?

Краснова. Так, дедушко Архип.

Архип. От сердца ты говоришь аль так, только слова одни?

Краснова. От сердца, дедушко.

Архип. Ну, мне что ж! Мое дело сторона. Лжешь, так богу ответишь! А я поговорю. Отчего не поговорить! Будет согласие, так всем нам будет любо.

Жмигулина. Ты ему сегодня поговори.

Архип. Как придет, так и поговорю.

Входит Афоня.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Краснова, Жмигулина, Архип, Афоня.

Архип. Кто вошел?

Афоня. Я, дедушко Архип.

Архип. У нас нынче праздник, Афоня. Вон Татьяна хочет с мужем в ладу жить, покориться ему хочет.

Афоня. Покориться? Покориться? Не верь, дедушко Архип, обманывает.

Архип. Ну полно, что ты!

К р а с н о в а. Что мне обманывать! Какая корысть!

А ф о н я. Аль за ум взялась, как брат пугнул-то хорошенько. Давно б ему пора. Да уж коли ты взаправду, так гордость-то брось. В ноги мужу-то, в ноги кланяйся! Да и нам всем, всем. Всех ты нас обидела.

Ж м и г у л и н а *(тихо)*. Не слишком ли много чести будет.

К р а с н о в а. За что же я буду мужу кланяться?

А ф о н я. А за все, что он делал для тебя. Я сам видал, как он перед тобой на коленях стаивал. Стыд головушке. *(Закрывает лицо руками.)*

Ж м и г у л и н а. Что ж, коли ему это нравилось.

А ф о н я. Не хуже он вас, да кланялся, а теперь ты поклонись. Сними этот стыд-то с него. Не отвалится у тебя голова-то! Да и нам всем, и зятю поди поклонись, и сестре.

К р а с н о в а. Ну еще мужу сколько-нибудь на дело похоже, а вам-то за что?

А ф о н я. А за то, что брат всех нас обидел за тебя. С тебя разлад-то пошел в семье. Ты ему милей всех стала, милей всей родни.

А р х и п. Угомонись ты! Дай сердцу уходиться! Мы мириться хотим, а ты опять ссору заводишь.

Ж м и г у л и н а. Вот и не муж, а какого страху задает! А дай-ко ему волю-то, так и житья от него не будет.

А р х и п *(гладит по голове Афоню)*. Ну, что с него взыскивать! Он больной человек.

Входит К р а с н о в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К р а с н о в, К р а с н о в а, Ж м и г у л и н а, А р х и п, А ф о н я.

Ж м и г у л и н а *(Архипу тихо)*. Лёв Родионыч пришел.

А р х и п. Никак ты, Лёв, не обедал сегодня.

К р а с н о в. Некогда было.

К р а с н о в а. Коли угодно, мы сейчас подадим.

К р а с н о в *(садится к столу)*. Само собою. Ужели ж мне не емши быть!

К р а с н о в а. Накрывай, сестра! *(Уходит в кухню.)*

Жмигулина накрывает стол.

А р х и п. Ты, Лёв, в лавку пойдешь?

К р а с н о в. Нет, уж я забрался.

А р х и п. Дома, что ль, будешь?

К р а с н о в. С часок места побуду, а то надоть за реку сходить, деньги получить.

К р а с н о в а вносит чашку щей, ставит на стол и уходит с Ж м и г у л и н о й. Краснов, съевши несколько ложек, задумывается.

А р х и п. Лёв! Не вижу я тебя, а словно как ты нéвесел пришел?

К р а с н о в. На что глядя радоваться-то!

А р х и п. А тужить-то об чем? Что за горе?

К р а с н о в. Мое горе, дед, мое. Мое собственное. Мне про то и знать.

А р х и п. Ну, бог с тобой! Твое горе, тебе с ним и ведаться. *(Помолчав.)* А и то сказать, ведь я тебе не ворог; хоть и скажешь мне, так беды не будет. Да и жил-то я не с твое и горя-то видал побольше, может еще что и на пользу скажу.

К р а с н о в. Не такое дело, дед, чтоб совета просить! Ничего ты мне не скажешь.

А р х и п. Глупый ты, глупый! Почем ты знаешь! Аль ты себя умней всех ставишь!

К р а с н о в. Да отстань ты! Не до того мне! Ну что пристал! *(Стучит с сердцем ложкой по чашке.)*

Входит Ж м и г у л и н а, ставит на стол чашку с кашей и уходит.

А р х и п. Жена-то умней тебя, право умней.

К р а с н о в. Кабы умна была, так бы слушалась мужа.

А р х и п. Мало ль чего нет! На всякий час не опасешься! А ты за малость гнева не держи. Одна вина не вина, и две вины — полвины; три вины — вина.

К р а с н о в. Какова вина! Вина вине рознь. За другую вину удавить мало.

А р х и п. Что больно грозно! Ноне за денной разбой да и то не вешают.

К р а с н о в. И кусок-то в рот нейдет.

А р х и п. Эко сердце-то у тебя ретивое! Я начал было про жену-то, это я неспроста. Она прежде тебя за ум взялась.

Краснов слушает.

Говорит: «дедушко Архип, замолви за меня мужу словечко! Я, говорит, его люблю, только его нраву

боюсь. Может, он что думает на меня, так напрасно. Я его ни на кого не променяю. Я, говорит, ему всякое угождение сделаю, только бы он простил меня да не сердился».

Краснов. Да это точно?

Архип. Аль ты совсем рехнулся? Врать, что ли, я стану на старости лет. Она бы и сама тебе сказала; ей и хочется покориться-то, да, видишь ты, стыдно, ну и боится.

Краснов *(встает)*. Дедушко Архип, пойми ты меня! Ведь ты знаешь, как я ее люблю, нечего тебе сказывать! Жили мы с ней до этого случая ладно, вы все видели, души я в ней не чаял. Наезжает теперича этот барин, и вижу я, он с ней разговаривает больно слободно, ну и взяло меня за сердце. Веришь ты мне, не помнил, что́ говорил, что́ делал. Как пошла это она к нему, жду я ее полчаса — нейдет, жду час — нейдет, так меня лихорадка проняла, зубы у меня застучали. Чего тут я, чего не передумал! Может, я грешу, обижаю ее; может, у ней и в уме-то ничего нет; да что ж мне делать-то! Жжет меня всего огнем, вот так и жжет. Обидел я ее, это точно, да легко ли мне самому-то? Скажи ты мне, что она умерла сейчас,— что я над собой сделаю, я не знаю, а легче мне будет, ничем у меня ее кто отымет. *(Плачет.)* Другой денег себе хочет, знати, а мне ничего не надо, мне только чтоб она меня любила. Дай ты мне на выбор: вот, мол, тебе, Краснов, горы золотые, палаты царские, только оставь жену; или вот, мол, тебе землянка непокрытая, работа всякая черная, только с женой жить; я и ох не молвлю, буду на себе воду возить, только бы с ней быть завсегда. Так слушай ты, дедушко! Мудрено ль, что я сгоряча и обидел ее! Нет любви, так и сердца нет. А вот ты мне говоришь, что она теперь сама покориться хочет! Ведь такой радости мне и во сне не увидать. Точно у меня гора с плеч. Как будто я снова на свет родился! Ну, дедушко Архип, спасибо тебе! Мертвый я был человек, оживил ты меня! То есть такое мне в голову лезло, что, кажется, и не замолить ввек. Близко он, окаянный, подле меня ходил. Мало того, что в уши-то шепчет, а — и сказать-то грех *(тихо)* — и под руку толкает.

Архип. Что ты! На кого?

Краснов. Ну да уж что было, то прошло. Вперед не дай бог этакой муки! Врагу своему не пожелаешь.

Архип. А ты укорачивай сердце-то!

Краснов. Эх, дедушко! Рад бы я укорачивать, да не спохватишься. В очах у тебя вдруг смеркается, в голове звенит, за сердце словно кто рукой ухватит, в уме тебе только несчастье да грех представляются. И ходишь как полоумный, ничего кругом себя не видишь. А вот теперь отошло от сердца, так и ничего, полéгчало, ровно и не бывало ничего.

Входит Жмигулина и берет чашку со стола.

А где же Татьяна Даниловна?

Жмигулина. Она там, в кухне.

Краснов. Зачем же они в кухне? Что им там делать! Совсем не их место в кухне сидеть! Позовите их сюда.

Жмигулина уходит.

Афоня *(тихо Архипу)*. Дедушко, будет она брату в ноги кланяться аль нет? Коли не будет, я уйду.

Архип. Как хотят, нам что за дело!

Входят Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Архип, Афоня.

Краснова. Вы меня звали?

Краснов. Потому собственно, что вам в кухне сидеть непристойно-с.

Архип. Я, Татьяна, ему говорил; теперь уж как хочешь сама.

Краснова. Лёв Родионыч! Если я в чем виновата перед вами, так извините меня. Если вам угодно, я вам, пожалуй, в ноги поклонюсь.

Краснов. Нет, зачем же-с! Я и так могу чувствовать-с! Нешто я могу вас допустить до этого, чтоб вы мне кланялись! Что я тогда буду за человек!

Краснова. Я согласна что угодно сделать, только бы вы на меня не сердились.

Краснов. Ничего мне от вас не надобно, кроме вашего слова-с. Вы сказали слово — и конец, я вам должен верить.

Краснова. Значит, вы на меня не сердитесь?

Краснов. Никакого сердца-с! А что я, точно, человек не полированный, сгоряча пошумел, так за это не взыщите, потому любя-с.

Жмигулина. Ах, полноте! Кто же на вас может взыскивать!

Краснова. Я уж и забыла. Мне не столько обидны были слова ваши, сколько то, что вы сегодня не хотели даже и взглянуть на меня.

Архип. Ведь помирились, ну и будет! Что старые-то дрязги перетряхивать! Вот теперь как следует поцелуйтесь. Так все дело и пойдет своим чередом.

Краснова. За этим, дедушко, дело не станет. Я с моим большим удовольствием! Я уж давно хотела, да не знала, как понравится Льву Родионычу!

Краснов. Если вы с удовольствием-с, так уж я вдвое против того-с!

Целуются.

Жмигулина. Это только всегда было удивительно видеть для меня, Лёв Родионыч, как сестра вас любит.

Краснов. Что ж тут удивительного-с?

Жмигулина. Я ее, Лёв Родионыч, лучше вас знаю. Она тихого характеру, она не может вам всего высказать, а надобно знать, что́ она чувствует.

Краснов. Тем для нас приятней-с!

Жмигулина. Она бы и хотела вам свою любовь высказать, да от робости не может.

Краснов *(жене)*. Чего же меня робеть-с! Я такой же человек, как и все.

Жмигулина. Мы уж так от природы.

Краснов *(жене)*. Нет, уж вы сделайте такое ваше одолжение, вы вперед меня не бойтесь. Меня совесть зазрит. Что я за пугало.

Краснова. Я вас не буду бояться, Лёв Родионыч, я вас буду любить.

Жмигулина. Другие из нашей сестры вам на словах всего наскажут, чего даже у них и на сердце нет, а сестра напротив.

Краснов. Так мы и будем вас понимать. А то иной раз не знаешь, как к вам и подойти! Понравится ли еще вам!

Краснова. Вы мне всегда нравитесь.

Афоня. Пойдем, дедушко Архип, на улицу посидеть!

А р х и п. Пожалуй, пойдем. Теперь у нас, слава богу, опять совет да любовь. Хорошо, когда в доме согласие! Хорошо, детки, хорошо! *(Уходя.)* Окаянный сквозь землю,— господь по земле!

Уходят.

Ж м и г у л и н а. Я тут залепортовалась, а мне тоже кой-куда сбегать надо. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К р а с н о в, К р а с н о в а.

К р а с н о в *(садится на лавку)*. Ах, Татьяна Даниловна, кабы бог дал нам с вами век прожить в таком согласии, как теперича!

К р а с н о в а *(садясь подле него)*. Да и проживем.

К р а с н о в. Ведь вот ежели бы вы завсегда с такой лаской, так из меня хоть веревки вей. Вы, Татьяна Даниловна, из меня все лаской можете сделать.

К р а с н о в а *(кладет ему руку на плечо)*. Да мне ничего не нужно от вас, я всем довольна. Только вы не думайте обо мне с худой стороны. Зачем вы меня приревновали?

К р а с н о в *(обнимая ее)*. Ишь ты какая, обиделась! *(С любовью смотрит на нее.)* Душа ты моя! Что кому дорого, тот то и бережет. Ведь ты мне дороже всего на свете! Ты какая жена-то? У кого такая есть! Ты на зависть всему городу, нешто я не вижу. Кому захочется такую жену потерять! Первое дело, это все одно, что клок из сердца вырвать, а второе дело, мне смешка́ми да укорами проходу не дадут, со свету сживут. Я тебя, надо так говорить, больше души своей люблю, и в помышлении-то не хотел бы обидеть, а вот что ты хочешь, все-таки думается.

К р а с н о в а. А вы не думайте!

К р а с н о в. Ну, да теперь шабаш.

К р а с н о в а *(ласкаясь)*. Уж ты не стыди меня, не наблюдай за мной!

К р а с н о в. Сказано шабаш! Целуй-ко ты меня покрепче!

Целуются.

Вот так! Сказывай ты мне теперь, за что ты меня любишь? За что такое ты можешь ко мне привязку иметь?

Краснова. Так, просто люблю, да и все.

Краснов. Нет, ты сказывай! Мне лестно это слышать от тебя. Хочу я знать, что́ есть такое во мне, что меня такая красавица полюбила? Аль умом, аль чем тебе по нраву пришелся?

Краснова. Да всем. Что ж, кто про тебя дурное скажет! Известно, хороший человек.

Краснов. Ну, а еще что?

Краснова. Ты очень добр, ничего не жалеешь для меня.

Краснов. Вот что! *(Крепко обнимает и целует.)* Ну, так люби меня больше, еще добрей буду. Что ты морщишься? Аль поизмял маленько?

Краснова. Да ты очень крепко.

Краснов. Ну, да уж ау, брат! Ничего не поделаешь! Как люблю, так и обнимаю. Значит, от души, без фальши. Небось, не сахарная, не развалишься.

Краснова. Да я ничего.

Краснов. Ведь я знаю, что так только. А то на что тут жаловаться! За это на нашего брата не сердятся. Так, что ли?

Краснова. Сам знаешь, что ж спрашиваешь!

Краснов. Эка жизнь с бабой-то хорошей! Малина просто! Разлюбезное дело! Нет-то ничего на свете лучше! И что такое это значит, что вы нашему брату так дороги?

Краснова. Я не знаю.

Краснов. Премудрость, право премудрость! Не нашему уму это понимать! Мы знаем одно, что... прилепился к жене своей, вот и все. Прилепился, ну и кончено дело. Когда я теперича с тобой сам-друг, так мне хоть всё огнем гори! *(Целует ее.)* Сегодня пойду, деньги получу, завтра тебе обновку куплю.

Краснова. На что! Не надо!

Краснов. Коли я говорю, что куплю, стало быть это мое дело. Значит, по делу выходит, что надо. Ты свое дело знай: утешай мужа! А я буду свое знать. *(Взглянув на часы.)* Э, да уж времени-то много! Надоть идти! А не хотелось бы мне теперь от тебя уходить.

Краснова. Не ходи!

Краснов. Ой, аль и вправду нейти? Да нет, что баловаться-то! Девушка гуляй, а дела не забывай! Не приди нынче за деньгами, так после неделю даром

проходишь. И так далеко идти-то! Чтоб его!.. За реку ведь! С час проходишь, прах его побери! *(Берет картуз.)* Так ты говоришь: погоди!

Краснова. Да разумеется!

Краснов. Ишь ты какая! *(Обнимает ее.)* Знаю я вашего брата. Ну, да мало ль что! А ты вот подожди меня часик, авось в час-то не умрешь! *(Целует ее.)* Ну, прощай! А то с тобой, пожалуй, этак и вправду останешься. Ведь вы на соблазн человеческий созданы на свете! *(Идет.)*

Краснова. Приходи скорей!

Краснов. Как скоро, так и сейчас. Нет, кромя́ шуток, раньше часу не обернешься. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Краснова *(вслед мужу)*. Ну, прощайте! Насилу-то ушел. Несчастная я, несчастная! Говорят, надо любить мужа; а как я могу его любить! Грубый, неотесанный, ласки медвежьи! Сидит, ломается, как мужик. А тут еще притворяйся перед ним, потрафляй ему; противность какая! Вот уж ничего бы на свете не взяла, кабы не такое теперь дело вышло. Что делать-то! И не мил, да покоряйся! *(Молчание.)* Да куда ж это все разошлись? Сиди теперь одна! Такая скука! *(Садится к окну.)* И народу-то никого нет на улице, поглядеть не на кого. Куда это сестра делась? *(Запевает вполголоса.)*

Ах, матушка, скучно!
Сударыня, грустно!
Сердечушко ноет,
Ноет, занывает;
Мил про то не знает,
Как сердце страдает.

Входит Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Краснова и Жмигулина.

Жмигулина. Что, ушел?

Краснова. Ушел.

Жмигулина. Далеко ли?

Краснова. За реку.

Жмигулина. Долго проходит?

Краснова. Говорит: ближе часу не вернусь.

Жмигулина. Вот бы и сбегала. Я сейчас там была,— он дожидается. Сегодня едет.

Краснова. Неужели сегодня? Как же это быть-то, Луша, голубушка! Не сказал ведь. Повидала б я его.

Жмигулина. Возьми мой платок, покройся хорошенько. Ишь, на дворе-то совсем как сумерки, никто тебя не узнает.

Краснова. Не было бы беды?

Жмигулина. Волка бояться — в лес не ходить. Далеко ль тут, мигом добежишь. Только не засиживайся!

Краснова. Нет, нет, как можно. *(Покрывается платком.)*

Жмигулина. То-то ж, смотри! Сохрани господи, Лёв Родионыч раньше тебя придет. Что мне тогда делать! Разве сказать, что за нитками, мол, пошла к знакомой. Хорошо, как поверит. Ты что тут с ним одна-то говорила?

Краснова. Что говорила — не помню, что теперь делаю — не знаю.

Жмигулина. Ну, беги, беги!

Краснова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Жмигулина и (потом) Афоня.

Жмигулина *(у окна)*. Ишь пустилась! Как стрела, летит. А где бы ей придумать, кабы не я. Вот и собой хороша, да как ума-то нет, тоже плохо. Всему-то ее научи; смотри за ней, как за малым ребенком. Не научи я с мужем помириться, что́ бы было? Ссора да брань. Она бы, пожалуй, уступить не захотела; ну, значит, поминутно в доме стражение, а от соседей мараль. А теперь что хочешь делай; все шито да крыто будет.

Входит Афоня.

Афоня. Где Татьяна? Где она, где она?

Жмигулина. Зачем она тебе понадобилась?

Афоня. Нужно мне. Говори, где? Говори, где?

Жмигулина. В саду, должно быть.

Афоня. Что ты меня дурачишь! Скажи хоть раз в жизни правду! Ушла она? Говори, ушла?

Жмигулина. Может быть, и ушла.

Афоня. Это она, что ли, сейчас в вороты шмыганула?

Жмигулина. Должно быть, она. Не за нитками ли пошла! Она давно хотела к соседке сбегать.

Афоня. За нитками?

Жмигулина. Ну да, за нитками.

Афоня. Ты врешь, врешь!

Жмигулина. Да отвяжись! Что ты пристал! Ты что деда-то бросил!

Афоня. Не твое дело. Я знаю, куда она пошла. Вы дьяволы! Вы обманули брата. Я давеча по глазам по вашим видел: у вас огни в глазах бегали, дьявольские огни.

Жмигулина. Экой ты ехидный мальчишка!

Афоня. Так погодите ж вы, погодите! Будет вам нас обманывать, выведу я вас на свежую воду.

Жмигулина. Не пугай! Не очень тебя боятся.

Афоня *(со слезами)*. Господи боже мой! Что это такое! Какого человека в глаза обманывают! *(Убегает.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ЗАЙЧИХА.

КУРИЦЫНА.

АФОНЯ.

БАБАЕВ.

КРАСНОВА.

Улица перед домом Зайчихи. Сумерки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Курицына и Зайчиха (выходят из калитки).

Зайчиха. И, матушка, что ты! что ты! Как можно! Брось, не думай! Тебе так показалось. Уж поверь ты мне, что показалось.

Курицына. Толкуй, показалось! Я еще, слава богу, не ослепла. Ее ль не узнать! Да я ее сейчас из тысячи выберу по платью. У нас ведь одна модница-то только и есть; мы по праздникам того не надеваем, в чем она по будням ходит. Мы это с тобой из двери, а она к нему в дверь.

Зайчиха. Говорю тебе, ошиблась. Оно точно, что не без греха. Есть тут одна, бегает к нему, и похожа на вашу-то, а не она. Мне что! Разве бы я не сказала. Да коли неправда, так зачем пустяки говорить.

Курицына. Ты ведь потатчица.

Зайчиха. Не греши, Уляша, не греши!

Курицына. Да что за грех, Прокофьевна! От нее станется; я ее знаю. Больно ей брат волю дал. На другую б я не подумала, а на нее и греха нет. Не нынче, так завтра начнет петли метать, что и концов не найдешь. Она брату-то очки на нос наденет. А ведь как она меня разобидела, кабы ты знала.

Зайчиха. Ужли?

Курицына. С места не сойти! Брата настроила, тот так и рычит на меня. Знать, говорит, тебя не хочу. Вот она какая. Да нет, погоди, милая! Со мной — не с кем другим.

Зайчиха. И, полно ты! Что вам делить-то! Она у себя хозяйка, ты у себя.

Курицына. Да пропадай она пропадом: мне до ней-то и дела нет; а то обидно, Прокофьевна, что она брата мутит, со всей родней его ссорит.

Зайчиха. Ну, уж это ваше дело; как-нибудь сочтетесь. Ты теперь домой, что ли?

Курицына. Домой, касатка; ужинать пора. Мой привередник-то теперь, чай, ходит да покрикивает. Заходи к нам-то!

Зайчиха. Ваши гости.

Целуются.
Прокофьевна уходит в калитку.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Курицына и (потом) Афоня.

Курицына. Кто ее знает, врет Прокофьевна или нет. Верить-то ей нельзя, баба-то плут. А дорого б я дала, чтоб мне узнать доподлинно, она теперь у барина или нет. Нешто подождать? А как она тут долго, так муж-

то мне такую гонку задаст, что до новых веников не забудешь. Ну, счастлива ты, что мне некогда, а то подстерегла бы я тебя. *(Идет. Навстречу ей Афоня.)* Афоня, ты куда?

А ф о н я. Поди, не трожь меня! Не трожь!

К у р и ц ы н а. Татьяна дома?

А ф о н я. Нет, ушла.

К у р и ц ы н а. Так она тут, у барина, я ее сейчас видела.

А ф о н я. У барина? Господи! Где же стыд-то в людях!

К у р и ц ы н а. Ну, я домой побегу, скажусь мужу да и к вам зайду. *(Уходя.)* Погоди, братец, погоди, обидчик, я теперь тебя отчитаю. *(Уходит.)*

А ф о н я. Батюшки! Сил моих нет! Как тут жить на свете! За грехи это над нами! Ушла от мужа к чужому. Без куска хлеба в углу сидела, мы ее призрели, нарядили на свои трудовые деньги! Брат у себя урывает, от семьи урывает, а ей на тряпки дает, а она теперь с чужим человеком ругается над нами за нашу хлеб-соль. Тошно мне! Смерть моя! Не слезами я плачу, а кровью. Отогрели мы змею на своей груди. *(Прислоняется к забору.)* Буду ждать, буду ждать. Я ей все скажу, все, что на сердце накипело.

Из калитки выходят Б а б а е в и К р а с н о в а. А ф о н я прячется за угол.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А ф о н я, Б а б а е в, К р а с н о в а.

Б а б а е в. Чего ты боишься! на улице ни души. И куда ты торопишься, получасу нет, как ты пришла.

К р а с н о в а. Нет, нет! Все как-то сердце не на месте.

Б а б а е в. Что у тебя за страх такой, я не понимаю. Ну, побранит муж, да тем дело и кончится.

К р а с н о в а. Вот тогда я тоже опоздала; какой он страшный сделался, так и думала, убьет. Страшен он мне, очень страшен!

Молчание.

Ты скоро опять приедешь?

Б а б а е в. Через неделю, а уж много дней через десять.

К р а с н о в а. Эх, право! как это так сделалось! Ведь вот кабы по душе-то судить: ты в деревню — и я в деревню, ты в Петербург — и я за тобой.

Б а б а е в. Ведь я тебя звал с собой.

К р а с н о в а. Тебе хорошо, ты свободный человек, а я

теперь все равно что в крепости. Вот оно мое горе-то! Да и то уж не раз мне в голову приходило, как бы к тебе убежать.

Б а б а е в. И отлично.

К р а с н о в а. Ты только вздумай, какова моя жизнь несчастная: что мужа обманешь, то и поживешь в удовольствие. Все обман да обман! А что хорошего обманывать-то? да и противно; не такой у меня характер. А догадайся муж, что я его не люблю, так он бранью да попреками меня в гроб сведет. Очень я понимаю, что женой быть ему не могу и что я в их семье лишняя, ну и отпустили бы меня на все четыре стороны; а кому ты это растолкуешь, кто поймет! Ты посмотри, какие они все грубые да строгие, а я к строгости не привыкла. Что за жизнь, когда воли нет.

Б а б а е в. Таня, ты вот что сделай! скажи ему прямо, что ты с ним жить не хочешь. Найми с сестрой квартирку, я вам денег вышлю.

К р а с н о в а. Что ты! что ты! и думать нечего. Разве он отпустит. Хоть умирай, да при нем, у него на глазах; лучше уж я уйду потихоньку.

Б а б а е в. Ну, потихоньку.

К р а с н о в а. Ох, уж, право, не знаю. На словах-то все мы бойки, а как до дела дойдет, так и разум потеряешь, особенно я. Уж делай ты, как знаешь. Что ты мне скажешь, так я и буду делать. Ведь ты меня любишь, погибели моей не захочешь.

Б а б а е в. Разумеется.

К р а с н о в а. Вот правду-то говорят, что все мы, бабы, сумасшедшие: сама ведь замуж пошла, никто меня не неволил, ну так и жить бы, как по закону следует; а меня вот к тебе тянет, из дому бежать хочу. А ты все виноват, Валентин Павлыч: через тебя теперь я от дому отбилась. Кабы не ты, жила бы как-нибудь с мужем, по крайности бы горя не знала.

Б а б а е в. Прекрасная жизнь! есть о чем жалеть!

К р а с н о в а. А теперешняя жизнь нешто хороша! Конечно, я не должна тебя много винить, потому что сама кругом виновата. Вам что думать! ваше дело мужское, никто тебя не осудит, а нам за все про все беда. Ну, да что делать! Теперь поздно разбирать, кто прав, кто виноват, а видно, так надобно было этому делу случиться. Только ты не обмани меня, приезжай!

Б а б а е в. Ну полно, что ты! Непременно приеду.

К р а с н о в а *(целует его)*. Прощай! пора мне! Что это как я вся трясусь, ноги так и подламываются.

Б а б а е в. Ты успокойся немного. Пойдем, я с тобой погуляю по берегу; еще успеешь домой вовремя прийти.

Уходят.

А ф о н я. Вот, брат Лёв, на кого ты нас променял! погляди, полюбуйся! Кто тебя любит-то душою, так ты на того зверем смотришь; я сохну, как свечка таю, все из любви да из жалости к тебе, а еще ни разу от тебя доброго слова не слыхал. В жене ты души не чаял, а она, злодейка наша, вот что делает! Нет на свете правды, нет! *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

КРАСНОВ.

КРАСНОВА.

ЖМИГУЛИНА.

АРХИП.

АФОНЯ.

КУРИЦЫН.

КУРИЦЫНА.

Комната третьего действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ж м и г у л и н а входит со свечой и ставит ее на стол, потом А ф о н я.

Ж м и г у л и н а. Что это Таня нейдет! уж пора бы. Эка сумасшедшая! рада, что вырвалась, а того не подумает, что вдруг, сверх всяких ожиданий, муж вернуться может. Вот и вертись, как на иголках. Только кто за дверь, так сердце и упадет. Каждая минута за год кажется. Афонька еще меня беспокоит. Куда он делся? уж не ее ль стережет? Конечно, против каждого его слова можно найти десять отговорок, а все-таки, пожалуй, сумление наведет. Ах,

кто-то идет, неужто сам! сохрани господи! Я, кажется, так тут и умру.

Входит А ф о н я и, охая, ложится на лежанку.

Ты где был?

А ф о н я. Где был, там нету.

Ж м и г у л и н а. Да говори, авось язык-то не отвалится.

А ф о н я. Не хочу я с тобой говорить.

Ж м и г у л и н а *(ласково)*. Аль тебе, Афоня, нездоровится?

А ф о н я. О господи! не трогайте меня, не трогайте! Не обманешь ты меня.

Ж м и г у л и н а. Очень нужно тебя обманывать!

А ф о н я. Брата обманывайте, а меня не обманете. Нет, нет.

Ж м и г у л и н а. Ты что-то такое говоришь довольно странное для меня.

А ф о н я. Ох, моченьки моей нет. Отойди! не вертись ты на моих глазах, не мучь ты меня.

Ж м и г у л и н а. Тебе ж хуже, когда ты ласки не умеешь понимать.

А ф о н я. Не надо мне, ничего не надо.

Ж м и г у л и н а. Ну, так и знай свою печку. Ты думаешь, мне нужно? так ведь, из жалости.

Молчание.

Эка безумная, эка безумная! У меня сердце не на месте.

Входит К р а с н о в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и К р а с н о в.

К р а с н о в. Вот и я как раз. Каково обернул! Я над Татьяной Даниловной пошутил малость: ждите, говорю, через час, а сам через полчаса тут как тут, чтобы, значит, неожиданно. Оставлял чай пить, да я не остался. Эка невидаль чай, говорю ему, у меня дома молодая жена дожидается. Да где ж они-с?

Ж м и г у л и н а. Да не знаю. Тут где-нибудь. Не в сад ли вышла?

К р а с н о в. Пошлите их поскорей, я им хочу за нынешнее их уваженье подарочек сделать.

Ж м и г у л и н а. Сейчас, сейчас. *(Уходит.)*

Краснов *(ходит молча, потом рассуждает сам с собою)*. Пятьдесят семь рублев, шесть с костей, три на кости, девять Петру Ананьеву. *(Молчание.)* Что же они пропали? *(Ходит молча.)* Афоня, ты не знаешь, куда вышла жена?

Афоня. Не знаю. Ох, неможется мне.

Краснов. Да что же они прохлаждаются! *(Подходит к двери.)* Татьяна Даниловна! Лукерья Даниловна! И голосу не подают. Что же это такое теперича значит? Афанасий! да где же жена?

Афоня. Аль соскучился без нее! придет, не бойся. Где ни гуляет, а домой придет.

Краснов *(у двери)*. Татьяна Даниловна!

Входит Курицына.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Курицына.

Краснов. Кто это? это ты, Ульяна?

Курицына. Я, братец.

Краснов. Зачем?

Курицына. Навестить вас, братец, по-родственному.

Краснов. Не больно-то я нуждаюсь.

Курицына. У вас, братец, сердце, у меня другое; я так вот не могу об родне не вспомнить. Где невестушка-то?

Краснов. Да где-то тут запропастилась. Кличу их, да не докличусь.

Курицына. Да, может, далеко где, так вашего зову не слышат.

Краснов. Где же далеко! Говорят тебе, что дома.

Курицына. Кто говорит-то? Не сестрица ли Лукерья Даниловна?

Краснов. Хоша бы и она.

Курицына. А ты и поверил. Эх ты, простота, простота!

Краснов. Уйди, сестра! Уйди от греха!

Курицына. Да ты опомнись, что ты кричишь-то! Я своими глазами видела, как она к барину прошла.

Краснов. Эка роденька у меня! Счастье мое им поперек горла стало. Ва́рварка ты, ненавистница. Убить тебя мало за язык твой, за проклятый! *(Замахивается.)*

Афоня *(встает с печки)*. Тише ты, тише! Что буянишь!

Краснов. Вместе вас обоих на одну осину.

Афоня *(заслоняя сестру)*. Не трожь ее, пальцем не трожь! Она правду говорит, истинную правду.

Краснов. Врете вы, ненавистники! Часу нет, говорю я вам, часу нет, мы с ней тут сидели, целовалися, обнималися, в глаза друг другу глядели, наглядеться не могли.

Курицына. Батюшки, да он помешался! Ты ума рехнулся! Да поди сам погляди, коли нам не веришь.

Краснов *(у двери)*. Лукерья Даниловна!

Курицына. Кличь, кличь; и она туда ж побежала.

Входит Курицын.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Курицын.

Курицын. Что шумишь, аль жену учишь? Хорошенько ее, чтоб она из дому не бегала.

Краснов. Да где же она? Где же она? Пожалейте вы меня: ведь вы из меня жилы тянете.

Курицын. Да авось придет; не ночует же она там.

Курицына. Да вы, братец, успокойтесь, сядьте!

Курицын. Да все и подождем ее, сударушку.

Краснов. Ласкала, миловала, крепко к сердцу прижимала.

Краснова тихо входит и оглядывает всех.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Краснова.

Краснов. Где была-побывала? Весело ль погуляла? Говори, не утаивай! Что ж молчишь! Говори! Видишь, все на мой срам глядеть сошлись.

Курицына. Что ж ты молчишь, бесстыжие твои глаза! Отмолчаться, что ль, думаешь? Видели мы, как ты и туда прошла и назад вышла.

Курицын. Топни, брат, на нее, топни хорошенько, заговорит.

Краснов. Да не мучь ты меня! Скажи ты мне, как на тебя смотреть-то, какими глазами? Врут, что ль, они; так гнать их вон, чем ни пóпадя! Аль, может, правду говорят? Освободи ты мою душу от греха. Скажи ты мне, кто из вас враг-то мой? Была ты там?

К р а с н о в а. Что ж мне теперь лгать, когда уж все видели. Была.

К р а с н о в *(потерявшись)*. Ну вот, добрые люди, вот... вот оно дело-то! Что же теперь? Как же я?.. Ну, простите меня окаянного, что я вас обидел! Как чужие жены — я не знаю, а у нас вот как...

К у р и ц ы н а. Вот и посмотрим теперь на твою спесь. Как теперь в люди нос-то покажешь, бесстыдница! Осрамила брата-то у нас, осрамила!

А ф о н я. Змея, змея!

К у р и ц ы н. Что на нее смотреть-то! Тут же ее сейчас и расказнить надо.

Входит А р х и п.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е и А р х и п.

А р х и п. Аль наказанье какое божеское? Что за шум? Не пожар ли? Не вижу ведь.

К у р и ц ы н а. Да вот невестушка дел наделала! Кабы я на месте брата, так бы взяла ее да и разразила.

К р а с н о в. Прочь, прочь! Никто, никто пальцем не тронь! Я ей муж, я ей и судья. Ну, скажи мне, что ж это ты, как? С чего ты загуляла-то? Грех, что ли, тебя попутал; сама ты не гадала этого над собой, не чаяла? Или своей охотой, что ли, на грех пошла? Теперь-то ты что? Сокрушаешься об делах своих аль нет? Аль, может, ты думаешь, что так и надо? Говори, что молчишь! Совестно тебе людей-то теперь аль весело? Стыд-то у тебя есть в глазах аль рада ты своим делам? Да что ты, каменная, что ли! Валяйся у всех в ногах, распинайся! Или уж прямо мне в глаза говори, что ты назло мне сделала! Чтобы мне знать-то, что делать-то с тобой,— жалеть ли тебя, убить ли тебя? Хоть малость-то ты любила ль меня; есть ли за что мне хоть пожалеть-то тебя? Или всё уж обманывала, что ли; во сне, что ли, мне снились мои красные дни.

К р а с н о в а *(со слезами)*. Я виновата, Лёв Родионыч, я вас обманула. Не любила я вас никогда и теперь не люблю. Уж лучше вы меня оставьте, чем нам обоим мучиться. Лучше разойдемтесь!

К р а с н о в. Как разойтись? Куда разойтись! Нет, врешь! А на ком же я свою обиду возьму? Ты гово-

ришь, что не любишь меня и не любила, а я, видишь ты, по городу ходил да ломался, что меня барышня любит распрекрасная. На ком мне этот стыд теперь взять? Пошла в кухню! Не умела быть женой, будешь кухаркой! Не умела с мужем ходить об руку, ходи по воду. Ты меня в один день состарила, и я теперь над твоей красотой погуляю! Что ни день, что ни взойдет солнце красное, кроме тычка наотмашь да попрека не дождешься ты от меня весь свой век; разве как-нибудь, под сердитую руку, убью тебя как собаку. Да подайте мне ножик.

Краснова убегает.

Афоня. Братец! Братец! Она уйдет, уйдет сейчас.

Краснов. Не уйти ей от меня.

Афоня. К барину уйдет. Я слышал, как они сговаривались уехать в деревню.

Краснов. Да кто ж у меня ее возьмет, коли я ее не отдам. Где это такая сила есть на свете, которая у меня ее отымет. Только разве с руками оторвут.

Афоня *(заглядывая в дверь)*. Братец, собирается. Уйдет, братец!

Краснов *(отталкивая его)*. Прочь! От мужа только в гроб, больше никуда. *(Уходит.)*

Слышен крик Красновой: «Пустите меня!»

(Возвращается.) Вяжите меня! Я ее убил.

Афоня. Ништо ей!

Курицына. Ах, голубчик! Что теперь с твоей головушкой будет?

Архип. Где он? Где он? Ведите меня к нему!

Афоня подводит.

Что ты сделал? Кто тебе волю дал! Нешто она перед тобой одним виновата? Она прежде всего перед богом виновата, а ты, гордый, самовольный человек, ты сам своим судом судить захотел. Не захотел ты подождать милосердного суда божьего, так и сам ступай теперь на суд человеческий! Вяжите его!

Курицын. Не ждал, не гадал, а в беду попал! Беда не пó лесу ходит, а пó людям.

Сцены из московской жизни, в трех действиях

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЧ ДОСУЖЕВ
чиновник, занимающийся частными делами.

АНДРЕЙ ТИТЫЧ БРУСКОВ
купеческий сын.

ВАСИЛИСК ПЕРЦОВ
служил в какой-то службе, теперь давно в отставке, праздношатающийся человек.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА КРУГЛОВА
купеческая дочь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
незначительный чиновник.

ДЕВУШКА И РАЗНЫЕ ПРОХОДЯЩИЕ ЛИЦА БЕЗ РЕЧЕЙ.

Грот в Кремлевском саду, перед ним площадка. Через сцену изредка проходят л ю д и разного звания.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Д о с у ж е в прохаживается перед гротом; навстречу ему идет М о л о д о й ч е л о в е к.

М о л о д о й ч е л о в е к. Скажи, пожалуйста, где ты пропадаешь? Ты точно сквозь землю провалился. У нас без тебя никакого веселья нет.

Д о с у ж е в. Какое веселье! Проходи мимо! Я теперь всего себя посвятил на пользу человечества.

М о л о д о й ч е л о в е к. Полно! Я тебя знаю: ты ведь шут гороховый! Какую ты пользу можешь оказать человечеству! У тебя какая-нибудь новая потеха на уме.

Д о с у ж е в. Вот видишь ты, я теперь изучаю нравы одного очень дикого племени и по мере возможности стараюсь быть ему полезным.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ничего не понимаю. Ты скажи по крайней мере, где ты живешь теперь?

Д о с у ж е в. Ну, я объяснюсь проще: я оставил службу и занимаюсь частными делами. А живу в той стороне, где дни разделяются на легкие и тяжелые; где

люди твердо уверены, что земля стоит на трех рыбах и что, по последним известиям, кажется, одна начинает шевелиться: значит, плохо дело; где заболевают от дурного глаза, а лечатся симпатиями; где есть свои астрономы, которые наблюдают за кометами и рассматривают двух человек на луне; где своя политика, и тоже получаются депеши, но только все больше из Белой Арапии и стран, к ней прилежащих. Одним словом, я живу в пучине.

Молодой человек. Где же эта пучина?

Досужев. Везде; стоит только опуститься. Она к северу граничит с северным океаном, к востоку с восточным и так далее. Я переехал на самое дно. Милости просим. Вот мой адрес. *(Подает адрес.)* Заезжай ко мне, я тебе покажу такие чудеса, что останешься доволен.

Молодой человек. Какие выгоды доставляет тебе твое занятие?

Досужев. Выгоды довольно большие; а главное, что ни дело, то комедия.

Подходит Перцов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Перцов.

Досужев *(протягивая Перцову руку)*. Bonjour! Вот, например, господин Перцов! Рекомендую. Знаешь ли ты, чем он занимается?

Молодой человек. Почем же мне знать!

Досужев. Он сочинитель, сочиняет фальшивые документы.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, при посторонних такие слова...

Досужев. Ничего, будьте как дома. Ну, где это может быть, кроме пучины? Человек ничего ровно не делает, живет барином на чужой счет, буйством приводит в ужас всю окрестность и пьет, как сорок тысяч братьев не могут пить.

Перцов. Неуместные шутки, господин Досужев!

Молодой человек. Ну, прощай!

Досужев. Прощай, заходи!

Молодой человек. Непременно зайду. *(Уходит.)*

Досужев *(Перцову)*. Ну, и... Чего ж вы еще дожидаетесь? Дело кончено, и толковать нам с вами не о чем.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, вы мне скажите, как благородный человек: отдадите вы мне этот документ или нет?

Досужев. За четверик бриллиантов, извольте.

Перцов. К чему эти злые насмешки над несчастием ближнего? Вы знаете, я беден.

Досужев. Но благороден.

Перцов. Кто же смеет сомневаться!

Досужев. А фальшивые-то документы зачем писать? Какое же это благородство?

Перцов. Удары судьбы и роковая необходимость заставили меня прибегнуть к этому не всеми одобряемому способу.

Досужев. Какая же роковая необходимость? Вы могли бы служить, у вас такая величественная физиономия. Да и кроме физиономии, вы всем обеспечены: ваши родные дают вам квартиру, стол, да и денег гораздо больше, чем мы своим горбом зарабатываем. А вы за это на сестру фальшивый вексель написали да передали какому-то мошеннику.

Перцов. Господин Досужев, это дела или, лучше сказать, тайны семейные. Они должны быть скрыты под покровом неизвестности.

Досужев. Хороши тайны! Женщина ни душой, ни телом не виновата, вдруг с нее требуют по векселю деньги да еще стращают, хотят представить ко взысканию. Если б она повела дело-то как следует, то есть допустила вас представить вексель ко взысканию, да и подала бы отзыв, что подпись-то под векселем фальшивая; что бы тогда произошло? Штука плачевная!

Перцов. Я сознаюсь вам, как человеку благородному, что в этом случае я вышел из пределов приличия и подвергал себя большой неприятности.

Досужев. А как вы думаете, какой?

Перцов *(улыбаясь)*. Я мог провести остаток дней моих в тундрах севера.

Досужев. Совершенно справедливо, именно в тундрах севера.

Перцов. Господин Досужев, я очень хорошо понимаю мое ослепление; но войдите в мое положение, и вы поймете все фибры души моей, которые подвигнули

мою совесть действовать без зазрения. Имея возможность жить под покровом благодеяния моих родных, я оставил службу; но, хотя я и предался бездейственной и праздной жизни, все-таки они не должны забывать, что я имею благородное звание, которое приобрел на поприще службы.

Д о с у ж е в. Они и не забывают.

П е р ц о в. Да. Но, по их невежественному заблуждению, я не всегда имею достаточно финансовых средств для поддержки нашей фамилии, которую я облагородил. Я с некоторого времени лишился даже кредиту.

Д о с у ж е в. В Марьиной роще?

П е р ц о в. И в некоторых других заведениях. Я несколько раз обращался с требованием к моим родственникам, но, не видя для себя благоприятного результата, я решился...

Д о с у ж е в. Сделать фальшивый вексель.

П е р ц о в. Но ведь сестра заплатила по нем, значит признала его.

Д о с у ж е в. То-то и есть, что нет. Она его и не видала; я заплатил деньги и получил его с бланковою надписью.

П е р ц о в. На что же он вам?

Д о с у ж е в. Для редкости. Я такие вещи собираю.

П е р ц о в. Никакой редкости нет, дело очень обыкновенное. Я очень хорошо знаю, что вы выкупили его на сестрины деньги; не захотите же вы требовать с нее в другой раз по этому векселю.

Д о с у ж е в. А почем вы знаете? Может быть, придет время, когда я и потребую?

П е р ц о в. Но будет ли это благородно?

Д о с у ж е в. Очень. Она в другой раз и не заплатит, а дело пойдет прямо в уголовный суд.

П е р ц о в. Господин Досужев, вы готовите новые испытания для суровой души моей; вы хотите, чтобы мой жалкий жребий находился в ваших руках...

Д о с у ж е в. Может быть.

П е р ц о в. Но для чего?

Д о с у ж е в. Для того, чтобы изредка напоминать вам о тундрах севера.

П е р ц о в. Но зачем же играть, как игрушкой, судьбой человека души непреклонной?

Д о с у ж е в. Я вам скажу, зачем. Вы страх и трепет для всей окрестности; вы наводите ужас на мирных

обывателей; при одном вашем имени весь женский пол в нашей стороне приходит в содрогание; все извозчики от вас разъезжаются, все лавочники от вас разбегаются, как от чумы; из всякой малости вы заводите мамаево побоище.

Перцов. Я согласен, я жесток; но я караю только за неуважение.

Досужев. Вы караете тех, кто слабее вас и с кого взять нечего. А с богатыми людьми у вас другая политика: вы заводите ссору, лезете в драку да потом требуете за бесчестье.

Перцов. Моя личность, как благородного человека, ограждена законом против всяких превратностей, и я по праву требую бесчестье за оскорбление.

Досужев. Вот по этому-то случаю я, как сосед ваш, и хочу, для безопасности, иметь всегда под руками оружие на случай встречи с вами.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, покроемте все это дело покровом вечного забвения.

Досужев. То есть как же?

Перцов. Отдайте мне вексель!

Досужев. Нет, уж это зачем же!

Перцов. А если так, пусть он останется у вас; но, господин Досужев, бойтесь разорвать завесу, скрывающую эту тайну.

Досужев. Нет, уж лучше вы бойтесь меня!

Перцов. Не ожидал, господин Досужев, не ожидал. Но я надеюсь, что мы, как благородные люди, останемся друзьями. *(Протягивает Досужеву руку.)*

Досужев. Очень приятно.

Перцов. Честь имею кланяться. *(Уходит.)*

Досужев. Ишь ты, франт какой! Как же, отдам я тебе вексель, дожидайся! Я рад, что могу теперь безопасно по улицам ходить. Ты ведь разбойник известный!

Подходит Андрей Титыч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Досужев и Андрей Титыч.

Досужев. А, милый друг! Андрюша, здравствуй!

Андрей Титыч *(кланяясь)*. Василью Митричу!

Досужев. Покурить хочешь?

Андрей Титыч. Пожалуйте папироску!

Досужев достает папиросы, закуривают.

Досужев. Куда, мой друг, стремительно спешишь?

Андрей Титыч. Маменька послали к тятеньке, они теперь в суде по делу, так чтоб домой вместе. А то, пожалуй, уедут куда с судейскими, да и загуляют. А если они загуляют-с, так уж лучше беги все из дому вон, потому такая война пойдет дня на три, что хуже французского разорения. К тому же нынче маменька не пускали тятеньку в суд, потому нынче понедельник,— тяжелый день, а маменька этому очень веруют; ну, а тятенька не послушались, так маменька еще больше боятся.

Досужев. Отчего ж ты пешком? Лошадей, что ли, у вас нет? Врешь ты, должно быть. Не назначил ли здесь, в саду, какого свиданьишка?

Андрей Титыч. Нет-с, Василий Митрич, не до того-с! Я вам скажу, просто нет никакой возможности на свете жить,— вот что.

Досужев. Отец, что ли, свирепствует?

Андрей Титыч. Кому ж еще! Известно, тятенька. И прежде тятенька были люты, а теперь уж и описать нельзя. До того дошли, что никаких себе границ не знают.

Досужев. Воюет, что ли, очень?

Андрей Титыч. Теперича в газетах про черкесов пишут, что они злые хищники и бунтовщики; так поверьте душе моей, что ни одному черкесу того не сделать, что тятенька могут.

Досужев. Что ж за причина такая?

Андрей Титыч. Все насчет моей женитьбы. Помыкают мной так, хуже чего быть не может. Повезут меня невесту смотреть, куда им вздумается, и сейчас там из-за приданого или из чего другого ссору заведут, крик подымут, так домой и уедут. Потом в другом месте то же самое. Вот теперь в Таганке: поверите ли, с матерью невесты два раза нехорошими словами ругались; поругаются, недели две не ездят,— потом опять помирятся. А уж я не то, чтоб сказать что, а и дышать-то не смею. Невесты же, Василий Митрич, вот уж мы их никак восемь смотрели, все мне не по сердцу-с; только что одно телесное сложение, а больше ничего нет-с.

Д о с у ж е в. Жаль, брат, мне тебя, Андрюша.

А н д р е й Т и т ы ч. И к тому же, по моим чувствам, мне теперь жениться никак невозможно-с.

Д о с у ж е в. Отчего же?

А н д р е й Т и т ы ч. Я теперича очень влюблен-с.

Д о с у ж е в. Что ты?

А н д р е й Т и т ы ч. Уж это так точно-с.

Д о с у ж е в. В кого же?

А н д р е й Т и т ы ч. Уж есть такая девушка-с.

Д о с у ж е в. Как же это тебя догадало?

А н д р е й Т и т ы ч. Да разве долго-с? Один раз взглянул — и довольно-с.

Д о с у ж е в. Ну, что ж, старайся, хлопочи!

А н д р е й Т и т ы ч. Хорошо вам разговаривать-то! Как тут хлопотать! Кабы я человек был, тогда другое дело; а то что я такое? Арестант какой-то, да еще хуже. Свободы никакой не имею, выходу из дому нет.

Д о с у ж е в. А из каких она?

А н д р е й Т и т ы ч. То есть вы насчет моего предмета?

Д о с у ж е в. Да, насчет твоего предмета.

А н д р е й Т и т ы ч. Из купеческих, только не из богатых.

Д о с у ж е в. Что ж, ты познакомился али одними взглядами пробавляешься?

А н д р е й Т и т ы ч. Очень хорошо знакомы, даже у нас в доме бывают-с; только очень неспособно дома разговаривать-с.

Д о с у ж е в. Что ж ты, в любви объяснился?

А н д р е й Т и т ы ч. Да вам на что же-с? Собственно только для смеху-с?

Д о с у ж е в. Ну, вот еще!

А н д р е й Т и т ы ч. Уж я вас знаю-с. Да мне что ж! Смейтесь, пожалуй! Мы свое дело знаем.

Д о с у ж е в. Ну, как же ты с ней объяснялся? Скажи, Андрюша, голубчик!

А н д р е й Т и т ы ч. А вот как-с! Были они у нас как-то с матерью в гостях, да и засиделись, так что уж смерклось почти. Вот старуха-то и говорит: «Как же мы так поздно пойдем?» А маменька им на это: «Да вот Андрюша вас проводит». А я этому делу и рад; сейчас шапку в руки и говорю: «С большим нашим удовольствием». Вот пошли-с, старуха сзади, а мы впереди-с. Только она меня и спрашивает: «Вы, го-

ворит, любите шибко ездить?» Я говорю: «Это первое мое удовольствие».— «Я тоже, говорит, сама до смерти люблю. Хорошо бы, говорит, знать, что человек думает».— «А для чего же, говорю, вам знать-с?» — «А для того, говорит, что сейчас можно видеть, правду человек говорит или нет».— «А разве, говорю, так нельзя этого заметить?» — «Я, говорит, никогда не могу заметить, я всему верю, что мне говорят. Отчего, говорит, вы никогда к нам не зайдете?» — «Оттого, говорю, что не своей волей живу».— «Вон, говорит, окошко, я всегда подле него сижу; вы каждый день мимо ездите, а никогда не взглянете; а я так не в вас, без того от окна не встану, чтобы не дождаться, как вы из городу проедете». Так меня эти слова за сердце и ухватили, а сказать ничего не умею. «Жаль мне вас, говорит, такой вы робкий».— «Я, говорю, очень робок-с». Тут мы подошли к дому, остановились, старуха прошла в калитку; а я сейчас оглянулся, вижу — на улице никого нет, не говоря худого слова, в охапку ее, да и поцеловал-с.

Д о с у ж е в. Ну, и молодец!

А н д р е й Т и т ы ч. Она как прыгнет в калитку, и сейчас ее захлопнула. Так мне стало совестно, лучше бы я, кажется, на этом самом месте сквозь землю провалился.

Д о с у ж е в. Вот хвалю! Ты всегда, что ли, так?

А н д р е й Т и т ы ч. Да что про меня, дурака, и говорить-с! Одно слово, невежа в высшей степени, облом, как есть. Поленом бы меня в те поры хорошенько.

Д о с у ж е в. Ну, как же ты после? Подыгрался опять, или все еще сердится?

А н д р е й Т и т ы ч. Все сердится-с.

Д о с у ж е в. Ты девичьему-то сердцу не очень верь.

А н д р е й Т и т ы ч. Разве я не знаю-с; да эта девушка-то другой сорт-с. Всем нашим барышням, которые даже и в пансионе воспитывались, до нее далеко. Я хоша и дурак, а вижу.

Д о с у ж е в. Ну, твое счастье! Что ж, неужели ты так и бросил свое волокитство?

А н д р е й Т и т ы ч. Эх, Василий Митрич! Уж так и быть, всю вам истинную правду расскажу. Вот проходит неделя, мучусь я совестью через свое невежество, а идти к ним боюсь. Проходит другая, третья;

да уж и сам не знаю, как-то осмелился: дай, думаю, пойду. Что ни будет, то будет.

Досужев. Разумеется.

Андрей Титыч. Прихожу я к ним, она одна сидит, работает. Взглянула на меня-с, и вдруг у ней в одну минуту слезы на глазах-с. Начал я извинения просить в своем собственном невежестве, а она мне на мои извинения ничего не говорит, а твердит только одно: «Что ж вы не приходили? Что ж вы не приходили? Значит, это была только шалость с вашей стороны?» Я опять даже со слезами начинаю ее просить-с: «Вы, говорю, только меня простите, а уж я вперед, говорю, никогда не осмелюсь». Она взглянула на меня и засмеялась: «В чем, говорит, простить-то! Грех-то небольшой». А у самой, гляжу, опять слезы на глазах. Тут мать вошла, я за шапку да домой. Что же это такое, Василий Митрич?

Досужев. Известно, что. Значит, она тебя любит. Надо с тебя могарыч.

Андрей Титыч. За этим дело не станет-с. Только прихожу я домой-с, хочу ей самое жестокое письмо написать, а тятенька вдруг ко мне: «Что, говорит, ты шляешься, как саврас без узды! Собирайся, говорит, ехать невесту смотреть!» Как тут жить!

Досужев. Что делать-то! Терпи, казак, атаман будешь! Что ж, ты послал письмо?

Андрей Титыч. Послал-с.

Досужев. Что же ты написал? Ну, сделай милость, Андрюша, скажи!

Андрей Титыч. Все чувства свои выразил, какие только есть. Три дни писал. И в конце пишу, чтобы она мне на ответ написала, где я могу ее видеть и когда, и чтобы никого при том не было, и что если мне будет в этом отказ, то я могу себя потерять через это, и она будет за меня богу отвечать. Это письмо я вчера отдал нашей девушке и сейчас же ответ получил. Я вас давеча обманул немного-с. Пишет, что она пойдет в город, и чтобы я сегодня утром был в Кремлевском саду, здесь мы и можем видеться.

Досужев. Значит, ты в суд не пойдешь?

Андрей Титыч. В суд само собой-с. Да ведь еще теперь рано-с.

Досужев. Ведь отец твой сам ничего не смыслит, кто же вам дела стряпает?

Андрей Титыч. Был Сахар Сахарыч, да его теперича за безобразие прогнали; а теперь у нас умнейший человек: Харлампий Гаврилыч Мудров.

Досужев. Да, дурак известный. Его лет тридцать тому назад из управы за взятки выгнали. И дела ничего не знает, он только те законы и помнит, которые при нем были. Даром деньги берет. А ты скажи отцу про меня; я и лучше сделаю, и возьму дешевле.

Андрей Титыч. Хорошо-с. У нас ведь все больше дела по тятенькиному буйству-с. Уж вы, Василий Митрич, меня оставьте, а то нам будет совестно вас.

Досужев. Что дашь?

Андрей Титыч. Что угодно-с.

Досужев. Обедом угостишь с шампанским?

Андрей Титыч. Да помилуйте! Нешто об этом какой разговор быть может-с! Вон они идут-с.

Досужев. Ну, так я в гроте тебя подожду. *(Уходит в грот.)*

Входят Александра Петровна Круглова и девушка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андрей Титыч и Александра Петровна.

Андрей Титыч *(кланяясь)*. Наше вам почтение-с!

Александра Петровна. Здравствуйте!

Андрей Титыч. Чему это приписать-с?

Александра Петровна. Что приписать?

Андрей Титыч. Ваше снисхождение-с.

Александра Петровна. Вы такое письмо написали, что я не могла не прийти. Вы пишете, что можете себя потерять.

Андрей Титыч. Это так точно-с.

Александра Петровна. Что же это значит, что вы себя потеряете? Как же вы себя потеряете?

Андрей Титыч. Оченно просто-с. Сделать загул хороший, да так всю жизнь этим делом и заниматься-с.

Александра Петровна. Что это вы говорите! Это слушать страшно.

Андрей Титыч. С горя-то что-нибудь сделаешь над собой. Жизнь-то моя вам известна. Дома все

одно что в остроге, знакомства хорошего по своему образованию не имею, любить меня за мое невежество никто не соглашается; а еще, пожалуй, женят на уроде. Какая это жизнь! Только одно и остается, что запить-с. Да ведь это я вам говорю кроме всяких шуток-с. Вы сами изволите видеть, у вас примеры на глазах. Может быть, не одна сотня нашего брата, очень хороших людей, таким манером погибла. Значит, и мне не уйти своей судьбы, потому что я не лучше других.

Александра Петровна *(тихо)*. Чем же я могу помочь вам?

Андрей Тытыч. Какая помощь-с! Никто меня из этого омута не вырвет, разве только одна могила.

Александра Петровна *(ласково)*. Что же вам нужно от меня?

Андрей Титыч. Я только хотел знать насчет ваших чувств-с.

Александра Петровна. Да что же вам до моих чувств? Ведь вам жениться на мне не позволят.

Андрей Титыч. Хоша и не позволят-с, все-таки я буду знать, что хоть один человек на свете меня любит. Да при всем том, уж я тогда тятеньке про все скажу прямо, как отрежу, пущай хоть убьет. Да и маменьку заставлю, так и будем к нему приставать; побьется, побьется, да, может, и сжалится. Много я всякой муки натерплюсь, да уж по крайности...

Александра Петровна. Если я и выду за вас, каково мне будет жить в вашей семье!

Андрей Титыч. Нет, уж тогда чтобы врозпь-с. Я уж тогда буду женатый, значит могу больше разговаривать. Теперь меня за человека не считают, собственно потому, что холостой, а тогда совсем другое дело-с.

Александра Петровна. Ну, что же мне вам сказать на это?

Андрей Титыч. Что чувствуете, то и скажите. Теперь я весь в ваших руках. Через вас только я и могу быть человеком; а то я чувствую сам в себе, что таких делов могу наделать, что чертям будет тошно. Со мной то делается, чего никогда не бывало: отчаянность какая-то стала находить-с. Так вот кинулся бы на народ, да и грыз всех зубами. А ежели в эталом разе да запить, так ведь каких крамболей наделать можно! Ума помрачение! Теперича я скром-

ный-с, а ежели только начать, так я чувствую, что во мне вся тятенькина натура покажется.

Александра Петровна. Ах, какой вы, Андрей Титыч! Да разве вы не видите, что я вас давно люблю!

Андрей Титыч. Ежели это так точно, как вы говорите, значит счастливее меня человека нет. Я так о себе понимаю.

Александра Петровна. Ну, и слава богу! Я и очень рада.

Андрей Титыч. Теперь уж я ваш по гроб жизни...

Александра Петровна. Нехорошо здесь разговаривать-то, народу очень много; а вы лучше приходите ужо к нам.

Андрей Титыч. Коли урвусь, так непременно-с.

Александра Петровна. Ну, прощайте! *(Шепотом.)* Миленький мой!

Андрей Титыч. Эх! Надо бы ручку поцеловать-с, да народ.

Александра Петровна. Теперь уж ручку! Испугался!

Андрей Титыч. Школить надо нашего брата, так мы будем обращение понимать; а мало-мальски слободно пустить, так ведь для нас границ нет. До приятного свидания-с.

Александра Петровна и девушка уходят. Досужев выходит из грота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андрей Титыч и Досужев.

Досужев. Ну, что, приладил дело?

Андрей Титыч. Приладил-с. Теперича какое прикажете угощение, всякое можем. Я полагаю, нам к Гурину идти-с. Теперича я так рад, что меня даже опасно одного оставлять-с, как бы я от радости какого-нибудь колена не выкинул!

Досужев. А ты порядку не теряй! Держи себя в струне!

Андрей Титыч. Хорошо вам разговаривать-то! Вас, может быть, женщины любили, так для вас это ничего; а ведь меня в первый раз в жизни-с. Пожалуйте к Гурину-с.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ТИТ ТИТЫЧ БРУСКОВ
богатый купец.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА
жена его.

АНДРЕЙ ТИТЫЧ
сын их.

ХАРЛАМПИЙ ГАВРИЛЫЧ МУДРОВ
стряпчий, пожилой человек, очень важного вида; качает головой и грустно улыбается.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА КРУГЛОВА
купчиха.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА
ее дочь.

ЛУША
горничная девушка.

Гостиная в доме Брусковых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Луша и Наталья Никаноровна Круглова (входят).

Луша. Вы из саду, Наталья Никаноровна?

Наталья Никаноровна. Из саду.

Луша. Сама-то идет тоже?

Наталья Никаноровна. Да, сейчас за мной.

Луша. Так надо велеть самовар ставить.

Наталья Никаноровна. Она уж приказала. Что это, девушка, ваши хозяева-то какие скучные, какая тоска с ними?

Луша. Уж и не говорите! Такое-то постылое житье, не накажи господи!

Наталья Никаноровна. Диви б денег не было, а то с такими-то деньгами, да все думают о чем-то, да сокрушаются. Мы с дочкой люди небогатые, а невпример веселее вашего живем. А будь-ко у меня деньги...

Луша. Уж какая у вас дочка красавица! Вот бы нашему Андрею Титычу.

Наталья Никаноровна. Что ж мне, навиваться, что ли, коли не хотят? Как же, была оказия! Да

она к вашей жизни и не привыкнет: у нас каждый день веселье, а здесь точно хоронят кого. Я и постарше ее, да, кажется, с тоски бы пропала. Мы живем не по-вашему: у нас, что ни день, либо мы в гостях, либо у нас гости, а то так за город. Я так рассуждаю, милая: ученье наше было на медные деньги; как образованные люди живут, мы жить не можем; а денег-то на наш век хватит; по крайности, мы хоть весело поживем.

Л у ш а. Пойти чай готовить! Никак сама идет. *(Уходит.)*

Входят М у д р о в и Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М у д р о в, Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а и Н а т а л ь я Н и к а н о р о в н а.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Что это Кит Китыч не едет! У меня сердце не на месте. Присядьте, любезные гости!

М у д р о в. Присядем-с, присядем-с. Отчего не присесть. Ох-ох-ох! Грехи наши тяжкие!

Садятся.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Тяжкие, батюшка, тяжкие! *(Наталье Никаноровне.)* Да где ж дочка-то ваша?

Н а т а л ь я Н и к а н о р о в н а. Да, чай, в саду гуляет.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Ну, пущай гуляет.

Н а т а л ь я Н и к а н о р о в н а. Что ей с нами-то делать! Что мы ей за компания! Разговоры наши слушать скучно.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Скучно, матушка, скучно. Уж посидите вы у меня, бога ради, подождемте вместе Кит Китыча. Все как-то при людях лучше, а то одной-то мне страшно.

Молчание.

Так вот, Урлапий Гаврилыч, я и говорю...

М у д р о в. Харлампий, сударыня.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Да, Харлапий Гаврилыч! Так вот я и говорю: тяжело на свете-то жить! Уж как тяжело!

М у д р о в. Да, не легко-с, не легко-с.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Особенно, кому с большими деньгами.

Наталья Никаноровна. Ну, еще с деньгами-то стерпеть можно, вот без денег так плохо.

Настасья Панкратьевна. Как это можно! Какое сравнение! Без денег невпример легче жить. Без денег-то какая забота! Только б был сыт, вот и все.

Наталья Никаноровна. А с деньгами-то что? Только что причуд больше.

Настасья Панкратьевна. Как это вы говорите! Да деньги-то что такое? Ведь деньги-то — кандалы!

Мудров. Ох, кандалы, сударыня, кандалы!

Настасья Панкратьевна. Ежели теперь у нас очень много денег, значит мы должны жить точно так, как другие прочие богатые люди живут, а то нас всякий осудить может. Значит, уж я никакого удовольствия с деньгами не могу себе иметь, а должна только смотреть, даже до всякой малости, как у других, чтобы все так точно, и сама потрафлять. А не сделай я так точно, так ведь меня засмеют. А как это тяжело, особенно в летах! Ну их, эти деньги проклятые! Я и глядеть-то на них боюсь. Мне один странник сказывал, что ежели часто смотреть на них, так от этого сердце ожесточается.

Наталья Никаноровна. Без денег-то скорей ожесточится.

Настасья Панкратьевна. Уж вы, Наталья Никаноровна, не спорьте! Уж странник знает, что говорит. Значит, он в каких-нибудь книгах читал. Урлапий Гаврилыч...

Мудров. Харлампий, сударыня...

Настасья Панкратьевна. Уж извините, батюшка, все сбиваюсь. Язык-то один, приболтается. Скажите, Харлапий Гаврилыч, есть такие книги?

Мудров. Книги? *(Вздыхает.)* Книги-с? Книги всякие есть-с.

Настасья Панкратьевна. Вот бы почитать когда!

Мудров. Книги всякие есть-с, да не всякие читать нужно.

Настасья Панкратьевна. Каких же это книг читать не нужно?

Мудров. Светских-с. Светских книг нетвердым умам читать нельзя-с.

Настасья Панкратьевна. Какие же такие светские книги? Это что гражданскими словами написано?

Мудров. Не в том сила, сударыня; а надо знать, какой дух в книге.

Настасья Панкратьевна. А как ее узнаешь, какой в ней дух?

Мудров. Я знаю-с. Другой не знает, а я знаю, какой дух. Вот поэтому-то нетвердым умам и нельзя всякую книгу читать, а надо спроситься. Я могу, я читаю, я всякую книгу читаю. Я читаю, а сам не верю тому, что написано; какие бы мне документы ни приводили, я не верю; хоть будь там написано, что дважды два — четыре, я не верю, потому что я тверд умом.

Настасья Панкратьевна. Зачем же пишут такие книги, которые читать нельзя?

Мудров. От заблуждения; совратились.

Настасья Панкратьевна. Совратились, батюшка, совратились.

Мудров. Вот хоть нынешние так называемые романы! Не то что молодого человека, но даже и старца многолетнего могут в соблазн ввести.

Наталья Никаноровна. Какой там соблазн: просто сказки. Есть веселые, есть скучные.

Мудров. Какой соблазн-с? А вот какой соблазн: в этих сказках любовь человеческая изображается для взоров в привлекательном виде.

Наталья Никаноровна. Ну, так что ж за беда?

Настасья Панкратьевна. Уж нам этих книг не читать. Вот хороших-то бы книг почитала. Только вот... как вас, батюшка?

Мудров. Харлампий Гаврилыч.

Настасья Панкратьевна. Только вот, Харлапий Гаврилыч, в хороших-то книгах очень нехорошо про богатство пишут.

Мудров. Да, не одобряют-с, очень не одобряют-с.

Настасья Панкратьевна. Вот оно и страшно такие книги-то читать.

Наталья Никаноровна. Да лучше не читать никаких, меньше думается.

Настасья Панкратьевна. От думы-то ведь тоже вред человеку.

Мудров. Дума разная бывает-с, разная.

Настасья Панкратьевна. Да какая хочешь дума, все человек худеет от нее; уж на нем того тела нет. Вот я еще мудреных слов боюсь.

Мудров. Да, есть слова, есть-с. В них, сударыня, таинственный смысел сокрыт, и сокрыт так глубоко, что слабому уму-с...

Настасья Панкратьевна. Вот этих-то слов я, должно быть, и боюсь. Бог его знает, что оно значит, а слушать-то страшно.

Мудров. Вот, например-с...

Настасья Панкратьевна. Ох, уж не говорите лучше, право, я всегда себя после как-то нехорошо чувствую.

Наталья Никаноровна. Нет, что ж, пускай говорит; интересно послушать.

Настасья Панкратьевна. Разве уж одно словечко какое, а то, право, страшно.

Мудров. Вот, например, металл! Что-с? Каково слово! Сколько в нем смыслов! Говорят: «презренный металл!» Это одно значит; потом говорят: «металл звенящий».— «Глагол времен, металла звон». Это значит, сударыня, каждая секунда приближает нас ко гробу. И колокол тоже металл. А то есть еще благородные металлы...

Настасья Панкратьевна. Ну, будет, батюшка, будет. Не тревожьте вы меня! Разуму у меня немного, сообразить я ваших слов не могу; мне целый день и будет представляться.

Мудров. Вот тоже я недавно в одном сочинении читал, хотя и светского писателя, но достойного уважения. Обаче, говорит...

Настасья Панкратьевна. Оставьте, я вас прошу. Уж я такая робкая, право, ни на что непохоже. Вот тоже, как услышу я слово «жупел», так руки-ноги и затрясутся.

Мудров. Да, есть словечки, есть-с. Вот тоже...

Настасья Панкратьевна. Батюшка, оставьте! Убедительно я вас прошу. Конечно, все мы смертны; разве кто спорит! Ну, там уж после будь что будет. Что ж теперь заживо-то такие страсти слушать.

Наталья Никаноровна. И в самом деле, что за разговор завели!

Настасья Панкратьевна. Давно я сбираюсь,

хочется мне об жизни поговорить с каким-нибудь умным человеком.

Наталья Никаноровна. А что такое об жизни-то?

Настасья Панкратьевна. Да как жить на свете?

Наталья Никаноровна. И жить так, как жили. Слава богу, лет до шестидесяти прожили, теперь не переучиваться стать.

Настасья Панкратьевна. Да разве мы так живем, как человеку указано! Вот так бы жить, чтобы все исполнять.

Наталья Никаноровна. Уж я не знаю, что еще исполнять.

Мудров. Много нужно, сударыня, ох, как много!

Настасья Панкратьевна. Возьмем хоть то: знаем ли мы, в какие дни что нужно делать?

Наталья Никаноровна. Что тут знать-то! Какое дело есть, то и делай!

Настасья Панкратьевна. Ну, нет, матушка! Кто поумней-то нас, какое ни будь у него необходимое дело, а в понедельник не начнет. А мы не исполняем.

Наталья Никаноровна. Вздор, я думаю.

Настасья Панкратьевна. Какой вздор! Кабы не было примеров; а то примеры были. Как вы скажете, Урла...

Мудров. Харлампий.

Настасья Панкратьевна. Да, Харлапий Гаврилыч. Как вы скажете?

Мудров. На это, сударыня, принуждения нет. Всякому отдано на волю: кто не верит, не верь; а кто верит, и тому благо.

Настасья Панкратьевна. Вот, Кит Китыча не уговоришь никак. А уж сколько я раз замечала, как он в понедельник за каким важным делом выедет из дому, так либо пьяный приедет, либо безобразие какое уж непременно сделает.

Наталья Никаноровна. Чай ведь и в другие дни тоже?

Настасья Панкратьевна. Все как-то пореже. Вот теперь важное дело в суде, а он поехал сегодня, не разбирает того, что нынче понедельник.

Мудров. Да ведь сегодня срок, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Да что ж такое, что срок! Дело-то не медведь, в лес не уйдет. К чему торопиться-то! В суде-то тоже не басурманы сидят, а не хотят того понять, каково мне дома-то сидеть, дожидаться-то его! Уж я к нему Андрюшу послала, чтобы сейчас же его и тащил домой.

Наталья Никаноровна. Вы уж Андрюшу-то своего загоняли совсем.

Настасья Панкратьевна. Да разве я, все отец. Сраму-то что делает! По всей Москве возит невест смотреть. Нигде на него не угодят.

Наталья Никаноровна. Дали бы вы Андрюше дело какое, да и оставили б в покое, пусть себе занимается.

Настасья Панкратьевна. Кит Китыч и хотел было, да опять передумал: прежде, говорит, женить надо.

Наталья Никаноровна. Вот вы умный человек считаетесь, Харлампий Гаврилыч, вы бы и поговорили Тит Титычу.

Настасья Панкратьевна. И в самом деле, поговорили бы; а то, что он над сыном-то издевается. Вы теперь Кит Китычу первый друг; может, он вас и послушает.

Мудров. Вот еще! Нужно мне очень! Да хоть он съешь сына живого, мне все равно. Я даю советы, сударыня, по делам юридическим, и то не даром, а получаю за то вознаграждение.

Наталья Никаноровна. За кляузные дела. То-то, видно, вы умны-то только с нами разговаривать.

Входит Александра Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Александра Петровна.

Александра Петровна. Кто-то подъехал к воротам. *(Смотрит в окно.)*

Настасья Панкратьевна. Ах, батюшки! Побежать встретить.

Александра Петровна. Один Андрей Титыч, на извозчике, с ним нет никого.

Настасья Панкратьевна. Что ж это такое значит? Ума не приложу.

Наталья Никаноровна. А вот, войдет — расскажет.

Настасья Панкратьевна. Батюшки! Ну, как грех какой, сохрани господи! Уж жив ли Кит Китыч-то!

Наталья Никаноровна. Да что вы сокрушаетесь! Должно быть, Тит Титыч послал его вперед; вот и все.

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Андрей Титыч.

Андрей Титыч *(раскланиваясь)*. Маменька, беда!

Настасья Панкратьевна. Жив ли, жив ли, ты мне скажи!

Андрей Титыч. Да тятенька ничего, слава богу-с.

Настасья Панкратьевна. Загулял?

Андрей Титыч. Загуляли-с. И таких делов наделали, что страшно сказать!

Настасья Панкратьевна. Да уж говори, что там такое!

Андрей Титыч. Тятенька барина прибили-с.

Настасья Панкратьевна. Какого барина?

Андрей Титыч. Не знаю-с, только барин настоящий.

Настасья Панкратьевна. Вот он понедельник-то! Даром не прошел! Говорила ведь я ему, говорила!

Мудров *(надевая очки)*. Потрудитесь, молодой человек, изложить нам подробно обстоятельства дела.

Андрей Титыч. Вот-с прихожу я в суд, а у них уж все дело кончено. Тятенька отобрали из судейских человек шесть и повели их в трактир обедом потчевать-с. Пообедали честь честью-с, выпили они, сколько им следует; потом наняли судейским извозчиков, а я с тятенькой на своих и поехали в Марьину рощу-с. Все бы это ничего-с; только тятенька в Марьиной роще встретили знакомую компанию-с; человека четыре подрядчиков какие-то могарычи запивают-с.

Тут уж и пошло-с! Шеппанского сразу ящик потребовали; цыганок петь заставили.

Настасья Панкратьевна. Все это в порядке, дело очень обыкновенное.

Андрей Титыч. Да и все хорошо было-с, и тятенька были очень веселы; только уж, конечно, понять разговору было нельзя, потому все вместе вдруг говорили. И догадало ж кого-то из судейских качать тятеньку! Только взяли его на руки, качали-качали, да и уронили.

Настасья Панкратьевна. Больно ушибли-то?

Андрей Титыч. Ушибить-то, не ушибли, только уж очень тятенька в сердце вошел. Обозвали всех как нельзя хуже... А тут, еще прежде, какой-то барин все вертелся, с разговорами приставал ко всем, вино наше пил; уж очень ему хотелось в компанию втереться. Уж его не один раз мы и гоняли от себя, а он все лезет. Да под сердитую-то руку и наскочил на тятеньку; а тятенька уж известно, много разговаривать не станут: должно быть, его раза два и ударили.

Мудров. Ну, а он сейчас свидетелей?

Андрей Титыч. Так точно-с. Судиться хочет с тятенькой.

Настасья Панкратьевна. Что ж моему будет за это? Вы, батюшка, дела-то знаете.

Мудров *(снимает очки)*. Как дело пойдет, сударыня. Коли на мировую, так деньгами только отделается.

Настасья Панкратьевна. А как цена-то, батюшка, за это?

Мудров. Разная, сударыня; глядя по человеку.

Настасья Панкратьевна. Уж вы похлопочите!

Мудров. Да было бы из чего хлопотать-то, сударыня. Мы тоже не воздухом питаемся. Может быть, и дело-то грошовое, на пятидесяти рублях сойдутся. Не велика мне корысть.

Андрей Титыч. Ну, нет, пятидесяти рублей барин не возьмет-с.

Мудров. Разве уж был разговор?

Андрей Титыч. Был-с.

Мудров. Много ли же он просит?

Андрей Титыч. Триста тысяч.

Настасья Панкратьевна. Батюшки! Да где же вдруг этаких денег взять!

Мудров *(встает)*. Триста тысяч? Ну, вот это дело хорошее.

Настасья Панкратьевна. Что ж тут хорошего?

Мудров. Для меня, сударыня, хорошее, собственно для меня. Давно я такого дела дожидаюсь.

Настасья Панкратьевна. Да вам-то что тут интересного?

Мудров. Большие деньги возьму, сударыня, большие деньги.

Настасья Панкратьевна. С кого же это? С Кит Китыча?

Мудров. Да, сударыня, с Тит Титыча. Все, что только можно взять, все и возьму.

Настасья Панкратьевна. И вам это не совестно, Урлап Гаврилыч?

Мудров. Харлампий, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Ну, все равно.

Мудров. Вот еще! Чего тут совеститься, сударыня? Мы тем живем. Да я дурак буду, если с него мало возьму. Он сам после смеяться станет. Такие-то дела у нас не каждый день. Всякий от своих трудов питается.

Настасья Панкратьевна. А еще друг называешься!

Мудров *(ходит в волнении)*. Да меня надо бить палкой, если я с него мало возьму. С кого ж и взять!

Настасья Панкратьевна. Так и грабить!

Мудров. Не грабить, а сам отдаст. Своими руками вынет из кармана и отдаст. Мне самому его жаль, да что ж делать, сударыня. Не попадайся! А попался, так платись. Наше дело все равно, что игра, тут жалости нет; можно рубашку снять, так снимем.

Настасья Панкратьевна. Этак мы и другого стряпчего найдем.

Мудров. Ищите, сударыня, ваша воля. Про меня говорят, что во мне человечества мало, а в других еще меньше.

Настасья Панкратьевна *(сыну)*. Ты что ж приехал один, не подождал отца-то?

Андрей Титыч. Тятенька меня прогнали-с. Они

и сами, я думаю, сейчас будут; потому что вся компания разошлась.

Луша входит.

Луша. Чай готов-с.

Настасья Панкратьевна. Пожалуйте.

Наталья Никаноровна. Да уж нам бы пора.

Настасья Панкратьевна. По чашечке выкушаете и пойдете, а без чаю не пущу.

Уходят Настасья Панкратьевна, Наталья Никаноровна, Мудров и Луша.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Александра Петровна и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. Александра Петровна-с!

Александра Петровна *(подходит к нему)*. Что?

Андрей Титыч. Наше дело в ход пошло.

Александра Петровна. Неужели?

Андрей Титыч. Сейчас умереть. Только бы вот эта история не помешала.

Александра Петровна. Как же это случилось?

Андрей Титыч. Уж и сам я не знаю, как я такую смелость взял на себя. Поехали мы с тятенькой из трактиру, вижу, он весел, я ему и говорю: «Что ж это за несчастие мое, что невест подходящих нет для меня».— «Вот поди ж ты!» говорит. «Не далеко ли, говорю, мы, тятенька, ищем? Нам бы где поближе, кругом себя поискать, нет ли на нашу руку!» Он как взглянет на меня, да как крикнет: «Ты, говорит, мошенник, должно быть, уж высмотрел? Сказывай сейчас: высмотрел?» Я думаю: что робей, то хуже. «Высмотрел», говорю. «Сейчас, говорит, сказывай: какая такая?» — «Александра Петровна Круглова», говорю.

Александра Петровна. Неужели?

Андрей Титыч. Провалиться на этом месте! «Да у них, говорит, денег немного».— «Немного», говорю. «А тебе, говорит, больно много нужно! Молчи, говорит, не смей разговаривать! А она пойдет за тебя?» —

«Отчего, говорю, не пойти».— «Ну, говорит, и шабаш, и чтоб скорее! Потому женить тебя давно пора. А деньги, говорит, я дам. Мне, говорит, нынче много в суде отсудили; я их уж давно пропащими считал, значит все равно что на улице нашел. Вот вам на раззавод».

Александра Петровна. Ну, вот, значит, мы и закутим.

Андрей Титыч. Страсти, что наделаем! Начал потом он мне наставления читать. «Кабы, говорит, не отцы да не матери, что б вы на свете были? Вот не жени мы тебя, ты будешь пьянствовать, потом станешь воровать; а нам с матерью сокрушение сердечное, потому мы за тебя должны богу ответ дать». *(Обнимает Александру Петровну.)*

Александра Петровна *(отходит)*. Андрей Титыч, вы опять!

Андрей Титыч. Да ведь уж теперь мы почти что свои.

Александра Петровна. Ну, еще когда будем. *(Подходит к нему.)*

Андрей Титыч. «Что, говорит, ты по Москве-то собак гоняешь! Бегаешь ты, как саврас без узды!» *(Обнимает и целует.)*

Александра Петровна *(с неудовольствием)*. Андрюша!

Андрей Титыч. «Какой же, я говорю, саврас?» — «А ты, говорит, молчи; это тебе, дураку, на пользу». *(Опять обнимает.)*

Александра Петровна *(с сердцем)*. Андрюшка!

Наталья Никаноровна *(за сценой)*. Саша!

Александра Петровна. Вон, слышишь? Что!

Андрей Титыч. Ну, что ж такое!

Наталья Никаноровна *(за сценой)*. Саша, ступай чай пить!

Александра Петровна. Я, маменька, не хочу. *(Подходит к Андрею Титычу.)* Какой ты! Ну, как кто войдет!

Андрей Титыч. Да ведь я, Сашенька, смотрю в дверь-то. Неужто ж я...

Александра Петровна *(подвигаясь к нему)*. Ну?

Андрей Титыч. Ну, и все. *(Целует ее.)*

Александра Петровна. Когда ты женишься, чтоб лошади были у нас хорошие.

Андрей Титыч. Еще бы! Само собою. *(Обнимает ее.)*

Александра Петровна. Знаешь что? Я очень соболь люблю. Да ты смотри в дверь-то!

Андрей Титыч. Да смотрю, смотрю.

Александра Петровна. Как красиво выехать на хорошей-то лошади в соболях! Сошью себе шубу бархатную.

Андрей Титыч. Малиновую.

Александра Петровна. Малиновую? Эх ты! Вот вкус!

Андрей Титыч. Да какую хочешь, нешто мне не все равно.

Александра Петровна. Черную.

Наталья Никаноровна *(за сценой)*. Саша!

Александра Петровна *(взглянув в дверь)*. Кажется, маменька-то домой сбирается. Так и есть.

Андрей Титыч *(взглянув в окно)*. Да и тятенька приехал.

Александра Петровна. Ну, прощай!

Андрей Титыч. Прощай!

Целуются.

Не сегодня, так завтра непременно забегу.

Александра Петровна уходит, Андрей Титыч одергивается, делает скромную физиономию и становится у двери.
Входят Тит Титыч, Мудров и Настасья Панкратьевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тит Титыч, Мудров, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч *(садится; молчание)*. Слышали?

Мудров. Слышали, брат, слышали.

Молчание.

Тит Титыч. Куда меня решат?

Молчание.

Эй, ты, ябеда! Что ж ты молчишь? С тобой говорят аль нет! Говори, не испугаюсь. Поделом мне, окаянному!

Молчание.

Что ты молчишь, что глаза-то вытаращил?

Мудров. Много ты денег заплатишь!

Тит Титыч. А ты хлопочи! Ты от меня пользуешься, ты и должен... стараться.

Мудров. Много ты денег заплатишь!

Тит Титыч. Не твое дело! Ты, знай, пиши кляузы! Вот и все.

Мудров. Нет уж, теперь нам с тобой кляуз не писать: а на нас писать будут.

Тит Титыч. А ты им на ответ строчи.

Мудров. Что?

Тит Титыч. Пиши, что будто я... в исступлении ума.

Мудров. В исступлении ума? Ну, на цепь.

Тит Титыч. Как так на цепь?

Мудров. Так, на цепь. Для предупреждения, чтоб ты кого до смерти не убил.

Тит Титыч. Нет, этого не надо. Ты пиши, что я... в здравом рассудке.

Мудров. А в здравом рассудке, так в смирительный дом.

Тит Титыч. Ну, так делай, что знаешь: ты за это деньги берешь.

Мудров. Одно дело теперь — скрываться.

Тит Титыч. Скрываться?

Мудров. Во всяком деле это первое. Ты рассуди умом: если за тобой зверь лютый или сильный враг погонится, ведь ты скрываешься?

Тит Титыч. Скрываюсь.

Мудров. Ну, так и это. Должен ли ты много, беду ли какую сделал, значит тебя ищут, преследуют. Неужели ты так прямо и пойдешь: вот, дескать, я, берите меня. Твоя натура заставляет тебя скрываться, закон самосохранения.

Тит Титыч. Разве есть такой закон?

Мудров. Есть... Вот ты и едешь, например, в Подольск, а из Подольска в Москву, а из Москвы в Звенигород, а из Звенигорода опять в Москву. Пишут об тебе в подольскую полицию,— она отвечает, что выехал в Москву; пишут в московскую,— она отве-

чает, что выехал в Звенигород. Так ты и езди, сколько хочешь. Надоест тебя искать-то.

Тит Титыч. Это верно, точно, что надоест.

Мудров. А тут родственники со стороны сделочку предложат или на мировую; так дело-то пустяками и кончится.

Тит Титыч. Это точно. Куда ж теперь мне скрываться?

Мудров. Ступай ложись в тарантас; вели лошадей заложить, да и поезжай в Косинó, из Косина на Угрéшу, потом в Берлюки́. Как Москвой поедешь, так вели себя закрыть.

Тит Титыч. И уж не выглядывать?

Мудров. Уж не выглядывай! А мы здесь за тебя отписываться станем.

Тит Титыч. Только ты, смотри, пиши хорошенько!

Мудров. Да денег мне на расходы оставь!

Тит Титыч. Ишь ты, крапивное семя! А много ль тебе денег?

Мудров. Тысяч пять.

Тит Титыч. Гоните его вон!

Мудров. Ведь с тебя триста просят.

Тит Титыч. Гоните его, говорю я вам! Пошел вон! Я и без тебя помирюсь.

Мудров. Ну, уж это шалишь! Ты будешь драться, да потом сам мириться; а я ни при чем, я своих доходов должен лишиться! Нет, брат! Я не дам помириться, я разобью.

Тит Титыч. Гоните его вон сейчас!

Мудров. Я пойду. Только если ты опять пришлешь за мной, так десять заплатишь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Вот до чего я дожил. Видите вы это? Вот вы и ка́знитесь! Вот, глядите на меня, и ка́знитесь! А все через кого? Через вас. Вот вырастил сына, — еще жениться хочет, дурак! — а какая мне от него теперь помощь!

Андрей Титыч. Вы сами, тятенька, желали. чтоб я женился на Александре Петровне.

Тит Титыч. Ты разговаривать! Ты разговаривать стал! Ты и дышать не смей! А то я такую женитьбу

задам! Этакое несчастие в доме, а ты жениться! Мы, может быть, нищие будем, а ты жениться! Вот дыхни еще раз!

Настасья Панкратьевна. Что ты, что ты. Андрюша! Этакое в доме несчастие, а ты жениться!

Андрей Титыч. Маменька, молчите! Бог с вами, тятенька! Вы меня навек несчастным хотите сделать, так вы за это богу ответите. Что я вам, на мытарство, что ли, достался? Что ж мне, на Каменный мост бежать? Руки на себя наложить, что ли? А я вам сын всегда был и есть такой, как должно-с. Это я вам на деле докажу. Я вам достану человека, который вас из беды выручит. А если не он, так никто. А за мои слезы вам бог заплатит. *(Убегает.)*

Луша входит.

Тит Титыч. Держи его! Как он может! Вот вернись ты только! Ведите меня в тарантас.

Настасья Панкратьевна и Луша берут его за руки и ведут.

Настасья! Коли ежели кто с красным воротником, так сейчас ему говорите, что уехал из Москвы. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ТИТ ТИТЫЧ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

АНДРЕЙ ТИТЫЧ.

ДОСУЖЕВ.

ПЕРЦОВ.

ЛУША.

НЕИЗВЕСТНЫЙ
в мундирном сюртуке, застегнут на все пуговицы, на фуражке кокарда, в руке сверток бумаг.

Комната второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Настасья Панкратьевна и Луша (у окна).

Настасья Панкратьевна. Вот страсти-то! Вот и сиди да трясись! Луша, гляди хорошенько!

Л у ш а. Ах, матушка, Настасья Панкратьевна, ведь идет!

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Кто идет?

Л у ш а. Да будочник, матушка!

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Ох, грех! Уж не за Кит ли Китычем? Беги, скажи, что дома нет.

Л у ш а. Нет, не к нам; на ту сторону перешел.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Ну, слава богу! Смотри, Луша, хорошенько!

Л у ш а. Андрей Титыч, с каким-то барином.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Отопри поди да опять запри на запор.

Л у ш а уходит.

Вот не ждали, не чаяли, какая беда случилась. Теперь всякого человека, который по улице идет, бойся. А уж про полицию и говорить нечего! Сохрани господи, квартальный покажется, да я тут же, кажется, на месте умру. Все мне вот так в глазах и представляется: придут вдруг неизвестные люди, покажут бумагу, возьмут Кит Китыча,— только я его и видела! *(Смотрит в окно.)* Вон он, голубчик мой, в тарантасе сидит один, точно сирота какая!

Входят А н д р е й Т и т ы ч и Д о с у ж е в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а, А н д р е й Т и т ы ч и Д о с у ж е в.

А н д р е й Т и т ы ч. Где тятенька?

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. При них-то можно говорить?

Д о с у ж е в. Сделайте одолжение, не конфузьтесь!

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Вон он, мой батюшка, сидит в тарантасе один-одинехонек.

Д о с у ж е в. Зачем его туда занесло?

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Скрывается, батюшка. Урлап Гаврилыч приказал; стряпчий такой есть, Мудров; знаете?

Д о с у ж е в. Он-то его и посадил?

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Он, батюшка. А разве от этого пользы не будет?

Досужев. Пускай сидит, коли ему нравится.

Андрей Титыч. Что, маменька, барин еще не был?

Настасья Панкратьевна. Нет еще, Андрюша. Вот все в страхе ходим, все ждем. Это ты по тятенькиному делу, что ли, привел?

Андрей Титыч. Да, маменька!

Настасья Панкратьевна. Как их звать-то?

Андрей Титыч. Василий Митрич.

Настасья Панкратьевна. Похлопочи, Василий Митрич! Если ты нам наше дело хорошо сделаешь, я уж и не знаю что! Я тебя в поминанье запишу. Ты холостой, чай?

Досужев. Холостой.

Настасья Панкратьевна. Я тебе невесту найду, хорошую; богатую высватаю.

Досужев. Надобно франта-то этого видеть, физику-то его посмотреть; тогда можно прямо сказать, чего дело стоит.

Луша входит.

Луша. Какие-то два барина подъехали.

Настасья Панкратьевна. Вот грех-то! Вот беда-то! Ведь это они! Пускать ли уж?

Досужев. Пустите! А я из другой комнаты посмотрю на них да послушаю, что говорить будут; тогда дело видно будет.

Настасья Панкратьевна. Ну, пусти поди!

Луша уходит.

Андрей Титыч. Кто же это другой-то с ним?

Досужев. Приказного какого-нибудь для острастки взял. *(Уходит в другую комнату.)*

Входят Перцов и Неизвестный.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч, Перцов и Неизвестный.

Перцов. Господин Брусков дома?

Настасья Панкратьевна. Нет, батюшка, нету.

Перцов. Как же он мне сказал, что будет меня ждать для переговоров! Это черт знает, что такое! *(Шепчет что-то на ухо Неизвестному.)* А скоро ли он будет?

Настасья Панкратьевна. Не знаю, батюшка.

Перцов *(Неизвестному)*. Садись, подождем.

Садятся и шепотом разговаривают.

Неизвестный. Вы их супруга, должно быть?

Настасья Панкратьевна. Да, батюшка.

Неизвестный. Деток имеете?

Настасья Панкратьевна. Два сына, батюшка.

Молчание.

Неизвестный. Нехорошо, сударыня, нехорошо-с.

Настасья Панкратьевна. Что ж делать-то, батюшка, грех попутал. Уж, видно, бес как-нибудь их благородие под руку-то ему подсунул.

Неизвестный. Кончать надобно, сударыня, кончать. Коли дело до суда дойдет, так вашему мужу очень плохо будет.

Настасья Панкратьевна. Мы этого знать не можем.

Перцов. Что ты с ними толкуешь! Они не понимают, какие громы могут обрушиться над их головами.

Неизвестный. Вы посоветуйте вашему супругу, чтобы он кончил с господином Перцовым.

Перцов. Да, в противном случае я поступлю с ним жестоко.

Неизвестный. Пусть он удовлетворит господина Перцова суммою, которую он требует...

Настасья Панкратьевна. Где ж нам взять таких денег! Легко сказать, триста тысяч!

Неизвестный. Вы не извольте пугаться этой суммы! Это так, примерно сказано, сгоряча. Господин Перцов, вероятно, будут так снисходительны, что сделают уступочку.

Перцов. Да, если уж очень расплачутся, так уступлю что-нибудь.

Неизвестный *(пошептавшись с Перцовым)*. Я думаю, что господин Перцов на половину согласится, если только сейчас деньги.

Перцов. Только в таком случае. Так вы и скажите своему мужу и повелителю.

Настасья Панкратьевна. Хорошо, батюшка!

Перцов. Ну, пойдем! Что ж нам его дожидаться!

Неизвестный. Так вы, сударыня, скажите господину Брускову, что если он не удовлетворит сегодня же господина Перцова, то завтра дело пойдет в суд. Часа через два я зайду наведаться. Затем прощения просим.

Перцов. Он еще не учен.

Неизвестный. Да-с. Благородное обращение плохо понимает.

Перцов. Ну, так я выучу. Василиск Перцов выучит обращению.

Входит Досужев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Досужев.

Досужев. Господин Перцов! Вас ли я вижу?

Перцов. Здравствуйте, господин Досужев! Представьте, какой со мной страшный случай!

Досужев. Да, я слышал.

Перцов. Вся жизнь моя преисполнена разными приключениями.

Досужев. Господа, мне нужно с господином Перцовым по секрету поговорить.

Настасья Панкратьевна. Мы, батюшка, уйдем. Пойдем, Андрюша! *(Уходит; Андрей Титыч за ней.)*

Досужев. Сего неизвестного тоже отправьте домой! Что ему здесь делать?

Перцов. Как же без вознаграждения? Ему довольно будет самого незначительного.

Досужев. Уж это ваше дело!

Перцов шепчет что-то Неизвестному, тот уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Досужев и Перцов.

Досужев. Вы опять за свой промысел?

Перцов. Как вы могли подумать! Вы меня обижаете, господин Досужев! Вся жизнь моя есть игра непостижимости. Вот и сегодня я поехал в Марьину рощу наслаждаться благами природы — и попал в хаос необразованности.

Досужев. Ловкий вы человек!

Перцов. Я несчастный человек, господин Досужев. Удары судьбы...

Досужев. Во сколько же вы цените вашу обиду?

Перцов. Какими же деньгами можно оценить оскорбление, господин Досужев!

Досужев. Я с вами согласен. Значит, вы денег не хотите. Да оно и подло, деньги брать! Вызовемте его на дуэль!

Перцов. Ну, нет; ежели бы приличную сумму...

Досужев. Так вы бы взяли?

Перцов. И я надеюсь, господин Досужев, что вы, как благородный человек, мне мешать не станете.

Досужев. Как можно! Я хочу хлопотать за вас. Хотите, я даже назначу сумму, которую Брусков должен вам отдать, и он меня послушает.

Перцов *(пожимая Досужеву руку)*. Merci, господин Досужев! Вы не жалейте этого бессмысленного невежду; требуйте с него больше, мы с вами поделимся.

Досужев. Я уж и так много назначаю, больше требовать нельзя.

Перцов. Позвольте узнать хоть приблизительно.

Досужев. Сто целковых.

Перцов. Злая насмешка, господин Досужев!

Досужев. Неужели ж вам в самом деле полтораста тысяч дать!

Перцов. От полутораста тысяч до ста рублей еще расстояние велико.

Досужев. Берите сто рублей; я вам советую. Хорошие деньги.

Перцов. Вы знаете, что я человек непреклонный.

Досужев. Не хотите ста, так и ничего не получите.

Перцов. Мало, господин Досужев!

Досужев. Берите, право, берите. Вы меня понимаете?

Перцов *(берет Досужева за руку)*. Господин Досужев, только для вас соглашаюсь. Только для вас.

Досужев. Вот и прекрасно. *(Кричит в дверь.)* Андрюша, пришли перо с чернильницей да лист бумаги!

Перцов. К чему это, господин Досужев?

Досужев. Вы дадите подписку, что на Брускова претензии не имеете и за обиду считаете себя удовлетворенным.

Луша приносит бумагу и чернила.

Давай сюда! *(Садится к столу.)* Недурна девочка-то.

П е р ц о в. Приятный сюжетец.

Д о с у ж е в *(принимая бумагу и чернила)*. Кто из хозяев с тобой ласковее-то? Чай, Андрюша? Али сам старик?

П е р ц о в. Ты, душенька, говори, не конфузься!

Л у ш а. Да будет вам! Бесстыдники! *(Уходит.)*

Д о с у ж е в. Так вот-с. *(Пишет.)* Вот подпишите. А деньги получите завтра утром от меня. Верите мне или нет? А то возьмите расписку.

П е р ц о в *(подписывает)*. Помилуйте, господин Досужев, между благородными людьми довольно одного слова.

Д о с у ж е в. Значит, до свидания!

П е р ц о в. Честь имею пребыть-с. *(Уходит.)*

А н д р е й Т и т ы ч входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Д о с у ж е в и А н д р е й Т и т ы ч.

А н д р е й Т и т ы ч. Как дела, Василий Митрич?

Д о с у ж е в. Вот и мировая готова; а сторговаться с твоим отцом Перцов мне поручил.

А н д р е й Т и т ы ч. Много ли ж вы с тятеньки возьмете?

Д о с у ж е в. Страсть! Ограблю.

А н д р е й Т и т ы ч. Вы хоть меня-то пожалейте! Если вы с тятеньки много денег возьмете, он рассердится так, что беда; и уж тогда не видать мне Александры Петровны, как ушей своих.

Д о с у ж е в. Какое же мне дело до тебя и до твоей Александры Петровны!

А н д р е й Т и т ы ч. Что ж мне теперь делать?

Д о с у ж е в. Да что хочешь, то и делай! Я человек бедный, должен о себе заботиться, а не о вас.

А н д р е й Т и т ы ч. У меня, Василий Митрич, только и надежды было, что на вас. А теперь, значит, все одно хоть умирай!

Д о с у ж е в. Разговаривай еще!

А н д р е й Т и т ы ч. А еще приятелем называетесь! Разве так приятели делают!

Д о с у ж е в. Мало ты еще на свете жил, коли на приятелей надеешься! Так-то, мой милый! Деньги всегда дороже приятелей.

Андрей Титыч. А вы думаете, так вам тятенька и даст денег! Как же! Дожидайтесь.

Досужев. А не даст, так в смирительном посидит.

Андрей Титыч. Господи, что же это такое! Это уж еще хуже! Какой страм-то! Какая мараль на все семейство!

Досужев. Ну, да что мне с тобой разговаривать! Поди, зови отца из тарантаса!

Андрей Титыч. Не хотите вы меня теперь пожалеть, ну, так после пожалеете, да уж поздно будет. *(Уходит.)*

Досужев. Посмотрим, что это за зверь, Тит Титыч! Уж я не рад, что взялся за дело-то! Ведь, черт его знает, поколотит, пожалуй. Еще в чужом доме с ним, говорят, можно разговаривать; а уж к нему-то прийти, все равно что к медведю в берлогу. Главное, не робеть!

Входит Тит Титыч.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Досужев и Тит Титыч.

Тит Титыч *(садится на кресло и несколько времени мрачно смотрит)*. Здравствуй!

Досужев. И ты здравствуй!

Тит Титыч. Ты андрюшин знакомый?

Досужев. Да.

Тит Титыч. Ты какой такой? Благородный аль так?

Досужев. Да тебе разве не все равно?

Тит Титыч. Стало быть, не равно, когда спрашиваю. Какой на тебе чин, такой с тобой и разговор будет.

Досужев. Я губернский регистратор.

Тит Титыч. Это что ж такое?

Досужев. Пятнадцатого класса. Нас во всей России только двое.

Тит Титыч. Ну садись, гость будешь!

Досужев. Я не люблю садиться; я лучше стоя.

Тит Титыч. Сказано, садись, так и садись. Что ты, как бес, будешь передо мной вертеться! Терпеть не могу.

Досужев. Ну, будь по-твоему, сяду. *(Хочет подвинуть стул.)*

Тит Титыч. Ты что там еще? Не смей трогать стульев!

Они на месте поставлены. Садись вот здесь, подле меня!

Д о с у ж е в *(садясь)*. Ты не очень командуй!

Т и т Т и т ы ч. Да коли ты непорядок делаешь, как же тебе не сказать!

Д о с у ж е в. Ну, будет о пустяках-то! Пора и о деле. Мне ведь некогда.

Т и т Т и т ы ч. Ну вот, теперь давай о деле! Только ты меня не рассерди, смотри; а то я и разговаривать не стану и прогоню. Я уж одного прогнал.

Д о с у ж е в. Ну, хорошо, хорошо!

Т и т Т и т ы ч. Много ль ты с меня взять хочешь?

Д о с у ж е в. За что?

Т и т Т и т ы ч. За что? Известно, за что. За это дело?

Д о с у ж е в. Помирить, что ли?

Т и т Т и т ы ч. Нет, не помирить, а оправить совсем, чтобы я чист был.

Д о с у ж е в. Да как же тебя оправить, когда ты виноват?

Т и т Т и т ы ч. Виноват! Это я и сам знаю, что виноват. Зачем же ты и стряпчий, коли ты не можешь оправить человека? А ты такую кляузу напиши, чтоб я был не виноват ни в чем.

Д о с у ж е в. Этого нельзя. Надобно помириться.

Т и т Т и т ы ч. Ни под каким видом. Ты не смей и заикаться! Я и слышать не хочу.

Д о с у ж е в. Буянить твое дело, а мириться так вот не хочешь!

Т и т Т и т ы ч. Да ты с кем говоришь! Учить, что ли, ты меня пришел у меня-то в доме! Хочу буянить, и буяню; нешто ты мне заказать смеешь! Вот я ужо Андрюшке задам, чтобы он этаких стракулистов ко мне не водил.

Д о с у ж е в. Да ты потише! От меня ведь в тарантас не спрячешься.

Т и т Т и т ы ч *(встает, и Досужев тоже)*. Да ты к чему тут пристал! Ты человек посторонний! Зачем ты ко мне в дом зашел? Тебе что тут нужно? Ишь ты, влез в гостиную, расселся, тоже важничает! Как ты смел прийти меня беспокоить? Я вот сейчас велю тебя со двора согнать. Чтоб ты и носу сюда показывать не смел. Я тебя и знать не хочу.

Д о с у ж е в. Рад бы не хотеть, да нельзя. Ты грамоте знаешь? Так вот смотри! *(Показывает бумагу.)* Пер-

цов дал подписку, что дело с тобой прекращает и подписку эту отдал мне. Теперь я, что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу, отдам ее тебе, и дело кончено; а не захочу, подадим на тебя завтра прошение и упрячем тебя в смирительный.

Тит Титыч *(садится)*. Значит, я с тобой теперь должен дело делать?

Досужев. Со мной.

Тит Титыч. Ну, садись! Сейчас выпьем чего-нибудь.

Досужев *(садясь)*. Нет, уж прежде давай дело кончим!

Тит Титыч. Ну, давай! Значит, я тебе за эту расписку должен деньги заплатить?

Досужев. Похоже на то.

Тит Титыч. А ты имей сколько-нибудь совести, не грабь меня. Грабить-то не хорошо. Пора уж вам эту привычку скверную бросить. Слышишь ты! Ты делай дело почестнее!

Досужев. Слышу, слышу.

Тит Титыч. Ну, много ли ж ты с меня потребуешь?

Досужев. Вот, во-первых, сто целковых Перцову за обиду. Это ты пошли с сыном завтра утром.

Тит Титыч. Это ничего! Это на чести, не дорого! Это и в другой раз, коли случится.

Досужев. Так ты опять поколотишь?

Тит Титыч. Эти деньги я всегда в состоянии заплатить, когда хочешь.

Досужев. Нет, уж в другой-то раз тебе много дороже станет. Для меня только он с тебя сто целковых, а то просил полтораста тысяч. Ну, теперь за хлопоты.

Тит Титыч. Много ли ж тебе?

Досужев. Мне много надобно.

Тит Титыч. Будь почестнее! будь почестнее, я тебе говорю. Не хорошо ведь. Много запросишь, ведь не дам. Только ты меня растревожишь! А я старый человек. Ну, прошу я тебя! Кончим по-дружески, много не ломи!

Досужев. Ты обещал женить сына на Кругловой?

Тит Титыч. Тебе что за дело?

Досужев. Кабы не было мне дела, я б и разговаривать не стал.

Тит Титыч. Обещал, да раздумал.

Досужев. Ну, так ты передумай опять, да и жени его поскорее!

Тит Титыч. Как же ты можешь мне в таком деле указывать! Да где же это видано! Нет, ты, должно быть, сегодня от меня добром не хочешь уйти? Дождешься, что я тебя изуродую.

Досужев. Ну, видно, говорить с тобой нечего; а надо сейчас к полицеймейстеру ехать. *(Берет шляпу.)*

Тит Титыч. Постой, ты! Как тебя?

Досужев. Ну, что еще?

Тит Титыч. Да ты почем знаешь, может я и сам хочу женить его на Кругловой, и передумывать мне нечего. Может быть, я тебя обманул!

Досужев. Это уж твое дело.

Тит Титыч. То-то! Ты не подумай, что это я тебя послушал! Это я сам. А если б не я сам, и никто б меня на свете... Слышишь ты, я сам. Слышишь ты, что я тебе говорю?

Досужев. Слышу, слышу.

Тит Титыч. Я хочу, чтоб Андрюшка женился на Кругловой, так тому и быть! Никто мне ни указывать, ни приказывать не смеет. Что хочу, то у себя дома и делаю.

Досужев. Ну, вот, когда ты женишь сына, тогда я тебе расписку и отдам, так дело твое и кончится.

Тит Титыч. Эй! Кто там?

Входит Настасья Панкратьевна.

Подайте шампанского, да идите все сюда!

Настасья Панкратьевна. Ну, слава богу! Должно быть, дело на лад идет. *(Уходит.)*

Тит Титыч. А деньгами много ль тебе?

Досужев. Ничего.

Тит Титыч. Ты не важничай! Ты проси! Проси, я тебе говорю: я, может быть, дам. Не в состоянии я, что ли, заплатить тебе?

Досужев. Я знаю, что в состоянии, да не надо мне.

Тит Титыч. Фальшивишь ты что-нибудь?

Досужев. Кабы я для тебя хлопотал, так я бы с тебя взял денег много. Ну, много не много, а взял бы сколько следует. А я для сына твоего хлопочу, понимаешь ты?

Тит Титыч. Понимаю. Ты приходи ко мне чаще, я тебя полюбил.

Входят Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Луша с шампанским.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тит Титыч, Досужев, Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Луша.

Тит Титыч. Слушай ты, Андрюшка! Будет тебе по Москве собак-то гонять! Что ты шляешься, как саврас без узды! Пора тебе, дураку, за ум браться! Кабы не родители, кто бы о тебе, дураке, подумал! Собирайся сейчас к невесте с матерью! К Кругловым ступайте! Проси, чтобы отдали за тебя, за дурака.

Андрей Титыч. Да я теперь счастливее всех на свете! Кого же мне только за это благодарить-с? Я так думаю, что вас, Василий Митрич.

Тит Титыч. Разумеется, его: потому он все дело кончил благополучно.

Настасья Панкратьевна. Говорила я, что в тяжелый день ничего делать не нужно! Вот какая беда-то было вышла, кабы добрый человек не помог!

Тит Титыч. За это мы все его будем благодарить так, что он, может, и не ожидает.

Досужев. Ничего мне от вас не надо. *(Берет стакан вина.)* Живите, женитесь, плодитесь, ссорьтесь, миритесь, судитесь; а я буду глядеть на вас да радоваться! *(Выпивает стакан.)*

ШУТНИКИ

Картины московской жизни, в четырех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ПАВЕЛ ПРОХОРОВИЧ ОБРОШЕНОВ
отставной чиновник.

АННА ПАВЛОВНА
25 лет } *дочери его*

ВЕРОЧКА
17 лет

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ГОЛЬЦОВ
очень молодой человек, чиновник.

ФИЛИМОН ПРОТАСЬИЧ ХРЮКОВ
богатый купец, 60 лет.

НЕДОНОСКОВ
НЕДОРОСТКОВ } *молодые люди, одетые по последней моде.*

Небольшой садик, направо крылечко и окно дома; прямо забор, в нем, рядом с домом, калитка, налево забор. Под деревом круглый стол и несколько стульев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Павловна сидит у стола с работой и Павел Прохорович Оброшенов сходит с крыльца. В руках у него лист бумаги и чернильница с пером.

Оброшенов. Ну, секретарь мой, пиши!

Анна Павловна. Что прикажете?

Оброшенов. Пиши: «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине, о цене узнать от хозяина оного дома». Пиши крупнее! Что ты будешь делать! Пятую записку срывают. Уж теперь повыше прибью, не достанут. Вот так! Вот хорошо, разборчиво. Теперь всякий прочтет. Ну, а прочитают, может и наймут. Сама ты посуди, четвертый месяц квартира пустая стоит; а ведь она шесть рублей в месяц ходит; а шесть рублей для нас деньги. *(Подымает руку с запиской.)* Если ее вот так прибить, можно будет прочесть?

Анна Павловна. Можно, папенька.

Оброшенов. А ты читай, читай!

Анна Павловна. Да ведь я сама же и писала.

Оброшенов. Нужды нет, а ты все-таки читай!

Анна Павловна *(читает)*. «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине, о цене узнать от хозяина оного дома».

Оброшенов. Ну да, от хозяина; хозяин сейчас покажет комнаты, уговорит, умаслит. Хе-хе-хе! Вот у нас и наймут, вот мы и богаты. Другой, может быть, давно ищет квартиры; ну, бедный человек какой-нибудь ходит по улицам, ему и нужно три комнаты, а записки на воротах нет, сорвана, он и не знает, что здесь отдается, и идет мимо. Нет, уж теперь кончено! Как поймаю, сейчас к квартальному сведу.

Анна Павловна. Кто же это, папенька, срывает?

Оброшенов. Соседи, соседские ребята, богатых отцов дети озорничают. То ли еще они делают! От них проходу нет по улицам: понаделают трубок, через забор на прохожих водой брызгают; краской шляпы мажут; женщинам к платкам записочки прикалывают. А отцы только утешаются на своих чадов.

Анна Павловна. Или утешаются, или бьют чем ни попало.

Оброшенов. А поди жаловаться, над тобой же насмеются. «У тебя, видно, говорят, такой же ум-то, как у ребенка. Мал, глуп,— ну и балует; вырастет, умнее будет, перестанет баловать». Только неправда это, Аннушка, неправда! Умней они не бывают. Я сорок лет здесь живу, всех знаю: вырасть — вырастут, и рукой его не достанешь, а ум все тот же. А то вот одному недавно стал жаловаться на сына; а он мне что сказал! «Я, говорит, до семи бед коплю, у меня положёное; это еще третья. Как семь бед сделает, так отстегаю». А другой говорит: «Ты служил?» Служил, говорю. «Отчего ж на тебе кавалерии нет? Кабы была кавалерия, никто б тебя не посмел тронуть; значит, ты сам виноват». Вот с ними и толкуй! Да и жаловаться-то нельзя. «Ты, говорят, все с претензиями, ты неспокойный сосед, ты претендент!» Аннушка, какой же я претендент! Какой я претендент! Ну, и терпишь, потому что ссориться с ними нельзя, кушать будет нечего. Мы от них же крохами побираемся. Поссорься с одним, с другим, так и придется зубы на полку положить. А вот я со всеми в ладу, я все больше шуточкой, шуточкой, а где так и поклонами. Оно точно, что на тебя как на шута смотрят, да зато кормимся.

А н н а П а в л о в н а. Папенька!

О б р о ш е н о в. Что, дочка?

А н н а П а в л о в н а. Неужели нельзя обойтись без этого?

О б р о ш е н о в. Без чего? Без шутовства-то?

А н н а П а в л о в н а. Да, папенька, без унижения. Нам жалко вас.

О б р о ш е н о в. Не жалко вам, а стыдно за меня, стыдно, вот что. Ты думаешь, я не вижу? Вижу, Аннушка, давно вижу.

А н н а П а в л о в н а. Вы, папенька, в таких летах! Мы вас так любим. Нам с сестрой хотелось бы, чтобы вас все уважали.

О б р о ш е н о в. Мало ль чего нет! Где уж нам! Какое уважение! Были бы сыты, и то слава богу. Не до жиру, дочка, не до жиру, быть бы живу!

А н н а П а в л о в н а. А каково смотреть-то на вас!

О б р о ш е н о в. Ну, что ж делать-то! И рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты, может, думаешь, что я всегда такой был? Ну, нет, брат. Смолоду я сам был горд. Как еще горд-то, Аннушка! Ужас, как горд. Как женился я на вашей матери да взял вот этот домишко в приданое, так думал, что богаче да лучше меня и людей нет. Фертом ходил! Ну, а там пошли дети, ты вот родилась, доходов стало недоставать, надобно было постороннюю работишку искать; тут мне форс-то и сбили. Сразу, Аннушка, сбили. Первое дело я сделал нашему соседу, и дело-то небольшое: опеку ему неподходящую дали, надо было ее с рук сбыть. Обделал я ему это дело, позвал он меня да еще секретаря с чиновниками из суда в трактир обедом угощать. И какой чудак, право ведь чудак! Сидит, ничего не говорит, весь обед молчал; только посидит, посидит да всей пятерней меня по волосам и по лицу и проведет. Ах ты, батюшки мои! Что ты будешь с ним делать! Я было в амбицию. Только тут один чиновник, постарше, мне и говорит: ты обидеться не вздумай! Ни копейки не получишь: он не любит, когда обижаются. Нечего делать, стерпел: ну и принес жене три золотых; а не стерпи я, так больше пяти рублей ассигнациями бы не дал. Много я после с него денег перебрал. Вот так-то меня сразу и озадачили. Ну, а потом, как пошел я по делам ходить, спознался с богатыми купцами, там уж

всякая амбиция пропала. Тому так потрафляй, другому этак. Тот тебе рыло сажей мажет, другой плясать заставляет, третий в пуху всего вываляет. Сначала самому не сладко было, а там и привык, и сам стал паясничать и людей стыдиться перестал. Изломался, исковеркался, исказил себя всего, и рожа-то какая-то обезьянья сделалась.

Анна Павловна. Ах, папенька!

Оброшенов. Что «папенька»! А ты, дочка, не суди! Вот кабы я паясничал да пропивал деньги-то, вот тогда бы я был виноват. А то я деньги-то домой носил, все до копеечки. Делового народу, ученого тогда меньше было, наш брат, горемыка-подьячий, был в ходу, деньги так и огребали. Много ли я тогда получал, знаешь ли? Тысяч шесть ассигнациями. Ого-го-го! Вот оно что! И теперь еще все говорят, что у меня много денег, что я их спрятал. А ты знаешь, есть ли у меня деньги. Ваша мать хозяйка была отличная, дома у меня рай был. На стороне, в людях, я шут, я паяц; а ты меня дома посмотри! Тут я отец семейства, жену мою все уважали, дети — ангелы. Эка важность, что меня шутом зовут! Ты и не жалей меня, Аннушка! Я таковский! Что я такое? Дрянной старичишко, никуда негодящий! Пускай смеются, коли им нравится, мне все равно. Они смеются, а я, как птица, в гнездо таскаю, прибираю свое гнездышко, да детей кормлю. Для меня только ты да Верочка на свете и людей-то, больше я и знать никого не хочу.

Анна Павловна. Мы оба с вами, папенька, для одной Верочки живем.

Оброшенов. Избаловали мы ее с тобой. Хе-хе-хе! Вот теперь и нянчись с ней!

Анна Павловна. Да как же не баловать-то ее! Она такая милочка. Кого же нам с вами и любить-то, как не ее! Больше некого. А ведь кого-нибудь надо любить, без этого жить нельзя.

Оброшенов. Ну, да, само собой. *(Делает серьезную мину.)* А что ты скажешь насчет жениха? То есть насчет Саши?

Анна Павловна. Кажется, хорош.

Оброшенов. Хорош, хорош. Это я сам нашел. Ну уж и хлопот было. Трудно нынче хорошего-то найти. А ей нравится?

Анна Павловна. Ведь она еще ребенок. Кто ж ее знает; кажется, нравится.

Оброшенов *(таинственно)*. Хожу я это по судам-то, приглядываю; ходил долго; вдруг вижу, мальчик такой смирный сидит. Я стороной узнавать. Говорят, сирота; поведения, сказывают, хорошего, воспитывался у матери в строгости; с приказными не водится, по трактирам не ходит. Его-то, мол, нам и нужно. Познакомился, да вот дело и вышло. Ведь хорош?

Анна Павловна. Хорош, папенька.

Оброшенов *(таинственно)*. Руки просил третьего дня. Я было отнекиваться стал — нарочно; так в слезы: умираю, говорит, от любви.

Анна Павловна. Что же вы?

Оброшенов. Ну, я и рад; велел с Верочкой поговорить. О приданом не заикается. Денег бы, говорит, нужно мне рублей триста. Ну, денег, говорю, не припасено для тебя. Дом, говорю, вам купил в две тысячи, вот и будет с тебя, а денег ни копейки. А я и дом-то, Аннушка, нарочно купить поторопился; нехватало денег, так призанял; потому деньги они могут истратить, люди еще молодые; а дом-то им на всю жизнь. Очень приставал об деньгах: я, говорит, вам после отдам; ну, да нет, так где же взять? Самому до крайности нужны, да нет, и занять не у кого. Я понимаю, на что ему нужно деньги. Ему на свадьбу, перед товарищами хочет себя показать. Так нет, брат, шалишь! На мотовство денег, хоть бы и были, так не дам. Нам пышности не нужно: чем скромнее, тем лучше. Коли понадобится что к свадьбе, так, говорю, у казначея вперед возьми,— не откажет. Говорил он с Верочкой или нет?

Анна Павловна. Нет еще.

Оброшенов. Так сегодня скажет. Да неужто она спит до сих пор?

Анна Павловна. Нет, должно быть, встала.

Оброшенов *(у окна)*. Верочка!

Голос Верочки за сценой: «Сейчас, папаша! Я одеваюсь».

Ну как же, есть мне время тебя дожидаться! Высунь сюда рыльце!

Верочка выглядывает из окна, он ее целует.

Не спи долго, жениха проспишь! *(Идет к калитке и читает.)* «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине».

Входит Гольцов.

А, Саша, здравствуй! Верочка! Саша пришел! *(Уходит.)*

Верочка за сценой: «Подождет, я еще не причесана».

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Павловна и Гольцов.

Анна Павловна. Садитесь!

Гольцов садится.

Что вы скучный такой?

Гольцов. Дела плохи-с.

Анна Павловна. Стыдитесь! Разве женихи скучают?

Гольцов. А вы уж знаете?

Анна Павловна. Сейчас папенька сказывал.

Гольцов. Он-то меня обнадежил; не знаю, как Вера Павловна!

Анна Павловна. Это вы ее-то боитесь?

Гольцов. Не то, что боюсь, а как-то робко. Ну, как Вера Павловна мне откажет!

Анна Павловна. Быть не может.

Гольцов. Дай-то бог! Смелости у меня нет, боюсь с барышнями разговаривать, очень я неловок.

Анна Павловна. Ведь разговариваете же вы?

Гольцов. О пустяках разговариваю; а как сказать, что влюблен?

Анна Павловна. Ничего, не робейте! Это не так страшно, как кажется. Только и горя у вас?

Гольцов. Нет-с. Никак не могу денег достать, а мне очень нужно.

Анна Павловна. На что вам?

Гольцов. Этого я не могу вам сказать-с; а только дозарезу нужны, хоть живой в гроб ложись.

Анна Павловна. Живете вы аккуратно...

Гольцов. Очень аккуратно-с, и в трактир никогда не хожу.

А н н а П а в л о в н а. Много ли вы в год жалованья получаете?

Г о л ь ц о в. Уж теперь полные триста рублей получаю.

А н н а П а в л о в н а. Чего ж вам еще?

Г о л ь ц о в. Не стал бы я напрасно говорить-с. Ей-богу, нужно-с, а достать негде.

А н н а П а в л о в н а. У нас теперь тоже нет; мы сами нуждаемся.

Г о л ь ц о в. Да верно ли это-с?

А н н а П а в л о в н а. Что верно ли?

Г о л ь ц о в. Что у Павла Прохорыча денег нет? Мне все говорят, что у него денег много, только он скупится, дать не хочет. А кабы он знал, какая мне надобность!

А н н а П а в л о в н а. Как же вы можете сомневаться! Неужели мы вас станем обманывать!

Г о л ь ц о в. Вы меня извините-с! Есть у меня один случай, да не знаю, удастся ли. Тут, по соседству у вас, живут два молодые человека, очень богатые, они родственники. Недоносков и Недоростков.

А н н а П а в л о в н а. Знаю.

Г о л ь ц о в. Обещали дать денег-с. Велели сегодня к ним завтракать приходить.

А н н а П а в л о в н а. Вот и подите!

Г о л ь ц о в. Пойду; только надежды мало, люди-то пустые; вернее, что от них ничего не получишь. Что тогда делать! Куда мне деваться! Анна Павловна, скажите мне по совести, как перед богом, есть у Павла Прохорыча деньги? Меня что-то сомнение берет.

А н н а П а в л о в н а. Как вам не стыдно! Перестаньте! Что вы!

Г о л ь ц о в *(закрывая лицо руками)*. Ах, боже мой!

А н н а П а в л о в н а. Что вы? Уж не плачете ли?

Г о л ь ц о в. Кабы вы знали, что у меня на душе!

Входит В е р о ч к а и закрывает ему глаза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А н н а П а в л о в н а, Г о л ь ц о в и В е р о ч к а.

Г о л ь ц о в. Ах, Вера Павловна, это вы-с!

Верочка опускает руки.

Я и не слыхал, как вы вошли. *(Целует руку.)*

В е р о ч к а *(целуя сестру)*. Что вы оба такие сердитые? Поссорились, что ли?

А н н а   П а в л о в н а. Какие ты глупости, душенька, говоришь! Из чего нам ссориться?

В е р о ч к а *(Гольцову)*. Зачем вы так рано приходите? Не смейте так рано приходить!

Г о л ь ц о в. А вы зачем так долго спите?

В е р о ч к а. Оттого долго, что я очень люблю спать. Когда спишь — всё лучше, а проснешься — всё хуже.

А н н а   П а в л о в н а. Нельзя же всю жизнь спать, душа моя!

В е р о ч к а. Отчего же нельзя? Так бы все спали, всякий бы видел во сне, что ему хочется, все бы были счастливы.

А н н а   П а в л о в н а. Ты забываешь, душа моя, что надо кушать что-нибудь.

В е р о ч к а. Ничего бы этого не нужно.

А н н а   П а в л о в н а. А что ж тебе нужно?

В е р о ч к а. А вот что: чтобы все, кто кого любит, всегда были вместе. Вот бы я, папаша, ты, Александр Петрович всегда бы и сидели вместе в одной комнате.

А н н а   П а в л о в н а. Немного же тебе нужно.

Г о л ь ц о в. А разве вы меня любите?

В е р о ч к а. Вас? Да. Будто вы не знаете?

А н н а   П а в л о в н а. Почем же ему знать?

В е р о ч к а. Разве я вам не говорила? Так я вам скажу: я вас очень, очень люблю.

А н н а   П а в л о в н а. Какие ты глупости говоришь!

В е р о ч к а. Совсем не глупости. Как вас ваша маменька называла?

Г о л ь ц о в. Саша.

В е р о ч к а *(шепотом)*. Саша, Саша! *(Громко.)* Саша!

Г о л ь ц о в. Что вам угодно?

В е р о ч к а *(смеется)*. Нет, это я не вас. Я вас не могу так называть. Это я про себя. А вы меня любите?

А н н а   П а в л о в н а. Скажите, что нет.

Г о л ь ц о в. Зачем же я буду лгать? Уж я лучше им правду скажу.

А н н а   П а в л о в н а. Да разве с ней можно серьезно разговаривать! А впрочем, говорите, пожалуй.

В е р о ч к а. Отчего же со мной серьезно нельзя разгова-

ривать? Нет, вы говорите со мной серьезно! Я умею и серьезно разговаривать.

Г о л ь ц о в. Я вас тоже очень люблю-с и уж говорил об этом вашему папеньке и сестрице, теперь остается только вам сказать.

В е р о ч к а. Папаше говорили и сестре говорили, теперь мне говорите!

Г о л ь ц о в. Да-с, я и желаю с вами говорить. Я просил у папаши руки вашей, он мне велел к вам обратиться.

В е р о ч к а. Как? Что такое?

Г о л ь ц о в. Руки вашей прошу-с.

В е р о ч к а *(задумчиво)*. Нет, не надо.

А н н а П а в л о в н а. Ну, вот видите!

Г о л ь ц о в. Зачем же вы, Вера Павловна, хотите меня сделать несчастным?

В е р о ч к а. Нет, нет, я не хочу, чтоб вы были несчастны.

Г о л ь ц о в. Так отчего же вы не хотите идти за меня?

В е р о ч к а. Нет, нет, ни за что не пойду. Вот еще! Зачем замуж идти! Я не хочу. Вы лучше так просто к нам приходите каждый день.

А н н а П а в л о в н а. Вот и толкуйте с ней. *(Уходя.)* Не слушайте ее, она вздор говорит. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гольцов и Верочка.

Г о л ь ц о в. Может быть, вы не верите любви моей?

В е р о ч к а. Нет, верю.

Г о л ь ц о в. Или я сам вам не нравлюсь?

В е р о ч к а. Нет, нравитесь.

Г о л ь ц о в. Так отчего же вы не хотите меня осчастливить?

В е р о ч к а. Оттого, что не хочу.

Г о л ь ц о в. Ну, бог с вами! *(Отходит к стороне.)*

В е р о ч к а *(про себя)*. Саша! Саша!

Г о л ь ц о в. Вы смеетесь?

В е р о ч к а. И не думала смеяться. Подите сюда! Что я вам скажу!

Г о л ь ц о в. Что вам угодно?

В е р о ч к а. Садитесь подле меня.

Г о л ь ц о в. Извольте. *(Садится.)*

В е р о ч к а. Если я соглашусь за вас идти замуж, тогда вы будете моим женихом?
Г о л ь ц о в. Да-с, сначала женихом, а потом мужем.
В е р о ч к а. Когда вы будете женихом, вы будете к нам каждый день ходить?
Г о л ь ц о в. Каждый день-с.
В е р о ч к а. Что же вы будете делать?
Г о л ь ц о в. То же, что и теперь-с.
В е р о ч к а. То же, что и теперь?
Г о л ь ц о в. Только тогда мы будем короче знакомы, я буду называть вас Верочкой.
В е р о ч к а. А еще что?
Г о л ь ц о в *(смеясь)*. Целовать вас буду-с.
В е р о ч к а. Как целовать?
Г о л ь ц о в. Как? Известно, как-с. Приду и скажу: здравствуй, Верочка! И поцелую.
В е р о ч к а. Как?
Г о л ь ц о в. Да как же, право-с! *(Конфузясь.)* Вот так-с! *(Целует ее.)*
В е р о ч к а *(помолчав)*. А говорить что будете?
Г о л ь ц о в. Буду называть вас ангелом, милочкой. Будем сидеть обнявшись.
В е р о ч к а. Как?
Г о л ь ц о в. Какие вы-с! *(Обнимает ее.)* Душенька моя, Верочка, я для твоего счастья жизни своей не пожалею!
В е р о ч к а. И мы всегда будем так?
Г о л ь ц о в. Всегда-с.
В е р о ч к а. Всю жизнь?
Г о л ь ц о в. Всю жизнь-с.
В е р о ч к а *(с легким присутствием слез в голосе)*. Правду вы говорите?
Г о л ь ц о в. Как перед богом-с! Поверьте душе моей!
В е р о ч к а *(несколько времени молчит, потом обнимает и целует Гольцова)*. Саша, я хочу быть твоей женой!
Г о л ь ц о в *(целуя руку)*. Благодарю вас, Вера Павловна!
В е р о ч к а. Нет, не Вера Павловна, а Верочка.
Г о л ь ц о в. Ну, хорошо, Верочка! Ах, как я рад, как я рад! А потом ты не скажешь, что не хочу замуж идти?
В е р о ч к а. Нет, никогда теперь не скажу, никогда.
Г о л ь ц о в. Ну, Верочка, надо папеньке сказать! Ты меня извини, я тебя теперь оставлю на минуту.

У меня еще дело есть. Я скоро приду. Прощай, Верочка! *(Целует ее.)*

Верочка. Прощай, Саша!

Входит Анна Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гольцов, Верочка и Анна Павловна.

Анна Павловна. Что она, все еще упрямится?

Гольцов. Нет-с, она согласна. Позвольте, Анна Павловна, ручку поцеловать. *(Целует руку.)* Теперь мы скоро родные будем-с. Я, Анна Павловна, пойду, куда говорил-с! Если бы еще это удалось, я бы сегодня был совершенно счастлив-с.

Анна Павловна. Ну, дай бог вам успеха. Прощайте!

Верочка. Прощай, Саша! *(Целует Гольцова.)*

Он уходит.

Анна Павловна. Верочка! Верочка! Это что еще за новости! Что-то скоро, моя милая!

Верочка. Я всегда его буду Сашей звать и целовать.

Анна Павловна. Понравилось?

Верочка. Да, понравилось.

Анна Павловна. Верочка, слушай, душа моя! Согласись сама, ведь это неловко.

Верочка. Нет, очень ловко. Не знаю, как тебе, а мне очень ловко. *(Уходит.)*

Анна Павловна *(вслед ей)*. При мне-то нужды нет; только ты при чужих людях не вздумай!

Входит Хрюков. Анна Павловна кланяется ему.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анна Павловна и Хрюков.

Хрюков. А крыса приказная дома аль нет?

Анна Павловна. Папенька, должно быть, в комнате. Я позову его.

Хрюков *(садясь)*. Мне ведь не родить: я и подождать могу. А может, тебе моя канпания не нравится? Ну, уж позови отца, коль тебе противно со мной сидеть!

А н н а П а в л о в н а. Нисколько не противно.

Х р ю к о в. Разве я не вижу, что ты нос-то отворачиваешь? Не красавец я, это что говорить!

А н н а П а в л о в н а. Мне решительно все равно.

Х р ю к о в. Я вот прожил век и без красоты, стало быть без нее обойтись можно. Как ты об этом думаешь? А насчет того, что ежели полюбить меня, так это только стоит мне захотеть. За тем только и дело стало, чтоб мне захотеть. Вот и все!

А н н а П а в л о в н а. Не понимаю я вас.

Х р ю к о в. Я не маленький, вашу братью хорошо раскусил; знаю, что вам нужно. Ты не сердись! Ты меня узнай прежде! Я человек дорогой, когда захочу мошной тряхнуть. Меня в те поры ничто не удержит, ни на кого не посмотрю. Про меня говорят, что я скуп; так это врут. Я для себя, для своего удовольствия, денег не жалел. Да ежели и теперь какая блажь в голову придет, тоже не пожалею.

Молчание.

Я молодца тут встретил, у ворот; у вас, что ль, был?

А н н а П а в л о в н а. У нас.

Х р ю к о в *(строго)*. А зачем он у вас был?

А н н а П а в л о в н а. Он Верочкин жених.

Х р ю к о в. Писарек, должно быть, из суда какой-нибудь плохонький? По обличью-то показывает. Так, что ли?

А н н а П а в л о в н а. Да, он служит.

Х р ю к о в. Ну уж, я сейчас вижу, что за птица. Парнишко из себя не видный, гляди не каждый день досыта и ест-то.

А н н а П а в л о в н а. Молод еще очень.

Х р ю к о в. Голь, надо полагать, непокрытая. Грабить еще не знает как. Где ему знать, как грабить! А вы за такого отдавайте, который грабить знает.

А н н а П а в л о в н а. Зачем ему грабить? Он жалованье получает.

Х р ю к о в. А много ли?

А н н а П а в л о в н а. Триста рублей. Да мы за Верочкой дом даем. Жить можно будет. Вот только бы ему теперь к свадьбе очень нужно деньжонок.

Х р ю к о в. А сколько?

А н н а П а в л о в н а. Только триста рублей.

Хрюков. Только! Шутила ты, что ли! Триста рублей! Ведь это по старому счету тысяча с лишком.

Анна Павловна. Конечно, у кого нет, тому и рубль дорог; а все-таки, по-нынешнему времени, триста рублей небольшие деньги.

Хрюков. А ты попробуй-ка их достать; так вот тогда и узнаешь, велики ли деньги. Вот пусть он, жених-то ваш, сунется к кому-нибудь просить; тогда и увидишь, что ему скажут.

Анна Павловна. Ведь ему нужда крайняя. Если б у меня были деньги, я, кажется, сейчас бы все отдала.

Хрюков. Как нет-то денег, так все так рассуждают.

Анна Павловна. А если б мы у вас попросили? Что для вас значат триста рублей!

Хрюков. Может, для меня и триста тысяч ничего не значат; а все-таки я не дам. Взаймы я не даю; на это есть процентщики. Тому принеси верный залог, так сколько хочешь денег даст. А ежели дать так, на бедность, так по триста рублей я тоже не подаю. Рубля три дам к празднику, к большому. Ведь ишь ты, каторжный народ какой! Жалованья грош, деньжонок своих нет, а он жениться да на бедность побираться! Точно для него так у всякого деньги и приготовлены. Пожалуйте, мол, берите! Не нужно ли вам еще чего-нибудь! Оглашенные, право, оглашенные!

Анна Павловна. Ему обещали дать.

Хрюков. Как же, дадут! Держи карман-то! Обыкновенно посмеяться хотят, насмешку сделать.

Анна Павловна. Что же тут смешного?

Хрюков. Да как же не смешно! Человек бегает по улицам, ищет триста рублей! Самому-то цена грош, а он воображает, что ему кто-нибудь триста рублей поверит. Как тут не смеяться! Это ужасно смешно! «Дайте триста рублей!» А сам-то ты много ли стоишь? Ничего! Вот увидишь, что над ним шутку какую-нибудь сделают. Уж очень способно, сам лезет.

Анна Павловна. Какую же шутку?

Хрюков. Дураком поставят! Да и за дело! Не будь глуп, не смеши людей.

Анна Павловна. Он, коли займет, так отдаст непременно.

Х р ю к о в. Да, может, и отдаст; да кто ж поверит, что он отдаст. А ведь я было подумал, что он к тебе ходит.

А н н а П а в л о в н а. Зачем ко мне?

Х р ю к о в. Зачем? Кто тебя знает! Я думал, уж не ты ль хочешь замуж идти, аль, может, так по душе пришелся.

А н н а П а в л о в н а. Я замуж не пойду.

Х р ю к о в *(подходит к ней)*. Не пойдешь? Что ты?

А н н а П а в л о в н а. Нет, не пойду. Во-первых, уж я в летах, во-вторых, папеньку не захочу одного оставить. Верочка выйдет замуж, переедет от нас, с кем же папенька останется?

Х р ю к о в. Да, и не оставляй отца! Не оставляй! Что хорошего! Грех будет, грех! И живите тут скромненько, солидно.

А н н а П а в л о в н а. Я и всегда так живу.

Х р ю к о в. Ну, и умница, умница! *(Гладит ее по голове.)* И чтоб не ходил к вам никто, особенно молодые люди; чтоб разговору не было!

А н н а П а в л о в н а. Какой может быть про меня разговор!

Х р ю к о в. Ну да, ты скромная, умная девушка! Нешто я не вижу! А все-таки лучше. Нет, ты не ходи замуж, не ходи! Так лучше проживешь, я тебе говорю. А денег, что ты говорила, я дам. Отцу не дам и жениху не дам, а тебе дам. Никому не дам, а тебе дам, в твои руки. Что хочешь, то и делай с ними. Я завтра зайду поговорить с тобой. Ну, вот и понимай, как хочешь!

Входит О б р о ш е н о в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

А н н а П а в л о в н а, Х р ю к о в и О б р о ш е н о в.

Х р ю к о в. Эй, ты, приказная строка! Мне тебя нужно, брат.

О б р о ш е н о в. Что нужно, батюшка Филимон Протасьич? Батюшка, что нужно? Приказывайте!

Х р ю к о в. Да ты полно по-сорочьи-то разговаривать! Дело есть.

О б р о ш е н о в. Приказывайте рабу вашему, приказывайте!

Х р ю к о в. Ты где пропадал? А вот теперь, видишь ты, мне некогда с тобой разговаривать. Ты забеги как-нибудь!

О б р о ш е н о в. Вы только вздумайте дома: «вот кабы Павел Прохоров пришел!» И посылать не надо. Вы только вздумаете, а я тут, тут, тут.

Х р ю к о в. Ах ты, тетерев лохматый! Посмотри-ко в калитку, нет ли кого на улице!

О б р о ш е н о в. Зачем, батюшка, родной ты мой?

Х р ю к о в. Зачем? Ах ты голова с мозгом! А затем вот, чтоб не видали, что я у тебя был.

О б р о ш е н о в. Отец и благодетель! Да что ж я, прокаженный, что ли, какой?

Х р ю к о в. Эх! До старости ты, брат, дожил, а ума не нажил. Неужели кто подумает, что я к тебе хожу! Зачем я к тебе пойду, какие такие у нас дела с тобой! Нужно мне тебя, так только свистнуть стоит, ты и прибежишь, как угорелый. Всякий это понимает. Вон что подумают! Видишь? *(Показывает на дочь.)* Скажут: «старый шут любовницу завел». А у нас народ какой? Сейчас насмех подымут. А для меня это мараль.

О б р о ш е н о в. Шутник, шутник, шутник! Я не сержусь. *(Дочери.)* И ты не сердись! Шутник, шутник! *(Отворяет калитку.)* Есть ли в поле жив человек? Ни души не видно.

Х р ю к о в. Ну, прощайте! *(Идет к калитке.)*

А н н а П а в л о в н а. Прощайте!

О б р о ш е н о в *(на ухо Хрюкову)*. Кукареку!

Х р ю к о в. Ах, ты! Провалиться тебе! Испугал как! Отец-то у тебя шут с гороху! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

А н н а П а в л о в н а и О б р о ш е н о в.

А н н а П а в л о в н а. Лучше б он к нам не ходил.

О б р о ш е н о в. Что ты, что ты, бог с тобой! Он благодетель, кормилец наш. Случится, деньги все подойдут, взять негде, а это с нами часто бывает, я сейчас к нему, как в свой карман. Конечно, я ему после заработаю; да где ж ты теперь таких людей найдешь! Ты знаешь ли, сколько я у него по мелочам-то забрал? То-то оно и есть!

А н н а П а в л о в н а. Отчего же он со мной так дурно обращается?

О б р о ш е н о в. Отчего? Оттого, что благодетель всему семейству. Как ты не понимаешь! А ты смейся! Вот как я. Он тебе скажет что-нибудь, а ты: хи-хи-хи да ха-ха-ха! Оно все легче, не так обидно.

А н н а П а в л о в н а. Папенька, мне что-то странно: он мне денег предлагал.

О б р о ш е н о в. Каких денег?

А н н а П а в л о в н а. Давеча Александр Петрович говорил, что ему необходимо нужно денег. Я проговорилась при Хрюкове; он обещал дать мне: отцу, говорит, не дам, а тебе дам.

О б р о ш е н о в. Гм... Нет, брат, лучше не бери!

А н н а П а в л о в н а. Я и не возьму.

О б р о ш е н о в. Они денег-то дадут, да потом не рад будешь жизни, что взял у них. Эх, благодетели, благодетели! А все-таки без них нам жить нельзя на свете. Уж, разумеется, если б я был с состоянием, я б этого благодетеля к себе на порог не пустил. Однако пойти к нему; что ему там надо. Фрак надену для учтивости; вот, мол, как тебя уважают.

Уходят в дом.
В калитку входит Г о л ь ц о в, выпивши; Н е д о н о с к о в и Н е д о р о с т к о в, заглянув в калитку и видя, что никого нет, входят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Г о л ь ц о в, Н е д о н о с к о в и Н е д о р о с т к о в.

Н е д о н о с к о в. Ты, Саша, не робь!

Н е д о р о с т к о в. Валяй, значит, да и кончено дело!

Г о л ь ц о в. Я робею? Никогда. Я сейчас ему все...

Н е д о н о с к о в. Что тебе занимать! Ведь отдавать надо будет.

Н е д о р о с т к о в. Мы бы дали, слова не сказали; да зачем у чужих, когда у него много?

Н е д о н о с к о в. Он тебя надуть хотел.

Н е д о р о с т к о в. Да не на того напал. Ты ведь, Саша, голова!

Н е д о н о с к о в. Еще бы Сашу-то обмануть! Да тот трех дней не проживет, кто его обманет.

Н е д о р о с т к о в. Сашка плут!

Гольцов. Нет уж, меня не надуешь! Шалишь!

Недоносков. Он видит, что ты влюблен, ну и прижимает.

Недоростков. Он воображает, что на дурака напал.

Недоносков. Ты ему прямо: давай, мол, денег; а то так и не надо. У него денег много, он сам сказывал.

Недоростков. У меня, мол, другая невеста есть, и шабаш.

Гольцов. Да, ишь вы разгулялись! Чтоб я Верочку-то оставил? Да никогда!

Недоносков. Да что — Верочка, Верочка! Ты поедем с нами; мы тебе такую невесту, значит, покажем... на редкость.

Гольцов. Не поеду.

Недоростков. Съедят, что ль, тебя? Ты погляди только! Примут как! Первый сорт.

Гольцов. Да ну, хорошо.

Недоносков. А ты, Сашка, бедовый!

Недоростков. Уж я тебе говорил, что парень — нашего поля ягода. Ты скорее, мы ждем.

Недоносков. Еще б ему стаканчик!

Недоростков. Нет, в самую припорцию. У меня на это размер верный; в самый раз.

Уходят.

Гольцов. Он думает, что я влюблен. А как же мне? У меня такая крайность!.. Где ж я?.. Я не могу.

Входят Оброшенов и Анна Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Гольцов, Оброшенов и Анна Павловна.

Оброшенов. А, Саша, друг любезный, ты здесь?

Гольцов. Я за деньгами.

Оброшенов. Что?

Гольцов. За деньгами.

Оброшенов. За какими деньгами?

Гольцов. Какие деньги? Ха-ха-ха! Триста рублей.

Оброшенов. Что?

Гольцов. Триста рублей.

А н н а П а в л о в н а. Молчите! Что вы! Завтра я вам, может быть, денег достану; а теперь ступайте домой!

Г о л ь ц о в. Завтра! Значит правда, что у вас есть деньги. Завтра! Нет, это дудки!

А н н а П а в л о в н а. Перестаньте! Ступайте домой!

Г о л ь ц о в. Оставьте, пожалуйста, я с вами не разговариваю.

А н н а П а в л о в н а. Папенька, что с ним сделалось?

О б р о ш е н о в. Саша! Саша! Не надо, не надо! Всякие шутки прочь! Ты еще молод, молод, любезный!

Г о л ь ц о в. Да-с, обмануть хотели. Он влюблен... без денег возьмет, а у вас денег много... Пожалуйте денег, а не то...

О б р о ш е н о в. А то что? Ну, что, говори?

Г о л ь ц о в. Не надо ничего... вот и все...

О б р о ш е н о в. А кто плакал вот здесь, на этом месте, руки мои целовал, чтоб я Верочку отдал? А теперь не надо?

А н н а П а в л о в н а. Папенька, потише; а то Верочка услышит.

О б р о ш е н о в. Что я тебе говорил? Что я тебе говорил? Что ты молод, не умеешь на свете жить. Вот так оно и вышло. Еще ничего не видя, ты пьяный в дом лезешь да шумишь тут! Что же это ты делаешь с своей головой?

Г о л ь ц о в. Что вы с моей головой делаете? Мне теперь либо повеситься, либо... другую невесту искать с деньгами.

В е р о ч к а сходит с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

О б р о ш е н о в, А н н а П а в л о в н а, Г о л ь ц о в и В е р о ч к а.

О б р о ш е н о в. Хорошо, Саша, хорошо! Ну, бог с тобой! Нам, брат, денег взять больше негде.

Г о л ь ц о в. Павел Прохорыч, дайте денег, не скупитесь... а то смотрите: мне сватают.

В е р о ч к а. Я сама не пойду за него ни за что на свете! Папаша, я с тобой останусь, я ни за кого не пойду.

Г о л ь ц о в. А давеча-то что?

В е р о ч к а. Папаша, прогони его.

Г о л ь ц о в. Кого это? Меня-то?

В е р о ч к а. Папаша, он меня давеча здесь целовал, обнимал, говорил, что всю жизнь так любить будет. Что же он теперь делает?

О б р о ш е н о в. Как же ты, мальчишка...

В е р о ч к а. Я его так полюбила...

О б р о ш е н о в. Слышишь ты: полюбила.

В е р о ч к а. Папаша, я сама виновата. Зачем я такая глупенькая девочка, что меня можно обманывать! Теперь уж я никому не буду верить. И ты, папаша, не верь! А то и тебя будут обманывать.

О б р о ш е н о в. Слышишь ты, слышишь?

А н н а П а в л о в н а. И вам ее не жалко!

Г о л ь ц о в. А ему разве нас с Верочкой жалко? Деньги есть, а не хочет дать.

О б р о ш е н о в. Как ты смеешь...

Г о л ь ц о в. Кабы не было денег! А то есть и не дает. А я так люблю, так люблю.

О б р о ш е н о в. Молчи, молчи! Видим мы, как ты любишь-то! Поди отсюда!

Г о л ь ц о в. Что ж это такое? Вы меня гоните, и вы меня гоните? Вам не жалко меня, что я совсем погибаю. Я ведь погибаю!

В е р о ч к а. Нет, мне вас жалко. Папаша, не гони его! Он сам сейчас уйдет.

Г о л ь ц о в. Зачем же я уйду?

В е р о ч к а. Вам очень стыдно станет, что вы нас обманули.

А н н а П а в л о в н а. Вы только вспомните, что вы наговорили.

Г о л ь ц о в. Боже мой! Что же это со мной сделали! *(Стоит молча.)* Простите меня. Прощайте! *(Уходит.)*

О б р о ш е н о в. Вот, поди узнай человека-то! Эка беда-то! Где ж бы мне теперь тебе жениха-то поискать!

В е р о ч к а. Я, папаша, не пойду ни за кого, кроме его! *(Бросается на грудь отцу.)* А за него тоже не пойду... он не стоит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ОБРОШЕНОВ.

ГОЛЬЦОВ.

НЕДОНОСКОВ.

НЕДОРОСТКОВ.

ШИЛОХВОСТОВ
лавочник, в короткой люстриновой сибирке, сапоги бутылками.

ВАЖНАЯ ОСОБА
в шинели нараспашку, на шее орден, тугой белый галстух и очень высокие воротнички.

СОЛИДНЫЙ ЧЕЛОВЕК
низенький, толстый; на шее толстая золотая цепь, на руках перстни, палка с золотым набалдашником.

МАМЕНЬКА
в темном шелковом салопе, покрыта темным платком.

ДОЧКА
одетая по моде, в маленькой соломенной шляпке.

ДЕВУШКА
в бурнусе, покрыта платочком, с картоном.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

ЧИНОВНИК 1-й.

ЧИНОВНИК 2-й.

САЛОПНИЦА
в руках завернутое свидетельство о бедности.

ШАРМАНКА.

ПЕВИЦА.

ЛАКЕЙ
в ливрее.

ЛИЦА РАЗНЫХ НАЦИЙ, ЗВАНИЯ И ПОЛА: ВОЕННЫЕ, ЧИНОВНИКИ, КУПЦЫ, ПРИКАЗЧИКИ, МАЛЬЧИКИ, РАЗНОСЧИКИ, ТАТАРЫ, АРМЯНЕ, ЕВРЕИ, БАРЫНИ, КУПЧИХИ, МАСТЕРИЧКИ, ТОРГОВКИ.

Ворота, где торгуют картинками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Разные лица стоят группами, некоторые приходят, некоторые уходят, многие под зонтиками. Солидный человек на видном месте. Входят Первый и Второй чиновники.

Первый чиновник. Так женился Пыжиков-то?

Второй чиновник. Женился.

Первый чиновник. Так это верно?

Второй чиновник. Верно.

Первый чиновник. Да неужто так, как говорили? За пару платья только?

Второй чиновник. Да, за пару платья. Что ж делать-то! Не в чем было в суд ходить; а теща сшила ему все.

Первый чиновник. И больше ничего?

Второй чиновник. Больше ничего.

Первый чиновник. А как износит?

Второй чиновник. Ну уж тогда, как хочешь.

Отходят в толпу.
Входят Девушка, покрытая платочком, с картоном, и Молодой человек.

Девушка. Вы отстанете от меня или нет?

Молодой человек. Да за что вы сердитесь?

Девушка. Вы видите, что не хотят с вами говорить, а вы все пристаете! Это должно к стыду к вашему относиться.

Солидный человек. Именно к стыду. Нынче в молодых людях нравственности не ищи, пристают ко всем без разбору. Вы, милая, станьте сюда, поближе.

Девушка. Покорно вас благодарю. *(Переходит к Солидному человеку.)*

Молодой человек за ней. Входит Шилохвостов, снимает и отряхивает картуз.

Шилохвостов *(обращаясь ко всем)*. Дождик-с... Ничего не поделаешь! До Лобного дошел,— ничего-с, а там стало так понуждать, что заячьей рысью действовать пришлось... Одеяние легкое-с! Этого струменту *(показывая на зонтик)* с собой не захватил; ну, значит, и удирай до первых ворот.

Входят Маменька с Дочкой.

Наше почтение-с!

Маменька. Здравствуйте, батюшка!
Дочка. Кто такой, маменька?
Маменька. А кто его знает.
Шилохвостов. Пожалуйте, вот здесь, к сторонке-с! Покупки изволили сделать?
Маменька. Да, батюшко. *(Дочери тихо.)* Не гляди ты по сторонам, говорю я тебе!
Шилохвостов. Из каких предметов, из шерстяных или из шелковых-с?
Маменька. Шерстяное, батюшко. *(Дочери.)* Чтой-то ты, срамница, все головой-то вертишь!
Шилохвостов. Позвольте полюбопытствовать-с! Мы сами кругом этого товару ходим-с.
Маменька. Уж ты нам, батюшко, и цену скажи, настоящую.
Шилохвостов *(развертывает и разглядывает)*. Оченно во вкусе-с. Гривенок на шесть-с?
Маменька. Что ты, батюшко, по три четвертака платила!
Шилохвостов. Не дорого-с. Дешевле копейки взять нельзя-с. Позвольте, заверну-с. *(Завертывает с ловкостью и отдает.)*
Девушка *(Молодому человеку)*. Я вам сказала, чтоб вы отстали от меня. Чего ж вам еще нужно!
Солидный человек. Вам лучше бы уйти отсюда. И я бы... пошел.

Молодой человек отворачивается, как будто не ему говорят, и начинает переглядываться с Дочкой.

Шилохвостов *(Девушке)*. В мастеричках изволите жить?
Девушка. А вам какое дело?
Шилохвостов. А вы не будьте так довольно горды! В вашем звании оно нейдет-с.
Девушка. А вы почем знаете мое звание! Может быть, вы оченно ошибаетесь?
Шилохвостов. По мундиру-то, по вашему, оно сейчас видно-с.

Все смеются. Девушка уходит, Солидный человек за ней. Молодой человек подвигается к Дочке, вынимает бумажку и пишет карандашом записку.

Маменька *(Дочке)*. Перестанешь ты вертеться али нет?

Ш и л о х в о с т о в. Это от малодушества-с.

М а м е н ь к а. Какое малодушество! Как она себе шею-то не свернет!

Ш и л о х в о с т о в *(проходя к татарину)*. Что это, мыло у тебя?

Т а т а р и н. Сама настоящя, казанскя. Хорош товар. Купи для вечера.

Ш и л о х в о с т о в. Сами, брат, этим товаром торгуем.

Входит В а ж н а я о с о б а с л а к е е м.

Л а к е й. Посторонитесь, господа, посторонитесь!

В а ж н а я о с о б а *(чуйке)*. Посторонись же, любезный!

Ш и л о х в о с т о в. Пожалуйте, ваше превосходительство! Вот здесь просторно-с!

Важная особа становится и все время стоит неподвижно, поднявши голову. Дочка роняет платок; Молодой человек поднимает и вместе с запиской отдает ей.

Д о ч к а. Мерси-с!

М а м е н ь к а. Ну уж, дай ты мне только домой прийти! Вот ты тогда увидишь!

Д о ч к а. На учтивость обнакновенно надобно учтивостью ответить. Нешто вы что понимаете!

М а м е н ь к а. Ну, ладно!

Входят О б р о ш е н о в и Г о л ь ц о в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, О б р о ш е н о в и Г о л ь ц о в.

Г о л ь ц о в. Мне, право, совестно и глядеть-то на вас.

О б р о ш е н о в. Ну ничего, ничего! *(Гладит его по плечу.)* Ишь ты, вымочил сертучок-то!

Г о л ь ц о в. Они мне приказали прийти к ним, сказали, что денег дадут. Вот я от вас и зашел; они завтракают сидят. Налили мне стакан шампанского. Вы знаете, я не пью.

О б р о ш е н о в. И не пей, Саша, не пей!

Г о л ь ц о в. Я и отказывался, да насильно заставили. в рот влили; хотели облить всего. Я бы и ушел, да они все останавливали, обещали сейчас денег дать. Потом другой таким же манером заставили выпить, а уж третий, должно быть, я и не отказывался. Тут уж как я захмелел-то, они и стали мне говорить: «Мы бы

тебе и дали денег, да зачем тебе у чужих занимать, после отдавать надо будет; ты попроси у нареченного тестя». Я говорю, что у вас денег нет, что вы все на дом истратили. «Он, говорят, тебя обманывает, у него денег много награблено: это всем известно; он сам сказывал».

Оброшенов. Ах, разбойники! Ах, разбойники!

Гольцов. «Вот, говорят, ты теперь выпил для храбрости и ступай к нему. Припугни его хорошенько, он тебе сейчас и даст денег непременно. А не даст, так и не надо; у нас, говорят, есть невеста и лучше, и денег больше». *(Махнув рукой.)* И говорить-то совестно.

Оброшенов. Ничего, говори, говори!

Гольцов. Что у вас делал, сами знаете. Провалиться сквозь землю легче. Как ушел я от вас, повезли они меня к невесте. Привезли меня куда-то в дом, стали еще потчевать, народу сошлось много, вывели невесту. Только как я ни был пьян, а сейчас заметил, что это горничная переряженная. Так мне стыдно и обидно стало! А что ж делать! Сам виноват. Схватил я шляпу, да бежать без оглядки. А они мне вслед кричат: «Ну, Саша, потешил ты нас сегодня!» Потешил я их... А каково мне!.. Как я к вам глаза покажу!..

Оброшенов. Ну ничего, ничего. Ты почем это сукно-то брал?

Гольцов. Да что сукно! Не утешайте вы меня, Павел Прохорыч! Не стою я этого. Какими глазами мне теперь смотреть на Веру Павловну!

Оброшенов. Велика птица Вера Павловна! С кем греха не бывает! Ну, виноват, да и конец! Не век же будет помнить!

Гольцов. Как сказать-то, что виноват? Кажется, от стыда слова не выговоришь. Они могут подумать, что со мной это часто случается.

Оброшенов. Могут подумать! Ничего она не подумает, она и думать-то еще ничего не умеет. Ты ведь ее любишь? Будешь беречь? Ведь это ребенок, Саша! Ангельская душка!

Гольцов. Уж поверьте, Павел Прохорыч, жизни своей не пожалею для Веры Павловны. Это только случай со мной несчастный, за который я всю жизнь буду казниться.

Оброшенов. Ну и хорошо, Саша, хорошо! Я тебе верю. Ты уж не бойся, я вас помирю; я тебе это дело устрою. Ах, Саша, Саша! А ты сокрушаться вздумал, что об тебе девчонка подумает! Хе-хе-хе! Право, девчонка: так, дрянь какая-то! У нас есть дела поважнее, есть о чем думать, кроме этого. Тебе на что деньги-то нужны, ты мне скажи!

Гольцов. И не спрашивайте, Павел Прохорыч!

Оброшенов. Как не спрашивать! Как не спрашивать! Коли нужно, так поискать надо будет, похлопотать.

Гольцов. Вот как нужно, Павел Прохорыч, хоть в петлю полезай.

Оброшенов. Да скажи, чудак-человек!

Гольцов. Я чужие деньги затратил.

Оброшенов. Что ты! Господь с тобой!

Гольцов. Крайность заставила, Павел Прохорыч. Делал я кое-какие делишки одному помещику, исправлял поручения, в Совет деньги вносил.

Оброшенов. Ну, ну!

Гольцов. Вот он и прислал мне денег в Совет внести за имение: триста рублей. Тут у меня матушка умерла, на похороны было взять негде; за квартиру нужно было за четыре месяца отдавать... Я больше половины денег-то и истратил.

Оброшенов. Да ведь уж это никак с полгода?

Гольцов. Больше полугоду-с. Я думал, что из жалованья пополню; а тут начали за чин вычитать. Думал, награду дадут к празднику, не дали... Теперь последний срок приходит. Ну, как имение-то в опись назначат или вдруг сам приедет. Пожалуется председателю, ведь из суда выгонят. Да стыд-то какой! Боже мой!

Оброшенов. Что ж ты мне прежде не сказал?

Гольцов. Совестно было.

Оброшенов. Что ж ты это, Саша, наделал! Как теперь быть-то? Где денег-то взять! Вот беда-то! Ну уж не ожидал я от тебя, не ожидал.

Гольцов. Как хотите, так меня и судите, Павел Прохорыч!

Оброшенов. Да я тебя не виню, не виню. Полно ты! Какая тут вина, коли крайность. Только вот что, Саша, обидно, что между нас, бедных людей, не найдешь ты ни одного человека, у которого бы какой-

нибудь беды не было. Ах, ты, грех какой! Ума не приложу.

Г о л ь ц о в. Да что вам беспокоиться, Павел Прохорыч! У вас своей заботы много. Ищите себе другого жениха, а меня оставьте. Выпутаюсь — хорошо, не выпутаюсь — туда мне и дорога.

О б р о ш е н о в. Нет, Саша, как можно, чтоб я тебя оставил. Нет, я попытаюсь, побегаю. Что мне значит побегать! Богатых людей много знакомых; знаешь, этак, дурачком, дурачком, паясом; может, и достану тебе денег. Ты очень-то не горюй!

Г о л ь ц о в. Выручите, Павел Прохорыч! Спасите меня!

О б р о ш е н о в. Бог милостив, Саша, бог милостив! Отчаиваться не надо.

Ш и л о х в о с т о в. Однако ко щам начинает поталкивать. Нечего и на Спасских смотреть, и без того знаю, что время.

В а ж н а я о с о б а. Сегодня никто так не заслужил своего обеда, как я.

Ш и л о х в о с т о в. Тэк-с!

С а л о п н и ц а подходит и шепчет что-то на ухо.

Чего-с? Я в Ирбитской плачу-с.

С а л о п н и ц а. Как изволили сказать?

Ш и л о х в о с т о в. Я всегда вам всем в Ирбитской ярмарке плачу. Пора вам знать.

Все смеются. Салопница шепчет что-то.

Что же вы ко мне пристаете! Я сказал, что в Ирбитской! А то можно и Лютова позвать. Да никак это он идет; да, Лютов и есть.

Все смеются. С а л о п н и ц а быстро скрывается.

В а ж н а я о с о б а. Кто такой Лютов?

Ш и л о х в о с т о в. Чего-с?

В а ж н а я о с о б а. Кто такой Лютов, я тебя спрашиваю.

Ш и л о х в о с т о в. Ундер, ваше превосходительство! Эти просящие особенный страх к нему имеют.

Входят Н е д о н о с к о в и Н е д о р о с т к о в.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Недоносков и Недоростков.

Недоносков. Сашка тут.

Недоростков. Опять его накалить.

Недоносков. Нет, теперь эта штука не выгорит; старик с ним.

Отворачиваются в сторону.

Гольцов. Вот они пришли.

Оброшенов. Вот бы отчитать их хорошенько, Саша, да при народе! Они этого терпеть не могут. Да, может быть, Саша, они твои благодетели? Они тебе прежде помогали чем-нибудь?

Гольцов. Никогда я от них ни одной копейки не видал; кроме насмешки, ничего.

Оброшенов. Ну, так что ж на них смотреть! Вот кабы благодетели, тогда нельзя. Право, ты бы им выговорил,— так легонько, поучтивее. Ну, что хорошего! Только что издеваются, а пользы от них никакой. Диви б маленькие. Коли ты хочешь утешаться, так ты бедному человеку сначала помоги, да потом и утешайся над ним. Так ведь я говорю, Саша?

Гольцов. Конечно, правда.

Оброшенов. Нет, ты им скажи: «Напрасно, мол, вы, господа, себе такие шутки позволяете!» Так и скажи! Вот и пусть они знают. А то всякий станет над тобой издеваться, и на свете жить нельзя будет.

Гольцов *(Недоноскову и Недоросткову)*. Здравствуйте, господа!

Раскланиваются.

Покорно благодарю за угощение!

Недоносков. Не на чем.

Гольцов. Насилу до дому дошел.

Недоростков. Ты бы пил больше!

Гольцов. Да вы меня насильно заставляли.

Недоносков. Всякий сам об себе понимать должен.

Недоростков. Кто ежели этому не подвержен, насильно не заставишь.

Гольцов. Я не то что подвержен, я и в рот не беру.

Недоносков. Оно и по глазам видно.

Недоростков. Значит, у тебя совести нет, когда ты при людях сам говоришь, что вчера пьян был. Другой бы скрывал.

Недоносков. Еще говоришь, что тебя насильно напоили. Кто же может теперича этому поверить? Кому нужно заниматься с тобой! Никто и внимания не возьмет. Антиресная канпания!

Недоростков. Кому ты можешь канпанию составить! И выходит, что ты пустой человек, не стоящий внимания.

Оброшенов. Вам тятенька много ли денег-то оставил на забавы?

Недоносков. Это в состав не входит.

Отворачиваются и разговаривают между собою.

Шилохвостов. Вот и я тоже, как домой пьяный приду, сейчас жене говорю: запутали, мол, ничего не поделаешь.

Все смеются и поглядывают на Гольцова.

Гольцов. Меня ж пристыдили! Не знаю, как и на людей смотреть. Я уж лучше пойду.

Оброшенов. Куда?

Гольцов. К вам. Хочется поскорей увидаться с Верой Павловной. У меня как камень на сердце лежит. Уж что-нибудь одно: либо пан, либо пропал.

Оброшенов. Да ты не бойся! Эх, какой ты, право! Ничего, ступай смелей! А я после приду; мне тут нужно забежать на минуту. Скажи дома, что сейчас, мол, придет. Да скажи Верочке, что я приказал ей с тобой помириться. А с этими молодцами я еще поговорю.

Гольцов идет к выходу.

Недоносков. Не хочешь ли опохмелиться опосля вчерашнего?

Все смеются.

Гольцов. Опохмеляйтесь сами! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Гольцова.

Оброшенов. Эх, господа! Как не грех вам бедного малого обижать! Он человек хороший, смирный!

Недоносков. Его смиренства никто и не снимает с него.

Недоростков. Так это при нем и останется.

Шилохвостов. Смиренство еще не важное какое дело! В столице живешь, так поневоле будешь смирен. Почемушто, ежели драться станешь, сейчас лопатки скрутят.

Смех.

Оброшенов. Он вина-то и в рот не брал, а вы вчера...

Шилохвостов. Вина не пьет, с воды пьян живет.

Смех.

Оброшенов. Ты к чему пристал? Туда же: «пьян живет!» Видал ты его пьяным?

Шилохвостов. Слухом земля полнится.

Оброшенов. От кого ты слышал? Ну, сказывай!

Шилохвостов. Мне теща сказывала; она теперича в Астрахань уехала.

Смех.

Оброшенов. Выжига ты,— вот что!

Шилохвостов. Уж и видно, что стракулист: так и цепляется.

Смех.

Оброшенов. Что? Что? Что ты сказал?

Шилохвостов. Ничего-с. Это я не про вас, а про мать крёсну: она свой человек,— не обидится. *(Отходит к Недоноскову.)*

Оброшенов. Вот нынче народ-то какой стал! Ни за что мальчика обругали да облаяли. Вот эти господа что вчера с ним сделали.

Начинают прислушиваться и подходить.

Он вина в рот не брал, а они его насильно напоили да комедию себе на потеху состроили. Еще какую комедию-то!

Народ подвигается.

Недоносков. Что он там за разговоры развел!

Недоростков. При людях страмить вздумал!

Оброшенов. Видят, что человек ничего уж не понимает, в чужой дом повезли; там горничную девку невестой одели...

Один из толпы. Что он говорит?

Другой. Горничную невестой одели.

Недоносков. Он на нас мараль пущает.

Недоростков *(громко)*. Разговаривать-то можно, слушать-то только нечего.

Оброшенов. Вот чем утешаются, знать дела-то другого нет у них! Коли есть дело, так глупости не пойдут на ум. Да и нашли кого обидеть! Парень безответный... Ведь этак они до того дошутятся, что могут совсем человека погубить. Разума-то у них хватит.

Недоносков. Я бы с него ничего не взял за такие его разговоры.

Недоростков. Надоть бы его хорошенько!

Шилохвостов. Шутку какую-нибудь над ним сочинить почуднее! Надо заняться придумать.

Недоносков *(Шилохвостову)*. Что придумывать-то! Поди сюда! *(Шепчет ему на ухо.)*

Шилохвостов хохочет.

Вот тебе конверт! Поди положи газетной бумаги, в серединку положи записку; напиши... *(Шепчет.)*

Шилохвостов хохочет до истерики. Важная особа улыбается.

...да и подкинь ему.

Шилохвостов. Я духом. *(Уходит.)*

Шарманщик с певицей, играет «Под вечер, осенью ненастной».

Певица *(поет)*.

Под вечер, осенью ненастной,
Пустынным дева шла местам
И тайный плод любви несчастной
Держала трепетным рукам.
Все были тихи, лес и горы,
Все спали в сумерки ночной,
Она внимательные взоры
Водила с ужасом вокруг...

Важная особа. Довольно!

Певица.

И на невинном сим твореньи...

Важная особа. Довольно, я говорю!

Шарманка перестает. Шилохвостов входит.

Шилохвостов *(шарманщику)*. Тяжеленько носить изволите.

Шарманщик. Свой ноша не тянет.

Шилохвостов. Другой подумает, что его за непочитание родителей заставили этакую штуку таскать.

Смех. Шарманка уходит.

Шилохвостов. Готово-с. *(Показывает конверт.)*

Недоносков. Ну, теперь не зевай! Дождик-то проходит.

Оброшенов уходит. Шилохвостов убегает вперед, потом скоро возвращается.

Шилохвостов. Поднял-с!

Оброшенов вбегает бледный.

Оброшенов. Боже мой! *(Вынимает конверт из кармана и смотрит.)* Что это? Не во сне ли я вижу! Шестьдесят тысяч... объявить... третья часть — двадцать тысяч... Я задыхаюсь... Батюшки!.. Отлегло. Саша! Верочка! Вот они, деньги-то, вот они! *(Убегает.)*

Шилохвостов. Держи его! *(Хохочет.)*

Все смеются.

Важная особа *(уходя, останавливается)*. Вот вам всем пример наказанного корыстолюбия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ОБРОШЕНОВ.

АННА ПАВЛОВНА.

ВЕРОЧКА.

ГОЛЬЦОВ.

УЛИТА ПРОХОРОВНА
сестра Оброшенова, в чепчике, в салопе, с большим мешком в руках.

Комната в доме Оброшенова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Павловна сидит за работой, Улита Прохоровна сидит подле нее и Верочка смотрит в окно.

Улита Прохоровна. Они его подбили, они; больше некому. Это у них первое удовольствие — заманить к себе да напоить. Они ведь меня тоже вчера как испугали! Иду я мимо их дому-то, не помню,

об чем-то задумалась; вдруг наверху, над моей головой, кто-то крикнул во все горло, я ажно присела. Взглянула это я наверх-то, а оттуда мне кулек на голову, так ноженьки и подкосились. Насилу выпуталась из кулька-то. Отошла на другую сторону, смотрю: а у окна эти два балбеса да и Гольцов с ними. Думала тут же зайти к вам да рассказать, так не хотела вас расстраивать. Ну, прощайте!

Анна Павловна. Да вы бы, тетенька, пообедать у нас остались!

Улита Прохоровна. Как же, нужно очень! Мало вас без меня! И так семья порядочная. Я не хочу брату в тягость быть. Я найду, где пообедать. Ты посмотри-ко, как меня везде принимают! А отчего? А оттого, что я смолоду в княжеских и в графских домах жила, хорошие порядки видела. Тому научу дураков-то, другому; так вот мне все и рады. Я таким манером двадцать лет из дому в дом брожу, к вам-то только повидаться захожу.

Анна Павловна. Право, тетенька, останьтесь.

Улита Прохоровна. Зачем дома обедать, коли в чужих людях можно? Ну, право! Вот кабы я набивалась, так бы худо; а то везде с честью принимают. Когда негде будет, надоем всем,— ну уж тогда, нечего делать, дома обедать буду. А теперь что мне вас в лишний расход вводить! От вас к Хрюковым пойду. Хоть сам-то старик и плут, да мне все равно; у сыновей жены хороши, бабы добрые.

Анна Павловна. А как обеда не застанете?

Улита Прохоровна. А мешок-то на что? Тут у меня целый дом. Тут у меня и чай, и сахар, и ситец на платье, и свечи стеариновые, и лоскутки разные, вот воротник меховой подарили недавно, а вот две котлетки завернуты. Я ничем не брезгую; все прячу, что дают. Ну, прощайте. *(Целуется с обеими и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Павловна и Верочка.

Анна Павловна. Ты что все в окно смотришь? Целое утро не отходишь!

Верочка. Папашу дожидаюсь.

А н н а П а в л о в н а. Папашу ли?

В е р о ч к а. А то кого же еще? Мне больше некого дожидаться.

А н н а П а в л о в н а. Уж и некого?

В е р о ч к а. Разумеется, некого. Ну, кого я стану ждать, скажи!

А н н а П а в л о в н а. Ну, что ты со мной-то хитришь!

В е р о ч к а. Ты, может, думаешь, что я Сашу...

А н н а П а в л о в н а *(смеясь)*. Кого?

В е р о ч к а. Я ошиблась, а ты уж и рада. Ты думаешь, что я Александра Петровича дожидаюсь? Так нет же, нет, нет, нет!

А н н а П а в л о в н а. Ну, верю, верю.

В е р о ч к а. Я об нем и думать-то забыла.

А н н а П а в л о в н а. Очень жаль.

В е р о ч к а. Кого?

А н н а П а в л о в н а. Разумеется, тебя; а то кого же?

В е р о ч к а. Отчего тебе меня жаль?

А н н а П а в л о в н а. Очень просто, душа моя: вчера ты называла Александра Петровича своим женихом, Сашей, целовала его; а сегодня забыла и думать. Значит, у тебя дурное сердце.

В е р о ч к а. Я тогда не знала, что он такой противный.

А н н а П а в л о в н а. Может быть, он совсем и не противный.

В е р о ч к а. Уж ты, пожалуйста, за него не заступайся.

А н н а П а в л о в н а. А мне что за него заступаться? Он твой жених, а не мой.

В е р о ч к а. Ну уж это извините-с.

А н н а П а в л о в н а. А вот увидим.

В е р о ч к а. Нет уж, я лучше умру, а не пойду за него.

А н н а П а в л о в н а. Зачем умирать! Тебя никто и не принуждает идти за него. Можешь выйти за кого угодно.

В е р о ч к а. И за другого не пойду.

А н н а П а в л о в н а. Как хочешь, душа моя; твоя воля.

Молчание.

В е р о ч к а. Аннушка!

А н н а П а в л о в н а. Что?

В е р о ч к а. Душенька, что я у тебя спрошу, ты мне скажешь? *(Плачет.)*

А н н а П а в л о в н а. Конечно, скажу. О чем же ты, милочка, плачешь?

В е р о ч к а. Мне очень скучно.

Анна Павловна. Ну, что же ты хотела спросить?

Верочка. Придет он к нам еще когда-нибудь или нет?

Анна Павловна. Не знаю, душенька. У него ума-то тоже немного больше твоего. С неделю от стыда не пойдет, а потом будет совеститься, что долго не был. Это всегда так бывает. А тебе хотелось бы, чтобы он пришел?

Верочка. Да, очень хотелось бы. Мне так скучно, так скучно.

Анна Павловна. Кто ж его знает! Может быть, возьмется за ум и придет.

Верочка. Нет уж, я знаю, что не придет. *(Плачет.)*

Анна Павловна. Надолго ли твоего сердца-то хватило?

Верочка. Ты думаешь, я ему прощу? Нет, нет, я ему никогда не прощу; я только хочу, чтоб он пришел.

Анна Павловна. Один раз!

Верочка. Нет, чтоб и еще приходил.

Анна Павловна. А вот подождем денька три.

Верочка. Денька три! Что это ты! Нет, я не хочу. Я хочу, чтоб нынче пришел.

Анна Павловна. Ну, это едва ли.

Верочка. Знаешь что, душенька, Аннушка! Если он сегодня не придет, я к нему тетеньку пошлю.

Анна Павловна. Как это можно! Что ты выдумываешь! Надо подождать еще хоть два дня.

Верочка. Ну как он, в самом деле, долго не придет! С тоски умрешь. Уж как бы я была рада, кабы он пришел; кажется, и сердиться бы на него перестала. *(Смотрит в окно.)* Идет! Уйду, уйду, в свою комнату уйду. И чтоб он не смел туда ходить! Ты слышишь, что я тебе говорю, сестрица! *(Убегает.)*

Анна Павловна. Ах, молодость, молодость! Блаженное время! И я была молода, да нечем мне вспомнить мою молодость! *(Утирает глаза.)* Что ж это? Неужели я завидую ей! Сестре-то! Нет, какая зависть! А как-то невольно, когда видишь чужое счастье, хочется и себе хоть немножко. Ну, что ж делать! Мое время прошло. Теперь остается только мне всех любить, а меня уж никто не полюбит. Отец скоро совсем состареется, у сестры будут дети; вот и ухаживай за всеми. Ей, скажут, и делать-то больше нечего, это ее прямая обязанность.

Входит Гольцов и останавливается у двери.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Павловна и Гольцов.

Анна Павловна. Войдите! Что же вы стали?

Гольцов. Если позволите? Мне, право, так совестно-с.

Анна Павловна. Перестаньте! Что за вздор! Мы уж и забыли. Садитесь! Видели папеньку?

Гольцов. Видел-с. Он сейчас придет; мы вместе шли из городу.

Анна Павловна. Где же он теперь?

Гольцов. Хотел зайти насчет денег похлопотать.

Анна Павловна. Для вас?

Гольцов. Для меня-с.

Анна Павловна. Однако вы очень деньги любите. Я не знала, что вы такой корыстолюбивый.

Гольцов. Какое корыстолюбие, Анна Павловна! Просто мне нужны деньги дозарезу.

Анна Павловна. Нет, в самом деле? Вы не шутя говорите?

Гольцов. Плохие шутки! Если я не достану денег, я могу лишиться и службы, да и больше того, и чести.

Анна Павловна. Что вы говорите! Это ужасно. Но, послушайте, вы не беспокойтесь очень-то, не расстроивайте себя! Еще дело может поправиться. Только вы не говорите, ради бога, Верочке, не пугайте ее!

Гольцов. Что вы! Помилуйте! А можно мне их видеть-с?

Анна Павловна. Не знаю. Она сейчас только убежала в свою комнату и велела сказать вам, чтобы вы туда не ходили.

Гольцов. И сами не выдут-с?

Анна Павловна. Право, не могу вам сказать. Кто ж ее знает!

Гольцов. Что я наделал! Ведь теперь Вера Павловна ни за что моей любви не поверит-с, как я ни уверяй. А я, Анна Павловна, ей-богу, влюблен, так влюблен, что я уж и не знаю как. Я давеча плакал все утро.

Анна Павловна. Вы думаете, что она вас разлюбила?

Гольцов. Что ж мудреного, после этакого случая.

Анна Павловна *(с улыбкой)*. Да, конечно.

Гольцов. Ах, боже мой! Желал ли я когда обидеть Веру Павловну! А вот что вышло!

Анна Павловна. Вы говорили с папенькой о Верочке?

Гольцов. Как же-с! Об чем же мне говорить-то!

Анна Павловна. Что ж он?

Гольцов. Он-то ничего-с. Обнадеживал очень. «Поди, говорит, скажи Верочке, что я приказал ей с тобой помириться».

Анна Павловна *(смеясь)*. Ну так чего же вам бояться?

Гольцов. Все-таки-с...

Анна Павловна *(громко)*. Верочка!

Верочка за сценой: «Что тебе?»

Поди сюда!

Верочка за сценой: «Зачем?»

Папенька приказал тебе помириться с Александром Петровичем.

Верочка за сценой: «Хорошо, я сейчас приду».

Гольцов. Вы меня поддержите!

Анна Павловна. Нет, я вас оставлю вдвоем. Это, мне кажется, лучше будет.

Гольцов. Нет, что вы! Помилуйте!

Анна Павловна. А еще жених! Боитесь с невестой остаться!

Верочка входит.

Ты слышала, что папенька приказал? *(Гольцову.)* Ну, вот мы и посмотрим, как она не послушает отца. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гольцов и Верочка.

Гольцов. Простите меня, Вера Павловна!

Верочка. Я не могу вас не простить.

Гольцов. Отчего же-с?

Верочка. Так папаше угодно.

Гольцов. Только потому-с?

Верочка. Разумеется. Я бы и не вышла к вам ни за что на свете.

Гольцов. В этом радости для меня не много-с. Я бы желал знать, что вы сами обо мне думаете-с.

Верочка. Что вы ко мне пристаете!

Г о л ь ц о в *(хочет взять руку)*. Позвольте-с!
В е р о ч к а. Это что еще?
Г о л ь ц о в. Ручку поцеловать.
В е р о ч к а. С чего это вы выдумали!
Г о л ь ц о в. Ведь уж вы меня простили?
В е р о ч к а. Да, я вас простила, а руки не дам.
Г о л ь ц о в. И вы долго будете сердиться-с?
В е р о ч к а. Долго? Вот новости! Всю жизнь.
Г о л ь ц о в. Да помилуйте, как же это можно-с, когда вы...
В е р о ч к а. Что я?
Г о л ь ц о в. Да как же, вы изволили обещать-с...
В е р о ч к а. Что такое?
Г о л ь ц о в. Да вчера изволили... быть столько добры-с... за меня замуж...
В е р о ч к а. За вас замуж? Кто же это вам сказал?
Г о л ь ц о в. Да и Павел Прохорыч говорит-с...
В е р о ч к а. Папаша может мне приказать помириться с вами, а этого не может.
Г о л ь ц о в. Значит, мне нельзя никакой и надежды иметь?
В е р о ч к а. Никакой.
Г о л ь ц о в. Извините, что я вас побеспокоил. Делать мне здесь нечего-с. Прощайте-с!

Молчание.

Честь имею кланяться. *(Хочет идти.)*
В е р о ч к а. Послушайте, куда же вы?
Г о л ь ц о в. Домой-с. Засвидетельствуйте мое почтение Павлу Прохоровичу. *(Идет к двери.)*
В е р о ч к а. Не ходите!
Г о л ь ц о в *(в дверях)*. Помилуйте, Вера Павловна! Что же мне здесь оставаться! Только одно мучение.
В е р о ч к а. Если вы уйдете, я так рассержусь, так рассержусь, что...
Г о л ь ц о в. Ведь уж как ни сердитесь, хуже этого для меня не будет-с. Чего же еще! Вы даже и надежды не позволяете иметь.
В е р о ч к а. Еще бы позволить! Нет, вы вот что скажите: если вы уйдете теперь, вы уж никогда больше не придете?
Г о л ь ц о в. Зачем же я пойду, рассудите сами-с.
В е р о ч к а. Так никогда?
Г о л ь ц о в. Никогда-с.

В е р о ч к а. Ну и прекрасно! И не надо вас! Не приходите! Прощайте!

Г о л ь ц о в. Прощайте! Бог с вами!

В е р о ч к а. Прощайте! *(Вырывает у Гольцова шляпу.)* Уходите! Что ж вы нейдете?

Г о л ь ц о в. Что ж это за насмешки-с! Пожалуйте шляпу-с!

В е р о ч к а. Нет уж, теперь не отдам. *(Прячет шляпу за себя.)*

Г о л ь ц о в. Ах, позвольте! Изломаете, право, изломаете.

В е р о ч к а. Ни за что, ни за что не отдам. Ну, уж возьмите!

Гольцов протягивает руку, она прячет шляпу.

Г о л ь ц о в. Вы уж лучше простите меня; помиримтесь как следует, тогда я сам останусь.

В е р о ч к а. Отымите у меня шляпу, тогда помирюсь.

Г о л ь ц о в. Ведь захочу, так отниму-с.

В е р о ч к а. Попробуйте!

Г о л ь ц о в. Извольте! *(Обхватывает руками Верочку, она сопротивляется, он ее целует.)*

В е р о ч к а. Это что еще! *(Топает ногой.)* Кто вам позволил! Вы хотите, чтоб я вас прогнала?

Г о л ь ц о в. Виноват-с! Пожалуйте шляпу, я сам уйду.

В е р о ч к а. Возьмите! *(Отдает шляпу.)*

Г о л ь ц о в. Прощайте! *(Идет к дверям.)*

В е р о ч к а *(тихо)*. Саша!

Г о л ь ц о в. Что вам угодно-с?

В е р о ч к а. Что вы воротились? Я совсем вас не звала. Это я про себя.

Г о л ь ц о в. Извините-с! *(Уходит.)*

В е р о ч к а *(кричит все громче и громче)*. Саша! Саша! Саша! Ах, какой противный! Он, пожалуй, в самом деле уйдет. *(У окна.)* Саша! Саша, воротись! Воротился, воротился! *(Прыгает от радости.)*

Г о л ь ц о в входит.

Ты, Саша, такой... такой... нехороший! Ты не стоишь, чтоб тебя любили! Ты хотел уйти и никогда не приходить. И выходит, что ты злой, а я добрая.

Г о л ь ц о в. Значит, вы меня совсем прощаете?

В е р о ч к а. Совсем.

Г о л ь ц о в. И я опять смею называть вас Верочкой?

В е р о ч к а. Нет, не смеешь. Ну, да называй, пожалуй.

Г о л ь ц о в. И ручку поцеловать можно?

Верочка. Можно. На! *(Протягивает ему руку.)*

Гольцов *(целуя руку)*. Мы уж, Верочка, об этой ссоре и поминать не будем.

Верочка. Не будем.

Гольцов. И замуж, Верочка, пойдешь за меня?

Верочка. Пойду. Только ты не уходи.

Гольцов целует руку. Входит Анна Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гольцов, Верочка и Анна Павловна.

Анна Павловна. Целуйтесь, целуйтесь, я не помешаю. Это лучше, чем ссориться.

Гольцов. Уж теперь кончено-с.

Анна Павловна. Ну, и прекрасно!

Верочка. Он теперь опять мой жених.

Анна Павловна. Очень рада твоей радости.

Верочка. А вот калитка стукнула, должно быть папаша.

Анна Павловна *(взглянув в окно)*. Он и есть.

Гольцов. Не денег ли несет! Вот бы счастливый-то день для меня.

Анна Павловна. Должно быть, что-нибудь есть; что-то он очень весел.

Входит Оброшенов, дочери целуют его.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оброшенов, Гольцов, Анна Павловна и Верочка.

Оброшенов *(гладит дочерей по головам)*. Ну, козы, прыгайте!

Верочка. Зачем, папаша?

Оброшенов. От радости. Я бы и сам прыгал, да ноги устарели. *(Оглядывая всех.)* Ах, дурочки вы мои, дурочки. Право, дурочки!

Верочка. Папаша, за что ты бранишься?

Оброшенов. Нет, он-то, он-то! Плачет; несчастие, говорит; чужие деньги затратил. Ха-ха-ха, хи-хи!

Анна Павловна. Папенька, я вижу, вы денег достали?

Оброшенов. Нет, что он-то, Аннушка, говорит! Погибаю, говорит, из суда выгонят! Ах, чудак, чудак!

Гольцов. Да вы говорите! Достали, что ли?

Оброшенов. Голенький ох, а за голеньким бог! Никогда не отчаивайся! Помни: голенький ох, а за голеньким бог.

Гольцов. Значит, достали?

Оброшенов. Еще бы! Я-то не достану! Ах ты, Саша, Саша! Кто ж и достанет, как не я!

Гольцов. Много ли?

Оброшенов. На всех хватит. Еще дом купим; лошадей тебе пару куплю.

Верочка. Откуда же это, папаша?

Оброшенов. Много будешь знать, скоро состареешься.

Анна Павловна. Разве ты не видишь, папенька шутит.

Оброшенов. Шучу? Нет, уж будет шутить! Что? Удивил вас? Удивил? Погодите, еще так ли удивлю! Вицмундир мне надо, Аннушка. Там он?

Верочка. На что вам, папаша, вицмундир?

Оброшенов. Еду, еду. Нельзя в этом ехать, неприлично.

Верочка. А обедать?

Оброшенов. Какой теперь обед! Пойдет ли на ум! Надо скорей ехать! Скорей объявить... *(Вынимает из кармана конверт, завернутый в платок, кладет его на стол и накрывает шляпой.)* Шш! Шш! Никто! Пальцем никто! Слышите! *(Уходит.)*

Анна Павловна. Что ж это такое? Я ничего не понимаю.

Верочка. Саша, что это такое? Что там под шляпой?

Гольцов. Не знаю. Должно быть, нашел на дороге деньги. Хочет поехать объявить и получить третью часть.

Входит Оброшенов.

Оброшенов *(снимая шляпу и вынимая из платка конверт)*. Ах, дурачки вы мои, дурачки! Много тут денег, много! Вы столько никогда и не видывали. Вот они! Ну-ка, посмотрите! *(Читает.)* «Со вложением шестидесяти тысяч банковыми билетами». Может быть, тут есть билетик в двадцать тысяч на имя неизвестного. Вот его-то мне и пожалуйте. Третья часть! Имею право... по закону могу требовать. Видишь ты, конверт подрезан! Это всегда так. Вот и

поглядим! *(Осторожно вынимает из конверта газеты.)* Это не то. Ишь ты, завернули в бумагу для осторожности. *(Вертит газетную бумагу.)* Где же тут? Где же? На пол как не упали ли? Поглядите хорошенько! А! Да!.. *(Ударяет себя по лбу.)* А еще старик! Осторожный человек! Это я, Аннушка, конверт-то вот так... вот этой стороной... в карман-то... понимаешь ты? Тут разрезано... вот они и вывалились туда... в карман-то. Они там... в сертуке... в кармане-то, в боковом-то... Понимаете вы! Ну да, там, там! А то где же им быть-то, ну где же им быть-то? Ну, рассудите! Вот сейчас пойду и принесу вам... принесу вам. Экой я! Экой я неосторожный! Сейчас сюда принесу, и положим... положим в конверт-то. *(Уходит.)*

Гольцов рассматривает газетную бумагу, на стол выпадает записка. Оброшенов возвращается, отталкивает Гольцова.

Что я там ищу! Они тут.

Гольцов. Тут нет, уж вы искали.

Оброшенов *(растерявшись)*. Где ж они? Неужели я потерял? *(Хватается рукой за голову.)* Вспомнил, вспомнил! Вынимал я конверт дорогой-то, любовался все на печати, тут и потерял. Чужие деньги! Шестьдесят тысяч! Побежим, Саша! Может, еще никто не поднял. Спрашивать будем, не поднимал ли кто? Шестьдесят тысяч! *(Плачет.)*

Гольцов *(взяв со стола записку)*. Тут денег и не было. Вот и записка безграмотная: «Не ганис за чужим дабром!»

Оброшенов *(смотрит записку)*. О, боже мой! Как над мальчишкой насмеялись! Над стариком-то! Над родительским чувством насмеялись! Да нет! Вы все лжете! Этак не шутят. Таких шуток не бывает! Какая это записка! Это вздор! Тут ничего и не написано! Шестьдесят ведь тысяч! Шестьдесят тысяч! Они там! Там в кармане... за подкладку какнибудь завалились. *(Идет шатаясь в другую комнату, за ним дочери, Верочка сейчас же возвращается.)*

Верочка *(падает на шею Гольцову)*. Ах, папаша! Что с ним? Ему дурно!

Анна Павловна входит.

А н н а П а в л о в н а. Бегите за доктором! Я боюсь, что он помешается. Не оставьте нас в несчастии, Александр Петрович! Верочка может сиротой остаться. Вы свое горе забудьте! Денег я вам достану, выпрошу у Хрюкова. Какого бы мне это унижения ни стоило, а уж выпрошу. *(Уходит.)*

В е р о ч к а. Беги, Саша, за доктором, беги!

Г о л ь ц о в уходит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ОБРОШЕНОВ.

АННА ПАВЛОВНА.

ВЕРОЧКА.

ГОЛЬЦОВ.

ХРЮКОВ.

УЛИТА ПРОХОРОВНА.

МОЛОДЕЦ ОТ ХРЮКОВА.

Комната третьего действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А н н а П а в л о в н а и У л и т а П р о х о р о в н а (выходят из боковой двери).

У л и т а П р о х о р о в н а. Ишь ты, какие шутки глупые! Нечего им делать-то; вот они и озорничают. Еще слава богу, что так обошлось. Долго ли старику совсем с ума свихнуться!

А н н а П а в л о в н а. Да, мы вчера очень боялись. После припадка он заснул, и с ним сильный бред сделался. Впрочем, доктор сказал, что опасности нет никакой, что ему нужно только денька два успокоиться.

У л и т а П р о х о р о в н а. Ну, а сегодня-то он что?

А н н а П а в л о в н а. Ничего. Поутру гулять ходил, теперь прилег заснуть.

Улита Прохоровна. Да, вот тоже и со мной тогда какую штуку сделали! Уж я их ругала, ругала; да стыда-то у них нет в глазах, так им все равно.

Анна Павловна. Что ж вы, тетенька, так скоро ушли от Хрюковых? Что не погостили?

Улита Прохоровна. Аль я вам надоела?

Анна Павловна. Нет, тетенька! Я так спрашиваю.

Улита Прохоровна. Ушла я от безобразия, от ихнего. Там теперь не то что посторонним, и своим-то приходится бежать из дому. Старик сыновей гонит; дом хочет заново отделывать, чтоб ему одному жить.

Анна Павловна. Зачем же?

Улита Прохоровна. Говорят, жениться хочет.

Анна Павловна. В шестьдесят-то лет?

Улита Прохоровна. Да разве для них закон какой писан! Что чудней, то и делают. Спальню да женину уборную штофом да бархатом обивает, на окна кружевных занавесок накупил.

Анна Павловна. Кто ж за него пойдет?

Улита Прохоровна. Пойтить-то пойдут. Которая за деньги, а другую сиротку и так отдадут, не спросясь. Сыновья теперь по квартирам разъезжаются. Срам! Из своего-то дома! Я старику говорила: «Жила я в княжеских и в графских домах, нигде такого безобразия не видала».

Анна Павловна. Что же он?

Улита Прохоровна. Известно, что. Обругал как нельзя хуже. Чего ж от него ждать-то!

Анна Павловна. Интересно бы узнать, кто его невеста.

Улита Прохоровна. Как же, узнаешь! Он прескрытный старичишко! Его мыслей никто не знает. Уж такой хитрый. Ну, я теперь пойду.

Анна Павловна. Куда же вы? Посидите!

Улита Прохоровна. Ну вот еще! Я вас и так часто вижу. Пойду где-нибудь в чужих людях пообедаю; все-таки вам расходу меньше. А коли хорошо примут, так и погощу. Вон, к вам Хрюков идет. Какого ему еще рожна нужно! Я с ним и встречаться-то не хочу, я через кухню пройду. Прощай!

Анна Павловна. Прощайте, тетенька!

Улита Прохоровна уходит в боковую дверь, входит Хрюков.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Павловна и Хрюков.

Хрюков. Здравствуй, душа моя!

Анна Павловна. Здравствуйте! Садитесь!

Хрюков. И без просьбы твоей сяду. Ты думаешь, буду стоять перед тобой? Уж это много чести для тебя. *(Садится.)* А что ж крапивное-то семя вчера не приходил? Ведь я ему приказывал.

Анна Павловна. Папенька нездоров.

Хрюков. С перепою, должно быть?

Анна Павловна. Как вам не стыдно! Что вы говорите!

Хрюков. То и говорю, что знаю. Уж есть ли таких пьяниц, как стракулистов! В самом деле, что ль, болен?

Анна Павловна. Теперь поправляется.

Хрюков. А кляузы строчить может?

Анна Павловна. Он спит теперь. Как проснется, тогда с самим поговорите.

Хрюков. Ну что ж, этот, как его? Жених-то ваш? Нашел денег?

Анна Павловна *(печально)*. Нет.

Хрюков. И вы-то хороши! Отдаете за голоногого за какого-то! Польстились, что молод. Вы бы лучше, хоть постарше, да попристойнее искали.

Анна Павловна. Нам и этот хорош.

Хрюков. Сядет он на вашу шею. Еще наплачетесь с ним.

Анна Павловна. Там что бог даст. Уж это дело решенное.

Хрюков. Зять-то бы кормить должен семью, а тут ему денег подавай. И пойдете побираться по знакомым, занимать у того и у другого.

Анна Павловна. Они будут совсем обеспечены; папенька им дом купил.

Хрюков. Слышал я, слышал. У меня ж денег-то брали. Уж и дом! Стань к лесу задом, ко мне передом.

Анна Павловна. По деньгам и дом.

Хрюков. Разумеется. Не каменные же палаты вам на две-то тысячи купить?

Анна Павловна. И две-то тысячи насилу набрали. Теперь бы нам только триста рублей на короткое время призанять.

Х р ю к о в. Знаю я это короткое-то время. Дай я вам теперь триста рублей — через неделю еще столько же просить придете; а то так и больше.

А н н а П а в л о в н а. Не придем. И эти деньги возвратим вам с благодарностью. Я вам ручаюсь за это.

Х р ю к о в. Ты ручаешься? А что с тебя взять-то?

А н н а П а в л о в н а. Я вам словом ручаюсь.

Х р ю к о в. А что из твоего слова сделаешь? Шубу не сошьешь. Да оно отчего бы не дать! Деньги не велики. Кабы вы только могли чувствовать.

А н н а П а в л о в н а. Что это значит? Как чувствовать?

Х р ю к о в. Так и чувствовать. Уважать своих благодетелев; вот как чувствовать.

А н н а П а в л о в н а. Мы вас и уважаем и будем уважать.

Х р ю к о в. А вот посмотрю я! *(Подходит. Гладит по голове Анну Павловну.)* Ишь ты, как гладко причесана: волосок к волоску! Так много ли ж тебе денег-то нужно?

А н н а П а в л о в н а. Триста рублей.

Х р ю к о в. А двести нельзя?

А н н а П а в л о в н а. Нет, нельзя.

Х р ю к о в. Двухсот не возьмешь?

А н н а П а в л о в н а. Возьму, только еще сто рублей надобно занимать будет.

Х р ю к о в. Уж так будто нужно ровно триста, ни копейки меньше?

А н н а П а в л о в н а. Нужно ровно.

Х р ю к о в. Ну, а ежели я дам двести девяносто?

А н н а П а в л о в н а. Сколько бы ни дали, мы будем вам благодарны. Только мне нужно ровно триста.

Х р ю к о в. Уж так в обрез? Чудно что-то! *(Смеется.)* Капрыз!

А н н а П а в л о в н а. Ничуть не каприз.

Х р ю к о в. Ну да что ж! Я и капрыз твой уважу. *(Вынимает бумажник.)* Вот они деньги-то! Хочешь, все отдам?

А н н а П а в л о в н а. Не нужно мне.

Х р ю к о в. Что больно горда! Другая бы взяла, право, взяла. Есть такие. Да и ты глупа, что не берешь. Могу жертвовать. Эй, бери, а то спрячу.

А н н а П а в л о в н а. Вы мне дайте только то, что я прошу у вас.

Хрюков. На, возьми сама, сколько нужно. *(Подает бумажник.)*

Анна Павловна. Нет, зачем! Вы сами дайте.

Хрюков. Триста?

Анна Павловна. Триста.

Хрюков. Я могу тебе и больше дать.

Анна Павловна. Ни больше, ни меньше.

Хрюков. Ну, право, возьми! Чего боишься? Я никому не скажу. Сколько хочешь, бери. Хочешь пятьсот — пятьсот бери. Я денег не жалею; а для тебя хошь все отдам.

Анна Павловна. Мне нужно только триста.

Хрюков. Триста да триста! Наладила! *(Кладет деньги на стол.)* Ну, на тебе твои триста! Я с тебя и расписки не беру.

Анна Павловна *(встает и кланяется)*. Вы меня так одолжили, Филимон Протасьич, что я и не знаю, как благодарить вас! Вы будьте уверены, что при первой возможности мы вам заплатим.

Хрюков. Что мне, крайность, что ли, в деньгах-то! Хошь и не заплатишь — не разорюсь.

Анна Павловна. Вы, конечно, не разоритесь, да мы-то должны отдать долг.

Хрюков. А может, я прощу.

Анна Павловна. Вы нас обидите.

Хрюков. Все ты не то толкуешь! Вот видишь ты, я на деньги все могу иметь и все имел, то есть всякое удовольствие, и любили меня всякие красавицы, да всё из такого круга, что образования никакого нет, ну,— и скромности. Чтобы по-благородному вести себя, так не умеют. А мне надо, чтоб по-благородному, потому это самое необразование мне надоело.

Анна Павловна. Не понимаю я вас.

Хрюков *(тихо)*. Чего тут не понимать-то! Ну, просто тебе говорю, осыплю тебя золотом, да и все тут.

Анна Павловна. Что такое?

Хрюков. Да ты тише, а то отца разбудишь.

Анна Павловна. Что вы говорите?

Хрюков. А вот что! Ты мне понравилась. Если ты меня полюбишь, так я всему вашему семейству могу благодетелем быть. В экономки ко мне хочешь?

Анна Павловна. Как вы смеете такие вещи говорить!

Хрюков. Тише, я тебе говорю! Что шумишь! Услы-

шит кто-нибудь. И этих денег с вас не потребую и еще дам, сколько хочешь. Вот он, бумажник-то, со мной!

Анна Павловна *(бросает деньги)*. Возьмите ваши деньги и ступайте вон!

Хрюков *(поднимает деньги)*. Что ты бросаешь? Ведь это не щепки. Что ты развоевалась!

Анна Павловна. Подите вон, я вам говорю!

Хрюков. Постой! Разве я тебя чем обидел? Я тебе ничего обидного не сказал. На все это есть твоя воля: хочешь — ладно; не хочешь, так и скажи: тебя никто не принуждает. За что ж тут обижаться!

Входит Оброшенов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Павловна, Хрюков и Оброшенов.

Оброшенов. Аннушка, что с тобой? Что с тобой, моя милая?

Анна Павловна. Папенька, прикажите ему уйти. Можно ли переносить, что он говорит! Я уйду, я не могу видеть его.

Оброшенов. Погоди, погоди! Благодетель мой! За что же девушку-то обижать! Ну я таковский. уж надо мной бы над одним и тешили свою душу. А она к этому непривычна; я их берег, лелеял, обижать никому не позволял.

Хрюков. Что ты ее слушаешь! Она врет. Я ей ничего обидного не сказал. Вольно ей горячиться-то! Ишь она какая сердитая у тебя!

Оброшенов. Уж даром она, благодетель мой, Филимон Протасьич, не рассердится. А вы вот что! Попросите у ней извинения за невежество, ручку поцелуйте, как следует у барышни, она вас и простит по своей ангельской доброте. Хе-хе-хе! Так ведь я говорю, Аннушка?

Хрюков. Ручку поцелуйте! Выдумывай еще! Ты слушай, старая тетеря! Мои резонты слушай! Должен ты мне много! Теперь она еще просит триста рублей. Что ж у меня для вас яма бездонная, что ли, денег-то приготовлена?

Оброшенов. Так не давайте! А зачем обижать-то?

Хрюков. Не давайте! А я вот хочу дать. Да ты слу-

шай! Девушка она в летах, замуж не пойдет, поведенья скромного; а мне это и нужно. Пусть переезжает ко мне в экономки. Обиды ей не будет и вам всем будет хорошо.

Анна Павловна. Ну, вот слышите, папенька, что он говорит! Можно это слушать равнодушно? *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Оброшенов и Хрюков.

Оброшенов. Не ждал я, Филимон Протасьич, от вас, от благодетеля, такого сраму на свою седую голову.

Хрюков. Какой тут страм! Мне страм, что я с вами связался. Я ей добра желал, а она обиделась; еще, пожалуй, рассказывать будет. Значит, разговор пойдет; и будет страм для меня, а не для вас. Про меня пойдет мараль; а вам что?

Оброшенов. А если про нас будут говорить, значит, вам до этого дела нет!

Хрюков. Сравнял ты себя со мной! Вы люди ничтожные! Про тебя с дочерьми с твоими как хочешь дурно разговаривай, так в этом важности ровно никакой нет. Потому цена вам всем грош. А я человек известный. Понял ты?

Оброшенов. Мне цена грош, я и не спорю; а дочерей моих я не позволю обидеть ни за миллионы. Тебе честь дорога, а мне дороже твоего.

Хрюков. Что за честь, коли нечего есть! Видимая твоя бедность или нет? Всякому видимая. Я тебе ж, убогому, помочь хотел; ты бы должен это чувствовать! А велика важность, что про твою дочь поговорят дурно. Поговорят да и перестанут.

Оброшенов. Я чести своей не продавал; слышишь ты, не продавал!

Хрюков. Да что за бесчестье, что дочь твоя будет жить в моем доме! Разве только скажут, что она любовница моя. Так и то не беда. Всякий умный человек рассудит, что она это от бедности.

Оброшенов. Молчи! Задушу! Молчи! Ты этого от меня еще не слыхивал, так вот слушай теперь! Ты думал, что я шут! Ну да, я шут и есть, только за дочерей убью, всякого убью. *(Хватает стул.)*

Хрюков. Скотина не узнала своего господина. Что ты, повредился, что ли? Ты мне деньги-то отдай, которые забрал.

Оброшенов. Отдам, отдам...

Хрюков. А за грубость я тебя в сибирку посажу.

Оброшенов. Я сам с тебя бесчестье потребую, а за дочь по закону вчетверо заплатишь.

Хрюков. Держи карман-то! Свидетелев не было. Ты деньги-то принеси! *(Уходит.)*

Оброшенов *(вслед ему)*. Принесу, завтра же принесу.

Входят Анна Павловна и Верочка.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Оброшенов, Анна Павловна и Верочка.

Анна Павловна. Папенька, успокойтесь! Не расстраивайте себя.

Верочка. Ты, папаша, опять захвораешь.

Оброшенов *(в изнеможении садится на стул)*. Ах ты, анафема! Нет, теперь хворать нельзя, некогда. Захворай теперь, так с голоду умрешь. Надо сейчас денег доставать. Саше нужно, да этому лешему отдать. Вот отдохну и побегу.

Анна Павловна. Куда вы, папенька, пойдете? Вы так слабы. Вы у кого хотите просить денег-то? Вы лучше напишите ему записочку, я снесу.

Оброшенов. Что ты! Можно ли это! Позволю я тебе идти милостыню просить! Чтоб опять такая же история вышла.

Верочка. Саша сходит.

Оброшенов. И ему нельзя, стыдно,— он молодой человек. А мне ничего не стыдно; у меня уж давно стыда нет. Я бы теперь украл для вас и не постыдился бы. Пуще всего надо Хрюкову отдать. А то после этой ссоры он меня со свету сживет.

Анна Павловна. Много вы ему должны, папенька?

Оброшенов. Много. Не разделаться всю жизнь. Все по распискам; уж некоторым и срок вышел. Надо его укланять как-нибудь, чтобы, вместо денег, хоть документ взял на год сроком. Будем выплачивать понемногу.

Анна Павловна. Вот несчастие-то!

Оброшенов. Пугнул я его, а теперь уж и самому страшно. Кругом я обязан человеку, пропасть должен,— и вдруг выгнал из дому, убить хотел. Кого? Благодетеля своего.

Анна Павловна. Он, папенька, стоил этого.

Оброшенов. Стоил-то стоил. Его б отсюда не в дверь, а в окно надо было проводить! Да то-то вот, Аннушка, душа-то у меня коротка. Давеча погорячился, поступил с ним, как следует благородному человеку, а теперь вот и струсил. Бедность-то нас изуродовала. Тебя оскорбляют, ругаются над детьми твоими; а ты гнись да гнись, да кланяйся. Покипит сердце-то, покипит, да и перестанет. Вот, что я сделал дурного? Вступился за дочь, выгнал невежу вон. Что ж бы я был за отец, если б этого не сделал? Кто ж допустит такое нахальство в своем доме? Стало быть, я хорошо сделал, что прогнал его; а у меня вот от страху ноги трясутся. Вот так и жду, что он пришлет за мной. А ведь надо будет идти; упрямиться-то нельзя; надо будет кланяться, чтоб пообождал немного. А сколько брани-то я от него услышу! Как в глаза позорить-то станет! А мне и языком пошевелить нельзя. Нагни голову да слушай! Уж он теперь дома,— далёко ль ему, только через улицу перейти. Пришлет! Чувствует мое сердце, что пришлет!

Входит молодец от Хрюкова.

Ты зачем?

Молодец. Филимон Протасьич приказали вам сейчас прийти к ним.

Оброшенов. Зачем?

Молодец. Это, выходит, я не знаю; а только приказывали, чтоб сейчас.

Оброшенов. Что ж! Надо идти. Право, лучше идти. Скажи, что сейчас буду.

Молодец уходит.

Подай шляпу!

Верочка подает.

Пойду!

Входит Гольцов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оброшенов, Анна Павловна, Верочка и Гольцов.

Оброшенов. Вот, Саша, беда у нас, право, беда!

Гольцов *(не слушая)*. Денег не достали-с?

Оброшенов. Какие тебе деньги! С меня с самого долг тянут. Вот сейчас иду умаливать, чтоб подождали.

Гольцов *(схватывается за голову)*. Ах, боже мой!

Оброшенов. Что ты, Саша, что ты?

Гольцов. Сейчас письмо получил-с.

Оброшенов. Какое?

Гольцов *(тихо)*. Этот помещик, чьи я деньги затратил, через два дни будет в Москве.

Оброшенов. Ничего, Саша, ничего! Не тужи! Вот я сбегаю по своему делу, а ты тут подожди меня, поболтай! Старайся не думать! Забудь об этом! А я ворочусь, потолкуем: может быть, что и придумаем. Ну, прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анна Павловна, Верочка и Гольцов.

Верочка *(целуя Гольцова)*. Здравствуй, Саша! Ты уж и не видишь меня.

Гольцов. Здравствуй, Верочка! Извини! Что же, Анна Павловна?

Анна Павловна. У меня сейчас в руках были триста рублей, да я их сама назад отдала.

Гольцов. Что же вы сделали! Ведь я погибаю.

Анна Павловна. А вы бы послушали, с каким гнусным предложением мне их давали!

Гольцов. Неужели-с? Ну, разумеется, взять нельзя-с. Кто же это?

Анна Павловна. Старик Хрюков.

Гольцов. Вы бы ему в лицо их бросили!

Анна Павловна. Я так и сделала.

Верочка. Что такое вы про Хрюкова говорите? Я не понимаю ничего.

Анна Павловна. Нечего тебе и понимать-то, душа моя.

Верочка. Что он такое обидное тебе сказал? Папенька рассердился, ты тоже.

Анна Павловна. Совсем не нужно тебе знать этого, Верочка.

Верочка. Сестрица, голубушка, скажи!

Анна Павловна. Ну, изволь! Он хотел, чтоб я пошла к нему в экономки.

Верочка. Ах, сестрица! Как же он смел! Ведь это все равно, что в услужение идти и жалованье от него получать?

Анна Павловна. Ну да, да!

Верочка. За дело его папенька прогнал.

Анна Павловна. Так вот, Александр Петрович! А мы ему должны очень много; он теперь деньги требует. Вот какое положение.

Гольцов *(тихо)*. А мое-то положение! Знаете ли, я давеча было за бритву ухватился.

Анна Павловна. Что вы! Что вы! А Верочка-то!

Гольцов. Только она-с, а то бы кончено дело.

Анна Павловна. Что вы! Страшно слушать.

Гольцов. А каково мне будет, как выгонят из суда, да осрамят на всю Москву, да судить будут, как вора!

Верочка. Что вы шепчетесь! Должно быть, что-нибудь нехорошо, что вы шепчетесь?

Анна Павловна. Ты сама знаешь, что дела наши очень плохи.

Верочка *(хватаясь за Гольцова)*. А он? С ним ничего не будет? Он с нами останется?

Гольцов *(закрывая лицо руками)*. Я не знаю, Верочка, где я буду.

Верочка *(кидается ему на шею)*. Саша! Саша!

Голос Оброшенова за сценой: «Молитесь богу! Молитесь богу!» Вбегает.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Анна Павловна, Верочка, Гольцов и Оброшенов.

Оброшенов. Молитесь богу! Молитесь богу!

Анна Павловна. Что вы, папенька?

Оброшенов. Аннушка! Аннушка! *(Гольцову и Верочке.)* Вы! Становитесь! Оба становитесь на колена! И я стану. *(Хочет становиться на колени.)*

Анна Павловна. Папенька, что вы делаете?

Оброшенов. Ты наша спасительница! Ты! Нет, еще не все! Что же я обрадовался! Еще не все. Нет, я стану перед тобой на колена.

Анна Павловна. Ах, папенька! Что вы это! Зачем?

Оброшенов. Просить тебя, просить великое дело для нас сделать. И вы становитесь! Вот она! Она одна может.

Анна Павловна. Я ничего не понимаю.

Оброшенов. Нет, я стану... Это стоит, чтоб стать на колена. Злодей твой не станет того просить, что отец просить будет!

Анна Павловна. Вы меня пугаете.

Оброшенов. Будь тверже, Аннушка, будь тверже! Хрюков просит руки твоей и двадцать тысяч на приданое дает. Падайте! Аннушка! Падаем, падаем к ногам твоим! *(Хочет стать на колени.)*

Анна Павловна *(удерживает его)*. И вы думаете, что я откажусь? Вы боитесь, папенька? Нет. Вы больны, вы стары, вам нужен покой! А вы для нас работаете, убиваете последние силы... Я буду иметь возможность ходить за вами, покоить вас, баловать, как малого ребенка... и вы подумали, что я откажусь от этого! *(Обнимает Верочку.)* И ее, мою куклу, я могу рядить, во что мне захочется, могу ее тешить, доставлять ей удовольствия... И я откажусь! Папенька, что вы! Я умереть для вас готова, только бы вы были счастливы!

Оброшенов. Да, да, да! Я так и знал. Вот она, дочь-то какая! Вот с такими дочерьми хорошо жить на свете! Ну, спасибо тебе! Спасибо! *(Целует ее.)* Вот я здоров и весел. Я и плясать буду на твоей свадьбе.

Верочка. А что ж он давеча-то говорил: в экономки?

Оброшенов. Да, да! Я его бранил за это. Ужас, как бранил! А он говорит: я шутил, я только испытать хотел. Я, говорит, уж давно жениться задумал за непочтение детей. И много невест смотрел, да всё не по сердцу; а твоя по сердцу пришла. А это, говорит, я шутил, шутил; пусть не сердится: я шутил с ней.

Верочка. Что это с нами всё шутят?

Анна Павловна. А вот, Верочка, будем жить богато да весело, а главное — не будем ни в ком нуждаться, так и перестанут над нами шутить.

Оброшенов. Перестанут, милые мои, родные мои, перестанут!

Комедия
в трех
действиях

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ПАВЛИН ИППОЛИТОВИЧ МИЛОВИДОВ
помещик средней руки, лет 30, из отставных кавалеристов, с большими усами, в красной шелковой рубашке, в широких шароварах с лампасами, в цыганском казакине, подпоясан черкесским ремнем с серебряным набором.

ВУКОЛ ЕРМОЛАЕВ БЕССУДНЫЙ
содержатель постоялого двора на большой проезжей дороге, крепкий старик лет под 60, лицо строгое, густые, нависшие брови.

ЕВГЕНИЯ МИРОНОВНА
жена его, красивая баба, годам к 30.

АННУШКА
сестра его, девушка 22 лет.

ПЫЖИКОВ
из мелкопоместных, проживающий по богатым дворянам, одет бедно, в суконном сак-пальто, но с претензией на франтовство.

ПЕТР МАРТЫНЫЧ НЕПУТЕВЫЙ
купеческий сын.

СЕНЯ
его приказчик.

ЖУК
работник Бессудного.

РАЗЗОРЕННЫЙ
ямщик.

ГРИШКА
человек Миловидова, молодой малый, одетый казачком.

Действие происходит на большой дороге, среди леса, на постоялом дворе под названием «На бойком месте», лет 40 назад.

Комната на постоялом дворе; направо в углу печь с лежанкой; посередине, подле печи, дверь в черную избу, левее часы с расписанным циферблатом, еще левее в углу комод и на нем шкафчик с стеклянными дверцами для посуды; с правой стороны, у печки, дверь в сени, ближе к зрителям кровать с ситцевым пологом; на левой стороне два окна, на окнах цветы: герани и жасмины; в простенке зеркало, по бокам лубочные портреты; под зеркалом старый диван красного дерева, обитый кожей, перед диваном круглый стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бессудный и Раззоренный.

Бессудный. Отпрег?

Раззоренный. Отпрег.

Бессудный. Стало быть, выпить пришел, что ли?

Раззоренный. Стаканчик надо бы поднесть.

Бессудный. Отчего не поднесть! (*Наливает стакан и подает.*) Пей на здоровье!

Ямщик пьет.

Дорога, что ль, тряска, Петра-то Мартыныча как раскачало!

Раззоренный. Какая тут дорога, известно круговые. В Покровском рублев на сто поболе начудили.

Бессудный. Что ж они там?

Раззоренный. Известно их занятие: пить да чтоб бабы подле, значит, для балагурства, и сейчас бумажками оделять.

Бессудный. Значит, они с прохладой, домой-то не больно торопятся.

Раззоренный. А кто ж их... Я в Покровском на сдачу взял до Новой деревни... Перегон-то восемьдесят верст, а где половина-то? Чай, сам знаешь, семь верст за вами; а я все к тебе, Вукол Ермолаич. Купцы спрашивают, где кормить будешь? Известно, говорю, где: на «Бойком месте» у Вукол Ермолаича.

Бессудный. Да, спасибо, спасибо, что не забываешь.

Раззоренный. Да что спасибо. Мы тоже ласку помним... Ты бы меня хоть двугривенничком осеребрил.

Бессудный. А из каких доходов? Еще твои купцы-то у меня ничего не прожили. Вот погоди, по доходу глядя, и тебя не забудем.

Раззоренный. Так я кормить пойду.

Бессудный. А ты не торопись, пущай у меня погостят подольше, не все ж одним Покровским от них пользоваться.

Раззоренный. Ну, да ладно! Копаться-то мы и без просьбы мастера, торопиться вот, так это мы не умеем. (*Уходит.*)

Бессудный (*у двери*). Мироновна! А Мироновна! Поди сюда. Сестрица! Анна! Аннушка! Идите сюда, говорю вам! Что вас не дозовешься!

Евгения и Аннушка входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бессудный, Евгения и Аннушка.

Бессудный. Где вы там забились? Когда вас надо, вас тут и нет. Дуры, право, дуры!

Евгения. Какой ты, Ермолаич! Да разве я не хозяйка! Туда сунься, за тем погляди, с ног собьешься. Я же такая заботливая, за всякой малостью сама...

Бессудный. Хозяйка ты! Какое твое хозяйство-то? Грошовое. Тряпки в чулане перебирать. А тут сотни летят. Разевайте рот-то! На овсе-то немного наторгуешь. Петр Мартыныч приехал, слышишь ты!

Евгения. Ох, Ермолаич, право, уж мне повесничать-то не больно по сердцу. Кабы я была девушка, никому неподовластная, другое дело. Я так считаю, что ты моя глава. Мне когда и в шутку кто скажет что-нибудь, так я за грех понимаю против тебя. Право, уж я такая зародилась совестливая и для мужа своего покорная, а тут поди балясничай с ними, с охальниками.

Бессудный. Да, нужно очень! Ты сними маску-то! Перед кем ты тут свою покорность показываешь! Уж ты при людях лисой-то прикидывайся, а я тебя и без того знаю. Говорят тебе, Непутевый с приказчиком в Покровском сто рублей пропили; а что бабам роздали, так и числа нет.

Евгения. Ой, что ты! Да неужто вправду? *(Поправляется перед зеркалом.)*

Бессудный *(Аннушке)*. А ты что губы-то надула! Даром, что ль, вас кормить-то в самом деле! Как у тебя в глазах стыда-то нет.

Аннушка. У тебя стыда нет, а у меня есть.

Бессудный. Анна!! Ты смотри, не разбуди во мне беса! Во мне их сотня сидит; как начнут по моим жилам ходить, в те поры у меня расправа ножевая.

Аннушка. Так уж убил бы ты меня скорее, коли тебе кровь-то человеческую все равно что воду лить. *(Уходит в середнюю дверь.)*

Бессудный. Эко зелье зародилось! Вся в меня!

Евгения *(отворяя дверь с притворным смехом)*. Хи-хи-хи, хи-хи-хи! Здравствуйте, господа купцы. Петинька, здравствуй. *(Уходит.)*

Бессудный. Жену-то я взял, кажись, не ошибся; а се-

стра-то мне не ко двору пришла. Ей бы в монастыре жить, а не на постоялом дворе.

Входит Ж у к.

Что ты?

Ж у к. Проезжие позываются! Да, кажись, народ-то такой, что пущать не стоит.

Б е с с у д н ы й. Так и не пущай! На что нам дряни-то! Только место занимают, а корысти-то от них немного. Постой, я пойду сам погляжу.

Уходят. Из середней двери выходят С е н я и Е в г е н и я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

С е н я и Е в г е н и я.

С е н я. Что это у вас Анна-то Ермолавна спесива очень?

Е в г е н и я. Уж такая-то фурия, что не накажи господи!

С е н я. По вашему занятию ей словно как надобно бы пообходительнее быть, потому что от этого хозяину выгода зависит.

Е в г е н и я. Какая выгода! Нам с мужем от нее только неудовольствие одно. Вот, говорят, Сеня, что золовки завсегда неладно живут промеж собой. Какому же тут ладу быть, когда я, с моим ангельским характером, и то не могу ужиться с ней.

С е н я. Так-с.

Е в г е н и я. К нам один барин ездит, хороший барин, и крестьяне у него есть, не так чтобы много, а довольно; ну, обыкновенно их господское дело, и приглянись ему эта наша прынцеса. Ну что ж такое! Дело очень и очень обыкновенное; каждый день мы видим. А она приняла это за важность! Кто я! Да что я! Да он на мне женится, я барыня буду! Как же не так, дожидайся! Ни брату, ни мне не дает слова выговорить. Уж что я через ее обиды да насмешки мучения приняла, так, кажется, мне всю жизнь не забыть.

С е н я. И что же теперича этот барин-с?

Е в г е н и я. Что! Известно что! Очень ему нужно. Ну, да уж и я ей не подарок; удружила и я ей; будет меня благодарить долго.

С е н я. Что же вы такое? Позвольте поинтересоваться!

Е в г е н и я. Много будешь знать, скоро состареешься.

Входят Н е п у т е в ы й и А н н у ш к а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Евгения, Сеня, Непутевый и Аннушка.

Непутевый. Стало быть, мы не хороши? Каких же тебе еще, коли уж я не хорош?

Аннушка. А неужто ты думаешь, что ты хорош! Кто ж это тебе сказал? Ты не верь. Обманули тебя!

Непутевый. Ну, однако ты не очень! Для кого не хорош, я для кого, может, я и хорош!

Аннушка. Ну и ступай туда, где ты хорош.

Непутевый. Стало быть, я за свои деньги да уважения здесь не вижу. Что ж такое! Какой это порядок! Куда я заехал! Кто здесь смеет важничать, окромя меня! Я деньги плачу.

Аннушка. Да отстань ты от меня, не нуждаюсь я твоими деньгами! Сказано тебе.

Непутевый. Семен! Во фрунт передо мной! Ты чего смотришь! Как нас здесь принимают! Али бунт сделать! Они еще пыли-то от меня не видывали. Семен! Давай посуду бить! Все окны высадим!

Евгения. Ну, полно, Петя, полно! Ты уж не дури! Поди усни, поди, голубчик, отдохни! Легко ли, деньденьской ты маешься. А вот проспишься, мы уж тебе все, в твое уважение.

Сеня. Нехорошо, Петр Мартыныч! Пойдемте спать, целые сутки не спали.

Непутевый. Я жить хочу, хочу жить.

Евгения. А вот выспишься, так живи в свое удовольствие.

Непутевый. Мне бы разбить что-нибудь. Ух! Кажется, я...

Сеня. Нехорошо, Петр Мартыныч, оставьте!

Евгения. Ты сосни поди, а проснешься, да придет тебе желание посуду бить, так я тебе приготовлю; у нас есть такая.

Непутевый. Ну, спать, так спать. *(Уходит.)*

Сеня затворяет за ним дверь.

Сеня. Ведь ишь, какой круговой! Одного его пустить никак нельзя. Меня родители-то с ним и посылают нарочно для береженья, чтоб его беречь в дороге. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Евгения и Аннушка.

Евгения. Что ж, долго это нам терпеть от тебя!

Аннушка. Никто тебя терпеть не заставляет.

Евгения. Долго ты наших гостей-то обижать будешь?

Аннушка. Никого я не обижаю. А что всякий пьяница ко мне лезет, так я этого терпеть не могу. Так я вам прежде говорила, так и теперь говорю.

Евгения. Ты терпеть не можешь, а мне, стало быть, ничего? Что ж, я хуже тебя? Говори! Хуже я тебя?

Аннушка. Всякий сам себе хорош. Ты вот с ними хохочешь, всякие нехорошие слова мелешь да целуешься, а мне это гадко.

Евгения. Стыдно, небось? Погоди больно стыдиться-то, еще не барыня, еще когда будешь,— да полно, будешь ли! Что-то мне не верится. А теперь пока такая же мещанка, как и я.

Аннушка. Нет, не такая же.

Евгения. Какая же? Из конфет, что ль, ты слеплена?

Аннушка. Не из конфет, а во мне стыд есть, а в тебе нет.

Евгения. Кому это нужен твой стыд здесь!

Аннушка. Мне он нужен.

Евгения. Ах! Скажите пожалуйста! А что ты себе этим выиграла?

Бессудный входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Евгения, Аннушка и Бессудный.

Бессудный. Что вы тут! Что на вас ладу нет! Как только бабы вместе,— так и перессорились. Эка порода проклятая! Что вам делить-то!

Евгения. Да вот все сестрица твоя барыню из себя корчит; от хороших людей она нос воротит, а к кому сама льнет, так те на нее смотреть не хотят.

Аннушка. Ни к кому я не льну. Это ты льнешь ко всякому.

Евгения. Кого ты, бесстыжие глаза, обмануть хочешь! Все видят, как ты к Павлину Ипполитычу виснешь, да жаль, что он-то тебя знать не хочет.

Аннушка. Виснуть я к нему не висну, а что он меня знать не хочет, я все ж таки не виновата.

Бессудный. Кто ж виноват?

Аннушка. Я не знаю. Оставьте вы меня! *(Садится к столу.)*

Бессудный. Кто ж знает-то? Барин хороший, добрый, ездил, почитай, каждый день, что денег проживал у меня,— а теперь реже да реже, да, пожалуй, и совсем перестанет.

Евгения. Что мудреного!

Бессудный. Барин тароватый, простой, деньги тратит, не считает. Где другого такого найдешь! Не будет ездить, так видимый убыток.

Аннушка. Тебе денег-то жалко, а у меня вся жизнь отнята, все мое счастье.

За сценой звон колокольчика и бубенчиков. Входит Жук.

Жук. Капитан-исправник едет.

Бессудный *(вынимает повешенный на шее кошель, достает ассигнации и отдает жене)*. Поди скажи, что нездоров, с похмелья, мол, головой мается.

Евгения уходит.

Аннушка. Ты меня, братец, отпусти домой! На что я тебе!

Бессудный. А дома что делать? Баклуши бить.

Аннушка. Я в монастырь уйду, а то по богомольям пойду. Жизни я своей теперь не рада.

Бессудный. Да с чего это у вас сталося?

Аннушка. Не знаю. Вины моей перед ним нет никакой; я так думаю, наговорили ему на меня напрасно.

Бессудный. Наговорить-то некому. Кому наговорить! Что ты врешь!

Аннушка. Кто ж знает. Разлучить нас захотели. Кому-нибудь нужно было. Точно я свое счастье во сне видела. Жила я у матушки, никакой беды не знала! Взял ты меня на погибель на мою!

Бессудный. Какая погибель, дура! Что тебе у матушки? Только и свету, что в окне; ты и людей-то не видала. Я тебе добра хотел.

Аннушка. А что проку, что я людей-то видела! Полюбил меня барин молодой, красавец; кого ж я после него любить могу, кто мне мил может быть, какая моя жизнь! Хотел он меня замуж взять, а теперь бросает. До петли ты меня доводишь, вот оно твое добро-то!

Б е с с у д н ы й. Уж и замуж; не больно ль много?
А н н у ш к а. Что ж ему замуж меня не взять, коли я ему нравлюсь! А игрушкой его я быть не хочу.
Б е с с у д н ы й. Видишь ты, какая в тебе гордость глупая! Кому ж может быть она приятна?
А н н у ш к а. Да я его и не просила, он сам этого хотел. А по мне, хоть бы в работницы взял, так я бы рада была. Не то что женой быть, я собаке-то его завидовала, что она завсегда с ним и завсегда может ему руки лизать. Только как бы я его ни любила, а я завсегда скажу, что я хочу на чести жить.
Б е с с у д н ы й. Эко дело, а! Ворожбы какой нет ли?
А н н у ш к а. Не знаю я, ничего не знаю.

Колокольчик, бубенчики и свист. Входит Е в г е н и я.

Е в г е н и я *(со смехом)*. Уж такой-то шутник! Такой-то шутник! Измял всю, право.
Б е с с у д н ы й. Не сахарная, не развалишься.
Е в г е н и я. И чтой-то такое, Ермолаич, скажи ты мне на милость: с кем я ни поиграю, с кем я ни поиграю, и все это мне постыло. И оттого это, я так думаю, что не пристало мне, замужней женщине, так как я замужняя женщина, для одного мужа обязанная.
Б е с с у д н ы й. Разговаривай тут, уж слышали!
Е в г е н и я. А что для тебя, как ты сам этого хочешь, я готова со всяким пошутить в удовольствие, только чтоб другие не судили по моему веселому характеру. Я завсегда себя помню, и что такое муж...
Б е с с у д н ы й. Ну и ладно, ладно! Будет толковать-то!

Колокольчик и бубенчики. Ж у к входит.

Ж у к. Павлин Ипполитыч приехал.
Е в г е н и я. Ах, батюшки! Вот не ждали-то!
Б е с с у д н ы й *(Жуку)*. Поди высаживай!

Ж у к уходит.

Вино-то есть у нас?
Е в г е н и я. Как для таких гостей не быть.
Б е с с у д н ы й. Так доставайте да становитесь встречать.

Евгения с Аннушкой берут по подносу, ставят на них большие рюмки, наливают из бутылки вина, кладут на подносы по нескольку пряников и становятся среди комнаты. Бессудный у двери. Входят М и л о в и д о в и П ы ж и к о в, Бессудный кланяется в пояс. Миловидов подходит к Евгении и Аннушке, пьет у обеих вино и целует их.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Миловидов, Пыжиков, Бессудный, Евгения, Аннушка и потом Гришка.

Миловидов *(показывая на Пыжикова)*. Подносите и ему.

Евгения и Аннушка наливают вина, подносят Пыжикову и кланяются.

Пей, целуй хозяек да клади деньги! У нас такое заведение!

Пыжиков пьет.

Вы его задаром не целуйте. Пускай по целковому на поднос кладет.

Пыжиков. Послушай! Что же это ты! Это конфуз, братец ты мой!

Миловидов. Ну, уж я за него заплачу.

Пыжиков целует хозяек.

Бессудный. Каким ветром, сударь Павлин Ипполитыч?

Миловидов. К Гуляеву обедать еду вот с этим милашкой. Мимо ехал и заехал.

Бессудный. Так, сударь, так. Потчевать чем прикажете?

Миловидов. Кучеру стакан вина, да чтоб не откладывал, я скоро поеду. Гришке не давай *(грозит пальцем)*, он еще молод. А мне пока ничего не надо. У меня свое есть.

Бессудный уходит, Гришка вносит две бутылки вина, закуску и ставит на стол; кладет на диван ковер и подушку, потом подает барину трубку и становится у двери.

Евгения. Забывать нас стали, Павлин Ипполитыч! Либо заспесивились, право, заспесивились.

Миловидов. Какая спесь, Евгения Мироновна. Не то ты толкуешь.

Евгения. Вы нашей-то стряпни что-нибудь отведайте. Прикажите хоть грибков изжарить.

Миловидов *(кивая головой)*. Ну, жарьте, ступайте.

Евгения и Аннушка уходят.

Ну, видел?

Пыжиков. Видел.

Миловидов. Что скажешь?

Пыжиков. Красавица писаная.

М и л о в и д о в. Вот то-то же! Вот какой у меня характер: сразу врозь, и кончено дело.

П ы ж и к о в. Да отчего же так!

М и л о в и д о в. Это уж я про то знаю. А как влюблен был! Тебе никогда сроду так не влюбиться! Да где тебе! Это невозможно!

П ы ж и к о в. А ты почем знаешь?

М и л о в и д о в. Чего-с? Позвольте! Ты можешь влюбиться так, как я? Нет, уж это дудки!

П ы ж и к о в. Напрасно вы так думаете. Отчего же это?

М и л о в и д о в. Оттого, что у тебя душа коротка, благородных чувств мало. Этак всякий бы... Ты вон дрянь какую-то куришь, сигарки грошевые. Уж коли ты мужчина, так кури трубку, хоть махорку, да трубку... Ну да что толковать! Во мне искра есть, а в тебе нет. Я лихой малый, душа нараспашку; кавалерист как есть; рубака, пьяница, а благородный человек; на ногу себе наступить не позволю.

П ы ж и к о в. Ваше при вас и останется.

М и л о в и д о в. Да разумеется. *(Подходит к Пыжикову и крепко берет его за руку.)* Ты слушай, слушай! Вот как я ее любил: ты видишь, она простая девка, а я у ней руки целовал — руки целовал; как тебе это покажется! На коленях стоял перед ней! Каково это! А отчего я так влюбился? Оттого, что завлекся, вот отчего! Пойдем выпьем.

Подходят и пьют.

Ведь уж ты знаешь, какой я ходок, нечего сказывать? А тут вдруг осечка: встречаю такую девушку, что и подойти нельзя,—держит себя строго. Фу ты пропасть, думаю. Вот диковина! В таком доме, а держит себя так, что и приступу нет. Я и с той стороны, и с другой, и подарки-то, и то, и се; Гибралтар, просто Гибралтар! Так я как завлекся, влюбился, как мальчишка. Жениться хотел! Вот ты и знай! *(Подходит к столу и пьет рюмку вина.)* Родные услыхали это, тетушки да бабушки,— в ужас пришли; а мне черт с ними, я живу сам по себе. Начали они меня усовещивать, невест разных подставлять, чтоб разбить; баб на воду шептать заставляли да меня спрыскивали; одна тетка настоящего колдуна призывала, чтоб отворожить — ничего не действует. Вот она какая любовь-то была. А им беда! Им меня на барышне женить

хочется. А я чепчиков видеть не могу. Чтоб в моем доме да завелись чепчики! Нет уж, этому не бывать! Мне барышню и посадить-то не на чем. У меня в гостиной седла да арапники, а вместо диванов сено насыпано да коврами покрыто. Не расставаться ж мне с моими порядками. Мне давай такую жену, чтоб она по моей дудочке плясала, а не я по ее. И что же, братец ты мой: при такой-то любви, услыхал я только одно слово, и как рукой сняло. Два дня походил дома из угла в угол, потужил и оборвал сразу.

П ы ж и к о в. От кого ж ты услыхал это слово?

М и л о в и д о в. Ну, уж это мое дело; только от верного человека.

П ы ж и к о в. А с ней ты говорил об этом или нет?

М и л о в и д о в. С какой стати. Упрекать ее, что ли? Не мой характер. Я по-благородному, пренебрег, и кончено дело. В глаза ей показываю, что пренебрегаю, вот и все.

П ы ж и к о в. Все же бы тебе объясниться с ней, может, она и не виновата.

М и л о в и д о в. Как еще объясняться! Что она, барышня, что ли? Девка простая, да стану я с ней объясняться! Много чести.

П ы ж и к о в. Однако ты на коленях стоял, руки целовал.

М и л о в и д о в. То дурь была, а теперь я в полном разуме. Да и признаться тебе сказать, я женских слез не люблю. Пожалуй, еще разжалобит, старая-то блажь воротится, а этого теперь нельзя.

П ы ж и к о в. Уж будто и нельзя?

М и л о в и д о в. Да, нельзя, потому что я благородный человек. Понимаешь ты это? Нечего и разговаривать. Да у меня теперь уж другое на уме. Такой сюжетец, что похлопотать стоит.

П ы ж и к о в. А из каких?

М и л о в и д о в. Никогда не говорю, мое правило.

П ы ж и к о в. Значит, ты уж совсем от Аннушки прочь?

М и л о в и д о в. Ну, конечно.

П ы ж и к о в. Так надо теперь за ней поволочиться.

М и л о в и д о в. Что-о?

П ы ж и к о в. Поволочиться хочу за Аннушкой.

М и л о в и д о в. Ты? Я ничего не успел, а ты хочешь волочиться! Что ж, я хуже тебя? Э, брат, нет! Так ступай же к Гуляеву-то пешком.

П ы ж и к о в. Как же пешком! Ведь ты меня хотел довезти.

М и л о в и д о в. Нет, пешком, пешком.

П ы ж и к о в. Что ж это такое?

М и л о в и д о в. За подлости за твои.

П ы ж и к о в. Какие же подлости! Ты, брат, не очень!

М и л о в и д о в. Такие же подлости, что ты очень много о себе думаешь!

П ы ж и к о в. Да я шучу; ну право же, шучу.

М и л о в и д о в. То-то же «шучу!» Ну и я шучу. Эй! Где гитара моя?

А н н у ш к а входит с гитарой.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

М и л о в и д о в, П ы ж и к о в, А н н у ш к а и Г р и ш к а.

А н н у ш к а. Вот вам гитара! Извольте!

М и л о в и д о в. Я сказал, чтоб мою гитару не смели трогать. Вот я ее домой увезу.

А н н у ш к а. Ее никто и не трогал. Я играю иногда.

М и л о в и д о в. Вот как! Так это ты играешь! Мило! Что же ты играешь?

А н н у ш к а *(со слезами)*. Те песни, которые вы меня учили.

М и л о в и д о в. Что ж! От скуки хорошо, все-таки занятие!

А н н у ш к а. Нет, уж мою скуку песнями не разгонишь.

Миловидов берет несколько аккордов.

Видно, мне с моей тоской до могилы не расстаться.

Миловидов аккомпанирует романс, Аннушка подпевает сначала тихо, потом громче.

Пела, пела пташечка,
Да замолкла;
Знало сердце радости,
Да забыло.

Миловидов играет ритурнель.

За что вы, Павлин Ипполитыч, загубили всю жизнь мою? Вы мне хоть слово скажите!

Миловидов играет аккомпанемент, она поет.

Ах, сгубили пташечку
Злые вьюги,
Загубили молодца
Злые люди.

М и л о в и д о в. Каков голос-то, а?

П ы ж и к о в. Голос чудесный.

М и л о в и д о в. Вот то-то и есть; так где ж тут тебе!

А н н у ш к а. Не мучьте меня, Павлин Ипполитыч, скажите мне, чем я перед вами виновата? Отчего вы так переменились?

М и л о в и д о в. Нет, я ничего, я такой же! А ты разве замечаешь, что я переменился к тебе? А мне кажется, что я ничего не переменился. Гришка!

Гришка выходит на средину комнаты.

А н н у ш к а. Я, Павлин Ипполитыч, с жизнью расстаюсь, а вы шутите. Как вам не грех! Я домой собираюсь, может быть уж мы больше не увидимся, вы меня любили прежде,— хоть по старой памяти скажите, отчего я вам опротивела. Наговорили вам что-нибудь, или другая есть лучше меня?

М и л о в и д о в *(поднимая с полу палочку)*. Вот видишь! *(Ломает палочку и бросает в разные стороны.)* Вот было вместе, теперь врозь! Попробуй составить — не составишь. Так и любовь. И разговаривать нечего! Гришка, ходи! *(Играет трепака.)*

Гришка пляшет.

Дробь! Дробь, говорят тебе! *(Опускает гитару и пристально смотрит на Гришку.)* Скоро ли я тебя, подлеца, выучу!

Г р и ш к а. Уж я, сударь, сам немало казнюсь на себя; самому до смерти хочется поскорее выучиться. Начнешь это в людской протверживать, так бы, кажется, об стену себе голову и расшиб. Кабы меня с малолетства, сударь.

М и л о в и д о в. А что?

Г р и ш к а. Потому у меня к этому охота большая. Да я, сударь, помаленьку дойду. Уж это вы будьте покойны. Вот извольте посмотреть, вот это колено. Извольте, сударь, играть.

Миловидов играет, он пляшет.

Почаще, сударь.

М и л о в и д о в. Ходи круче! Ну вот, молодец! *(Перестает играть.)* Трубку!

Аннушка берет трубку и передает Гришке. Г р и ш к а уходит.

Ух, устал!

Аннушка поправляет подушку на диване, он ложится.

Пыжиков. Бесчувственный ты Дон-Жуан!

Миловидов. Много ты понимаешь: с женщинами, брат, иначе нельзя.

Аннушка. Узнать бы мне только, кто это у меня разлучница!

Входят Гришка с трубкой, Бессудный и Евгения с блюдом грибов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Миловидов, Пыжиков, Аннушка, Евгения, Бессудный, Гришка, потом Непутевый и Сеня.

Евгения. Пожалуйте, господа, грибков отведайте.

Бессудный. Чем богаты, тем и рады.

Из середней двери показывается Непутевый, за ним Сеня.

Непутевый. Господа, позвольте с вами компанию иметь.

Миловидов *(приподымаясь)*. Что!

Непутевый. Позвольте компанию иметь.

Миловидов. Пошел вон! Куда ты лезешь!

Сеня. Петр Мартыныч! Петр Мартыныч! Хозяин! Нехорошо, нехорошо!

Евгения. Поди, Петя, здесь тебе не место.

Непутевый. Я сам могу соответствовать. Я сам никого не хуже. Что такая за важность! Эй, хозяин, давай сюда шампанского!

Миловидов *(встает с дивана)*. Уйдешь ты или нет? Сказано тебе: убирайся!

Сеня. Но, однако, хозяин, оставьте! Оставьте, говорят вам!

Евгения. Петя, поди на свое место, поди, голубчик; мы тебе туда вина подадим.

Непутевый. Я при своем капитале завсегда могу...

Евгения и Сеня провожают его за дверь.

Миловидов *(закусывая)*. Что это за Петя?

Евгения. Купчик знакомый, он раз пять в год мимо нас ездит, так всегда заезжает.

М и л о в и д о в *(Бессудному).* То-то ты, чай, их обираешь. Подпоишь да и грабишь, как душе твоей хочется.

Б е с с у д н ы й. Не те нынче времена, чтоб грабить.

М и л о в и д о в. А другой упирается, не любит, чтоб его грабили, так и попридушить можно.

Б е с с у д н ы й *(сверкнув глазами).* Это вы напрасно. В старину, говорят, по этой дороге так дела делались! Место бойкое, сами знаете. Заедут купцы целым обозом, так дворники запрут ворота да без разговору перережут всех до единого,— а который вырвется на улицу, так соседи поймают да ведут к дворнику-то: «Что, говорят, ты овец-то по деревне распустил?» Ха, ха, ха, овец! Вот поди ж ты, какое время было!

М и л о в и д о в. Что ж, теперь тебе жаль этого времени?

Б е с с у д н ы й. Не то что жаль, что мне жалеть, коли я на чести; а я к тому говорю, что какая необразованность была!

Входит Ж у к.

Ж у к. Мироновна, поди овса отпущай.

Е в г е н и я. Ох, уж не хочется! Поди, Ермоланч. *(Передает ключ мужу.)*

Б е с с у д н ы й. Поди, Аннушка, отпусти. *(Передает ей ключ.)*

А н н у ш к а уходит.

П ы ж и к о в. Не пора ли нам ехать?

М и л о в и д о в. Да пожалуй, что и пора. Гришка, вели лошадей подавать да вернись вещи вынесть.

Г р и ш к а берет бутылки и съестное и уходит.

Б е с с у д н ы й. Да я вынесу, что ему ходить-то. *(Берет ковер, подушку и уходит.)*

П ы ж и к о в. Что ж, пойдем.

М и л о в и д о в. Пойдем! *(Подойдя к двери.)* Ах, да, расплатиться!

П ы ж и к о в уходит.

Е в г е н и я *(бросаясь на шею Миловидову).* Когда ж опять-то?

М и л о в и д о в. Сегодня, часа через три.

Е в г е н и я. Ну, прощай, мой милый, красавчик мой писаный.

А н н у ш к а смотрит в середнюю дверь.

М и л о в и д о в. Прощай, красота моя!

Целуются и уходят.

А н н у ш к а. Вот она, разлучница-то моя! Нет уж, я теперь не уйду отсюда. Все равно мне умирать-то! Я уйду — они и знать не будут, как я мучаюсь; им будет весело без меня, они про меня и забудут совсем. Нет уж, умирать, так умирать на глазах у них. Рвите мое сердце на части, пейте мою кровь по капле, пока всю выпьете, да уж и засыпьте меня землей. Да насыпьте могилу-то потяжеле, чтобы и мертвая-то я не пришла да не помешала вам.

За сценой звон колокольчика, свист и крик: «Эх вы, милые!»

Уехал! Прощай, Павлин Ипполитыч! За что ты погубил меня? Кому мне на тебя жаловаться? Некому нас с тобой рассудить! Пусть бог рассудит!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

МИЛОВИДОВ.

БЕССУДНЫЙ.

ЕВГЕНИЯ.

АННУШКА.

НЕПУТЕВЫЙ.

СЕНЯ.

ЖУК.

РАЗЗОРЕННЫЙ.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Б е с с у д н ы й и Р а з з о р е н н ы й.

Б е с с у д н ы й. Выкормил?

Р а з з о р е н н ы й. Выкормил.

Б е с с у д н ы й *(достает графин и стакан)*. Выпей стаканчик, повеселей поедешь. *(Подносит.)*

Р а з з о р е н н ы й *(берет стакан)*. Будь здоров! *(Пьет.)*

Бессудный. Спасибо. Пей еще!

Раззоренный. Нальешь, так выпью, на землю не вылью.

Бессудный. Пей на доброе здоровье.

Раззоренный *(пьет)*. Благодарим покорно. А что мои купцы? Закладать бы пора.

Бессудный. Только что проснулись, чай с кизлярской водкой пьют.

Раззоренный. Ишь они угару-то набираются! Так я закладать.

Бессудный. Куда торопиться-то! А клади с вами много?

Раззоренный. На порядках. Тарантас-то упористо идет, кой-где и поскрипывает.

Бессудный. Крепок тарантас-то?

Раззоренный. Казанский, новый, точно слитой.

Бессудный. А чинить не надо?

Раззоренный. Какая чинка! До Туречины не чиня доедешь.

Бессудный. Да ты слушай! Чинить не надо ль, говорю я!

Раззоренный *(помолчав)*. Да что его чинить-то, коли он как есть новый!

Бессудный. Наладил! Ты дурака-то из себя не строй!

Раззоренный *(помолчав)*. Что ж мне теперича хозяев задаром в убыток вводить? Да может, им к спеху.

Бессудный. Кто тебе говорит, что задаром! Не задаром!

Раззоренный. А много ль дашь?

Бессудный. По барышам глядя. Дай им поразгуляться-то!

Раззоренный. Пять рублев!

Бессудный. Может, и больше.

Раззоренный. Ой ли? Не обманешь?

Бессудный. Нешто я ямщика обману! Вы мне люди завсегда нужные.

Раззоренный. Ну, ладно! *(Подходит к середней двери и отворяет ее.)* Господа купцы, воля милости вашей, а что ехать нельзя.

Непутевый и Сеня входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бессудный, Раззоренный, Непутевый и Сеня.

Непутевый. Ты что еще! Как так нельзя? Во фрунт! Ты с кем говоришь!

Раззоренный. Да так же, что колесо расшаталось. Не на каждой же нам версте его замачивать; а выходит, надоть его перетянуть.

Сеня. Что ж ты прежде-то?

Раззоренный. Прежде! А вы сами-то где были? Спали; так нешто я могу беспокоить.

Непутевый. Какие еще разговоры! Твое дело — что прикажут! Ты понимай, с кем ты говоришь! Велят тебе ехать, и сейчас чтоб готово, живой рукой! У меня такое расположение, чтоб ехать; как же ты можешь! Пошел на свое место!

Раззоренный. Что конечно оно можно ехать, отчего не ехать! А только, борони бог греха, середь лесу ночью сядем, кто виноват останется!

Непутевый. Как так сядем! Ты и думать не моги! У меня чтоб живо!

Раззоренный. И я про то же. Какое здесь место? Сами знаете, шалунов тоже довольно,— место бойкое; почитай, в каждой деревне шалят. Тут теперича только давай бог ноги, а часом сядем в овраге, так и от повозки убежишь.

Сеня. А вот посмотреть пойти, не врет ли он!

Раззоренный. Посмотреть пойти! Много ты знаешь! Скрыпит колесо на ходу, ну, и, значит, рассохлось. Аль вам рубля жалко? А еще купцы!

Непутевый. Ну, чини, черт с тобой! Слышишь ты, чини! Сколько денег надо?

Раззоренный. Кузнец — уж он знает. А теперича с вашей милости надо на водку!

Непутевый. Вы мошенники, вот что! На! *(Дает деньги.)* Да чтоб живо!

Раззоренный. Уж это без сумления.

Непутевый и Сеня уходят.

Бессудный. А сзади у вас есть проезжающие?

Раззоренный. Еще тройка.

Бессудный. Когда из Покровского?

Раззоренный. Те на ночь.

Бессудный. Кто везет?

Раззоренный. Стигней,— в корню серая.

Бессудный. Знаю.

Раззоренный. Только без всякой опаски едут, уж больно просто.

Бессудный. А что?

Раззоренный. Первое дело, в самую полночь они в ваш лес приедут, да очень пьяные, а лес-то на двадцать верст; а второе дело, чемодан сзади не очень складно привязан, совсем не по здешнему месту. Так я пойду. *(Уходит.)*

Бессудный *(у двери в сени)*. Жук!

Жук выставляет голову из сеней.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бессудный и Жук.

Жук. Чего?

Бессудный. Савраска в поле?

Жук. В поле.

Бессудный. Пригони да овса задай, пущай хоть всю меру съест. Да вымажи тележку хорошенько.

Жук. К ночи, что ль, сряжаться?

Бессудный. К ночи. Как станет смеркаться, ты выезжай из двора налево, да потом лесом круг двора и объедешь к большой дороге и жди меня там в кустах.

Жук. Ладно. А что припасать?

Бессудный. Я сам припасу, что нужно. Пойдем-ка, я тележку-то посмотрю.

Уходят. Из середней двери входит Аннушка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Аннушка, потом Непутевый и Сеня.

Аннушка *(садится к столу)*. Как тень какая хожу! Поговорила б с кем-нибудь о своем горе, может бы и полегче стало,— да не с кем. Все одна, все одна, всю жизнь одна. А одной-то оставаться страшно,— все что-то в голову лезет дурное. Ну, я, чтоб одной-то не быть, иду в народ, а в народе-то я как будто лишняя. Все я точно что-то ищу. Боже мой! Что они со мной

сделали! Это меня бог за гордость наказывает. Я золовку и за человека не считала, а он ее-то и полюбил, а меня, девушку, бросил.

Входят Непутевый и Сеня.

Непутевый *(садясь к столу)*. Ты что плачешь! Кто тебя обидел?

Аннушка. Поди прочь, не приставай ты ко мне.

Непутевый. Да ты что за барыня такая? Что ты важничаешь!

Аннушка. Поди к Евгении, она ласковая; а меня не тронь, мне и без тебя тошно.

Непутевый. Я сам знаю, куда мне идти; ты меня не учи! Вот что! Ты не смей мне указывать!

Аннушка. Русским тебе языком говорю: отойди. Аль ты слов не понимаешь!

Непутевый. Тешь мой обычай! Аль ты моего ндраву не знаешь! Я в Курчавине, бывало, запрягу девок в сани летом да и езжу по деревне. Ты знай обхождение купеческое!

Аннушка. Очень мне нужно знать ваше обхождение! Поди от меня, вот и все тут.

Непутевый. Да ты обо мне как понимаешь! Ты вот это видела? *(Берет из кошелька горсть золота и рассыпает по столу.)*

Бессудный отворяет середнюю дверь, быстро взглядывает и опять затворяет. Его видят Аннушка и Сеня.

Аннушка. Что ты делаешь! Убери деньги! Ради бога, убери!

Сеня. Петр Мартыныч, уберите деньги.

Аннушка. Да уезжайте вы от греха.

Непутевый. Зачем! Я здесь погулять хочу.

Бессудный опять выглядывает.

Аннушка. Говорят тебе, убирай деньги! У брата глаза разгораются, так добра не бывать.

Непутевый. Зачем убирать? Пущай лежат. Вам что за дело!

Сеня. Петр Мартыныч, хочешь ты цел быть, так убирай деньги да и поедем сейчас; а то так и с головой своей простись.

Непутевый *(Аннушке)*. Верно он говорит?

А н н у ш к а. Какой ты дурак, как погляжу я на тебя! И жалеть-то тебя не стоит.

Непутевый собирает деньги.

С е н я. Петр Мартыныч, постой, оставь штуки четыре.

Н е п у т е в ы й. Зачем?

С е н я. Стало быть, надо. *(Кричит в дверь.)* Раззоренный!

Н е п у т е в ы й *(Аннушке)*. Пойдешь за меня замуж? Вот отец умрет, я большой останусь.

А н н у ш к а. Ну, хорошо, хорошо. В другой раз потолкуем.

Р а з з о р е н н ы й входит.

С е н я. Где хозяин?

Р а з з о р е н н ы й. Никак на дворе возится.

С е н я. Ты еще не носил колеса в кузницу?

Р а з з о р е н н ы й. Еще и кузнеца-то нет.

С е н я. Так закладывай и поедем. *(Показывает ему золотой.)* Видишь ты это! Чтоб без разговору! Как готово, сейчас, значит, и получай.

Р а з з о р е н н ы й. Мне что ж! Я хоть сейчас. *(Хочет идти.)*

С е н я. Постой! Говори за ту же цену, только правду говори! Хозяин здешний на руку не чист?

Н е п у т е в ы й. Во фрунт передо мной!

С е н я. Да погоди! Эко с тобой наказание!

Р а з з о р е н н ы й. Да поговаривают.

С е н я. А что?

Р а з з о р е н н ы й. Будто опаивает чем-то, потом оберет да с двора в шею; мне, говорит, с тобой с пьяным не возиться. А кто ж его знает, может и врут.

А н н у ш к а. Уезжайте вы, ради бога, пока засветло.

С е н я. Слышишь, Петр Мартыныч! Ну, ступай.

Р а з з о р е н н ы й уходит.

Дай Аннушке-то!

А н н у ш к а. Мне не надо.

С е н я. Ну, так оставь на столе хозяевам, а один ямщику возьмем. Да пойдем сядем в повозку, пока закладывают. Прощайся с хозяевами. Вот тебе картуз! А это я вынесу! *(Берет одежу с лежанки.)*

Н е п у т е в ы й. Хозяин, а хозяин! Прощай.

Б е с с у д н ы й выходит из сеней, Е в г е н и я — из середней двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Непутевый, Сеня, Аннушка, Бессудный и Евгения.

Бессудный. Куда заторопился! Погости! У меня шампанское для тебя припасено.

Непутевый. Не надо! Захотел да и поехал! Вот и знай нас. Вон там возьми себе один за угощение. Прощай, хозяйка!

Евгения. Прощай, Петя! Прощай, сокол мой ясный, молодец распрекрасный.

Целуются.

Непутевый. А ты возьми себе за ласку остальные! Прощайте! *(Уходит.)*

Бессудный. Что он, белены, что ль, объелся! С чего он так вдруг?

Сеня. Кто ж его знает! Он у нас нравный! За угощение, хозяева! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бессудный, Евгения и Аннушка.

Бессудный. Отчего они уехали?

Аннушка. Почем я знаю. Не угодили чем-нибудь.

Евгения. Не ты ль не угодила?

Аннушка. Я не в тебя, очень-то угождать не умею.

Бессудный. Он тут деньги на стол сыпал?

Аннушка. Сыпал.

Бессудный. Зачем?

Аннушка. Так, ломался. Высыпал да опять убрал.

Бессудный. А много ль тебе дал?

Аннушка. Мне? Ничего. За что мне? Он за ласку деньги платит; а от меня ему ласки не было.

Евгения. И у меня ласка всем ровная; особой ласки ни для кого, кроме как для мужа, нет.

Аннушка. Полно, так ли?

Евгения. Да ты что за судья надо мной! У меня муж есть. Ты про что это еще?

Аннушка. Про особую-то ласку. Ты говоришь, что, кроме мужа, никому нет; так нет ли, вспомни.

Евгения. Что ж ты меня с мужем расстраивать хочешь? Ненавистно тебе, что мы живем в любви? Нет, уж это тебе не удастся.

Аннушка. Что мне вас расстраивать! Вас не расстроишь. Ты двадцать раз мужа-то обманешь. Я знаю, что я говорю. Кабы не своими я глазами видела.

Бессудный. Что, что?

Евгения. Не слушай, не слушай, Ермолаич! Это она от ненависти.

Аннушка. Ты говоришь, я расстраиваю; ты людей расстраиваешь-то!

Евгения. Что ты с больной-то головы да на здоровую!

Аннушка. Ты не вертись! Уж коли я что скажу, так вправду. Тут вот, на самом этом месте...

Бессудный. Ну, договаривай! Начала, так у меня договаривай.

Евгения. Не слушай ты ее, Ермолаич, не слушай. Теперь-то я догадалася! Не говори, пожалуйста, не просят тебя. Я сама все расскажу. Ишь, какая диковина!

Бессудный. Ну, так говори!

Евгения. Ох, смех, право, смех! Слушай-ко ты, Ермолаич! А уж я думала, бог знает что...

Бессудный. Что вертишься-то! Говори толком.

Евгения *(притворно смеется)*. Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Как провожали мы барина-то, бегу это я в сени-то, таково тороплюсь, таково тороплюсь... а он, ха-ха-ха, ха-ха-ха! — и схватил меня.

Бессудный. Схватил,— да! Ну?

Евгения. Вот она выходит, а он, ха-ха-ха! ей в насмешку, ха-ха-ха-ха! и поцеловал меня.

Аннушка. Да он меня и не видал, и ты меня не видала.

Евгения. Видел, видел, видел. Ха-ха-ха, ох, видел, видел!

Бессудный. Что-то смех-то у тебя не смешон выходит.

Евгения. Да как на нее не смеяться-то! Ха-ха-ха!

Бессудный. Шалишь, лукавишь. Дай срок, я тебя допрошу по-своему, ты у меня не так заговоришь. Да чего тут ждать! Сердце мое не терпит! Сказывай, Анна, как что было!

Евгения. Век ты моей погибели хотела; вот радуйся теперь, коли тебе муж больше верит.

Жук входит.

Жук. Барин Миловидов приехал.

Бессудный. О, чтоб вас! Вот еще принесло! А ты, Евгения, помни! *(Грозит пальцем.)* Ходи, да оглядывайся. Даром тебе не пройдет. *(Уходит.)*

Аннушка. Ишь, как часто стал... Меня любил, так на дню по два раза не ездил. Ну, золовушка, в одном мы доме с тобой живем, как нам дружка делить? Не на ту ты напала, я тебе дешево его не отдам. Нет, я пошутила, бери его вовсе.

Евгения. Змея, змея, за что ты меня губишь! Какая тебе польза!

Аннушка. Губишь! Какая твоя погибель! Муж поколотит, так милый друг приласкает; вот ты и утешишься, а меня утешит одна сыра земля. Да, сырая земля, знай ты это! *(Уходит.)*

Евгения. Ах, батюшки! Вот страх-то. Рученьки опустились, ноженьки подкосились. Падаю! Ох, падаю! С места-то никак не сойду. Экой муж-то у меня страшный! Глазищи-то, как у дьявола! Выпучит их, так словно за сердце-то кто рукой ухватит! Как бы мне только эту беду с плеч стрясти! Увертки-то все бабьи из головы вылетели. Много я их знала, уверток-то, да все вылетели. Только бы он не убивал, погодил бы немножко, дал мне сроку на полчасика, а уж я б что-нибудь придумала. Батюшки! С духом-то не соберусь. Идут. Не муж ли! *(Шепчет.)* Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его! Укроти сердце раба Вукола.

Входит Миловидов с трубкой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евгения, Миловидов, потом Бессудный.

Евгения *(тихо)*. Ой, не подходи! Ой, не подходи! *(Берет скатерть и стелет на стол.)*

Миловидов. Что так?

Евгения. Золовка-злодейка подсмотрела да все рассказала, все, злодейка, рассказала.

Миловидов. Плохо твое дело!

Евгения. Ты за ус себя дергай, за ус себя дергай!

Миловидов. Никак ты помешалась?

Евгения *(тихо)*. Да ты гляди, нет ли мужа сзади. Гляди!

Миловидов. Гляжу!

Евгения. Он теперь, аспид, глаз с меня не спустит. Мне оглядываться-то нельзя; он подумает, что мы с тобой шепчемся.

Миловидов. Ну, не оглядывайся.

Евгения. А ты дерни себя за ус-то, как он войдет, дерни; я и буду знать, что он здесь, такую и речь поведу; нарочно, чтоб он слышал.

Миловидов. Бедовая ты баба! *(Трогает себя за усы.)*

Бессудный тихо входит.

Евгения *(громко)*. Вам-то, барин, шутки, а муж-то мой сердится.

Миловидов. Уж будто и сердится; за что же тут сердиться, я не понимаю.

Евгения. Да ведь и правда, сударь, не хорошо; вы знаете, я женщина замужняя; мне это нейдет.

Бессудный уходит в середнюю дверь.

Миловидов. Ушел.

Евгения. Отведи им глаза!

Миловидов. Каким манером?

Евгения. Обмани ту дуру-то; поласкайся к ней! Будто ты теперь для нее приехал; она опять о себе возмечтает,— мешать-то нам и не будет,— да ты сделай так, чтоб и муж видел.

Миловидов. Мне это не долго.

Бессудный отворяет середнюю дверь и что-то шарит на лежанке.
Миловидов берется за усы.

Евгения. Вам это стыдно, вы благородный! С купцов мы не взыскиваем, потому с них и взыскать нельзя, они без этого жить не могут, а благородные люди совсем дело другое.

Миловидов. Да что ты ко мне пристала! Я сказал, что пошутил!

Евгения. Вам-то ничего, да мне-то не хорошо.

Бессудный уходит.

Миловидов. Опять ушел.

Евгения. А вот он нынче ночью уедет...

Миловидов. Куда? На разбой, что ли?

Евгения. Кто его знает. Лошадь с поля пригнали,

тележку готовят да с Жуком шепчутся. Так ты и приезжай; лошадей-то за кузницей оставь, а сам в задние вороты. Я тебя в сенях подожду.

Миловидов. Ну и отлично! Хватская штука! Так я непременно: ты меня жди.

Евгения. Муж-то раньше свету не вернется.

Бессудный входит.

Миловидов *(берется за усы)*. Я и не знал, что ты такая сердитая.

Евгения. Мы завсегда вам рады, и просто не знаем с мужем, как вам и угодить; только уж вы оставьте, вперед этого не делайте, прошу я вас.

Миловидов. Ну хорошо, хорошо!

Евгения. Чем потчевать прикажете? Чайку не угодно ли?

Миловидов. Нет, не хочу. Да что Аннушку не видно? Домой бы поехал, да пусть лошади отдохнут,—хоть бы с ней поболтать.

Евгения. Кто ее знает, должно быть в светелке. Я, пожалуй, пойду кликну. Только вы мужу не говорите, что я вам выговаривала; а то он, пожалуй, рассердится: скажет, как ты, дура деревенская, смеешь господ учить, которые умнее тебя.

Миловидов *(смеется)*. Хорошо, не скажу, не скажу.

Евгения *(наткнувшись на мужа)*. Ох, чтой-то ты, Ермолаич, как перепугал. Я тебя и не вижу. Да когда же ты, Ермолаич, взошел-то?

Бессудный. Уж ты ступай, куда тебя посылают.

Евгения уходит.

Лошадей-то отложить аль нет?

Миловидов. Не надо, пусть так постоят. Какая жена-то у тебя строгая!

Бессудный. Полоумная она или умна, что ль, очень, уж я и не разберу.

Миловидов. Ты не разберешь, так кто ж ее разберет; тебя тоже на кривой-то не объедешь.

Бессудный. Оно точно, что меня объехать трудно; только нынче больно народ-то хитер стал. Люди-то всё умнеют, а мы-то стареем да глупеем.

Миловидов. Так ты боишься, что жена-то умней тебя будет, когда ты состареешься?

Б е с с у д н ы й. Уж это сохрани господи, глупей бабы быть! Не то что умней, а вороватей.

М и л о в и д о в. А ведь, должно быть, скверно, когда жена обманывает! Как ты думаешь?

Б е с с у д н ы й. Что хорошего? Да ведь каков муж! Другого обманет, так и сама не рада будет, что на свет родилась. Вот я тебе притчу скажу. Был у меня приятель, мужик богатый, человек нраву крутого. Только стал он за женой замечать, что дело не ладно. Вот он раз из дому и собрался будто в город, а сам задворками и воротился, заглянул в окно, а жена-то с парнем. Что ж он, сударь, сделал!

М и л о в и д о в. А что?

Б е с с у д н ы й. А вот что: парню-то он дал уйти; выждал поры да времени, затопил овин, будто хлеб сушить, да пошел туда с той,— с женой-то, с подлой-то, да живую ее, шельму, и зажарил. Вот что он сделал!

Молчание.

М и л о в и д о в. Судили его за это?

Б е с с у д н ы й. Нет.

М и л о в и д о в. Отчего же?

Б е с с у д н ы й. Да кто ж видел! Кто докажет? Сгорела, да и все тут. Он потом на Афон молиться ушел. А по-моему, так и судить-то не за что: моя жена, я в ней и властен. Да где ж это бабы-то? Где вы там?

А н н у ш к а показывается из середней двери.

Поди, что ты там забилась! Где вас надо, тут вас и нет. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

М и л о в и д о в и А н н у ш к а.

М и л о в и д о в. Скучно что-то, Аннушка!

А н н у ш к а. Вам-то скучно? Может ли это быть?

М и л о в и д о в. Отчего же?

А н н у ш к а. Да вы какое хотите веселье, такое себе и найдете. Все в вашей воле. Вам некогда и скучно-то быть! А вот нашу сестру скука-то одолеет, тут куда деться!

М и л о в и д о в. Не то что мне скучно, а так, делать нечего.

А н н у ш к а. Да какое же у господ дело! Разве вы, век

свой живете, делаете что-нибудь! Обыкновенно одна только забава! Надоело дома, по соседям пировать поедете; и то наскучило — так соберете псарню да зайцев гонять; а то так над нашей сестрой издеваетесь да помыкаете, как хотите. Ведь вы, чай, про себя-то думаете, что у нас души нет, мы и чувствовать ничего не можем. Вы, чай, думаете, что мы и не тоскуем никогда. А знаете ли вы, Павлин Ипполитыч, что несчастней нас, девушек, нет никого на свете.

М и л о в и д о в. Да пожалуй, что ты и правду говоришь.

А н н у ш к а. Правду, Павлин Ипполитыч, правду.

М и л о в и д о в. Да что ты стоишь, Аннушка! Садись сюда ближе!

А н н у ш к а. Сейчас. Вам трубку?

М и л о в и д о в. Да. *(Кричит.)* Гришка!

А н н у ш к а *(берет трубку и подходит к дверям)*. Гриша, подай барину трубку. *(Приходит и садится рядом с Миловидовым.)* Какой хотите пример возьмите, хоть меня. Приходит девушка в возраст, как должно; что у ней на уме, спросите-ко! Милый человек и больше ничего. Потому всякая знает хорошо, что только ей и пожить, пока она на свободе; а как выдали замуж, так и стала работницей до самой смерти. В это время долго ль нас обмануть! Всякому веришь; кто что ни говори, все думаешь, что правда. Вот этак другой обойдет девку словами, та думает, что она в раю; а он про нее и думать забудет, да еще смеется над ней. Вот когда, Павлин Ипполитыч, девушке скучно-то бывает. Вот когда ей жизнь-то не мила. А у вас какая скука!

М и л о в и д о в. Разумеется.

Г р и ш к а подает трубку и уходит.

А н н у ш к а. Нападет тоска по милом-то, куда с ней деваться! Эту тоску в люди не снесешь, ни с кем не разделишь. Разве пожалеют тебя! Всякий над тобой же смеется. И размыкивай горе одна, в углу сидя. А одной-то с горем куда тяжело! Сидишь, не дышишь, как мертвая, а горе-то у тебя на сердце растет... Точно гора какая тебе сердце давит... Мечешься, мечешься.

М и л о в и д о в. Хорошая ты девушка, Аннушка!

Аннушка. Теперь только разве вы узнали, что я хорошая девушка? Было вам время меня узнать-то; я тогда еще лучше была.

Миловидов хочет обнять ее; она встает.

Что же это такое вы делаете! За что меня обижаете!

Миловидов. Чем же я тебя обижаю?

Аннушка. Любите другую, а меня от скуки целовать хотите! Что же я такое для вас? Как же мне о себе думать? Ведь это вы мне нож в сердце!

Миловидов. Кто ж тебе сказал, что я тебя не люблю?

Аннушка. Вы сами сказали давеча на этом месте. Не пожалели меня, прямо в глаза сказали.

Миловидов. Мало ль что я говорю. Так давеча хандра какая-то нашла.

Аннушка. Мне бы к вам и выходить-то не надо было; уж я теперь и ругаю себя; да сердце-то наше слабо; все думаешь, а может быть...

Миловидов. Что «может быть»?

Аннушка. Да, может быть, думаешь, он бога побоится, совесть его зазрит. А ведь и знаешь сама, что этого никогда не бывает; а все лезешь на глаза, точно милости просишь. Стыдно потом до смерти! Нет, прощайте! *(Плачет.)*

Миловидов хочет обнять ее. Она отталкивает его.

Оставьте вы меня!

Миловидов. Ну я виноват, ну прости ты меня, прости! *(Обнимает ее.)*

Аннушка. Бог с вами!

Миловидов целует ее.

Ах, боже мой! Что вы со мной делаете! Оставьте, оставьте меня! Ведь я живой человек, вы видите, я с собой совладать не могу. А это не хорошо. Стыд-то какой, стыд-то какой! Что я из себя делаю! Где у меня совесть-то! Я себя после проклинать буду.

Миловидов. За что же?

Аннушка. Уж про любовь я вас и не спрашиваю! Какая любовь! Хоть немножко-то вы меня жалеете ли? Чтоб мне не так было самое себя совестно, что вы меня целуете. Или вы все смеетесь надо мной?

Миловидов. Как можно, что ты!

Аннушка. А потом опять на меня глядеть не станете. Куда я тогда от своего стыда денусь?

М и л о в и д о в. А мне кажется, что я тебя полюблю больше прежнего.

А н н у ш к а *(смотрит на него как бы с испугом)*. Прежде вы меня обманули,— бог с вами; а теперь обманете,— бог вас накажет. *(Прилегает к Миловидову на грудь.)*

Входят Бессудный и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Миловидов, Аннушка, Бессудный и Евгения.

Е в г е н и я. Совет да любовь!

А н н у ш к а. Ах! Что я это! Вот вы меня перед людьми в стыд ввели.

М и л о в и д о в. Что за стыд! Вот вздор! Я поеду домой, а денька через два приеду. Гришка!

Гришка у двери.

Лошадей! Прощай, хозяин! Прощай, хозяйка!

Целуются.

Прощай, Аннушка, милая!

Целуются. Уходит. Аннушка провожает его.

Е в г е н и я. Видел?

Б е с с у д н ы й. Ну, видел. Ну так что же? Вас тут сам лукавый не разберет.

Е в г е н и я. Вот ты теперь и кланяйся жене-то в ноги за обиду. За что ты давеча на меня зашипел, как змея василиска!

Б е с с у д н ы й. Ну, ладно! Вперед зачти.

Уходят в середнюю дверь.
Аннушка возвращается.

А н н у ш к а. Боже мой! У меня голова закружилась! *(Опирается руками на стол и смотрит в окно.)* Неужели воротились мои золотые дни! Уж переживу ли я, бедная, этакое счастье! Вон как покатил, голубчик мой! Экой молодец! Жизнь ты моя! Никогда я так тебя не любила, как теперь. Нет моей воли над собой! И счастье мое, и погибель моя в твоих руках. Пожалей ты меня, бедную!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

БЕССУДНЫЙ.

ЕВГЕНИЯ.

АННУШКА.

МИЛОВИДОВ.

ЖУК.

ГРИШКА.

ИВАН
кучер Миловидова.

Сени на постоялом дворе; посередине две двери: правая — в черную избу, левая — в чистую комнату; между дверями, у стены, скамья и стол, на столе свеча в фонаре; в левом углу лестница в светелку; с правой стороны дверь на двор; над дверью низенькая рама: четыре небольших стекла в один ряд. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аннушка *(сходит с лестницы)*. Как в светелке страшно одной-то! Ночь темная, ветер воет. Мужиков же никого в доме нет. Жук уехал. Видела я из окна, как Евгения и брата проводила с фонарем куда-то. Теперь мы одни с ней остались. Пойти хоть к ней, все не так страшно! Выбраться бы мне поскорей из этого дому! Над ним беда висит, уж чует мое сердце; все здесь не ладно, все здесь живут не по совести. Брат часто по ночам отлучается, соседи говорят про него что-то недоброе, Евгения на каждом шагу лукавит. Что за житье! У всех только деньги на уме, как бы ни добыть, только бы добыть. А сколько из-за этих денег греха на душу принимают, об этом никто и не думает.

Стук в дверь со двора.

Кто-то стукнул!

Голос за сценой: «Евгения!»

Кто-то Евгению кличет. *(Прячется за дверь в избу.)*

Евгения выходит со свечой из двери, которая направо

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Евгения, потом Миловидов.

Евгения. Никак, кто-то стукнул! *(Подходит к середней двери.)* Кто там?

Миловидов *(за сценой)*. Помещик Миловидов; а ты разве еще ждешь кого-нибудь?

Евгения *(отпирая)*. Ах, сердечный! Кого ж мне ждать, кроме тебя! Что это ты срамить вздумал! Экой обидчик! *(Целует его.)* А уж я думала, что ты не придешь.

Миловидов. Отчего?

Евгения. Да уж больно ночь темна.

Миловидов. А ведь муж уехал же!

Евгения. Уехал.

Миловидов. Ну, так и я не маленький. Он темноты не боится, так чего ж и мне бояться. Ты, чай, знаешь, для кого темные ночи хороши?

Евгения. А для кого?

Миловидов. Для воров да для любовников. Значит, нам с ним и наруку.

Евгения. Ах ты, проказник, проказник! Вот уж ты-то точно что любовник; это надо правду сказать. Кто на тебя ни взглянет, всякий скажет, что любовник. А за что ж ты мужа-то моего вором зовешь?

Миловидов. А куда ж он ночью уехал?

Евгения. Да, чай, в казенном лесу дровец порубить.

Миловидов. Ну все ж таки воровать.

Евгения. Да нешто это воровство! Уж это, кого ни возьми из соседей, у всех такое заведение. Однако надо запереть дверь-то!

Миловидов. Погоди, надо людям приказать. *(Подходит к наружной двери.)*

В это время Евгения всходит на лестницу.

Эй, Гришка! Иван! Вы здесь?

За дверью: «Здесь, сударь».

Лошадей у кузницы под сарай запереть! А сами настороже, да не дремать, а держать ухо востро. Слышите!

За сценой: «Слушаем, сударь!»
Евгения возвращается и запирает дверь.

Миловидов. Ух, устал! От самой кузницы пешком шел. *(Садится на скамью.)* Ты зачем наверх ходила?

Евгения. Светелку заперла.

Миловидов. Для чего?

Евгения. Чтобы Анна, коли проснется, сюда не пришла; девичий-то сон, говорят, чуток.

Миловидов. А она в светелке?

Евгения. В светелке. А тебе на что? Тебе-то на что, завистные твои глаза? Уж я тебя давеча и то было к ней приревновала, да вспомнила, что сама ж тебя учила приласкать ее, уж после и смешно стало.

Миловидов. Что ты ни толкуй, а мне ее жаль.

Евгения. Ну да, как не жалеть! Эка невидаль!

Миловидов. Немало я их на своем веку обманывал — и ничего; а перед этой как-то совестно.

Евгения. Очень нужно совеститься! Велика она птица! Уж мне потом на нее-то очень смешно. Ходит и ног под собой не слышит, точно как княгиня какая, уж никак себя ниже не считает. А я-то про себя думаю: дура, мол, ты, дура! Так-то вас и обманывают. Приласкай вас, вы и раскиснете, рады всему поверить. А когда ж это бывает, чтобы мужчина бросил да опять к той же пришел? Мало, что ль, для них других-то дур на свете, вот хоть таких, как я, сирота бедная. *(Смеется.)*

Миловидов. Рассказывай! Одурачишь тебя, как же! Ты захочешь, так нас всех проведешь.

Евгения. Да уж за таким мужем живя, да в таком омуте, поневоле поумнеешь. Ну, других-то, положим так, что я провела, а тебя-то я чем же? Я тебя вот как, вот как люблю, что уж и не знаю, как описать.

Миловидов. А любопытно узнать, что у женщин на уме. Как бы до этого добраться?

Евгения. Что на уме? Да то же, что у вас.

Миловидов. Ну, нет, у них как-то по-другому. Вот, например, за что ты меня полюбила?

Евгения. Как за что? Первое дело: ты барин, а не мужик, красавец писаный! Кто ж тебя не полюбит! Ведь я не столб каменный! Второе дело: так-то жить, в спокойной-то жизни, скучно; а тут и мужа-то боишься, и увертки-то разные придумываешь, и дружку-то рада, как увидишь; все-таки кровь-то волнуется, все у тебя в голове каждый час забота

есть... То-то и жизнь по-моему. А по-твоему, как?

Миловидов. Да и по-моему, так же. Оттого-то я и не женюсь.

Евгения. И не женись. Что тебе за неволя хомут-то на шею надевать! Да что ж это ты, голубчик, здесь сидишь! Пойдем в комнату, я тебе и винца, и закусочку приготовила.

Миловидов *(встает)*. Пойдем! Только как же? Ведь в окна огонь видно будет.

Евгения. Так что ж за беда? У нас постоялый двор, всю ночь не гасим; вот и в сенях во всю ночь фонарь горит. Вдруг приедет кто, скоро ль огонь-то вздуешь, а тут уж готово.

Миловидов. А ну как муж воротится?

Евгения. Он ближе свету не будет.

Миловидов. А ну вдруг?

Евгения. Услышу, как постучит. Я тебя тогда в чулан спрячу, а как заснет муж да и Жук уляжется, тогда провожу за ворота.

Миловидов. Молодец ты, баба! Вот это мне наруку! этаких я люблю.

Евгения. То ли бы еще было! Вот только одна помеха, как бельмо у меня на глазу,— эта Анна. Как бы нам ее с рук сбыть. Замуж бы отдали, да и слышать не хочет. Ты когда к нам приедешь, так не очень с ней строго, а то она догадается. А ты все ее поманивай, все поманивай,— она на это глупа, не разберет, шутишь ты аль нет. Ну пойдем же, мой сокол ясный! Сколько теперь часов-то?

Миловидов *(смотрит на часы)*. Одиннадцатый в исходе.

Евгения. О, еще до свету-то как далеко!

Уходят в комнату.
Аннушка выходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аннушка *(одна)*. Вот я до чего дожила! Что я слышала! Как я жива стою! Дурой меня называли, смеялись надо мной! А какая ж я дура? Чем я дура? Разве тем только и дура, что верю человеку, когда он на небо глядит да божится, да верю тому, кто меня целует, что он меня любит. Виновата ли ж я, что у нас на каждом шагу Иуду встретишь, который тебя

целует, а сам тут же продает ни за грош. За что ж смеяться-то! Любил, ну перестал любить; за что ж ты смеешься-то? Я не навязывалась. Ты сам меня давеча позвал. Вот это обида! Обида кровная! Я говорю: смеяться будешь! «Нет», говорит. Вот это обида! Ох! Не снесет сердце! Вся душа-то у меня чернеет, как черная ночь. Самое себя мне страшно! Зажгу... Зажгу дом. Пусть сгорят оба и я с ними... *(Берет со стола фонарь.)* Пойду... сейчас пойду... Пусть же они знают... Батюшки, ноги нейдут, точно не пускает кто... Не моя, так чья-нибудь молитва бережет меня от греха смертного... Вот и жаль! Зачем мне его жаль стало? Что за глупое сердце девичье! Разве он не злодей мой! А ее убила бы, змею лютую! Братец, убей ее! Убей ее! А он пусть живет... Что я такое, чтоб из-за меня ему умирать! Что мы такое! А он барин... Вот он любил меня, теперь другую любит! Кто ж ему запретит... А я мучаюсь да мешаю ему. Вот что! Зачем мешаю ему?.. Зачем на свете живу, себя мучаю!.. Она нам помеха, говорят! Помеха я им! Ну, что ж!.. Где это у братца было... Видишь ты, я помеха, помеха! Боже мой! Я не живая, у меня сердца нет, я не чувствую; я помеха только. Ну, что ж! Ну пусть живут без помехи! Где это у братца было спрятано... Там в шкапу, кажется. *(Кивает головой в ту сторону, куда ушли Миловидов и Евгения.)* Ну, прощайте! Живите без помехи!.. А страшно! Страшно самой-то на себя... Ведь вот думаешь, что легко; а как придется, так страшно! Что есть на белом свете — со всем расставаться! Все жить... а я одна... Для всех-то завтра солнце взойдет, свежий ветерок подует, загорятся кресты на церквах, заскрипят ворота по деревням, погонят стадо... а мне темно, темно, темно будет. *(Уходит в избу.)*

Над дверью поднимается рама. Жук снаружи просовывает руку, вынимает болт, отворяет дверь и входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Жук, потом Бессудный.

Жук. Ступай, хозяин.

Бессудный *(входя с завязанной головой)*. Тише ты! Может, спят, так и ладно: мы тут постелемся.

Раздеваются.

Ж у к. Ну, хозяин, кабы не савраска, плохо наше дело; только он и выручил.

Б е с с у д н ы й. Я этому дураку-то поверил. Едут, говорит, пьяные, безо всякой опаски. Вот поди ж ты, грех какой. *(Поправляет повязку на лбу.)*

Ж у к. Больно зашиб?

Б е с с у д н ы й. Больно.

Ж у к. Чем это тебя он огрел?

Б е с с у д н ы й. Кто ж его знает! Ведь ты помнишь? Едут они шагом, ямщик дремлет, и мы за ними шагом; слез я тихо, подошел к тарантасу, слышу, храпят; стал я веревки отвязывать осторожно, что сам себя не слышу, как он меня ошарашит! Да как крикнет: «Стой, ямщик, не слышишь, грабят!» Да как выскочут трое. Не впрыгни я в телегу да не повороти ты живо, только б мне и на свете жить. Всю дорогу у меня искры из глаз сыпались. Ты лошадь-то куда дел?

Ж у к. Я ее стреножил да со двора спустил. Она своих лошадей найдет, а уж чужому ни за что не дастся.

Б е с с у д н ы й. Струмент-то в телеге?

Ж у к. В телеге.

Б е с с у д н ы й. Пойти спрятать подальше от греха, неровен час, подозрения бы не было.

Ж у к. Обыску, что ль, боишься?

Б е с с у д н ы й. А то чего ж? Известно обыску. На меня соседи злы, так и смотрят, вороги, как бы тебя под кнут подвесть. Уж я откупался, откупался, а все не с своим братом, того и жди, что нагрянут.

Ж у к. Так пойдем уберем.

Б е с с у д н ы й. Нет уж, я когда что прячу, так один.

Ж у к. Что ж, я докажу, что ли? Вместе ведь мы с тобой...

Б е с с у д н ы й. Доказать не докажешь, а все-таки здоровее. *(Уходит.)*

Ж у к *(прислушивается у двери)*. Что ж бы это такое? Разговор. *(Приотворяет немного дверь.)* Вот те раз, да и барин здеся. С хозяйкой сидят. Ах! Баластво! Ну, подожди ж! Хозяин тебе спасиба не скажет. Говорить аль нет? Пойду лучше скажу; пусть возьмет арапельник хороший. Надоть будет ее поучить, чтоб она не баловалась. Видно, без науки с бабой ничего не сделаешь. *(Уходит.)*

Выходят М и л о в и д о в и Е в г е н и я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Миловидов и Евгения.

Миловидов. Мне вдруг послышалось, что кто-то стонет.

Евгения. Батюшки, и дверь расперта! Не муж ли?

Миловидов. Кто же стонет-то?

Евгения. Уж я не знаю. Я пойду лягу, будто сплю мертвым сном, ты тоже схоронись где-нибудь. *(Уходит.)*

Миловидов *(подойдя к двери, которая в избу)*. Точно как здесь? Да здесь и есть. *(Уходит в дверь.)*

Со двора входят Бессудный и Жук.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бессудный и Жук.

Жук. Неладно, хозяин, право, неладно.

Бессудный. Да что? Говори, образина!

Жук. У нас гости, непрошенные.

Бессудный. Воры, что ли? О, убью до смерти! По крайности есть на ком сердце сорвать. Где они? Указывай! *(Берет нож.)*

Жук. Воры не воры, а и не добрые люди.

Бессудный. Да где? В избе, что ли?

Жук. Ты поди подле хозяйки поищи! Я отворил дверь-то, а он там сидит, вино пьет.

Бессудный. Кто?

Жук. Барин, Миловидов.

Бессудный. Ну, барин, держись теперь!

Жук *(хочет остановить его)*. Что ты, что ты? Опомнись!

Бессудный. Ты себя-то береги! Не подвертывайся мне под руку, когда я в задор войду. Пора тебе меня знать.

Из двери избы выходят Аннушка и Миловидов, который ее поддерживает и сажает на скамью.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бессудный, Жук, Миловидов и Аннушка.

Бессудный. Так вот ты с кем?

Миловидов. А ты что думал? Какая ты, Аннушка, бледная.

А н н у ш к а. Я говорю, что я умираю.

М и л о в и д о в. Полно! Ну уж и умирать! Расхворалась от простуды, вот и все тут. Ведь сама же говоришь, что простудилась. *(Садится подле нее.)*

Б е с с у д н ы й *(Жуку)*. Что ж ты врешь! Ведь ты мне всю нутренность надорвал. Полоснуть тебя хорошенько, так ты забудешь хозяина пугать.

Ж у к. Ну тебя! Уйти от греха. Ишь ты, ровно сумасшедший, под носом не видишь, а на своих мечешься. *(Уходит.)*

М и л о в и д о в *(Аннушке)*. Да что с тобой, скажи ты мне!

А н н у ш к а. Ничего, ничего; только не уходи от меня, посиди со мной немного.

М и л о в и д о в. Изволь, изволь, я посижу с тобой. *(Бессудному.)* Ты откуда явился?

Б е с с у д н ы й. Я-то не диковина, твоя-то милость какими судьбами не в указные-то часы по чужим дворам жалует?

М и л о в и д о в. Был на охоте в ваших болотах, да и запоздал, а домой-то проселком ехать темно; вот я и заехал.

Б е с с у д н ы й. Так! Стало быть, тебе теперича верить надо?

М и л о в и д о в. Как хочешь.

Б е с с у д н ы й. Не лжешь, так правда.

М и л о в и д о в. Что это лоб-то у тебя?

Б е с с у д н ы й. На сучок наткнулся, за лесом ездил.

М и л о в и д о в. За чужим?

Б е с с у д н ы й. Кто ж ночью за своим ездит. А жена где?

М и л о в и д о в. Спит, должно быть. Что ж ей больше делать? Ступай, старик, и ты спи, а я с больной посижу.

Б е с с у д н ы й. Да уж одно дело, что спать, не в гулючки ж играть. *(Уходит.)*

А н н у ш к а. Ох! Скоро мой конец. Хочешь ты меня слушать, так послушай, а то ступай с богом. Не поминай лихом! Завтра меня на свете не будет.

М и л о в и д о в. Ах, Аннушка, как мне тебя жаль, бедную! Повяжи голову, намочи уксусом, вот и пройдет! Да скажи ты: что с тобой? Что ты чувствуешь?

А н н у ш к а. Скажу, не утаю; только мне нужно тебя спросить прежде.

М и л о в и д о в. Изволь, Аннушка, изволь; спрашивай все, что тебе угодно!

А н н у ш к а. Я у тебя буду спрашивать, а ты мне отвечай! Ах, как голова кружится! Только ты не лги. Грех тебе будет; ты видишь, я умираю... И умру к завтрему, ты уж мне поверь!.. И жить мне незачем... Да, так что же я хотела? Да, вот: ты меня любил?

М и л о в и д о в. Любил, Аннушка, очень любил. Ты сама знаешь, как я любил.

А н н у ш к а. А теперь разлюбил? Только ты не греши, не обманывай, как давеча.

М и л о в и д о в. Что ж делать-то, Аннушка, с сердцем не совладаешь. Я и теперь люблю тебя, только что не по-прежнему. Уж ау, брат, прежнего не воротишь.

А н н у ш к а. А я все по-прежнему. Ну да хорошо! Ты теперь Евгению полюбил?

М и л о в и д о в. Ты потише, как бы муж не услыхал. Ну, да не то что полюбил, а так она мне своим веселым характером понравилась. Да и притом же у меня такое правило, Аннушка, никому пропуску не давать. Бей сороку и ворону... Все ж таки это далеко не то, как я тебя любил.

А н н у ш к а. Ну да хорошо, хорошо, это твое дело. Никто тебе указывать не может, кого ты хочешь, того и любишь. Мне теперь только одно нужно знать от тебя, одно; а там хоть и умирать. Неужто же Евгения меня лучше, что ты меня променял на нее? Вот эта-то обида мне тяжелей всего; вот это-то меня до погибели и довело. Чем-таки, скажи ты мне, чем-таки она меня лучше? А по-твоему выходит, что лучше. *(Плачет.)* Я тебя любила так, что себя не помнила, весь свет забыла, привязалась к тебе как собака, ни душой, ни телом перед тобой не была виновата, а ты меня покидать стал, полюбил бабу, чужую жену. Все было бы это ничего, а вот что мне уж очень обидно, чего я пережить не могла... знать, уж она очень мила тебе, что ты для нее стал меня в глаза обманывать да потом вместе с ней смеяться надо мной. Вот что ты мне скажи теперь, не утай ты от меня: чем она тебе так мила стала, и с чего я тебе так опротивела? *(Плачет.)* Мало тебе того, что ты меня безо всякой вины обидел, ни с того ни с сего от себя прочь оттолкнул, ты еще из меня, для моей злодейки, потеху сделал.

чтоб ей не скучно было. Ох, господи боже мой! Господи боже мой! Умереть бы поскорей!

Молчание.

Только что мое сердце больное подживать было стало, надорвал ты его давеча своими притворными речами да поцелуями; да над моей болью-то смеетесь с ней вместе. Ведь я здесь была, я все слышала. За что ж мне такая казнь от тебя, скажи ты мне? Чем я перед тобой виновата? Что я такое страшное сделала? И она-то чем вдруг тебе так мила стала, что ты никого для нее не жалеешь!

Миловидов. И ты говоришь, что ты никакой вины за собой не знаешь?

Аннушка. Никакой; вот видит бог. Мне теперь лгать не к чему! Мне недолго жить осталось!

Миловидов. И ты считаешь, что я тебя обидел?

Аннушка. Да как же не обидел-то! Чего ж еще! Ты посмотри на меня!

Миловидов. Даром обидеть я никого не хочу. За дело я точно что не помилую; а даром обижать безответных людей нам не годится. Так ты говоришь, что я тебя даром обидел?

Аннушка. Даром, Павлин Ипполитыч.

Миловидов. Это по твоему понятию даром, а по нашему, не даром. Я тебя любил; помнишь, как за тобой ухаживал, как за барышней, а ты что ж мне всего не сказала? Разве это честно! Ну, сгоряча-то я женился бы на тебе, куда бы мне тогда только носто свой показать? Ты должна была мне все сказать.

Аннушка. Да что все-то?

Миловидов. Да то, что у тебя был любовник, что ты с ним и теперь видаешься.

Аннушка. Что ты! Что ты! Не греши! Ведь я еще живая, вот после говорите, что хотите. Да я, пока к брату не переехала да тебя не увидала, не знала, что это и слово-то значит. Как же мне жить на свете после таких слов твоих! Умирать и надо. Кто бы говорил, да не ты.

Миловидов. Так меня обманули?

Аннушка. Бог с тобой! Как хочешь, так и думай! Мне теперь все равно. Кто это тебе сказал? Уж не она ли?

Миловидов. Она. Да она же мне еще говорила: «Ты что на нее смотришь, что она такую недотрогу разыгрывает! С другими она так не манежится, это с тобой только; потому что она тебя заманивает, чтоб ты на ней женился. Она уж давно всем говорит: «Быть мне барыней! Посмотрите, как я его, дурака, обойду». Каково ж мне было это слышать! Мне, Миловидову! Ну, так нет, говорю, шалишь!

Аннушка. Зачем же ты ей верил?

Миловидов. Нельзя было не верить. Бывало, я прощаюсь с тобой, домой сбираюсь ехать, а она стоит, головой качает да вздыхает. Я у нее раз и спросил: — Что, мол, ты вздыхаешь? — Да так, говорит, жаль мне тебя.— Что так? говорю. Она мне все вот это и рассказала; ну, я и оглобли назад от тебя.

Аннушка. И стал ты меня обижать всячески, и стала я вам помеха!

Миловидов. Ну, да уж теперь ей от меня достанется. Я еду-еду не свищу, а наеду — не спущу.

Аннушка. Ох! Сил моих больше нету.

Миловидов. Ты бы легла пошла.

Аннушка. И то, пойду лягу. Не дойти мне до светелки-то.

Миловидов. Я провожу тебя.

Аннушка. Ну, теперь ты веришь, что я ни в чем перед тобой не виновата?

Миловидов. Верю, Аннушка, верю.

Аннушка. Ну, и хорошо! По крайней мере ты зла не будешь на меня иметь, простишься со мной без сердца, по-христиански. И я тебя прощаю, ты не виноват. А кто виноват, того суди бог. Мне больше не жить. Ты никому не говори... Ох! *(Опускает голову на стол.)*

Миловидов. Что ты, Аннушка, Аннушка? *(Кричит.)* Бессудный!

Входит Бессудный.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Миловидов, Бессудный и Аннушка.

Бессудный. Что еще? Покою нет на вас.

Миловидов. Твоя сестра умирает.

Бессудный. Ну, что ж! Умрет, так похороним. С чего ж это она умирать вздумала?

Миловидов. А с того, что твоя жена обманула меня, да вот и довели девку до погибели.

Бессудный. Чем же это она тебя обманула?

Миловидов. А тем, что наплела мне на нее, что у нее любовник есть, да разного вздору, отбила меня от девки.

Бессудный. Так это она?

Миловидов. Она.

Бессудный. Зачем же она?

Миловидов. Стало быть, ей нужно было. Сам догадайся.

Бессудный. Догадаться-то я уж давно догадываюсь, только... Эх, барин!

Миловидов. Что — эх, барин!

Бессудный. Ты шутить шути, а за больное место меня не задевай! Я ведь не погляжу...

Миловидов. Ну, ну! Мне больней твоего. Зови жену сюда, зови, говорю я.

Бессудный. Ох, барин! Да если все это правда, ты уходи лучше. Не хорош я всердцах, я самому себе страшен, я проклятый человек.

Миловидов. Зови жену, говорю я. Надо же дело на свежую воду вывести. А тебя я не испугаюсь; не на того напал.

Бессудный уходит.

Аннушка! Милая! Что с тобой?

Аннушка *(слабым голосом)*. Не говори никому. Я отравилась.

Миловидов. Боже мой! Что ты! Чем? Когда? Говори скорей!

Аннушка. Вон там, сейчас...

Миловидов. Мы тебя спасем, Аннушка, поможем тебе! Эй! Где вы там?

Аннушка. Нет, уж теперь поздно. *(Падает без чувств.)*

Входят Бессудный и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Миловидов, Аннушка, Бессудный, Евгения, потом Гришка, Иван и Жук.

Миловидов. Кабы только ей помочь, ничего я не пожалею. Нет ли у вас чего! Поскорей! Поскорей!

Евгения. Да что с ней, батюшки?

Миловидов. Она отравилась, дьяволы вы этакие!

Бессудный. Как так отравилась! Чем у нас отравиться!

Миловидов. Я ее застал там, в кухне, у шкапчика.

Бессудный. Посмотрю пойду, что там такое. *(Уходит.)*

Миловидов. Вот ты что наделала! Весело теперь тебе смотреть на нее!

Евгения. Кто ж это знал! Кто ж это знал! Я сама-то умираю.

Миловидов. Убью я тебя на месте! Зачем ты мне налгала на нее?

Евгения. Кому ж чужое счастье не завидно!

Миловидов. Так это все вздор, что ты говорила, все неправда? Ну, говори!

Евгения. Все неправда! Все неправда!

Миловидов. Ведь тебя теперь повесить за это мало! Ну, да вот я с мужем поговорю: он тебя рассудит по-своему.

Евгения. Не губи! Ради бога, не губи! Лучше возьми убей меня из своих рук, только мужу не говори.

Миловидов. Неужли ж тебя помиловать! Ведь за то, что ты сделала, в Сибирь ссылают, на каторгу.

Евгения. Легче мне в Сибирь идти.

Миловидов. Всех вас пора сослать туда, а гнездо ваше проклятое разорить, чтобы и праху не осталось.

Бессудный входит.

Всех вас в Сибирь сослать!

Бессудный. То-то вот и есть, горяч ты больно! Шум-то ты подымаешь из пустяков, только людей беспокоишь.

Миловидов. Как из пустяков! Загубили душу, разве это пустяки? Аль тебе и душегубство нипочем стало?

Бессудный. Кто ее загубил! Какое тут душегубство! Ничего не бывало. Я было и сам перепугался. Точно, что она лишнее хватила, да от этого не умрешь. Проспит часа два, да дня три голова проболит.

Миловидов. Что ты, Бессудный! Да ты врешь, разбойник!

Бессудный. Да уж это верно. Хочешь, при тебе сейчас выпью? Разбойник-то кто-нибудь другой, а не я.

Миловидов. Да, понимаю. Это, чем ты проезжающих поишь. Теперь я понял.

Бессудный. Это уж мое дело. Ты докажи прежде, что я пою́, да потом и разговаривай.

Миловидов. Ну, обрадовал ты меня. Уж я ее от вас к себе домой возьму. Аннушка, милая. *(Целует ее.)*

Бессудный. Бери, пожалуй! Не больно она нам нужна.

Евгения. Ты, стало быть, жениться хочешь?

Миловидов. Мое дело. Уж теперь нас громом не расшибешь!

Евгения. Ну вот и слава богу!

Миловидов. Ну, хозяин, я человек военный, простой; за твою прежнюю любовь да ласку, хочешь, я тебе скажу, зачем я к тебе ночью приехал?

Бессудный. Говори!

Евгения. Ой!

Бессудный. Что ты?

Евгения. Что-то, Ермолаич, в бок кольнуло! Так вдруг. С перепугу-то, что ли?

Миловидов. Так говорить?

Бессудный. Что ж, говори, мы слушать будем.

Миловидов. Нет уж, лучше я в другой раз.

Бессудный. Нет, уж ты, коли начал, так говори!

Миловидов. Насильно не заставишь; захочу, так не скажу.

Бессудный. Говори, барин!

Миловидов. Нет, ты сердит очень, я тебя боюсь.

Бессудный. Барин, не дразни!

Миловидов. Кабы ты не женился на молодой, так был бы покойнее, ревность-то бы тебя не мучила. Вот теперь и думай про себя, как знаешь; а я уеду, как ни в чем не бывал.

Бессудный. Не дразни, барин! Говорю тебе, не дразни! *(Кидается на Миловидова.)*

Миловидов *(вынимает пистолет)*. А этого не хочешь! *(Свищет.)*

У дверей показываются Гришка и Иван.

Стойте здесь! Мы лучше с тобой честь-честью простимся. Иван!

Иван. Что, сударь, угодно?

Миловидов. В полчаса довезешь домой?

Иван. Как прикажете, так и будет. Духом докатим.

М и л о в и д о в. Так долететь, чтоб она очнуться не успела; пусть уж дома очнется, барыней! Прощай, хозяйка! *(Целуется с Евгенией.)* Прощай, хозяин! Ты за женой-то поглядывай! У вас место бойкое.

Звон колокольчика.

Вон, слышишь, купцы наехали. Ты поглядывай.

Б е с с у д н ы й. Уж это не твоя забота. Вперед меня не забывай, я найду чем угостить.

М и л о в и д о в. Спасибо. Как не заехать! Заеду. Коль тебя опять не застану, так вот хозяюшка дома будет, с ней побалагурим. Только я, брат, без гостинца не езжу. *(Показывает на пистолет. Людям.)* Берите свою барыню да несите бережно в коляску.

Ж у к входит.

Ж у к. Хозяин! Проезжие.

Б е с с у д н ы й *(жене)*. Ну, поди! Встречай! Улыбайся, дьяволи, а расчет после.

ПУЧИНА

Сцены
из московской
жизни

СЦЕНА I

ЛИЦА:

КИРИЛЛ ФИЛИППЫЧ КИСЕЛЬНИКОВ
молодой человек, 22 лет.

АНТОН АНТОНЫЧ ПОГУЛЯЕВ
студент, кончивший курс, 21 года.

ПУД КУЗЬМИЧ БОРОВЦОВ
купец, 40 лет.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА
жена его.

ГЛАФИРА ПУДОВНА
их дочь, 18 лет.

ЛУП ЛУПЫЧ ПЕРЕЯРКОВ
чиновник.

ИОН ИОНОВИЧ ТУРУНТАЕВ
военный в отставке.

ГУЛЯЮЩИЕ ОБОЕГО ПОЛА.

Нескучный сад. Луг между деревьями; впереди дорожка и скамья; в глубине дорожка, за дорожкой деревья и вид на Москву-реку. Около 30 лет назад.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Проходят купцы с женами.

Купец. Ай да Мочалов! Уважил.

Жена. Только уж эти представления смотреть уж очень жалостно; так что уж даже чересчур.

Купец. Ну да, много ты понимаешь!

Жена. Чего ж тут не понимать-то! Известное дело, все от приятелев; это мы и прежде знали.

2-й купец. Уж точно что уважил. Не жаль деньги заплатить.

1-й купец. Как написано, что «жизнь игрока», так он точно игрока и представил.

Жена. С кем поведешься, таков и сам будешь. Вот теперича Мочалов связался с этим... как его...

2-й купец. С Валмиром.

Жена. Ну, там, как ни на есть. Связался с ним, ну и в бедность пришел, и все такое.

2-й купец. И даже в уголовном деле попался. Это вы верно, что от приятелев. От кого мы занимаемся

дурному чему-нибудь? Самому не выдумать; потому и в голову не придет. А все от других.

1-й купец. И все это вы пустяки говорите. Всякий себе сам виноват. Коли я добрый человек да имею свой разум, так что мне приятели? Все одно, что ничего. А коли я дурак либо мошенник, да ежели начал распутничать, так уж ничто делать, что на приятелей сворачивать.

2-й купец. Но однако ж...

1-й купец. Что «однако ж»? Стой твердо, потому один отвечать будешь! Ответчика за себя не поставишь. Как жил, что делал? Так и так, мол, приятели. А у тебя есть своя голова на плечах? Закон знаешь? Ну, и шабаш, и кончен разговор.

Жена. А другой человек увлекательный?

1-й купец. Ну так что ж! Ну, туда ему и дорога! Не будь увлекательный.

Жена. Да ведь жалко.

1-й купец. Ничего не жалко. Знай край, да не падай! На то человеку разум дан.

Проходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Погуляев и несколько студентов.

Погуляев. А как хорош был сегодня Мочалов. Только жаль, что пьеса плоха.

1-й студент. Сухая пьеса. Голая мораль.

2-й студент. Все эффекты, все ужасы нарочно прибраны, как на подбор. Вот, мол, если ты возьмешь карты в руки, так убьешь своего отца, потом сделаешься разбойником, да мало этого, убьешь своего сына.

1-й студент. Какая это пьеса! Это вздор, о котором говорить не стоит. «Черт не так страшен, как его пишут». Черта нарочно пишут страшнее, чтоб его боялись. А если черту нужно соблазнить кого-нибудь, так ему вовсе не расчет являться в таком безобразном виде, чтоб его сразу узнали.

Все *(смеются)*. Ха, ха, ха! Да, это правда.

Входит Кисельников, щегольски одетый.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Погуляев, Кисельников и студенты.

Погуляев. А, друг любезный! Как я тебя давно не видал!

1-й студент. Где ты пропадал?

2-й студент. Какой ты розовый, веселый! Я тебя два года не видал.

Погуляев. Ты не кончил курса?

Кисельников. Не кончил.

Погуляев. Отчего же?

Кисельников. Да так, не кончил, да и все тут. Впрочем, я занимаюсь, я много занимаюсь; а так, некогда было. Я буду держать на кандидата. Впрочем, я еще это все успею.

1-й студент. Какой вечер превосходный!..

Кисельников. Удивительный вечер! Воздух какой! Что за нега! Я теперь, когда стал свободным человеком, весь отдаюсь природе, наслаждаюсь ею вполне. Вы этой прелести не знаете, вы люди ученые, занятые.

Погуляев. Ты совсем переменился, тебя и узнать трудно.

Кисельников. Что же, я лучше стал или хуже?

Погуляев. Не знаю, как сказать! Только жаль, что ты бросил университет.

Кисельников. Нельзя было оставаться. Вы послушайте, я вам все расскажу. Отец у меня был строгий, капризный старик, не пускал меня никуда из дому, не давал мне ни копейки денег. По вечерам насильно заставлял меня сидеть за лекциями. Все это мне надоело и опротивело донельзя. В прошлом году он умер и оставил мне порядочное состояние. Вдруг в моем распоряжении довольно денег, а главное — свобода; ну, разумеется, я сейчас же захотел воспользоваться свободой, немного развлечься, погулять; таким образом я мало-помалу отстал от университета. Впрочем, я догоню, стоит только заняться... Стихи пишу от скуки, выходит недурно.

2-й студент. Что же ты думаешь с собой делать?

Кисельников. Вот выдержу на кандидата, поеду в Петербург, поступлю на службу. А приятно пожить на свободе!

1-й студент. Свобода свободой, а все же надо делать что-нибудь, без этого нельзя.

Кисельников. Разумеется. Я непременно займусь делом; теперь у меня голова занята.

Погуляев. Чем это?

Кисельников. Как бы тебе это сказать? Ну, просто, я влюблен без памяти.

2-й студент. Вот как! Ну, что же, и счастливо?

Кисельников. Да, конечно,

Погуляев. О, брат, твоя жизнь завидная.

Кисельников. Да, именно, мне можно позавидовать. Дня через два и свадьба.

Погуляев. Так скоро?

Кисельников. Чего ж ждать-то! Теперь и жить, пока молоды.

1-й студент. Да ведь ты еще не доучился, ты сам сознаешься. По-моему, нужно сначала доучиться, да потом себе определенное положение найти, тогда уж и жениться. А главное-то — нужно средства иметь.

Кисельников. У меня средства есть.

2-й студент. А позволь спросить, какие?

Кисельников. Свой домик есть, тысяч семь денег.

Погуляев. Долго ли же их прожить, ничего-то не приобретая?

Кисельников. За женой возьму, тесть обещал шесть тысяч.

1-й студент. Во-первых, обещания не всегда исполняются, а во-вторых, с деньгами нужно обращаться умеючи: или они у тебя будут лежать без всякой пользы, или ты их проживешь скоро.

Кисельников. У меня тесть деловой человек, я отдам ему деньги на его обороты, он мне будет проценты платить.

Погуляев. А его обороты лопнут, что тогда?

Кисельников. Этого быть не может... он — купец известный.

2-й студент. А по-моему, нет ничего лучше как жить на свои трудовые.

Кисельников. И я буду трудиться, буду служить.

Погуляев. А много ли ты получишь, не конча-то курса, не имея чина? Сто, двести рублей, не больше. Заведутся дети, будет нужда-то подталкивать, сделаешься неразборчив в средствах, руку крючком согнешь. Ах, скверно!

Кисельников. Ну, вот какие мрачные картины! Главное, что мне нравится в семействе моего тестя, это патриархальность. Сам я человек смирный...

1-й студент. Да ведь патриархальность — добродетель первобытных народов. В наше время нужно дело делать, нужны и другие достоинства, кроме патриархальности.

2-й студент. Патриархальность-то хороша под кущами, а в городах нужно пожинать плоды цивилизации.

Кисельников. Ну, да во всяком случае я уж решился; что сделано, того не воротишь. *(Погуляеву.)* А ты что думаешь с собой делать?

Погуляев. Я еду в Петербург. Я нашел частную должность да займусь журнальною работой; коли гожусь на это дело, так ладно, а то другой работы поищу.

Студенты. Прощай, Погуляев. Прощай, Кисельников.

2-й и 3-й студенты. Желаем тебе счастья!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Погуляев и Кисельников.

Кисельников. Погуляев, ты добрее их, пойдем, я тебе покажу свою невесту.

Погуляев. Покажи.

Кисельников. Вон она идет с своим семейством.

Погуляев. А еще-то с ними кто же?

Кисельников. О, это все милейшие и самые простые люди!

Входят Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков, в форменном фраке, трость с золотым набалдашником, и Турунтаев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Погуляев, Кисельников, Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков и Турунтаев.

Переярков. Посмотрите, посмотрите, что за картина! *(Показывает тростью на запад.)* Солнце склоняется к западу, мирные поселяне возвращаются в свои хижины и свирель пастуха... *(Обращаясь к проходящему.)* Потише, милостивый государь! Потише, говорю я вам!

Проходящий. Извините.

Переярков. Надо различать людей. *(Показывая на свой орден.)* Видите, милостивый государь!

Погуляев. Про какую он там свирель говорит? Никакой свирели не слышно.

Кисельников. Ну, уж это нужно ему извинить. Зачем к таким мелочам привязываться? Он — человек отличный. Люди семинарского образования всегда склонны к риторике.

Переярков *(указывая тростью)*. Солнце склоняется к западу...

Боровцова. Отчего же это оно к западу? Разве уж ему такой предел положен?

Боровцов. Известное дело — предел, а то еще что же?

Боровцова. А как в чужих землях? И там тоже солнце на запад садится?

Переярков. Наверное то сказать трудно, потому что во многих землях, где у нас запад, там у них восток приходится. Да вот Ион много походов сломал, он нам скажет. Ну, как в Турции, где солнце садится?

Турунтаев. Постойте, постойте! Вот так Шумла *(показывает руками)*, вот так наш лагерь, а солнце садилось вот так, в эту сторону.

Боровцова. Хорошо бы побывать в разных землях, чтобы знать, как у них там: как солнце садится, как другое что.

Боровцов. Все это — суемудрие, мечта. Мы на этом свете все равно, что в гостинице; там уж где ты ни живи, все один конец. Семейный человек живи в своей семье, потому он — глава. Куда я, семейный человек, поеду? Конечно, кто праздношатающий...

Переярков. Или по службе...

Турунтаев. Пошлют, пойдешь.

Боровцов. Про службу что и говорить! Служба особь статья. Если ты по службе куда идешь, так уж это, значит, твое должное.

Переярков. Какой тут разговор.

Турунтаев. Нам везде свой дом.

Боровцов. И опять же ваша пешая служба супротив морской много легче. Вы то возьмите: другой раз пошлют с кораблем-то отыскивать, где конец свету; ну и плывут. Видят моря такие, совсем неведомые, морские чудища круг корабля подымаются, дорогу загораживают, вопят разными голосами; птица Сирен поет; и нет такой души на корабле, говорят, кото-

рая бы не ужасалась от страха, в онемение даже приходят. Вот это — служба.

П о г у л я е в. Что они говорят?

К и с е л ь н и к о в. Добрые люди, друг мой, добрые люди; ты критику-то оставь. Они — люди неученые, это правда, зато сердце у них лучше нашего. Подойдем к ним, я тебя познакомлю.

Подходят.

Б о р о в ц о в. Вот и жених. Где это ты запропал? Посмотри, невеста-то уж плачет, что давно не видала.

Г л а ф и р а. Ах, что вы, тятенька! Даже совсем напротив.

Б о р о в ц о в. А ты, дура, нарочно заплачь, чтоб ему было чувствительнее.

К и с е л ь н и к о в. Вот позвольте познакомить вас с моим товарищем.

Б о р о в ц о в. Оно конечно, без товарищев нельзя; только уж женатому-то надо будет от них отставать; потому от них добра мало. А как ваше имя и отчество?

П о г у л я е в. Антон Антоныч Погуляев.

Б о р о в ц о в. Так-с. Состояние имеете?

П о г у л я е в. Нет.

Б о р о в ц о в. Плохо. Значит, вы моему зятю не компания.

К и с е л ь н и к о в. Это все равно, мы с ним с детства друзья.

П е р е я р к о в. Вы кончалой?

П о г у л я е в. Да, то есть я кончил курс.

П е р е я р к о в. Ну, я про то-то и спрашиваю. Из разночинцев?

П о г у л я е в. Из разночинцев.

П е р е я р к о в. Из мещан или из приказных детей?

П о г у л я е в. Мой отец был учитель.

П е р е я р к о в. Ну, все одно что из приказных. Теперь разночинцам дорога, кто кончит в университете.

Т у р у н т а е в. Вы в военную! Через полгода офицер, дворянин, значит; вы грамотей, так, пожалуй, казначеем сделают; послужите, роту дадут; наживите денег да крестьян купите — свои рабы будут. Вы ведь не из дворян, так это вам лестно.

П е р е я р к о в. Хорошо и в штатскую. Я до титулярного-то двадцать пять лет служил, а вас, гляди, года через четыре произведут.

П о г у л я е в. Я не думаю служить.

П е р е я р к о в. Не одобряю.

П о г у л я е в. В учителя хочу.

П е р е я р к о в. Ребятишек сечь? Дело! Та же служба. Только как вы характером? Строгость имеете ли?

Т у р у н т а е в. Пороть их, канальев! Вы как будете: по субботам или как вздумается, дня положенного не будет? Ведь методы воспитания разные. Нас, бывало, все по субботам.

П о г у л я е в. Уж я, право, не знаю.

Т у р у н т а е в. Нет, вы не годитесь в учителя, и в военную не годитесь — я по глазам вижу. Вы лучше в штатскую.

К и с е л ь н и к о в. Погулять бы теперь.

Б о р о в ц о в. Нет, уж мы, брат, нагулялись. Гуляйте вот с женой, с дочерью, а мы пойдем посидим, отдохнем.

Б о р о в ц о в, П е р е я р к о в и Т у р у н т а е в уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Б о р о в ц о в а, Г л а ф и р а, П о г у л я е в и К и с е л ь н и к о в.

Б о р о в ц о в а. Куда еще гулять! Я уж и так ноги отходила.

К и с е л ь н и к о в. Сядьте, маменька, тут вот на скамеечку, мы подле вас будем.

П о г у л я е в *(Глафире)*. Вы очень любите своего жениха?

Глафира молчит.

Что же вы мне не отвечаете?

Б о р о в ц о в а. А ты скажи: «Столько, мол, люблю, сколько мне следовает».

Г л а ф и р а. Как же я могу про свои чувствы говорить посторонним! Я могу их выражать только для одного своего жениха.

К и с е л ь н и к о в. Какова скромность!

Б о р о в ц о в а. Вы про любовь-то напрасно. Она этого ничего понимать не может, потому что было мое такое воспитание.

П о г у л я е в. А как же замуж выходить без любви? Разве можно?

Б о р о в ц о в а. Так как было согласие мое и родителя ее, вот и выходит.

П о г у л я е в. Вы чем изволите заниматься?

Г л а ф и р а. Вы, может быть, это в насмешку спрашиваете?

П о г у л я е в. Как же я смею в насмешку?

Б о р о в ц о в а. Нынче все больше стараются, как насмех поднять. Хоть не говори ни с кем.

Г л а ф и р а. Обнакновенно чем барышни занимаются. Я вышиваньем занимаюсь.

П о г у л я е в. Что ж вы вышиваете?

Г л а ф и р а. Что на узоре нарисовано: два голубя.

П о г у л я е в. А еще чем? Неужели только одним вышиваньем?

Г л а ф и р а. Маменька, что же мне еще ему говорить?

К и с е л ь н и к о в. Ну что ты пристал! Этак, конечно, сконфузить можно.

П о г у л я е в. Я и не думал конфузить, я сам всегда конфужусь.

Г л а ф и р а. Вы к нам будете с Кирилой Филиппычем приходить или так только?

П о г у л я е в. Если позволите.

К и с е л ь н и к о в. Придем непременно, завтра же.

Г л а ф и р а. Мы будем в фанты играть.

Б о р о в ц о в а. Да, приходите с девушками поиграть, а то у нас молодых-то парней мало; молодцов зовем, так те при хозяевах-то не смеют.

П о г у л я е в. Да я в фанты играть не умею.

Г л а ф и р а. Мы выучим. В фантах можно с девушками целоваться.

Б о р о в ц о в а. Да, у нас запросто.

К и с е л ь н и к о в. Ты только побывай раз, потом сам проситься будешь. Ты что ни говори, лучше этих тихих, семейных удовольствий ничего быть не может.

П о г у л я е в. Ну нет, есть кой-что и лучше этого.

Б о р о в ц о в а. Это танцы-то, что ли? Так ну их! Муж терпеть не может.

Г л а ф и р а. Теперь я вас не буду бояться, потому что вы будете к нам вхожи в дом; а то я думала, что вы так только, посмеяться хотите. Я думала, что вы гордые.

П о г у л я е в. Отчего же вы так думали?

Г л а ф и р а. Ученые все гордые. Вот у нас рядом студент живет, так ни с кем из соседей не знаком и никому не кланяется.

П о г у л я е в. Должно быть, у него занятий много, времени нет для знакомств.

Кисельников. Нет, так дикарь какой-то.

Глафира. Как времени не быть! Ведь с портнихами знаком же, к ним ходит часто. Его спрашивали, отчего он не хочет с хорошими барышнями познакомиться?

Погуляев. Что же он?

Глафира. «Они, говорит, глупы очень, мне с ними скучно». И выходит, что он — невежа и гордый.

Погуляев. Ну, конечно, невежа.

Боровцова. Да ты сам-то, батюшка, не таков ли?

Кисельников. Нет, маменька, что вы!

Боровцова. Ох, трудно вам верить-то!

Кисельников. Какая простота! Какая невинность!

Боровцова. Ну пойдем, Глаша!

Глафира. Пойдемте, маменька.

Кисельников *(подходя к Боровцовой)*. Прощайте, маменька. Я к вам завтра часов с пяти.

Глафира *(Погуляеву)*. Прощайте. Приходите завтра, не обманите. *(Тихо.)* У меня есть подруга, очень хороша собой, у ней теперь никого нет в предмете, я вас завтра познакомлю, только чтобы секрет. Вы смелей, не конфузьтесь. *(Отходит к Боровцовой.)*

Боровцова. Ты и приятеля-то приводи.

Кисельников. Хорошо, маменька, придем вместе.

Боровцова и Глафира уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кисельников и Погуляев.

Кисельников. Ну, что скажешь?

Погуляев. Ха, ха, ха! Да это черт знает что такое! Это безобразие в высшей степени!

Кисельников. Это тебе потому кажется безобразием, что ты совсем отвык от семейной жизни.

Погуляев. Да какая ж это семейная жизнь? Это невежество и больше ничего.

Кисельников. Так вдруг тебе показалось, а ты вглядись хорошенько.

Погуляев. Не вглядеться, а втянуться нужно; я понимаю, что можно втянуться, только потом уж и не вылезешь. Если уж тебе пришла охота жениться, так бери девушку хотя не богатую, да только из образованного семейства. Невежество — ведь это болото, которое засосет тебя. Ты же человек нетвер-

дый. Хоть на карачках ползи, хоть царапайся, да только старайся попасть наверх, а то свалишься в пучину, и она тебя проглотит.

Кисельников. Что за фантазии!

Погуляев. Послушай, вот тебе мой совет: загуляй лучше — может быть, и позабудешь об невесте либо приедешь туда пьяный, и тебя прогонят, откажут тебе — это еще может тебя спасти. Напьешься — проспишься, а женишься, уж не воротишь.

Кисельников. Что ты ни говори, я уж решился — это дело кончено. Прощай.

Погуляев. Прощай. Я первый буду рад, если мои слова не сбудутся.

СЦЕНА II

ЛИЦА:

КИСЕЛЬНИКОВ
29 лет.

ГЛАФИРА
25 лет.

ЛИЗАНЬКА
дочь их, 6 лет.

БОРОВЦОВ
47 лет.

БОРОВЦОВА.

АННА УСТИНОВНА
мать Кисельникова.

ПЕРЕЯРКОВ.

ТУРУНТАЕВ.

ПОГУЛЯЕВ.

АКСИНЬЯ
кухарка Кисельникова.

Небогатая комната в квартире Кисельникова. Между 1-й сценой и 2-й проходит 7 лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глафира, Кисельников и дочь.

Кисельников. Убери дочь-то! Что она здесь толчется! Нет у них детской, что ли? Уж и так все уши прожужжали; а тут, того гляди, гости приедут.

Глафира. Твои ведь дети-то.

К и с е л ь н и к о в. Так что ж, что мои?

Г л а ф и р а. Ну, так и нянчайся с ними.

К и с е л ь н и к о в. А ты-то на что! У меня есть дела-то поважнее.

Г л а ф и р а. Я твоих важных делов и знать не хочу; а ты не смей обижать детей, вот что!

К и с е л ь н и к о в. Кто их обижает?

Г л а ф и р а. Лизанька, плюнь на отца.

Лизанька плюет.

Скажи: папка дурак.

Л и з а н ь к а. Папка дурак.

К и с е л ь н и к о в. Что ты это! Чему ты ее учишь?

Г л а ф и р а. Да дурак и есть. Ты как об детях-то понимаешь? Ангельские это душки или нет?

К и с е л ь н и к о в. Ну, так что ж!

Г л а ф и р а. Ну, и значит, что ты дурак. Заплачь, Лизанька, заплачь.

Лизанька плачет.

Громче плачь, душенька! Пусть все услышат, как отец над вами тиранствует.

К и с е л ь н и к о в *(зажимая уши, кричит)*. Вы мои тираны, вы!

Г л а ф и р а. Кричи еще шибче, чтоб соседи услыхали, коли стыда в тебе нет. Пойдем, Лизанька. *(Мужу.)* Ты погоди, я тебе это припомню. *(Дочери.)* Да что же ты нейдешь, мерзкая девчонка! Как примусь я тебя колотить.

К и с е л ь н и к о в. Это ангельскую-то душку?

Г л а ф и р а. А тебе что за дело? Моя дочь, я ее выходила, а не ты. Вот назло же тебе прибью в детской. Вот ты и знай! *(Уходит с дочерью.)*

К и с е л ь н и к о в. Ишь ты какая! Ишь ведь какая взбалмошная! Ох, ругать бы ее, да ругать хорошенько. Сегодня нельзя браниться-то с ней, грех — день ее ангела. Уж сегодня пусть привередничает — ее день. Сегодня можно и стерпеть. Что ж не стерпеть! Невелик барин-то, чтоб не стерпеть! Эх, дела, дела! *(Долго стоит задумавшись. Потихоньку запевает.)*

Во саду ли, в огороде
Девушка гуляла.

Входит ***Г л а ф и р а.***

Глафира. Обидел жену, а сам песни поет; хорош муж!

Кисельников *(громче)*.

Она ростом невеличка,
Лицом кругложичка.

Глафира. Что ж ты, насмех, что ли? Ишь какую моду выдумал!

Кисельников. Да уж мне только и осталось: либо взвыть голосом от вас, либо песни петь.

Глафира. А мне что делать! Я вот нынче именинница, а ты мне что подаришь?

Кисельников. А где деньги-то?

Глафира. А мне какое дело! Зачем же ты меня брал из богатого дому, коли у тебя денег нет; я к такой жизни не привыкла.

Кисельников. У меня деньги были, твой же отец взял.

Глафира. И преотлично сделал, а то бы ты их давно промотал.

Кисельников. А ему какое дело? Деньги-то мои, что хочу, то с ними и делаю. А он не то что денег, и процентов-то не платит. Насилу выпросишь рублей пятнадцать или двадцать, да еще после попрекает да ломается. Я, говорит, тебе в твоей бедности помогаю.

Глафира. Так тебе и надо. Отдай тебе деньги-то, так ты, пожалуй, и жену-то бросишь.

Кисельников. Где уж бросить, когда пятеро детей. Нет уж, надел петлю, да и концы вам отдал, тяните теперь, пока совсем задушите. Ты говоришь, что ты из богатого дому; а много ль за тобой дали-то! Обещали шесть тысяч, а много ли дали?

Глафира. Ты за счастье считай, что я за тебя пошла-то; с тысячами-то я бы в десять раз лучше тебя нашла. За меня какой полковник-то сватался! Как я была влюблена-то! До самой страсти! Да не отдали, оттого что очень в карты играет.

Кисельников. Зачем же ты шла за меня?

Глафира. Выдали, так и пошла. Известно, глупа была. Тятенька-то думал, что ты — деловой, что ты — себе на прожитие достанешь.

Кисельников. Где ж я достану? На нашей службе немного добудешь. Что ж мне, воровать, что ли?

Глафира. А мне какое дело. Я с тобой и говорить-то не хочу. Ты еще у меня должен прощенье просить,

а то я с тобою две недели слова не скажу. При гостях нарочно буду от тебя отворачиваться, пусть тятенька с маменькой посмотрят.

К и с е л ь н и к о в. Ну, уж ты этого-то, пожалуйста, не делай...

Г л а ф и р а. А! Тебе это не нравится! Так вот нарочно ж буду, нарочно!

К и с е л ь н и к о в. Глаша, ну я прошу тебя! Что хорошего, разговор пойдет.

Г л а ф и р а. Так проси прощенья.

К и с е л ь н и к о в. Ну, прости меня.

Г л а ф и р а. Целуй ручку, да вперед не смей со мной спорить никогда.

К и с е л ь н и к о в. Ну, не буду.

Г л а ф и р а. Где ж тебе со мной спорить! Ты помни, что я в тысячу раз тебя умнее и больше тебя понимаю. Мной только и дом-то держится.

К и с е л ь н и к о в. Ну, хорошо, хорошо! А где маменька?

Г л а ф и р а. Известно, в детской. Где ж твоей маменьке быть! Пусть хоть детей нянчит, все-таки не даром хлеб ест.

К и с е л ь н и к о в. Как же даром? Ведь мы в ее доме-то живем.

Г л а ф и р а. Вот опять с тобой ругаться надо. Сколько раз я тебе говорила, чтоб ты дом на мое имя переписал. Вот и выходит, что ты меня не любишь, а все только словами обманываешь, как сначала, так и теперь. Для матери все, а для жены ничего.

К и с е л ь н и к о в. Да что все-то? Ведь это — ее дом-то, собственный!

Г л а ф и р а. Так что ж, что ее? Я вот ей свои старые платья дарю, не жалею для нее, а ты этого не хочешь чувствовать, точно как я обязана. Да молчи ты, не расстраивай меня! Вон тятенька с маменькой приехали. И зачем это я связалась с тобой говорить! Очень интересно твои глупости слушать. *(Уходит.)*

К и с е л ь н и к о в *(задумавшись осматривает комнату)*. Ишь ты, пыли-то сколько на диване. Аксинья!

Входит А к с и н ь я.

Ишь ты, пыли-то сколько.

А к с и н ь я. Да, как же! Есть мне время! Не разорваться ж в самом деле!

Кисельников. Так давай тряпку, я сам сотру.

Аксинья *(подает тряпку)*. Давно бы вам догадаться-то. *(Уходит.)*

Кисельников *(стирая пыль)*. Ну, вот и чисто. При большой-то семье как за порядком усмотришь. Сколько людей-то нужно! А вот взял сам да и стер, взял да и стер,— невелик барин-то! Нá тряпку-то!

Аксинья *(за сценой)*. Бросьте где-нибудь. Стряпня одолела.

Кисельников бросает в дверь тряпку. Входят Боровцов, Боровцова и Глафира.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Боровцов, Боровцова, Глафира и Кисельников.

Глафира *(тихо Боровцовой)*. Вчера мои серьги заложил.

Боровцов. Здравствуй, Кирюша! С именинницей! Рад ли гостям-то?

Кисельников. Здравствуйте, папенька! Здравствуйте, маменька! Как же, помилуйте! И вас также с именинницей.

Боровцов *(ероша ему волосы)*. Эх ты, простота, простота! Любишь жену-то?

Кисельников. Как, папенька, не любить.

Боровцов. Люби, Кирюша, люби. Поцелуй ее, сейчас поцелуй, чтоб я видел.

Кисельников целует.

Вот так. Вот теперь вижу, что любишь.

Боровцова. Да, как же! Любит он ее! Поцеловать-то всякий сумеет; а ты спроси, куда он ее серьги дел.

Боровцов. Какие серьги?

Боровцова. Да наши серьги, что мы за ней дали. Заложил ведь.

Боровцов. Уж ты до жениного приданого добрался. Выкупи. С себя хоть все заложи, а приданого не смей трогать.

Кисельников. При первых деньгах, папенька, выкуплю.

Боровцов. У кого заложены?

Глафира. У Турунтаева.

Кисельников. Десять процентов в месяц берет.

Боровцов. А что ж не брать, коли дают. По его век

дураков хватит. Эх, зятек! Я думал, что из тебя барин выдет, ан вышла-то грязь.

Кисельников. За что же, папенька...

Боровцов. За то же, что ты для семейства ничего не стараешься. Ты в каком суде служишь? Кто у вас просители?

Кисельников. Купцы.

Боровцов. То-то «купцы»! Ну, стало быть, их грабить надо. Потому, не попадайся, не заводи делов. А завел дела, так платись. Я тебе говорю,— я сам купец. Я попадусь, и с меня тяни. «Мол, тятенька, родство родством, а дело делом; надо же, мол, и нам жить чем-нибудь». Боишься, что ль, что ругать станут? Так ты этого не бойся. Кому надо в суд идти, тот деньги готовит; ты не возьмешь, так другой с него возьмет. Опять же и физиономию надо иметь совсем другую. Ты вот глядишь, словно мокрая курица, а ты гляди строже. Вот как гляди. Так всякий тебя опасаться будет. Потому, кто в суд пришел, он хоть и не виноват, а все ему кажется, что его засудить могут; а взглянул ты на него строго, у него и душа в пятки; ну и пошел всем совать по карманам — первонаперво, чтоб на него только ласково глядели, не пужали его; а потом, как до дела разговор дойдет, так опять за мошну, в другой раз.

Глафира. Охота вам, тятенька, с ним слова терять.

Боровцова. Молчи, Глаша. Может он, бог даст, и в разум придет. Откроется в нем такое понятие, что отец его добру учит. Слушай, Кирюша, слушай, это тебе на пользу.

Боровцов. Да и жить-то надо не так. Ты сразу поставь себя барином, тогда тебе и честь другая, и доход другой. Заломил ты много с купца, он упирается; ты его к себе позови да угости хорошенько; выдет жена твоя в шелку да в бархате, так он сейчас и догадается, что тебе мало взять нельзя. И не жаль ему дать-то будет, потому, он видит, что на дело. Всякий поймет, что ты барин обстоятельный, солидный, что тебе мало дать — значит тебя обидеть, что тебе на прожитие много нужно.

Кисельников. Я, тятенька, не так был воспитан; оно, знаете ли, как-то совестно. Думаешь: «Что хорошего»! Грабителем будут звать.

Боровцов. Грабителем! А тебе что за дело! Пущай

зовут! Ты живи для семьи,— вот здесь ты будь хорош и честен, а с другими прочими воюй, как на войне. Что удалось схватить, и тащи домой, наполняй да укрывай свою хижину. По крайности, ты душой покоен; у тебя семья сыта, ты бедному можешь помочь от своих доходов; он за тебя бога умолит. А теперь ты что? Мотаешься ты на белом свете бестолку да женино приданое закладываешь. То тебе совестно, а это не совестно? Там ты чужие бы деньги проживал, а теперь женины да детские. Какая же это совесть такая, я уж не понимаю.

Г л а ф и р а. «Женины да детские», слышишь. Как же вот мне не плакать-то!

Б о р о в ц о в а. Молчи, молчи! Ты вот запомни, что отец-то говорит, да и тверди ему почаще, а то он засуется в делах, из головы-то у него и выходит, он и не помнит.

К и с е л ь н и к о в. Маменька, я помню, да только...

Б о р о в ц о в а. Ну, где помнить! Ты и по лицу-то такой растерянный. А вот, как ты в суд-то пойдешь, она тебе и напомнит, да, дорогой-то идя, все тверди.

К и с е л ь н и к о в. Что мне твердить. Это смешно даже. Понятия у меня, маменька, другие.

Б о р о в ц о в а. Какие же это могут быть понятия, что женины серьги закладывать!

Б о р о в ц о в. Дурак ты, братец. Никаких у тебя понятий нет. Кабы у тебя были такие понятия, так ты бы не женился да не развел семьи. Я не глупей тебя, я, может быть, не один раз видал таких-то людей, что не берут взяток, и разговаривать как-то раз привел бог, так уж они и живут, как монахи. Далеко тебе до них! Что ты нас обманываешь! Те люди почитай что святые. А то вот еще масоны есть. Ты уж живи хоть так, как все мы, грешные. Ты разве бы не брал,— да не умеешь — вот что надо сказать.

К и с е л ь н и к о в. Я уж теперь и сам понимаю, что я ничем не лучше других, а ведь мне хотелось-то быть лучше.

Б о р о в ц о в. Ну мало ль что хотелось.

К и с е л ь н и к о в. Как вспомню я свои старые-то понятия, меня вдруг словно кто варом обдаст. Нет, стыдно мне взятки брать.

Б о р о в ц о в. Конечно, стыдно брать по мелочи да с кислой рожей, точно ты милостыню выпрашиваешь;

а ты бери с гордым видом да помногу, так ничего не стыдно будет.

Боровцова. И что это за стыд такой. Нешто у вас другие-то в суде не берут?

Кисельников. Все берут, маменька.

Боровцова. Так кого ж тебе стыдно? Нас, что ли, или соседей? Так у нас по всему околотку, хоть на версту возьми, никто об этом и понимать-то не может. Берут взятки, ну, значит, такое заведение, так исстари пошло, ни у кого об этом и сумления нет. Это ты только один, по своей глупости, сумлеваешься.

Боровцов. Что ты толкуешь: «Стыдно!» Ведь я тебе не говорю: «Возьми дубину да на большую дорогу иди». А ты подумай-ко хорошенько да брось свой стыд-то.

Кисельников. И то, папенька, надо бросить.

Аксинья входит.

Аксинья. Гости идут, офицер да барин.

Глафира. Это Луп Лупыч с Ионом Ионычем. Скажи маменьке, чтоб чай наливала, да не очень там с ней копайтесь, а то вас не дождешься.

Аксинья уходит. Входят Переярков и Турунтаев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кисельников, Глафира, Боровцов, Боровцова, Переярков и Турунтаев.

Переярков и Турунтаев *(Глафире)*. С ангелом.

Турунтаев расшаркивается и целует руку.

(Кисельникову.) С именинницей.

Кисельников и Глафира. Покорно благодарим.

Боровцов. Садитесь, приятели, садитесь! Вот теперь вся наша компания в сборе.

Переярков. А мы вот с полковником шли да спорили.

Турунтаев. Да, ну вот расскажи, вот все теперь и рассудим.

Переярков. Как правильнее судить дело: по закону или по человечеству?

Боровцов. Да какое дело-то?

Переярков. Ну, да какое бы там ни было. Я говорю, что по закону, а он говорит, что по человечеству.

Боровцов. Да к чему же это клонит, ты хоть намекни.

Кисельников. Ежели вы насчет уголовных дел...

Переярков. Ну вот, очень нужно! Кто виноват, тот виноват, как его ни суди.

Турунтаев. И пори его, анафему; а не виноват, ну и отпустить можно.

Переярков *(Боровцову)*. Ну, как же по-твоему?

Боровцов. Да ты пример скажи.

Переярков. Вот тебе пример: положим, у тебя на опеке племянники; ты — человек хороший, состоятельный, торговые дела знаешь, а они вышли ребята так себе, ни то ни се, к торговле склонности не имеют, а готовое проживать охота большая; ну, ты и попользовался от них сколько мог, видимо попользовался; и отчеты представлял безобразные и все такое; то есть не то что ограбил, а себя не забыл. Виноват ты или нет? Вот тебе и задача. По закону ты виноват!

Турунтаев. А по человечеству — нет.

Боровцов. Рассудить вас или нет?

Переярков. Рассуди.

Боровцов. Ты говоришь, что я — хороший человек, обстоятельный, так за что ж меня судья под закон подведет? Ну и значит, я буду прав. Настоящий-то судья должен знать, кого подвести под закон, кого нет. Если всех нас под закон подводить, так никто прав не будет, потому мы на каждом шагу закон переступаем. И тебя, и меня, и его, всех надо в Сибирь сослать. Выходит, что под закон-то всякого подводить нельзя, а надо знать кого. Так и этот опекун. Как ты его осудишь? Каким манером? За что?

Переярков. Осудить не за что; и я бы не осудил, я только говорю про закон.

Боровцов. Да что ты наладил: «Закон, закон!»

Переярков. Так для чего же они писаны?

Боровцов. Известно для чего — для страха, чтоб не очень забывались. А то нешто мы так живем, как в законе написано? Нешто написано, что на улице трубку курить, а ты за воротами сидишь с трубкой. Нешто писано, что по десяти процентов в месяц брать, а он берет же.

Турунтаев. Нешто писано, что гнилым товаром торговать, а ты торгуешь же.

Боровцов. Да, и торгуем.

Боровцова. Нешто писано, что по пятницам скоромное есть, а ведь люди едят же. Уж коли судить, так

всех судить: нас судить за товар, и их судить за молоко.

Переярков *(Боровцову)*. Эка у тебя голова-то на плечах золотая, как раз дело рассудил.

Боровцов. А не так, что ль?

Переярков. Так, верно.

Боровцов. Зятек, Кирюша! Так ведь?

Кисельников. Должно быть, папенька, так-с. По практическому-то смыслу оно так выходит.

Переярков. Да вот мы еще с полковником спорили, что лучше: ум или практика. Ну, да это после, а теперь бы в карточки.

Турунтаев. Сразиться не мешает.

Боровцов. Есть, что ли, карты-то какие-нибудь старенькие? А коли нет, так к нам послать.

Кисельников *(приготовляя стол)*. Есть, папенька, садитесь.

Садятся Боровцов, Переярков и Турунтаев. Входит Анна Устиновна с чаем на подносе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кисельников, Глафира, Боровцов, Боровцова, Переярков, Турунтаев и Анна Устиновна.

Глафира. Что вы там провалились с чаем-то! Ждешь вас, не дождешься.

Анна Устиновна. Не торопись, матушка, поспеешь.

Глафира. Топчетесь только в доме, а толку нет.

Боровцова. Ну, ты потише, потише! А ты при людях-то не кричи! Нехорошо. Здравствуйте, сватьюшка!

Анна Устиновна. Здравствуйте, матушка. *(Подает чай.)* Кирюша, бери чай-то. Гости дорогие, пожалуйте.

Боровцов. А, старушка божья! На свет выползла? Погоди, мы тебе жениха найдем.

Переярков. Да вот Ион Ионыч холост гуляет.

Анна Устиновна. И на том спасибо, Пуд Кузьмич.

Глафира. Что ж вы, маменька, тут стали, как будто вам дела нет.

Анна Устиновна. Пойду, матушка, пойду. Ах, я и забыла! Кирюша, тебя какой-то человек спраши-

вает. Знаю, что товарищ твой, и видала его, а как звать, забыла. *(Уходит.)*

Глафира. Поди! Кого там еще к тебе принесло? Если из ваших служащих, так ты знай, что ему с моим тятенькой не компания.

Кисельников уходит.

Очень у меня муж непризнательный.

Боровцов. Что ж так?

Глафира. Видимое дело, что он глупее меня, а признаться никак не хочет.

Входят Кисельников и Погуляев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков, Турунтаев, Кисельников и Погуляев.

Кисельников. Гостя веду, гостя!

Глафира. Что это ты уж очень обрадовался?

Кисельников. Шесть лет не видались. Поздравь жену-то, братец, сегодня она у меня именинница.

Погуляев *(Глафире)*. Честь имею вас поздравить. *(Кланяется всем.)*

Глафира. Благодарю покорно. Только нынче мы чужих не ждали, промежду своих хотим время провести.

Кисельников. Садись, братец, садись, потолкуем.

Погуляев. Ну, как же ты живешь? Семья велика?

Кисельников. Порядочная, трое детей теперь живых, да двоих, слава богу, схоронил.

Погуляев. Как «слава богу»? Разве тебе их не жаль?

Кисельников. Уж очень, брат, тягостно.

Погуляев. Да ты служишь?

Кисельников. Какая моя служба! Неспособен оказался, совсем неспособен. И туда совался, и сюда, и в надворном служил, и в сиротском, теперь в магистрате. До столоначальников не добьюсь никак, глядишь, семинарист какой-нибудь и перебьет; дельней нас оказываются, много дельнее.

Погуляев. А жалованья много ли?

Кисельников. У нас ведь не из жалованья служат. Самое большое жалованье пятнадцать рублей в месяц. У нас штату нет, по трудам и заслугам получаем; в прошлом году получал я четыре рубля в месяц, а нынче три с полтиной положили. С дому сто рублей получаю. Кабы не дележка, нечем бы жить.

Погуляев. Какая дележка?

Кисельников. По субботам столоначальник делит доходы с просителей, да я посмирнее, так обделяет.

Погуляев. Вот как! *(Задумывается.)*

Переярков *(за столом)*. Проходимец какой-нибудь; вижу, насквозь его вижу.

Турунтаев. Мошенник!

Погуляев *(кивая головой на играющих)*. Что ж, это все те же гуси-то?

Кисельников. Да, мы всё своим кружком,— так смирненько, ладненько,— слава богу.

Погуляев. Ну, а деньги твои?

Кисельников. Ты потише. Тысячи две прожил сначала-то, а остальные у тестя.

Погуляев. Отчего же тише? Разве не отдает или процентов не платит?

Кисельников. Да не то чтобы он совсем, а все както, знаешь, туго, с большим трудом. Вот и дом наш он тоже в залоги представил. Он мне за это пятьдесят рублей заплатил. Нельзя отказать,— родня.

Погуляев. Ох, уж эта родня!

Боровцов *(за столом)*. Надо быть, от семьи отбивает.

Турунтаев. Гляди, он его в трактир уведет да напоит.

Переярков. А вот дайте мне срок, я с ним поговорю. Я с ним по-своему поговорю.

Кисельников. Ну, а ты как?

Погуляев. Я тоже, брат, плохо: и без денег, и без места.

Турунтаев *(за столом)*. Говорю, что мошенник.

Погуляев. Теперь уроков ищу. За границей был три года.

Переярков. Вон куда пошло!

Погуляев. Ездил с одним богатым семейством в учителях. Мальчик-то в университет поступил, я и остался без места.

Кисельников. Что ж, хорошо за границей-то?

Погуляев. Еще бы! И жить хорошо, а учиться, так раздолье; просто кабы деньги, опять бы поехал.

Переярков. Сейчас я его. *(Погуляеву.)* Да-с! За границей! Что же там, реки сытовые, берега кисельные?

Погуляев. Нет, этого нету. И птицы Сирено не видал.

Переярков. Вы говорите, что там хорошо; значит, нам надобно ехать туда. Поедемте, господа.

Боровцов. Поедем; и я с женой поеду.

Глафира *(Погуляеву)*. Это должно к стыду к вашему приписать, что вы семейных людей, обязанных, смущаете.

Переярков. Да-с, а мы вот не поедем.

Погуляев. И прекрасно сделаете.

Переярков. И почему не поедем, вам этого не понять-с. Вот почему-с: во-первых, Замоскворечье — моя родина, а во-вторых, у нас промежду собой нежность есть; все мы всегда вместе, вот и теперь — сидим, играем, чаек пьем, а, может быть, и ромцу подадут, дружески, приятельски,— вот где рай-то! а не за границей. Тихо, смирно, благодушно, душа в душу.

Турунтаев. А ты что к нему в карты-то смотришь! Вы и так прошлый раз меня ограбили, восемь гривен кровных отняли. Ты что ему больно подслуживаешься, уж не банкротиться ль он задумывает?

Боровцов. Ты очнись. Типун бы тебе на язык-то. Я с тебя за эти слова бесчестье потребую.

Турунтаев. Держи карман-то! Велико тебе бесчестье! Вам, аршинникам, обанкрутиться-то, что нашему брату рюмку водки выпить.

Переярков. Говорил бы кто, да не ты. Кащей бессмертный! Ты сирот грабишь, закладами только и живешь; по десяти процентов в месяц берешь. У тебя и квартиры-то нет, чулан один для складу вещей,— ни ложки, ни плошки нет,— ты по должникам пить-есть ходишь.

Турунтаев. Хожу. А ты конкурсами только и живешь,— день-то плутничаешь да фальшивые документы составляешь, а вечером собираешь к себе несостоятельных да садишься с ними по большой в карты играть; они тебе нарочно проигрывают, чтоб только в Сибирь нейти. Тем ты и состояние-то нажил.

Переярков. Уж ты судился за лихвенные-то проценты.

Турунтаев. А ты от своего имени прошений не смеешь писать,— всем сенатом ябедником признан, и в газетах публиковано.

Переярков. Процентщик! Кащей! Иуда!

Турунтаев. Вор, денной вор!

Боровцов. Что ж ты лаешься-то!

Турунтаев. А ты что, аршинник!

П о г у л я е в. Вот тебе и душа в душу.

К и с е л ь н и к о в. Папенька, господа, что же вы это! Оставьте, пожалуйста! Играйте!

Т у р у н т а е в. Не хочу я с мошенниками играть.

К и с е л ь н и к о в. Ну, сделайте милость, помиритесь.

П о г у л я е в. Прощай, брат.

К и с е л ь н и к о в. Нет, постой, погоди! Ах, боже мой! Ах, какое несчастие! Папенька, как же это вы?..

Б о р о в ц о в. Ну, будет! Пошутили, да и будет. Садитесь играть.

Т у р у н т а е в. Садитесь! Пересдать карты, тогда я сяду.

П е р е я р к о в. Ну, пересдать, так пересдать.

Пересдают.

Б о р о в ц о в. Кирюша, ты в самом деле нас ромком бы попотчевал.

Г л а ф и р а *(подходя к Кисельникову)*. Где ром-то? Где ром-то? Да и деньги-то есть ли у тебя? Ах ты, мучитель! Вылетело у тебя из башки-то, что ром для тятеньки первое удовольствие. Так-то ты об моей родне-то помнишь.

К и с е л ь н и к о в. Где ж взять-то? Где ж взять-то? Эко горе-то! Вот какая беда-то! Брат, нет ли?

П о г у л я е в *(дает ему деньги)*. На вот, последние, я-то как-нибудь добуду.

К и с е л ь н и к о в. Вот спасибо, вот, брат, одолжил! Век не забуду. *(Боровцову.)* Сейчас, папенька. *(Жене.)* Поди пошли поскорей.

Г л а ф и р а. Помни ты это! *(Уходит.)*

К и с е л ь н и к о в. Вот, брат, вот, вот... совсем деньжонками порасстроился. А ведь будут, знаю, что будут... Я тебе отдам. У меня непременно в этом месяце будут. У меня есть примета верная. Выхожу я вчера вечером на крыльцо, в руке хлеб, а месяц прямо против меня; я в карман, там серебро, мелочь,— вот в одной руке хлеб, в другой серебро, а месяц напротив, значит, целый месяц *(сквозь слезы)* и с хлебом, и с деньгами.

П о г у л я е в *(с чувством)*. Что ты такое говоришь? Друг мой, в уме ли ты?

К и с е л ь н и к о в *(со слезами)*. Оно, конечно, ведь это предрассудок, так ведь, Погуляев, предрассудок? А все-таки, когда человек кругом в недостатках, это утешает, утешает, брат, право, утешает.

Погуляев. Ах ты, бедный! Прощай.

Кисельников. Увидаться бы... мне бы тебе деньги-то...

Погуляев. Да уж не знаю, придется ли. Ах, Кирюша! Подымайся как-нибудь. Бедность страшна не лишениями, не недостатками, а тем, что сводит человека в тот низкий круг, в котором нет ни ума, ни чести, ни нравственности, а только пороки, предрассудки да суеверия. Прощай.

Кисельников. Спасибо, брат, спасибо, вот одолжил!

Погуляев уходит.

Вот друг-то, так уж друг! Что тут делать-то, кабы не он! Куда деваться? Это мне его за мою правду да кротость бог послал. Вот этаких бы друзей-то побольше, так легче бы было на свете жить! Не будь его, так совсем бы я перед тестем осрамился.

СЦЕНА III

ЛИЦА:

КИСЕЛЬНИКОВ
34 лет.

АННА УСТИНОВНА.

БОРОВЦОВ
52 лет.

ПЕРЕЯРКОВ.

НЕИЗВЕСТНЫЙ.

Бедная комната: крашеный стол и несколько стульев; на столе сальная свеча и кипа бумаг. Между 2-й и 3-й сценой 5 лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кисельников сидит за столом в халате и пишет. Анна Устиновна входит.

Кисельников. Что дети, маменька?

Анна Устиновна. Что мы без доктора-то знаем! Все в жару. Теперь уснули.

К и с е л ь н и к о в. Эх, сиротки, сиротки! Вот и мать-то оттого умерла, что пропустили время за доктором послать. А как за доктором-то посылать, когда денег-то в кармане двугривенный? Побежал тогда к отцу, говорю: «Батюшка, жена умирает, надо за доктором посылать, денег нет». — «Не надо, говорит, все это — вздор». И мать то же говорит. Дали каких-то трав, да еще поясок какой-то, да старуху-колдунью прислали; так и уморили у меня мою Глафиру.

А н н а У с т и н о в н а. Ну, Кирюша, надо правду сказать, тужить-то много не о чем.

К и с е л ь н и к о в. Все ж таки она любила меня.

А н н а У с т и н о в н а. Так ли любят-то! Полно, что ты! Мало ль она тебя мучила своими капризами? А глупа-то как была, бог с ней!

К и с е л ь н и к о в. Эх, маменька! А я-то что! Я лучше-то и не стою. Знаете, маменька, загоняют почтовую лошадь, плетется она нога за ногу, повеся голову, ни на что не смотрит, только бы ей дотащиться кой-как до станции: вот и я таков стал.

А н н а У с т и н о в н а. Зачем ты, Кирюша, такие мысли в голове держишь! Грешно, друг мой! Может быть, мы как-нибудь и поправимся.

К и с е л ь н и к о в. Коли тесть даст денег, так оживит. Вот он теперь несостоятельным объявился. А какой он несостоятельный! Ничего не бывало. Я вижу, что ему хочется сделку сделать. Я к нему приставал; с тобой, говорит, поплачусь. А что это такое: «поплачусь?..» Все ли он заплатит или только часть? Да уж хоть бы половину дал или хоть и меньше, все бы мы сколько-нибудь времени без нужды пожили; можно бы и Лизаньке на приданое что-нибудь отложить.

А н н а У с т и н о в н а. Да, да! Уж так нужны деньги, так нужны!

К и с е л ь н и к о в. Маменька, вы пишете, что нужно-то? Я вас просил записывать, а при первых деньгах мы все это и исполним.

А н н а У с т и н о в н а. Записано, Кирюша. *(Вынимает бумажку и читает.)* «Во-первых, за квартиру не заплачено за два месяца по шести рублей, да хорошо бы заплатить за полгода вперед. Во-вторых, чаю, сахару и свеч сальных хоть на месяц запасти. В-третьих, купить в эту комнату недорогой диванчик.

В-четвертых, в лавочку пятнадцать рублей шестьдесят одна копейка,— очень лавочник пристает. В-пятых, фрачную пару...». Уж тебе без этого обойтись никак нельзя. «И в-шестых, ситчику Лизаньке на платье...». Ей уж тринадцатый год, стыдиться начинает лохмотьев-то. Вот что нужно-то. А пуще всего за квартиру да еще детям на леченье. Денег-то у меня, Кирюша, немного осталось.

Кисельников. Из чего остаться-то. Три недели тому назад я вам дал пять целковых.

Анна Устиновна. Немножко-то есть,— два двугривенных, да пятиалтынный, да что-то медными. А все ладонь чешется, все ладонь чешется,— надо быть, к деньгам.

Кисельников. Завтра утром к тестю зайду. Не отдаст честью, просто за ворот возьму.

Анна Устиновна. Ну, где тебе! Ты лучше попроси хорошенько. Взять бы с него, что придется, да и развязаться с ним. Много тебе писать-то?

Кисельников. Всю ночь пропишешь. Да ведь это не свое дело, это за деньги. Слава богу, что еще дают работу; вон сколько набрал ее, рублей на шесть.

Анна Устиновна. Никак кто-то калиткой стукнул? Не слыхал ты?

Кисельников. Кто-то стукнул. Кому ж бы это?

Анна Устиновна *(заглянув в дверь)*. Тесть твой, тесть. Тереби его хорошенько! Я уйду.

Кисельников. Прежде я с ним все лаской, а теперь грубить стану; право, маменька, грубить стану.

Анна Устиновна уходит. Входят Боровцов, бедно одетый, и Переярков.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кисельников, Боровцов и Переярков.

Боровцов. Помешали, что ль, тебе?

Кисельников. Нет, ничего. Всего дела не переделаешь. Мне всю ночь писать-то, так уж полчаса куда ни шло. Что хорошенького скажете?

Боровцов *(садясь)*. Дай присесть-то, потом и разговаривать начнем.

Переярков. Надо тебе будет одну бумажку подписать.

Кисельников. Что вы мне всё носите бумаги подписывать; а деньги-то когда же? Хоть что-нибудь дайте!

Боровцов. Что теперь с меня взять! В упадок пришел,— я теперь, брат, невинно-упадший, хоть в работники к тебе, так в ту ж пору.

Кисельников. Да что ж вы, папенька, со мной делаете! Ведь мы — нищие совсем.

Боровцов. Что ж, брат, делать-то? И я нищий,— божья воля. Ведь я не злостный, не умышленный, а несостоятельный, несчастный, невинно-упадший.

Кисельников. Кто вас несчастным-то признал,— подставные кредиторы, которым вы дутых векселей надавали. Что у вас за несчастие! Ни пожара, ни пропажи не было. Зажали деньги-то, папенька. Пожалейте хоть внучат-то, вон они больные лежат.

Боровцов. Тише ты, тише! Нешто так говорят со старшими? А ты по заповедям живи, старых-то почитай.

Кисельников. Ведь мне с детьми-то по миру приходится идти!

Боровцов. Все под богом ходим. Я тебе помогал в твоей бедности, пока был в силах.

Кисельников. Вы меня приданым обманули, ничего денег не дали; ну, да уж я этого не ищу; а мои-то где, мои собственные? Дом-то где?

Боровцов. Что ты кричишь-то! Ведь я не взаймы у тебя брал, векселя тебе не давал, а расписку; ты мне на оборот дал, разжиться захотел. А оборот — дело обоюдное: либо наживешь, либо проживешь. Вот мы и прожили; с кого ж теперь искать? Ищи на тех, за кем твои деньги пропали. А что дом захряс в залогах, я чем виноват? Твоя была воля отдавать. Подряд все одно, что лотерея,— на счастье пускается.

Кисельников. Папенька, отец-благодетель! У вас деньги есть,— вы припрятали, много припрятали,— не дайте нам умереть с голоду.

Боровцов. Да что говорить! Деньги есть, как без денег жить, я не дурак.

Кисельников. Вот вы сами говорите, что у вас деньги остались. Вот сейчас, папенька, сказали, ведь вы сами сказали. А у меня нет, ей-богу, ничего нет.

Б о р о в ц о в. Да хоть и остались, все-таки я тебе не дам; надо же нам со старухой как-нибудь век доживать. На нужду, коли уж тебе невмочь, да забежишь ты ко мне — ну, когда откажу, а когда и не откажу совсем-то, а умрем — все ваше останется. Из вещей что-нибудь дадим; вот фортепьянишки есть старенькие; нам теперь, при нашем несчастии, держать их не пристало.

П е р е я р к о в. Да что вы за разговоры завели! За делом пришли, а не разговоры разводить; мне время-то дорого, у меня другие конкурсы есть. *(Смотрит на часы.)* Вона, десятый час! Вот предложите зятю-то, коли в нем человеческие чувства есть, пусть подпишет эту бумагу-то.

Б о р о в ц о в. Есть в тебе чувство, Кирила? Говори.

П е р е я р к о в. Заплачь! Что ж ты не плачешь! Твое теперь дело такое, сиротское. Ведь перед другими же кредиторами будешь плакать. Придется и в ноги кланяться.

Б о р о в ц о в. Запла́чу, право, запла́чу. *(Со слезами.)* Кирюша! Отец я тебе или нет? Благодетель я тебе был?

К и с е л ь н и к о в. Да что вы, папенька?

Б о р о в ц о в *(подает ему бумагу)*. Читай бумагу!

К и с е л ь н и к о в *(читает)*. «Я, нижеподписавшийся, будучи убежден вполне обстоятельствами дела, что несостоятельность бывшего купца, а ныне мещанина Пуда Кузьмина сына Боровцова произошла от разных несчастных случаев и от неплатежа и корыстной злонамеренности его должников,— зная его всегдашнюю честность, преклонные лета и затруднительное болезненное состояние и удручение от трудов и семейства...»

Б о р о в ц о в *(со слезами)*. Видишь, видишь!

К и с е л ь н и к о в. «Признаю его невинно-упадшим и иск свой по расписке в пять тысяч рублей ассигнациями и претензию о доме сим совершенно и навсегда прекращаю».

Б о р о в ц о в. Вот оно, Кирюша, какое дело-то!

К и с е л ь н и к о в. Что ж теперь... Я не знаю... Как же мне быть-то?

П е р е я р к о в. Подпиши, да и все тут. После всякого доброго дела на душе легче бывает,— радость эдакая.

Кисельников. Папенька, как же... так от всего и отказаться?

Боровцов. Чужие мы, что ли? Не родня мы? Что ж, забуду я, что ль, такое твое благодеяние! Чай, мы христиане...

Переярков. Ведь тебе уж все равно, а нам для формы нужно.

Кисельников. Значит, папенька, я должен буду теперь только вашим словам поверить, что вы меня не оставите.

Боровцов. Да как же не поверить-то, чудак! Уж я тебя потом... Уж озолочу потом.

Кисельников *(берет перо)*. Вот, папенька... Ах, руки трясутся... Смотрите ж, папенька, я душе вашей верю. *(Подписывает.)*

Переярков *(берет бумагу, складывает и кладет в карман)*. Ну, вот и конец, а ты сомневался. Видишь, какой благородный зять-то у тебя; по скольку за раз дарит. А ты говорил: не уломаем. Видишь, как скоро, да и без расходов.

Боровцов. Да, теперь как гора с плеч. Ты, Кирюша, парень хороший, право, хороший! А я думал было, что ты заломаешься. Ведь и другие то же пишут, что ты; да только даром-то еще никто не подписал.

Кисельников. Как, разве вы платили?

Боровцов. Да как же не заплатить-то, чудак! Кому половину, кому двадцать пять, глядя по характеру. А ты вот молодец! Видно, что любишь тестя. Я думал, что и ты тоже заломишь, так приготовил было тысчонки две и с собой захватил. Заткнуть, мол, ему рот-то, чтоб не шибко кричал.

Кисельников. Так они с вами? Дайте, папенька, дайте! Хоть тысячу дайте, я оживу!

Боровцов. Ну нет, брат, другим годятся, кто посердитей. Ишь ты, дай ему тысячу! Легко сказать! Ты, видно, счет в деньгах-то позабыл, тысяча — много денег.

Кисельников. Уж вы отложили; вы хотели дать. Что вам стоит!

Боровцов. А ты трудись.

Кисельников. Тружусь, по ночам сижу, здоровье мое в этой работе уходит. Грош я вырабатываю, грош. Дайте денег, папенька, дайте! Я докажу, я донесу; вы меня ограбили.

Б о р о в ц о в. Каких тебе денег? Мы с тобой квиты. Если ты просишь теперича себе на бедность, так нешто так просят! Нешто грубиянить старшим ты можешь! Ты б грубиянил давеча, как право имел, пока не подписал. Тогда я тебе кланялся, а теперь ты мне кланяйся. Дураки-то и всё так живут! Был я у тебя в руках, так не умел пользоваться. А теперь прощай. Никто тебя, дурака, не неволил, силой тебя не тянули подписывать-то! Что смотришь-то?

П е р е я р к о в. Да об чем толковать-то! Дело покончили.

К и с е л ь н и к о в. Уж я ничего не понимаю... Прежде голодал, так хоть впереди надежда была какая-нибудь... Бедные дети, ведь они — твои внуки!..

Б о р о в ц о в. Внуков не забудем; будь и ты почтительнее, и тебе лучше будет. Форсом ничего не возьмешь.

П е р е я р к о в. Ну, с Турунтаевым ты так дешево не отделаешься.

Б о р о в ц о в. Турунтаеву ни копейки не дам; я теперь рассердился.

П е р е я р к о в. Не дай-ко ему, так он удавится, право, удавится... Его уж раз из петли вынимали.

Б о р о в ц о в. Пущай давится,— черту баран... Пойдем. Прощай, Кирюша, спасибо тебе! Постой, так не уйду, не бойся; у меня тоже чувство-то есть; свои дети были. *(Вынимает из кармана несколько мелочи.)* На вот! Купи детям чего-нибудь сладенького. Прощай!

П е р е я р к о в. Много ты тестю помог, много. Путал его этот долг, ты ему руки развязал. Ты послушай, что он говорил! Этот долг, Кирилин, не по документу, а по совести, я заплатить должен. А ты ему простил; какой ты праздник для него сделал!

Б о р о в ц о в. Как же не праздник-то, чудак! Больше пяти тысяч подарил. Прощай! *(Переяркову.)* Ну, уж и бумагу-то ты ловко написал! Станешь читать, так слеза и прошибает.

Уходят.

К и с е л ь н и к о в. Детки мои, детки! Что я с вами сделал! Вы — больные, вы — голодные; вас грабят, а отец помогает. Пришли грабители, отняли последний кусок хлеба, а я не дрался с ними, не резался, не грыз их зубами; а сам отдал, своими руками отдал

последнюю вашу пищу. Мне бы самому людей грабить да вас кормить; меня бы и люди простили, и бог простил; а я вместе, заодно с грабителями, вас же ограбил. Маменька, маменька!

Анна Устиновна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кисельников и Анна Устиновна.

Анна Устиновна. Что ты, Кирюша?

Кисельников. Маменька, посидите со мной, не уходите от меня.

Анна Устиновна. Да что ты, что ты? Бог с тобой!

Кисельников. Приносил деньги-то.

Анна Устиновна. Ну так что же, Кирюша?

Кисельников. Зачем вы меня на свет родили? Ведь я не взял денег-то.

Анна Устиновна. Что ты наделал! Варвар! Что ты с нами сделал!

Кисельников. Принесли бумагу какую-то, сунули мне, я и подписал.

Анна Устиновна. Эки злодеи, эки злодеи! На кого напали-то! Кого обидеть-то захотели! Бога они не боятся...

Кисельников. Да, маменька, пришли, ограбили, насмеялись и ушли. Ах, маменька, как мне трудно стало, грудь схватило! А работы много, вон сколько работы! Нищие мы теперь, нищие!

Анна Устиновна. Не ропщи, Кирюша, не ропщи.

Кисельников. Ох, умереть бы теперь!

Анна Устиновна. А дети-то, дети-то!

Кисельников. Да, дети! Ну, что пропало, то пропало.

Анна Устиновна. А ты посиди, отдохни; а за работу после примешься.

Кисельников. Когда отдыхать-то! Дело-то не терпит! Ну, маменька, пусть они пользуются! Не разбогатеют на наши деньги. Примусь я теперь трудиться. День и ночь работать буду. Уж вы посидите со мной! Не так мне скучно будет; а то одного-то хуже тоска за сердце сосет. *(Принимается писать.)*

А н н а У с т и н о в н а. Посижу, посижу, всю ночку просижу с тобой.

К и с е л ь н и к о в *(про себя говорит и пишет)*. «А по справке оказалось: при прошении, поданном в калиновское городническое правление, малиновский мещанин Гордей Яковлев сын Кудряев представил три векселя и с протестами, писанные на имя малиновского купца Сидора Сидорова Угрюмова: первый, на сумму сто рублей, сроком...». Нет-нет, да вдруг так за сердце и ухватит,— денег-то очень жалко.

А н н а У с т и н о в н а. Как же не жалко-то! При всей нашей бедности, да такую сумму...

К и с е л ь н и к о в. Ох, уж не говорите! *(Пишет сначала молча, потом говорит вслух.)* «Малиновский купец Сидор Угрюмов, поданным в оное же городническое правление сведением, в коем объясняет...».

А н н а У с т и н о в н а. Кирюша!

К и с е л ь н и к о в. Что вам, маменька?

А н н а У с т и н о в н а. Я поговорить с тобой хочу. Ты пиши, пиши.

К и с е л ь н и к о в. Говорите, маменька. *(Пишет.)*

А н н а У с т и н о в н а. Ты вот теперь обязан семейством, у тебя мать-старуха...

К и с е л ь н и к о в. Да-с. *(Пишет.)*

А н н а У с т и н о в н а. Ты уж очень совестлив, как погляжу я на тебя. Нынче так жить нельзя.

К и с е л ь н и к о в. Что ж с этим делать-то! *(Пишет.)*

А н н а У с т и н о в н а. Вот что, Кирюша; ты меня послушай! Никакая мать своему сыну дурного не посоветует. А коли посоветует, так уж этот грех на ней будет, а сыну бог простит. Вот теперь ночь, мы с тобой одни... ты видишь нашу нужду... переломи, Кирюша, себя, бери взятки... я за тебя, Кирюша, бога умолю,— я каждый день буду ходить молиться за тебя, я старуха...

К и с е л ь н и к о в. Что вы, маменька, говорите!

А н н а У с т и н о в н а. Конечно, мать-то должна добру учить; да уж ты, Кирюша, не брани меня. Видя-то нашу горькую бедность...

К и с е л ь н и к о в. Маменька, маменька, не мучьте меня!

А н н а У с т и н о в н а. Прости меня, Кирюша! Душа-то у тебя какая чистая!

Кисельников. Ах, маменька! Нет, нет. Вы любите меня, вот вам и кажется, что у меня душа чистая...
Анна Устиновна. Стыдишься ты брать-то.
Кисельников. Был у меня стыд, а теперь уж нет, давно нет.
Анна Устиновна. Так отчего ж бы тебе...
Кисельников. Вы думаете, я не взял бы?..
Анна Устиновна. Так чего ж ты боишься?
Кисельников. Взял бы я, маменька, взял бы.
Анна Устиновна. Так бери! Вот тебе мое благословение!
Кисельников. Ах, маменька! Взял бы я... да не дают... *(Опускается головой на стол.)* За что мне дать-то! Я не доучился, по службе далеко не пошел, дел у меня больших нет, за что мне дать-то?
Анна Устиновна. Экой ты у меня бедный! Экой ты у меня горький! *(Обнимает его.)* Кирюша, Кирюша, кто-то стучит. Отпирать ли?
Кисельников. Не тесть ли воротился! Отоприте!

Анна Устиновна уходит. Кисельников прислушивается. Голос за сценой: «Здесь живет чиновник Кисельников?» Голос Анны Устиновны: «Здесь. Пожалуйте». Входит Неизвестный.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кисельников и Неизвестный.

Неизвестный. Вы господин Кисельников?
Кисельников. Точно так-с.
Неизвестный *(садясь)*. Вы, должно быть, очень бедно живете?
Кисельников. Сами изволите видеть.
Неизвестный. Да. Ну, это может поправиться. У меня много частных поручений; если хотите, можете заниматься у меня. Вам тысячи рублей в год будет?
Кисельников. Как вы изволили сказать?
Неизвестный. Тысячу рублей.
Кисельников. Мне тысячу рублей-с!.. Это благодеяние такое-с... Я, помилуйте... так благодарен-с... Мне и во сне-то... Позвольте узнать, с кем говорю-с.
Неизвестный. Это вам все равно; вы узнаете после. Я поверенный по многим большим делам.
Кисельников. В суде я вас никогда не видал-с.

Неизвестный. Я сам не бываю, у меня есть агенты, которые за меня ходят по судам. Я только вчера приехал; а впрочем, я все знаю, что у вас в суде делается.

Кисельников. Кто-нибудь из наших сообщает-с?

Неизвестный. Да, ваши у меня бывают, забегают частенько и, кажется, остаются мною довольны. Что это у вас дел-то сколько?

Кисельников. Работа-с; надо же чем-нибудь жить.

Неизвестный. Оно так, а все ж таки на дом-то брать дела неловко, запрещено законом.

Кисельников. Коли вы поверенный по делам-с, так вы изволите знать, что не всякий закон исполняется.

Неизвестный. Ну, конечно. Вам верят, вы человек честный, оттого вам и дают. Да тут всё и дела-то неважные. А вот у вас есть дело Черноярского.

Кисельников. Почем же вы знаете-с? Я его только сегодня взял.

Неизвестный. Я вам говорю, что мне все известно. Вот это дело, будь я ваш секретарь или столоначальник, я бы вам не дал.

Кисельников. Отчего же? Я его еще и не смотрел.

Неизвестный. Оттого, что искушение велико. Покажите мне его.

Кисельников. Да как же-с!

Неизвестный. Покажите, я вам говорю. Чего вы боитесь! Вот оно у вас в платке завязано.

Кисельников *(развязывая платок)*. Вот-с, дело Черноярского-с.

Неизвестный. Это дело с лишком во сто тысяч, как же его вам поверили?

Кисельников. Отчего же не поверить-с? Я всегда-с...

Неизвестный. Оттого, что тут есть документ; если его испортить, так и все дело пропало.

Кисельников. Как же это испортить-с?

Неизвестный. Ха, ха, ха! Вы не знаете? Ну, взять написать что-нибудь да потом ножиком подчистить. Вот какие дела доверяют! Ай, ай, ай! *(Качает головой.)*

Кисельников. Как же это можно-с! Такая фальшь-с... Кто же решится?

Неизвестный. Кто решится? Дадут тысячи три-четыре, так всякий решится.

Кисельников. Нет, уж вы не извольте беспокоиться, у меня будет сохранно, у меня и руки-то не подымутся.

Неизвестный. Не подымутся. Так я вам и поверю. Такие же у вас руки-то, как и у всех.

Кисельников. Нет, меня еще бог миловал, я никогда...

Неизвестный *(отворотясь, отсчитывает деньги)*. Вот вам три тысячи! Марайте документ, пишите что-нибудь.

Кисельников *(встает)*. Как! Что вы-с! Помилуйте-с!

Неизвестный. Садитесь! Вот деньги. Сосчитайте прежде.

Кисельников. Да зачем-с?

Неизвестный. Сосчитайте, я вам говорю.

Кисельников машинально считает.

Ну, сколько?

Кисельников. Три тысячи-с.

Неизвестный. Ну, положите их к себе в стол.

Кисельников *(смотрит на него умоляющим взглядом)*. Нет, зачем-с, зачем-с! Не нужно бы-с!

Неизвестный. Ну, милый мой, ну, дорогой мой! Голяк ведь ты! Бери, бери, после спасибо скажешь.

Кисельников. Право, не нужно бы-с! *(Убирает деньги.)* Ей-богу, не нужно бы-с! Господи! Что же это я делаю! *(Плачет.)*

Неизвестный *(развернув дело)*. Об чем же ты плачешь, мой милый? Видно, в первый раз. Ну, теперь бери перо.

Кисельников берет перо.

Пиши что-нибудь. Что-нибудь пиши, все равно.

Кисельников *(дрожа)*. Написал-с.

Неизвестный. Что ты пишешь-то! Вот потеха! Ну, да все равно! Вот ножичек. Почисти, чтобы видно было, что тут была подпись.

Кисельников чистит ножом.

Ну, вот так. Ну, довольно! *(Берет дело, складывает и кладет на стол.)* Знаешь ли, что ты наделал?

Кисельников. Ничего не знаю-с. Уж вы меня не погубите. Семейство-с!

Неизвестный. А то руки, видишь ты, у него не

поднимутся! Ох вы, горечь! Я и не таких, как ты, покупал. Любо с вами дело делать. Вашему брату ничего заветного нет, все продаст! Ведь ты, знаешь ли, ты мне за три тысячи полтораста тысяч продал! Теперь с нас по этому документу немного взыщут. А пойдет следствие о подлоге, так опять-таки нам выгода та, что дело затянется, в Сибирь-то пойдешь все-таки ты, а не мы. Ты хоть уж покути на эти деньги-то, чтоб не даром отвечать. *(Хочет уйти.)*

Кисельников. Как же это-с! Нет, вы позвольте-с! Куда же вы-с? Я еще в себя не приду.

Неизвестный. Что ж, мне тут и сидеть с тобой! Утешать тебя! Да ты не бойся, мы за тобой будем следить, до Сибири не допустим. А ты пока деньги-то не сори, чтоб подозрения не было. Прощай! *(Уходит.)*

Кисельников. Что я наделал! Что я наделал! *(Развертывает дело и смотрит.)* Уж теперь поправить ничем нельзя. А-ах! Дрожь какая-то! Уж не подсыл ли это? Сейчас могут наехать, накроют меня и с деньгами. А может быть, и нумера записаны? Вот когда лихорадка-то! Да хоть и не с подсылом, так как же я дело в суд-то понесу! Столоначальник взглянет, сейчас меня и арестуют, не дадут и с детьми повидаться. А там лишение чинов, каторга, станут над головой шпагу ломать; ну вот и колодник! Ах ты, батюшки, как зубы стучат! Да и холодно что-то у нас. Вот ведь недавно, полчаса каких-нибудь, был я честный человек, чиновник; хоть бедный, а обыватель; идешь это по улице и ничего; тот руку подает, другой руку подает: «здравствуйте», говорит; на рынок ходишь, в праздник в церкви стоишь,— что другие, то и ты; а теперь за железную решетку, в серое сукно оденут. Хоть деньги-то детям останутся; отца-то у них уж не будет. Спрятать бы деньги-то! Маменька!

Входит Анна Устиновна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кисельников и Анна Устиновна.

Кисельников. Маменька, деньги вот... вот! *(Подает деньги.)*

Анна Устиновна. Какие это деньги, Кирюша?

Кисельников. Деньги... Тут много.

Анна Устиновна. Да вижу, что деньги, да откуда они у тебя?

Кисельников. Три тысячи. Спрячьте их, подальше спрячьте, чтоб не нашли.

Анна Устиновна. Да куда же я их спрячу?

Кисельников. Ах, боже мой! Ну, по щелям, за обои, в тряпки заверните. Чтоб вам деньги-то остались, чем вам жить-то с детьми после меня.

Анна Устиновна. Спрячу, спрячу, нигде не найдут. Откуда ж ты взял-то их, скажи ты мне?

Кисельников. Взял... вот тут... барин приходил... Ах, маменька, как мне страшно!

Анна Устиновна. Да ты опомнись, ишь ты весь дрожишь. Что такое с тобой случилось?

Кисельников *(взявшись за голову)*. Да-да-да! Ах я дурак! Ведь еще, может быть, я и не попадусь. Побегу я в суд, положу дело-то в шкаф, дежурный спит теперь! Где фрак-то, маменька? *(Снимает халат.)*

Анна Устиновна. Здесь, здесь, вот он. *(Надевает на него фрак.)*

Кисельников. А проснется дежурный, так я скажу, что забыл что-нибудь, а дело-то тихонько и суну в шкаф. А после скажу, что не брал. Сделал одну подлость, сделаю и другую. *(Хочет идти.)*

Анна Устиновна. Постой! Куда ты без галстука-то! Дай я завяжу тебе.

Кисельников *(в то время, как Анна Устиновна завязывает галстук)*. Там двое видели, как я брал; а я запрусь, скажу, что не брал, не брал. Я, маменька, скажу, что не брал. *(Со слезами.)* Запираться надо, маменька, только одно осталось; одно мне и осталось.

Анна Устиновна. Да что ты? Бог с тобой!

Кисельников. Маменька, ведь я на волос от каторги... Завтра же, может быть...

Анна Устиновна. Кирюша, Кирюша!

Кисельников *(в изнеможении опускаясь на колени)*. Маменька, ведь я преступник... уголовный преступник!

СЦЕНА IV

ЛИЦА:

КИСЕЛЬНИКОВ
39 лет, одет в старое пальто, панталоны в сапоги.

АННА УСТИНОВНА.

ЛИЗАНЬКА
17 лет.

БОРОВЦОВ
57 лет, одет так же, как Кисельников, к пальто приколоты две миткалевые манишки, через плечо повешены ситцевые и холстинковые рубашки, как у площадных торговцев.

ПОГУЛЯЕВ.

Бедная комната с русской печью, за занавеской кровать; посредине комнаты дощатый стол и скамья.

Между 3-й и 4-й сценой проходит 5 лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кисельников и Боровцов (сидят за столом на скамейке), Анна Устиновна (сидит на кровати).

Боровцов. Сватьюшка, тебе много ли годов-то?

Анна Устиновна. Шестьдесят скоро.

Боровцов. Ну да, так. Я тебя одним годом моложе. А это чай мы свой пьем.

Анна Устиновна. Слышу, батюшка, что свой.

Боровцов. Свой, да. Мы вчера с зятем пять золотников купили. Собрался я нынче на площадь торговать-то: дай, думаю, к зятю зайду, вместе пойдем,— вот и зашел. Поставили мы с ним самовар, да вот и пьем сидим. *(Зятю.)* Ты чем нынче торговать-то будешь?

Кисельников *(суетливо)*. Да вот две жилеточки старенькие да утюг: вот тут у меня собрано. Соседи дали,— соседи у нас добрые; вот только ребятишки забижают. Да вот я гвоздиков старых в кулечек набрал. А соседи у нас добрые! Соседка «на», говорит, «Кирюша, нам не нужно, все равно бросим, а ты за что-нибудь продашь». *(Пьет чай.)*

Боровцов. Сватья, манишки нынче в цене, мужские.

Анна Устиновна. Что мудреного!

Боровцов. Все носить стали,— вот они и в цене. У меня старухи шьют, а я продаю; вот тоже рубашки,

ситцевые, холстинковые. Да шьют-то больно плохо, не видят старухи-то, и бродят, точно куры слепые; а сходят с рук, ничего. Вот и ты бы шила, а мы бы продавать стали.

Анна Устиновна. Где уж мне шить, я и вяжу-то — ничего не вижу; одна у нас работница, одна кормилица! Не будь ее, что бы мы были! Хоть по миру ступай!

Боровцов. Да, Лиза у вас рукодельница! Вот бы кому замуж ее взять! Для хозяйства-то уж больно ловка. Эта девка знает нужду-то, в чем она ходит; ни от какого дела у ней руки не отваливаются.

Анна Устиновна. Что она нейдет-то! Вышиванье понесла, да вот и замешкалась. Уж я и боюсь, одна ведь по Москве-то ходит.

Боровцов. Что ж такое! Не в лесу живем.

Анна Устиновна. Москва-то хуже лесу.

Боровцов. Вот, сватья, чем под старость торговать-то пришлось. А богат я был, по прежнему-то времени и очень богат, да мало показалось, за большим погнался. Не захотелось платить тем, кому должен был; так за это вдвое заплатил, кому и вовсе должен не был. Всё просудил до ниточки. Переярков меня уж очень доехал. «Ты, говорит, так делай да вот так делай», да тридцать тысяч с меня за науку взял. А как стали дело-то разбирать, он-то в сторону, а меня и потянули. За что ни возьмутся, все фальшь, и книги-то фальшивые,— а все его стряпня. Начали меня судить, начали меня мытарить,— и ямы-то ему мало, и в острог-то его! Возьмите, говорю, все, только душеньку отпустите. Так и вышел я из этого дела чист, как из баньки. Вот тебе и барыши! Вас-то я только тогда обидел ни за что ни про что; себе пользы не сделал, а вас ограбил.

Анна Устиновна. Ах, да молчи ты! Что ты при нем-то! Ну, очнется да вспомнит. Наладил одно и то же; не один раз я это от тебя слышала.

Боровцов. Да уж очень обидно! А ему где вспомнить! Он, сватья, ничего не помнит. Мы теперь с ним приятели. Кирюша, пойдем торговать.

Кисельников *(торопясь)*. Пойдем, пойдем.

Боровцов *(убирая посуду)*. Ты так жилетки-то не держи; долго ль до греха, потеряешь либо кто вытащит; а ты их надень на себя сверху, одну на другую.

А я покуда самовар уберу. *(Ставит самовар у печки.)*

Кисельников. Сейчас, сейчас. *(Надевает жилетки.)*

Боровцов. Ну вот, теперь пойдем.

Кисельников. Пойдем, пойдем. Я все захватил, все. Талан-доля, иди за мной, я буду счастлив, и ты будешь счастлив!

Боровцов. Прощай, сватья! Вот хорошо. Это я его научил. Как, говорю, Кирюша, за чем пойдешь или получить чего хочешь, тверди эту пословицу — дело верней будет.

Уходят.

Анна Устиновна. Что это, право, Лиза нейдет! Сердце у меня не на месте. Девушка беззащитная, кроткая, вся в отца — долго ль ее обидеть? Народ бессовестный, видят, что девушка плохо одета, ну и пристают. А не знают того, что эта девушка, как только на ноги поднялась, так семью кормить стала, с утра до ночи работает, отдыху не знает, — что мы на нее чуть не молимся. Захворай она, так мы наголодаемся.

Вбегает Лиза, за ней входит Погуляев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Устиновна, Лиза и Погуляев.

Лиза. Ах, бабушка, бабушка! Никак дух не переведу.

Анна Устиновна. Что с тобой, душенька? Ты испугалась чего-нибудь?

Лиза. Ах, испугалась! Вы погодите, я вам после скажу. Вон барин пришел.

Анна Устиновна. Какой там барин? Зачем к нам барин? Делать-то, видно, ему нечего.

Лиза. Нет, он, кажется, добрый. Что я за несчастная такая! *(Садится к столику и со слезами принимается за работу.)*

Анна Устиновна. Все они добрые, только упаси нас, господи, от их доброты! *(Погуляеву.)* Что вам, батюшко, нужно?

Погуляев. Это ваша дочка?

Анна Устиновна. Дочка ли, чужая ли, никому до того дела нет.

Погуляев. Да и мне все равно, только если вы ее любите, так одну не пускайте по улицам ходить. Кто

захочет впутываться в историю, заступаться на улице за постороннюю девушку; а обидеть охотники всегда найдутся. Вот нынче, сейчас, какие-то господа подхватили ее на бульваре под руки, она так испугалась, что и слова не вымолвит, а они идут, песенки распевают да на всех посматривают. Хорошо, что я подъехал.

Анна Устиновна. Ах, батюшко, покорнейше вас благодарю! Что ж ты, Лизанька, молчишь? А я и не понимаю, с кем говорю-то.

Погуляев. Они, конечно, большой обиды ей бы не сделали, сейчас видно, что это шалуны; но ведь она могла испугаться очень и даже захворать с испугу.

Анна Устиновна. Долго ли ее напугать; что говорить — кротости она у нас непостижимой.

Погуляев. Так вот я вам советую: вы ее вперед одну не пускайте!

Анна Устиновна. Да с кем же нам отпускать ее? Отец больной, я стара; она одна работает, одна нас кормит, одна и работу свою в магазин носит. Нужда, батюшко.

Погуляев. Вижу, что нужда! Эко дело-то! Вам бы женщину нанять.

Анна Устиновна. На какие, батюшко, деньги? Есть у нее заветные, на приданое отложены,— так тех трогать не хотим. Только тронь и не увидишь, как истратишь, а ей-то ничего и не останется. Дорого достались нам эти деньги: из-за них отец ее рассудок потерял.

Погуляев. Мне кажется, что я вас где-то видал; мне ваше лицо очень знакомо.

Анна Устиновна. Было время, жили хорошо,— так и нас люди знали, а теперь все бросили.

Погуляев. Конечно, в вашем положении вспоминать о старом неприятно; но вы меня извините за нескромность, позвольте узнать вашу фамилию.

Анна Устиновна. Что ж тут неприятного! Божья воля! Я — Кисельникова, батюшко.

Погуляев. Кисельникова? И вы не матушка ли Кирила Филипповича Кисельникова?

Анна Устиновна. Так точно.

Погуляев. Ах, боже мой, боже мой! Жив он?

Анна Устиновна. Жив-то жив, да уж лучше вы и не спрашивайте! А вы-то кто же такой будете?

П о г у л я е в. Погуляев. Помните, еще я у вас часто бывал студентом, потом один раз был у него, у женатого. Теперь адвокат, стряпничеством занимаюсь.

А н н а У с т и н о в н а. Помню, как не помнить; а не скажите, ни за что бы не узнала. Вот полюбуйтесь на наше житье.

П о г у л я е в. Что ж такое с вашим сыном сделалось?

А н н а У с т и н о в н а. Семья, батюшко, да родные Кирюшу сгубили. Служба ему не далась; как-то он к ней не присноровился; пока были свои деньги, так мы еще бедности не видали. А потом тесть все деньги у Кирюши отобрал; тут жена умерла; тесть обанкрутился; пропали все денежки; беда за бедой; захворали дети,— а жить чем-нибудь нужно! Тут, как на грех, и подвернулся чей-то поверенный, сунул Кирюше тысячи три денег; тот от бедности да от горького житья и прельстись на деньги-то, да фальшь какую-то в суде и сделал. И напал на него страх, суда очень боялся, так и помешался в рассудке со страху. Сколько я денег пролечила, ничего не помогает.

П о г у л я е в. Какого же роду у него помешательство?

А н н а У с т и н о в н а. Ничего не помнит, что было с ним, никого почти не узнает. Прежде у него это временем проходило,— иногда, бывало, и опомнится, говорит складно, вспоминает свою жизнь, жену-покойницу, плачет; а теперь все реже да реже. Все бегает да суетится, точно зверок какой, прости господи! Гвоздиков, пробок наберет, да надают ему всякой дряни, бежит продавать,— принесет мне денег копеек пять-шесть, забормочет: «Детям, детям принес. Берегите детям». Как он всю жизнь для детей хлопотал, бедный, о том только и помнит. А уж я и детей-то всех прихоронила, одна вот только и осталась.

П о г у л я е в. Так это его дочь! *(Лизе.)* Позвольте мне на вас поглядеть хорошенько. Я вашего папеньку знал молодым, красивым.

Л и з а. Разве он был когда-нибудь молод?

А н н а У с т и н о в н а. Что ты, глупенькая! Все были молоды.

Л и з а. Я не то хотела сказать... *(Подумав.)* Нет, то! Я никак и вздумать его не могу, чтоб он был молод.

П о г у л я е в. Он был щеголь, веселый!

Л и з а. Бабушка говорит, что и деньги у него были, а теперь вот нет. У вас есть деньги?

П о г у л я е в. Есть.

А н н а У с т и н о в н а. Что ты, матушка, как глупо говоришь.

Л и з а. Об чем же мне говорить с ними? Я больше ничего не знаю.

П о г у л я е в. Нет, ничего. Она хорошо говорит.

Л и з а *(серьезно)*. Где ж вы деньги взяли? Вы нашли или вам кто-нибудь дал?

П о г у л я е в. Я за работу получал, вот и накопил.

Л и з а. За работу очень мало дают, накопить нельзя. Я вот очень много работаю, а денег дают мало.

П о г у л я е в. Наша работа больше вашей ценится.

А н н а У с т и н о в н а. Боюсь я, надоест она вам своими глупостями.

Л и з а. Нет, бабушка, позвольте! У меня давно в голове поговорить с кем-нибудь. Они уйдут, с чужими я говорить не стану, так у меня на сердце и останется. Я и то все одна сижу да сама с собой думаю.

П о г у л я е в. Говорите, ради бога, говорите! Я всегда готов вас слушать.

Л и з а *(решительно)*. Вот что: укажите мне работу такую, за которую бы больше платили. А то, посмотрите, вот какая комната, вон бабушка, как она одета! У нас ничего нет; я работаю-работаю и никак из нужды не выбьюсь. *(Плачет.)*

П о г у л я е в. Перестаньте! Давайте потолкуем.

Л и з а. Я девушка молодая, а взгляните, что на мне! Мне стыдно на улицу выйти. Я не хочу рядиться, мне хоть бедное платье, да чтоб оно было чисто, ново, по мне сшито. Я хороша собой, молода — это уж ведь мое; мне хочется, чтобы и люди видели, что я хорошенькая; а у меня сердце замирает, как я начну надевать эти лохмотья: я только себя уродую. *(Плачет.)*

П о г у л я е в. Да перестаньте же, перестаньте! Ах, боже мой! Потолкуем так, без слез.

Л и з а. Легко вам говорить: «без слез»! Да и что толковать! Нам, бедным людям, толковать некогда. Вы мне работу дайте! Пусть она будет вдвое, втрое труднее, только бы мне денег больше вырабатывать, чтоб комнату нанять посветлее да одеться почище.

П о г у л я е в. Я вам найду работу, погодите.

Л и з а. Найдите, только поскорей. Мне уж надоела нужда, я выбилась из сил. Если найдете, я вам буду очень благодарна. *(Шьет молча.)*

П о г у л я е в. Поищу, поищу.

А н н а У с т и н о в н а. А вы сами-то себя устроили?

П о г у л я е в. Не совсем.

А н н а У с т и н о в н а. Чего же вам недостает?

П о г у л я е в. Счастья. *(Подходит к Анне Устиновне.)* В память старого знакомства не откажитесь принять от меня эту малость. *(Дает ей ассигнацию.)*

А н н а У с т и н о в н а *(берет)*. Если счастья у вас нет, так деньги есть, значит еще жить можно. Покорно благодарим, что нас, сирот, вспомнили. Навещайте.

Л и з а. Куда же вы? Я еще хотела с вами поговорить.

П о г у л я е в. Мне нужно домой. Вы извините. Я зайду к вам! У меня есть дело.

Л и з а. Вы не привыкли видеть бедность! Вам тяжело с нами. Ну, ступайте!

П о г у л я е в уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А н н а У с т и н о в н а и Л и з а.

А н н а У с т и н о в н а. Что это, Лиза, как ты груба?

Л и з а. А со мною кто ласков, кроме вас?

А н н а У с т и н о в н а. А чем же он-то не ласков? Вот посмотри, он нам денег дал.

Л и з а. На его деньги нам весь век не прожить, лучше бы он мне работу дал.

А н н а У с т и н о в н а. У тебя и то работа из рук не выходит, а тебе все мало, хоть бы ты себе отдых дала.

Л и з а. Отдых? Нет, отдыхать некогда, да и нельзя.

А н н а У с т и н о в н а. Отчего же нельзя?

Л и з а. А вот отчего: если работать сплошь, день за день, так работа легче кажется; а если дать себе отдых, так потом трудно приниматься. После отдыха работа противна становится.

А н н а У с т и н о в н а. Что ты, что ты! Господь с тобой!

Л и з а. Да, противна. Она и всегда не сладка, да уж как свыкнешься с ней, так все-таки легче. Вы думаете, что мне самой погулять не хочется? Вы думаете, что мне не завидно, когда другие гуляют?

Анна Устиновна. Как. чай, не завидно.

Лиза. Нет, нет. Я вас знаю. Вы думаете, что я с радостью работаю, что мне это весело; вы думаете, что я святая. Ах, бабушка!

Анна Устиновна. Святая, святая и есть.

Лиза. Сказать ли вам, что у меня на душе?

Анна Устиновна. Да что ж у тебя, кроме ангельских помыслов?

Лиза. Нет, лучше не говорить. Сказать, так вы испугаетесь.

Анна Устиновна. Ангел-хранитель над тобой!

Лиза. Ах, бабушка, я боюсь, я боюсь...

Анна Устиновна. Чего же ты, душенька, боишься?

Лиза. Я боюсь, что надоест мне работа, опостылеет, тогда я ее брошу...

Анна Устиновна. Поди ко мне, поди, дитя мое! Господи, сохрани ее и помилуй!

Лиза *(вставая)*. Бабушка, давайте молиться вместе! Трудно мне, трудно! *(Подходит к Анне Устиновне.)*

Входит торопливо Кисельников.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анна Устиновна, Лиза и Кисельников.

Кисельников. Конура, конура...

Анна Устиновна. Что, что ты?

Кисельников. Конура, говорит, собачья конура...

Анна Устиновна. Да кто говорит-то?

Кисельников. Вот я пришел, вот я пришел... Вот деньги! Я взял, принес... Деньги спрятать, спрятать... *(Отдает Анне Устиновне десятирублевую ассигнацию.)*

Анна Устиновна. Где ты взял, Кирюша, столько денег? Товару-то у вас всего на какой-нибудь рубль было.

Кисельников. Нет, товар здесь — не продали, ничего не продали. Нынче день тяжелый, тяжелый день. Торговцы говорят,— нейдет, говорят, товар с рук, день тяжелый.

Анна Устиновна. Где ж ты взял?

Кисельников. Там... барин, такой...

Анна Устиновна. Приятель твой, Погуляев?

Кисельников. Нет.

А н н а У с т и н о в н а. Неужли ж ты не помнишь приятеля своего, Погуляева? Учились вместе. Ведь он твой приятель.

К и с е л ь н и к о в. Приятель, Погуляев? Нет. У меня один есть приятель, два есть приятеля.

А н н а У с т и н о в н а. Так это не он тебе дал деньги?

К и с е л ь н и к о в. Нет, он, он....

А н н а У с т и н о в н а. Погуляев?

К и с е л ь н и к о в. Да. Вот деньги... Только он не Погуляев, он Грознов.

А н н а У с т и н о в н а. Барин, сосед наш? Это богач-то?

К и с е л ь н и к о в. Да, богатый, богатый! У!! Дом... всё лакеи, лакеи...

А н н а У с т и н о в н а. За что же он тебе дал?

К и с е л ь н и к о в. Он дома, а я на улице; он говорит: «Поди сюда!» Я пошел, пошел, на крыльцо иду, говорю: «Талан-доля, иди за мной, я буду счастлив, и ты будешь счастлив». Он и дал.

А н н а У с т и н о в н а. Да за что, все я не пойму. Так, на бедность, что ли?

К и с е л ь н и к о в. Да, на бедность. «Ты, говорит, в конуре живешь... И дочь, говорит, держишь в собачьей конуре... Вот, говорит, ей флигель, хороший, хороший. И тебе, говорит, и всем вам. Хочешь, говорит?» Я хочу, я пойду; вот я все возьму, я пойду. *(Сбирает вещи.)* Я пошел. Талан-доля...

А н н а У с т и н о в н а. Постой, Кирюша, не ходи.

Кисельников останавливается.

Л и з а. Погодите, бабушка. *(Кисельникову.)* Как он сказал? Дочь твоя в конуре живет?

К и с е л ь н и к о в. Да, в конуре... Ей, говорит, вот как надо жить,— вот какой дом... она красавица.

А н н а У с т и н о в н а. Что ж бы это такое значило?

Л и з а. Подумайте, бабушка.

А н н а У с т и н о в н а. Ума не приложу.

Л и з а. Ну, так я вам растолкую. Это дело касается меня, одной меня.

А н н а У с т и н о в н а. Тебя? Как же это?

Л и з а. Я ему давно нравлюсь.

А н н а У с т и н о в н а. Да ведь он женатый, у него жена в Петербурге.

Л и з а. Ну, так что ж, что женатый! Эх, бабушка! Уж не пришло ли вам в голову-то, что он жениться на

мне хочет! У него, говорят, сто тысяч доходу. При таких деньгах все купить можно.

Анна Устиновна. Ах, батюшки! Вот беда-то! Как же нам быть-то?

Лиза. Думайте, бабушка.

Анна Устиновна. Ох, не спрашивай ты меня, не спрашивай! Что мать, что бабка — обманщицы, лукавые понаровщицы; на добро детей не учат, всяким их шалостям потакают. Вот я раз Кирюшу пожалела, не на добро его научила; словно как от тех моих слов и сталося. А грех-то на моей душе. Первые-то матери грешницы, первые за детей ответчицы.

Лиза. Кто ж меня, бабушка, на ум наведет? У кого же мне себе ученья искать, как мне на белом свете жить; что на свете хорошо, а что дурно? Молода ведь я, какие у меня силы, какой у меня разум!

Анна Устиновна. Ох, не знаю я! Ты у нас хозяйка, ты у нас большая. Думай сама об себе, как тебе лучше. Что я тебе посоветую! И там беда, и здесь беда.

Кисельников. Я все собрал, я пошел. *(Надевает картуз.)*

Анна Устиновна. Погоди, Кирюша! Стара я стала, кости мои покоя хотят; теплую бы мне комнату да уход бы за мной! Да на тебя-то бы поглядела, на нарядную да на богатую. Ох, да не слушай ты меня, старую дуру, не слушай.

Лиза. Кто же мне теперь поможет! Стою я над пропастью, удержаться мне не за что. Ох, спасите меня, люди добрые! Бабушка, да поговорите со мной что-нибудь!

Входит Погуляев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анна Устиновна, Лиза, Кисельников и Погуляев.

Лиза. Ах, как вы вовремя! Мне нужно совета спросить, а не у кого. Помогите мне!

Погуляев. Я за тем и пришел.

Анна Устиновна. Что ты, Лиза! Да разве говорят об этом посторонним людям?

Лиза. Значит, это очень дурно, коли не говорят.

Анна Устиновна. Что хорошего! Только крайность заставляет.

Погуляев. Да что такое?

Анна Устиновна. Уж не знаю, как и сказать вам. Барин богатый, сосед наш, дает нам даром квартиру и все; так вот мы и думаем, переезжать ли нам.

Кисельников *(Погуляеву тихо)*. Он мне денег дал. Еще даст... много...

Погуляев *(кивая головой)*. Ах ты, несчастный!

Лиза. Говорите со мной, он вас не узнаёт.

Погуляев *(Лизе)*. Так вы моего совета спрашиваете?

Лиза. Что лучше — стыд или нужда? Стыд, говорят, скоро проходит, а нужда вечно точит, покоя не дает.

Погуляев. И то, и другое нехорошо.

Лиза. Это я знала и без вас. Хорошего у нас нет, мне его и не дождаться, а вот из дурного-то что мне выбрать?

Погуляев. Я вам вот что посоветую: не думайте ни о том, ни о другом, а подите замуж за меня.

Лиза. Замуж? Вы не шутите?

Погуляев. Что за шутки!

Лиза. Мы так бедны, так несчастны, что с нами шутить грех.

Погуляев. Нет, я решился твердо. Давайте руку. *(Берет ее руку.)* Вот так! Я как ушел от вас, все ходил по улице да думал, вот и решился.

Анна Устиновна. Вот радость-то! Привел-таки меня бог счастья дождаться, не дал в горе умереть.

Погуляев. Оно, знаете ли, было бы гораздо лучше, если б вы меня любили. Ведь вы меня не любите, вы от нужды за меня идете.

Лиза. Все равно, ведь я никого не люблю. Вы меня умнее, вы сделайте так, чтоб я вас любила.

Погуляев. Как же это сделать?

Лиза. А вот как: любите бабушку да не попрекайте нас бедностью.

Погуляев. Ну, так это просто.

Лиза. Да будто вы не знаете? Это вы нарочно спрашиваете. Вы гораздо лучше нас знаете.

Анна Устиновна. Скажите, батюшко, как это вас бог надоумил?

Погуляев. Очень просто. Я всю жизнь жил один, это мне надоело; человек я одинокий, денег нажил — ну и стал подумывать, как бы семьей завестись; а тут вдруг вышел случай; думаю, чего ж мне лучше!

Кисельников *(со слезами)*. Что ж вы меня не пускаете! Он теперь ждет, он говорил: «Ждать буду».

Анна Устиновна. Куда теперь идти! У нас Лиза замуж выходит.

Кисельников. За кого? За кого?

Анна Устиновна. Погляди за кого. Ведь это твой приятель.

Кисельников *(кланяется Погуляеву)*. Здравствуйте!

Погуляев. Кирила Филиппыч, да погляди на меня хорошенько! Помнишь? Ну, помнишь Погуляева?

Кисельников. Я к барину пойду.

Погуляев. Ах, чудак, да неужли ты забыл! Помнишь, учились вместе? Помнишь, в Нескучном саду гуляли? А помнишь, я у твоей жены на именинах был? Ну, а не помнишь — все равно, давай снова познакомимся. Давай руку! Ну, вот мы и приятели.

Кисельников *(припоминая)*. Ты мне денег дал?

Погуляев. Вспомнил теперь?

Анна Устиновна. Хоть бы он немножко-то очнулся, хоть бы порадовался, бедный.

Погуляев. А ты на мои деньги тестю рому купил. Чудак ты этакой!

Кисельников. Мне Погуляев деньги дал.

Погуляев. Я Погуляев-то и есть.

Кисельников. А жена у меня умерла... умерла!..

Погуляев. Слышал, слышал. А на дочке вот я женюсь.

Кисельников *(Анне Устиновне)*. Маменька! Лиза! Он женится?.. Правда?

Анна Устиновна. Слава богу, очнулся! Правда, Кирюша, правда.

Погуляев. Вот вы ко мне и переезжайте; будем жить все вместе.

Кисельников *(подумавши)*. А я упал, обнищал, видишь. Под судом, брат, под судом за подлог, за подлость! А ты вспомнил нас, приютить нас хочешь; спасибо тебе...

Лиза. Папенька, благословите меня.

Кисельников. Господи, господи! Не было мне счастья, весь век не было; авось на твою долю, Лиза, счастье выпадет. *(Целует Лизу.)*

Лиза *(Погуляеву)*. А вы меня выучите такой работе, за которую много денег дают?

Погуляев. Да зачем вам теперь?

Л и з а. А затем, чтоб помогать бедным девушкам. Много их в таком положении, в каком я была.

Входит Боровцов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анна Устиновна, Лиза, Кисельников, Погуляев и Боровцов.

Б о р о в ц о в. Мир честной компании! Ну, брат Кирюша, с тебя спрыски. Что ты приуныл? Этакое тебе счастье, а ты нос повесил.

К и с е л ь н и к о в. Да, счастье, счастье...

Б о р о в ц о в. Да как же не счастье! Квартира будет хорошая, хлеб даровой; дочку пристроил; у богатого барина нужды знать не будет. Одно слово — Гро́знов, — всю нашу Палестину купить может и выкупить.

К и с е л ь н и к о в. Нет, не Гро́знов.

Б о р о в ц о в. Да что ты отнекиваешься-то! Уж я, брат, знаю, торговал ты хорошо, барыши у тебя большие. Вот за это магарыч с тебя; веди в трактир, угощай чаем!

К и с е л ь н и к о в. Погуляев! Ты возьми к себе матушку и Лизу, а меня не бери.

П о г у л я е в. Отчего же?

К и с е л ь н и к о в *(тихо)*. Знаешь ли ты, кого ты пригреть хочешь?.. Мы с тестем... мошенники! Мы все продали: себя, совесть, я было дочь продал... Мы, пожалуй, еще украдем у тебя что-нибудь. Нам с ним не жить с честными людьми, нам только торговать на площади. Нет! Ты нам только изредка когда давай по рублику на товар наш, больше мы не стоим.

А н н а У с т и н о в н а. Что ты, Кирюша, что ты!

Л и з а. Папенька, не оставляйте нас.

П о г у л я е в. Что ты за вздор говоришь!

К и с е л ь н и к о в. Нет, Погуляев, бери их, береги их; бог тебя не оставит; а нас гони, гони! Мы вам не компания, — вы люди честные. У нас есть место, оно по нас. *(Тестю.)* Ну, бери товар, пойдем. Вы живите с богом, как люди живут, а мы на площадь торговать, божиться, душу свою проклинать, мошенничать. Ну, что смотришь! Бери товар! Пойдем, пойдем! *(Сбирает свой товар.)* Прощайте! Талан-доля, иди за мной... *(Уходит.)*

ПРИЛОЖЕНИЯ
ВАРИАНТЫ

В «Приложениях» к тому печатаются:
вариант авторской переработки пьесы
«В чужом пиру похмелье»;
очерк «Не сошлись характерами».

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Комедия «В чужом пиру похмелье» впервые была опубликована в журнале «Русский вестник», 1856, т. I, январь, кн. 2, стр. 185—228. Входила во все прижизненные собрания сочинений. При подготовке первого двухтомного собрания 1859 г. изд. Кушелева-Безбородко Островский внес в драму значительные стилистические изменения. Так, например, он переработал монологи учителя Иванова и Лизаветы Ивановны, избавляясь от длиннот и повторов, насыщая их более острым социальным содержанием. Местами автор снимает неоправданные резкости. Текст изд. Кушелева-Безбородко стал окончательным, он и воспроизводится в настоящем издании.

Ниже приводятся варианты первой журнальной публикации. Вначале дается фраза окончательного текста (с указанием страницы и строки настоящего издания), а затем после знака отбивки идет текст «Русского вестника». В отдельных случаях указывается, что некоторые слова и фразы отсутствуют или, напротив, дописаны в «Русском вестнике». При сокращении больших кусков текста наст. издания применяется знак тильды ∽.

Стр. 9, строка 8
Вместо «Она куда пойдет?»/«Она? Она куда пойдет? В институте воспитывалась, в университете экзамен держала. А вы спрашиваете, куда пойдет».

Стр. 9, строка 10
Вместо «благородным делом, которым отец занимался»/«благородным делом, которому отец честно служил».

Стр. 9, строка 39
Вместо «Чужая душа-то темна»/«Чужая душа потемки».

Стр. 11, строки 24—25
Слова «Иван Ксенофонтыч, не замечая ее, читает с жаром и размахивает руками» *отсутствуют*.

Стр. 11, строки 28—30
Вместо «Л и з а в е т а И в а н о в н а. Здравствуй, папа ∽ Подай мне шляпу»/«И в а н К с е н о ф о н т ы ч. Откуда ты, Лиза?
Л и з а в е т а И в а н о в н а. С урока, папа.
И в а н К с е н о ф о н т ы ч. А я на урок. Мы с тобой люди деятельные. Подай мне шляпу».

Стр. 11, строки 31—32
Вместо «Куда ты, папа? Отдохни немного»/«Не ходи, папаша».

Стр. 11, строки 33—35
Вместо «Отдыхать некогда ∽ у нас мало учатся, мало»/«меня ждут. Молодые люди хотят учиться. А ты знаешь, как это редко, как дорого! Нужно ценить, Лиза, таких молодцов, нужно ценить. Они нам, беднякам, хлеб дают, да и сами людьми будут. Я их помаленьку приготовлю в университет; ну а там уж не мое дело. Коли захотят, так толк будет».

Стр. 12, строка 23
Перед словами «Ах, папаша» *было* «(обнимая его)».

Стр. 12—13, строки 34—39
Вместо «Нет, уж мы очень много трудимся ∽ тебя же презирают. (Подносит платок к глазам.)»/«Тяжела жизнь бедного человека! Как ни утешай себя строгим исполнением долга, а все в душе остается неприятное чувство. Трудись постоянно без отдыха для того только, чтоб иметь средства к существованию. Ужасно! Бедный папаша! мне жаль его! Он так меня любит, хотел бы доставить мне все удовольствия, а средства не позволяют. Я очень хорошо вижу, как это его беспокоит, мучит... Влюбись, говорит. (Улыбаясь.) Да в кого! Кого я здесь вижу? Да и образование имеет свои невыгоды: уж слишком разборчива делаешься».

Стр. 13, строка 29
Слова «Как это дурно» *отсутствуют.*

Стр. 13, строка 33
Слова «Зачем обижать» *отсутствуют.*

Стр. 14, строка 28
Вместо «выбрать себе невесту»/«выбрать девушку».

Стр. 15, строки 24—25
Вместо «так, с малолетства заколотили очень»/«так, малоумный».

Стр. 15, строки 37—39
Вместо «Вы моего отца знаете, он образованный человек, он вам может много пользы принести»/«Мой отец такой образованный человек, он много вам может пользы принести».

Стр. 16, строка 5
Вместо «Полноте вздор говорить»/«Полноте вздор болтать, скучно слушать».

Стр. 16, строки 15—18
Вместо «Я вам откровенно скажу ∾ могут показаться обидными»/«Как вы можете так говорить! Почем вы знаете женщин? Вы говорите, может быть, не подумавши, а между тем это очень обидно».

Стр. 16, строки 29—30
Вместо «Разве вы не знаете, что это дурно»/«Неужели вы не понимаете, что это дурно».

Стр. 16, строка 44
Вместо «Умер бы у вас»/«Умер бы тут у вас».

Стр. 17, строка 1
Вместо «очень тяжко мне»/«очень тяжело мне».

Стр. 18, строки 6—7
Вместо «все бы глядел на Лизавету Ивановну»/«глядел на Ливету Ивановну».

Стр. 18, строка 12
Вместо «учиться надобно в школе где-нибудь»/«поучиться надобно».

Стр. 18, строки 19—20
Слова «сын необразованный, а отец дурак» *отсутствуют.*

Стр. 18, строка 28
Вместо «до сих пор меня не знаете»/«до сих пор не заметили, что я горда».

Стр. 19, строка 16
Вместо «так нет, шалишь»/«шалишь».

Стр. 19, строки 35—36
Слова «За безобразие заплатим» *отсутствуют.*

Стр. 20, строка 39
Вместо «нам солон приходится»/«солон нам приходится».

Стр. 22, строки 6—7
Слова «обольстить человека» *отсутствуют.*

Стр. 22, строки 25—26
Вместо «На мне, брат»/«На мне».

Стр. 23, строка 20
Слова «За дело ему» *отсутствуют.*

Стр. 23, строка 22
Слова «Жаль, что мало» *отсутствуют.*

Стр. 23, строки 38—39
Слова «плакать, руки целовать» *отсутствуют.*

Стр. 24, строка 37
Вместо «Прощай, Лиза»/«Пойду выкупать наше бесчестье. Прощай, Лиза».

Стр. 24, строка 39
Слова «Поди, выкупай наше бесчестье» *отсутствуют.*

Стр. 25, строки 27—28
Вместо «будешь дурачок. На цепь еще посадите»/«будешь дурачок. Я умнее вас всех».

Стр. 25, строки 34—36
Слова «(разгорячившись.) Давай теперь сюда, кто меня дураком сделал, убью сразу» *отсутствуют.*

Стр. 26, строка 14
Вместо «тот о том и говорит»/«тот про то и говорит».

Стр. 26, строки 23—24
Вместо «ведь вы денег много даете ∽ в девках засидятся»/«у вас денег много. Нечего бояться, что дочь в девках засидится».

Стр. 30, строка 8
Вместо «ваша маменька говорила»/«ваша маменька сказывала».

Стр. 31, строки 8—9
Вместо «Полно орать-то! Ишь, затрубил»/«Полно орать-то! Надоел до смерти».

Стр. 31, строки 12—13
Вместо «Достает деньги из кармана»/«Достает из кармана деньги».

Стр. 33, строка 21
Слова «Я так хочу» *отсутствуют.*

Стр. 34, строка 36
Вместо «с меня за нее»/«с меня нынче за нее».

Стр. 35, строка 20
Вместо «вон пишет»/«вон сидит пишет».

Стр. 35, строки 25—26
Слова «мы занимаемся своим делом» *отсутствуют.*

Стр. 35, строка 34
Слова «Деньги назад принес» *отсутствуют*.

Стр. 37, строки 4—5
Вместо «Это сделала глупая хозяйка»/«Эту гадость сделала глупая хозяйка».

Стр. 37, строки 24—25
Вместо «Подает расписку»/«Подает учителю».

Стр. 37, строки 27—28
Вместо «Как это вас земля-то терпит! Как эти стены не обвалятся»/«Неужели земля не разверзнется и не поглотит вас! Неужели эти стены не обвалятся».

Стр. 38, строка 21
Слова «Он человек хороший» *отсутствуют*.

Стр. 38, строка 33
Вместо «не смейте разговаривать»/«не смейте разговаривать! Вы еще скажите спасибо, что так хорошо кончилось».

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ

(Очерк)

I

В одной из улиц, ближайших к Пресненским прудам, в новом, изящной отделки каменном доме, сидела у окна молодая женщина замечательной красоты. Старуха, очевидно принадлежащая к разряду выслужившихся нянек, занимающихся обыкновенно мелкой торговлей, сватовством, в большом старомодном чепчике, в пестрой шали, с ридикюлем в руках, сидела поодаль и наблюдала за взорами и движениями молодой женщины. Июльский полдень раскалил Москву, и на улицах было знойно и пустынно: лениво проезжал пустой извозчик, пешеходы жались поближе к домам, хоронясь под их тенью, только разносчики проходили посереди улицы и громко кричали: «Спелá клубника!» В беседках и на галереях или просто в сенях хозяйки, окруженные ребятами и мухами, варили варенье, и теплое благоухание неслось по улицам. Ни под тенью дерев, ни в беседках и гротах, окружающих пруды, не было прохлады. От прудов не веяло свежестью, а только пахло водой.

— Что это он нейдет сегодня,— сказала молодая женщина.

— Кто он-то, матушка? — спросила старуха.

— Не знаю, только он каждый день в это время тут проходит.

— А не знаешь, так узнать можем. Чего я для своей графини не сделаю,— сказала старуха, подходя к окну.

Теперь не мешает сказать несколько слов о прекрасной молодой женщине, которая и будет героиней нашего рассказа. Серафима Карповна была вдова коллежского советника Мазанцева, а происхождением купчиха, дочь Карпа Карпыча Толстогораздова, живущего в Рогожской и обладающего несколькими миллионами. Воспитанная в одном из лучших пансионов, она приняла все приемы образованной девушки, хорошо держала себя, умела прилично и со вкусом одеться, немного говорила по-французски и чуть-чуть бренчала на фортепьяно. Не успела еще она после выпуска из пансиона оглядеться в дому родительском, как отец счел нужным выдать ее за пожилого чиновника Мазанцева, который был ему полезен по тяжебным делам; а у Карпа Карпыча было их довольно. Коллежский советник Мазанцев был маленького росту, немного плешив, много курнос; но зато имел черные лоснящиеся бакенбарды и орден на шее. В присутствии с подчиненными он был важен и строг до крайности и

держал голову кверху; с купцами же, особенно богатыми, был предупредителен и ласков до фамилиарности. С первого взгляда он влюбился в Серафиму Карповну и взял за ней в приданое только четыреста тысяч серебром. Молодая девушка без горя и радости вышла за него, безмятежно прожила с ним полтора года, без печали схоронила его и незаметно перешла в новое положение молодой вдовы с огромным состоянием.

Красота ее невольно поражала каждого. Стройная и прямёнькая, как только что выпущенная институтка, она имела такие изумительно правильные и тонкие черты лица, такие нежные голубые глаза, такое богатство темных волос, что можно было заглядеться на нее на несколько часов, не замечая времени. Кротость характера еще более возвышала ее красоту, по мнению некоторых. И в самом деле, трудно найти женщину тише, скромнее и покорнее ее. Ни радость, ни горе, ни гнев никогда не искажали ее прекрасного лица. Даже самая любовь, которую ей, наконец, пришлось испытать, выражалась у нее на лице тихою задумчивостью, близкою к столбняку, которая так шла к ней. Но и в солнце есть пятна, и потому не могу умолчать о некоторых странностях в ее характере. Она ничего не делала не подумавши, даже любила подумать, и вместе с тем, чего она не понимала, растолковать ей не было уж никакой возможности. По целым часам она мечтала, немного открыв свой прекрасный ротик, глядя в сад или вечером на далекие звезды, что очень простительно молодой вдове; но если бы вам пришлось подслушать, что невольно бормотали ее коралловые уста, вы услыхали бы очень прозаические речи, вроде следующих: два с полтиной, рубль с четвертью, три аршина с половиной, пять фунтов с осьмушкою. Что я буду говорить далее об ее характере, вы, пожалуй, не поверите. Положительная и очень расчетливая хозяйка, знающая цену каждой вещи, от гусиного потроха до драгоценных камней, она иногда бывала так наивна, что невозможно было не засмеяться, несмотря на уважение к ее красоте. Можно прибавить и еще кое-что об ее характере, например: она очень любила чистоту и одевалась с безукоризненной опрятностью и скромностью, каждая вещь на ней казалась новой и только сейчас надетой; иногда пела про себя потихоньку очень фальшиво и неприятным горловым голосом; плохо считала на серебро. Вот все, что я могу сказать о прекрасной вдове. Тщетно Устинья Филимоновна, так звали старуху, представляла ей разных женихов, сердце вдовы было непоколебимо; но, кажется, теперь пришла и ее очередь.

— Устинья Филимоновна, идет,— проговорила она тихо.

— Где, матушка? — спросила старуха и взглянула в окно из-за плеча Серафимы Карповны.

По той стороне улицы шел молодой человек лет двадцати пяти. Великосветская походка, изящный летний костюм, какая-то лень в

движениях, бледное, породистое (как говорят) лицо обличали в нем аристократа по рождению.

— Ах, матушка, да я его знаю,— сказала старуха.— Это Лев Андреич Прежнев, Софьи Ивановны Прежневой сын. Ведь он мой выкормок, графиня моя.

Вдова задумалась.

— Что ж, матушка, они мне люди знакомые; там что будет ли, нет ли, а похлопотать все-таки не мешает; попытка не шутка, а спрос не беда.

Вдова все еще была в задумчивости.

— Что ж, хлопотать прикажете?

— Хлопочи.

— Для кого ж мне и похлопотать-то, как не для вас, прынцесса вы моя.

II

Софья Ивановна Прежнева сидела в гостиной и читала французский роман. Покойный муж Софьи Ивановны был человек необыкновенно деятельный, своим богатством и положением в обществе он единственно был обязан себе, своему оборотливому уму и неутомимости. Немножко аферист, не всегда разборчивый на средства, он умел выбиться почти из ничтожества, придать себе лоск образованного и светского человека; нажил большое состояние. Все это, вместе с представительною наружностью и обольстительным обращением, дало ему довольно значительное место в обществе. Всякий труд был для него нипочем: просидеть три дня и три ночи в кабинете, за работой, съездить за тысячу верст — для него вздор, была бы только польза. Для поддержания связей он женился на Софье Ивановне, девушке из бедного, но княжеского семейства. В обществе долго его называли муж княжны такой-то. Женившись, он окружил жену всем блеском роскоши и стал работать вдвое, накупил деревень, настроил усадьб и дач. Жена не входила ни во что, не имела никакого понятия о хозяйстве: все являлось у нее как бы волшебством. Она даже не знала счету деньгам. Да и немудрено: у родителей было считать нечего, а теперь за нее считал и рассчитывался муж. Единственным делом ее было в то время, когда муж работает над счетами и отчетами по имениям и другим операциям до того, что у него лоб трещит, занимать светских людей не совсем пристойной болтовней да баловать во всякое время своего единственного сына Поля, баловать так, как только может пустая светская женщина, которой сроду не приходило ни одной серьезной мысли в голову. Вся материнская нежность выражалась у ней в том, что она поминутно целовала его, одевала, как куклу, и десять раз в день причесывала. Рано перенял Поль у матери высокомерный тон и дурное обращение с простыми людьми.

Едва минуло Полю восемь лет, как отец его умер скоропостижно. Легко себе представить, что произошло после его смерти. Софья Борисовна запутала все дела мужа, да иначе и быть не могло с ее философией и взглядом на жизнь. Весь нравственный кодекс, который составлял единственную основу ее жизни, заключался в следующих фразах: «Женщина творение слабое, увлекающееся и живет только сердцем, и вследствие этого женщина не может устоять против искательства мужчины и легко может быть обманута, потому что женщина для любимого человека готова всем пожертвовать. Если мужчины и обманывают женщин, что случается очень часто, то уж в этом виноваты не женщины, а мужчины, которые по большей части хитры и коварны». Она беспрестанно повторяла всем и каждому, что женщины вообще так добры и доверчивы, так верят в правду и искренность, что только после горьких опытов убеждаются в безнравственности и других гнусных пороках обожаемых лиц, но что женщины после обмана, и даже нескольких, вследствие своей доброты и доверчивости готовы опять увлечься восторженною речью и поверить в возможность чистой и бескорыстной любви в мужчине. «Да, такова наша судьба, мужчины часто во зло употребляют прекрасные качества нашего нежного сердца, они не хотят знать, сколько страдаем от них мы, бедные женщины». Эту фразу она произносила меланхолически, с легким вздохом. «Да есть и между нас такие, прибавляла она, которых занимают материальные расчеты, хозяйственные хлопоты, есть даже такие, которые рассуждают о разных предметах не хуже мужчин; но я не признаю их женщинами. Они могут быть умны, но вместо сердца у них лед».

Старого швейцарца из Женевы, гувернера Поля, Софья Ивановна переменила на молодого ловкого француза, который отлично фехтовал и ездил верхом, подражал губами всем инструментам, с утра до ночи пел куплеты и песни Беранже и был развращен до ногтей.

Промотав половину имения в России, Прежнева поехала за границу проживать остальное. Поль с французом остались в деревне под надзором старой глухой тетки, который не был для них стеснителен...[1].

III

От [Нелькиных] Прежневых Устинья Филимоновна зашла к молодой вдове и рассказала об успехе поручения, разумеется с прикрасами, неизбежными в таком случае.

---

[1] Фрагмент гл. II был написан после гл. III и гл. I. На этом рукопись обрывается *(прим. ред.)*.

— Ну, красавица-барыня, поздравляю. Они, матушка, и не ожидали такого счастья,— говорила она.— Мы, говорит, с великим удовольствием, хоть бы сейчас, надо только ознакомиться для прилику. Он-то, Лев-то Павлыч, уж давно влюблен в вас, да только никому не сказывал. Никому-таки не сказывал,— прибавила она таинственно.— А уж какой барин — на редкость! Мне двадцать пять целковых пожаловал.

Вдова не надолго о чем-то задумалась, приятно улыбнулась и велела закладывать лошадей. «Надо съездить к родителям посоветоваться»,— сказала она Устинье Филимоновне и пошла в спальню; там открыла комод, достала из него кредитный билет в пять целковых, подумала над ним и опять положила. Нашла в три целковых и с приятной улыбкой принесла Устинье Филимоновне. Та, по обыкновению, назвала ее графиней, благодетельницей, поцеловала сзади в плечо и распрощалась.

Щегольская коляска, запряженная парой вороных орловских рысаков, подкатила из сарая к крыльцу. Кучер расправил усы и, подмигнув левым глазом горничной, которая выглянула в окно, крикнул ей: «Доложь поди!» Горничная, неся в одной руке великолепный плащ, а в другой картонку, доложила барыне, что лошади готовы. Барыня вынула из картонки необъятной цены шляпку, обдула ее со всех сторон и бережно перед зеркалом надела. Надела плащ, долго обертывалась и оглядывала себя со всех сторон, об чем-то раза два задумалась и, наконец, села в коляску и приказала кучеру ехать в Рогожскую. На дороге ничего не случилось особенного. Только чиновник-труженик, сидя за перепиской бумаг, увидал ее в окно из-за ерани и подумал, что вот если бы такая богатая и красивая дама влюбилась в него и вышла за него замуж, он бы купил себе беговые дрожки, ездил бы на них и сам правил,— или лучше сшить себе голубой плащ на черной бархатной подкладке. И он долго обдумывал, что прежде сделать, купить дрожки или сшить плащ. Потом долго смотрел в зеркало, щурил глаза, улыбался и принимал разные позы. Да две пожилые барышни, сидевшие на балконе сереньког дома, под тенью парусины и дешевых цветов, встретили и проводили ее завистливыми взглядами и потом утешались разговором, что хотя купчихи одеваются и богато, но зато без вкуса и не к лицу.

Так как героине нашей путь не близок, от Пресненских прудов в Рогожскую не скоро доедешь, то мы можем поспеть к цели ее путешествия гораздо прежде. Большой каменный двухэтажный дом с мезонином, принадлежащий родителю Серафимы Карповны, купцу Толстогораздову, немногим отличался от прочих купеческих домов в Рогожской. Мощеный двор так же чист, железные вороты так же заперты, за двором большой тенистый сад с вычурными

беседками так же, как и у прочих, посещается исключительно одним садовником. Хозяева только что встали от послеобеденного сна и занимались каждый своим делом. Маменька Серафимы Карповны, толстая, небольшого росту женщина с подбородком, лежащим на груди, стыжусь сказать, в легком до последней возможности одеянии, прохаживалась по галерее или галдарейке, как она называла, и обмахивалась платком. Красивая, черноглазая девка Матрена, дальняя родственница Толстогораздовых, в ситцевой шубке, с распущенной косой, босиком, раздувала на той же галерее толстый самовар, который уж начинал закипать. По приказанию хозяйки она мигом сбегала на ледник и принесла ей кружку холодного пива для прохлаждения. Сам Карп Карпыч, в красной рубашке с расстегнутым воротом, сидел в угольной комнате у открытого окна, лицом на улицу; из этой комнаты была отворена дверь на галерею, и легкий сквозной ветерок продувал его, рукава трепетали. Страшно вращая красными от сна глазами, он искривлял рот то в ту, то в другую сторону, сдувая мух, садившихся ему на лицо; в правой руке держал он гладкий камень фунтов пятнадцати. Подле него на окне лежал мешок с орехами, он брал по два и по три ореха, клал их на окно и разбивал камнем. Вдруг он закричал зычным голосом: «Матрена!» Прохожий присел и долго переводил дух за углом, обдумывая, зачем хороший купец и богатый задает такие страсти прохожим. Но дело объясняется очень просто. Вбежала запыхавшаяся Матрена.— Подь отопри, Серафима приехала.— Все в доме засуетилось: проснулась собака и лениво залаяла, заспанный дворник отпер ворота, Матрена отперла парадное крыльцо и с разными приветствиями высадила барыню из коляски, даже кучер Карпа Карпыча слез с сенника и, приглаживая одной рукой взъерошенные и напудренные сеном волосы, другую руку молча подал кучеру Серафимы Карповны.

Мать накинула на себя что-то; облобызались. Матрена, вся перегнувшись назад и отворотив в сторону лицо, втащила и поставила на стол толстый самовар. Серафима Карповна осталась в шляпке, несмотря на увещания матери не только снять шляпку, но и расстегнуть платье сзади, потому что тут все свои.

— Я к вам посоветоваться приехала,— сказала Серафима Карповна, грациозно взяв чашку с чаем своей прелестной ручкой, на которой была натянута голубенькая перчатка.

— Об чем бы это, например? — спросил отец, дуя на блюдечко.

— Я хочу замуж идти.

— Ну что ж, с богом! Дело это хорошее,— сказал Карп Карпыч.— Это лучше...— и замолчал.

Маменька покачала головой и скрестила на груди руки в знак удовольствия.

— А за кого бы это, например? — спросил Карп Карпыч.

Молодая вдова рассказала все дело и просила их совета.

— Ты помни, Серафима, что ты отрезанной ломоть, я тебе больше денег не дам; так ты смотри не проживи деньги-то,— сказал Карп Карпыч. Мать подтвердительно кивнула головой и прибавила: — Ишь ты, этот молодой; гляди, дети будут.

— Куда ж мне прожить деньги?

— А вот он мелким бесом рассыпится, да, пожалуй, и выманит у тебя деньги-то. Ведь он муж тебе будет, а не чужой, всякий способ найдет, как у тебя деньги-то выманить,— заметил Карп Карпыч, подвигая двумя пальцами чашку и тем обнаруживая желание выпить еще.

— Неужли же мужчины могут любить только из денег,— сказала Серафима Карповна и задумалась.

— А ты думала как? — возразил отец.— Уж это порядок известный. Я этот народ знаю.

— Да я ему и не дам денег,— сказала прекрасная вдова, выйдя из задумчивости и взяв налитую чашку.

— Ну и ладно. Ты поступай, как я тебя учил.

— Конечно, что я, дура, что ли?

— А вот и у нас скоро свадьба,— сказал отец.— Матрену в саду с приказчиком застали, так хочу повенчать. Тысячу рублей ему денег, и свадьба на мой счет.

— Тебе бы только пображничать,— заметила жена.

— Ты молчи, ты ничего не знаешь. Я хочу, чтоб она чувствовала. Третью племянницу так отдаю. Я всей родне благодетель.

Долго беседовали они за чаем о разных семейных делах, строго приказывали дочери узнать о женихе: не мот ли он, не пьяница ли, не игрок ли, имеет ли состояние и каково служит. Узнав все это и если он окажется совершенно хорошим человеком, съездить к какой-то ворожее и спросить: будет ли она счастлива с рабом таким-то? Выслушав назидательные советы родителей и распростившись с ними, Серафима Карповна поехала домой.

КОММЕНТАРИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АПК — авторизованная писарская копия.
АТК — авторизованная театральная копия.
БА — беловой автограф.
ТПК — театральная писарская копия.
ЦПК — цензурная писарская копия.
ЦТК — цензурная театральная копия.
ЧА — черновой автограф.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ЛГТБ — Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ММТ — Библиотека музея Московского Малого театра.
ПД — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

БДЧ — журнал «Библиотека для чтения».
«Вест. Евр.» — журнал «Вестник Европы».
ЕИТ — Ежегодник императорских театров.
«Ист. вест.» — журнал «Исторический вестник».
«Моск. вест.» — журнал «Московский вестник».
«Моск. вед.» — газета «Московские ведомости».
«Музык. и театр. вест.» — журнал «Музыкальный и театральный вестник».
«Отеч. зап.» — журнал «Отечественные записки».
«Пб. листок» — газета «Петербургский листок».
«Рус. беседа» — журнал «Русская беседа».
«Рус. вед.» — газета «Русские ведомости».
«Рус. вест.» — журнал «Русский вестник».
«Рус. газета» — газета «Русская газета».

«Рус. инвалид»	газета «Русский инвалид».
«Рус. мир»	журнал «Русский мир».
«Рус. мысль»	журнал «Русская мысль».
«Рус. слово»	журнал «Русское слово».
«Рус. сцена»	журнал «Русская сцена».
«Спб. вед.»	газета «Санктпетербургские ведомости».
«Сев. вест.»	газета «Северный вестник».
«Сев. пчела»	газета «Северная пчела».
«Совр. летоп.»	журнал «Современная летопись».
«Совр.»	журнал «Современник».
«Театр. и музык. вест.».	журнал «Театральный и музыкальный вестник»

Баженов — А. Н. Баженов, Сочинения и переводы в 2-х томах, М., 1869

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, М. — Пг., ГИЗ, 1923

Вольф — А. И. Вольф, Хроника петербургских театров, ч. I — II, Спб., 1877; ч. 3, Спб., 1884

«Восп.» — А. Н. Островский в воспоминаниях современников, М., изд-во «Художественная литература», 1966

Горбунов — И. Ф. Горбунов, Сочинения, т. 1—3, Спб., Изд-во О-ва любителей древней письменности

Григорьев — А. А. Григорьев, Сочинения, т. 1, Спб., 1876

Добролюбов — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в 9-ти томах, т. 5, М., Гослитиздат, 1961—1964

Дружинин — А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. 1—8, Спб., 1865—1867

Кашин — Н. П. Кашин, Этюды об А. Н. Островском, т. 1—2, М.. 1912

«Неизд. письма» — Неизданные письма к А. Н. Островскому, М. — Л., «Academia», 1932

Некрасов — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, М. — Л., Гослитиздат, 1948—1953, т. 1—12

Писарев — Д. И. Писарев, Сочинения в 4-х томах, М., Гослитиздат, 1955

ПСС — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1949—1953

«Просв.» — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 11-ти томах, Спб., изд-во «Просвещение», б. г.

Стахович — А. А. Стахович, Клочки воспоминаний, М., 1904

Толстой — Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, М. — Л., ГИЗ — ГИХЛ — Гослитиздат, 1928—1958

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1939—1953

А. Н. ОСТРОВСКИЙ В 1855—1865 ГОДАХ

1

Во 2-й том Полного собрания сочинений Островского входят пьесы на современные темы, написанные им во второй половине 50-х годов и первой половине 60-х годов (исторические пьесы, созданные им в эти годы,—«Козьма Захарьич Минин-Сухорук» и «Воевода»— войдут в 6-й том, в котором собраны его стихотворные драматические произведения). В числе пьес, помещенных в этом томе, такие шедевры драматурга, как «Доходное место» и «Гроза», такие значительные произведения, как «Воспитанница» и «Пучина», и, наконец, знаменитая трилогия о Бальзаминове.

Это десятилетие, насыщенное многими важными переменами в политической и духовной жизни русского общества, характеризуется напряженными идейными и художественными исканиями Островского.

В 1855 году, со смертью Николая I, «мрачное семилетие» (выражение Герцена) сменяется «оттепелью» (выражение Тютчева) первых лет царствования Александра II, которые И. Аксаков назовет «эпохой попыток», а Щедрин «эпохой конфуза», которые начнутся посулами и послаблениями, а кончатся запретами и арестами. Поражение России в Крымской войне обнаруживает внутреннюю несостоятельность самодержавно-крепостнического государства и ускоряет процесс вызревания революционной ситуации в стране. Революционная ситуация, однако, разрешается на этот раз не революцией, а половинчатыми буржуазными реформами и контрнаступлением политической реакции.

В творчестве драматурга эти бурные годы отозвались отказом от идеализации застойных форм патриархального быта, последовательным обличением самодурства, косности и невежества, горячим сочувствием к борьбе обездоленных за свои человеческие права, стремлением в истории народных движений найти ответы на волновавшие современников проблемы.

В эти годы Островский решительно выходит за пределы тех сфер российской жизни, которыми он первоначально ограничивался. Продолжая художественное исследование купеческого и мещанского захолустья в его замоскворецком и уездном вариантах, драматург теперь обращается и к помещичьему укладу, и к чиновничьим нравам, и к условиям существования демократической интеллигенции, и к картинам далекого прошлого России.

Расширяется жанровый спектр его пьес жизни. Оставаясь комедиографом по преимуществу, драматург все пристальнее вглядывается в жизненные драмы своих героев и героинь, которых ждет

крушение юношеских идеалов, надругательство над женской честью, самоубийство, каторга, помешательство. Опыты в жанре стихотворной исторической драмы ставят его в один ряд с большими русскими поэтами.

За указанное десятилетие Островским написаны, если пользоваться предложенными самим автором жанровыми определениями, две драмы, драматическая хроника, три комедии, комедия в стихах, восемь «картин» и «сцен» из московской жизни, сцены из деревенской жизни — итого шестнадцать пьес в прозе и в стихах, в двух, трех, четырех и пяти актах. Восемь из них Островский опубликовал в «Современнике», три — в «Библиотеке для чтения», две — во «Времени», одну — в «Русском вестнике», одну — в «Русской беседе» и одну — в газете «Санктпетербургские ведомости».

К середине 50-х годов Островский находится на распутье. «Молодая редакция» «Москвитянина» распадается, отношения драматурга с издателем журнала М. П. Погодиным становятся все более натянутыми, а связи с некрасовским «Современником» только еще начинают налаживаться. Драма «Не так живи, как хочется» — последняя попытка представить в идеализированном виде патриархальные формы русской жизни — успехом у зрителей не пользуется: в Москве она выдерживает только четыре представления, а в Петербурге сходит с афиши после третьего спектакля, не продержавшись на сцене и недели. После былого триумфального успеха интерес театральной публики к молодому драматургу вообще идет на убыль: если в 1853 году на обеих столичных сценах его пьесы выдерживают 77 представлений, если в 1854 году было дано 55 спектаклей, то в 1855 году пьесы Островского прошли в Александринском театре всего 13 раз, а в Малом театре и того меньше — 8 раз. Ощущение новизны притупилось, сравнительно узкий круг постоянных зрителей пересмотрел старые пьесы, а новых значительных пьес не появлялось.

Само время поставило драматурга перед выбором. В новых общественных условиях, когда, по словам А. И. Герцена, «все что было погребено в глубине души под гнетом вынужденного молчания, вдруг обрело язык, чтобы протестовать и выйти наружу» *(А. И. Герцен, т. 18, стр. 192)*,— в этих условиях писатель-реалист не мог не оставить «тинистой тропы» прикрашивания действительности, об опасности которой он был так откровенно и резко предупрежден на страницах «Современника», не мог не вернуться на прямой путь беспримесной правды жизни.

Тысяча восемьсот пятьдесят пятый год был для Островского годом проб и зачинов. Один замысел возникает за другим, планы теснят друг друга, он берется то за драму, то за комедию, то за повесть, то за исторический сюжет, не зная, что чему предпочесть. Начинает,

бросает, сызнова начинает, опять бросает, меняет заголовки, перебирает имена персонажей, записывает впрок сюжеты.

Дневник в это время Островский не вел, из его переписки за весь этот год сохранилось только три небольших письмеца, но черновые записи донесли до нас ту творческую лихорадку, которая охватила в эту пору драматурга.

На большом листе карандашом набросан перечень действующих лиц и план драмы в двух действиях «Воспитанница». Две даты. Одна: «Начато 12 июля 1855 г.». Другая: «Брошено 13 июля». На том же листе: «Сюжет повести. Помещик, его биография, крайнее недовольство своим бытом.— Мещанское семейство. Отец починивает часы, строит дома. Дочь...». А ниже, на том же листке, заглавие комедии «Ученье свет, а неученье тьма» и заметки к этой комедии, которые продолжаются на обороте. Дата: «Задумано 23 июля». На другом листке то же заглавие соседствует с подзаголовком: «В чужом пиру похмелье», а далее следуют наброски текста этой комедии. Дата: «Начата 28 июля 1855 г.». Но ниже план новой комедии: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь». И новая дата: «Задумана 22 сентября». Только 19 ноября драматург возвращается к систематической работе над комедией «В чужом пиру похмелье». И в этот же день восемнадцатилетний прапорщик М. И. Семевский, будущий издатель «Русской старины», записывает: «Ноября 19-го. Был у Островского. Застал его за выписками из актов Археографической комиссии... Островский, любя старину, ревностно занимается памятниками нашей старины...» (*«Восп.», стр. 134*). Драматург, очевидно, готовился к работе над драматической хроникой о Минине.

Так нескончаемым хороводом кружат вокруг писателя, дразня его творческое воображение, просясь в его будущие драмы (хоть в двухактные) и комедии (пусть в одноактные), все эти старые помещицы и молодые помещики, купцы и купчихи, купеческие сынки и учительские дочки, отставные чиновники и лакеи; просятся они и в повести, еще не зная, что никаких повестей не будет, а будут пьесы, пьесы, пьесы; а вслед за ними сходят со страниц старинных летописей и древних актов и уже толпятся в тесном деревянном домике драматурга, что в Серебряническом переулке, фигуры далекого прошлого, напоминая комедиографу, что он еще и поэт...

Но не только об изобилии жизненных наблюдений и богатстве художественных впечатлений свидетельствует эта чехарда замыслов, планов и набросков. Она выдает еще и некоторую растерянность драматурга. Больше года прошло с тех пор, как написана последняя пьеса («Не так живи, как хочется»), а новая все не пишется и не пишется. Словно знаменитый уже писатель вдруг снова почувствовал себя начинающим литератором, каким он был в конце 40-х годов, когда колебался между прозой и драматургией и набрасывал

одну за другой сцены, еще не зная, во что они выльются. Обращает на себя внимание, что среди ближайших замыслов не фигурирует ни один план капитальной пьесы,— если драма, то в двух актах, если комедия, то в одном, от силы в двух действиях. Драматург явно не чувствует себя готовым к работе над новой большой пьесой, ограничиваясь — даже в замыслах — драматическими этюдами и комедийными эскизами. Дело, однако, не в том, что писатель внезапно потерял веру в свои художнические силы, а в том, что он почувствовал необходимость в эту переломную пору заново выверить свой взгляд на российскую действительность.

Маленькая комедия «В чужом пиру похмелье», которой драматург в конце концов отдал предпочтение перед другими своими замыслами, в этом отношении весьма симптоматична. Немудреный полуанекдотический сюжет, который сгодился бы и для водевиля; все то же московское захолустье, знакомое по прежним пьесам «Колумба Замоскворечья»; все те же привычные фигуры — купец с норовом, глупая купчиха, запуганная мужем до обалдения, купеческий сынок, рвущийся из-под отцовской неволи, интеллигентная бедная невеста, бойкая бабенка, охотно берущаяся за устройство чужих судеб, опустившийся отставной чиновник, готовый настрочить любую кляузу по первому требованию своего благодетеля. В чем же была новизна комедии? В симпатичной фигуре честного труженика, старого учителя, никому не позволяющего унизить свое человеческое достоинство? Пожалуй, хотя независимый характер Ивана Ксенофонтовича Иванова тут скорее обозначен, чем раскрыт, этот характер потом будет развит драматургом в других его пьесах куда более глубоко и основательно.

Истинная новизна этой пьески состояла в новизне авторского взгляда на жизнь. Островский не просто вернулся к прежнему критическому воззрению на быт «темного царства», перестав умиляться патриархальными нравами, еще недавно столь любезными его сердцу. И поворот в миросозерцании драматурга заключался отнюдь не в том, что он перестал быть апостолом невежества (он им никогда и не был) и снова стал ревнителем просвещения (он и не переставал им быть). Не ради того, разумеется, взялся он за перо, чтобы невежественные Брусковы более не чинили препятствий своим сынкам в их похвальном стремлении обучаться разным полезным купеческому делу премудростям в Московской коммерческой академии. Смысл комедии никак нельзя свести к назидательной пословице, которая первоначально должна была послужить заглавием пьесы: «Ученье свет, а неученье тьма». В этой комедии Островский впервые (на первый раз полушутливо, как бы на пробу) поставил самодурный быт лицом к лицу с совершенно иной системой нравственных ценностей и тем самым с покоряющей очевидностью обнаружил внутреннее бес-

силие и моральную несостоятельность самодурства. Драматург на этот раз не удостоил самодура бича сатиры. Жанр комедии-шутки оказался весьма уместным — нельзя было обиднее унизить самодурство, еще казавшееся себе несокрушимой силой, нежели *вышутив* самодура.

Кстати, само слово «самодур» впервые появляется (не только у Островского, но и вообще в русской литературе) именно в этой пьесе. Губернская секретарша Аграфена Платоновна говорит о купце Тите Титыче Брускове, что он «дикий, властный человек, крутой сердцем». Учитель Иванов не понимает свою собеседницу: «Что такое: крутой сердцем?» — «Самодур»,— лаконично отвечает та. Но Ивану Ксенофонтовичу, человеку книжному, это слово ничего не говорит: «Самодур! Это черт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю» Обиженная Аграфена Платоновна берет на себя роль лексикографа и так раскрывает семантику этого слова: «Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...»

Самодур. Слово было найдено с убийственной точностью, сразу осветив сокровенную суть того феномена российской жизни, который драматург исследовал в прежних своих пьесах. Жизненная философия самодурства была тут отлита в три чеканные формулы, столь же лапидарные, сколь и безапелляционные: «я так хочу»; «у меня слово — закон»; «знать ничего не хочу».

В колоритной фигуре Брускова как бы сфокусированы и разом осмеяны родовые черты самодурства — хитрость и плутоватость Пузатова, жадность и деспотизм Большова, самодовольство и упрямство Русакова, грубость и чванливость Торцова. Само имя Тита Титыча (или Кита Китыча, как называет его жена) стало очень скоро нарицательным для обозначения самодура, как бы его ни звали — Антип Антипыч или Самсон Силыч, Максим Федотыч или Гордей Карпыч. (Из черновых набросков явствует, что драматург собирался назвать Брускова сперва Саввой Трифонычем, а потом Фомой Поликарпычем; нам сейчас даже представить себе трудно, что у Тита Титыча могло бы быть какое-нибудь другое имя и отчество.)

Комедия «В чужом пиру похмелье», пьеса, казалось бы, не очень значительная, обозначила между тем важный шаг в идейном самоопределении драматурга в это переломное время. Напрасно князь Н. С. Назаров уверял читателей «Санктпетербургских ведомостей», что этой комедией Островский «от своих отстал; а к чужим не пристал», подразумевая под «своими» кружок «Москвитянина», а под «чужими» — лагерь «Современника». Во всяком случае, «чужие» признали автора этой комедии «своим» и сами стали для него «своими».

14 февраля 1856 года Н. А. Некрасов дает обед в редакции «Современника» в честь приехавшего в Петербург московского драматурга, который назван им «нашим, бесспорно, первейшим драматическим писателем» (*«Совр.», 1856, № 2*). Островский соглашается на постоянное и исключительное сотрудничество в «Современнике», и в апрельской книжке этого журнала, как бы в залог достигнутого согласия, перепечатывается первая одноактная комедия Островского «Картина семейного счастья», опубликованная «Московским городским листком» еще в 1847 году.

Между Островским и редакторами «Современника» Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым завязывается оживленная переписка. «Поверьте, я всей душой предан «Современнику»,— заверяет драматург Панаева. «Пишите смелей — цензура пока шалит»,— советует драматургу Некрасов.

Первая же новая пьеса Островского — «Доходное место» — подтверждает, что драматург внял этому совету, хотя «шалости» цензуры попортили немало крови автору этой замечательной и действительно смелой комедии.

2

Афиши извещали, что в пятницу 20 декабря 1857 года в Малом театре русскими придворными актерами представлена будет первый раз комедия А. Н. Островского «Доходное место». Билеты были распроданы на несколько представлений вперед. Премьера, однако, не состоялась. Режиссер Малого театра С. А. Черневский в этот день эпически занес в репертуарный гроссбух: «Объявленную комедию «Доходное место» по запрещению отменили». Чего же испугалась цензура? Что со сцены будут обличать взяточников? Но ведь к этому времени уже более года и в Петербурге и в Москве с успехом шла комедия графа Соллогуба «Чиновник» и герой ее г-н Надимов, бестрепетно обличая взяточничество, выкрикивал с обеих императорских сцен: «Крикнем на всю Русь, что пришла пора вырвать зло с корнем!» «Да что вы так беспокоите себя? — иронизировал над соллогубовским героем Н. Ф. Павлов в блистательном критическом памфлете.— Ведь уже кричали до вас гласа более громкозвучные, чем ваш нежный сопрано, кричал Капнист в «Ябеде», Гоголь в «Ревизоре», а вековой дуб, глубоко пустивший корни, стоит с неопаленными листьями, весь зелен и полон жизни» (*Н. Павлов, Разбор комедии графа Соллогуба «Чиновник», М., 1857, стр. 65—66*).

Нет, цензоры страшились не громких выкриков. Чего же? Быть может, они опасались, что театр пробудит в публике сочувствие к горькой участи бедных чиновников? Но в ту самую пятницу, когда в Малом театре должна была состояться и не состоялась пре-

мьера «Доходного места», на сцене Александринского театра в пятнадцатый раз (менее чем за полтора месяца!) шла комедия чиновника Управы благочиния Львова «Свет не без добрых людей» и герой ее г-н Волков в пятнадцатый раз патетически восклицал: «Да, точно, вы правы, я бедный чиновник, не больше!» А затем, в соответствии с ремаркой, «забываясь», обращался к публике: «А знаете ли вы, какая ужасная, потрясающая всю душу драма заключается в этих двух ничтожных словах?» «Если бы эти два добродетельные лица, герой и героиня комедии, удались г. Львову,— писал И. И. Панаев, — если бы они были людьми, а не куклами, которых движет и за которых говорит автор, произведение его получило бы большое значение» (*«Совр».*, *1857*, *№ 12*).

Истинная причина того, что драматическая цензура беспрепятственно пропускала на сцену «обличительные» комедии наподобие «Чиновника» и «Свет не без добрых людей», а «Доходное место» шесть лет держала под запретом, приоткрывается в отчете министерства народного просвещения за 1862 год, в котором недвусмысленно признавалось, что цензура «находила не бесполезным допускать характер обличения и гласности там, где они не отклонялись от благонамеренности и приличия» (цит. по кн.: *А. М. Скабичевский*, *Очерки истории русской цензуры*, *Спб.*, *1892*, *стр. 433*).

«Неблагонамеренность» Островского сказалась, однако, не в том, что его Жадов обличал взяточничество более пылко, чем Назимов, или оплакивал участь бедного чиновника более трогательно, чем Волков. Это бы цензоры стерпели. Пропустили же они «Доходное место» в печать, приняв комедию Островского за очередной небесполезный обличительно-благонамеренный опус; выдали же они, после долгих колебаний правда, разрешение на представление этой комедии. Но в последнюю минуту, когда уже висели афиши, цензоры все же спохватились, учуяв, что тут что-то не так. И они были правы: не так. Не так, как у Соллогуба, не так, как у Львова. Совсем не так.

«Требование художественной правды,— напишет в «Темном царстве» Н. А. Добролюбов,— помогло ему уклониться от дороги гг. Соллогуба и Львова» *(Добролюбов*, *V*, *26)*. А требование художественной правды состояло в том, чтобы не заставлять Жадова делать все те прекрасные и благородные вещи, о которых он так прекрасно и благородно говорит и в которые он так искренне верит. Жизненная правда властно требовала капитуляции добродетельного героя перед порочными обстоятельствами. И Жадов капитулирует — он идет к дядюшке просить доходного места. Но в том-то и дело, что капитуляция Жадова во сто раз сильнее, чем все его обличительные речи, обличает такую жизнь, в которой требуется быть героем, чтобы не стать подлецом. Вот это-то как раз и смекнули, хотя и не сразу цензоры Третьего отделения.

«Доходное место» строится Островским как своего рода социологический эксперимент. Дан обыкновенный, даже слабый, но вполне достойный и интеллигентный бедный молодой человек, который «кабы захотел, мог бы место иметь хорошее, с большим доходом», но не желает мириться с пороками, кривить душой и угождать начальству. Условия эксперимента: «Ну, вот ему и сказали, другу милому: поди-ка поживи своим разумом, на десять целковых в месяц». Программа эксперимента формулируется самим молодым человеком так: «Как бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже миллионной доли тех убеждений, которыми я обязан воспитанию». Параллельно ставится, так сказать, контрольный опыт над другим молодым человеком, тоже бедным, но не отягощенным университетским образованием, идейными убеждениями и моральными принципами; эксперимент «Жадов» проверяется экспериментом «Белогубов». Катализатор, ускоряющий ход эксперимента,— женитьба Жадова на Полине (и Белогубова на Юлиньке).

«Между вторым и третьим действиями проходит около года»,— гласит авторская ремарка. Испытание семьей, к которому приговорен Жадов, к концу срока превращается в настоящую пытку. Автор делает нас свидетелями страшной агонии жадовских идеалов и надежд, хотя, казалось бы, ничего особенного с ним не стряслось.

Островский мог, разумеется, поставить своего героя в обстоятельства совершенно критические. Скажем так. У Жадова и Полины заболел ребенок, лучше даже двое; дети при смерти, а денег на лекарства нет. И в это время негодяй-сослуживец пытается соблазнить Полину, а другой негодяй выкрадывает у Жадова казенные бумаги, и нашему герою грозит бесчестье и каторга...

Тут ничего не придумано. Такая пьеса о бедном чиновнике была написана, опубликована и поставлена в 1857 году, только фамилия чиновника не Жадов, а Волков, и жену его зовут не Полина, а Ольга, и называется эта пьеса не «Доходное место», а «Свет не без добрых людей». И написана она не отставным чиновником Коммерческого суда Островским, а чиновником Управы благочиния Львовым.

У Островского куда страшнее. Страшнее именно потому, что идеалы Жадова сокрушает не какая-то «ужасная, потрясающая всю душу драма» — их изо дня в день, изо дня в день подтачивает подлая проза жизни, без устали повторяющая неотразимо пошлые доводы здравого смысла.

И жену ведь драматург нашел для своего героя далеко не самую худшую, не мегеру какую-нибудь, не бессердечную кокетку, не алчную стяжательницу. Г-же Жадовой, правда, далеко до г-жи Волковой, которая патетически восклицала: «Я страдаю, один бог видит как, но горжусь своей нищетой». Полина не гордится своей ни-

щетой. она тяготится бедностью, но ведь это все же не бесчувственная и безнравственная Юлинька, а добрая, милая и любящая Полинька.

И вот эта милая, добрая и любящая молодая женщина в пылу ссоры произносит страшные слова: «За что тебя любить-то? Очень нужно даром-то любить!» Жадов поражен; он не сразу находит слова для ответа, но находит: «За любовь я тебе плачу любовью». Удивительные эти слова почти текстуально совпадают с известным выражением Маркса о том, что в будущем, истинно человеческом обществе любовь будет обмениваться только на любовь.

Шляпка, всего только жалкая шляпка оказалась неодолимым камнем преткновения на пути к осуществлению высоких жадовских идеалов. Многоопытный Вышневский все предвидел: «Вместо шляпок там и разных мод, которые женщины считают необходимыми, ты будешь ей читать лекции о добродетели». Он все предугадал: «Пойдут попреки, сетованья на судьбу. Не знаю, каково будет тебе переносить, когда жена поминутно будет раскаиваться вслух, что, по неопытности, связала свою судьбу с нищим». Так все и случилось.

После годичной осады Жадов выкидывает белый флаг капитуляции и, боясь потерять ненаглядную Полину, идет к дядюшке просить доходного места.

Для чего Островский провел своего героя через нравственное падение? Чтобы показать, что герой его пьесы вовсе не герой («Я не герой, я обыкновенный, слабый человек,— признается сам Жадов.— У меня мало воли, как почти у всех у нас»). Чтобы показать, как нещадно пригибает и ставит на колени честных людей та жизнь, которую он видел вокруг себя. Чтобы — повторим еще раз — обличить такую жизнь, в которой требуется быть героем, чтобы не стать подлецом.

Для чего же тогда драматург все же дал возможность своему герою подняться с колен и выпрямиться во весь свой человеческий рост? Чтобы показать, что даже обыкновенный, слабый человек может оставаться человеком. Если даже жизнь и поставит вас на колени, с кем не бывает,— говорил драматург этой пьесой своим современникам,— надо найти в себе силы подняться, даже если вы не герой.

В этом смысле крайне важно, что же именно в конечном счете удержало Жадова на краю нравственной пропасти. Когда он, пересиливая жгучий стыд, просит дядюшку дать ему такое место, где бы он мог «приобресть что-нибудь», Вышневский злорадно напоминает ему его собственные слова о том, что растет новое поколение образованных, честных людей, мучеников правды, которые обличат, закидают грязью таких, как сам Вышневский. «И что ж оказывается! Вы честны только до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам

долбили в голову; честны только до первой встречи с нуждой!<...> Нет, вы не стоите ненависти — я вас презираю!» Страшное обвинение. Вот тут-то Жадов и почувствовал, что виноват он не только перед самим собой, что он в ответе за честь своего поколения, что он — и такие, как он,— представляют собой реальную силу, коли их не шутя боятся такие, как Вышневский. Именно это придало ему новые силы, именно это спасло его от окончательного нравственного падения.

Эта тема «Доходного места», оставшаяся в тени при опубликовании пьесы, получила особый общественный резонанс шесть лет спустя, когда Жадов впервые вышел на сценические подмостки. Премьера 1863 года воспринималась зрителями в контексте оживленной полемики вокруг «нигилистов». В этом новом историческом контексте, когда литературу и сцену захлестывала волна «антинигилизма», сочувственное отношение драматурга к своему молодому герою и его честным и горячим юношеским убеждениям прозвучало как прямая отповедь наветам на передовую молодежь.

При появлении же своем в печати (*«Рус. беседа», 1857, № 1*) пьеса «Доходное место» воспринималась читателями совсем в другом идеологическом и эстетическом ряду. Пьеса Островского по своей общественной проблематике примыкала к так называемой «обличительной комедии» второй половины 50-х годов, направлению весьма противоречивому и отнюдь не однородному. Вызванное к жизни назревшей потребностью в критике пороков общественного устройства, оно отразило вместе с тем незрелость, половинчатость, непоследовательность буржуазно-либеральной оппозиции самодержавно-крепостническому строю.

Поэтому власти и не усматривали в обличительном направлении сколько-нибудь серьезной опасности, полагая — и не без оснований,— что такого рода литература только приоткрывает «клапаны», давая выход накопившимся настроениям общественного недовольства и предотвращая тем самым возможность революционного взрыва. Этим и объясняется, что революционная демократия подвергала последовательной критике поверхностное либеральное обличительство, не затрагивающее основ существующего порядка и лишь отвлекавшее общественное недовольство в легальное русло, создавая иллюзию «гласности». Не случайно, что именно «Современник» сумел проницательно выделить «Доходное место» из общего потока, противопоставив критический реализм Островского дидактическому направлению прочих авторов.

Островский далек в «Доходном месте» от либерального обличительства, видевшего во взяточничестве причину всех зол; он смотрит куда глубже и видит во взятке не причину, а симптом зла, не более того. В этой пьесе не нашлось места ни тем, кто подкупает

чиновников, ни тем, кого они грабят. В этой пьесе Жадову предлагается не взятка, а возможность стать взяточником. Взятка решительно выводится за пределы сюжета комедии, хотя лихоимство и составляет ее атмосферу. Драматург исследует не механизм взяточничества, а философию своекорыстия.

«Доходное место» Островский отдал в новый московский журнал «Русская беседа», хотя к этому времени уже было заключено «обязательное соглашение» с редакцией «Современника» сроком на четыре года. «С 1857 года,— гласило объявление на обложке октябрьской книжки некрасовского журнала,— будут принимать в «Современнике» *исключительное* и постоянное участие: Д. В. Григорович, А. Н. Островский, граф Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев». Правда, было условлено, что каждый из участников соглашения имеет право напечатать по одному произведению, ранее обещанному, в другом журнале; этим правом Островский и воспользовался, тем более что с одним из издателей «Русской беседы», Т. И. Филипповым, его связывала давнишняя дружба; как ни далеко разошлись к этому времени их идейные позиции, драматург уступил настояниям старого приятеля. Следующие две пьесы — «Праздничный сон — до обеда» и «Не сошлись характерами!» — были опубликованы в «Современнике». («Обязательное соглашение» было вскоре расторгнуто, в 1858 году «Современник» покидает Толстой, в 1860 году — Тургенев и Григорович. И только Островский продолжает систематически сотрудничать в журнале Некрасова, хотя некоторые свои пьесы он отдает в другие журналы. С 1862 по 1865 год, в пору политической реакции, он публикует все свои новые произведения лишь в «Современнике», за исключением драмы «Грех да беда на кого не живет», напечатанной в январской книжке журнала братьев Достоевских «Время» за 1863 год, когда издание «Современника» было временно приостановлено цензурой.)

Когда Островский задумал и написал первую пьесу о матримониальных злоключениях незадачливого искателя богатых невест — «Праздничный сон — до обеда», он еще не знал, что со временем напишет еще две пьесы о похождениях Бальзаминова — «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» и «За чем пойдешь, то и найдешь». Тем не менее эта трилогия представляет особый интерес именно как единое целое; поэтому мы отложим пока разбор «Праздничного сна», чтобы вернуться к этой пьесе, когда дойдет очередь до остальных двух частей бальзаминовской трилогии, завершенной в 1861 году.

Если «Праздничный сон» писался одним духом (6 января задумано, 8 января начато, 18 января 1857 года закончено), то «картины московской жизни» «Не сошлись характерами!» дались далеко не сразу. Замысел возникает еще в начале 1856 года, драматург

долго колеблется в выборе жанра, набрасывает вчерне «семейные сцены», потом переходит на прозу, собирается написать то «повесть», то «рассказ», то «очерк», откладывает этот сюжет в сторону и в конце концов возвращается к тому, с чего начал,— к драматическим сценам. Оставшаяся незаконченной повесть «Не сошлись характерами!» — последняя попытка Островского писать художественную прозу: драматург возобладал в нем над прозаиком окончательно и бесповоротно.

Островский не впервые обращается в этой пьесе к ситуации мезальянса (он — из обедневших дворян, она — из разбогатевшей купеческой семьи), но на этот раз герой отнюдь не коварный обольститель, а героиня не безвинная жертва обмана. Тут нет обманутых и обманщиков, обе стороны знают, на что идут. Брачный союз, который заключают между собой Поль Прежнев и вдовушка Серафима Карповна Асламевич, в девичестве Толстогораздова,— это не более чем сделка; нарушены условия контракта — и сделка расторгается, только и всего. Все очень просто. Жесткая конструкция пьесы предельно обнажает истинные побуждения участников сделки, не оставляя на этот счет никаких иллюзий.

К началу пьесы герой и героиня незнакомы между собой. Правда, Серафима Карповна приметила Поля, когда он проходил мимо ее окон, и влюбилась в красивого молодого человека. Ей нет нужды поближе познакомиться со своим избранником — она просто покупает за свои деньги красивого молодого и светского мужа. Что же касается Поля, то ему даже и видеть свою нареченную необязательно — он продает свою молодость, красоту и светскость, его интересует не столько вдовушка сама по себе, сколько ее капитал. В таком композиционном решении есть свой резон: если бы у наших героев был случай поближе узнать друг друга, то, возможно, свадьба их и не состоялась бы, ибо ему не нужна расчетливая жена, а ей ни к чему легкомысленный кутила-муж.

В первой картине автор знакомит нас с героем, во второй — с героиней, а в третьей, последней картине они уже муж и жена. Вместе мы видим их впервые только после того, как сделка уже совершена. При первой же попытке мужа попросить у жены изрядную сумму она, ни слова не сказав, переезжает к «тятеньке», прихватив с собой мужнюю шубу, свадебный подарок тестя. Мотивы своего решения она с предельной откровенностью излагает в записке, оставленной Полю: «Что я буду значить, когда у меня не будет денег? — тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будет денег,— я кого полюблю, а меня, напротив того, не будут любить. А когда у меня будут деньги,— я кого полюблю, и меня будут любить, и мы будем счастливы». Неотразимая логика этого рассуждения тем циничнее, чем простодушнее.

Герой и героиня вполне стоят друг друга и равно не удостоены авторского сочувствия. При всем очевидном несходстве их характеров, в одном — главном — они сходятся: в паразитическом отношении к жизни. Комизм коллизии, положенной в основу этой пьесы, в том и состоит, что паразитизм дворянский, расточительский сталкивается тут с паразитизмом буржуазным, накопительским. Серафима, как добропорядочная буржуазка, хочет жить на проценты с капитала, а Поль, мот по натуре и воспитанию, готов прожить капитал. Лукавый автор дает нам понять, что в конце концов они сумеют договориться. Недаром Серафима кончает свое письмо словами: «Твоя навеки...». Недаром пьеса завершается словами Поля: «Нельзя же мне от живой жены жениться в другой раз». У него положение безвыходное, и она не преминет этим воспользоваться: капитал-то у нее.

В пьесе «Не сошлись характерами!» Островский впервые затрагивает тему крепостничества. В первой сцене избалованный барчук Поль, у родителей которого было когда-то «отличное имение в Симбирской губернии», укоряет мать в попустительстве нерадивым мужикам: «Это вы, maman, доверчивы; а попадись они мне, я бы им задал. Фить, фить... Ведь с этим народом нельзя иначе. Это им хорошо... почаще...» Ремарка «делает жест рукой» после «Фить, фить...» не оставляет никакого сомнения, что речь идет о порке. А в своем финальном монологе тот же Поль вспоминает, как он и его гувернер «скакали по ⟨...⟩ наследственным полям и хлестали своими хлыстами по глазам мужиков, которые не сворачивают с дороги». «Куда делись наши имения, наши крестьяне? — вопрошает он мать.— Из всего из этого я бы железной рукой выбрал себе деньги и блистал бы в обществе...». (В настоящем издании впервые полностью восстановлены по авторской рукописи вымарки, произведенные по цензурным соображениям в этом монологе убежденного крепостника.)

После «Не сошлись характерами!» Островский прерывает на время свои картины московской жизни (первый раз он «отлучился» из Москвы в комедиях «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок»). На этот раз он переносит своих читателей сперва в подгородную усадьбу помещицы Уланбековой («Воспитанница»), а затем — в приволжский городок Калинов («Гроза»).

3

Тема помещичьего произвола, затронутая в «картинах московской жизни» только мимоходом, в «сценах из деревенской жизни» становится основной.

Перечень действующих лиц «Воспитанницы» открывает «помещица 2000 душ» Уланбекова, особа деспотичная, капризная и упрямая.

Так уж она воспитана: «Я смолоду привыкла, чтоб каждого моего слова слушались». Возражений она не терпит: «Я не люблю, когда рассуждают, просто не люблю, да и все тут». Каждую свою прихоть она возводит в закон: «Когда я захочу что-нибудь сделать по-своему, уж я поставлю на своем, никого в мире не послушаюсь!»

В «Воспитаннице» Островский продолжает вести следствие по делу о российском самодурстве. На этот раз он привлекает к неподкупному писательскому суду одну из самых отвратительных и бесчеловечных форм произвола — произвол помещичий. Деспотизм тут выходит за рамки узкосемейные и распространяется на все подвластные Уланбековой души человеческие.

Уланбекова — первая помещица в галерее персонажей Островского. За ней последует Гурмыжская («Лес»), потом Мурзавецкая («Волки и овцы»). Вряд ли случайно, что всем трем помещицам драматург дает фамилии, восходящие к татарскому корню (добавим к этому, что, переделывая на русские нравы французскую комедию «En attendant», озаглавленную им «Пока», он меняет госпожу Мансерон на княгиню Чингисову). Останавливаясь именно на таких фамилиях, писатель подчеркивал тем самым «азиатский» деспотизм этих персонажей, образно ассоциируя помещичью власть с татарским игом.

В образе Уланбековой Островский впервые выводит «самодура в юбке» — до «Воспитанницы» женщины выводились в его пьесах преимущественно как жертвы самодурства своих отцов и мужей. В этом смысле Уланбекову можно считать предшественницей не только Гурмыжской и Мурзавецкой, но также Кабановой («Гроза») и Барабошевой («Правда — хорошо, а счастье лучше»).

И еще в одном отношении в «Воспитаннице» расширяется художественное исследование самодурства: в этой пьесе драматург впервые обращается к «цивилизованным формам самодурства» (выражение Добролюбова). Иными словами, Островский показывает, что самодурство проистекает отнюдь не только от невежества необразованных Титов Титычей,— образованная барыня может быть столь же деспотичной, прикрывая эгоизм лицемерными фразами о том, что «нужно делать людям добро».

Антикрепостническая направленность «Воспитанницы» не подлежит сомнению, хотя героиня пьесы, сирота Надя, «любимая воспитанница Уланбековой», как сказано в перечне действующих лиц, не крепостная («отец еще покойным барином был на волю отпущен»). Вполне вероятно, что автор руководствовался тут соображениями цензурного характера, опасаясь впрямую касаться отношений между помещиками и крепостными; но в таком вынужденном, казалось бы, решении был и свой общественно-художественный резон. В 1858 году, когда писалась «Воспитанница», уже мало кто сомне-

вался в том, что крепостное право вот-вот падет, главный вопрос состоял в том, даст ли отмена крепостной зависимости действительную независимость подневольным лицам. Коллизия, положенная чутким художником в основу «сцен из деревенской жизни», более универсальна — она охватывает не только дореформенную, но и пореформенную ситуацию. Можно подумать, право, что драматург предчувствовал, что пьесу его все равно не пропустят на сцену до отмены крепостного права, и заблаговременно позаботился о том, чтобы «Воспитанница» не утратила современного значения и после крестьянской реформы, когда на смену зависимости крепостной придут другие формы бесправия, более изощренные, но не менее бесчеловечные. Так оно и случилось: в 1863 году, когда «Воспитанница» была наконец-то разрешена к представлению, она продолжала звучать вполне актуально. Напомним, что в «Лесе», через десять лет после отмены крепостного права, Островский еще раз воспроизводит ту же, по существу, коллизию: конфликт Аксюши и Гурмыжской повторит в новых исторических условиях конфликт Нади и Уланбековой.

До «Воспитанницы» у Островского не было, пожалуй, героини со столь развитым чувством личного достоинства. Были характеры вздорные (Липочка в «Свои люди...»), самоотверженные (Марья Андреевна в «Бедной невесте»), своевольные (Дуня в «Не в свои сани не садись»), кроткие (Любовь в «Бедность не порок»), страстные (Груня в «Не так живи...»), но никогда с такой силой не выражалась драма попранного человеческого достоинства. При этом драматург рисует характер вовсе не идеальный и, уж во всяком случае, не идеальничающий. Надя — девушка очень земная, с практическим складом ума, мечтающая о приличном замужестве («У меня теперь только одна и надежда,— говорит она подружке в самом начале пьесы,— выйти за хорошего человека, чтобы мне быть полной хозяйкой. Посмотри тогда, какой я порядок в доме заведу; у меня не хуже будет, чем у дворянки у какой-нибудь!»). Она насмотрелась, побывав с барыней в Петербурге и Москве, господской жизни и старается подражать благородным девицам: «Видя все это, моя милая, и сама стараешься себя облагородить. Уж и держишь себя не так и разговор стараешься иметь особенный».

Добродушная усмешка над ограниченностью жизненных представлений Нади не мешает автору с искренней симпатией отнестись к драме своей героини, которую помещица задумала отдать замуж за человека ничтожного, пьянчужку и бездельника. Потрясенная случившимся, девушка решается на любовное свидание с сыном «благодетельницы». Она, никого не любившая, ждавшая своего суженого, безоглядно отдается порыву — не для чего, не для кого беречь свою девичью честь.

Примечательно, что Надя решается на этот шаг уже после того, как сама же Уланбекова выгнала беспутного жениха. Казалось бы, что теперь, когда гроза миновала, у «воспитанницы» нет уже оснований для такого отчаяния. Что же ее толкает в объятия барчука? Дело тут не столько в отчаянии, сколько в «отчаянности», о которой сама Надя говорит перед свиданием: «Пока она баловала меня да ласкала, так я и думала, что я такой же человек, как и все люди; и мысли у меня совсем другие были об жизни. А как начала она мной командовать, как куклой; да как увидела я, что никакой мне воли, ни защиты нет, так отчаянность на меня, Лиза, напала». Расплата не заставила себя долго ждать,— узнав о ночном свидании, разгневанная помещица в отместку решает отдать Надю замуж за того же беспутного приказного, которого накануне с позором выгнала.

События развиваются в «Воспитаннице» стремительно: действие пьесы начинается вечером, продолжается ночью и заканчивается утром следующего дня. Такая концентрация действия во времени усиливает драматизм, но не кажется искусственной — она продиктована сумасбродным характером помещицы и решительным характером ее воспитанницы.

«Воспитанница» была для Островского своего рода эскизом к следующей пьесе, к «Грозе».

Действие «Воспитанницы» происходит весной, действие «Грозы» — летом. Драматург нечасто указывает в «афишах» к своим пьесам время года, такие указания у него всегда содержательны. Подобно тому как «Снегурочке» он дал подзаголовок «весенняя сказка», «Воспитанницу» он мог бы назвать «весенней былью». Весна в «сценах из деревенской жизни» — это первое пробуждение девического чувства, это светлая ночь в саду, это песнь соловья в роще, это пора надежд юного сердца, которым, увы, не суждено сбыться. Лето в «Грозе» — это жаркое дыхание страсти, это духота неволи, это поэтическое очарование летней ночи, это трагическое предчувствие неизбежной грозы. «Жду не дождусь ночи-то!» — восклицает героиня «Воспитанницы». «Ах, кабы ночь поскорей!» — вторит ей героиня «Грозы».

В «Воспитаннице» драматург первый раз вывел действие за пределы интерьера (если не считать нейтральной к существу действия небольшой сцены в саду в «Бедной невесте»,— эта сцена могла бы состояться в любой из комнат дома Незабудкиных). В «Воспитаннице», а затем и в «Грозе» Островский вводит в драму пейзаж как один из важных элементов эмоциональной атмосферы, в которой развивается действие.

Надя только еще задумывается о самоубийстве как о выходе из безвыходного положения: «Нехватит моего терпения, так пруд-то у нас не далеко!» Катерина, когда не хватило ее терпения, броси-

лась в Волгу. В «Воспитаннице» заложена возможность трагической развязки, в «Грозе» эта возможность реализована.

«Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом»,— читаем мы на первой странице пьесы. Этой ремаркой драматург не просто ставит нас в известность, как называется город, в котором живут его герои. Нет, эту ремарку надлежит понимать в самом буквальном смысле слова: действие пьесы действительно происходит *в городе*; город действительно становится *местом действия* пьесы. Из пяти актов драмы только один — второй — замкнут в интерьере («Комната в доме Кабановых»); во всех остальных актах автор показывает своих героев за пределами кабановского дома. Не правда ли, несколько неожиданное решение для семейной драмы? Но в том-то и дело, что Островский расширяет семейную драму до драмы общественной. На это, кстати, в свое время обратил внимание академик П. А. Плетнев в своем отзыве на «Грозу» в связи с выдвижением драмы на соискание Уваровской премии Академии наук. «Не семья одна с обычными видоизменениями характеров их,— писал он,— составляет предмет изучения поэта: ему захотелось воспользоваться, в некотором отношении, общественной жизнью маленького русского городка...» (*«Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова», Спб., 1860, стр. 38*). На первый взгляд может, правда, показаться, что «общественная жизнь маленького русского городка» почти не сливается с трагической судьбой героини. В самом деле, наиболее яркие представители двух крайних проявлений этой общественной жизни — Кулигин и Дикой — на протяжении всей пьесы не единой репликой не обмениваются с Катериной. Но драматург, раздвинув рамки драмы, по выражению того же Плетнева, «на всю пестроту местной жизни», показывает нам гнетущую силу общественного мнения, которая в конечном счете и привела героиню к обрыву.

Вспомним знаменитую реплику Кулигина: «Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие!» Вспомним его же не менее знаменитый монолог о слезах невидимых и неслышимых, что льются за запорами. Вспомним, как озабочена Кабаниха тем, что люди скажут: «Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут». Не может не думать об этом и Борис: «Видеть ее никогда нельзя, а еще пожалуй, разговор какой выдет, ее-то в беду введешь. Ну, попал я в городок!» Об этом же говорит и Кудряш: «А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят». Только сама Катерина поначалу не желает считаться с общественным мнением калиновских обывателей: «Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю! Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?» Но и ей, оказывается, не под силу снести тя-

жесть «людского суда»: «Все и ходят за мной целый день,— жалуется она Борису,— и смеются мне прямо в глаза».

Драма Катерины свершается на глазах у города. На людях она призналась мужу в измене. Люди видели, как бросилась она с обрыва в Волгу. «Кулигин с народом», как сказано в ремарке, «несут Катерину», когда ее, мертвую, вытащили из реки. Мы закрываем последнюю страницу пьесы и только тогда понимаем до конца истинный, буквальный смысл фразы: «Действие происходит в городе Калинове».

В городе Калинове как бы слились воедино все многочисленные разрозненные впечатления, которые годами отпечатывались в памяти писателя во время его поездок по волжским городам.

До двадцати двух лет Островский безвыездно живет в Москве. В 1845 году он совершает свое первое путешествие — на нижегородскую ярмарку. В 1848 году он впервые посещает приобретенное отцом сельцо Щелыково, близ Кинешмы, в следующем году доезжает до Самары. В 1856 году, за три года до «Грозы», драматург совершает по поручению Морского министерства с целью изучения экономических условий жизни и быта приволжского населения длительное путешествие по Верхней Волге, побывав в Твери, Городце, Торжке, Осташкове, Ржеве, Калязине. В 1857 году он посещает Ярославль, Углич, Кострому. «Материалов я отобрал богатство»,— сообщает он в письме к приятелю (*ПСС*, *XIV*, *64*). Отчет о своей «литературной экспедиции» он опубликовал в «Морском сборнике», но наблюдения над бытом и нравами российской провинции, поэтические впечатления от неповторимой красоты русской природы — все это требовало воплощения в художественные образы.

Он задумывает целый цикл пьес под общим названием «Ночи на Волге». Волжские впечатления скажутся в таких его пьесах, как драматическая хроника о нижегородском народном ополчении «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», историческая фантазия «Воевода», которой неспроста был дан подзаголовок «Сон на Волге», драма «Бесприданница». Но самым первым и, быть может, самым сильным откликом драматурга на то, что он перевидал и перечувствовал на волжских берегах, была «Гроза».

«Характер Катерины, как он исполнен в «Грозе»,— напишет Добролюбов в статье «Луч света в темном царстве»,— составляет шаг вперед не только в драматической деятельности Островского, но во всей нашей литературе» (*Д о б р о л ю б о в*, *VI*, *334*). Почему из всех женских образов современной ему литературы критик именно в Катерине Кабановой увидел «новый тип, создаваемый русской жизнью»? Ведь к тому времени, когда появилась «Гроза», были уже написаны и Ольга Ильинская в романе Гончарова «Обломов» и Елена Стахова в повести Тургенева «Накануне». Когда Добролюбов при-

нялся за статью о «Грозе», он уже был автором статей «Что такое обломовщина» и «Когда же придет настоящий день?». Почему же Катерина Кабанова, а не Ольга Ильинская и не Елена Стахова? Ольга «способна, кажется, создать новую жизнь, а живет между тем все в той же пошлости, в какой и все ее подруги, потому что от этой пошлости некуда уйти ей» (*там же, стр. 109*). Елена «готова к самой живой, энергической деятельности, но приступить к делу сама по себе, одна — она не смеет» (*там же, стр. 108*). Характер же Катерины «сосредоточенно решителен, неуклонно верен чутью естественной правды, исполнен веры в новые идеалы и самоотвержен в том смысле, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тех началах, которые ему противны» (*там же, стр. 337*). В этой-то целостности и внутренней гармонии, в способности всегда быть самой собой, ни в чем и никогда самой себе не изменяя, и состоит неодолимая сила характера Катерины.

Это не значит, разумеется, что характер Катерины, каким он дан в драме, статичен, неподвижен, однообразен. Напротив, Островский раскрывает перед нами характер своей героини в непрестанном драматическом движении, в борении страстей, он как бы дает нам возможность подслушать Катерину в самых различных и даже контрастных эмоциональных состояниях — в тихой радости и в неизбывной тоске, в чаянии счастья и в предчувствии беды, в смятении чувств и в порыве страсти, в страшном отчаянии и в бесстрашной решимости принять смерть.

Недаром И. А. Гончаров подчеркивал в своем отзыве о драме Островского, что «прежде всего она поражает смелостью создания плана: увлечение нервной, страстной женщины и борьба с долгом, падение, раскаяние и тяжкое искупление вины,— все это исполнено живейшего драматического интереса и ведено с необычайным искусством и знанием сердца» (*И. А. Гончаров, т. 8, стр. 136*). В немногих словах здесь определено, по существу, драматическое движение характера Катерины на протяжении каждого из пяти актов драмы. Между завязкой и развязкой, между «увлечением нервной, страстной женщины» и «тяжким искуплением вины» заключены «борьба с долгом», «падение», «раскаяние», то есть драматическое действие, составляющее содержание трех срединных актов драмы.

С самого начала драмы, с первых сцен Катерина как бы все время прислушивается к тому, что в ней происходит и что ее самое удивляет: «Что-то во мне такое необыкновенное». Что же именно? «Точно я снова жить начинаю». Вот эту-то жизнь Катерины, жизнь сызнова, и раскрывает драматург перед нами шаг за шагом, до самого последнего шага — до омута.

Поначалу Катерина пытается отогнать от себя даже мысль о Борисе: «Я его и знать не хочу!» Но уже в следующую минуту она

признается: «Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак». В том-то и дело, что Катерина остается верна самой сёбе и «переломить» себя, то есть изменить самой сущности своего характера, никогда не сможет. Что же остается? Терпеть: «Уж я лучше буду терпеть, пока терпится».

Мера ее терпения испытывается в следующей же сцене. Кабаниха диктует сыну наставления, которые он должен внушить жене. Тихон тупо повторяет вслед за матерью: «Слушайся маменьки, Катя... Не груби... Почитай, Катя, маменьку, как родную мать... Работай что-нибудь без меня... В окны не гляди... Не заглядывайся на парней...» Ни на одно из наставлений Катерина не отвечает ни единым словом, только в самом конце она «строго взглядывает на него». В ее молчании — стыд и обида, смятение и вызов. Ей стыдно за безвольного Тихона, не смеющего ослушаться мать. Она оскорблена тем, что свекровь считает себя вправе так бесцеремонно встать между ней и мужем. Она в смятении, ибо Тихон невольно коснулся самого сокровенного в ее душе.

В сцене прощания с мужем слышится не только боязнь остаться наедине с искушением, не только предчувствие того непоправимого, что случится после отъезда Тихона; еще важнее тут отчаянная, но искренняя попытка обрести душевную близость с мужем: «Как бы я тебя любила...»

В знаменитом монологе с ключом Катерина как бы пробует вначале «заговорить себя», но она не может, да и не хочет сама себя обманывать: «Перед кем я притворяюсь-то!» В этом суть: притворяться героиня драмы ни перед кем не станет, и меньше всего перед собой. Ключевая фраза всего монолога: «А горька неволя, ох, как горька!» Горечь неволи и толкнула героиню драмы на шаг, который оказался для нее роковым. Монолог, начавшийся душевным смятением, завершается бесповоротным решением: «Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..»

Сцену в овраге, которую принято называть сценой «падения» Катерины, вернее было бы назвать, напротив, сценой величайшего духовного взлета героини, решившейся, вопреки всему, последовать велению своего сердца. Поэтический колорит, окрашивающий летнюю ночь в «Грозе», отнюдь не лишает ее глубокого драматизма. Нега тут неразрывна с тревогой, жаркая страсть — с трагическим надрывом. Драматург мастерски рисует переход своей героини от смятения («Загубил, загубил, загубил!») к безоглядному счастью разделенной любви («Давно люблю»).

В том, что Катерина действительно не побоялась «людского суда», мы можем убедиться в сцене раскаяния (если воспользоваться уже знакомым нам выражением Гончарова), которую, впрочем, вернее было бы назвать сценой признания, ибо Катерина ни в чем

не раскаивается. Не гроза, не пугающее пророчество сумасшедшей старухи, не страх перед геенной огненной побудили Катерину Кабанову к признанию. Для ее честной и цельной натуры невыносимо то ложное положение, в котором она оказалась. Сколько человечности, сколько глубокой жалости в словах Катерины, когда она «смотрит в глаза Кабанову»: «Голубчик мой!» В эту минуту, кажется, она забыла не только Бориса, но и себя. Именно в этом состоянии самозабвения и выкрикивает она слова признания, не задумываясь о последствиях. Потом, в последнем акте, она признается Борису, что «в себе не вольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила».

В сцене прощания с Борисом Катерина предстает как бы просветленной и умиротворенной. «Только ведь мне и нужно было, увидать тебя». Трудно поверить в это, но Катерине нельзя не верить. «Вот мне теперь гораздо легче сделалось». И в это веришь. Она как будто успокоилась, но какое это страшное спокойствие. Это последняя степень отчаяния, когда уж и слез нет, все выплаканы.

Борис уехал. Все кончено. «Куда теперь?» Некуда. «Опять жить?» И убежденно: «Нет, нет, не надо... нехорошо!» Не смерть желанна, а жизнь невыносима. Жить лишь бы жить — нехорошо, недостойно человека. Катерина отвергает нравственный компромисс, отвергает жизнь вполжизни. Жить — это значит для нее быть самой собой. Не быть самой собой — это значит для нее не жить. Образом Катерины Островский утверждал цельность характера — не как эстетическую категорию только, но и как этическую норму.

Если в жанре комедии у Островского были в русской литературе великие предшественники, то о «Грозе» можно без преувеличения сказать, что это первая русская классическая бытовая драма, приближающаяся по своему высокому поэтическому строю, по грозовому накалу конфликта к социальной трагедии.

4

После драматических коллизий «Воспитанницы» и «Грозы», потребовавших от писателя полного напряжения всех творческих сил, Островский как бы отдыхает, написав одну за другой три небольшие жанровые «картины из московской жизни», озаглавленные пословицами: «Старый друг лучше новых двух», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» и «За чем пойдешь, то и найдешь». Можно подумать, что драматург набирался сил, прежде чем взяться за первую свою драматическую хронику («Козьма Захарьич Минин-Сухорук») и за новую драму («Грех да беда на кого не живет»). Но при всей своей внешней непритязательности «картины московской

жизни», написанные Островским в 1860—1861 годах, не только отличаются редкостной наблюдательностью и искрящимся комизмом, но и таят в себе серьезные раздумья писателя о жизни.

«Мещанка, хозяйка небольшого деревянного дома», «ее дочь, портниха», «жена чиновника», «титулярный советник», «отставной чиновник», «его жена», «лакей» — таков круг «лиц», действующих в «Старом друге...». В этом пестром мирке досужих сплетен, взаимных перебранок, непробудного пьянства, бессовестного лихоимства, глупой фанаберии развертывается на протяжении двух дней нехитрая житейская история со счастливым концом. Олинька, бедная портниха, девушка бойкая на язык и наделенная здравым смыслом, добивается в конце концов, что титулярный советник Васютин, с которым она долгое время находилась в тайной связи, отказывается от своего намерения жениться на «благородной» и женится на ней. Все, казалось бы, устроилось наилучшим образом, пока не задумаешься над тем, что представляет собой жених. А ведь Прохор Гаврилыч Васютин, по существу, мало чем отличается от Максима Дорофеича Беневоленского из «Бедной невесты»; кстати, отношения Беневоленского с брошенной им Дуней точь-в-точь напоминают отношения Васютина с Олинькой. Но разве мы бы радовались за Дуню, если бы Беневоленский женился на ней? «Что я жила — маялась! — рассказывает Дуня о своем возлюбленном.— Приедет, бывало, пьяный да олаберный — так как обеснующий какой. Я уж давно ему говорю: развяжи ты мою голову...». И примерно так же отзывается Олинька о своем Прохоре Гаврилыче: «А ведь уж я-то тебя знаю: жизнью своей безобразной ты меня не удивишь!» Татьяна Никоновна, маменька невесты, женщина практичная, говорит о женихе: «Только, ох — как пуст малый-то!» — «Все-таки лучше мастерового»,— отвечает рассудительная дочка. «Что говорить!» — соглашается маменька.

«Все-таки лучше мастерового» — вот и все счастье...

После «Старого друга...» Островский возвращается к матримониальным похождениям незадачливого искателя богатых невест Бальзаминова, выведенного им впервые еще в 1857 году в комедии «Праздничный сон — до обеда», и создает в 1861 году одну за другой вторую и третью части бальзаминовского цикла — «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» и «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова»).

Что побудило драматурга спустя четыре года вернуться к своему незадачливому герою? Может быть, продолжавшийся сценический успех первой комедии? Но «Праздничный сон — до обеда» вот уж три года, как сошел с обеих столичных сцен. Быть может, драматург хотел дать новый материал превосходным исполнителям этой роли? Но Мартынова, блистательного Бальзаминова

петербургской сцены, уже не было в живых, а Сергей Васильев, игравший Бальзаминова на московской сцене, к этому времени потерял зрение и вынужден был оставить театр. Добавим к этому, что Островский берется за последнюю часть трилогии и заканчивает ее, не дожидаясь, пока будет представлена на сцене вторая часть.

У драматурга, следовательно, были достаточно веские внутренние основания, чтобы взяться за продолжение сценического повествования о хождениях Миши Бальзаминова по мукам женихховства. Художественное чутье подсказало ему, что одно неудавшееся сватовство еще не может в полную силу выявить ту маниакальную одержимость, с которой Бальзаминов карабкается на вершину своей мечты о богатой невесте. Для этого драматург должен был сделать нас свидетелями целой серии новых попыток и новых «асаже» хронического неудачника, непрестанно переходящего от самых сладостных надежд к самым горестным разочарованиям.

Традиционная драма бедной невесты оборачивается в бальзаминовском цикле комедией бедного жениха. Неравный брак, сулящий бедной невесте несчастье, нашему бедному жениху сулит богатство, то есть исполнение самых пылких его мечтаний. Канцелярист Бальзаминов поочередно сватается сперва к купеческой дочке Ничкиной, затем к купчихе Антрыгиной, потом к сестрице лавочников Пежоновых и, наконец, женится на богатой купеческой вдове Белотеловой.

Жениховство становится для Бальзаминова не только главным делом жизни, но и своего рода профессией, секретами которой он старается овладеть до тонкости. Причисляя себя к особому клану искателей богатых невест, Бальзаминов нередко говорит о себе во множественном числе: « у *нас* все от случая, все от счастья...», «*мы* никуда на верное не ходим...», «в *нашем* деле без счастья ничего не сделаешь...» Маниакальная одержимость доводит его до грани умопомешательства: «поневоле с ума сойдешь...», «маменька, я с ума сойду», «это с ума сойдешь...», «погодите, постойте. А то я помешаюсь в мыслях...»

Все три пьесы бальзаминовского цикла начинаются и заканчиваются в пределах одних суток. Истории, которые в них рассказываются, лишены каких бы то ни было предысторий. Весь комизм как раз и заключается в том, что первое свидание со своим «предметом» каждый раз оказывается для незадачливого жениха последним. Ему, бедному, и для одного-единственного свидания едва хватает слов, для него, нищего духом, исключаются сколько-нибудь длительные взаимоотношения. В первых двух частях трилогии по одному свиданию было вполне достаточно для того, чтобы расстроились его планы, в третьей части — для того, чтобы его мечты увенчались неожиданным успехом сразу же после очередного «асаже».

В конце концов, Миша Бальзаминов за чем пошел, то и нашел. Отчего бы нам не порадоваться вместе с ним? Оттого, очевидно, что невесту-то он нашел, а себя потерял, совсем потерял. Вот этот процесс распада личности, захваченный автором в самой последней своей трагикомической стадии, когда от человека остался только маниакальный охотник за приданым,— этот грустный и мучительный процесс стал главенствующей темой веселого бальзаминовского цикла.

В трилогии Островского художественная концепция «маленького человека», характерная для раннего периода «натуральной школы», существенно переосмысливается. Бальзаминов не столько *маленький* человек, сколько человек *мелкий*. Он жалок, но жалости не вызывает. В бальзаминовщине осмеян потребительский идеал благоденствия, извечная мечта мещанина о бешеных деньгах, которые свалятся на него невесть откуда прямо в руки, так, ни за что...

При всей значительности новых пьес бальзаминовского цикла сам факт возвращения писателя к темам, характерам и ситуациям, уже знакомым читателям и зрителям по его прежним пьесам, был далеко не случаен.

Творческие трудности, встававшие перед Островским в первые пореформенные годы, были очень серьезны. Распознавание нового в пору крутых общественных перемен — дело нелегкое для всякого художника, а тем более для художника уже сложившегося, у которого уже позади период первоначального накопления жизненных наблюдений и впечатлений, у которого художественное миросозерцание уже вполне сформировалось в прежнюю пору относительной устойчивости старых форм быта, покоящихся на известной стабильности социальных отношений.

Есть, конечно, художники иного склада, чутко и быстро откликающиеся на каждый поворот общественной жизни. Островский не обладал уникальной отзывчивостью, скажем, Тургенева, которого критики не раз ставили ему в пример; он был художником совсем другого общественного темперамента. Он отнюдь не был глух и слеп к новому, но ему требовалось значительно больше времени, чтобы творчески переработать, осмыслить и отлить в драматическую форму свои наблюдения. (Вряд ли, кстати, можно считать случайным, что Тургенев, обратившись к актуальным проблемам общественной жизни пореформенной эпохи, предпочел форму романа драматическим жанрам).

Нельзя сбрасывать со счетов еще одно обстоятельство, тормозившее процесс художественного освоения Островским новой действительности,— «страх запрещения пьесы», о котором сам драматург писал в статье «Обстоятельства, препятствующие развитию

драматического искусства», опубликованной без подписи в газете «Северная пчела» 1 февраля 1863 года. «Автор, особенно начинающий, у которого запрещены одна или две пьесы без объяснения ему причин, поневоле должен всего бояться, чтобы не потерять и вперед своего труда,— говорилось в этой статье.— Пришла ему широкая мысль — он ее укорачивает; удался сильный характер — он его ослабляет; пришли в голову бойкие и веские фразы — он их сглаживает... Такое постоянное укорачивание, урезывание себя вредно действует на производительные способности, долго потом отзывается во всей деятельности; я говорю это по собственному опыту. Чтобы только иметь надежду видеть свои произведения на сцене, волей-неволей гонишь из головы серьезные жизненные идеи, выбираешь задачи пообщее, сюжеты помельче, характеры побледнее» (*ПСС*, *XII*, *15—16*). Островский действительно мог говорить обо всем этом по собственному горькому опыту — запрет за запретом, обрушивавшиеся на его пьесы, не могли пройти бесследно для писателя; эти запреты и на самом деле долго еще отзывались в его творчестве. Положение драматурга в этом смысле было еще более тягостно, чем положение романиста,— особо жесткие требования драматической цензуры, даже в пору либеральных послаблений, сужали круг общественных проблем, к которым мог обращаться драматический писатель.

Перемены, совершающиеся в жизни, особенно в переломные эпохи, настолько сложны и многообразны, что воплотить их в полной мере под силу только всей литературе эпохи. Предъявлять отдельному писателю претензии, которые по справедливости можно адресовать лишь литературе в целом,— весьма распространенная во все времена ошибка критики. У Островского была, так сказать, своя «специальность» в решении общей для литературы и искусства задачи эстетического освоения пореформенной действительности. Сам Островский считал, что от автора, который берет себе задачей отрицание старого идеала, нельзя требовать, чтобы он сейчас же вместо старого идеала ставил новый: «Когда старый идеал износится, тогда он начинает прежде всего противоречить всему жизненному строю, а не новому идеалу» (*ПСС*, *XV*, *157*). Отрицание старого, износившегося идеала — такова была главная художническая задача Островского. В пореформенную пору он прослеживает, как развивается в новых условиях все тот же конфликт старших и младших, богатых и бедных, своевольных и безответных. К тому же драматург не питал никаких иллюзий относительно радикальности перемен, привнесенных в жизнь буржуазно-либеральными реформами. Перестав идеализировать патриархальные нравы, он еще меньше был склонен идеализировать идущую на смену буржуазную безнравственность.

Его торопили, а он не спешил. Он пристально вглядывался в происходящее вокруг, чтобы впопыхах не принять наскоро перелицованное старье за новые одежды жизни. Его упрекали за то, что он повторяется, а это не он повторялся — сама жизнь.

5

Вслед за современными драматургу критиками историки литературы и театра считают, что в пьесах первой половины 60-х годов, носивших эскизный характер и уступавших лучшим его пьесам, драматург продолжает разрабатывать круг проблем и явлений, уже отраженных в пьесах предшествующих лет.

Это верно лишь отчасти.

В драме «Грех да беда на кого не живет» (1862) драматург действительно не выходит за пределы привычной ему купеческой, обывательской среды маленького уездного городка, как бы повторив в перевернутом виде ситуацию комедии «Не в свои сани не садись». Но наиболее проницательные критики уже в то время догадались, что, несмотря на внешнее сходство, «тут огромная разница в замысле и творчестве этих двух драм» (*БДЧ*, *1863*, *№ 2*). Мотив супружеской измены, действительно напоминавший драматическую коллизию «Грозы», в новой драме осмыслен совершенно по-новому, ибо ничего общего нет между характерами Катерины Кабановой и Татьяны Красновой.

Тит Титыч Брусков действительно перекочевал в комедию «Тяжелые дни» (1863) из комедии «В чужом пиру похмелье» (1858), а Досужев действительно попал в нее из «Доходного места» (1856). Но эти два типа дореформенной русской жизни смогли вернуться на пореформенную сцену только потому, что продолжали лицедействовать в самой жизни; при этом драматург очень тонко почувствовал и оттенил то, что за эти годы переменилось и в купце-самодуре и в ходатае по делам бородатой клиентуры.

«Шутники» (1864) большинство современников восприняло как перепев знакомых мотивов, но Е. Эдельсон, былой соратник драматурга по «молодой редакции» «Москвитянина», которого трудно поэтому заподозрить в недооценке раннего Островского, увидит в этой небольшой пьесе «одно из капитальнейших произведений» Островского, представляющее собой «перелом в характере деятельности нашего автора» (*БДЧ*, *1865*, *№ 1*).

Не была, разумеется, простым перепевом старого и комедия «На бойком месте» (1865), хотя сам автор, указывая в начале пьесы, что «действие происходит〈...〉 лет 40 назад», вроде бы декларирует свое намерение изображать не современную, но былую жизнь. Действие «Пучины», написанной в том же году, также отнесено автором к минувшим годам; первая сцена происходит «около 30 лет назад»,

вторая — семь лет спустя; третья еще через пять лет, последняя — снова пять лет спустя; таким образом, начало пьесы отнесено автором примерно к середине 30-х годов, а конец — к началу 50-х годов. Лишенная внешних примет современной жизни, эта пьеса была, однако, вполне современной по своей социальной и этической проблематике.

В драме «Грех да беда на кого не живет» кровавая развязка с такой же неотвратимостью — и с такой же естественностью — вытекает из завязки, с какой сама завязка возникает из обстоятельств и характеров, очерченных в экспозиции.

Из экспозиции этой драмы мы узнаем, что Таня Жмигулина, дочь отставного приказного, «принуждена была выйти за лавочника» Краснова и считает себя глубоко несчастной в этом неравном, по ее представлениям, браке. В этой экспозиционной ситуации содержится, как возможность, завязка драмы: измена Тани мужу. Но эта возможность так и могла остаться возможностью.

Мы узнаем, с другой стороны, что молодой помещик Бабаев, когда-то ухаживавший за девицей Жмигулиной, вынужден провести несколько дней в уездном городке, где она живет с мужем, и помышляет о приятном времяпрепровождении. И в этой экспозиционной ситуации тоже содержится, как возможность, завязка драмы: совращение Бабаевым Тани. Однако и эта возможность могла тоже так и остаться возможностью.

Только *пересечение* этих двух экспозиционных линий превращает возможность в действительность. Для того же, чтобы они могли пересечься, каждая из них должна быть достаточно активной. И мы действительно видим, что Бабаев проявляет активность в осуществлении своего намерения завести «легонькую интрижку», а Татьяна Даниловна достаточно активна в своей антипатии к мужу и в своем давнем, еще девичьем чувстве к красивому молодому барину.

Трагическая развязка драмы предопределена крутым и страстным характером Льва Краснова, всей душой любившего жену, считавшего ее выше себя и делавшего все, чтобы заслужить ее ответную любовь. Уже это одно возвышает его над старозаветной купеческой средой, где жена, коли она жена, обязана любить мужа, где глава семьи даже и не помыслит о том, чтобы чем-то заслужить любовь собственной жены, которую он и за человека-то не считает. Это уже немалый шаг от домостроевских начал к отношениям истинно человеческим. Но сделать следующий шаг и признать за своей женой право свободного выбора герой драмы не в состоянии. Он не может отрешиться от взгляда на жену как на собственность, в жизни и смерти которой он, муж, волен. И когда Таня хочет уйти от мужа («Не любила я вас никогда и теперь не люблю. Уж лучше вы меня оставьте, чем нам обоим мучиться. Лучше разойдемтесь!»), он в порыве

отчаяния и обиды убивает ее («От мужа только в гроб, больше никуда»).

В «Шутниках», а особенно в «Пучине» обращает на себя внимание близость к проблематике и стилистике раннего Достоевского. Мотив униженных и оскорбленных с особой щемящей силой звучит в образе старика Оброшенова, бедного отставного чиновника, который вынужден, чтобы не оставить без куска хлеба своих дочерей, терпеть издевательства богатых «шутников»: «Тот тебе рыло сажей мажет, другой плясать заставляет, третий в пуху всего вываляет». Оброшенов, по собственному признанию, «изломался, исковеркался, исказил себя всего». Еще явственнее слышится гуманистическая тема бедных людей в горестной судьбе Кисельникова, героя «Пучины».

«Пьеса удивительная,— отзовется о «Пучине» Чехов.— Последний акт — это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал. Этот акт целая пьеса...» (*А. П. Чехов, т. 15, стр. 332*). Удивительна эта пьеса не только в том смысле, что она удивительно хороша, но и в том смысле, что она совершенно уникальна в театре Островского. «Пучина» — единственная из его «пьес жизни», в основу которой положен биографический, «житийный» принцип: мы знакомимся с Кириллом Филлипычем Кисельниковым, когда ему 22 года, потом встречаем его в 29 лет, в 34 года и, наконец, в 39 лет. Герой старится на наших глазах — в свои 39 он уже старик. Не только последний акт, но и каждая из четырех сцен «Пучины» — это «целая пьеса», со своим сюжетным центром, со своей завязкой и развязкой.

В «Пучине» Островский как бы прослеживает одну из возможных версий судьбы молодого интеллигента. В этом отношении «Пучина» явно перекликается с «Доходным местом». Жадовы по самой своей межеумочной природе не могут вечно оставаться Жадовыми, восторженными энтузиастами, взирающими на жизнь сквозь розовые очки. Оставаться Жадовым — это значит стать Кисельниковым. Недаром в обеих пьесах возникает одна и та же метафора — образ загнанной лошади. Послушаем Жадова: «Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь...» А теперь послушаем Кисельникова: «Знаете, маменька, загоняют почтовую лошадь, плетется она нога за ногу, повеся голову, ни на что не смотрит, только бы ей дотащиться кой-как до станции: вот и я таков стал». Жадова обстоятельства только еще «*могут* загнать», Кисельникова они уже загнали («вот и я таков *стал*»). Кисельников — это загнанный жизнью Жадов.

В начале пьесы Кисельников преисполнен самых радужных надежд, жизнь представляется ему в самом розовом свете. Совсем

по-жадовски он признается, что «влюблен без памяти», и восхищается своей невестой: «Какая простота! Какая невинность!» Совсем по-жадовски отвечает он на поучения, что нужно прежде «определенное положение найти, тогда уж и жениться»: «Я буду трудиться, буду служить».

Во второй сцене перед нами уже совсем другой человек. Вместо былой восторженности — раздражительность, вместо былой умиленности — брюзжание, вместо былых надежд — безнадежность. Что же произошло? А вот что: «Я уж теперь и сам понимаю, что я ничем не лучше других, а ведь мне хотелось-то быть лучше». Идеалы молодости еще не совсем потеряли свою власть над ним: «Как вспомню я свои старые-то понятия, меня вдруг словно кто варом обдаст. Нет, стыдно мне взятки брать». Но «старые понятия» вспоминаются все реже и реже. Изменилась, так сказать, его ценностная ориентация. В доме, скажем, нету рома для тестя и нету денег, чтобы купить ром. Кисельников в совершенном отчаянии: «Где ж взять-то? Где ж взять-то? Эко горе-то! Вот какая беда-то!» Истинная драма Кисельникова, разумеется, не в том, что не на что рому купить, а в том, что это может стать для него драмой.

Если во второй сцене Кисельников подавлен своей судьбой, то в третьей он уже раздавлен ею. В течение какого-нибудь получаса в его жизни происходят два события, которые круто меняют его судьбу. Если до прихода Боровцова он еще жил надеждой, что тесть когда-нибудь отдаст ему долг, то теперь, подписав отказ от иска, он лишается последней надежды и обречен на нищету. Если до появления Неизвестного ему оставалось хоть то утешение, что он честный человек, то после подделки документа, на которую он по малодушию согласился, он с ужасом начинает понимать: «Маменька, ведь я на волос от каторги...»

В последней сцене перед нами полупомешанный. По словам Анны Устиновны, матери Кисельникова, «напал на него страх, суда очень боялся, так и помешался в рассудке со страху». Страх Кисельникова, однако, это больше, чем страх перед судом,— это страх перед жизнью, в которой, чтобы не быть ограбленным, надо самому стать грабителем. В минуты просветления его терзает неизбывное чувство вины: «Мы все продали: себя, совесть, я было дочь продал...» Именно этот комплекс нравственной вины и не позволяет ему остаться с дочерью, когда ей, казалось бы, улыбнулось счастье: «Мы вам не компания,— вы люди честные».

Беда Кисельникова — в кисельниковщине: в душевной инертности, в бездеятельном прекраснодушии, в бесхарактерности, в безволии. Беда или вина? Именно этот вопрос, по существу, впрямую поставлен самим драматургом в самом начале пьесы, еще до того, как на сцене появился Кирилл Филиппыч Кисельников. Только

что в Нескучном саду окончилось представление мелодрамы Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока», публика обменивается суждениями по поводу горестной судьбы героя. Одна точка зрения: «С кем поведешься, таков и сам будешь». Другая: «Всякий себе сам виноват... Стой твердо, потому один отвечать будешь!» Одна позиция: «Да ведь жалко». Другая позиция: «Ничего не жалко. Знай край, да не падай! На то человеку разум дан». Какова же точка зрения самого автора, какую позицию сам драматург занимает в этом споре? Оправдывает ли он падение своего героя пагубным влиянием среды или же винит во всем случившемся его одного? Жалко ему Кисельникова или «ничего не жалко»?

«Пучина» не была бы «пьесой удивительной», а была бы самой заурядной мелодрамой, если бы в ней был дан однозначный ответ: «да, виновен» либо «нет, не виноват». В том-то и дело, что, взяв за основу сюжетную схему, типичную для мелодрамы, драматург всей логикой своей пьесы опровергает мелодраматическую концепцию личности и общества. Островский не был бы великим художником-реалистом, если бы не постиг глубинной диалектики взаимных отношений человека и среды в свой век. Островский не был бы великим художником-гуманистом, если бы, установив нравственную вину своего героя, отказал бы ему в сочувствии.

После кровавой развязки «Грех да беда на кого не живет» финалы пьес «Тяжелые дни» и «Шутники», «На бойком месте» и «Пучина» могут показаться вполне благополучными. Действительно, все четыре пьесы заканчиваются помолвками, а, согласно комедийному канону, где свадьба, там и радость, там и счастье. Не так у Островского.

В «Тяжелых днях» Тит Титыч Брусков, поломавшись вдоволь, в конце концов дает согласие на то, чтобы сын его женился на полюбившейся ему небогатой купеческой дочке Александре Кругловой. Но где гарантия, что самодур Брусков не передумает? Ведь согласился же он в финале комедии «В чужом пиру похмелье» женить сына на дочери учителя Иванова, а вот поди ж ты, в новой комедии Андрюша Брусков все еще холост. Да и в самих «Тяжелых днях» Тит Титыч, уже пообещав сыну, что женит его на Кругловой, очень скоро отказывается от своих слов: «Обещал, да раздумал». Что ему стоит еще раз раздумать? Андрюша с полным основанием мог бы повторить в финале «Тяжелых дней» слова, которыми он заканчивал комедию «В чужом пиру похмелье»: «Уж знаю, что толку ничего не будет, одна мука».

Можно, конечно, счесть благополучным финал комедии «На бойком месте». Действительно, Аннушка по счастливой случайности не отравилась и осталась жива. Ей удалось убедить Миловидова в том, что она безвинно оклеветана своей соперницей Евге-

пней. Растроганный барин решает взять девушку к себе. «Ты, стало быть, жениться хочешь?» — ревниво спрашивает его Евгения. «Мое дело»,— отвечает Миловидов. Ответ, как видим, не слишком определенный. Но даже если он и женится в порыве благородства на бедной девушке, немало горя ждет ее впереди. Не случайно, надо думать, что сама Аннушка в финале комедии находится в беспамятстве и судьба ее решается без ее участия,— в этом нельзя не увидеть символ ее будущего бесправия: она целиком зависит от благорасположения самодурного барина. Горькое счастье!

Можно ли, далее, считать счастливой развязку «Шутников»? Да, шестидесятилетний богатей и самодур Хрюков, первоначально предложивший Анне Павловне стать его содержанкой, получив достойную отповедь, решается честь-честью жениться на дочери бедного стряпчего. Оброшенов умоляет дочь не отказываться от этого предложения, хотя и понимает, как страшна его просьба для дочери: «Злодей твой не станет того просить, что отец просить будет». Анна Павловна дает согласие на этот брак ради отца и сестры: «Я умереть для вас готова, только бы вы были счастливы!» И это счастливая развязка?

Еще меньше оснований счесть счастливой развязку «Пучины». Конечно, брак с честным Погуляевым предпочтительнее для Лизы Кисельниковой, чем перспектива стать содержанкой богатого барина Грознова, но ведь она всего только раз и видела этого человека, пусть доброго и порядочного, но уже совсем не молодого — ведь он однокашник ее отца. Погуляев понимает: «Ведь вы меня не любите, вы от нужды за меня идете». «Все равно,— отвечает Лиза,— ведь я никого не люблю». Страшно звучит это безнадежное «Все равно...» в устах семнадцатилетней девушки, только еще начинающей жить...

На всех этих пьесах несомненно была печать времени, в которое они были созданы. И все же драматург действительно почти не выходил в них за пределы привычной ему среды, им же когда-то открытых типов, им же разработанных ситуаций. Он чувствовал настоятельную потребность расширить сферу наблюдения, внимательно присмотреться к новым тенденциям, глубже осмыслить происшедшие сдвиги.

Художнику его склада на это требовалось время.

К середине 60-х годов отчетливо определилось уникальное положение Островского в театре: автор пьес, признанных классическими и удерживавшихся в репертуаре по десятку и более лет, он продолжал оставаться профессиональным поставщиком текущего репертуара. На протяжении трех лет кряду на московской и петербургской афише (если рассматривать репертуар Малого и Александринского театров в совокупности) сохраняются все поставленные к тому времени пьесы Островского. Но если в 1863 году 18 его пьес

прошли на обеих столичных сценах 163 раза, то в 1865 году 21 его пьеса выдерживает только 99 представлений. Затем «императорские» театры начинают постепенно «терять» пьесы Островского. Первыми сходят с афиши «Не так живи, как хочется» и «Утро молодого человека», потом — «Не сошлись характерами!», «В чужом пиру похмелье» и «Картина семейного счастья».

Противоречие между заслугами Островского как создателя признанных классических образцов русской комедии и драмы и его незавидным положением профессионального поставщика репертуарных новинок, зависящего от произвола театральной дирекции, капризов бенефициантов, пристрастий рецензентов и вкусов публики, с годами становится все более тягостным для драматурга. С одной стороны, он первый русский драматический писатель своего времени, лучшие журналы наперебой предлагают свои страницы для его новых пьес; две его драмы — «Гроза» и «Грех да беда на кого не живет» — удостаиваются высшей литературной награды той поры — Уваровской премии Академии наук; в 1863 году Академия наук избирает 40-летнего драматурга своим членом-корреспондентом, в 1865 году он становится во главе «Артистического кружка»; его творчество высоко оценивают самые влиятельные литературные критики разных направлений. С другой стороны, в отзывах прессы на премьеры новых пьес Островского (особенно после смерти Н. А. Добролюбова, статьи которого «Темное царство» и «Луч света в темном царстве» сыграли исключительно важную роль в формировании общественного мнения и в идейной эволюции самого драматурга) начинает преобладать резкий, часто грубый, нередко издевательский тон; основным мотивом рецензентских писаний становится утверждение, что Островский исписался и что каждая новая его пьеса слабее предыдущей; второстепенные литераторы, входившие в состав Театрально-литературного комитета, позволяют себе в пренебрежительных выражениях отклонить его пьесу «Женитьба Бальзаминова»; лучшие его пьесы идут в «императорских» театрах редко, репетируются наспех, обставляются из рук вон плохо.

Письма Островского буквально пестрят жалобами на пренебрежение «императорских» театров к его пьесам. Дело доходит до того, что в середине 60-х годов драматург решает вовсе прекратить работу для театра. «Объявляю тебе по секрету,— пишет он в 1866 году петербургскому актеру Ф. А. Бурдину,— что я совсем оставляю театральное поприще. Причины вот какие: выгод от театра я почти не имею (хотя все театры в России живут моим репертуаром); начальство театральное ко мне не благоволит,— а мне уж пора видеть не только благоволение, но и некоторое уважение; без хлопот и поклонов с моей стороны ничего для меня не делается... Современных

пьес я писать не стану, я уж давно занимаюсь русской историей и хочу посвятить себя ей исключительно — буду писать хроники, но не для сцены» (*ПСС*, *XIV*, *138*). И действительно, на протяжении 1866 и 1867 годов Островский не публикует и не передает театрам ни одной современной пьесы. Но, будучи до мозга костей современным художником, он, разумеется, не в состоянии выдержать данный им самим себе зарок. Двухгодичная пауза, возможно, даже пошла ему впрок: он не только продолжал наблюдать современную жизнь, но и дал перебродить и отстояться новым впечатлениям. К тому же обращение к истории позволило ему с более широких исторических позиций взглянуть на современность, отчетливее увидеть закономерности общественной жизни. Это скажется уже в цикле блестящих сатирических комедий, созданных им в конце 60-х годов.

Е. Холодов

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Впервые опубликовано в журнале «Русский вестник», 1856, т. I, январь, кн. 2, стр. 185—228.

Рукописные источники:

Черновой автограф *(ГБЛ)*, отдельные листки с частью текста, сброшюрованные и переплетенные вместе с автографами других пьес. К пьесе «В чужом пиру похмелье» здесь относятся листки с записями первоначального названия — «Ученье свет, а неученье тьма», перечень действующих лиц, отражающий поиски имен персонажей, записи отдельных реплик, планы и отрывок текста комедии, видимо, самая первая черновая редакция. В разных местах *ЧА* записаны даты, относящиеся к работе над комедией: «Задумано 23 июля»; «Начата 28 июля 1855 г.»; «Начата 19 ноября — кончена 5 декабря».

Авторизованная театральная писарская копия $АТК_1$, суфлерский экземпляр Александринского театра *(ЛГТБ)*, с цензорским разрешением: «Одобряется к представлению. С. Петербург, 28 декабря 1855 год. Стат. сов. Нордстрем». Текст $АТК_1$ отличается от журнального. На рукописи множество реплик вписано карандашом и более черными, чем у писца, чернилами. Возможно, некоторые из этих исправлений (карандашные) принадлежат лично автору. Все вписанные реплики есть в журнальном тексте; две купюры драматического цензора, сделанные на $АТК_1$, восстановлены в журнале.

Авторизованная театральная писарская копия $АТК_2$, режиссерский экземпляр Малого театра *(ММТ)*. На $АТК_2$ Островский сам исправлял ошибки писца, вписывая пропущенные фразы, отдельные непрочитанные слова, заменял искаженный писцом текст. В нескольких случаях автор делал художественную правку, давал новые словесные замены. На последнем листе рукописи есть позднейшая запись: «Добавки к тексту —карандашом писаны рукою А. Н. Островского, что и удостоверяю. Помощник режиссера Алексей Кондратьев. 1888 г. Янв. 21». Аналогичная запись есть на л. 11 об. На $АТК_2$ много обычных рабочих пометок режиссера: планы сцен, списки актеров, разметка выходов, вычерки длиннот текста и т. п.

Театральная писарская копия *ТПК*, суфлерский экземпляр Малого театра *(ММТ)*. На титульном листе *ТПК* запись Островского: «Представляю сию пиэсу Прову Михайловичу Садовскому для его бенефиса. Автор А. Островский». В тексте *ТПК* никаких помет автора нет. На титульном листе стоит дата Театрально-литературного комитета «13 декабря 1855, № 650». Видимо, это дата получения рукописи Комитетом. Этот экземпляр текста проходил цензуру, о чем свидетельствует запись цензора Нордстрема, полностью сов-

падающая с записью на *АТК*$_1$. Но купюры, сделанные в *АТК*$_1$, в текст *ТПК* не перенесены. На Московский экземпляр также не перенесены реплики, вписанные автором в экземпляр Александринского театра.

Сохранилась еще одна театральная писарская копия (*ЛГТБ*), экземпляр режиссера Александринского театра с множеством рабочих помет. Эта копия не может служить источником текста, но интересна для современного режиссера и историка театра.

Как очевидно из дат, проставленных на *ЧА*, Островский задумал комедию 23 июля 1855 г. и в июле же сделал первые наброски. Затем работа над пьесой была оставлена. Драматург вновь вернулся к своему замыслу 19 ноября и за полмесяца, 5 декабря 1855 г., закончил пьесу. 14 декабря он извещает Ф. А. Бурдина о том, что пьеса отослана в Петербург, и просит его «хлопотать», чтоб дело продвинулось как можно быстрее (*ПСС*, *XIV*, *47*). 28 декабря 1855 г. пьеса прошла драматическую цензуру, а через двенадцать дней, 9 января 1856 г., была сыграна в Москве на сцене Малого театра.

Для Сочинений в изд. Г. А. Кушелева-Безбородко текст комедии заново готовился автором. В пьесе были сделаны значительные исправления. Островский сокращал и заменял монологи учителя Иванова, снял наивно прямолинейные самохарактеристики Лизаветы Ивановны, убрал некоторые неоправданные резкости из речи персонажей и т. п. (см. «Приложения»).

Текст изд. Кушелева-Безбородко воспроизводился во всех последующих прижизненных изданиях без изменений.

Печатается по тексту изд. Кушелева-Безбородко, т. II, с устранением опечаток и искажений по рукописям и первопечатному тексту:

Стр. 14, строки 23—24
«Эх, Лизавета Ивановна» *вместо* «Ах, Лизавета Ивановна» (по *ЧА*, *АТК*$_{1-2}$).

Стр. 15, строки 4—5
«их и выписывать» *вместо* «их выписывать» (по *ЧА*, *АТК*$_1$).

Стр. 20, строки 25—26
«в чем и даю сию расписку» *вместо* «в сем и даю сию расписку» (по *ЧА*, *АТК*$_{1-2}$).

Стр. 22, строки 11—12
«из боковой двери в середнюю» *вместо* «из боковой двери в переднюю» (по *АТК*$_{1-2}$, «*Рус. вест.*»).

Стр. 24, строка 26
«Да, да и расписку» *вместо* «Да, и расписку» (по *ЧА*).

Стр. 26, строка 13
«а я об сыновьях» *вместо* «а я о сыновьях» (по *ЧА*).

Стр. 31, строка 28
«Провожает ее до дверей» *вместо* «Провожает ее до двери» (по *ЧА*).

Стр. 33, строки 29—30
«Вон тебе чернила» *вместо* «Вот тебе чернила» (по *ЧА*, *АТК*$_{1-2}$, *ТПК*$_{1-2}$).

Стр. 37, строки 12—13
«Ваше дело правое» *вместо* «Наше дело правое» (по $АТК_{1-2}$, $ТПК_1$).

Стр. 38, строки 8—9
«Полтораста тысяч тебе серебром» *вместо* «полтораста тысяч тебе серебра» (по *ЧА*).

Новый взгляд Островского на купечество в комедии «В чужом пиру похмелье» отметила вся современная критика.

В «Заметках нового поэта» И. И. Панаев писал: после этой комедии господа, убежденные, что Островский видит идеал русского человека в купце, должны поколебаться или признать, что автор меняет свое направление (*«Совр.», 1856, № 2*). В. Я. Стоюнин в статье «Некоторые вопросы по поводу комедии г. Островского» хвалил драматурга за то, что он показал, как сознание необходимого образования начинает проникать в низшие слои купечества (*«Театр. и музык. вест.», 1856, № 5*).

Даже рецензент «Санктпетербургских ведомостей» Н. Н. (Н. С. Назаров), обычно недоброжелательно писавший о творчестве Островского, отметил все же новые мотивы в его пьесе. Новым критик считал жалобы Андрюши на тятеньку, который не дает ему учиться; новое в том, что купец-самодур удивляется доброму поступку образованного человека и хотя на миг поддается желанию «поучиться» у него; новое — в критически поданной сцене разговора двух купчих, где «так много схвачено типических особенностей купеческого быта, что одного этого разговора было бы достаточно, чтоб рассеять (хоть на время) идеальное сияние, которым так усердно старался окружить г. Островский любимое свое сословие». Вместе с тем Назаров упрекал драматурга за отсутствие серьезного интересного содержания, цельного и законченного действия, драматического элемента (*«Спб. вед.», 1856, 29 января*). Те же мысли высказывает он и в более поздней обзорной статье о Сочинениях Островского (*«Отеч. зап.», 1859, август*).

В «Сыне отечества» (*1856, № 1*) была опубликована статья, автор которой писал, что тема пьесы «заключает в себе многие условия для глубокой драмы, но не обработана и не развита»; учитель и его дочь, в которых должен сосредоточиваться нравственный интерес, остались безжизненными тенями, их фразы звучат фальшиво.

Близок к этому взгляд критика Н. П. Некрасова, по мнению которого пьеса не имеет ни начала, ни конца, а героям навязаны совершенно необоснованные действия. «Все действия комедии сосредотачиваются около расписки, данной с одной стороны и взятой с другой, самым нелепым образом» (*«Атеней», 1859, № 7—8*).

Стоюнин в названной выше статье тоже говорит о «недоконченности» пьесы и неожиданной концовке: «... г. Островский как-то скоро скрутил действие и потому не мог в нем сделать многого со своими лицами: почти все они остались недоконченными, какими-то намеками на типы, а не самими типами». Он считает эту комедию слабее всех прежних пьес Островского, хотя основа ее — самая богатая. «Пьесу можно сравнить с ветхою хижиной, построенной на скорую руку на прочном гранитном фундаменте, предназначенном для великолепного здания». Стоюнин признает, правда, высокую художественность в создании фигуры Кит Китыча: «...в его изображении есть определенность, оконченность, и в нем вы действительно

узнаете талант г. Островского, умеющий возводить лицо до типичности резкими красками» (*«Театр. и музык. вест.», 1856, № 5)*.

Более дружественной и объективной была критика из лагеря «Современника».

Панаев именно в статье об этой пьесе назвал Островского «единственным серьезным драматическим писателем», симпатии которого всегда «на стороне благородных, честных и прямых натур, затертых и забитых окружающею их дикою и грубою действительностью...». О самой же пьесе Панаев пишет следующее: «И содержание и характеры задуманы прекрасно. Но, к сожалению, выполнение не соответствует задуманному содержанию. Оно бледно и слабо» (*«Совр.», 1856, № 2*).

Н. Г. Чернышевский не выступал с разбором комедии в прессе, но в письме к Н. А. Некрасову 13 февраля 1857 г. хотя и писал, что пьеса ему не понравилась, но отмечал талант автора «в ведении разговора» и «в языке» (*Чернышевский, XIV, 340*).

Развернутую оценку и глубокий анализ социальных мотивов пьесы дал в своей знаменитой статье «Темное царство» Н. А. Добролюбов (*«Совр.», 1859, № 7 и 9*). Критик считал, что здесь в изображении самодура и самодурства писатель достиг нового, более высокого уровня. Сравнивая комедию с пьесами, созданными до 1855 г., Добролюбов пишет: «Бессилие и внутреннее ничтожество самодурства не выдаются еще в этих комедиях с такой поразительной яркостью, как в небольшой комедии «В чужом пиру похмелье». Здесь есть все — и грубость, и отсутствие честности, и трусость, и порывы великодушия,— и все это покрыто такой тупоумной глупостью, что даже люди, наиболее расположенные к славянофильству, не могли одобрить Тита Титыча Брускова...» Анализируя далее гибельное влияние самодурства на отношения в семье, критик очень широко истолковывает понятие «самодурные отношения», применяя его ко всему общественному устройству в целом. (Известно, что слово «самодур» для Добролюбова служило синонимом слова «деспотизм».) Конкретная ситуация комедии позволила Добролюбову поставить перед читателем актуальный вопрос современности: «Отчего 〈...〉 Андрюша терзается, но не смеет слова сказать Титу Титычу и пр.? Отчего целое общество терпит в своих нравах такое множество самодуров, мешающих развитию всякого порядка и правды? В обществе, воспитанном под влиянием Торцовых и Брусковых, нет решимости на борьбу» (*Добролюбов, V, 97, 102*).

Ап. Григорьев писал о пьесе «В чужом пиру похмелье» в статье «После «Грозы» Островского» (*«Рус. мир», 1860, № 5, 6, 9 и 11*). Заслуга Островского, по мнению критика, в том, что драматург увидел и вывел забитость и темноту массы (или, как он называет, «земщины»), скудость ее представлений о мире, жизни, о правовых нормах. «Горькое и трагическое в том, что ученье и грамота сливаются в представлении отупелой земщины с тем, что «отдали мальчика в ученье, а ему глаз выкололи»,— в том, что земщина, в лице глупого мужика Кита Китыча, предполагает в Сахаре Сахарыче власть и силу написать такое прошение, по которому можно троих человек в Сибирь сослать...» (*Григорьев, I, 463*).

Образ Тита Титыча стал нарицательным, вжился в сознание людей, подобно многим литературным персонажам русских писателей-классиков. В. И. Ленин в своих политических статьях и выступлениях неоднократно обращался к образу Тит Титыча Брускова. В частности, «российскими Китами Китычами» В. И. Ленин

называл представителей высшей бюрократии *(В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 5, стр. 330)*; «тузов-миллионеров, воротил нашей крупной промышленности» *(там же, т. 23, стр. 91)*. Этот образ В. И. Ленин использовал и после Октябрьской революции, предостерегая коммунистов-администраторов от «увлечения командованием» *(там же, т. 42, стр. 347)*.

На сцене впервые пьеса была поставлена в Московском Малом театре 9 января 1856 г. [1], в бенефис П. М. Садовского, выступившего в роли Тита Титыча Брускова. Остальные роли исполняли: учитель Иванов — С. В. Шумский, Лизавета Ивановна — Е. Н. Васильева, Аграфена Платоновна — С. П. Акимова, Настасья Панкратьевна — Е. М. Кавалерова, Андрей Титыч — С. В. Васильев, Капитон Титыч — И. Е. Турчанинов, Ненила Сидоровна — А. Д. Степанова, Захар Захарыч — Н. М. Никифоров, Луша — Рябова.

В целом о спектакле критика отозвалась очень сдержанно. Московский обозреватель «Санктпетербургских ведомостей» *(1856, 29 января)* считал, что успех комедии был неполным. В той же газете *(1856, 1 февраля)* в фельетоне «Московская летопись» безымянный «Корреспондент» сообщал: «Новой комедии г. Островского не так посчастливилось на сцене, как прежним. Несмотря на прекрасное исполнение ее здешними артистами, постоянно отличающимися отчетливым исполнением произведений г. Островского, комедия имела успех очень слабый». Однако вся пресса высоко оценивала игру Шумского и особенно — П. М. Садовского. Рецензент «Русского вестника» *(1856, т. I, кн. 2)* писал: «... г. Садовский понял свою роль и вошел в нее как нельзя лучше 〈...〉 Только что он выступает на сцену и делает первые движения, как уже тотчас видишь и признаешь в нем Брускова истинного, неподдельного Брускова. По его манере говорить, смотреть и даже слушать других так и хочется сказать, что это он сам, своей собственной особой».

И. И. Панаев восторженно отзывался о Садовском, когда в 1857 году он показал своего Кит Китыча во время петербургских гастролей. «Садовский привел в восторг и увлек всех без исключений»,— писал Панаев,— несмотря на свое богатство Садовский — Брусков «остается по наружности тем же грязным москательным торгашом, лавочником, каким бы он был и при начале своей торговли. Он является в замасленном кафтане, грубым, диким, как будто сорвавшимся с цепи, беспрестанно засучивает свои рукава и выставляет свои кулачища». Панаев считал, что тип Брускова, созданный Садовским, «несравненно ближе к истине, чем тип Мартынова» *(«Совр.», 1857, № 6)*.

Позднее драматург и переводчик В. И. Родиславский вспоминал о спектакле: в финальной сцене «мимика Садовского без слов объясняла то, что происходит в Тите Титыче. Вот он в раздумье разглядывает разорванную расписку, по которой его Андрюшка обязался жениться на дочери учителя Иванова и которую Иванов бросил ему, не взяв за нее денег, еще раз разрывает ее в клочки, на лице его видно, что он поражен нравственною силой, существование которой и не подозревал, он задумывается над нею, прикладывает пальцы ко лбу, разводит руками, наконец, эта нравственная

[1] В течение 1856 г. пьеса была показана семь раз.

сила побеждает его, он решается, а раз решившись, он тотчас же посылает *своих* просить и молить Иванова отдать дочку за его сына. Этот переворот в самодурстве Брускова так ясно выражался в мимике Садовского, что не нужно было никакого монолога, чтоб оправдать естественность развязки этой комедии» *(«Рус. вест.», 1872, т. 100, № 7).*

Шумский, выступавший в премьере в роли учителя Иванова, также стяжал себе немало похвал. Н. С. Назаров отмечал артистическую игру Шумского, сделавшего из учителя Иванова живую фигуру *(«Спб. вед.», 1856, 29 января).*

«В игре Шумского нашли мы все, чего желали от роли,— писал рецензент «Русского вестника» *(1856, т. I, январь, кн. 2).*— И благородная простота Иванова, и чувство своего достоинства, и мягкая кротость в задушевном разговоре с дочерью». О фигуре Андрея Титыча в исполнении Васильева тот же рецензент писал: «У автора она изобилует верными чертами, прямо выхваченными из действительности, а г. Васильев придал им своею игрою, голосом, манерами, так сказать, внешнюю истинность».

В роли Андрея Брускова начал свою блестящую сценическую карьеру Михаил Прович Садовский. Современник, видевший премьеру спектакля в Московском артистическом кружке 30 декабря 1867 г., так писал об игре молодого Садовского: «Из новичков исполнителей более других понравился сыгравший (в первый раз в жизни) роль сына Брускова, Андрюши, г. Садовский, сын знаменитого актера московской сцены, П. М. Садовского; кроме незначительных неверностей в тоне, он был положительно хорош и вызвал много рукоплесканий» *(«Антракт», 1868, № 1).* А через два года в этой же комедии с большим успехом выступила О. О. Садовская. Молодая артистка покорила зрителей исполнением старушечьей роли — Настасьи Панкратьевны (см. об этом: *Д м. Я з ы к о в, О. О. Садовская. К 25-летию ее артистической деятельности на сцене Малого театра, М., 1905).*

В Петербурге, в Александринском театре, премьера состоялась 18 января 1856 г. Роли исполняли: учитель Иванов —В. В. Самойлов, Лизавета Ивановна — Е. Ф. Федорова, Аграфена Платоновна— Ю. Н. Линская, Тит Титыч Брусков — А. Е. Мартынов, Настасья Панкратьевна — Н. П. Воронова, Андрей Титыч — Ф. А. Бурдин, Капитон Титыч — А. А. Рассказов, Ненила Сидоровна — П. К. Громова, Захар Захарыч — П. И. Зубров, Луша — Назарова.

Мнение критиков об этом спектакле и об исполнении Мартыновым роли Тит Титыча не единодушно.

Рецензент «Санктпетербургских ведомостей» *(1856, 29 января)* отзывался о премьере и об игре всего ансамбля с большой похвалой. «...г. Мартынов (старик Брусков) ⟨...⟩ создал прекрасный тип купца, и отличной игре его мешало только по временам не совсем твердое знание роли. Г. Самойлов (учитель Иванов) сделал из своей довольно неблагодарной роли все, что можно было сделать; г-жа Федорова (дочь Иванова) играла прилично и читала со смыслом. Игра г-жи Линской (Аграфена Платоновна) также заслуживает полного одобрения». Особенно отмечалась мастерская игра Зуброва. Его Захар Захарыч «вышел лицом до того живым, что, кажется, нельзя ни выкинуть, ни прибавить ни одной черты к этому художественному воспроизведению его. Посмотрите на этого человека, небритого, с облезшими волосами, одетого в лохмотья... Когда он пишет, руки его трясутся, а говорит он хриплым басом ⟨...⟩ чело-

веческое унижение выставлено г. Зубровым с беспощадной верностью...».

Более сдержанную оценку дает обозреватель «Отечественных записок» *(1856, февраль, № 2)*. Он признает, что Мартынов понял роль: «Этот седенький старичок, худой, бледный, с желчью в лице, с реденькой седой бородкой, с очками, старичок, беспрестанно топающий то ногой, то палкой,— это Брусков»; но отмечает, что сцена, где Брусков-старший «должен переменить образ мыслей», проходит до того быстро, «что публика не успевает понять, что сделалось с упрямым стариком». Обозреватель «Отечественных записок» находит, что «учитель Иванов, которого играет г. Самойлов, вышел и на сцене бесцветным», Зубров же сыграл Захара Захарыча неподражаемо.

И. И. Панаев пишет о Мартынове — Брускове: «Г. Мартынов является в этой роли настоящим разбогатевшим дикарем, каких мы встречаем в действительности... И его наружность удивительно как идет к его внутренним свойствам. На глазах г. Мартынова круглые черепаховые очки; на подбородке маленькая, редкая клинообразная седая бородка, беспрестанно приходящая в движение; седые волосы его длинны; в тонких губах какое-то нервическое движение. У него голос крикливый и резкий. Он в белом галстухе, в белом жилете, в длинном сюртуке, в сапогах сверх панталон и с тростью. Взглянув на эту фигуру, вы так и читаете на ней уверенность, что с деньгами все можно, что деньги все, что перед деньгами все валяются в пыли, и видите перед собою грубое олицетворение этой силы». Панаев хвалит далее игру Зуброва, Линской, Федоровой и Самойлова. Тем не менее критик считает, что спектакль не имел никакого успеха *(«Совр.», 1856, т. 55, № 2)*.

Другой современник, театрал С. Бураковский, считал, что благообразная внешность Мартынова — Брускова не вполне вязалась с необузданной натурой и неукротимым нравом Тита Титыча. «Его игра была превосходна, но внешность, приданная Мартыновым Брускову, как-то не гармонирует со словами Аграфены Платоновны: «Ты что буянишь-то! Ты куда, в кабак, что ли, зашел?» *(С. Бураковский, Очерк истории русской сцены в биографиях ее главнейших деятелей, Спб., 1877, стр. 116—117)*.

А. Е. Мартынов признавал превосходство Садовского в роли Тита Титыча. В беседе с П. П. Сокольским Мартынов говорил: «Ведь это единственный артист на роли купцов, и притом это не нижегородский, не харьковский и не петербургский купец, а тип чисто московский» (См.: *А. Брянский, Мартынов и Островский.*— В сб. *Островский. К 100-летию со дня рождения, М., изд. ВТО, 1923, стр. 34)*.

После ранней смерти Мартынова роль Кит Китыча играл Бурдин. Дм. Аверкиев, рецензировавший спектакль с его участием, писал, что Бурдин в своей роли «ломается до ужаса» *(«Эпоха», 1864, № 7)*.

Всего при жизни Островского в Малом театре в Москве пьеса прошла 15 раз, в Петербурге — 45 раз (последний спектакль в Москве состоялся 31 января 1865 г., в Петербурге — 8 апреля 1882 г.).

Стр. 8

Губернская секретарша — то есть жена (или вдова) губернского секретаря, гражданского чиновника 12-го класса.

Стр. 10
O tempora, o mores! (латин.) — О времена, о нравы! — восклицание Цицерона в его обличительной речи против Катилины, готовившего государственный переворот.

Стряпчий — доверенное лицо по делам истца, ведущий тяжбы и иски. Название чиновника стряпчим было архаичным уже во времена Островского.

Плутарх — древнегреческий писатель (ок. 46—126 гг.).

Стр. 11
Гораций Флакк Квинт — римский поэт (65—8 гг. до н. э.). Тексты Горация и Плутарха в подлинниках входили в программу гимназий.

Стр. 13
Салоп — род женской верхней одежды, очень широкое теплое пальто.

У нас в ряду один учитель ходит... — то есть в торговом ряду, на улице, где сосредоточены лавочки и магазины.

Стрюцкие — значение этого слова объясняет Достоевский в «Дневнике писателя за 1877 год». Ссылаясь на личные расспросы среди простонародья, Достоевский дает такое определение: «Стрюцкий» — есть человек пустой, дрянной и ничтожный ⟨...⟩ пьяница, пропойца потерянный человек». Один из существенных признаков его — «недостаточно определенное положение в обществе» (*Ф. М. Достоевский, Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. 5, Спб., 1886, стр. 711).*

Стр. 14
...спирю плясать пойдет — то есть плясать под наигрыш известной народной песни «Спиря, Спиря, Спиридон» (см.: *А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. IV, Спб., 1898, № 714).* Выражение идет от старинного русского обычая пляски на праздник Спиридона-солноворота (12 декабря ст. ст.). До революции «Спиридонами-поворотами» назывались в Поволжье беспаспортные люмпены, добывавшие себе пропитание фиглярством в трактирах и на постоялых дворах (см.: *А. И. Орлов, Островский и фольклор Ивановской области. Иваново, 1948, стр. 46).*

...с политичным разговором... — то есть с вежливым, учтивым (от франц. la politesse — вежливость, учтивость).

Коммерческая академия существует на Покровском бульваре. — Официально открыта с 1810 г. на базе частного пансиона. В Коммерческую академию принимались дети купцов, мещан и иностранцев. Там они получали общее и специальное образование, подготавливавшее к коммерческой деятельности. Академия приравнивалась к средним учебным заведениям.

Стр. 16
...наши рядские глупости — то есть все, что болтают приказчики и «мальчики», состоящие при лавках в торговых рядах.

Стр. 18
Куражу не имеет... — искаженное слово от франц. le courage — мужество.

Стр. 19
... так раскассирую — в переносном смысле — расправлюсь, найду управу. Искаженное от латин. cassare — кассировать, отменять, уничтожать. Этот термин широко применялся в приказном мире.

...старик-то не алтынник... — то есть некорыстолюбивый, бессребреник. Алтын — старое название трехкопеечной манеты.

...за тридцать лет пряжку имеет — наградный знак чиновнику за долгую беспорочную службу.

Стр. 20
Титулярный советник — чин 9-го класса по Табели о рангах, соответствующий военному званию штабс-капитана.

Стр. 21
Зацепа — район старого Замоскворечья, примыкающий к Павелецкому вокзалу, М. Краснохолмскому мосту, Валовой улице. В конце XVII — начале XVIII в. у ворот Земляного вала был таможенный осмотр привозимых в город товаров. Чтобы задержать движение возов, на ворота навешивали цепь. Местность за цепью и получила название Зацепа. Так как возчики ожидали досмотра иногда по нескольку дней, за цепью появились лавочки, харчевни, питейные заведения, образовались улицы, которые в дальнейшем получали свои особые названия, а позже вошли в черту города.

Стр. 24
...лист гербовой бумаги — бумага с изображением государственного герба (или с наклеенными гербовыми марками), на которой писались официальные документы, а также просьбы и жалобы. За гербовую бумагу взималась определенная плата, которая являлась формой государственной пошлины.

Стр. 25
На цепь еще посадите! — Это опасение имело очень реальные основания. Еще в середине XIX в. юродивых и умственно отсталых людей, бессмысленным высказываниям которых в простонародье придавали мистическое значение, родственники могли посадить на цепь. Об одном таком случае писал И. Г. Прыжов: родные юродивого «чтоб он не ушел, чтоб не вырвался как-нибудь из их рук да не лишил бы их большого дохода, да чтоб еще сильней подействовать на воображение верующих, взяли да приковали его на цепь. Приходили к нему люди, и он робко, боязливо умолял этих людей спустить его с цепи, но его держали, держали на цепи целых пятнадцать лет, пока не узнала об этом полиция» *(И. Г. Прыжов, Очерки, статьи, письма. М. — Л., «Academia», 1934, стр. 85).*

Стр. 27
Приворот — по народному поверью, это какие-то заклинания или магические действия, могущие приворожить, вызвать приворотную любовь. Этим свойством могло также обладать «зелье» из трав.

...у меня симпатия есть — здесь — свое особое средство против «приворота».

Стр. 28
«Изумлю мир злодейства, и упокойники в гробах спасибо скажут

что умерли!» — Неточная цитата из романтической драмы Н. А. Полевого «Уголино», д. II, явл. 10, монолог графа Ни́но: «...весь мир — я изумлю злодейством! Тени ада содрогнутся, и — покойники в гробах «спасибо» скажут, что успели умереть...» Драма «Уголино», написанная в 1838 г., шла на сцене Малого театра с П. С. Мочаловым в роли Нино.

Стр. 31
«Умолкни, чернь непросвещенна!» — строка из стихотворения Г. Р. Державина «Бессмертие души» (1797):

Умолкни, чернь непросвещенна,
Слепые света мудрецы! —
Небесна истина, священна!
Твою мне тайну ты прорцы...

Стр. 32
...уконтентую по-своему — то есть ублаготворю, ублажу. Искаженное от франц. contenter — удовлетворять, делать довольным.

Стр. 33
...за межевого... — вероятно, за мелкого чиновника межевой канцелярии, учрежденной (сначала как губернская) в Москве еще в 1766 г., где в конце концов сосредоточились все дела по межеванию — установлению границ (межей) поземельного владения.

Л. Смирнова

ДОХОДНОЕ МЕСТО

Впервые опубликовано в журнале «Русская беседа», 1857, т. I, кн. 5, стр. 5—116.

Рукописные источники:

Черновой автограф пьесы *(ЦГАЛИ)*, полный текст, 70 лл. большого формата с множеством вставок, вычерков и замен, за подписью автора.

Авторизованная писарская копия *(ГБЛ)* без подписи. *АПК* восходит к *ЧА*. Текст ее тщательно считывался автором, который местами давал новые варианты реплик, исправлял ошибки переписчика, вставлял пропущенные слова и т. п. С *АПК* делался набор «Русской беседы». Некоторые текстовые отличия между ними появились в результате того, что Островский читал и правил корректуру журнала.

Писарская копия, отосланная в театральную цензуру *(ЛГТБ)*, неавторизованная и без подписи автора. *ТПК* также восходит к *ЧА*, но она снималась на ранней стадии работы, в ней не учитываются многие авторские исправления, сделанные в *ЧА*. *ТПК* не может служить источником текста, но интересна тем, что в нее не вошли многие наиболее острые и разоблачительные реплики и монологи, бывшие уже в первом слое *ЧА*. Сделано это явно с ведома автора, пытавшегося таким образом обойти цензурные затруднения. Попытка эта не увенчалась успехом — на *ТПК* стоит заключение цензора: «На основании рапорта 16 декабря 1857 года запрещается. Григорович».

Островский работал над драмой в октябре — декабре 1856 г. На л. 2 *ЧА* он проставил даты: «Начато 8 ноября», «Кончено 20 декабря», «Переписана 28 декабря 1856 г.». Но далее в тексте Островским же проставлены даты «27 октября» и «28 октября». Они зачеркнуты, но явно обозначают дни работы над отдельными частями текста (до 28 октября 1856 г. было написано пять явлений первого действия).

В 1856 г., вероятно, в конце декабря, Островский читает комедию в кругу редакции «Русской беседы» в присутствии К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, Т. И. Филиппова, А. И. Кошелева (*Н. П. Гиляров-Платонов, Из пережитого, ч. 2, М., 1886, стр. 136).*

Журнал «Русская беседа», где печаталось «Доходное место», вышел в начале марта 1857 г., в начале апреля было выпущено 600 экземпляров отдельных оттисков.

В 1857 г. до официального запрещения театральной цензуры пьеса успела пройти в некоторых провинциальных театрах, в частности в Казани и Оренбурге. На столичной сцене премьера «Доходного места» состоялась лишь 27 сентября 1863 г.; в Москве — 14 октября 1863 г.

Для Сочинений в изд. Кушелева-Безбородко текст был подготовлен автором, который внес в комедию незначительные исправления. Текст изд. Кушелева-Безбородко воспроизводился во всех последующих прижизненных изданиях без изменений.

Печатается по тексту изд. Кушелева-Безбородко, т. II, с устранением опечаток и искажений по рукописям и первопечатному тексту:

Стр. 41, строка 14
«вам это сказать» *вместо* «это вам сказать» (по *ЧА*).

Стр. 43, строка 19
«чисто одетым-с» *вместо* «чисто одетым» (по *ЧА*).

Стр. 43, строка 21
«как талия» *вместо* «какая талия» (по *ЧА*, *АПК*, «*Рус. беседе*»).

Стр. 48, строка 6
«никто так не желает» *вместо* «никто так не пожелает» (по *ЧА*, *АПК*, «*Рус. беседе*»).

Стр. 50, строки 10—11
«поговорить с вами» *вместо* «говорить с вами» (по *ЧА*, *АПК*).

Стр. 52, строки 19—20
«Я говорю тебе как чиновник чиновнику» *вместо* «Я говорю тебе как чиновник» (по *ЧА*, *АПК*).

Стр. 52, строка 36
«как о пустом и даже о вредном человеке» *вместо* «как о пустом человеке» (по *ЧА*, *АПК*; вероятно, цензурная купюра в «*Рус. беседе*»).

Стр. 53, строка 9
«ваканция» *вместо* «вакансия» (по *ЧА*).

Стр. 53, строка 31
«глядя ему в глаза» *вместо* «смотря ему в глаза» (по *ЧА*, *АПК*).

Стр. 56, строка 10
«посереди комнаты» *вместо* «посреди комнаты» (по *ЧА*).

Стр. 56, строка 14
«надо мной-то, барышни» *вместо* «надо мной-то» (по *ЧА*).

Стр. 56, строка 41
«начинаю подумывать о замужестве» *вместо* «начинаю подумывать» (по *ЧА*).

Стр. 57, строка 6
«уж чего лучше» *вместо* «чего лучше» (по *ЧА*, «*Рус. беседе*»).

Стр. 57, строки 24—25
«что это такое» *вместо* «что такое» (по *ЧА*, «*Рус. беседе*»).

Стр. 57, строка 44 — стр. 58, строка 1
«и всякие разные материи» *вместо* «и разные материи» (по *ЧА*).

Стр. 58, строки 28—29
«по ниточке ходи. За деньги ты моя раба» *вместо* «по ниточке ходи» (по *ЧА*; вероятно, цензурная купюра в «*Рус. беседе*»).

Стр. 60, строка 4
«почти насильно привели» *вместо* «насильно привели» (по *ЧА*, *Рус. беседе*»).

Стр. 65, строка 14
«от сторонних людей выведаю» *вместо* «от сторонних людей разведаю» (по *ЧА*).

Стр. 71, строки 17—18
«видна другая комната» *вместо* «видна комната» (по *ЧА*, *АПК*).

Стр. 75, строка 9
«прячет руки» *вместо* «прячет руку» (по *ЧА*, *АПК*).

Стр. 77, строка 38
«Не все же работать, надо и себя потешить» *вместо* «Не все же работать» (по *ЧА*).

Стр. 79, строки 17—18
«Выкушайте!.. Выпейте. Вам легче будет» *вместо* «Выкушайте» (по *ЧА*).

Стр. 83, строка 1
«на левой стене» *вместо* «на левой стороне» (по *ЧА*).

Стр. 82, строка 38
«дитятко твое» *вместо* «дитятко свое» (по *ЧА*).

Стр. 87, строки 5—6
«дождалась. Бесстыдница! А нет ∽ подумать» *вместо* «дождалась. А нет ∽ подумать. Бесстыдница!» (по *ЧА*).

Стр. 87, строка 16
«с ним два дни» *вместо* «с ним два дня» (по *ЧА*, *АПК*).

Стр. 87, строки 19—20
«приласкает меня немного» *вместо* «приласкает меня» (по *ЧА*).

Стр. 88, строки 7—8
«прачек переделать? Да это весь свет перевернется» *вместо* «прачек переделать?» (по *ЧА*).

Стр. 88, строка 29
«чай, кофей» *вместо* «чай, кофе» (по *ЧА*, *АПК*).

Стр. 90, строки 22—23
«Давайте мне отчет» *вместо* «Дайте мне отчет» (по *ЧА*).

Стр. 94, строки 39—40
«Один раз в год» *вместо* «Один раз» (по *ЧА*).

Стр. 96, строки 12—13
«содержать прилично. Она красавица» *вместо* «содержать прилично» (по *ЧА*).

Стр. 96, строки 26—27
«с ней расстаться? Много ли я пожил-то с ней» *вместо* «с ней расстаться?» (по *ЧА*, *АПК*).

Стр. 97, строка 26
«Ты слушай только» *вместо* «Ты только» (по *ЧА*).

Стр. 99, строка 26
«Это я сделаю... сделаю» *вместо* «Это я сделаю» (по *ЧА*).

Стр. 101, строки 16—19
«Говорит, что он стоит выше холодного бездушного общества с его приличиями и законами, что он презирает общественное мнение» *вместо* «Говорит, что он презирает общественное мнение» (по *ЧА*).

Стр. 107, строка 1
«я скоро сама узнала» *вместо* «я сама узнала» (по *ЧА*, *АПК*).

Стр. 107, строка 25
«уехать отсюда... и умер далеко» *вместо* «уехать отсюда» (по *ЧА*, *АПК*, «*Рус. беседе*»; автоцензура или цензура в изд. Кушелева-Безбородко).

Стр. 109, строка 5
«честны только до тех пор» *вместо* «честны до тех пор» (по *ЧА*).

В комедии «Доходное место» Островский обратился к новой для него теме — чиновничеству. Эту среду драматург изучил достаточно глубоко на собственном опыте. П. М. Невежин пишет в воспоминаниях об Островском, что, будучи чиновником Совестного суда, получая 6 р. в месяц жалованья и видя бесчинства опекунов, дававших взятки столоначальникам, Островский сам был в положении Жадова. Позже драматург говорил Невежину: «Не будь я в такой передряге, пожалуй, не написал бы «Доходного места» *(ЕИТ, 1910, № 6, стр. 2)*.

Комедия ставила перед русской публикой самые острые и актуальные проблемы предреформенной России. С одной стороны — требование гласности, сознание необходимости административных, экономических и судебных реформ, общественный подъем, новые идеи среди разночинской молодежи; с другой — усиление реакции, стремление чиновно-бюрократической среды сохранить свои позиции, и отсюда — ненависть к образованной молодежи, к ученым «выскочкам». «...явилось подозрительное отношение к науке, враждебное настроение против утопистов, идеалистов, ученых, расплодившихся без меры и без ведома правительства под сенью университетов ⟨...⟩ Так продолжалось до конца Крымской кампании,

когда возникло движение, возвестившее наступление нового общественного периода»,— пишет П. В. Анненков (*«Литературные воспоминания», Гослитиздат, 1960, стр. 490*).

Это «наступление нового общественного периода» почувствовал и воплотил Островский в своей комедии, которая знаменовала полный отход от идеализации патриархальных форм русской жизни. Комедия проникнута высоким гражданским пафосом. «Драма была для самого поэта горячею и честною исповедью гражданина, у которого ⟨...⟩ много накипело на душе. Поэт сам говорил мне в ту эпоху, когда драма писалась, говорил с полнейшим искренним увлечением: «Тут будут наши гражданские слезы»,— вспоминал Ап. Григорьев (*«Якорь», 1863, № 32*).

Еще до выхода в свет журнала с «Доходным местом» комедия была широко известна в литературных кругах, обсуждалась и оценивалась писателями, журналистами. Поэтому самые первые отклики на нее мы находим не в прессе, а в переписке и дневниковых записях, в мемуарной литературе об этом периоде. 5 января 1857 г. И. И. Панаев и Л. Н. Толстой пишут Островскому совместное письмо, в котором Панаев сообщает: «До нас дошли слухи о Вашей новой комедии, которую Вы читали. Говорят, что эта вещь необыкновенно замечательная — и все мы ожидаем ее с нетерпением...» (*Толстой, т. 60, стр. 147*). 25 января 1857 г. Толстой записывает в дневнике: «Остров⟨ского⟩ Дох⟨одное⟩ место лучшее его произведение и удовлетворенная потребность выражен⟨ия⟩ взяточного мира» (*там же, т. 47, стр. 112*). Через четыре дня он обращается к Островскому: «Благодарствуй за комедию. В публике, где мы читали, она имела успех огромный. Мое впечатление в отношении сильных мест и лиц усилилось, в отношении фальшивых также. По-моему, их немного — только интрига Вишневских [1] и еще кое-какие мелочи. Ежели бы этих пятнушек не было, это было бы совершенство, но и теперь это огромная вещь по глубине, силе, верности современного значения и по безукоризненному лицу Юсова». И в тот же день, 29 января 1857 г. пишет В. П. Боткину: «Слышал я две замечательные литературные вещи ⟨...⟩ Комедия Островск⟨ого⟩ по-моему, есть лучшее его произведение, та же мрачная глубина, которая слышится в Банкруте, после него в первый раз слышится тут в мире взяточников-чиновников ⟨...⟩ Так же как и в Банкруте, слышится этот сильный протест против современного быта» (*там же, т. 60, стр. 158 и 156*).

П. В. Анненков, едва прочитав «Доходное место» в журнале, писал в Париж Тургеневу и Толстому 14 марта 1857 г.: «Вышла «Русская беседа» с комедией Островского, которая чудесна. Начинается она пошлым изображением благородного человека, который глупо кокетничает своим образованием, кончается она пошлым примирением его с дурацкой женой, но между этими двумя пошлостями картина роковой необходимости взяточничества, порождаемого землей нашей, как рождается на ней крапива под каждым забором, картина особой физиономии взяточничества, идущего об руку с некоторого рода честностию, с добротою души, правилами, от чего она еще отвратительнее,— все это так глубоко, так великолепно, так сильно, что становится *документом*. Это история — точно сама земля наша

[1] Так у Толстого.

дала голос!» *(Труды публ. б-ки СССР имени Ленина, вып. III, «Academia», 1934, стр. 68).*

Общественное значение комедии высоко оценил и А. Ф. Писемский, упрекнувший, впрочем, автора за рационалистичность композиции. 30 марта 1857 г. он пишет Островскому: «Самая картина исполнена и жизни и тонких типов, и, наконец, правственной глубины, но все это вставлено в рамку: т. е. в 1-е и 5-е действия, совершенно *мозговую*, сделанную, а не созданную и потому именно, что в них играют роли пара *Вишневских*[1] ⟨...⟩ они очень много говорят, их надобно сократить ⟨...⟩. С концом пиэсы я тоже не согласен: Жданов[1] не должен был бы выйти победителем, а должен был бы пасть. Смысл комедии был бы, по-моему, многозначительнее и глубже...» *(А. Ф. Писемский, Письма, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 109).*

Восторженное письмо (от 6 апреля 1857 г.) прислал Островскому И. И. Панаев: «Обнимаю Вас и целую по-христиански ⟨...⟩ и при этом кладу пред Вами земной поклон за Ваше «Доходное место». Чудное наслаждение доставила нам эта пиеса!» *(«Неизд. письма», 331).* Последняя фраза дает основание говорить, что Панаев высказывает здесь не только свое личное мнение, но пишет от лица всего круга «Современника». Недаром и Панаев и Некрасов так настойчиво просили Островского отдать пьесу в их журнал.

Напротив, очень сдержанным и прохладным было мнение славянофилов, понимавших, что Островский окончательно вышел из-под их влияния. В письме к В. П. Боткину 20... 28 января 1857 г. Толстой передает отзыв о комедии С. Т. Аксакова: «Аксаков С. Т. говорит, что ⟨...⟩ «Доход⟨ное⟩ место» слабо» *(Толстой, т. 60, стр. 153).* Ап. Григорьев свидетельствовал, что Хомяков отнесся с иронией, а Конст. Аксаков с некоторой досадой к тирадам о благодетельной гласности в «Доходном месте» *(«Якорь», 1863, № 32).* Несправедливо резко отозвался о пьесе Тургенев. Отвечая Анненкову из Парижа 3 апреля 1857 г., он назвал комедию «вялой, плохой, тупой», считал, что все лица в ней, кроме Юсова, «нестерпимо грубы и мертвы» *(Полн. собр. соч. и писем, Письма, т. III, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 117).*

Мнение Ап. Григорьева было двойственным. Общественную значимость комедии он ценил очень высоко. Узнав о цензурном запрете пьесы на театре, он писал М. П. Погодину 26 января 1858 г. из Флоренции: «Запрещение «Доходного места» ⟨...⟩ доказывает для меня только силу истинного Искусства, смутно чуемую всякою, всякою грязью и подлостью. Да! «Доходное место», со всеми своими огромными недостатками, все-таки дело живое, художественное, божеское... и, по-истинному, они его боятся» *(Ап. Ал. Григорьев, Материалы для биографии, под ред. В. Княжнина, Пг., 1917, стр. 222).* В критических же статьях, как мы увидим ниже, Григорьев очень резко отзывался о художественной стороне комедии.

В критике пьеса вызвала множество разноречивых оценок. острое столкновение мнений, полемику, продолжавшуюся более десятилетия. Едва затихла первая волна откликов после появления комедии в печати, как выход в свет издания Кушелева-Безбородко вызвал новый прилив разноречивых мнений. А через четыре года, в 1863 г., в связи с постановкой «Доходного места» на столич-

---

[1] Так у Писемского.

ных подмостках в прессе вновь разразилась буря. И много позже демократическая критика продолжала обращаться к пьесе. Оценивая драматическую коллизию, выявляя социальные мотивы поведения героев, прогрессивные критики использовали пьесу как повод для того, чтобы высказать свое мнение о русской действительности.

Едва ли не самым первым в печати откликнулся на комедию Н. Г. Чернышевский. В «Заметках о журналах» *(«Совр»., 1857, № 4)* он писал: «Сильным и благородным направлением она напоминает ту пьесу, которой он обязан большею частью своей известности,— комедию «Свои люди — сочтемся». «Сколько правды и благородства в новом произведении г. Островского, сколько в пьесе драматических положений и сильных мест». Чернышевский, считая закономерным и жизненно достоверным падение Жадова, полагал, что комедия была бы «цельнее и полнее в художественном отношении, если бы оканчивалась этим кризисом,— пятый акт прибавлен автором, чтобы спасти Жадова от нравственного падения». Лучшими типажами, наиболее соответствующими правде жизни, критик назвал Кукушкину и Белогубова *(Чернышевский, IV, 732, 734, 735)*.

К образу Белогубова Чернышевский вернулся несколько позже, в статье о «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина *(«Совр»., 1857, № 6)*. Критик пишет здесь, что в русской литературе создалась традиция в изображении подьячего старых времен, и указывает на героя Островского: «Белогубов — большой руки взяточник; но посмотрите на него в домашнем быту, и вы убедитесь, что он человек очень добрый и в родственных отношениях даже благородный», он помогает теще со сварливым характером, стремится помочь свояченице и ее мужу, хотя тот оскорбляет его на каждом шагу. Этот тип «очень точно обрисован г. Островским»,— заключает Чернышевский *(там же, IV, 280)*.

Мнение Чернышевского в значительной степени предопределило дальнейшие высказывания о комедии демократической критики.

Из противоположного лагеря раздавались довольно суровые критические голоса. В «Санктпетербургских ведомостях» *(1857, 13 апреля)* была опубликована статья Н. Н. (Н. С. Назарова), в которой рецензент так суммировал свои впечатления от пьесы: «Богатый сюжет, с которым автор не совладал; ложная идея, на основании которой построил он свою пьесу; неестественность в ходе действия; бессилие в создании главных действующих лиц».

Либеральная критика особенно приняла в штыки образ Жадова. Она хотела видеть в нем отражение своих идеалов — либерала-реформатора, который добивается усовершенствования государственного аппарата, не прибегая и не призывая к радикальным мерам. Именно поэтому падение Жадова не могло импонировать сторонникам реформ сверху. Особенно откровенно эта идея высказана в статье А. Щ. *(«Атеней», 1858, № 10)*. В Жадове рецензенту хотелось бы видеть истинную образованность, развитого, высокорелигиозного, истинно русского человека, сильного и смелого борца со взяточничеством. У него же не хватает сил для борьбы со сторонниками Вышневского — он не любит и обличает их и вместе с тем «лезет к ним просить прибавки жалованья». «Жалко видеть в воспитаннике университета так мало вкуса, такта и знания людей»,— сетует критик и за все свои разочарования называет героя «превыспренным недорослем».

На разные лады варьировала этот упрек критика в статьях 1859 года, появившихся по выходе изд. Кушелева-Безбородко. А. В. Дружинин *(БДЧ, 1859, № 8)* находил, что только личность Юсова обработана сообразно замыслу. Остальные же. в том числе и Жадов, «будто испорчены нарочно». Дружинин упрекает Островского за «книжный язык», за то, что Жадов говорит тирадами, взятыми из журналов 40-х годов. Истинно драматичным Дружинин находит лишь третье действие, где добрые, веселые, умиротворенные чиновники устраивают попойку на глазах у Жадова. Сцена эта «обозначает собой одну из высших точек, до которых когда-либо поднималось дарование Островского» (*Дружинин, VII, 559 и 562).*

Не вызывает сочувствия Жадов и у критика Н. П. Некрасова *(«Атеней», 1859. № 7—8)*, ибо «служит он дурно, женится глупо и, наконец,— о, ужас! идет просить доходного места малодушно». Финал комедии кажется Н. П. Некрасову самым трагичным из всех пьес Островского, и критик упрекает драматурга за то, что должно было бы отметить как достоинство: писатель изобразил, что «не только трудно, но даже нельзя бороться обыкновенному человеку с окружающей его действительностью».

Вновь повторяет свои обвинения Н. Н. (Н. С. Назаров) *(«Отеч. зап.», 1859, № 8)*. Жадов «по натуре своей ниже возложенной на него роли — он падает очень скоро». Ошибку Островского критик видит в том, что он возлагает надежды на Жадова. А у людей этого типа «не может быть глубоких убеждений, нет у них воли, нет характера 〈...〉 они «честны только до первой нужды». И чтобы окончательно развенчать героя, критик ставит вопрос: как бы поступил Жадов, если б дядя его не проворовался и он получил бы доходное место?!

Претензии либеральных критиков объясняются ложным пониманием фигуры Жадова. Островский не ставил себе задачи сделать из Жадова борца, героя (не важно — либерала или радикала). Д. А. Коропчевский приводит в воспоминаниях такой отзыв Островского о Жадове: «Это — мишура; тряхнули, все и осыпалось» *(ЕИТ. сезон 1895-1896, Спб., 1897, Приложения, кн. 3, стр. 32)*.

Именно из такого понимания образа Жадова исходил в своей статье «Темное царство» Добролюбов *(«Совр.», 1859, № 7, 9)*. Отвечая критикам на их «забавные обвинения» — «зачем Островский вывел представителем честных стремлений такого плохого господина, как Жадов»,— Добролюбов отметил, что автор сам прежде всех критиков почувствовал некоторый «фальшивый тон в лице Жадова 〈...〉 С половины пьесы он начинает спускать своего героя с того пьедестала, на котором он является в первых сценах, а в последнем акте показывает его решительно неспособным к той борьбе, какую он принял было на себя». В этом критик видел доказательство силы таланта драматурга, который, без сомнения сочувствовал, тому, что говорил Жадов. «но в то же время он умел почувствовать, что заставить Жадова *делать* все эти прекрасные вещи — значило бы исказить настоящую русскую действительность».

Как и Чернышевский, Добролюбов очень высоко оценил «Доходное место», особо отмечая, что драматург сумел показать чиновническую среду не через сферу служебной деятельности, а изнутри, через семейные отношения. «Изложение семейных отношений и указание их влияния на общественную деятельность представляется нам лучшею стороною этой комедии. А затем любопытна внутрен-

няя, душевная сторона жизни этих людей, которых мы официально так презираем и клеймим названиями крючкотворцев и взяточников. Здесь в полной силе выразилось одно из главных свойств таланта Островского — уменье заглянуть в душу человека и изобразить его человеческую сторону, независимо от его официального положения». Благодушие и особого рода совестливость взяточников очень ярко обрисованы в Юсове и Белогубове. «Лица эти прямо наводят нас на мысль, что все их беззакония — чисто следствия ложного их положения в обществе и ложных понятий, приобретенных вследствие фальшивости положения. А ложное положение их есть опять-таки последствие одной общей причины всех гадостей «темного царства» — самодурства. В сфере чиновнической оно еще гаже и возмутительнее, чем в купеческой,— потому что здесь дело постоянно идет об общих интересах и прикрывается именем права и закона». Причину беззаконий и злоупотреблений, как они показаны у Островского, Добролюбов видит не в злой воле отдельных личностей, а в сложившемся порядке вещей, в самой государственной системе *(Добролюбов, V, 26, 132 и 134)*.

Ап. Григорьев в статье «После «Грозы» Островского» *(«Рус. мир», 1860, № 5, 6, 9, 11)* высказал о «Доходном месте» несколько интересных замечаний. В частности, исходя из анализа драматической ситуации пьесы, трагизм русской жизни Ап. Григорьев видит в том, что честнейшие и лучшие представители нации не находят себе применения в действительности. С этой точки зрения Ап. Григорьев рассматривает образ Досужева — «благороднейшая личность, которой практический ее героизм не указывает иного средства жить самому и служить народу, как писать прошения со вставлением всех орнаментов» *(Григорьев, I, 463)*.

Позже, в статье 1863 г. *(«Якорь», 1863, № 31 и 32)* Ап. Григорьев констатировал, что в «Доходном месте» Островский «не тот разумно-спокойный и свободный народный поэт», каким он был в ранних пьесах. Он принес дань современности, даже «благодетельной гласности». Основной недостаток комедии Григорьев видел в том, что при единстве задачи она распадается на две «полосы». «В мире Юсовых и Кукушкиных задача выражена художественно с величайшею правдою и жизненностью», здесь «яркие типы», и Островский относится к ним «с полным творческим спокойствием». А мир Вышневских «он только очертил, очертил верно, но по-книжному». Критик бросает драматургу упрек в том, что у него «нет достаточной ясности в отношении к личности Жадова», и считает лишним весь пятый акт со случайной развязкой. Вместе с тем Ап. Григорьев подчеркивал гражданский пафос «Доходного места», восхищался мастерски воссозданным бытом мелкого чиновничества — миром, в котором «неправда обратилась в самую суть жизни, мир, в котором даже и сознание всякой правды потеряно...» *(«Якорь», № 31)*.

Один из ярких и интереснейших отзывов о комедии начала 60-х годов принадлежит В. А. Слепцову. Статья его предназначалась в «Современник» *(1863, № 10)*, но была запрещена цензурой и увидела свет лишь через столетие по написании. Постановка «Доходного места» на петербургской сцене послужила Слепцову предлогом, чтобы высказать несколько острых и критических замечаний о современной действительности. Для маскировки своих истинных намерений он использовал оригинальный стилевой прием мнимого «разноса» комедии. С нарочитой резкостью Слепцов обрушивается на пьесу как несовременную и «запоздалую», объявляет, что «идея

комедии потеряла для общества всякое значение», и саркастически обосновывает свое мнение: «Кому в настоящее время интересно смотреть, как поражаются взяточники и предаются общественному поруганию? Кто же не знает, что в наше время ⟨...⟩ нет уже никакой необходимости брать взятки?»; «Зачем ругаться над взятками, когда их никто не берет?»; «У нас нет доходных мест или, лучше сказать, у нас всякое место — доходное место». И после целого каскада подобных упреков Слепцов заканчивает неожиданным, казалось бы, выводом: «комедия бесспорно хороша» (*«Литературное наследство», т. 71, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 121—124, 132*).

В 1869 г. название комедии вновь появилось на страницах солидного журнала, в статье Е. И. Утина «Современные мудрецы» (*«Вест. Евр.», 1869, т. I, кн. 1*), написанной по поводу комедии «На всякого мудреца довольно простоты», но в значительной степени посвященной «Доходному месту». Утин справедливо отмечает, что комедия отражает реальное положение вещей определенного исторического периода: «Жадов — это пробуждающаяся нравственная сила общества, выходящего из полного мрака, где не было места никакому светлому образу». Жадов — типичнейший представитель своего времени, «это общий тип ⟨...⟩ в котором соединились все существенные и характеристические черты и особенности, и в нем не могли не узнать себя, положа руку на сердце, многие и многие из молодого поколения того времени». Одинокий и лично слабый, он не мог устоять в этой борьбе, где против него встали и общество и семья, он пал и должен был пасть, «потому что та среда и то общество, в котором он желал действовать, сохранили еще слишком большую физическую силу, чтобы не отбить первый напор впервые после долгого сна пробуждавшейся нравственной силы». Историческая польза этого характера в том, что такие, как Жадов, «помогли разрушить авторитеты Вышневских и Юсовых». Особое внимание обращает Утин на идею протеста, заложенную и выраженную в этой пьесе: «Протест против уродливости жизни ⟨...⟩ здесь обнаруживается с громом и молнией».

В столичных театрах «Доходное место» появилось лишь через шесть лет после публикации в журнале.

19 сентября 1857 г. пьеса была дозволена к постановке драматической цензурой. 9 ноября 1857 г. ее единогласно одобрил Театрально-литературный комитет под председательством Никитенко. В театрах Петербурга и Москвы начались репетиции. Островский сам назначал исполнителей на ведущие роли. На 20 декабря была объявлена премьера в Московском Малом театре, билеты были распроданы на несколько представлений вперед. Провинциальные театры (Казанский, Оренбургский) успели сыграть спектакль на сцене. Но вскоре тот же начальник III отделения, который разрешил постановку, написал новую резолюцию: «Ныне запретить. Генерал-майор Тимашев. 16 декабря 1857 г.».

Запрещение пьесы вызвало бурю возмущения в прогрессивных писательских кругах. Островскому выражали сочувствие в письмах, приглашали читать пьесу в частные дома, на общественных вечерах.

В разное время разрешения на постановку добивались друзья и знакомые драматурга, актеры, даже сам цензор Нордстрем, по

рапорту которого было дано первое разрешение. И только в июле 1863 г. было получено новое разрешение на постановку. (Подробнее об этом см. в статье А. И. Ревякина «Островский и цензура» — в изд.: *«Ученые записки Московского городского пединститута им. В. П. Потемкина», 1955, т. XLVIII, вып. 5.)*

Первая постановка в Петербурге состоялась в Александринском театре 27 сентября 1863 г., в бенефис Е. М. Левкеевой. Роли исполняли: Вышневский — П. И. Григорьев (Григорьев 1-й), Вышневская — Е. М. Левкеева, Жадов — А. А. Нильский, Мыкин — П. И. Зубров, Юсов — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Белогубов — Ф. А. Бурдин, Кукушкина — Ю. Н. Линская, Юлинька — М. А. Спорова, Полина — Е. И. Подобедова (Подобедова 2-я), Досужев — И. Ф. Горбунов, Стеша — В. В. Стрельская и другие.

Пьеса прошла с большим успехом. Почитатели Островского, шесть лет ожидавшие запрещенную для театра комедию, после каждого акта вызывали автора, ему преподнесли лавровый венок. Однако, по многочисленным отзывам современников, актерский ансамбль оставлял желать лучшего. Рецензент «Санктпетербургских ведомостей» В. Александров (В. А. Крылов) писал, что пьеса смотрится с большим наслаждением, но исполнена она слабее, нежели можно было ожидать. Публике больше всего понравилась пляска Юсова; Нильского вызывали, но это — за монологи Жадова, а не за его игру *(«Спб. вед.», 1863, 4 октября)*.

В статье «Доходное место» Островского и его сценическое представление» Ап. Григорьев писал о премьере: «...все, кроме г-жи Линской, как будто нарочно согласились играть не свои роли». Выделял Ап. Григорьев также артистку Спорову, которая «с замечательною артистическою правдою» сыграла роль Юлиньки — это «ужасное порождение нашей безнравственной общественной жизни». В отношении остальных исполнителей критик высказал множество резких замечаний: Вышневского — натуру страстную, широкую, не робеющую перед средствами, когда они ведут к цели,— Григорьев сыграл резонером, весь страстный элемент героя пропал; Левкеевой — Вышневской недоставало тонкости, «все выходило как-то резко», мешал ей «книжный язык героини»; Нильский играл Жадова с «бенгальским освещением»; Бурдин ничего не мог сделать из роли Белогубова, личности ничтожной, но в практических делах в сто раз умнейшей Жадова; игра Подобедовой — Полины — совершенно бессмысленная и бесцветная, была ниже всякой критики *(«Якорь», 1863, № 31 и 32)*.

В следующий сезон в связи с гастролями С. В Шумского, исполнившего в Александринском театре роль Жадова, с отзывом о спектакле выступил Дм. Аверкиев. В статье «Русский театр в Петербурге», дав блестящую характеристику Шумскому, Аверкиев весьма критически оценивал его петербургских партнеров. «Ну какой орел г. Григорьев? Какой он барин в Вышневском? Во всем сквозит его единственная годная специальность: играть отставных солдат»; роль Юсова совершенно «не в средствах П. Васильева, ему надо было играть Досужева, но «замечательного юриста и веселого человека» играет г. Горбунов, и играет бесцветно». «г-жа Подобедова 2-я ⟨Полина⟩ везде одинакова и везде говорит заучоным тоном». Аверкиев вспоминает, что Спорова, уже сошедшая со сцены, роль Юлиньки «играла, правда, грубовато и резко, но не без таланта» *(«Эпоха». 1864, № 7)*.

Больше всех нареканий вызывал актер Нильский. Драматический рецензент «Библиотеки для чтения», сравнивая Жадова — Шумского и Жадова — Нильского, называл игру последнего «бездарной, ходульной, пустой как свищ» *(БДЧ, 1864, июль)*.

И позднее, несколько лет спустя, в откликах на спектакль рецензенты всегда выделяли исполнение Линской и порицали Нильского. В 1870 г. «Иллюстрированная газета» писала о Линской — Кукушкиной: «Как верно передала она характер этой пустой, безнравственной старухи, очень наивно считающей себя женщиной в высшей степени почтенной и добродетельной; с каким высоким художественным комизмом произнесла она во втором акте слова: «Я мать, я нежная мать!» — или в третьем, в споре с Жадовым — «В нашем семействе, сударь, благородство врожденное»,— употребив при этом, как нельзя более кстати, великолепный трагический жест» *(«Нева. Иллюстрированная газета», 1870, № 23)*.

В 1875 г. в статье «Опять «Гамлет» на русской сцене» И. А. Гончаров пишет о Нильском — Жадове: в «Доходном месте» Нильский «берет, пожалуй, тон несколько выше окружающих его людей — и он как будто не на своем месте, он слишком выше всех в этой смешанной толпе — своим воспитанием и манерами» *(И. А. Гончаров, Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8, М., Гослитиздат, 1955, стр. 201)*.

В Москве, в Малом театре, премьера «Доходного места» была 14 октября 1863 г., в бенефис Е. Н. Васильевой. Роли исполняли: Вышневский — В. А. Дмитревский, Вышневская — Е. Н. Васильева, Жадов — С. В. Шумский, Юсов — П. М. Садовский, Белогубов — А. А. Рассказов, Кукушкина — С. П. Акимова, Юлинька — А. Н. Савина, Полина — А. И. Колосова, Мыкин — К. П. Колосов, Досужев — В. Д. Ленский.

Спектакль прошел с огромным успехом благодаря блестящей игре Шумского и всего актерского ансамбля. Обозреватель санкт-петербургского «Голоса» *(1863, 22 октября)* в статье «Московская жизнь» замечает: «Комедия имела громадный успех; автора и артистов вызывали несметное число раз». Критик особо отмечает Садовского, Шумского, Васильеву и Колосову. Даже рецензент «Московских ведомостей» *(1863, 29 октября)*, несправедливо и брюзгливо критиковавший пьесу, вынужден был признать, что вызовов было много и под конец хлопали неистово.

Шумский, показавший в 1864 г. своего Жадова в Петербурге, заслужил особо восторженные отзывы в прессе. Акт за актом прослеживает до мельчайших подробностей игру Шумского рецензент «Библиотеки для чтения» *(1864, июль)*. В первом акте «мимика его ясно говорила, как отражаются на нем наставительные речи дяди, что он в это время ощущает и думает. Все эти неторопливые движения, все эти взгляды, бросаемые на свою союзницу — тетку, все эти маленькие оттенки свежей, искренней натуры, все это сбрасывает с личности Жадова, в игре Шумского, ее натянутый, обличительный характер и невольно пробирается к нашему сочувствию и завладевает им». Во втором акте он опять не резонер, не обличитель, а увлеченный добрый малый без всякого житейского опыта. В третьем акте в его игре «нет никакого излишнего напряжения; но фигура, тон, приемы говорят о тяжелой душевной борьбе, о сильном натиске действительности». Жадов резко оттеняет собой чиновничий мир. «Эта лучшая драматическая сцена комедии, только с Шумским получает свой настоящий, глубокий общественный и художественный

смысл». Четвертый акт, сцена с женой «есть торжество тонкой игры Шумского 〈...〉 Нужна огромная выработка и глубокий талант, чтобы отдельные фразы, звучащие книжно, не расстраивали общего правдивого впечатления и оставляли в зрителе здоровое чувство жизни». Монолог, где он говорит об убеждениях, с которыми должен расстаться, «произносится Шумским с необыкновенным тактом и действительными душевными слезами...». В пятом акте Шумский опять является не героем, «говорит тихо, почти подавленным, но тронутым голосом. Тон его речи идет в душу и не оставляет впечатления холодного эффектного фразерства. Он и тут спасает личность Жадова и до последних слов оставляет за ним симпатии зрителей».

Дм. Аверкиев, тоже писавший о петербургских гастролях Шумского, отмечал, что Шумский хорошо понял задачу Островского — изобразить слабого человека, «сердце которого размягчено образованием», в столкновении с «орлами». «У Шумского Жадов явился именно слабым, но мягкосердечным человеком 〈...〉 Это было основным мотивом Жадова — Шумского. Оттого он не кричал в пятом акте; заключительная речь его не была грозной филиппикой» *(«Эпоха», 1864, № 7)*.

Много лет спустя Д. А. Коропчевский в воспоминаниях о Шумском писал, что в Жадове актер прекрасно оттенял интеллигентность, высший уровень его понятий в сравнении со всеми окружающими, горькое сознание своего одиночества и своей слабости перед давлением этой среды и радость, когда он мог остаться верным «заветам великих учителей». Шумский драматизировал третий и в особенности четвертый акт. «Он давал чувствовать такую душевную боль Жадова, расстающегося с «заветами великих учителей», что тяжелое впечатление этой сцены надолго залегло в душу зрителя» *(ЕИТ, сезон 1895/1896, Спб., 1897, Приложения, кн. 3, стр. 31—32)*.

Пленила зрителей Васильева — Вышневская. По свидетельству современника О. Б. Миллера, эта роль ее — «одно из художественных созданий. Это была глубокая, страстная игра; игра прочувствованная в душе» *(ЕИТ, сезон 1899-1900, Спб., 1901, стр. 47)*.

А. Ф. Кони, еще студентом видевший постановку Малого театра, так вспоминал об этом спектакле: «Не могу забыть впечатления, произведенного на меня и на многих из тогдашней студенческой молодежи «Доходным местом» 〈...〉 большинство из нас не имело случая и возможности узреть воочию душевный склад и повадку деятелей еще существовавшего суда с его приказным строем 〈...〉 Нравственные мучения и колебания Жадова и проповедь пляшущего Юсова не могли не вызвать желания стать работником в том новом суде, который искоренит черную неправду. И как осязательно и наглядно для мало-мальски чуткого молодого сердца страдал незабвенный Жадов — Шумский! Какое негодование вызывала самодовольная фигура Юсова — Садовского» *(сб. «Островский. К столетию со дня рождения», изд. ВТО, 1923, стр. 20—22)*.

Артист и издатель Островского М. И. Писарев писал, что не только в Петербурге и Москве, но и в провинции «Доходное место» в течение многих лет не сходило с репертуара и всюду делало полные сборы, вызывая самые восторженные овации» *(«Просв.», т. 2, стр. 431)*.

При жизни Островского в петербургских театрах пьеса прошла 54 раза; в Московском Малом театре — 31 раз (последний

спектакль в Петербурге состоялся 22 апреля 1884 г., в Москве — 2 сентября 1865 г.).

Стр. 44

Столоначальник. — Государственные учреждения России состояли из отделений; каждое отделение в свою очередь подразделялось на «столы» (подотделы), возглавляемые столоначальниками, в ведении которых была определенная отрасль управления.

Стр. 50

«С милым рай и в шалаше» — строка из очень популярной в начале прошлого века песни «Вечерком красна девица...». Слова казанского поэта и ученого Н. М. Ибрагимова (см. сб.: *Песни русских поэтов, Библиотека поэта, малая серия, Л., «Советский писатель», 1950, стр. 96).* Впервые напечатана в изд.: «Труды общества любителей отечественной словесности при Казанском университете», 1815.

Стр. 54

Коллежский асессор — по Табели о рангах — это гражданский чин 8-го класса, дающий право на потомственное дворянство. Таким образом Полина и Юлинька по служебному положению своего отца могли претендовать на звание «потомственных» дворянок. Этот факт делал для современников особо комичным заявление Кукушкиной: «...в нас благородство врожденное» (д. IV, явл. 5).

Стр. 63

...тогда брились-то не часто... — До 1837 г. государственные чиновники могли по своему усмотрению носить усы и бороду. 2 апреля 1837 г. Николай I подписал указ «О воспрещении гражданским чиновникам носить усы и бороду».

Стр. 77

...под красную шапку угодит — то есть в солдаты. По указу от 14 октября 1798 г. канцелярские служители (не дворянского происхождения) за уклонение от службы, а также за нерадивость и неспособность по усмотрению начальства могли быть отданы в солдаты. Выражение «под красную шапку» идет из глубокой старины, когда каждый сдатчик, ставивший за себя рекрута, обязан был снабдить его красной шапкой, бердышом и прочим снаряжением.

«По улице мостовой» — очень популярная русская плясовая песня, известная во многих записях (см., например, *«Новейшие русские песни», М., 1839, стр. 10).*

Стр. 80

«Не стая воронов слеталась!» — первая строка поэмы А. С. Пушкина «Братья разбойники» (1822; опубликована в 1825 г.).

Марьина роща — в то время один из ближайших пригородов Москвы за Крестовской заставой, район разнообразных дешевых развлечений и народных гуляний.

Стр. 82

«Лучина, лучинушка березовая!» — старинная русская народная песня. Входила в многочисленные песенники (см., например, *«Новейший и полный российский общенародный песенник», М., 1810, стр. 148).*

«Матушка, голубушка, солнышко мое...» — очень популярная

песня-романс на слова Нпркомского (псевдоним), муз. А. Л. Гурилева (см. указанный сб.: *Песни русских поэтов, стр. 201)*. Слова песни были напечатаны в «Библиотеке для чтения» *(1838, т. XXIX, стр. 51)*.

Стр. 83
Парк — Петровско-Разумовский парк, куда выезжало на прогулки преимущественно московское дворянство.

Стр. 96
...что с мельницами-то сражаться! — то есть бесполезно сражаться с сильным, хитрым и непобедимым врагом. Выражение идет от эпизода из романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский». Роман Сервантеса в неполном переводе с французского был известен в России с 1769 г. Незадолго до создания «Доходного места» роман вышел в России в переводе с испанского К. П. Масальского (1838, 1848—1849 гг.).

Стр. 99
«*Бери, большой тут нет науки*» — песня прокурора Хватайко из комедии В. В. Капниста «Ябеда», д. III, явл. 6 (1796; поставлена на сцене в 1798 г.).

Стр. 103
Судьба все равно, что фортуна... как изображается на картине ∽ «*Чуден в свете человек!..*» — Островский имеет в виду здесь лубочную картинку 1820—1821 гг. под названием «Суета сует». Этот лубок описан в собрании Д. А. Ровинского «Русские народные картинки» *(кн. IV, Спб., 1881, № 734А)*: «На ней в середине представлено колесо, за ось которого цепляются три человека (средний из них царь). Кругом надпись «сице так на свете все превратно»; вверху: «суета сует всяческая суета, стих I и глава I». Вверху и внизу аллегорические изображения суеты: дети, пускающие мыльные пузыри, фортунка, биллиард, кости, карты, корона, шпага, ордена и т. д. Под картинкою подпись: «Чуден в свете человек...» и далее как у Островского *(Ровинский, кн. IV, стр. 551)*.

Л. Смирнова

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОН — ДО ОБЕДА

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1857, № 2, стр. 273—311.

С авторскими исправлениями вошло в первое Собрание сочинений Островского (Спб., изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, 1859).

Рукописные источники:
черновой набросок *(ПД)*;
черновой автограф *(ГБЛ)*.

Печатается по изд. Кушелева-Безбородко, т. II, со следующими основными исправлениями:

Стр. 119, строка 1
После: «Бальзаминов. Познакомиться! Боже мой!» *добавлено:* «Бальзаминова. Как же, матушка, это сделать?» (по *ЧА*).

Стр. 121, строка 17
«а то уж очень много» *вместо* «а то много» (по *ЧА)*.

Стр. 126, строка 12
«войдешь» *вместо* «пойдешь» (по *ЧА*, «*Совр.*»).

Стр. 127, строка 1
«говорить» *вместо* «говоришь» (по *ЧА*, «*Совр.*»).

Стр. 127, строки 5—6
«от своих подруг» *вместо* «своих подруг» (по *ЧА*, «*Совр.*»).

Стр. 132, строки 23—24
«глаза в землю» *вместо* «глаза на землю» (по *ЧА*, «*Совр.*»).

Стр. 134, строка 13
«Барышни и Юша» *вместо* «Барышни» (по *ЧА*).

Стр. 134, строка 16
«вы конфузите» *вместо* «конфузите» (по *ЧА*, «*Совр.*»).

Время написания комедии очень точно указано самим автором: на черновом автографе есть пометы, что пьеса была задумана 6 января 1857 г., 8 января автор приступил к работе и 18 января пьеса была закончена. Но, по всей вероятности, дата «6 января» означает не возникновение замысла, а обдумывание его непосредственно перед началом работы. Об этом говорит письмо Островского к Панаеву от 14 декабря 1856 г., в котором он обещает выслать в «Современник» к февралю «комедию в 1-м акте, которую начал» *(ПСС, XIV, 60)*; ни о какой другой комедии за это время нам ничего не известно. Вместе с тем в это же время (осень — зима 1856 г.) Островский писал рассказ-повесть «Не сошлись характерами!», оставшийся незаконченным, и некоторые ситуации рассказа позже нашли отражение в «Праздничном сне...». Так, размышления бедного чиновника, увидавшего проехавшую мимо него в коляске богатую вдову: «... вот если бы такая богатая и красивая дама влюбилась в него и вышла за него замуж, он бы купил себе беговые дрожки 〈...〉 или лучше сшить себе голубой плащ на черной бархатной подкладке. И он долго обдумывал, что прежде сделать, купить дрожки или сшить плащ» — очень напоминают мечты Бальзаминова; или сцена с купцом Карпом Карпычем, который сидел у окна и держал в руке «гладкий камень фунтов пятнадцати. Подле него на окне лежал мешок с орехами, он брал по два и по три ореха, клал их на окно и разбивал камнем» — сразу напоминает такую же сцену в комедии (карт. 2, явл. 5) [1].

По-видимому, работая над «Праздничным сном...», Островский не предполагал, что Бальзаминов станет героем еще двух его комедий («Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» и «За чем пойдешь, то и найдешь»).

---

[1] Заметим, что эта сцена в свою очередь восходит к «Запискам замоскворецкого жителя»: «... купец в красной рубашке берет в руки камень либо гирю фунтов двенадцати 〈...〉 подле него, на окне, в холстинном мешочке, фунтов восемь орехов. Он их пощелкивает, то по одному, то вдруг по два да по три,— пощелкивает себе, да и знать никого не хочет» *(см. наст. изд., т. 1, стр. 60—61)*.

Черновой набросок комедии охватывает явл. 4 и 5 карт. 2-й и явл. 4 карт. 3-й; текст наброска незначительно отличается от текста чернового автографа; в свою очередь между текстом этого автографа и текстом «Современника» никаких значительных отличий нет (кроме, видимо, случайно пропущенной фразы на стр. 119). Никаких сведений о чтении автором корректур для «Современника» не сохранилось.

11 января Островский сообщил Панаеву: «Для вас (то есть для «Современника.— *Е. П.*) пишется комедия в 2-х действиях «Праздничный сон — до обеда». Дня через два или три она будет готова» *(ПСС, XIV, 61)*.

В 1859 г., готовя первое издание своих произведений, Островский еще раз просмотрел и немного подправил текст: вычеркнул несколько фраз, заменил некоторые слова. В дальнейших переизданиях пьесы авторской правки не было.

Еще до опубликования комедии, между 20 и 29 января 1857 г., Л. Н. Толстой прослушал ее в чьем-то (явно не авторском) чтении и в письме к В. П. Боткину дал самый первый отзыв о пьесе: «Мотивы все старые, воззрение мелкое. Правдивым оказывается иногород⟨ний⟩ купец, но талантливо очень и отделано славно» (*Толстой, т. 60, стр. 153)*.

Н. Г. Чернышевский, сообщая Н. А. Некрасову, находящемуся в Риме, о составе февральского номера журнала, писал: «Комедия Островского «Праздничный сон — до обеда» — достоинством равная его пьеса в «Р⟨усском⟩ вестнике» (заглавие которой я забыл,— но Вы ее помните ⟨«В чужом пиру похмелье»⟩) — то есть талант виден в ведении разговора, языке и т. п., но сама пьеса ничтожна» *(Чернышевский, XIV, 339—340)*.

Публикация пьесы в «Современнике» вызвала целую волну откликов в переписке современников и в критике. Так, А. Ф. Писемский уже 15 февраля 1857 г. извещал автора: «Твои сценки в «Современнике» я прочитал и прочитал с удовольствием, и когда я читал их другим — все хохотали; по мнение большинства таково, что в них ты повторяешься; хотя в то же время все очень хорошо убеждены, что виноват в этом случае не ты, а среда» *(«Неизд. письма», стр. 365)*; через полтора месяца, 30 марта, Писемский вновь обращается к оценке комедии в письме к Островскому: «...в «Сне в праздничный день» лицо *Бальзаминова* не дотанцовано в представлении автора. В сцене первой — *прижиганье уха* — совершенно водевильный прием, а прочие лица все превосходны, особенно две девки» *(там же, стр. 367—368)*.

О выходе пьесы Ап. Григорьев писал А. В. Дружинину: «Какая прелесть маленькая ⟨пьеса⟩ в «Современнике»: не знаю, оценили ли там всю эту силу и правду комического представления, все эти *невероятные* разговоры купчих, эту сцену в саду между *любящимися* сердцами и вместе ту глубину и серьезность воззрения, которых печать лежит на всей *шутливой* комедийке» *(«Письма к А. В. Дружинину», М., Гослитиздат, 1948, стр. 105)*.

Далеко не вся современная критика сумела оценить по достоинству эту пьесу. Рецензент «Сына отечества» *(1857, 31 марта)* называет комедию просто «плохой»: «Г-н Островский выводит на сцену опять тех же надоевших и устаревших лиц: глупую купеческую дочку, сваху, глупого чиновника и купца с бородкой и с здра-

вым смыслом, но, по счастью, без особенной привязанности к сивухе ⟨...⟩ Когда мы избавимся от такого вздора?! »

Не был удовлетворен комедией и постоянный рецензент «Музыкального и театрального вестника» *(1857, № 13)* В. Я. Стоюнин: «Если бы под сценами было подписано новое имя, то мы от души поздравили бы себя с новым талантом ⟨...⟩ но от г. Островского мы вправе требовать чего-нибудь большего». Вместе с тем Стоюнин вынужден был признать: «Правда, выведенные им лица обрисованы живо, резко и колоритно ⟨...⟩ сцены ведены также бойко и живо ⟨...⟩ нельзя не отдать г. Островскому справедливости в умении очерчивать лица и вести живые разговоры сообразно с характером каждого лица».

Иначе отнесся к комедии Дружинин, как и обычно, подошедший к пьесе Островского с чисто эстетической точки зрения: «Драматическая муза щедро одарила нашего автора,— писал он в 1859 г. в «Библиотеке для чтения».— Она дала ему не только тот высокий дар смеха, от которого бледнеет порок и на душе честного человека становится ясно, но и другой, не столь поэтический, но почти столь же редкий дар смеха резвого и беззаботно веселого. Этот последний дар, может быть, не признанный и не ценимый самим обладателем, для нас всего яснее высказывается в пьеске «Праздничный сон — до обеда». Названная пиеска настоящая русская шутка, в высшем и самом милом смысле этого слова, так опозоренного нашими водевилистами ⟨...⟩ всякая тень грусти за тысячу верст от «Праздничного сна» ⟨...⟩ Я хохочу чистейшим веселым смехом, как школьник между резвых товарищей, и знать не хочу ни о какой горестной подкладке жизни ⟨...⟩ если ему ⟨Островскому⟩ вздумается в промежутках между возвышенными помыслами, дарить нам хоть десятки драматических сцен, таких же резвых, таких же неотразимо веселых, не мы упрекнем его за это, и не бедный наш русский театр скажет ему слово осуждения» *(Дружинин, VII, 566)*.

В статье «Темное царство» Н. А. Добролюбов несколько раз упоминает комедию, отмечая, в частности, яркую картину невежества в беседе Ничкиной с Бальзаминовым о Палестине.

Е. Н. Эдельсон в статье о творчестве Островского заметил, что в разбираемой комедии «многие не видят ничего, кроме ряда забавных сцен». Эдельсон с этим не согласен: особенность этой пьесы он видит в том, что здесь автор своих героев — «почти знакомых людей» по прежним пьесам, поместил в иную обстановку — «скромное тихое место, родную компанию, поставил их в естественнейшие для них отношения», и именно здесь дал им возможность «искренно, задушевно высказать свои убеждения, верования, взгляды на жизнь и т. д. ⟨...⟩ заставил их высказываться наголо, без всякой утайки и притворства». И в результате публика увидела этих людей «в лицо и в натуре», получила «ключ к тем отрывочным чертам, которые прежде казались ей только дикими и несвязными, но из которых каждая теперь напоминает им целый образ, целую систему жизненных воззрений, целый мир странных отношений ⟨...⟩ Везде мы найдем типические черты известных слоев нашего общества, известного склада убеждений, черты, рассеянные в действительности по бесконечному пространству и различным сословиям нашего отечества, но собранные автором в один фокус и озаренные в этом фокусе ярким светом» *(БДЧ, 1864, № 1)*.

Премьера комедии состоялась в Александринском театре 28 октября 1857 г., в бенефис Ю. Н. Линской. Роли исполняли:

Бальзаминова—П. К. Громова, Бальзаминов— А. Е. Мартынов, Ничкина — Н. П. Воронова, Капочка — Е. М. Левкеева, Устинька — В. В. Стрельская, Красавина — Ю. Н. Линская, Неуеденов — П. И. Зубров, Юша — восп. Зимин, Матрена — Волкова 1-я, Маланья — А. Г. Михайлова (Михайлова 1-я).

А. И. Вольф в «Хронике Петербургских театров» писал: «В бенефис Линской шла также пьеса Островского «Праздничный сон — до обеда» ⟨...⟩ не нужно добавлять,— каково было исполнение и какой прием был сделан новому произведению» *(ч. III, стр. 14)*. В «Северной пчеле» *(1857, 7 ноября)* Р. М. Зотов отмечал: «...большинство нашей публики нашло, что пиеса г. Островского длинна и скучна. В первом обвинении есть некоторое основание ⟨...⟩ но в *скуке* мы никак не согласны» и признал своеобразие комедии: «Сам автор не назвал своей пиесы ни комедиею, ни драмою, а просто *картинами* из московской жизни. Следственно от нее нельзя требовать ни завязки, ни занимательности, ни неожиданной развязки. Автор представил картины, характеры, сцены, и все это верно, отчетливо, хорошо написано».

Наконец, в 1886 г., оценивая исполнение роли Бальзаминова в разных комедиях трилогии, Д. В. Аверкиев вспоминал, что А. А. Мартынов в «Праздничном сне...» исполнил эту роль «весьма удачно, обнаружив притом недюжинное дарование»: «Г-н Мартынов сделал из Бальзаминова не просто бытовой тип, а характер, показав себя в нем более чем даровитым художником-актером» *(Д. В. Аверкиев, Дневник писателя, 1886, июнь — август, стр. 252)*.

Премьера в Московском Малом театре состоялась 2 декабря 1857 г., в бенефис П. М. Садовского. Роли исполняли: Бальзаминова — М. Д. Львова-Синецкая, Бальзаминов — С. В. Васильев, Ничкина — С. П. Акимова, Капочка — О. И. Григорьева, Устинька — А. И. Колосова, Красавина — А. Д. Степанова, Неуеденов — П. М. Садовский, Юша — М. П. Садовский, Матрена — Е. М. Кавалерова, Маланья — А. Я. Рябова (Рябова 1-я).

А. А. Стахович вспоминал: «А. И. Колосова позвала меня на чтение «Праздничный сон — до обеда». А. Н. Островский читал в первый раз эту комедию у нее. Сейчас же после чтения были разобраны роли. Колосова выбрала Устиньку. Бальзаминова и ранее предназначал автор Сергею Васильеву; Садовский взял дядю. Васильев, говоря о прогулке Устиньки и Капочки в саду, когда Бальзаминов ходит поодаль и, как бы случайно встретив их, продолжает гулять уже вместе (для любовного объяснения), сказал, что представляет себе положение Бальзаминова в эту минуту одинаковым с экстазом маленькой собачки, суетящейся, бегающей кругом массы влюбленных псов ⟨...⟩ При этих словах Васильев вскочил и прошелся по комнате, увиваясь за воображаемыми Устинькой и Капочкой, и привел всех в неописуемый восторг ⟨...⟩ Александра Ивановна ⟨Колосова⟩ художественно изобразила тип купеческой девушки, «картавого» друга влюбленной героини этой комедии. Как стояла Устинька, в исполнении Колосовой, за право *замоскворецкой* женщины, с какою энергиею раздувала она до пожара зарождающийся огонек страсти в сердце своей «невинной» подруги, покровительствовала нежному воркованью (с пламенными поцелуями в перемежку) влюбленных голубков ⟨...⟩ Мастерица была покойная Колосова в небольших, иногда второстепенных ролях создавать типы, которые не забываются» *(Стахович, стр. 332—333)*.

В 1868 г. на сцене Артистического кружка в роли Бальзаминова выступил М. П. Садовский, а его невеста О. О. Лазарева — в роли Ничкиной.

А. Н. Баженов писал об этом спектакле: «Исполнение было вполне удачное 〈...〉 Прежде всего мы должны упомянуть о г-же Лазаревой, игравшей 〈...〉 раскисшую от жары Ничкину; ей принадлежит первое место. Что за верный тон, что за искренность, что за изумительная типичность в каждом движении».

Садовский, по мнению Баженова, на этот раз был значительно слабее. У него «не было комизма, а без этого настоящий Бальзаминов невозможен. Все, даже самое забавное в словах Бальзаминова, проходило у г. Садовского бесследно. Нужно побольше дурковатости: он как-то уж чересчур приличен» *(«Антракт», 1868, 21 января).*

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 16 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 32 раза (последний спектакль в Москве состоялся 30 декабря 1879 г., в Петербурге— 27 октября 1883 г).

Стр. 114

Зацепа.— См. прим. к стр. 21.

Стр. 116

Платок пукетовый — набивной платок, на котором цветы расположены букетами.

Стр. 117

...платок-то по нетовой земле пустыми цветами.— Слово «земля» в профессиональной лексике набойщиков, то есть изготовителей цветных (набивных) платков, означало часть платка, не закрытую цветами. «Нетовая земля» и «пустые цветы» означали вообще отсутствие платка (см. *А. И. Орлов, А. Н. Островский и фольклор Ивановской области, Иваново, 1948, стр. 48).*

Стр. 118

Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует — то есть он демонстрирует хорошие манеры, а она его пленяет — использование русских слов «манеры» и «пленять» на «иностранный» лад.

Стр. 121

«*Вот на пути село большое...*» — отрывок из анонимного стихотворения «Гремит звонок и тройка мчится» (впервые опубликовано в альманахе «Незабудка», 1853, стр. 11), ставший популярной народной песней.

Стр. 124

Погребица — надстройка над погребом.

Стр. 132

Семик — летний праздник на седьмой неделе после Пасхи.

Стр. 137

Первый чин — в смысле: первый снизу, то есть 14-го класса — коллежский регистратор.

Стр. 139

«*Соболий салоп атласный...*» — детская песенка (см. «*Сборник отделения русского языка и словесности*», *1902*, *т. 70*, *стр. 64*).

Е. Прохоров

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1858, т. LXVII, № 1, стр. 85—118.

Рукописные источники:

Черновой автограф *(ГБЛ)*, без подписи, 18 лл. большого формата. *ЧА* отражает колебания Островского, в каком жанре воплотить задуманный сюжет. Начинает он с драматических набросков под названием «Приданое. Семейные сцены». Согласно этому замыслу написана 1-я сцена. В процессе работы над ней Островский меняет название, зачеркивает старое «Приданое» и карандашом вписывает новое — «Не сошлись характерами».

После первой сцены драматург обращается к прозе. Островский берет новое название: «Не сошлись характерами. Повесть». Сначала он намечает, что должно войти в I и II главы, затем зачеркивает этот план и пишет текст главы III (см. «*Приложение*» к наст. тому). Работая над третьей главой, он уточняет жанр повествования, зачеркивает подзаголовок «Повесть» и вместо этого пишет «Очерк». Затем в *ЧА* снова идет небольшой драматический фрагмент: «Сцена II-я. Богатоубранный кабинет» [1] и новый прозаический текст: «Не сошлись характерами. Очерк»,— вся целиком глава I и бо́льшая часть главы II (см. «*Приложения*»). На этом *ЧА* обрывается.

Текст *ЧА* значительно отличается от первопечатного. Но уже на этом этапе Островский детально продумал сюжет, отдельные сцены и драматические коллизии, характеры действующих лиц, их взаимоотношения. Во втором прозаическом отрывке (гл. I и II) были окончательно найдены имена персонажей. Отдельные реплики и некоторые диалоги в драматических отрывках перешли затем в окончательный текст.

Беловой автограф *(ГБЛ)*, полный текст, 30 лл. большого формата с авторскими исправлениями и вставками, с авторскими же пометами: «Задумана в [марте] феврале 1856 г. Начата 13 ноября 1857 г.» (л. 1); «Конец и богу слава. 29-го ноября 1857 г.» (л. 30).

Текст *БА* совпадает с журнальным. Это не наборный экземпляр, но именно с *БА* делалась копия для набора. Отдельные разночтения между *БА* и «Современником» несомненно принадлежат автору, так как Островский держал корректуру «Современника». В заключительной сцене *БА* есть также реплики, не попавшие в журнал по цензурным условиям (см. ниже список исправлений текста).

Сохранился также авторизованный театральный экземпляр — *ЦТК (ЛГТБ, I—V—5—42)*, это отдельный оттиск «Современника» с разрешением на постановку драматического цензора от 28 мая 1858 г. и с различными пометами — цензора, режиссера и автора. По нашему предположению, автору принадлежат здесь все пометы, сделанные синим карандашом: вычерки драматического цензора красными чернилами восстановлены синим карандашом волнистой линией и надписью на полях «чисто»; синим же карандашом сделаны вычерки отдельных реплик и отменена (зачеркнута) вся правка в финальной сцене, сделанная простым карандашом неизвестной рукой. Все исправления и замены, сделанные здесь синим каран-

---

[1] Вероятнее всего, эта сценка набросана одновременно с 1-й сценой драмы, так как они написаны на бумаге одной марки.

дашом, учтены в изд. Кушелева-Безбородко, которое, как известно, готовилось самим автором.

В том, что оттиск не оставался в театре, а вернулся к Островскому, нет сомнения, так как в театре был дубль *(ЛГТБ, I—V—5—43)*. Это также оттиск «Современника», на который простым карандашом были перенесены все цензорские вычерки и сделаны режиссерские пометы и сокращения.

Как очевидно из дат, проставленных на *БА*, Островский начал работу над пьесой в феврале 1856 г. и собирался окончить ее быстро, несмотря на то, что с 18 апреля 1856 г. находился в литературной экспедиции по Волге. Он рассчитывал работать в дороге и писал Н. А. Некрасову из Твери 27 июня 1856 г.: «Пьесу «Не сошлись характерами!» я Вам пришлю к августовской книжке» *(ПСС, XIV, 53)*. Но именно в это время он перешел на прозу и 18 июля 1856 г. уже писал Некрасову из Калязина, что почти окончил всю повесть: «Не сошлись характерами!» у меня вышло в форму повести (листа $2^1/_2$ печатных), которая совсем уже и кончена, остались небольшие поправки. И работы-то всего на два дня, если б не несчастье со мною. Тарантасом расшибло мне ногу, и вот уже полторы недели я лежу без движения» *(там же, стр. 54—55)*.

1 августа 1856 г. он пишет тому же адресату еще более определенно: «Рассказ «Не сошлись характерами» готов, отделываю начисто и пришлю с первой почтой» *(там же, стр. 57)*.

Мы не располагаем автографом, где был бы зафиксирован рассказ, уже завершенный сюжетно. Возможно, что этот материал утерян. Не исключено также, что Островский преувеличивал степень готовности своего произведения. Во всяком случае, в этот период он не работал над рассказом. 11 сентября он пишет И. И. Панаеву, что пришлет его через неделю, а 12 октября 1856 г. отвечает на настойчивые просьбы редактора «Современника»: «Обойдетесь пока без меня...»

Через два месяца он снова сообщает Панаеву: «Из рассказа, который я Вам обещал, выходит большая повесть, и я ее кончу нескоро» *(там же, стр. 59 и 60)*. Но в это время Островский уже заканчивает «Доходное место» и с начала января 1857 г. принимается за «Праздничный сон — до обеда». Когда же 13 ноября 1857 г. он вновь обращается к сюжету «Не сошлись характерами!», то уже, не колеблясь, отвергает прозу и за 17 дней набело пишет пьесу. 2 декабря 1857 г. Островский пересылает ее в «Современник». В январе 1858 г. пьеса появляется в печати, а 1 сентября того же года ее ставит Александринский театр.

Готовя Собрание сочинений в изд. Кушелева-Безбородко, автор внес в пьесу незначительные стилистические исправления. Текст изд. Кушелева-Безбородко воспроизводился во всех последующих прижизненных изданиях без изменений.

Печатается по тексту изд. Кушелева-Безбородко, т. II, с устранением опечаток и искажений, а также цензурных купюр по рукописям и первопечатному тексту:

Стр. 142, строка 28
«На противуположной» *вместо* «На противоположной» (по *БА*).

Стр. 144, строки 30—32
«жить так, как все из нашего круга. Я должен и одеваться так, как они, и вести себя так, как они» *вместо* «жить так, как они, и вести себя так, как они» (по *БА*; *пропуск «Совр.»*).

Стр. 145, строка 3
«а только что прилично» *вместо* «а только прилично» (по *БА*, *«Совр.»*).

Стр. 146, строка 41 — стр. 147, строка 1
«к чему я способен, к чему я рожден» *вместо* «к чему я способен» (по *ЧА*, *БА*; *пропуск «Совр.»*).

Стр. 150, строка 21
«Ходит в шубке» *вместо* «ходит в шубе» (по *БА*, *с учетом прозаического текста ЧА*).

Стр. 151, строки 6—7
«рыло-то уж лоснится, лопнуть хочет» *вместо* «рыло-то уж лопнуть хочет» (*по БА*).

Стр. 154, строка 29
«заключемным» *вместо* «заключенным» (по *БА*).

Стр. 157, строка 21
«Перемена жизни» *вместо* «Перемена в жизни» (по *БА*).

Стр. 161, строка 9
«Ах, любезный друг» *вместо* «Ах, мой друг» (по *БА*, *где сокращенное* «люб» *было ошибочно прочитано как* «мой»).

Стр. 161, строка 42
«не думаешь ли отвертеться» *вместо* «не думаешь ли отвернуться» (по *БА*).

Стр. 168, строка 23
«развратным гувернером» *вместо* «гувернером» (по *БА*; *восстанавливается цензурный вычерк в «Совр.» впервые в настоящем издании*).

Стр. 168, строка 24
после слов «скакали по нашим наследственным полям» — «и хлестали своими хлыстами по глазам мужиков, которые не сворачивают с дороги» (по *БА*; *восстанавливается цензурная купюра в «Совр.»*).

Стр. 168, строки 30—31
«Изо всего из этого я бы железной рукой выбрал себе деньги и блистал бы в обществе» *вместо* «Я блистал бы в обществе» (по *БА*; *восстанавливается цензурная купюра в «Совр.» впервые полностью в настоящем издании*).

В пьесе «Не сошлись характерами!» впервые затронута Островским тема крепостничества. Это не привлекло внимания современников, так как уже в первой публикации цензура убрала из финальной сцены фразы, обличающие Поля как жестокого и алчного крепостника.

Только имея в виду весь текст, без цензурных купюр, можно понять, почему писатель придавал такое большое значение своему произведению. «Посылаю Вам пиэску,— писал он Некрасову 2 декабря 1857 г., — она хоть маленькая, а, как мне кажется, серьез-

ная» *(ПСС, XIV, 67)*. Серьезность эту могли оценить лишь в редакции «Современника», куда рукопись поступила от автора без цензурных изъятий. Некрасов ответил Островскому 22 января 1858 г.: «Ваша последняя вещь нравится публике и хороша по общему отзыву литераторов в том числе и моему» (*Некрасов, X, 285)*. Ниже мы увидим, как высоко оценивал пьесу Добролюбов. Большинство же читателей и критиков, знакомых с пьесой по журнальной публикации, увидели в ней лишь более или менее остроумную шутку, забавный фарс, даже карикатуру.

Лев Толстой отозвался о пьесе очень скептически. Просмотрев журнал, он написал Некрасову 21 января 1858 г.: «Насчет 1-го № доложу вам искренно, что он очень плох ⟨...⟩ Островского вещи не читал всей; но знаю, что она слаба в чтении» *(Толстой, т. 60, стр. 252)*.

В прессе отзывы были в основном доброжелательными. Так, В. Я. Стоюнин в «Критических заметках» видел достоинства пьесы «в резком очертании лиц, в типическом изображении некоторых из них, в живых разговорах, в характеристическом языке; недостатки — в развитии действия и в некоторой карикатурности, в которую он ⟨автор⟩ иногда впадает, стремясь поставить лица в комическое положение». Заключительный монолог Поля критик считает применимым к «нашему обществу», но его удивляет, каким образом эти мысли могли мгновенно родиться в голове такого пустого человека,— «непонятное и необъяснимое психологическое превращение» («*Театр. и музык. вест.*», *1858*, *№ 10*).

Рецензент «Библиотеки для чтения» *(1858, сентябрь)* отметил в пьесе «отпечаток наблюдательности, юмора и эстетической отделки», свойственных таланту Островского.

Только критик «Сына отечества» *(1858, № 15)* не нашел в пьесе ничего нового, примечательного. По его мнению, автор «решительно повторяется». Поль Прежнев — это новое издание Вихорева, Серафима близка к Липочке, Толстогоразлов — «отражение Кита Китыча Брускова», сваха — «тип, вечно повторяющийся, без малейшего изменения, во всех наших комедиях, романах и повестях из купеческого быта».

Поэт и критик Б. Н. Алмазов в обзорной статье «Взгляд на русскую литературу в 1858 году» *(сб. «Утро», 1859)* писал, что пьеса — лишь материал для большой комедии. Тем не менее критик высказал о ней довольно высокое мнение: «Большая часть характеров очерчена прекрасно. Особенно хороши купец и его жена. Разговор этой четы самый типический, и в то же время самый верный и естественный изо всех купеческих разговоров в произведениях г. Островского,— а это много». Недоволен Алмазов «сентиментальной дамой» (Прежневой) и ее сыном. «Они оба изображены слишком угловато, а сын даже и не совсем верно». Критик упрекает драматурга также за то, что при изображении Поля он «заплатил дань времени и немножко увлекся нынешним сатирическим направлением» *(Б. Н. Алмазов, Сочинения, т. III, М., 1892, стр. 369—370)*.

А. В. Дружинин *(БДЧ, 1859, № 8)* с восторгом говорил, что почти вытвердил пьесу наизусть, не может начитаться и несколько раз смотрел ее в Москве и Петербурге. Серафиму Карповну критик находит «истинно комическим типом хорошенькой женщины». Автора пьесы Дружинин объявляет «одним из самых могущественнейших деятелей русской литературы» *(Дружинин, VII, 564 и 566)*.

Критик «Отечественных записок» Н. Н. (Н. С. Назаров), напро-

тив, не видел в пьесе никакого «серьезного значения» и «художественности общей концепции», но признавал превосходными отдельные сцены: «...частности — превосходны; два кучера, толкующие о политике, полная свежая Матрена 〈...〉 перебранивающаяся с этими кучерами-гужеедами, Улита Никитишна 〈...〉 сам купец Толстогораздов — все это живые лица, прямо взятые из действительности. Особенно хорош сам Толстогораздов, грубый коренастый мужик, не лишенный практического смысла и некоторых других сторон, с глубочайшим убеждением высказывающий свое олимпическое презрение к женщинам...» (*«Отеч. зап.», 1859, август*).

Добролюбов оценивал пьесу «Не сошлись характерами!» в общем ряду драм о «темном царстве», как пьесу, в которой отразились определенные стороны «самодурного быта». Как типичное порождение этого быта рассматривал Добролюбов образ Поля, сопоставляя его с Вихоревым, Баранчевским, Бальзаминовым. «Все эти господа,— пишет критик.— красивы и глупы так, что о них вспоминать тошно; большею частию они или служили, или желают служить в военной службе, имеют наклонности к самодурству и очень любят, когда их считают образованными людьми. Но их невежество во всех отношениях равняется темноте самих самодуров...».

Чтобы показать читателю мастерство Островского, умение дать точную психологическую характеристику, Добролюбов дважды в статье «Темное царство» делает большие выписки из «Не сошлись характерами!». Первая — разговор Толстогораздова с дочерью и женой о предстоящей свадьбе Матрены. «Тут и ругательство, и угроза, и насилие, словом — самодурство в полном ходу...» — комментирует критик свою выписку. Вторая — разговор четы Толстогораздовых о моде, о благородном звании и греховности чаепития. Здесь Добролюбов видит «один из примеров того мастерства, с каким Островский умеет передавать неуловимейшие черты пошлости и тупоумия, повсюду разлитых в этом «темном царстве» и служащих, вместе с самодурством, главным основанием его быта» (*Добролюбов, V, 131, 118 и 125*). На примере этой пьесы критик демонстрирует абсолютно бесправное, бессловесное положение женщины в «темном царстве».

В статье «После «Грозы» Островского» (*«Рус. мир.», 1860, № 5, 6, 9 и 11*) Ап. Григорьев пишет о пьесе «Не сошлись характерами!», что трагизм русского бытия выявился в наивном письме Серафимы Карповны к Полю: «Что я буду значить, когда у меня не будет денег? Тогда я ничего не буду значить!» Приведя этот отрывок, критик заключает, полемизируя с Добролюбовым: «Вот в чем истинно-горькое и закулисно-трагическое этого мира, а не в самодурстве» (*Григорьев, I, 464*). В полемической запальчивости Григорьев не замечает эту цитату в статье Добролюбова, который использует ее для подтверждения своей мысли о том, что в «темном царстве» «личность женщины остается без всякого значения» (*Добролюбов, V, 130*).

Впервые пьеса была сыграна на сцене Александринского театра 1 сентября 1858 г. Роли исполняли: Прежнев — И. Е. Чернышев, Прежнева — П. И. Орлова, Поль — А. А. Яблочкин, Перешивкина — Н. П. Воронова, Толстогораздов — П. И. Зубров, Улита Никитишна — Ю. Н. Линская, Серафима Карповна — Е. Ф. Федорова, Матрена — Волкова 2-я, кучер Толстогораздова —

Н. Ф. Горбунов, кучер Серафимы Карповны — А. Л. Волков, Неизвестный — Е. И. Воронов.

Рецензент «Санктпетербургских ведомостей» *(1858, 7 сентября)* с похвалой отзывался об этом спектакле, считая, что каждый исполнитель сыграл свою роль как нельзя более отчетливо: «Г. Горбунов в эпизодической роли кучера, говорящего басом и поющего дишкантом, г. Зубров — крутой и несговорчивый купец старого покроя, г-жа Линская в роли глупой, непокорной мужу бабы и г-жа Орлова, представлявшая вздорную мать, балующую недоросля-сына,— играли в полном смысле слова безукоризненно». Если все же сцены Островского не имели особенного успеха, то это объясняется «частью недостатком в них действия, частью устарелостью главного мотива».

Сходное с этим мнение высказал рецензент «Театрального и музыкального вестника» *(1858, № 35)*. Отмечая недостаток действия и карикатурность развязки, рецензент считал прекрасной игру актеров. Не говоря уже об Орловой, Линской, Зуброве, Яблочкине, «которые по обыкновению верно очертили представляемые ими типы, особенной похвалы заслуживает г-жа Федорова, весьма естественно исполнившая роль глупенькой, но с претензиями на светскую даму купеческой дочери».

В Москве, в Малом театре, премьера состоялась 23 октября 1858 г. Роли исполняли: Прежнев — И. Е. Турчанинов, Прежнева — Е. Н. Васильева, Поль — С. В. Шумский, Перешивкина— Е. М. Кавалерова, Толстогораздов — В. И. Живокини, Улита Никитишна — С. П. Акимова, Серафима Карповна — В. В. Бороздина (Бороздина 1-я), кучер Толстогораздова — П. М. Садовский, кучер Серафимы Карповны — С. В. Васильев, Неизвестный — Ольгин.

По отзывам современников, спектакль был веселым и забавным, актеры внесли в исполнение много выдумки и остроумия. Все, кто видел эту пьесу на сцене Малого театра, вспоминали прежде всего Садовского и Васильева. Д. А. Коропчевский в «Воспоминаниях о Московском театре» писал: Островский именно Васильеву «отдал роль одного из кучеров в «Не сошлись характерами», причем роль другого кучера играл Садовский. Оба комика в этой сцене были равны друг другу. Пьеса главным образом держалась этой сценой. Когда Васильева не стало, его никто уже заменить не мог, и пьеса сошла с репертуара» *(ЕИТ, сезон 1895-1896, Спб., 1897, Приложения, кн. 3, стр. 20)*.

Об этой сцене несколько подробнее пишет в воспоминаниях об Островском С. В. Максимов: Садовский и Васильев «оба умели из небогатого материала создать нечто такое, что у зрителей не забывается десятками лет. Васильев, чтобы оттенить малозначащую роль всего в каких-нибудь десяток слов, придал ей такой комический оттенок, что она делалась цветистою и навсегда памятною. Играя кучера ⟨...⟩ более задорного и храброго, чем первый, и такого молодца, что «хоть сейчас под черкеса»,— он надел на голову огромную кучерскую шляпу по самые уши, на плечи напялил армяк с широкими полами и длинным подолом. В таком наряде всей фигурой он казался гораздо ниже своего обыкновенного роста. Артист и путался в полах армяка, когда говорил, что все о войне думал до того, что раскипелось сердце, и потряхивал не по голове шляпой, когда поддакивал о французе, который — придет «и разорит, потому — сила» *(«Просв.», XI, 128—129)*.

Менее удачно выступал в этом спектакле другой большой актер комического амплуа — В. И. Живокини. Тот же мемуарист пишет: «В шаржированном костюме, с пересолом в гримировке, Живокини не был живым лицом в роли Карпа Карпыча 〈...〉 Он перестарался, кого-то пересмеял, просто пошутил и совсем характера роли не понял...» *(там же, стр. 127—128)*.

Высоко оценивали современники игру Бороздиной. В 1862 г. в отчете о бенефисе артистки А. Баженов писал *(«Моск. вед.», 1862. № 33)*: «...она оставалась полузамеченною до роли скупой жены в сценах А. Н. Островского «Не сошлись характерами». Этою ролью, по-моему, начинается собственно ее артистическая известность 〈...〉в ее исполнении всегда много ума, развязности, где нужно — страстности и кокетства» *(Баженов, I, 148)*.

При жизни Островского в Петербурге пьеса прошла 21 раз, в Москве, в Малом театре, 18 раз (последний спектакль в Петербурге состоялся 31 января 1866 г., в Москве — 29 мая 1873 г.).

Стр. 145

Бурмистр — управляющий поместьем, крепостной крестьянин (обычно грамотный и зажиточный), назначенный помещиком. Наемное лицо из привилегированного сословия, которому доверялось хозяйство, называли просто управляющим.

...трястись на ваньке — то есть на плохом извозчике. «Ваньками» называли лишь извозчиков-крестьян, приезжающих в город на заработки на своей лошаденке. И. Т. Кокарев в очерке «Извозчики-лихачи и ваньки» так описывает эту фигуру: «...лошаденка у него взята из-под сохи, сани самодельщина, сбруя наполовину из веревок, кафтанишка плохой, шапка с нахлобучкой; сам он мешок такой, редко дорос до казенной меры...». «Назвать простого живейного извозчика-москвича ванькою — значит нанести страшную обиду его амбиции и задеть его репутацию» *(И. Т. Кокарев, Москва сороковых годов, М., изд. «Московский рабочий», 1959, стр. 15, 22)*.

...все ходят к Шевалье... — Ипполит Шевалье — содержатель гостиницы и ресторана в Москве, в Старо-Газетном переулке. Этот ресторан с французской кухней и официантами во фраках пользовался большой популярностью у аристократической молодежи *(см.: П. Ф. Виетенгоф, Очерки московской жизни, М., 1842, стр. 138)*.

...нужно экзамен держать в каком-то уездном училище.— Лица, не окончившие средних учебных заведений и по недостатку образования не имевшие права на классный чин, зачислялись на самые низшие должности — канцелярских служителей. Чтобы получить первый классный чин (14-й по Табели о рангах), канцелярский служитель должен был выдержать экзамен в объеме программы уездного училища. Только после этого он считался чиновником. Упоминание об экзамене, таким образом, характеризует не только служебное положение Поля, но и степень его «образованности».

Стр. 146

Пастораль (латин. pastoralis — пастушеский) — произведение, в ко-

тором слащаво-сентиментально и фальшиво изображаются нехитрые прелести сельской и пастушеской жизни.

Стр. 147
Дюми-терьмо — здесь полушалок. Игра слов, построенная на очень сложном слиянии специфически звучащих французских слов: demi — полу; therme — тепло; Ternaux (Guillaume-Louis) —имя знаменитого французского текстильщика, изобретателя специальной ткани «терно» из козьего пуха и шерсти, из которой изготовлялись шали.

Стр. 148
Билеты — именной финансовый документ, удостоверяющий внесение капитала в банковское учреждение и дающий право на получение определенного процента с капитала. Описывая быт Замоскворечья, Н. Скавронский сообщает о «характеристической черте», распространившейся в 60-е годы, — «класть на имя дочерей деньги на билеты и вручать их вместо денег». Эта мера ограждала капитал дочерей от растраты со стороны будущего мужа. При этом автор замечает, что «женихи бегают имеющих билеты...» *(Н. Скавронский, Очерки Москвы, вып. I, М., 1862, стр. 208).*

Стр. 149
La donna e mobile — начальные слова знаменитой песенки герцога (русское соответствие — «Сердце красавицы склонно к измене...») из оперы Дж. Верди «Риголетто» по драме В. Гюго «Король забавляется». Опера, написанная в 1851 г., шла в Петербурге на итальянском языке. Премьера — 12 февраля 1853 г.

...можно и в Опекунском справиться... — «Опекунский совет учреждений Императрицы Марии» (Петербургское и Московское отделения) был образован в конце XVIII в. Опекунский совет ведал воспитательными домами, приютами, богадельнями, некоторыми женскими учебными заведениями. Средства его слагались из благотворительных пожертвований, процентов со зрелищ (в частности, театров), доходов от продажи игральных карт и пр. Опекунский совет проводил самостоятельные финансовые операции, принимая в залог имения, личные капиталы на сохранность и под проценты и пр. Здание Опекунского совета в Москве (ныне Солянка, 14), построенное Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьевым, является архитектурным памятником столицы.

Стр. 150
Шубка — короткая (чуть выше или чуть ниже колен) женская поддевка под шубу, может быть без рукавов.

«Прежде жил я, мальчик, веселился».— Г. Синюхаев относит эту песню к известным острожным песням (см.: *Известия ОРЯС, 1923, т. XXVIII, Л., 1924, стр. 31).*

Стр. 151
Типун - дворянка — то есть ненастоящая, «липовая» дворянка, присвоившая себе это звание. Вероятно, от «типать», «типнуть», что в вологодском и вятском диалектах означает — украсть, схватить.

Муар-антик — французское название плотной шелковой ткани с крупными разводами, переливающейся разными оттенками на свету.

Стр. 152

...когда племянник курс выдержит, так и она будет благородная.— Островский иронизирует здесь над стремлением некоторой части купечества выйти «в благородные». «Племянник, выдержавший курс», если бы он дослужился до чина 8-го класса по Табели о рангах, мог претендовать на звание потомственного дворянина. На тетку-купчиху это звание, конечно, не распространялось бы.

Стр. 153

...к обедне... теперь вечерни... — название церковных служб, совершаемых в строго определенное время дня по установленному чину (порядку).

Стр. 154

...а в яме-то за что? — Яма — укрепившееся бытовое название Московской долговой тюрьмы около Воскресенских ворот (ныне Исторический проезд, д. 1), куда сажали кредиторы несостоятельных должников. За содержание должника в яме платили сами кредиторы (см. об этом: *И. А. Белоусов, Ушедшая Москва, М., 1927, стр. 58).* Историк М. И. Пыляев передает предание, по которому название «яма» произошло оттого, что в старину на этом месте было вырыто большое углубление для монетного двора *(см.: М. И. Пыляев, Старая Москва, Спб., 1891, стр. 562).*

...Кон Коныч за процент сидит — то есть за ростовщичество, частную ссуду денег под залог и с вычетом высокого процента за услугу. С 1808 г. в России взимание более чем 6 % со ссуды каралось штрафом, а при повторении — тюремным заключением.

Стр. 157

...по восьми гривен ассигнациями... сколько это на серебро-то будет...— Курс ассигнаций (бумажных денег) по отношению к металлическим деньгам (серебру) постоянно изменялся. В 1839 г. правительство объявило постоянным следующее соотношение: 1 рубль серебром равен 3 р. 50 к. ассигнациями.

Аршин — старая мера длины, принятая в России с XVI в. 1 аршин равен 71,12 см.

Стр. 159

...хоть сейчас под черкеса. — «Черкесы» (так в простонародье называли горские кавказские племена) более полувека активно сопротивлялись царским завоевателям. До 1864 г., когда было сломлено последнее сопротивление народов Западного Кавказа, в горных районах не прекращались военные действия.

...в венгерской кампании были...— были участниками русской интервенции в Венгрии в мае — сентябре 1849 г., когда царская армия под командованием фельдмаршала Паскевича подавила успешно развивавшуюся Венгерскую революцию.

...про австрияка сказывал ∽ когда француз был: что ты можешь мне препятствовать? Хочешь, я тебя раззорю.— Искаженно и при-

митивно кучер трактует какой-то эпизод европейской политической жизни начала XIX в. Австрия несколько раз меняла свою ориентацию, вступая то в антифранцузскую, то в антирусскую коалицию, и была на грани войны с Россией.

...милюция была... — то есть милиция. Так называлось народное ополчение, организованное в России во время первой войны с Наполеоном 1805—1807 гг., когда военные действия стали приближаться к западным границам России. Возможно, что милицией называли также и ополченцев Крымской кампании.

...одиннадцать вершков росту. — В обыденной разговорной речи при определении роста человека указывались только вершки «сверх двух аршин». Вершок — старинная русская мера длины, равная 4,45 см.

...значит, в барабан отбой. А они говорят: ребята, вперед! Измена! Ну и прут себе... — В беседе двух кучеров нашли выражение отголоски нелепых слухов и суждений о военных действиях, которые ходили в простонародье. В воспоминаниях об этом периоде И. Ф. Горбунов пишет: «Лето 1854 года в политическом отношении было мрачное», известия с театра войны получались нескоро. В основном знали о событиях члены Английского клуба. Они говорили о военных неудачах, порицали главнокомандующего. «Рассуждения их урывками попадали в уши клубной прислуги, та переносила их в трактир, а трактир распространял их по всей Москве.
— Измена! — заговорило захолустье,— и пошло!
В Сыромятники пришло известие, что француз уже тронулся и идет к Бородину. В Рогожской стали говорить, что каких-то двух значительных англичан, скованных, провели ночью через Рогожскую заставу в Сибирь» и т. п. *(Горбунов, III, 25).*
Основой этих слухов мог служить эпизод русско-турецкой войны 1853—1854 гг.: в июне 1854 г. князь М. Д. Горчаков, успешно действующий на правом берегу Дуная, за полчаса до штурма турецкой крепости Силистрия получил неожиданный приказ о снятии осады и отступлении. В голове кучера явно перемешиваются слухи о событиях русско-турецкой войны (переросшей в войну России с Францией и Англией) и давние рассказы о войне с Наполеоном.

Стр. 161
Гони природу в дверь, она войдет в окно.— Неточная цитата двустишия Н. М. Карамзина:

«Мы вечно то, чем нам быть в свете суждено.
Гони природу в дверь: она влетит в окно».

Это двустишие является вольным переводом басни Лафонтена «Кошка, превращенная в женщину». Карамзин использовал его в повести «Чувствительный и холодный. Два характера» (1803).

Л. Смирнова

ВОСПИТАННИЦА

Впервые опубликовано в журнале «Библиотека для чтения», 1859, январь, стр. 1—50, с подзаголовком «Сцены из деревенской жизни». В оглавлении журнала вместо «Сцены из деревенской жизни» — «Комедия». В следующем году пьеса вышла отдельным изданием:

«Воспитанница. Комедия А. Островского, Спб., 1860, в тип. К. Вульфа». В Собраниях сочинений 1867 и 1874 гг. перепечатана без всякого подзаголовка, в издании 1885 г. — с подзаголовком «Комедия в четырех действиях». Полагаем, что слово «Комедия» в оглавлении «Библиотеки для чтения» принадлежит редакции журнала и что уничтожение и изменение подзаголовка в следующих изданиях делались без ведома Островского.

Начиная с издания 1867 г. вместо слов «начинает он за тебя свататься» (стр. 191, строка 6) — «он за тебя сватается»: по-видимому, это ошибка наборщика.

Рукописные источники:

Черновой автограф пьесы, озаглавленный «Кошке игрушки, мышке слезки. Картины деревенской жизни» *(ГБЛ)*;

Цензурный экземпляр 1859 г. — рукою И. Ф. Горбунова, с довольно большим количеством исправлений Островского *(ЛТБЛ)*.

Печатается по «Библиотеке для чтения» со следующими исправлениями по черновому автографу:

Стр. 174, строка 3
«говорят» *вместо* «говорит».

Стр. 184, строки 29—30
«титулярным советником» *вместо* «титулярный советник».

Стр. 185, строка 30
«халтуры» *вместо* «холтуры».

Стр. 186, строки 3—4
«не прибавлялось» *вместо* «не прибавлялись».

Стр. 186, строка 9
«Это что такое» *вместо* «Что-то это такое».

Стр. 189, строка 12
«придем» *вместо* «прийдем».

Стр. 190, строка 24
«задумавшись» *вместо* «задумчиво» (ср. *стр. 171, строки 31—32*).

Стр. 193, строка 42
«Так сложа руки» *вместо* «Так, сложа руки».

Стр. 196, строки 26—27
«Эка эта Надя бесстрашная» *вместо* «Эка эта Надя, бесстрашная».

Стр. 197, строка 27
«шататься» *вместо* «шалаться» *(начиная с издания 1860 г.— тоже* «шататься»).

Стр. 198, строка 19
«Да Надя», *вместо* «Да, Надя».

Стр. 199, строка 32
«Да уж что» *вместо* «Да, уж что».

Стр. 200, строка 9
«дó сердца» *вместо* «до сердца».

Стр. 201, строка 25
«ангельчик наш, барин» *вместо* «ангельчик. наш барин».

Стр. 203, строка 5
«не об том» *вместо* «не об этом».

Стр. 203, строка 33
«Приказные! Понимаешь» *вместо* «Приказные, понимаешь».

Пьеса была задумана еще в 1855 г. На л. 2 черновой рукописи пьесы «В чужом пиру похмелье» *(ГБЛ)* набросан карандашом список действующих лиц драмы в двух действиях «Воспитанница» и краткий план первого действия. Судя по пометам самого Островского, пьеса была начата 12 июля 1855 г. и оставлена на следующий день. При первоначальном замысле список действующих лиц выглядел следующим образом:

Сосипатра Давыдовна Усланова — богатая помещица, пожилых лет, с армянским носом и повелевающими бровями.

Анна Захаровна, ее воспитанница, дочь Зверобоева.

Алексей Иванович, молодой человек, племянник Услановой, кандидат М⟨осковского⟩ университета, чиновн⟨ик⟩ по особ⟨ым⟩ поручениям.

Захар Захарыч, отставной чиновник, отец А⟨нны⟩ З⟨ахаровны⟩.

Сава Трифоныч Брусков, купец.

Разные лица.

Прислуга.

Вслед за этим был набросан план первого действия:

Д⟨ействие⟩ 1-е, яв⟨ление⟩ 1-е: Ан⟨на⟩ одна| яв. 2: Ан⟨на⟩ и Ал⟨ексей⟩ Ив⟨анович⟩ | яв. 3-е: те же и Услан⟨ова⟩| яв. 4: Усл⟨анова⟩ одна | яв. 5: разные лица | яв. 6: Усл⟨анова⟩ и Бруск⟨ов⟩ явл. 7: те же и Зах⟨ар Захарыч⟩ | яв. 8: Усл⟨анова⟩ и Ан⟨на⟩ Д. 2-е | брошено 13 июля.

Как видим, в списке действующих лиц и в плане первого действия фигурируют персонажи, отсутствующие в окончательном тексте пьесы: отставной чиновник Захар Захарыч Зверобоев, отец главной героини, и купец Сава Трифоныч Брусков. Эти персонажи связывают «Воспитанницу» с пьесой «В чужом пиру похмелье», к работе над которой приступил Островский, оставив «Воспитанницу». В тот момент, когда Островский набрасывал приведенный выше список действующих лиц и план первого действия, замыслы «Воспитанницы» и «В чужом пиру похмелье» не были еще дифференцированы в его сознании.

Островский вернулся к замыслу «Воспитанницы» лишь через три года — после написания пьес «В чужом пиру похмелье», «Праздничный сон — до обеда», «Доходное место» и «Не сошлись характерами!». В начале черновой рукописи «Воспитанницы» есть пометы Островского, говорящие о том, что пьеса задумана 11 апреля и начата 14 апреля 1858 г.[1]. Вероятно, первоначальная мысль о ней.

[1] В работе Н. П. Кашина, подробно описавшего рукопись «Воспитанницы», эти пометы прочитаны неверно (2, 278). Исправлены им в кн. «Рукописи А. Н. Островского. Каталог», М., 1939, стр. 12.

относящаяся к 1855 г., была еще настолько неотчетлива, что писатель не брал ее в расчет.

Островский надеялся написать пьесу в короткий срок. 21 апреля 1858 г. в ответ на просьбу А. В. Дружинина о сотрудничестве в «Библиотеке для чтения» он писал: «С большим удовольствием 〈...〉 соглашаюсь на Ваше предложение и, мало того, в самом непродолжительном времени постараюсь исполнить Вашу просьбу. У меня начата пьеса «Кошке игрушки, мышке слезки», которую я скоро кончу и перешлю или привезу сам к Вам в Петербург〈...〉 Комедию я кончу и доставлю Вам никак не позже половины мая» *(ПСС, XIV, 70)*. Однако предположения Островского не осуществились. В июне 1858 г. он был в Петербурге и подтвердил Дружинину свое обещание. «Приезжали Островский и Садовский,— писал Дружинин П. В. Анненкову 13 июня 1858 г. — Островский дает мне большую новую комедию» *(«Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. 238)*. На основании этого обещания А. Ф. Писемский, в то время помощник Дружинина по редактированию «Библиотеки для чтения», в начале августа просил Островского поскорее выслать комедию («мы очень оскудели материалами»), а 22 августа сообщил Дружинину, что Островский до сих пор комедии не выслал и, по слухам, находится в Нижнем Новгороде на ярмарке *(А. Ф. Писемский, Письма, М.—Л., 1936, стр. 124—125)*. 29 сентября 1858 г. к Островскому обратился Дружинин; взывая к его «дружескому расположению», он писал: «Подходит ноябрь месяц, а ноябрьские книжки журналов, по исстари принятому обычаю, всегда составляются с особым тщанием. Мы с Писемским рассчитываем на вашу комедию к XI номеру и ждем ее с нетерпением, какое Вы себе можете представить, вообразив себя на минуту на месте редакторов. Просим вас усерднейше — если время и здоровье позволяют, — подарите нам несколько вечеров, посидите над комедией и вышлите ее нам к 20 октября» *(«Неизд. письма», стр. 139)*.

Только в октябре 1858 г. приехав в Петербург, Островский вплотную принялся за писание «Воспитанницы». К этому времени относится основная работа над ней. И. Ф. Горбунов, отмечая в своих воспоминаниях, что Островский обычно писал свои пьесы долго, оговаривается: «Бывали пиесы, которые он справлял очень скоро. Например, «Воспитанницу» он написал, гостивши в Петербурге, в три недели» *(Горбунов, т. 3, ч. 1—4, стр. 25)*. Тогда же он читал «Воспитанницу» своим приятелям и знакомым — И. Ф. Горбунову, В. и Н. Курочкиным, Вс. Крестовскому, В. И. Водовозову, М. И. Семевскому, Ап. Григорьеву — на квартире у последнего. Об этом чтении рассказано в автобиографических записках М. И. Семевского (см.: *В. В. Тимощук, Михаил Иванович Семевский, основатель исторического журнала «Русская старина», Спб., 1895, стр. 42—43)*, который, однако, ошибочно отнес его к 1860 г., когда пьеса была уже давно напечатана.

В основном к октябрю 1858 г. и относится, очевидно, черновая рукопись. На полях второго явления первого действия имеются даты: 6 октября и 7 октября. Однако и после октября работа над пьесой продолжалась, о чем свидетельствует авторская дата в конце пьесы: «7 декабря 1858 г.». Продолжалась она, впрочем, и после 7 декабря, на что указывают многочисленные расхождения между рукописью и печатным текстом. Несомненно, была еще одна, беловая, рукопись или писарская копия с правкой Островского, с которой производился набор, но она до нас не дошла.

Черновой автограф дает значительный материал для изучения работы Островского над пьесой: совершенствовался язык персонажей; отдельные диалоги и реплики, сначала зафиксированные схематически, постепенно обрастали «мясом»; в сложившиеся в сознании Островского образы вносились новые оттенки; в ряде случаев те или иные слова переносились в другие места или передавались другому лицу; Островский сделал также и некоторые композиционные изменения: так, например, в третьем действии порядок явлений был прежде иной — сначала шло третье явление окончательного текста (возвращающиеся с гулянья Потапыч и Гавриловна), а затем первое (Надя и Лиза) и второе (Надя и Леонид), но уже в процессе писания порядок явлений был изменен. Есть интересные варианты в списке действующих лиц, касающиеся как имен персонажей (Уланбекову первоначально звали княгиней Нимфодорой Исаевной Аслан-Улановой), так и их социального положения и связей с другими персонажами. Надя сначала должна была быть дочерью Потапыча, потом Островский называет ее «любимой горничной княгини» и наконец воспитанницей. В рукописи есть несколько слоев: отдельные страницы, по-видимому, те, которые подверглись особенно существенной правке, были наново переписаны Островским и вставлены вместо первоначальных, до нас не дошедших. Обильные исправления Островский внес как в процессе писания, так и после завершения отдельных явлений, сцен и после завершения всей пьесы. Подробное описание рукописи с некоторыми наблюдениями о работе Островского над пьесой (но и не без некоторых неточностей) дано Н. П. Кашиным (*2, 278—325)*.

Тотчас же по напечатании «Воспитанницы» в «Современнике» *(1859, № 2)* появилась небольшая рецензия Н. А. Добролюбова, который высоко оценил эту «весьма замечательную вещь». «Появление ее чрезвычайно обрадовало всех почитателей таланта г. Островского,— писал Добролюбов,— и в особенности тех, которые были не совсем довольны в его последних произведениях некоторой идеализацией купеческого быта». Отмечая, что новая пьеса Островского рисует «деревенский быт богатой помещицы, со всем ее антуражем — воспитанницами, приживалками, горничными, лакеями», и предвидя нападки критики, Добролюбов подчеркивал, что в «Воспитаннице» «вовсе нет резких и грубых черт, к каким прибегают иногда писатели для того, чтобы ярче выставить пошлость и гадость изображаемого ими предмета. Вся пьеса отличается необыкновенно спокойным, сдержанным характером, и ни в одном слове, ни в одном движении действующих лиц мы не заметили вмешательства личности самого автора. С первой до последней сцены — перед нами действительная жизнь 〈...〉 близкая и знакомая всем нам».

Откладывая разбор пьесы до статьи по поводу собрания сочинений Островского («Темное царство»), Добролюбов обратил внимание читателей «Современника» на сцену свидания Нади и Леонида, «полную чудной, поэтической прелести», то есть именно ту сцену, за которую враждебная Островскому критика упрекала его в реализме, доведенном «до излишества», безнравственности и цинизме (см. статью в *«Спб. вед.», 1859, 31 декабря)*. Уже эта сцена, на которой подробно остановился критик, свидетельствует, по его словам, о том, «до какой глубины достигает г. Островский в обработке характеров и сколько поэтической прелести умеет он придать самым простым положениям».

Следующее обращение Добролюбова к «Воспитаннице» связано со статьей о ней беллетриста и критика Н. Д. Ахшарумова, защитника теории «чистого искусства». Статья эта была напечатана в сборнике «Весна» *(Весна. Литературный сборник на 1859 год, Спб., 1859, стр. 345—357)*. Читатель, утверждал Ахшарумов, прибегает к литературе как к «патентованному средству рассеять свою тоску и горе», и его то и дело постигает разочарование. Признавая интересным замысел «Воспитанницы» и считая, что в основе пьесы «лежит идея чистого, но слабого, хрупкого и беззащитного создания, заброшенного судьбою в одну из самых глухих и богом забытых извилин нашей боярской жизни», Ахшарумов большую часть своей статьи посвятил обвинениям Островского в якобы допущенных им преувеличениях, сгущении красок, карикатурности, отсутствии живых характеров. Все, что изображает Островский, утверждал он, является не «типической картиной жизни», а отдельными «грязными пятнами». Пьеса, по словам Ахшарумова, производит удушливое впечатление, как посещение неизлечимого больного. Это сравнение, которое дано у Ахшарумова в развернутом виде, существенно для характеристики его идейных позиций. Он был недоволен изображением крепостнических устоев как неизлечимого больного и требовал от писателя более мягкого к ним отношения.

Естественно, что Добролюбов не мог оставить статью Ахшарумова без ответа и в рецензии на сборник «Весна» *(«Совр.», 1859, № 6)* дал ему резкую отповедь. Статья Ашхарумова, писал Добролюбов, показывает «совершенное отсутствие критического такта» у ее автора. «Критик упрекает Островского — в чем бы вы думали? ... — в том, что он *представил не идиллию*, что изобразил только *грязные пятна жизни*, а не самую жизнь; все его лица, кроме Нади,— «вовсе не лица, а *какие-то отвлеченные, перегнанные и фильтрованные дозы разного рода человеческой грязи*»〈...〉 Могло ли до сих пор кому-нибудь прийти в голову, чтобы Островского можно было упрекнуть в отвлеченности и безличности создаваемых им образов? Но для г. Ахшарумова нипочем такой отважный подвиг. Напечатавши в прошлом году грозную статью «О порабощении искусства», он уже может быть уверен, что никакою выходкой, как бы она ни противоречила здравому смыслу, не может удивить публику». Добролюбов высмеял страх Ахшарумова перед «ядовитым влиянием реальной школы» и «порабощением искусства идее», охарактеризовал его взгляды на литературу как «сибаритские» и язвительно отметил, что «милая теория непорабощенного искусства» возвращает нас к далекому прошлому, когда на литературу и искусство смотрели как на развлечение и украшение действительности *(Добролюбов, IV, 376—377)*.

Наконец Добролюбов уделил «Воспитаннице» несколько страниц в статье «Темное царство» *(«Совр.», 1859, № 9)*. Анализируя пьесу в связи с общей мыслью своей статьи, Добролюбов подчеркнул, что жестокие законы и уродливые нравы «темного царства», то есть самодержавно-крепостнической России, еще более остро дают себя знать в дворянском классе, чем в до того времени изображавшейся Островским купеческой среде. «Купец,— писал он, — ограничивает свое самодурство упражнением над домашними да над близкими людьми, но в обществе он не может дурить〈...〉 Чем сфера обширнее, тем самодурство ужаснее и вреднее. Круг действия Уланбековой довольно велик. Во-первых, у ней домашних очень много — воспитанницы, приживалки, ключницы, горничные, слу-

жители... Потом, у ней есть крестьяне. Кроме того, она представляет сильное лицо в целом околотке и имеет большое влияние. Она и чужие свадьбы насильно устроивает, и на места определяет, и от суда защищает». И дальше: «Личность самодура ставится здесь центром всего нравственного мира; от нее все исходит, и к ней все должно возвращаться. Нет никаких прав, кроме милости самодура, никаких нравственных правил, кроме угождения его воле». Характеризуя некоторых персонажей «Воспитанницы», Добролюбов показал, как губительно действуют на людей законы, господствующие в «темном царстве». Потапыч насквозь проникся рабской психологией. Неплохой по своим природным качествам Леонид уже «заражен воздухом самодурства ⟨...⟩ он уже испорчен в корне и ⟨...⟩ все окружающее способствует его дальнейшему развращению». С особой силой сказываются эти законы на судьбе Нади, переживания которой и перелом в сознании под влиянием издевательств Уланбековой «переданы в пьесе Островского с изумительной силой и яркостью; таких глубоко истинных очерков немного во всех произведениях нашей литературы». Останавливаясь на образе Уланбековой, Добролюбов всем ходом своих рассуждений подчеркивал, что суть дела не в ее личных качествах, а в тех «идеях», которые вошли в ее плоть и кровь, и в тех социальных условиях («воздухе самодурства»), которые предоставляли ей и ей подобным возможность действовать по своему произволу.

Высоко оценили «Воспитанницу» также М. Е. Салтыков-Щедрин и Д. И. Писарев. «Сцены Островского прелестны, и самая мысль этих сцен великолепна»,— писал Салтыков-Щедрин П. В. Анненкову 29 января 1859 года *(Полное собрание сочинений, т. 18, М., 1937, стр. 142—143)*. Писарев в «Русском слове» *(1861, № 5)* сетовал на критику, что она уделила слишком мало внимания этому «замечательному произведению»: «...а между тем как много говорит эта небольшая драма, какие живые личности и положения выступают перед воображением читателя!».

Высокую оценку «Воспитанницы» с своих позиций дали А. В. Дружинин *(БДЧ, 1859, № 8)* — за ее общий поэтический колорит, за яркость даже второстепенных персонажей — и Ап. Григорьев. Григорьев обращался к ней несколько раз. В статье «И. С. Тургенев и его деятельность» он писал о глубоком впечатлении, которое произвела пьеса *(«Рус. слово», 1859, № 6)*, в статье «Искусство и нравственность» — о нелепых обвинениях Островского в безнравственности *(«Светоч», 1861, № 1)* и о первой петербургской постановке в специальной статье «Воспитанница» Островского на петербургской сцене» *(«Якорь», 1863, № 42)*. Здесь он охарактеризовал «Воспитанницу» как «не менее великую, чем «Гроза» и «Грех да беда», трагедию ⟨...⟩ скромно названную поэтом — сценами». Григорьев отметил, что выдвинутая Добролюбовым концепция «темного царства», хотя в целом и чужда ему, применима к «Воспитаннице» и «Доходному месту». Основная часть статьи посвящена анализу образа Нади и во многом соприкасается с Добролюбовым. Немало интересных замечаний сделал Григорьев, сопоставляя «Воспитанницу» с «Грозой». Он подчеркнул существенные различия между Уланбековой и Кабанихой, разную среду, породившую их, и разный характер трагедий, совершившихся по их вине.

В связи с постановкой отозвалась о пьесе и «Библиотека для чтения» *(1863, № 11)*. Автор обзора «Петербургская сцена» считал

«Воспитанницу» недооцененной. «В маленьком объеме,— писал он,— эта вещь имеет такую полноту содержания, как, может быть, ни одна из драм Островского⟨...⟩ В «Своих людях» исчерпана только одна сторона темного царства, между тем как в «Воспитаннице» захвачен обширный мир, полный комизма и драмы ⟨...⟩ пред вами стоит дальнейшая судьба всех этих личностей, группирующихся около самодурного, глупого барства». Островский нарисовал, кроме того, «картину молодой кипучей жизни» и дал почувствовать, «сколько сил давится у нас походя, но как живут все-таки эти силы, как они хоть на один момент выплывут из-под гнета и тины и дадут художнику поэтическую сцену, прелестный образ».

26 сентября 1859 г. «Воспитанница» была одобрена к представлению Театрально-литературным комитетом. Отметим, что в Дирекцию императорских театров был подан не печатный текст пьесы, а сделанная И. Ф. Горбуновым копия с какого-то более раннего текста, просмотренная и в ряде мест исправленная Островским. О более раннем происхождении этого текста говорит уже само заглавие «Кошке игрушки, мышке слезки», измененное Островским на «Воспитанницу». Но копия не во всем совпадает и с последним слоем черновой рукописи. Дополнения, сокращения и поправки Островского по большей части приближают отдельные места пьесы к окончательному тексту. Описание этой рукописи и ее разночтения по сравнению с печатным текстом см. в работе А. С. Полякова «Материалы для изучения текста произведений А. Н. Островского» *(сб. «Памяти А. Н. Островского», Пг., 1923, стр. 147—154).*

1 октября об одобрении пьесы Островскому писал директор императорских театров А. И. Сабуров, а через два дня и И. Ф. Горбунов, который при этом сообщил ему некоторые подробности, а также передал тревожные вести об угрозе со стороны драматической цензуры и III Отделения. «Воспитанница» в Комитете пропущена,— писал он.— Против пьесы был Жихарев и еще один барин Ротчев[1]. Мне это передано по секрету (!!), и я вам передаю за секрет (!!). Не смею умолчать и о том, что пьеса поступила теперь в ⟨Третье⟩ отделение и, кажется, иждивением Иоанна Нордстрема будет запрещена[2]. По крайней мере, мне он говорил, что он никакой надежды не полагает. В понедельник обещался дать решительный ответ. Ходят слухи, что министр снесся с Долгоруким[3] об цензуре. Что-то будет!» *(«Неизд. письма», стр. 669).* Нордстрем написал довольно спокойный отзыв (текст его приведен в статье А. И. Ревякина «А. Н. Островский и цензура» — *«Ученые записки Московского педагогического института им. В. И. Ленина», т. 48, 1955, стр. 278—279)*, но опасения Горбунова подтвердились: 23 октября 1859 г. постановка «Воспитанницы» была запрещена управляющим III Отделения А. Е. Тимашевым. Были предприняты меры для отмены этого запрета, о чем узнаем из письма Е. Н. Эдельсона к Островскому от 2 декабря 1859 г. «Сегодня воротился Тимашев,— писал он.— Завтра цензор обещал представить ему на утверждение про-

---

[1] С. П. Жихарев был в то время председателем Театрально-литературного комитета, а А. Г. Ротчев — его членом.

[2] И. А. Нордстрем — цензор драматических сочинений; в эти годы театральная цензура находилась в ведении III Отделения.

[3] В. А. Долгоруков — шеф жандармов и начальник III Отделения.

пуск Вашей пьесы. Долгорукий, с своей стороны, не видит препятствий к этому пропуску. Цензор, как рассказывает Горбунов, вчера или третьего дня, встретясь с ним, спросил: шепнул ли он в Москву о пропуске пьесы и на отрицательный ответ Горбунова сказал: «шепните». Горбунов уверяет, что он следит за этим делом с величайшим усердием и, как только узнает что-нибудь решительное, пошлет Вам телеграмму» *(«Неизд. письма», стр. 633—634).* Хлопоты эти были безуспешны.

Через два года они были возобновлены приятелем Островского актером Александринского театра Ф. А. Бурдиным и снова не дали результатов. Бурдин подробно описал свое свидание с заменившим Тимашева А. Л. Потаповым в письме к Островскому от 12 декабря 1861 г.

«Дело проиграно! — писал Бурдин.— Воспитанница окончательно запрещена! Дело происходило следующим образом: В. П. Бутков [1] лично просил Потапова, который обещал сделать все от него зависящее, кроме того он мне дал письмо к Потапову, с которым я приехал к нему на дом. Он мне велел явиться в III отделение, вытребовать резолюцию, и мы потолкуем, что можно сделать. Вчера я был у него — пришел Нордстрем с книгой судеб, очень сухо со мной поздоровался и прошел к Потапову, через четверть часа отворилась дверь, и Потапов пригласил меня к себе в кабинет, и я описываю все происходившее, как было:

Пот. Пожалуйте! С глубоким сожалением я должен Вам сказать, что никак не могу дозволить этой пьесы! Это вне всякой возможности! Очень бы хотел сделать приятное и В. П. Буткову и моей хорошей приятельнице Бороздиной [2] — но это совершенно невозможно!

Я. Очень жаль, В⟨аше⟩ П⟨ревосходительство⟩, по крайней мере позвольте узнать причину?

П. А вот прочтите резолюцию: Уланбекова берет крепостных девушек на воспитание... согласитесь, время ли теперь говорить о крепостном праве и злоупотреблениях?

Я. Да ведь. В. П., тут не говорится о крепостных девушках. Это бедные сироты... мещанки... состояние особенное...

П. Все равно! Но дворяне представлены в таком дурном виде... Они в настоящее время и без того заколочены... за что же их добивать окончательно, выводя подобным образом на сцену...

Я. Да ведь автор имел прекрасную и честную идею осмеять ложную благотворительность, которая делает только вред, потому что не вытекает из христианской любви к ближнему, а единственно из тщеславия.

П. Согласен-с! Да отчего же это тщеславие непременно у дворянина?.. Отчего не у купца? За что же нападать единственно на дворянство?

Я. Помилуйте, В. П., да на нашей сцене ничего нет, кроме мужиков, купцов, и автор вовсе не имел намерения оскорбить дворянство!

П. Все равно-с! Я в таком виде никак не могу допустить пьесы... Она должна играться в Москве, там будут выборы... это может

---

[1] В. П. Бутков — государственный секретарь.

[2] В. В. Бороздина — артистка Московского Малого театра, желавшая получить пьесу Островского для своего бенефиса.

оскорбить дворянство... сделать неприятное впечатление... может опять придется запретить пьесу... она к тому же была запрещена моим предшественником, г. Тимашевым... и я не имею права переделывать то, что они сделали... да и наконец, что же бы было из этого хорошего? Одни запрещаются, другие разрешаются, где же последовательность?

Нордстр. К тому же эта барыня живет с человеком...

Я. Да ведь намек на это заключается в одной фразе, которую можно выкинуть... и эти отношения исчезнут...

Нордстр. Ну я с этим не согласен, вся роль так поставлена...

Я. Наконец, В. П., эта пьеса уже была играна в Петербурге в купеческом клубе, в пользу семейства Мартынова...

Пот. Это все равно-с! Это мог позволить обер-полицеймейстер, а я этой ответственности на себя принять не могу! Можете, если хотите, просить о ходатайстве г. министра импер. двора, который может даже доложить государю... а мы этого на себя не примем. Да и наконец это совершенно противно моим убеждениям!

Я. Если это противно Вашим убеждениям, тогда не остается уже ничего и говорить Вашему превосходительству.

Пот. Очень, очень жалею! Я пошлю В. П. Буткову копию с резолюции и очень досадую, что не могу ничего сделать для г. Бороздиной.

За сим мы расстались!» *(Бурдин, стр. 11—13; см.* также воспоминания Бурдина — «*Вест. Евр.*», *1886*, *№ 12*, *и 1901*, *№ 10)*.

Кроме упомянутой Бурдиным постановки «Воспитанницы» в купеческом клубе в пользу семьи А. Е. Мартынова она была поставлена также 27 января 1862 г. в театре Петербургского Пассажа Обществом любителей сценического искусства в пользу Литературного фонда. По сведениям «Северной пчелы» *(1862*, *4 февраля)*, пьеса была разучена «под наблюдением самого автора». Но только осенью 1863 г. «Воспитанница» была допущена на казенную сцену. 27 июля она снова была одобрена Театрально-литературным комитетом, а 7 сентября Бурдин известил о цензурном дозволении Островского *(Бурдин, стр. 17)*.

«Воспитанница» была впервые поставлена 21 октября 1863 г. в Москве, на сцене Малого театра. Роли исполняли: Уланбекова — Н. В. Рыкалова, Леонид — А. И. Погонин, Василиса Перегриновна — Х. И. Таланова, Потапыч — П. М. Садовский, Надя — А. И. Колосова, Гавриловна — С. П. Акимова, Гриша — А. А. Рассказов, Неглигентов — В. Д. Ленский, Лиза — М. В. Васильева (Васильева 2-я), впоследствии жена Островского, девушка — Е. Д. Стрекалова.

Три рецензии, появившиеся в газетах «Голос» *(1863*, *29 октября)* и «Московские ведомости» *(Н. Пановский*, *1863*, *30 октября)* и в журнале «Русская сцена» *(1864*, *№ 1)*, дают представление об этом спектакле.

Относясь с симпатией к дарованию Колосовой, рецензенты все же считали, что роль Нади ей не удалась. Она играла «с излишним драматизмом ⟨...⟩ черезчур плакала в ущерб естественности и простоте» («*Моск. вед.*»). Колосова, «как говорится, взяла тоном выше»,— читаем в «Русской сцене»,— и, кроме того, сразу у нее «был еще какой-то оттенок грусти, совершенно не идущий к Наде в начале пьесы». Во второй ее половине артистка с большой правдой и искренностью играла убитую горем девушку, но ей не хватало «энер-

гии, страстности протеста<...> Переворот, внезапно совершившийся в Наде, г-жа Колосова не передала как следует. Она слишком много плакала». Вместе с тем отдельные сцены, например последнюю, она провела хорошо.

Единодушные похвалы вызвал Садовский, обнаруживший и прекрасное понимание роли, и незаурядную наблюдательность, и неподдельный, чуждый всякой утрировки комизм. Наиболее подробно писал о нем рецензент «Московских ведомостей». Верно угаданное отношение Потапыча к своей барыне пронизывало всю его игру: «Трудно указать, как и чем именно выразил г. Садовский это чувство, тем ли, что в присутствии своей барыни так пристально, с таким добродушным вниманием следил за малейшим ее движением, тем ли, что в самом звуке его голоса, когда он обращался к своей госпоже, слышно было это усердное баропочитание, или наконец заботливою готовностью своею на ее малейшие указания; как бы то ни было, это чувство высказывалось в нем поминутно».

Рыкалова в роли Уланбековой заслужила одобрение одних («верно передала выведенный автором тип» — «*Моск. вед.*») и недовольство других. По словам рецензента «Голоса», она «представляла некую леди Макбет<...> и нисколько не походила на русскую помещицу».

В игре Талановой отмечали много привлекательного. О ней писали как о талантливой артистке, прекрасно воссоздающей «типические личности из богатого музея русских своеобычных женщин: свах, сплетниц, приживалок, странниц, богомолок и пр.» («*Моск. вед.*»). Но, по общему мнению, ей очень вредит любовь к «подчеркиванию» слов и «распеванью» ролей, что делает ее игру монотонной.

Весьма похвально отозвались о Васильевой, исполнявшей небольшую роль Лизы, «Московские ведомости» и «Голос».

В целом спектакль оставил хорошее впечатление уважительным отношением к писателю, добросовестностью. «Обстановка<...>— писал рецензент «Русской сцены»,— была вполне удовлетворительна». Но одна деталь вызвала его возражение: «Мы бы только желали, чтоб соловей (речь идет о третьем действии.— *И. Я.*) щелкал и свистал не так усердно<...> Он заглушал слова воспитанницы Нади». На эту же тему появилось юмористическое стихотворение А. Н. Баженова «Соловью, свистящему в «Воспитаннице» *(«Театральные афиши и Антракт», 1864, 10 января)*. Он оценивал этого соловья как натуралистическое излишество, отвлекающее зрителя. Ну а что, если вдруг лягушкам придет охота квакать, а собакам выть,— иронизировал Баженов. «Это все правдиво, верно, Но, пойми, для сцены скверно».

При жизни Островского «Воспитанница» шла в Москве всего 12 раз (последний спектакль состоялся 15 июня 1873 г.)

В Петербурге, на сцене Александринского театра, «Воспитанница» была поставлена через месяц — 22 ноября 1863 г. Здесь роли исполняли: Уланбекова — Е. А. Сабурова, Леонид — А. А. Нильский, Василиса Перегриновна — Ю. Н. Линская, Потапыч — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Надя — Е. В. Владимирова (Владимирова 1-я), Гавриловна — П. К. Громова, Гриша — И. Ф. Горбунов, Неглигентов — Ф. А. Бурдин, Лиза — М. М. Александрова (Александрова 1-я), девушка — Е. Н. Федорова (Федорова 2-я).

Восторженный отзыв об игре Владимировой дал Ап. Григорьев в статье «Воспитанница» Островского на петеребургской сцене»

(*«Якорь», 1863, № 42*). «Тут ⟨...⟩ совершилось чудесное превращение, до полнейшего просветления художественного, с той из наших артисток, которую с злобой и симпатией вместе еще недавно звал я прелестнейшей из наших канареек». Детально характеризуя образ Нади, ее мечты и стремления, перелом в ее сознании и т. д., критик заметил: «Весь этот длинный анализ — верен он или нет — результат столько же игры артистки, сколько самой драмы». Весьма положительно отнеслись к Владимировой М. П. Федоров (*«Голос», 1863, 26 ноября*) и рецензент «Русского инвалида» (*1863, 27 ноября*). Они писали о правильном понимании характера Нади, умной и тонкой игре, простоте и глубоком чувстве. Бурдин сообщил Островскому, что Владимирова «превзошла себя, столько страсти, столько правды, что восторг» (*Б у р д и н, стр. 19*).

С другой стороны, «Санктпетербургские ведомости» (*В. Александров, 1863, 26 ноября*), «Библиотека для чтения» (*1863, № 11*) и «Отечественные записки» (*1864, № 1*) отозвались о Владимировой недоброжелательно, упрекая ее в плаксивости, отсутствии драматизма, неумении передать сдержанную, но страстную натуру Нади.

«Верхом совершенства» назвал Григорьев исполнение Линской роли Василисы Перегриновны, да и другие критики считали, что она играла очень хорошо, но делали вместе с тем некоторые оговорки: «хорошо, но однообразно ⟨...⟩ не создала типа, а только повторила один из типов своего обширного репертуара, и повторила с свойственным ей талантом» (*«Голос»*); «олицетворила этот тип прекрасно, но было бы еще лучше, если б ее гримировка и манера одеваться были хоть на волос менее карикатурны» (*«Рус. инвалид»*); ее фигура, костюм, грим, манеры отличались комизмом, но ее голос и мимика были подчас слишком добродушны (*БДЧ*).

Весьма положительно отнеслась критика к игре Васильева. «С обычной ему глубиною влезший в шкуру старого оглупевшего дворецкого»,— отметил Ап. Григорьев. Об «истинном комизме» Васильева писала «Библиотека для чтения».

Хорошо играл, по общему мнению, Горбунов.

Но Сабурова в роли Уланбековой не встретила сочувствия. Ей недоставало «типичности и тупого самодурства в тоне» (*БДЧ*), в ней «не было видно настоящей барыни русской — она просто представляла тонную даму» (*«Голос»*).

В 1874 г. впервые выступила в роли Нади М. Г. Савина. Отмечая большое дарование молодой актрисы, А. А. Соколов (Театральный нигилист) писал: «Роль Нади ⟨...⟩ одно из первоклассных сценических созданий, и именно по своей правде, по своему художеству, по своей простоте. Каждое слово идет из сердца, каждое движение соответствует сердцу...» (*«Пб. листок», 1874, 17 апреля*).

В Петербурге при жизни Островского «Воспитанница» ставилась гораздо чаще, чем в Москве,— 68 раз (последний спектакль состоялся 20 сентября 1882 г.)

Стр. 171

«Никак невозможно без печали жить»... — подлинная народная песня. Один из вариантов ее см., например, в сборнике П. И. Якушкина (*Сочинения П. И. Якушкина, Спб., 1884, стр. 604*); см. также А. И. Соболевский, Великорусские народные песни (*т. 5, Спб., 1899, стр. 68—69.)*

Стр. 186
«Я пойду, пойду косить Во зеленый луг» — начало «Песни» Александра Корсака (А. Я. Римского-Корсакова), впервые напечатанной в альманахе А. А. Дельвига «Подснежник» на 1829 г., стр. 186. У Корсака: «Я пойду косить На зеленый луг». Песня неоднократно включалась в песенники. М. И. Глинка написал к ней музыку.

И. Ямпольский

ГРОЗА

Впервые опубликована в журнале «Библиотека для чтения», 1860, т. 158, январь, стр. 1—78.

Рукописные источники:

Черновой автограф, семь листов (*$ЧА_1$*). На л. 1 и 2 список действующих лиц и план пяти действий, существенно отличающийся от окончательного. Первоначально Островский называл «Грозу» комедией; среди перечня лиц значился помещик Иулий Петрович Ладов и Карп, его слуга, их функции и участие в событиях определить невозможно. Действие начиналось диалогом Кулигина и Дикого об устройстве в городе солнечных часов. Вскоре Островский отказался от этого, и здесь же в *$ЧА_1$* зафиксировано другое начало: очень длинный разговор Бориса и Шапкина (в доме Дикого), в котором дается характеристика основных действующих лиц, описываются их домашние дела, взаимосвязи и пр. *$ЧА_1$* обрывается на 2-м явлении первого действия: проводы Тихона и наставления матери. Катерина здесь еще не появляется. В разных местах *$ЧА_1$* проставлены авторские даты: «19 июля», «24 июля», «28 июля», «29 июля», вероятно, 1859 г. Эти листки автор пересылал неизвестному адресату. Сохранился оберточный лист с сургучной печатью и надписью Островского: «Черновые листки «Грозы», т. III. Оригинал у Шаповалова. 14 октября 1859 г.» *(ГБЛ)*.

Черновой автограф *($ЧА_2$)*, 34 лл. за подписью автора и с датой в конце рукописи «9-го октября 1859 г.». *$ЧА_2$* имеет большую авторскую правку -- замены реплик и монологов, дописывания целых сцен, поиски наиболее точных языковых выражений. Многочисленные переносы целых явлений и отдельных сцен отражают большую работу автора над композицией драмы. Последний слой *$ЧА_2$* очень близок к окончательному тексту, но в отдельных репликах и языковых деталях не совпадает с ним *(ГБЛ)*.

Предположение о существовании беловой рукописи, якобы подаренной Шаповалову (см. кн.: *А. И. Ревякин*, *«Гроза» А. Н. Островского, М., Учпедгиз, 1962, стр. 48*), нам кажется неосновательным по следующим соображениям: автограф, хранящийся в *ГБЛ*, читается достаточно ясно. Место всех замен и вставок тщательно помечено автором, видимо. Островский готовил *$ЧА_2$* для переписки посторонним лицом. Маловероятно, чтобы автор подарил кому-либо единственный беловой экземпляр пьесы до ее опубликования и постановки в театре. Судя по записи на оберточном листе *$ЧА_1$* и по сопоставлению дат, Островский называет «оригиналом» автограф, хранящийся в *ГБЛ*; автор мог передать его Шаповалову для переписки (или организации переписки) набело.

Утверждение, что утерянный «беловой автограф» был представлен в драматическую цензуру, неверно — в цензуру представля-

лись другие экземпляры (копии), сохранившиеся до наших дней (см. ниже).

Цензурная писарская копия, представленная на Уваровский конкурс *(Архив АН СССР, Л.)*, полный текст пьесы, 76 двойных листов, без подписи. На титульном листе виза цензора: «Печатать позволяется, с тем чтобы по отпечатании было представлено в Цензурный Комитет узаконенное число экземпляров. Санктпетербург, 9 декабря 1859 года. Цензор В. Бекетов». Этим же числом датирована запись Комитета по Уваровским премиям о получении рукописи на IV Уваровский конкурс. Текст *ЦПК*, писанный тремя разными переписчиками, не имеет никаких исправлений. Копия не авторизована.

Среди многих театральных копий интересна цензурованная авторизованная писарская копия — суфлерский экземпляр Малого театра. На л. 1 *АТК* надписи Островского, Театрально-литературного комитета и цензора:

«Желаю отдать в Дирекцию на поспектакольную плату по положению. А. Островский»;

«По журналу Театрально-литературного комитета 24 октября 1859 года одобряется единогласно к представлению. Председатель Комитета Жихарев»;

«Одобряется к представлению. С. Петербург. 31 октября 1859 г. Цензор, действит. стат. советник Нордстрем».

На л. 1 об. рукой Островского написан список действующих лиц.

Текст *АТК* в слое писца восходит к *ЧА*$_2$. На *АТК* есть вписанные реплики и замены, некоторые из них сделаны несомненно Островским. Несколько таких вписанных реплик не учтены в первопечатном тексте *(ММТ)*.

Три *ТПК* Александринского театра (*ЛГТБ*) — не авторизованы.

Судя по авторским датам на *ЧА*$_1$, Островский начал работать над драмой во второй половине июля 1859 г. Но замысел ее, вероятно, возник много раньше. На черновом автографе повести «Не сошлись характерами» на полях есть запись: «(Матрена Кабаниха)» (*ГБЛ, фонд 216, М., 3097, ед. хр. 2, л. 11)*. Островский работал над прозой в июле — сентябре 1856 г., тогда же и была сделана эта запись. Возможно, в этот период писатель еще не представлял себе отчетливо весь сюжет и драматическую коллизию, но несомненно, что он обдумывал образ крутой, властной, деспотически-непреклонной купчихи.

Основную работу над «Грозой» Островский окончил 9 октября 1859 г. (дата *ЧА*$_2$). Но последний слой правки на *ЧА*$_2$ делался после 9 октября, видимо, до 14 октября 1859 г., когда этот автограф был отослан Шаповалову. 24 октября пьесу одобряет Театрально-литературный комитет, а 31 октября театральная цензура разрешает ее к постановке. В начале ноября 1859 г. писатель читает драму в кругу петербургских литераторов; в Малом и Александринском театрах начинаются репетиции, которыми руководит сам Островский. 16 ноября 1859 г. проходит премьера в Малом театре, а 2 декабря — в Александринском. Все это время Островский продолжает работать над текстом, внося исправления и замены в театральные копии и в экземпляр, готовившийся для печати (которым мы не располагаем). 9 декабря 1859 г.— дата цензурного разрешения для печати. Январский номер «Библиотеки для чтения», где впервые публиковалась пьеса, вышел в конце января 1860 г.

В том же году вышло отдельное издание: «Гроза». Драма в пяти действиях А. Островского, Спб., в тип. Карла Вульфа, 1860.

Без изменений текста пьеса входила во все прижизненные издания, начиная с изд. Е. Д. Кожанчикова (т. III, Спб., 1867).

Печатается по тексту «Библиотеки для чтения» с устранением опечаток и искажений по рукописным источникам:

Стр. 210, строка 19
«ведь уж с тобой что» *вместо* «ведь с тобой что» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 211, строка 38
«коль захочешь» *вместо* «как захочешь» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 215, строка 15
«там уж их и ждут» *вместо* «там уж их ждут» (по *АТК*).

Стр. 223, строка 20
«Бог с тобой» *вместо* «Что с тобой» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*; *опечатка БДЧ*).

Стр. 223, строка 40
«Вот куда красота-то ведет» *вместо* «Вот красота-то куда ведет» (по *ЧА*$_2$).

Стр. 230, строка 24
«в окны глаз не пялила» *вместо* «в окна глаз не пялила» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 230, строка 27
«в окны не гляди» *вместо* «в окна не гляди» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 233, строка 3
«Что ты на шею-то» *вместо* «Что на шею-то» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 233, строка 21
«на покор да на смех» *вместо* «на покор да смех» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 235, строка 12
«Он мне руки-то жжет» *вместо* «Он руки-то жжет» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 236, строка 14
«у вас тишина» *вместо* «у нас тишина» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 237, строка 25
«лето или зима-то» *вместо* «лето и зима-то» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 239, строка 9
«Я отдать отдам» *вместо* «Я отдам, отдам» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 239, строка 23
«в ноги ему кланялся» *вместо* «в ноги кланялся» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 240, строки 17—18
«и то только в церкви» *вместо* «и то в церкви» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 245, строки 17—18
«Вот какое у меня сердце» *вместо* «Вот пока у меня сердце» *(конъектура по смыслу)*.

Стр. 250, строка 8
«И идут туда» *вместо* «И едут туда» (по *ЧА*$_1$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 250, строка 19
«Не умею я тебе сказать» *вместо* «Не умею тебе сказать» (по *ЧА*$_2$).

Стр. 250, строки 29—30
«Глупый ты человек» *вместо* «Глупый человек» (по *ЧА*$_2$).

Стр. 250, строка 33
«Кака польза» *вместо* «Какая польза» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 251, строка 11
«я тебе — равный, что ли» *вместо* «я тебе — ровный, что ли» (по *ЧА*$_2$, *ТПК*).

Стр. 254, строка 39
«Все узнаю» *вместо* «Все знаю» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 260, строка 23
«не легче от этого» *вместо* «не легче от того» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 261, строка 23
«кидается на шею» *вместо* «падает на шею» (по *ЧА*$_2$, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 261, строки 31—32
«зло сделать» *вместо* «зла сделать» (по *ЧА*$_2$, *АТК*).

Стр. 265, строка 26
«робяты» *вместо* «ребяты» (по *ЧА*$_2$, *АТК*).

Стр. 265, строка 27
«маленькая такая ранка» *вместо* «маленькая ранка» (по *ЧА*$_2$, *АТК*).

Л. Смирнова

При первом появлении, сначала по сцене, а потом в печати, «Гроза» вызвала немало разногласий. Видимо, сразу же после премьеры А. А. Фет, оставшийся не удовлетворенным пьесой, писал об этом И. С. Тургеневу и Л. Н. Толстому (письма Фета не сохранились), но два великих русских писателя по-разному отнеслись к новой драме Островского. Тургенев решительно не согласился с отрицательной оценкой и отвечал Фету: «Фет! помилосердуйте! Где было Ваше чутье, Ваше понимание поэзии, когда Вы не признали в «Грозе» (Островский читал ее у меня вчера) удивительнейшее, великолепнейшее произведение русского, могучего, вполне овладевшего собою таланта? Где Вы нашли тут мелодраму, французские замашки, неестественность? Я решительно ничего не понимаю — и в первый раз гляжу на Вас *(в этого рода вопросе)* с недоуменьем. Аллах! какое затмение нашло на Вас?» *(И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем в 28-ми томах, М.,—Л., Изд-во АН СССР, Письма, т. 3, 1961, стр. 375)*. Толстой же, видимо, согласился с Фетом: «Гроза Островского 〈...〉 по-моему, плачевное сочинение», хотя и признавал, что драма созвучна своему времени и потому «будет иметь успех» (*Толстой, т. 60, стр. 325*).

Почти через год, когда А. Д. Галахов очень положительно отозвался о «Грозе», М. С. Щепкин писал ему с ядовитой иронией: «Вы очень тонко и осторожно выставили достоинства «Грозы». Не менее других уважая г. автора, мне было обидно читать указанные достоинства этой пьесы, тогда как на лучшие места вы не обратили внимания. Например 〈...〉 как вы упустили из виду два действия, которые происходят за кустами? Уже самою новостию они заслужи-

ли быть замеченными. А что, если бы это было на сцене? Вот бы эффект был небывалый!..» *(«Голос минувшего», 1914, № 9).*

Такие же противоречивые мнения высказывались и в критике. К сожалению, далеко не все рецензеты так же осмотрительно подходили к оценке произведения, как рецензент «Сына отечества» *(1859, 27 декабря)*, писавший: «Новая драма г-на Островского, как и все его произведения, имеет слишком важное литературное значение, для того, чтоб разобрать ее не прочитавши, а она еще в печати не появилась». Так, еще до опубликования драмы, основываясь только на просмотре спектакля Александринского театра, рецензент «Санктпетербургских ведомостей» *(1859, 6 декабря)* утверждал, что «Гроза» очень напомнила ему «попурри, составленное из нескольких давно известных мотивов, из которых, впрочем, ни один не обработан до конца, а представлен только в виде намека», героиня же драмы — «какая-то натянутая резоперка, нечто вроде женского Гамлета из купеческого быта».

Но в тот же день А. С. Гиероглифов писал о «Грозе» совершенно иначе: это — «высоко художественное поэтическое произведение ⟨...⟩ громадное как по созданию и изяществу формы, так и по своему содержанию», это — «народная драма в самом точном и широком значении слова. Все в ней взято из чисто русской действительной жизни, не гражданской, а народной, и не какие-нибудь случайные явления, а характерные, крупные черты или даже основные принципы ее». «Общая идея произведения,— продолжал рецензент,— влияние на природу человека тех духовных элементов, которыми живет старуха Кабанова и другие подобные личности, и столкновение с этими элементами — других, свежих начал жизни. Идея выполнена полно,— ясно, энергично и без малейшего пожертвования изящностью произведения. Народность чувствуется в каждом слове, в каждой сцене, в каждой личности драмы». Очень высоко оценил рецензент образ Катерины: он «дышит художественной истиной, поразительной поэтической красотой и далек от всякой идеализации». В лице Катерины «мы видим светлый луч на темном небе, перл природы ⟨...⟩ личность эта, поставленная в противоречии с действующей жизнью, вмещает в себе общечеловеческую идею и имеет народное значение только в немногих чертах характера; но положения драмы сообщают этой личности чисто народное значение» *(«Театр. и музык. вест.», 1859, № 48).*

В самом начале 1860 г. с решительным осуждением драмы, виденной им на сцене Александринского театра, выступил известный писатель и критик Н. Ф. Павлов. «Гроза» ему «очень не понравилась», в ней, по его мнению, «соединились все лучи ⟨...⟩ недостатков и достоинств» пьес Островского, и свое выступление он назвал намерением «поднять бурю на эту грозу» *(«Наше время», 1860, 1 января).*

Даже в тех случаях, когда рецензенты положительно оценивали «Грозу», мы нередко сталкиваемся с непониманием сути ее, с поразительной однобокостью в оценках. Так, А. Пальховский, исходя из своего понимания «истинной драмы» как произведения, которое «не допускает ни морали, ни сентенции ⟨. . .⟩ ни стремления поразить какой-нибудь общественный порок» и считая, что задача драматурга — «перенести на сцену жизнь, но не судить о ней, не разъяснять ее, не карать ее дурных сторон или восторгаться хорошими», утверждал: «Если на пьесу г. Островского смотреть как на драму в настоящем смысле этого слова, то она не выдержит строгой крити-

ки: многое в ней окажется лишним, многое недостаточным; но если в ней видеть едкую сатиру, облеченную только в форму драмы, то она, по нашему мнению, превосходит все до сих пор написанное почтенным автором». Вместе с тем критик совершенно не понял образа Катерины: все ее поступки — «ни с того, ни с сего», и поэтому «Катерина никак не может быть героиней драмы; но за то она служит превосходным сюжетом для сатиры» (*«Моск. вест.», 1859, № 49)*.

Но к чести русской критики следует сказать, что, едва появились несправедливые отзывы о драме, как представители самых разных направлений выступили в ее защиту. П. В. Анненков в яркой публицистической статье «О *бурной* рецензии на «Грозу» г. Островского, о народности, образованности и о прочем» дал решительный отпор Павлову, в статье которого он увидел не просто отзыв о спектакле, а нечто большее — намерение «лишить г. Островского возможности дальнейшего литературного существования, превратить имя его в пустой звук, сделать из счастливого и сильного деятеля нашего времени жалкий призрак без значения, наподобие тех отживших писателей, присутствие которых уже не чувствуется людьми». Но, замечает Анненков, «буря прошла благополучно 〈...〉 Предмет, выбранный рецензией в жертву свою, оказывается столь крепким, что жало ее притупляется тем более, чем сильнее обнаруживается». И все это потому, что рецензент защищает ложные, устаревшие понимания народности, образованности, художественности произведения искусства *(БДЧ, 1860, № 3)*. В «Санктпетербургских ведомостях» *(1860, 11 февраля)* о статье Павлова говорилось, что все его замечания — «не более как ракеты, лопающиеся и исчезающие в воздухе 〈...〉 много дыма, треску и... ничего более».

Постепенно интонации критических отзывов о «Грозе» изменились, и в самых различных газетах и журналах стали появляться статьи, высоко оценивающие драму. М. И. Дараган в своем большом разборе «Грозы» прежде всего вспомнил о статье Н. А. Добролюбова «Темное царство», в которой критик «осветил своим глубоким и верным взглядом произведения г-на Островского 〈...〉 Критика эта была прочитана всеми, кто только читает. Как будто повязка спала с глаз публики». Понятие «самодурство» стало с тех пор общепризнанным, и идею новой драмы Островского Дараган определяет как «ненависть к самодурству, горький протест свободного духа против отсутствия у нас уважения к собственному достоинству, к своей личности, негодование к рабству нашего духа, к закоснелости нашего невежества». В результате «все действующие лица, даже все эти забитые натуры Катерин, Варвар, Тихонов Ивановичей и Борисов Григорьевичей приходят к сознанию, отчего они так дурны, и прямо называют виновниками зла — самодуров». Особенно многозначительно вышло в драме, по мнению критика, это «сознание причины зла, к которому здесь уже приходят забитые натуры темного царства», хотя самодуры все еще «остаются в совершенном неведении ни самого зла, ни причин его, ни того, что причины эти начинают разгадываться людьми, угнетенными их деспотизмом». Особенно выделяет критик образ Кулигина: это — «человек высшего разряда, дошедший силою своего гения до высоко нравственного развития и некоторого умственного образования». Явно полемизируя с Пальховским, отрицавшим художественность «Грозы» как драмы, Дараган утверждает, что это «не драматическая сатира, а чистая драма», что «автор имел в виду не дидактическую цель, а художественную идею, которую выполнил превосходно». Поэтому,

заканчивает свою статью Дараган, «смотря драму «Гроза», мы жалели, что она сначала давалась на Малом театре, круг зрителей здесь так невелик; ее стали давать на Большом — и мы все же жалели, что мало зрителей ⟨...⟩ Произведения г-на Островского, по преимуществу, народные пиесы. Их надо бы играть во всех концах Москвы, в небольших, нарочно для этого устроенных театрах ⟨...⟩ чтоб мог пойти туда всякий ремесленник, всякий мещанин, всякий лавочник, всякий разночинец» *(«Рус. газета», 1859, 23 декабря)*.

В декабрьском номере «Современника» *(1859, № 12)* в «Заметках Нового поэта» о «Грозе» писал И. И. Панаев: «Если мы скажем, что новая драма Островского — «Гроза» ⟨...⟩ принадлежит к явлениям, выходящим из ряда обыкновенных явлений на нашей сцене — то, конечно, даже и молодые скептики не упрекнут нас в этом случае за увлечение ⟨...⟩ Новая драма г. Островского, по нашему крайнему убеждению, принадлежит к замечательным явлениям русской литературы — и по мысли, заключающейся в ней, и по выполнению».

Высокую народность «Грозы» отмечал Е. Н. Эдельсон: «... в протестующей Катерине и в том, что задавило это светлое создание, мы узнаем свое, народное. Мы с наслаждением видим усилия автора найти в данных русской же жизни новые начала, способные к борьбе слишком уже отяготевшими над нею старыми формами, и торжествуем успех автора как бы нашу собственную победу. Мы чувствуем неизбежность гибели того существа, к которому автор успел возбудить все наши симпатии, но мы радуемся в то же время новым, живым силам, открытым автором в той же народной жизни, и сознаем ее вследствие того близкою себе, родственною. Огромная заслуга писателя!» *(БДЧ, 1864, № 1)*.

П. И. Мельников-Печерский обратил внимание на то, что в «Грозе» виден новый подход автора к «темному царству»: «Все прежние произведения г. Островского представляют темное царство безвыходным, неприкосновенным, таким царством, которому, кажется, не будет конца ⟨...⟩ В «Грозе» — не то, в «Грозе» слышен протест против самодурства, слышен из уст каждой жертвы ⟨...⟩ Но всего сильнее, по нашему мнению, протест Кулигина. Это протест просвещения, уже проникающего в темные массы домостроевского быта» *(«Сев. пчела», 1860, № 41)*.

Большую и интересную статью о «Грозе» опубликовал М. М. Достоевский. По его мнению, в «Грозе» автор «взял несколько новых сторон из русской жизни, до него никем еще не початых», в ней «слышны новые мотивы, прелесть которых удваивается именно потому, что они новы. Галерея русских женщин Островского украсилась новыми характерами, и его Катерина, старуха Кабанова, Варвара, даже Феклуша займут в ней видное место». Что же касается Катерины, то характер ее «необыкновенно верно и смело создан автором. Это характер, конечно, не частый в жизни, но его нельзя назвать также и исключительным. Есть такие поэтические натуры, их трудно отыскать только потому, что они не видны, не высказываются сами. Нужно стечение известных обстоятельств, чтоб они явились с такою яркостью, как Катерина ⟨...⟩ Остальные лица в драме удивительно полны и жизненны. Все они новы, некоторые же из них блещут особенною новизною в нашей литературе. Например, Кулигин, механик-самоучка, или барыня с двумя лакеями ⟨...⟩ Вообще в драме г. Островского все лица, даже самые второстепенные, нужны, потому что все они занимательны, своеобразны и ха-

рактерны в высшей степени. Драматическая обработка их — верх совершенства» (*«Светоч», 1860, кн. 3*).

В мае 1860 г. со статьей о «Грозе» выступил М. И. Писарев. Будущему известному артисту, блестяще игравшему в пьесах Островского, и издателю единственного до революции научного собрания сочинений драматурга было в это время только 16 лет, но его статья — одна из лучших о «Грозе». По мнению Писарева, новая драма Островского, «исполнена жизни, свежести, красок и величайшей правды», это «картинка с натуры ⟨...⟩ написанная свежими, густыми, самоцветными красками. Оттого она дышит величайшею правдою» (*«Оберточный листок», 1860, 11 и 18 мая*).

Наконец, в октябрьском номере «Современника» появилась знаменитая статья Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве», впервые раскрывшая во всей полноте и сложности идейный смысл драмы; вместе с тем в этой статье, полемизируя с выступлениями об Островском Н. Ф. Павлова, С. С. Дудышкина, Ап. Григорьева и других, великий критик в концентрированном виде выразил свои идейно-политические и художественно-эстетические воззрения.

Начиная статью, Добролюбов указывает, что если прежние произведения драматурга отражали крепкий и устойчивый быт «темного царства», то в «Грозе» «самодуры русской жизни начинают ⟨...⟩ ощущать какое-то недовольство и страх, сами не зная перед чем и почему ⟨...⟩ Помимо их, не спросясь их, выросла другая жизнь, с новыми началами, и хотя далеко она, еще и не видна хорошенько, но уже дает себя предчувствовать и посылает нехорошие видения темному произволу самодуров». Эта новая жизнь и находит свое проявление в «Грозе», и «с этой точки зрения «Гроза» есть, без сомнения, самое решительное произведение Островского».

Переходя к анализу образа Катерины, Добролюбов утверждает, что это настоящий сильный русский характер, который «прежде всего поражает нас своею противоположностью всяким самодурным началам». Катерина гибнет — и только этим освобождается от тирании «темного царства». «Грустно, горько такое освобождение,— продолжает критик,— но что же делать, когда другого выхода нет. Хорошо, что нашлась в бедной женщине решимость хоть на этот страшный выход. В том и сила ее характера, оттого-то «Гроза» и производит на нас впечатление освежающее». И, заканчивая статью, Добролюбов вновь возвращается к этому выводу: «Мы уже сказали, что конец этот кажется нам отрадным; легко понять почему: в нем дан страшный вызов самодурной силе, он говорит ей, что уже нельзя идти дальше, нельзя долее жить с насильственными, мертвящими началами. В Катерине видим мы протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведенный до конца, провозглашенный и под домашней пыткой и над бездной, в которую бросилась бедная женщина» (*Добролюбов, VI, 327, 337, 358, 361*).

Отражая общее внимание, которое возбудила в литературном мире «Гроза», 2-е отделение Академии наук обратилось к И. А. Гончарову, П. А. Плетневу и А. Д. Галахову с просьбой высказать свое мнение о пьесе. Все три рецензента очень высоко оценили драму: «Не опасаясь обвинения в преувеличении,— писал Гончаров, — могу сказать по совести, что подобного произведения, как драмы, в нашей литературе не было. Она бесспорно занимает и, вероятно, долго будет занимать первое место по высоким классическим красотам. С какой бы стороны она ни была взята,— со стороны ли плана

создания, или драматического движения, или, наконец, характеров — всюду запечатлена она силою творчества, тонкостью наблюдательности и изяществом отделки». В «Грозе», продолжает Гончаров, «улеглась широкая картина национального быта и нравов с беспримерною художественною полнотою и верностью. Всякое лицо в драме есть типический характер, выхваченный прямо из среды народной жизни, облитый ярким колоритом поэзии и художественной отделки» (*«Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова», Спб., 1860*).

Не менее высоко оценил «Грозу» и Плетнев: «В новой своей драме он 〈Островский〉 расширил сферу для деятельности таланта своего. Не семья одна с обычными видоизменениями лиц и характеров их составляет предмет изучения поэта: ему захотелось воспользоваться в некотором отношении общественною жизнью маленького русского городка 〈...〉 столкновениями еще заметно господствующего невежества и уже, хотя случайно, проглядывающей образованности 〈...〉 У сочинителя столько в запасе характеров, их странностей и поучительных для наблюдателя черт, что сцены постоянно интересны и любопытны; драматическое движение нигде не ослабевает, а между тем, общественные отношения и стесненный ход жизни никаким искусственным усилием не нарушены и не ослаблены» (*там же*).

Наконец, Галахов признал, что в «Грозе» «действительность является именно такою, какова она на самом деле: в смешении нравственного и умственного безобразия с красотою души и сердца 〈...〉 Мир, изображенный г. Островским,— тяжелый мир, и впечатление, производимое его драмой, совершенно соответствует характеру того, что в нем совершается. В этой нравственной тяжести, от которой прискорбно уму и чувству, я полагаю яснейшее доказательство превосходства пиесы» (*там же*).

Опираясь на эти отзывы известных литераторов и учитывая мнения критики, комиссия по присуждению наград графа Уварова при Академии наук 25 сентября 1860 г. удостоила Островского за драму «Гроза» Уваровской премии.

Однако дискуссии о «Грозе» не прекратились. В 1864 г. со статьей «Мотивы русской драмы» выступил Д. И. Писарев, но острие своей критики он направил не столько против «Грозы», сколько против добролюбовского истолкования образа Катерины. «Читая «Грозу» или смотря ее на сцене,— утверждает Писарев,— вы ни разу не усомнитесь в том, что Катерина должна была поступать в действительности именно так, как она поступает в драме», то есть со стороны художественной достоверности образ Катерины у него никаких сомнений не вызывает. Но Писарев возражает против того, что Добролюбов увидел в ней «решительный, цельный русский характер», поскольку, с одной стороны, «воспитание и жизнь не могли дать Катерине ни твердого характера, ни развитого ума», а с другой,— «ни одно светлое явление не может ни возникнуть, ни сложиться в «темном царстве» патриархальной русской семьи, выведенной на сцену в драме Островского». Поэтому Катерина и не может быть «лучом света с темном царстве»; такими «лучами» могут являться только «умные и развитые» люди, которые «сознательно или невольно» переделывают эту жизнь и подготовляют «переход к лучшим условиям существования» (*Писарев, II, 366—395*).

Писареву на страницах «Современника» (*1865, № 4*) возразил М. А. Антонович: «Ужели русская семья так-таки и не может про-

извести *ни одного* светлого явления, хоть в виде исключения из общего правила?» — резонно вопрошал он и утверждал, что «люди простые, с неразвитым умом 〈...〉 так же сильно и болезненно чувствуют гнет семейного и всякого самодурства и так же способны протестовать против него, как и те развитые умы, которые 〈...〉 стоят выше всяких предрассудков и знают естественные науки; они, может быть, даже сильнее последних чувствуют и протестуют 〈...〉 К таким людям принадлежит и Катерина. Конечно, протест разумный, сознательный, протест во имя идеи, добытой путем умственного развития, гораздо выше протеста непосредственного, натурального; но и последний возможен, естественен, человечен и заслуживает сочувствия, как и отнесся к нему Добролюбов» *(«А. Н. Островский в русской критике», М., Гослитиздат, 1953, стр. 364—366).*

Премьера «Грозы» состоялась в Малом театре 16 ноября 1859 г., в бенефис С. В. Васильева. Роли исполняли: Дикой — П. М. Садовский, Борис — И. Е. Чернышев (вскоре замененный Н. И. Черкасовым), Кабанова — Н. В. Рыкалова. Тихон — С. В. Васильев, Катерина — Л. П. Никулина-Косицкая, Варвара — В. В. Бороздина (Бороздина 1-я), Кулигин — В. А. Дмитревский, Кудряш — В. Д. Ленский, Шапкин — А. А. Кремнев, Феклуша — С. П. Акимова, Глаша — Е. Г. Рябова (Рябова 2-я), Барыня — Л. П. Златопольская.

Как и во многих других случаях, постановкой драмы руководил сам автор. Еще в октябре 1859 г., сразу по окончании пьесы, Островский прочел ее на квартире Никулиной-Косицкой для артистов Малого театра, сам распределил роли, давал указания актерам о костюмах и гриме, а с Рыкаловой, по болезни пропустившей все репетиции, сам прошел все мизансцены *(«Восп.», стр. 382).* «Я теперь очень занят репетициями»,— писал он М. П. Погодину 11 ноября 1859 г. *(ПСС, XIV, 75).*

Спектакль имел громадный успех. Участница спектакля Рыкалова вспоминала позже: «Зрительный зал, конечно, полон, успех пьесы определился после моего ухода со сцены в первом же акте,— раздались шумные аплодисменты, которые к концу пьесы превратились в сплошной триумф как по адресу автора, так и по отношению к исполнителям. И нужно отдать справедливость — пьесу разыгрывали «на ура» *(«Театр», 1909, 15 ноября).* Безусловно, в значительной мере это определялось тем, что премьера прошла с на редкость сильным и удачно подобранным актерским составом. И первое место среди исполнителей отводилось Никулиной-Косицкой, игравшей Катерину. Это естественно: роль писалась Островским для нее, с ней он советовался в процессе работы, ее рассказы использовал в тексте пьесы.

Однако, признавая «блестящий успех г-жи Косицкой» и оговариваясь, что свои упреки он высказывает «вопреки мнению почти всей публики», один из первых рецензентов спектакля, М. И. Дараган, например, остался не удовлетворен экзальтированностью Катерины — Косицкой. Так, рассказывая о том, как Катерина в детстве молилась в церкви, «г-жа Косицкая становится в трагическую позу, протягивает руки к небу, смотрит пристально вверх, как будто на купол церкви, и, говоря эти и без того уже слишком экзальтированные слова, делает вид, как будто она и в настоящую минуту ви-

дит ангелов». И рецензент восклицает: «К чему же эти жесты, эти фарсы, невозможные в жизни?» Не понравился ему и большой налет мелодраматизма в игре актрисы: «Можно ли в продолжении пяти актов все говорить почти напевом, тянуть слова и все плаксивить» *(«Рус. газета», 1859, 23 декабря).*

Если Дарагана не удовлетворила только игра актрисы, то М. И. Писарев не во всем согласился с Никулиной-Косицкой в самой трактовке ею образа Катерины. «Г-жа Косицкая, как опытная и умная артистка, удачно выражает одну сторону борьбы — с самой собою ⟨...⟩ Она искусно ведет всю эту внутреннюю борьбу между движением страсти и мыслью о преступлении.

Но другая сторона борьбы — с семьею — исполняется ею менее удачно. Она обнаруживает раздражительность, гнев и зрелость недовольства, так что как будто за нее и не боишься. Между тем, по нашему, Катерина должна иметь побольше простодушия, женственности, неопытности, покорности судьбе и не сознательностию, не жалобами, а бессознательно, сама собою, своим положением должна возбуждать сочувствие и жалость к себе, как к юной, невинной жертве, невольно влекомой своею несчастной судьбою к роковой развязке» *(«Оберточный листок», 1860, 18 мая).*

Выделяли современники и игру С. В. Васильева. Так, Д. А. Коропчевский вспоминал, что артист изображал Тихона «глубоко драматической личностью. Он был забит и обезличен, но и мысль и чувство в нем были только заглушены, а не убиты. Он внушал сожаление к себе, превышавшее даже симпатию зрителя к Катерине ⟨...⟩ Трудно было бы сказать, чем именно, но уже первым актом Кабанов заслуживал глубокое сожаление и заставлял видеть в себе одну из самых несчастных жертв «темного царства» ⟨...⟩ На него страшно было смотреть, когда он, переживая смертельную муку, вырывался из рук матери. Не столько словами, сколько жестами, мимикой, он и боролся с матерью, и умолял ее отпустить его. Последний крик его: «Маменька! вы ее погубили!» был ужасен; он потрясал и потом долго преследовал зрителя». При этом Коропчевский замечает: «Исполнение Кабанова Васильевым казалось настолько естественным и правдивым, что в нем нельзя было заметить ничего произвольного, навязанного замыслу автора. Кабанов в этом исполнении не был ни глупым, ни достойным презрения; он вызывал только сожаление и сочувствие. Достаточно, как мне кажется, внимательно прочесть роль Тихона, взвесить все, что он говорит, вдуматься в его положение, разобрать значение авторских ремарок, чтобы понять, насколько исполнение Васильевым этого лица приближалось к пониманию его автором» *(ЕИТ, сезон 1895-1896, Приложения, кн. 3).* Но Васильев играл Тихона недолго, и в конце 1860 г. в этой роли дебютировал А. А. Рассказов. О его игре писал Баженов: «Кабанов — Рассказов вышел пробою ниже Кабанова — Васильева, пустоватее, мелкодушнее, а главное, глупее ⟨...⟩ Если Кабанов поглупел, то единственно только от желания г. Рассказова при всяком удобном случае и во что бы то ни стало смешить публику» *(«Моск. вед.», 1861, 28 января).*

О П. М. Садовском, создавшем сценический образ Дикого, тот же Коропчевский писал: «Это был не московский, а захолустный купец старого времени, командующий не только в своей семье, но и в целом городе ⟨...⟩ Глядя на него, действительно страшно делалось за тех, кто от него зависел. Лучшего олицетворения «жестоких нравов», чем этот внушающий всем ужас и ненависть старик ⟨...⟩

как его играл Садовский, нельзя себе и представить» *(ЕИТ, сезон 1894/1895, Приложения, кн. 2)*. Под стать Дикому — Садовскому была и Кабанова — Рыкалова, игрой которой был доволен и автор. М. И. Писарев писал, что артистка превосходно изобразила «эту строптивую, спокойную, строгую, бесчувственную женщину, в которой все свободно-человеческое, разумно-нравственное заглохло; в которой обычай старины, неподвижный обряд господствуют безусловно, которая все, что отталкивает от себя внутренно, сдерживает при себе наружным правом самовластья» *(«Оберточный листок», 1860, 18 мая)*. Рыкалова играла Кабаниху в Малом театре почти сорок лет.

Премьера в Александринском театре состоялась 2 декабря 1859 г., в бенефис Ю. Н. Линской. Роли исполняли: Дикой — Ф. А. Бурдин, Борис — П. С. Степанов, Кабанова — Ю. Н. Линская, Тихон — А. Е. Мартынов, Катерина — Ф. А. Снеткова (Снеткова 3-я), Варвара — Е. М. Левкеева, Кулигин — П. И. Зубров, Кудряш — И. Ф. Горбунов, Феклуша — П. К. Громова, Барыня — Волкова.

Спектакль в Александринском театре также готовился под руководством Островского: он читал артистам пьесу, распределял роли и вел режиссуру, а Бурдин и Горбунов даже специально приезжали в Москву, чтобы познакомиться с постановкой Малого театра.

Премьера, на которой присутствовал весь петербургский литературный мир, прошла с большим успехом. «Гроза,— писал рецензент «Русского инвалида» *(1859, 6 декабря)*,— не только лучшее драматическое произведение текущего сезона, но и такое произведение, которому суждено занять видное место в нашей драматической литературе вообще. Успех драмы был полный. Все петербургские литераторы присутствовали при представлении. Автор был вызван несколько раз при единодушных рукоплесканиях публики». Но Ап. Григорьев в статье «Искусство и нравственность» отмечал: «Когда взрыв восторга приветствовал смелую сцену свидания в «Грозе»,— когда общее русское чувство говорило за поэтическую правду этой сцены,— неодобрительный зловещий шепот несся из лож и разных рядов кресел и переходил почти в гласный, даже печатный вопль на безнравственность драмы» *(«Светоч», 1861, № 1)*.

По-видимому, петербургская премьера уступала московской, и, скорее всего, дело было в исполнительнице главной роли — Снетковой. Почти все современники писали, что Катерина Снетковой мало похожа на героиню Островского. Так, Иероглифов указывал, что «есть один очень важный недостаток вообще в средствах и особенностях таланта г-жи Снетковой — это отсутствие *народности* ⟨...⟩ Этот недостаток был ощутителен и в роли Катерины» *(«Театр. и музык. вест.», 1859, № 48)*; А. И. Вольф признавал, что актриса «изобразила Катерину, может быть, не совсем верно с действительностью: она была похожа на петербургскую барышню более, чем на московскую купчиху» *(В о л ь ф, ч. III, стр. 18)*. Другие же отзывы были еще более критичны: «Г-жа Снеткова 3-я в роли жены Кабанова как будто забыла, что она играет русскую женщину, и дала нам какую-то Офелию, впрочем очень красивую и эффектную» *(«Сын отечества», 1859, 27 декабря)*; «Она незнакома с русским бытом, видела русских женщин только в Петербурге, где так мало русского, а потому и не могла возвесть свою роль на степень народного типа, каким создал его Островский, не уловила и тона своей роли»

(*«Рус. инвалид», 1859, 6 декабря)* и др. Правда, в дальнейших спектаклях Снеткова несколько выровнялась, и Панаев писал: «Г-жа Снеткова в бенефис свой (11 апреля 1860 г.— *Е. П.*) выполнила роль Кати гораздо удачнее, чем в первое представление «Грозы», и вся пьеса в этот раз сыграна была с большим единством и гармониею» (*«Совр.», 1860, № 4)*.

Об игре Снетковой отозвался и Добролюбов. Говоря о монологе с ключом, критик замечал: «...нам кажется даже, что артистка, исполняющая роль Катерины на петербургской сцене, делает маленькую ошибку, придавая монологу ⟨...⟩ слишком много жара и трагичности. Она, очевидно, хочет выразить борьбу, совершающуюся в душе Катерины, и с этой точки зрения она передает трудный монолог превосходно. Но нам кажется, что сообразнее с характером и положением Катерины в этом случае — придавать ее словам больше спокойствия и легкости. Борьба, собственно, уже кончена, остается лишь небольшое раздумье» *(Добролюбов, VI, 356)*.

Огромное впечатление на современников произвела игра Мартынова в роли Тихона. «Я была на первом представлении «Грозы» Островского,— вспоминала А. Я. Панаева.— Мартынов так сыграл свою роль, что дух замирал от каждого его слова в последней сцене, когда он бросился к трупу своей жены, вытащенной из воды. Все зрители были потрясены его игрой» (*А. Я. Панаева (Головачева), Воспоминания, М.*, изд-во *«Художественная литература», 1972, стр. 48)*. «Г-н Мартынов исполнил роль Кабанова как в выражении характера этой личности, так и в положениях драмы гениально, так что воображение зрителя отказывается представить что-нибудь выше этого исполнения» *(«Театр. и музык. вест.», 1859, № 48)*. Вспоминая премьеру, А. Ф. Кони писал: «...выше всего был Мартынов, драматический талант которого, столь неожиданно расцветший, тут проявился во всей своей силе ⟨...⟩ вырос человек, властно и неотразимо заглядывающий в самую глубину потрясенного сердца зрителя. Роль молодого Кабанова была апогеем славы Мартынова, она же была и его лебединой песнью. Я еще вижу его как живого над трупом несчастной жены, с непередаваемым выражением в лице и голосе бросающим старой Кабановой упрек: «Это вы ее убили, маменька, вы» *(«Восп.», стр. 132)*.

Исполнение роли Тихона двумя выдающимися актерами привело к сопоставлению их, «потому что гг. Мартынов и Васильев — артисты почти равноправные и, встречаясь на одном пункте, возбуждают невольное сравнение»,— писал А. Н. Баженов. Кроме того, «артист, являющийся в роли, которую с значительным успехом исполнял другой артист, как бы сам называется на сравнение» *(«Театр. и музык. вест.», 1860, № 21)*.

Мнения об игре актеров разделились. М. Писарев считал, что Мартынов и Васильев исполняют «разных» Тихонов: «... г-н Васильев осуществил в Тихоне жалкое созданье, для которого борьба с закоснелым в неподвижной старине семейным бытом уже более не существует. Для него она уже кончена ⟨...⟩ Г-н Мартынов взял Тихона несколько ранее. В игре его мы видим Тихона как существо, которое еще борется с губительным семейным началом ⟨...⟩ Короче сказать, г. Васильев взглянул на Тихона как уже на итог постоянной, незаметной борьбы свободного человеческого начала с отжившим бессмысленным обрядом ⟨...⟩ А г. Мартынов взглянул на Тихона как на существо только готовящееся сделаться итогом гнетущей его борьбы, и потому борьба эта ярче выступает нару-

жу, и порывы человеческого чувства громче и глубже раздаются из груди заживо умирающего человека» («*Оберточный листок*», *1860*, *11 мая*).

С таким мнением не согласился Баженов: «Ролью Кабанова в исполнении г. Мартынова я, признаюсь, удовлетворился не вполне. Безотносительно он, разумеется, был очень хорош; но сравнение с г. Васильевым, по-моему, на этот раз не совсем в его пользу ⟨...⟩ Я не скажу, чтобы оба исполнителя поняли и создали роль Кабанова много иначе ⟨...⟩ Мне кажется, тут все дело в степени и силе воспроизведения и, положа руку на сердце, скажу, что Кабанов — Васильев типичнее, живее, ярче, хотя столько же прост и безэффектен, как и Кабанов — Мартынов. Все, от сцены в первом действии и ловкого выражения: «угадала, брат», которое постоянно покрывается громкими рукоплесканиями, до воя над трупом Катерины,— все у г. Васильева выходит как-то задушевнее, энергичнее и, вместе, художественно верно» («*Театр. и музык. вест.*», *1860*, *№ 21*).

Много позже сравнительную характеристику игры этих двух актеров дал А. А. Стахович: «...вспоминая исполнение ими этой роли, нахожу, что в первых действиях, по целости характера, верности типа купца, манерам, языку, мельчайшим деталям, Сергей Васильев играл лучше. Как сейчас вижу молодого черноволосого купца, не только запуганного, а одеревенелого от самодурства матери и покорного ей до идиотизма ⟨...⟩ Сергей Васильев был изумительно хорош! Зато какое торжество таланта — гения Мартынова был последний акт «Грозы» ⟨...⟩ страшно было глядеть на его помутившиеся, неподвижные серые глаза, слышать его осиплый голос. Было видно, что погиб навсегда человек! ⟨...⟩ Без слез нельзя было смотреть на мучения, которые испытывал Тихон — Мартынов, находясь между страхом и надеждой, жива ли Катерина или нет ⟨...⟩ и, когда внесли утопленницу, раздался раздирающий сердце вопль его: Катя! Катя! — и проклятье матери в словах: — Матушка, вы ее погубили, вы, вы, вы...» (*С т а х о в и ч*, *стр. 301—306*) [1].

25 апреля 1863 г. в роли Катерины впервые выступила Г. Н. Федотова. Артистка стремилась уйти от того мелодраматического образа, который был создан Никулиной-Косицкой, но это ей удалось не сразу, и рецензенты были далеко не единодушны в оценках ее игры. Когда в 1870 г. Федотова с труппой артистов Малого театра выступала в Петербурге, рецензент «Голоса» (*1870*, *14 мая*) писал: «С первых слов видно было, что г-жа Федотова серьезно обдумала свою роль ⟨...⟩ Страстное (в высоком смысле слова) отношение Катерины к делу религии, то глубокое чувство веры, которое сроднилось с нею с детства ⟨...⟩ конечно, составляет главнейшую основу всего ее характера, и эта-то черта уловлена г-жою Федотовой, на ней-то она основала всю роль свою». Но рецензент «Санктпетербургских ведомостей» (*1870*, *14 мая*) остался явно недоволен игрой актрисы: у нее «монотонная певучая дикция», она так много трудилась над ролью, «что выработала себе какую-то вычурную искусственность». в результате чего она «подносит публике каждое слово как на подносе».

---

[1] Стахович обращает внимание на то, что так было только на премьере: «в последующих представлениях «Грозы» эта игра (над трупом жены) не повторялась» (*стр. 307*).

И сама актриса, много позже вспоминая свою игру, говорила «Играю я эту роль смолоду, а только теперь понимаю, как надо ее играть. И совсем я не понимала раньше того, что Катерина — луч света в темном царстве. А надо, чтобы сквозь каждое ее слово, каждое движение где-то проглядывал этот сияющий луч, который стремится прорвать тьму ⟨...⟩ Вот так задумал Катерину Островский, так ее и играть надо» (см. в кн.: *Н. Л. Тираспольская, Из прошлого русской сцены, М., 1950, стр. 51)*.

Лишь значительно позже Федотова сумела создать такой образ Катерины, и выступление ее в Петербурге в 1879 г. было оценено очень высоко: Федотова исполнила «роль Катерины в «Грозе» с таким совершенством в отношении как общей концепции, так и отделки деталей, что привела публику в полный восторг ⟨...⟩ Мы видели г-жу Федотову в той же роли три года назад и нашли, что с тех пор талант ее приобрел еще более зрелости и возмужалости ⟨...⟩ Образ Катерины вылился, таким образом, в ее исполнении с величайшею выдержанностью и глубокою правдою» *(«Голос», 1879, 7 июля)*.

Е. Д. Турчанинова, игравшая в «Грозе» Варвару вместе с Федотовой — Катериной в 1896 г., вспоминала: «Она поразила меня музыкой чудной русской речи, ритмичной, красивой. Именно так должна была говорить женщина той эпохи, той среды, к которой принадлежала Катерина ⟨...⟩ Ее походка, жесты, поклоны, знание своеобразного старорусского этикета, манера держать себя при людях, носить платок, отвечать старшим и т. д.— все это сразу переносило вас в далекое-далекое прошлое и воскрешало картины жестокого старого русского быта» *(«Творческие беседы мастеров театра. А. А. Яблочкина, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова», М., 1932, стр. 51—52)*.

Федотова играла Катерину в Малом театре на протяжении тридцати пяти лет, но 10 июля 1873 г., во время отъезда Федотовой в отпуск, на сцене появилась новая Катерина — М. Н. Ермолова. В одном из писем этого времени актриса писала, что эту роль она сама выбрала и «играла со всей любовью» *(«Письма М. Н. Ермоловой», М., 1939, стр. 33)*.

Рецензент «Будильника» (*1870, № 30*) писал: «Г-жу Ермолову в продолжение спектакля вызывали более десяти раз,— и мы искренне радовались этому торжеству молодого таланта», главная сила которого «заключается в благородной вообще манере игры, в обилии чувства и в неподдельной искренности. Когда вы видите в «Грозе» г-жу Федотову, вы ни на минуту не можете забыть, что перед вами «актриса», даровитая актриса, но не то поэтическое, не от мира сего создание, каким является Катерина ⟨...⟩ В игре г-жи Ермоловой этого нет: ее игра лишена нервозности, проникнута ровностью, спокойствием и какою-то особенною, лишь ей одной присущею, поэтическою прелестью».

Но дело было даже не в художественном мастерстве молодой актрисы. Это была действительно совершенно новая Катерина. Если первая исполнительница этой роли, Никулина - Косицкая, пыталась своей игрой выразить протест человека против сил «темного царства», а Федотова, начав играть Катерину в годы наступившей реакции и общественного застоя, стремилась вызвать прежде всего жалость к Катерине, то у Ермоловой протест героини получил отчетливую демократическую окраску. В полном соответствии с добролюбовской оценкой Катерины и с характерным для Ермоловой стремлением к

героизации исполняемых ею образов она показала уже не искру, а действительно луч света в «темном царстве», и поэтому ее исполнение роли Катерины восторженно принял демократический зритель 70-х годов, особенно революционно настроенная молодежь.

Через три года, при возобновлении спектакля, современник писал, что, слушая поэтический рассказ Катерины — Ермоловой о ее детстве, «зрители забывались, они, действительно, видели не актрису, фигурирующую перед суфлерскою будкою, а настоящую, заправскую Катерину, со всем ярким блеском ее беззаботного прошлого, со всем ужасом ее настоящей кабалы ⟨...⟩ Монолог «А горька неволя, ох, как горька» вышел поразительно красив. Это был уже не грустный вздох измученной души: в этих нескольких прочувствованных фразах ярко блеснул жгучий протест живой души против рабства и кабалы темного царства. Так может крикнуть только человек, живым зарываемый в землю», и у зрителей оставалось отчетливое представление: «Катерина не пойдет ни на какие уступки с жизнью» *(«Спб., вед.», 1876, 29 мая)*.

Наконец, еще одной выдающейся актрисой, при жизни автора исполнившей роль Катерины, была П. А. Стрепетова. Она начала играть эту роль еще в провинции, в 1873 г. исполнила ее в Москве, в Народном общедоступном театре, а 16 декабря 1881 г. впервые выступила в роли Катерины на сцене Александринского театра: «фурор неописанный» — так кратко охарактеризовал этот спектакль автор в письме к М. П. Садовскому *(ПСС, XVI, 28)*. Вспоминая позже о Стрепетовой как актрисе, Островский писал: «Ее среда — женщины низшего и среднего классов общества; ее пафос — простые, сильные страсти; ее торжество — проявление в женщине природных инстинктов, стихийных сил» *(ПСС, XII, 214)*.

Стрепетова отошла от той трактовки роли Катерины, которая стала к тому времени уже традиционной в русском театре. «Главная отличительная черта личности Катерины, насколько мы понимаем,— писал Д. В. Аверкиев,— состоит в глубокой религиозности, соединенной со страстностью натуры ⟨...⟩ Именно эта черта личности Катерины и передается удивительно г-жою Стрепетовою» *(«Новое время», 1882, 2 октября)*.

Известный фельетонист В. М. Дорошевич, вспоминая игру Стрепетовой, писал: «Стрепетова не идеализировала Катерины. Все время ее Катерина возбуждала к себе жалость: пришибленная, мало развитая ⟨...⟩ она создала нам мученицу, русскую женщину. И мы видели это мученичество во всем его ужасе, но и во всей его нетленной красоте» *(В. М. Дорошевич, Старая театральная Москва, М., 1923, стр. 102—103)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 70 раз, в Петербурге — 116 раз (последний спектакль в Москве состоялся 10 ноября 1885 г., в Петербурге — 6 февраля 1886 г).

Стр. 210

«Среди долины ровныя...» — популярная в народе песня на слова А. Ф. Мерзлякова, мелодия Д. Н. Кашина.

Антик — здесь: редкость.

Стр. 212

Коммерческая академия — см. прим. к стр. 14.

Стр. 215

Гербовые листы — см. прим. к стр. 24 — лист гербовой бумаги.

Стр. 216

Перпету-мобиль — искаженное: перпетуум-мобиле — вечный двигатель, создание которого невозможно.

Стр. 226

...враг смущает...— здесь: нечистая сила.

Стр. 240

«*Открылась бездна, звезд полна...*» — из стихотворения М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о божьем величестве».

Стр. 242

«*Как донской-то казак...*» — русская народная песня (см.: *К. П. Вильбоа, 100 русских песен, под ред. Ап. Григорьева, М., 1894, № 11).*

Стр. 244

«*За рекою, за быстрою...*» — русская народная песня (см.: *Сочинения П. И. Якушкина, Спб., 1884, стр. 580).*

Стр. 248

«*Все домой, все домой...*» — русская народная песня (см.: *П. В. Шейн, Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., Спб., 1898, т. I, вып. 1, № 620).*

Стр. 249

«*Гуляй, млада, до поры...*» — отрывок из русской народной песни «Как у наших у ворот» *(см.: Соболевский, т. II, № 517, 523).*

Стр. 252

«*Я телом в прахе истлеваю...*» — из оды Г. Р. Державина «Бог».

Стр. 255

«*С полночных стран встает заря...*» — из указанного выше стихотворения М. В. Ломоносова.

Рацеи — здесь: наставления.

Стр. 257

«*Ночною темнотою покрылись небеса...*» — вольный перевод М. В. Ломоносова из Анакреона, ставший популярной народной песней (см.: *А. В. Терещенко, Быт русского народа, Спб., 1848, ч. II, стр. 393).*

Стр. 259

...в Тяхту... — искаженное: в Кяхту — торговый город в Сибири, на границе с Монголией, в XIX в.— центр торговли с Китаем.

Е. Прохоров

СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1860, № 9, стр. 5—62, с подзаголовком «Картины из московской жизни, в трех действиях» и датой в конце пьесы «17 апреля 1860 г.». Первые четыре явления первого действия и пятое явление до слов Татьяны Никоновны «Пожалуйте, пожалуйте!» включительно были напечатаны до

этого в «Московском вестнике» *(1859, № 29)* под названием «Сцены из неоконченной еще комедии», с небольшими разночтениями по сравнению с окончательным текстом. В позднейших изданиях не было внесено никаких изменений. И в первопечатном тексте и в собраниях сочинений Островский не заметил, что по-разному назвал отчество Олиньки в двух местах первого действия: в третьем явлении Пульхерия Андревна называет ее Ольгой Ивановной, а в пятом явлении Васютин — Ольгой Петровной. Кроме того, в списке действующих лиц второго действия отсутствуют Пульхерия Андревна и Проситель. В настоящем издании в текст пьесы внесены соответствующие исправления.

Островский начал писать пьесу еще до «Грозы»: 31 июля 1859 г. датировано цензурное разрешение № 29 «Московского вестника», в котором помещена большая часть первого действия. Судя по тому, что опубликованный в «Московском вестнике» отрывок не подвергался в дальнейшем никаким существенным изменениям, общий план пьесы к тому времени оформился. Еще к более раннему периоду относится черновой автограф Островского — лист с планами «Старого друга...» и многочисленными записями отдельных реплик *(ГБЛ)*. В июле — начале октября 1859 г. Островский писал «Грозу». На это время работа над «Старым другом...» была, без сомнения, оставлена. Когда Островский возобновил ее — неизвестно; нет никаких данных и для установления дальнейших этапов работы над пьесой, но она была закончена, как явствует из авторской даты, 17 апреля 1860 г. Тогда же Островский отправил ее в редакцию «Современника». 24 апреля Некрасов писал ему: «Комедию Вашу я получил — на 4 кн. (которая завтра уже выходит) она опоздала, в 5-ой кн., а тем паче в 6-й (то есть в летних книжках журнала.— *И. Я.*) ее уже печатать нет расчета. Итак, она остается до 9-й кн. Мы с Добролюбовым ее прочли и нашли, что она в своем роде великолепна — то есть вполне достойна Вашего дарования. Я не желал бы, чтоб она не только игралась, но и ходила в списке до появления ее в «Современнике», поэтому не высылаю Вам копии, но если Вы этого непременно потребуете, то велю списать и вышлю» *(Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. 10, М., 1952, стр. 416)*. Затем Островский на все лето уехал вместе с А. Е. Мартыновым на юг. 28 августа 1860 г. сообщая И. И. Панаеву о своем возвращении в Москву и тяжелом душевном состоянии после смерти Мартынова, Островский, между прочим, прибавляет: «Пьеску я выправил и посылаю вам; сделайте милость, прикажите получше просмотреть корректуру» *(ПСС, XIV, 86)*.

Черновой автограф Островского, о котором упомянуто выше, содержит два плана «Старого друга...» и дает некоторый материал для творческой истории комедии. Первый из этих планов отражает наиболее ранний этап работы. Он выглядит следующим образом:

Сц⟨ена⟩ 1-я. Олинька 1. и мать 2. и Гущина 3. Гущ⟨ина⟩ и мать 4. Олинька и Старик.

Сц⟨ена⟩ 2-ая. Нет. и Гущ⟨ина⟩, пот⟨ом⟩ сын, пот⟨ом⟩ Нет. 2. Гущ⟨ина⟩ и Нет.— Старик. Чиновн⟨ик⟩.

Сц⟨ена⟩ 3-я.

Приведенный план не окончен и перечеркнут. По-видимому, самый объем пьесы был еще Островскому неясен. Из персонажей «Старого друга...» здесь уже фигурируют Олинька и ее мать, Прасковья Андревна Гущина, Васютины (они здесь обозначены: «Нет».) — мать и сын. «Старик», упомянутый в первой и второй сценах,— может

быть, старик Васютин. Кроме того, в плане еще имеется отсутствующий в печатном тексте пьесы «Чиновник». Первые четыре явления первой сцены совпадают по своему составу с этими же явлениями печатного текста. Как и в печатном тексте, первая сцена происходит у Олиньки, вторая — у Васютиных.

Во втором плане пьеса разбита на четыре действия:

Действ⟨ие⟩ 1-ое

Яв⟨ление⟩ 1-е. Куропатк⟨ина⟩. 2. Кур⟨опаткина⟩ и Гущ⟨ина⟩.— 3. Кур⟨опаткина⟩, Гущ⟨ина⟩ и сын.— 4-е. Кур⟨опаткина⟩ и сын. 5. Кур⟨опаткина⟩, сын и [отец] просит ⟨ель⟩. 6. Те же и отец.

Дейст⟨вие⟩ 2.

1. Олинька. 2. Олинька и Т⟨атьяна⟩ Ник⟨оновна⟩. 3. Те же и Гущина. 4. Олинька и Т⟨атьяна⟩ Ник⟨оновна⟩. 6. Олин⟨ька⟩, Т⟨атьяна⟩ Ник⟨оновна⟩ и Куропат⟨кин⟩.

Действ⟨ие⟩ 3.

1. От⟨ец⟩ [. 2. Мать] и сын. 2. От⟨ец⟩ од⟨ин⟩. 3. От⟨ец⟩ и [Куропат⟨кин⟩] Гвоздарев. 4. От⟨ец⟩, мать и сын. 5. Те же и просит⟨ель⟩. 6.[1] От⟨ец⟩, м⟨ать⟩ и Гущина.

Дейст⟨вие⟩ 4.

[1. Олинька одна. 2. Олин⟨ька⟩ и Гущина. 3. Те же и мать. 4. Ол⟨инька⟩ и мать.]. 1. Мать. 2. М⟨ать⟩ и Олинька. 3. Те же и Куропат⟨кин⟩ и прос⟨итель⟩. 4-е . Ол⟨инька⟩ и мать. 5. Те же и Гущ⟨ина⟩. 6. Олин⟨ька⟩ и мать. 7. Ол⟨инька⟩, мат⟨ь⟩, Кур⟨опаткин⟩ и прос⟨итель⟩.

Конец

В этом плане кроме Олиньки и ее матери (названной уже, как в печатном тексте, Татьяной Никоновой), Гущиной, Васютиных (они здесь носят фамилию Куропаткиных) — сына, матери, а также отца — появляется еще Проситель. Из персонажей печатного текста нет только лакея Васютиных Ореста и купца Вавилы Осиповича Густомесова — собутыльника Васютина. В плане Проситель играет гораздо большую роль, чем в печатном тексте пьесы: он фигурирует в первом, третьем и четвертом действиях. Анализ плана убеждает в том, что это лицо совмещало в себе первоначально функции двух персонажей — Просителя и купца Густомесова: так, в четвертом действии он вместе с Куропаткиным (Васютиным) приходит к Олиньке; в заключительной сцене действуют Олинька, ее мать, Куропаткин и Проситель; таким образом, концовка была уже ясна Островскому в тот момент, к которому относится план.

С другой стороны, во втором плане нет Старика. Если предположить, что Старик — это отец Васютина, дело объясняется просто. Нет в этом плане и Чиновника, зато в одном явлении третьего действия появляется некий Гвоздарев, роль которого в пьесе на основании плана установить невозможно. Может быть, это тот же Чиновник, а может быть, первый очерк купца, игравшего сначала эпизодическую роль; если это так, то затем Островский передал ему значительную часть роли Просителя, который в свою очередь стал в печатном тексте эпизодическим лицом, появляющимся только в двух явлениях второго действия и произносящим всего несколько слов.

---

[1] Слова «Те же и проситель» (явл. 5-е) и следующая за ними цифра «6» вставлены позже. В квадратные скобки заключены слова, зачеркнутые Островским.

В некотором отношении первый план ближе к печатному тексту пьесы, чем второй: во втором плане действия переставлены — первое у Васютиных (Куропаткиных), а второе — у Олиньки. При окончательном оформлении замысла второе действие второго плана (у Олиньки) сделано первым, а первое и третье (оба у Куропаткиных — Васютиных) соединены и составили второе; четвертое стало третьим. В первом и третьем действиях были, как можно судить по плану, длинноты и повторения, и Островский устранил их при соединении этих действий. Напротив, сценарий второго и четвертого действий в плане намечен уже совсем отчетливо, а местами и точно совпадает с первым и третьим действиями пьесы.

Слева от первого плана набросан небольшой список действующих лиц:

[Крупицын.]
Густомесов. Куп⟨ец⟩.
Крутолобов [1].
Куропаткин.

Список несомненно составлен после первого плана: слово «Куп⟨ец⟩» вписано сверху, так как справа уже не оставалось места — все было заполнено планом. Но он набросан, очевидно, не только после первого, но и после второго плана. Как и во втором плане, здесь фигурирует Куропаткин, но появился уже отсутствующий в нем купец Густомесов.

Характеризуя на основании изучения планов историю работы Островского над «Старым другом...», Н. П. Кашин писал: «Первоначально, как оказывается, автор задумал комедию в 3 сценах, потом решил ее сделать в 4 действия, даже в 5, но впоследствии снова возвратился к мысли о 3-х действиях». С этим нельзя согласиться, потому что первый план не окончен, в нем не раскрыто содержание даже третьей сцены, и нет достаточных оснований утверждать, что эта сцена должна была быть последней. Предположение о пяти действиях,— по-видимому, плод недоразумения. Дело в том, что над первым планом было вписано, как считает Н. П. Кашин, «V акт». Каково происхождение этой строки — неясно. Но невозможно себе представить, чтобы содержание трех сцен первого плана могло относиться к пятому действию, тем более что само чтение Н. П. Кашиным строки над планом вызывает сомнение (вероятнее — не «V акт», а «I акт»).

На той же странице, где находятся планы, и на обороте ее сделан ряд набросков отдельных реплик и диалогов. Они записаны в разное время — частично, судя по их месту, до того, как был зафиксирован второй план, частично после этого. Возможно, что некоторые из них не имеют отношения к «Старому другу...», во всяком случае, не все нашли себе место в печатном тексте пьесы. Те, что вошли без изменений или в несколько переработанном виде, относятся к разным действиям и к разным персонажам «Старого друга...»,— вложе-

---

[1] Эта фамилия использована в реплике Пульхерии Андревны (3-е явл. 1-го д.): «Возьмемте хоть соседей: у Крутолобых через день драка...» Поэтому не прав Н. П. Кашин, изучивший и опубликовавший — правда, с некоторыми неточностями, — планы «Старого друга...» (*т. 2, стр. 362—364*), утверждая, что из четырех фамилий, упомянутых в списке, «только фамилия Густомесова вошла в печатный текст».

ны в уста Олиньки, Татьяны Никоновны, Пульхерии Андревны, Васютина, купца Густомесова.

По свидетельству А. А. Стаховича, в образе купца Густомесова имеются некоторые черты хорошего знакомого Островского, дяди П. М. Садовского, С. С. Кошеверова; в частности, обычной фразой Кошеверова «Не задерживайте-с!» кончается пьеса *(Стахович, стр. 84)*.

Современники оценили пьесу по-разному.

Резко отрицательно отнеслись к «Старому другу...» либеральные «Санктпетербургские ведомости» и «Русское слово», хотя и перешедшее незадолго до этого в руки Г. Е. Благосветлова, но сохранявшее еще свое весьма неопределенное умеренно-либеральное направление. «Санктпетербургские ведомости» *(1860, 16 октября)*, и раньше не раз недоброжелательно отзывавшиеся об Островском, утверждали, что «Старый друг...» принадлежит к числу его наиболее слабых произведений и что прежние не только комедии и драмы, но и «картины из московской жизни» Островского выше «в отношении к силе, сжатости и оригинальности вымысла». Эта оценка находилась в русле того взгляда, согласно которому литературная деятельность Островского фактически исчерпана и ничего нового он уже сказать не может,— взгляда, с наибольшей откровенностью высказанного в 1859 г. близкими к «Санктпетербургским ведомостям» «Отечественными записками». Газета с пренебрежением отмечала, что «в новой пьесе его на первом плане — пьянство мужчин и перебранки женщин», желая подчеркнуть узость того круга явлений действительности, который интересует Островского, и, говоря современным языком, натуралистические тенденции его творчества. Приведенные слова опять-таки непосредственно связаны с теми упреками в пристрастии к копированию грязных сторон жизни, которые то и дело раздавались во второй половине 1850-х годов по адресу Островского из либерального лагеря («Отеч. зап.», «Атеней»). Пьеса, писал критик «Санктпетербургских ведомостей», «бедна и мыслью и содержанием», а это не может быть компенсировано ни «прекрасным языком» Островского, ни «несколькими меткими выражениями и хорошо придуманными частностями». Наконец, ряд персонажей, по его утверждению, неоригинален: Гущина — «тип до крайности обветшалый, так что самая манера ее выражаться перестала быть оригинальною»; купцов, подобных Густомесову, «мы видели на сцене великое множество»; лакей Васютиных Орест — «нечто вроде гоголевского Осипа».

К отзыву «Санктпетербургских ведомостей» примыкает оценка критика «Русского слова» *(1860, № 11)* В. К. Иванова. Иванов также считал «Старого друга...» самой слабой пьесой Островского; он утверждал, что в ней нет решительно никакой идеи, что комизм ее, заключающийся исключительно в болтовне Пульхерии Андревны и в кульке с вином Вавилы Осипыча,— это «водевильный жиденький комизм» и что самые эти персонажи — «слишком не новые типы, давно уже избитые как самим г. Островским, так и другими писателями». Очень грубо и односторонне охарактеризовал Иванов и центральную героиню пьесы Олиньку, которая будто бы совершенно не любит Васютина и выходит за него замуж «для того только, чтобы сделаться барыней». Герои Островского, по словам критика, лишены всяких человеческих чувств и потому — он относил это не только к «Старому другу...», но ко всему творчеству Островского — не вызывают сочувствия и волнения за их судьбу у читателя и зрителя.

Говоря о том, что «картины» Островского «набросаны так себе, без всякого отношения к какой-либо мысли», он опять-таки считал это не неудачей, а органическим пороком писателя, который якобы «никогда не возвышался до общей художественной концепции».

Статья о «Старом друге...» Вс. Крестовского (*«Светоч», 1861, № 2*). тогда еще радикально настроенного, полемически заострена против рецензента «Санктпетербургских ведомостей». Именно его имел в виду Крестовский, говоря о «неком грозном критике-громовержце», разругавшем пьесу и отметившем лишь одно ее достоинство — прекрасный язык. «Критик-громовержец» заявил, что Орест похож на гоголевского Осипа, тогда как они совсем разные; он совершенно не понял образа Олиньки, отрицая в ней подлинное чувство и не заметив в ней ничего, кроме примитивного стремления выйти замуж. Крестовский высоко оценивал пьесу. Назвав «Старого друга...» «картинами», Островский, по его словам, не придавал ей большого значения и «набрасывал только легкий очерк, но очерк, который, с первого же взгляда кидаясь вам в глаза, показывает творческую, художнически-верную руку мастера». Говоря далее об Островском как о народном поэте, Крестовский развивал мысли, близкие «к почвенничеству», и, в частности, к Ап. Григорьеву. Отношение Островского к изображаемой им действительности он определял следующим образом: «Вся русская жизнь, все то, что присуще русской почве, все то, что носит имя или признак народа, народности 〈...〉 все это находит отклик в душе поэта, находит в нем полную, свободную симпатию к себе, *со всем своим добром и злом, со всеми своими светлыми и темными сторонами*. Островский вскормился, вырос на этой почве, он знает и любит ее» (подчеркнуто мною.— *И. Я.*). Крестовский повторял также обычные для почвенников рассуждения о купечестве, в котором более чем в других сословиях, оторванных петровской реформой от родной почвы, сохранились «основы русского человека и русской жизни».

«Современник», где «Старый друг...» был напечатан, не имел возможности подробно высказать о нем свое мнение. Однако его точка зрения выражена все же в фельетоне И И. Панаева в связи с постановкой пьесы на сцене Александринского театра *(1860, № 10)*. «Мы знаем,— писал Панаев,— что наше мнение покажется странным тем джентльменам, которые полагают, что сфера г. Островского узка, ограниченна и для которых весь мир заключается только в образованной и высшей среде. Мы не будем спорить с такими джентльменами, потому что между нашим и их взглядом на жизнь и на искусство нет ничего общего». Отсюда вытекает и оценка «Старого друга...»: «Новое произведение г. Островского, которое не может нравиться таким господам, открывает перед нами еще один грязный уголок чиновников-подьячих и бедных швей. Оно оканчивается весело, попойкой и браком, но это благополучное окончание производит тяжелое и грустное впечатление на мыслящего читателя или зрителя». По словам Панаева, «с глубокою тонкостию и верностию очерчено г. Островским в его «Старом друге» лицо Олиньки... Это 〈...〉 лучшее лицо комедии, не исключая и Пульхерии Ивановны (описка Панаева: вместо «Андревны».— *И. Я.*), на которой движется вся пьеса и которая мастерски изображена автором; но таких лиц уже пытались не раз изображать наши авторы более или менее удачно. Писателю, как г. Островский, ничего не стоило изобразить типически Пульхерию Ивановну; с Олинькой справиться было гораздо труднее, и именно в выполнении этого характера по

преимуществу обнаруживается сила таланта г. Островского. Олинька, по нашему мнению, принадлежит к удачнейшим женским характерам г. Островского». Для понимания образа Олиньки существенно замечание Панаева о трудностях, возникающих при его сценическом воплощении; они заключаются, по его словам, в том, что легко можно «впасть или в идеализацию, или в грубость и сделать из Олиньки что-нибудь похожее на Варю в «Грозе». По поводу того, что Островский скромно назвал свою пьесу «картинами московской жизни», Панаев писал: «В строгом, классическом смысле это действительно не комедия; но мы, не имеющие никакого сочувствия к старинным кодексам изящного, десятки строгих, по классической мерке, комедий променяли бы на эти картинки, так мастерски набросанные, так поразительно верные натуре».

К оценке Панаева в известной мере примыкает отзыв А. Н. Плещеева в газете «Московский вестник» *(1860, 2 октября)*. Плещеев утверждал, что это «одна из самых удачных вещей даровитого автора «Грозы». Может быть, у г. Островского найдутся пьесы более серьезные по содержанию и затрогивающие разные общественные вопросы; но едва ли можно назвать хоть одну, в которой бы было более художественной правды, чем в этой. Вообще г. Островский великий мастер в воспроизведении народных типов; и ни у кого из наших писателей нет такого уменья подмечать самые тонкие психологические черты ... В особенности удаются ему женские характеры». Наибольшей удачей «Старого друга...» Плещеев, как и Панаев, считал образ Олиньки и дал ему аналогичную характеристику. Олинька — «верный тип, прямо выхваченный из действительности», в нем нет «ни одной фальшивой нотки, ни тени идеализации». С другой стороны, «в ее грубых, порой даже циничеких речах вы все-таки видите любящую натуру, не дурную, не испорченную, а только не развитую, смотрящую на вещи с своей точки зрения и не изменяющую ни на минуту своим понятиям ⟨...⟩ Она вся перед вами, с своими дурными и хорошими сторонами». Кроме Олиньки Плещеев высоко оценивал и ряд других персонажей «Старого друга...», в частности лакея Ореста, который «бесподобен»; он не только «чрезвычайно верен, это совсем новый тип». Орест, по мнению Плещеева, непохож ни на Осипа из «Ревизора», ни на Захара из «Обломова», но «не уступит им обоим по верности изображения». Именно это место статьи вызвало противоположное утверждение «Санктпетербургских ведомостей» о неоригинальности образа Ореста, якобы повторяющего гоголевского Осипа. Как большое достижение пьесы Плещеев отметил мастерский диалог, с которым можно сопоставить, по его словам, только диалог комедий Гоголя.

10 сентября 1860 г. «Старый друг...» был одобрен к представлению Театрально-литературным комитетом, а 18 сентября — театральной цензурой. При этом цензор Нордстрем вычеркнул из реплики Васютиной (д. II, явл. 3) слова о пьянстве чиновников: «Много вашего брата по кабакам-то шляется» *(Н. А. Пыпин, А. Н. Островский в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского.— «Театральное наследие», сб. 1, Л., 1934, стр. 147)*.

10 октября 1860 г. «Старый друг...» был впервые поставлен в Петербурге на сборном спектакле в пользу семьи А. Е. Мартынова. Роли исполняли: Татьяна Никоновна — П. К. Громова, Олинька — Ф. А. Снеткова (Снеткова 3-я), Гущина — Ю. Н. Линская, Васю-

тин-сын — А. М. Максимов (Максимов 1-й), Васютин-отец — П. И. Зубров, Анфиса Карповна — Е. А. Сабурова, Густомесов — Ф. А. Бурдин, Орест — И. Ф. Горбунов, Проситель — В. Р. Шемаев.

Многие современники с большим одобрением отнеслись к спектаклю. «Прекрасная пьеса эта превосходно была разыграна»,— писал Д. Д. Минаев *(«Светоч», 1860, № 10)*. См. также: *«Сев. пчела», 1860, 15 октября.*

Но исполнение главной роли вызвало разноречивые, даже противоположные отзывы. Очень высоко оценил игру Снетковой И. И. Панаев. Отметив, что «легко можно было впасть или в идеализацию, или в грубость», он писал, что Снеткова избежала того и другого. «Почти ни одной фальшивой ноты не было слышно в голосе г-жи Снетковой 3-й; она воспроизвела эту роль тонко, просто, верно, без малейшей фальшивой сценической идеализации». Того же мнения придерживался рецензент «Северной пчелы»: «Роль Олиньки вполне удалась г-же Снетковой, которая доказала еще раз созданием этого типа необыкновенный талант и глубокое понимание сцены».

Напротив, «Санктпетербургские ведомости» *(1860, 16 октября)*, «Русский мир» *(1860, № 80)* и «Сын отечества» (М. Р.⟨аппопорт⟩, *1860, № 42)* считали роль Олиньки неудачей Снетковой. Она, утверждали «Санктпетербургские ведомости», играет по-своему хорошо, но «не олицетворяет типа, выведенного автором: г-жа Снеткова слишком благородна, нежна и женственна», между тем как Олинька — «бойкая и не слишком деликатная кокетка». «Русский мир» находил, что в игре Снетковой, «как и всегда, недоставало типичности». По словам Ф. А. Бурдина, Снеткова «часто сбивалась на барышню» *(Б у р д и н, стр. 8;* здесь по ошибке напечатано «Ситникова», а не «Снеткова»).

Когда «Старый друг...» был поставлен в 1863 году в бенефис Бурдина, игравшая Олиньку М. А. Спорова не удовлетворила рецензента «Санктпетербургских ведомостей» *(1863, 8 декабря)* В. Александрова (В. Крылова) по другой причине. Сославшись на мнение Панаева, что, играя Олиньку, «легко впасть в грубость», он писал, что у Споровой так и получилось — «она старалась выказать мещанство роли угловатыми и разбитными манерами и говорила скороговоркой и грубым тоном».

Высокую оценку получила игра Линской. Она играла Гущину «безукоризненно» (Панаев), «блистательно» *(«Рус. мир»)*, «бесподобно» (Бурдин), «мастерски» (*«Сын отечества»*). Положительно отнеслась критика к Бурдину в роли купца Густомесова (Панаев, *«Рус. мир.», «Сын отечества»)*.

И все же в Александринском театре при жизни Островского «Старый друг...» шел всего 9 раз (последний спектакль состоялся 2 июля 1876 г.).

В Москве, на сцене Малого театра, пьеса была поставлена через несколько дней после Александринского — 14 октября 1860 г., в бенефис Е. В. Бороздиной (Бороздиной 2-й). Здесь роли исполняли: Татьяна Никоновна — С. П. Акимова, Олинька — Е. В. Бороздина (Бороздина 2-я), Гущина — В. В. Бороздина (Бороздина 1-я), Васютин - сын — П. В. Востоков, Васютин-отец — П. Г. Степанов, Анфиса Карповна — Н. В. Рыкалова, Густомесов — П. М. Садовский, Орест — В. И. Живокини, Проситель — Львов.

О московской постановке писал А. Н. Баженов (*«Искусство», 1860, № 3*). По его мнению, Бороздина 2-я в роли Олиньки «была очень хороша. Довольно верно передала она личность невоспитанной, но умной и честолюбивой девушки, девушки — себе на уме, наделенной от природы твердостью воли и даже некоторым тактом». «Необыкновенно хорошо поняла и исполнила довольно трудную роль Татьяны Никоновны» Акимова. «Борьба чувства материнской любви и нежности с боязнью за падение дочери выразилась у нее ясно и верно; легко и искусно переходила она от ласк к угрозе 〈...〉 словом, она не упустила ни одного оттенка в своей роли». Но прямо-таки восторженно отозвался Баженов о Садовском: «Говорить об исполнении г. Садовским роли Густомесова значило бы разобрать от слова до слова всю роль его 〈...〉 Исполнение это было верх комического совершенства, каждое слово решительно отчеканивалось им, а невозмутимое хладнокровие, с которым отпускал он самые уморительные прибаутки и балагурства 〈...〉 было поразительно». Не все удовлетворило критика в исполнении Бороздиной 1-й. Хорошо передав сварливость, злость и мелочность Гущиной, артистка «забыла, кажется, что она в то же время чиновница, кичащаяся своим благородством, и не сумела выразить ту тонную важность и сознание собственного мнимого достоинства, которыми обыкновенно бывают переполнены дамы вроде Гущиной».

В 1879 году впервые в роли Гущиной выступила О. О. Садовская. П. Д. Боборыкин отметил ее «несомненный талант» и предсказывал ей как артистке «на характерные, бытовые роли» прекрасное будущее. «Кумушка, изображенная ею,— писал он,— только и делает что перебранивается, но, несмотря на однообразие впечатления, г-жа Садовская сумела каждый раз быть забавной. У ней много комических оттенков в разговоре. Московским разночинским жаргоном она владеет замечательно хорошо» (*«Рус. вед.», 1879, 24 октября*).

В Малом театре при жизни Островского «Старый друг...» шел 49 раз (последний спектакль состоялся 16 февраля 1886 г.).

Дважды сам Островский исполнял роль купца Густомесова в любительских спектаклях. Первый раз это было 15 октября 1860 г. в Красноворотском театре, организованном приятелем драматурга, мужем его сестры Н. И. Давыдовым (см. *«Театральный дневник» Н. А. Дубровского в кн.: «Восп.», стр. 347)*; шло только второе действие»; по утверждению Л. Р. Когана (*«Летопись жизни и творчества А. Н. Островского», 1953, стр. 107)*, дата в дневнике Дубровского «15 сентября» — явная описка. Во второй раз Островский выступал в той же роли 15 декабря 1863 г. в спектакле Московского кружка любителей драматического искусства.

Стр. 268

«Я тиха, скромна, уединенна»...— несколько измененные строки романса Сандрильоны из оперы того же названия; см. «Сандрильона. Волшебная опера в трех действиях, переведенная с франц. Аристархом Лукницким. Музыка сочинения г. Штейбельта» (*Спб., 1816, стр. 23)*. Указание И. Н. Розанова на А. А. Шаховского как на автора этого романса, а именно на его оперу «Любовная почта» (1806) (*«Песни русских поэтов», Л., 1936, стр. 191 и 599; «Русские песни XIX века», М., 1944, стр. 207)*, неверно, эта ошибка повторена В. Е. Гусевым в сб. «Песни и романсы русских поэтов» (*Л., 1965,*

стр. 519). Между тем в «Любовной почте» такого романса нет. Романс этот, с некоторыми изменениями, неоднократно включался в песенники.

Иван Яковлич — московский юродивый и «прорицатель» И. Я. Корейша.

Стр. 276
Бурнус — род женского пальто в виде накидки.

И. Ямпольский

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ!

Впервые опубликовано в журнале «Библиотека для чтения», 1861, № 3, стр. 1—39.

Рукописные источники:

Черновой автограф и писарская копия с него *(ГБЛ)*.

Печатается по тексту журнала «Библиотека для чтения» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 321, строки 43—44
«Что тут спорить-то» *вместо* «Что тут споришь-то».

Стр. 323, строка 37
«во объятия к тому» *вместо* «в объятия тому».

Стр. 333, строки 20—21
«спосылать» *вместо* «посылать».

Стр. 338, строка 16
«вы за этим» *вместо* «за этим».

Стр. 338, строка 43
«коли знаешь» *вместо* «послушаем».

Стр. 339, строка 28
«Только жаль, что» *вместо* «Только, что».

Стр. 340, строки 31—32
«еще гораздо больше» *вместо* «гораздо больше».

Стр. 341, строка 17
«Ну, что ж, пойдем» *вместо* «Ну, уж пойдем».

Комедия «Свои собаки...» является второй частью трилогии о Бальзаминове. Она писалась зимой 1860 /61 г.: «К февральской книжке я на твою пьесу рассчитываю»,— писал автору А. Ф. Писемский, редактировавший «Библиотеку для чтения» *(«Неизд. письма», стр. 382)*, и просил поскорее прислать хотя бы заглавие ее для объявления *(там же, стр. 383)*. Но к сроку Островский не успел закончить пьесу, и Писемский писал ему: «Как ты не подрезал меня, друг сердечный, но во всяком случае, бога ради, не насилуй себя и не торопись и только, по крайней мере,— к мартовской-то книжке изготовь» *(там же, стр. 384)*. В мартовской книжке журнала пьеса действительно была опубликована.

Между черновой рукописью, писарской копией с нее и первопечатным текстом есть только незначительные разночтения.

Осенью 1861 г. пьеса вместе с третьей пьесой о Бальзаминове — «За чем пойдешь, то и найдешь» — поступила в Театрально-литературный комитет, и первоначально обе пьесы были им отклонены (см комментарии к пьесе «За чем пойдешь...»), но позже пьеса «Свои собаки...» была одобрена комитетом (*«Неизд. письма», стр. 671).*

Комедия отдельных критических отзывов не вызвала: все отнеслись к ней как к легкой, проходной пьесе. А. Н. Баженов в «Беседах о театре» в уста своего собеседника вложил такие высказывания о пьесе: «...скоро, кажется, и на пьесы Островского ходить в театр не буду. Что за интерес просмотреть большой трехактный водевиль без куплетов, и, как водится в большей части водевилей, без мысли, который вдобавок еще выдают мне за что-то капитальное». Далее собеседник утверждает, что это «водевиль, и к тому же еще наполовину заимствованный» с французского: «Потрудитесь-ка оглядеть повнимательнее с ног до головы хоть двух главных героев пьесы: Бальзаминова и Устрашимова. Не знаю, как вам, а мне они давным-давно знакомы 〈...〉 А уж о завязке хоть и не говорить: битая-перебитая». Завершая этот разговор, собеседник объясняет, почему он так беспощаден к Островскому: «...я признаю в нем большой талант, люблю его и не могу без досады смотреть, как он тратится без толку на пустяки». Собеседник подчеркивает: «...последние пьесы Островского, или, как он их называет, сцены из московской жизни, вовсе не междуделье, а самое дело, поглощающее, по-видимому, все внимание художника; это отнюдь не эскизы, а тщательно отделанные картинки; с особенною любовью останавливается автор на каждом действующем лице своих сцен и вытачивает их (именно вытачивает) с педантическою аккуратностью» (*«Развлечение», 1862, № 5).*

Рецензент «Современной летописи» *(1861, № 4)* Н. С. Назаров также был недоволен комедией: хотя «типы схвачены с натуры очень живо», а нравы «выставлены очень верно и рельефно», все же пьеса, по его мнению, «довольно грязна и нет в ней ни содержания, ни драматического движения». Тем не менее рецензент находил возможным дать автору «совет»: слить все три пьесы о Бальзаминове в одну и «переработать в хорошенькую комедийку! От этого выиграли бы непременно и литература, и сцена, и сам г. Островский».

Впервые пьеса была поставлена в Москве, в Малом театре, 27 октября 1861 г., в бенефис С. П. Акимовой. Роли исполняли: Бальзаминова — Н. В. Рыкалова, Бальзаминов — А. А. Рассказов, Красавина — С. П. Акимова, Антрыгина — Л. П. Никулина-Косицкая, Пионова — Е. В. Бороздина (Бороздина 2-я), Устрашимов — В. А. Дмитревский, Матрена — Е. Г. Рябова (Рябова 2-я), Маша — М. И. Легошина (Легошина 2-я).

Баженов возмущался: «Что это дался г. Островскому его несчастный Бальзаминов? Вот уж, казалось бы, игра не стоит свеч! Между тем автор остановился на нем особенно внимательно и проводит его сквозь строй обстоятельств, а мы присутствуем при этой экзекуции и недоумеваем 〈...〉 Г-н Рассказов, исполнявший роль Бальзаминова, местами непозволительно фарсил и был приторно тривиален 〈...〉 Г-жа Косицкая была очень мила в роли Антрыги-

ной; особенно понравилась мне простота, с которой отнеслась она к этой роли. Со вкусом, но просто оделась она в небогатое кисейное платье, незатейливо причесала волосы, а не расфрантилась и не расчесалась по моде, как сделала это г-жа Бороздина в роли Пионовой 〈...〉 С ролью Устрашимова хорошо справился г. Дмитревской 〈...〉 Бенефициантка по-прежнему бойко сыграла роль свахи Красавиной, только была слишком молода для нее 〈...〉 Благодаря ровному, хорошему исполнению и блесткам таланта г. Островского, новые сцены его смотрятся легко и не без интереса, а некоторые места их возбуждают единодушные взрывы рукоплесканий» *(«Моск. вед.», 1861, 16 ноября)*.

В Петербурге премьера состоялась 3 ноября 1861 г., в бенефис Ю. Н. Линской. Роли исполняли: Бальзаминова — П. К. Громова, Бальзаминов — И. Ф. Горбунов, Красавина — Н. П. Воронова, Антрыгина — Ю. Н. Линская, Пионова — А. П. Прокофьева, Устрашимов — П. С. Степанов, Матрена — Волкова 1-я, Маша — Е. Н. Федорова (Федорова 2-я).

Против спектакля, а точнее — против самой комедии, резко выступил один из членов Театрально-литературного комитета, голосовавший против одобрения ее,— А. Г. Ротчев. В статье, подписанной буквой «Р.», он писал: «Нам случалось видеть падение комедий, трагедий, водевилей, трилогий, пословиц и сцен, но такого падения мы никогда еще не видали. Ни одна рука не хлопнула, ни один рот не шикнул во все представление; публика разошлась при гробовом молчании. Факт, конечно, грустный, но есть и утешительная сторона в этом явлении: наша отечественная публика уразумевает наконец, что не известность, не громкое имя, не поговорки и не прибаутки свах и гостинодворцев составляют достоинство драматических произведений. В добрый час!» *(«Сев. пчела», 1861, 18 ноября)*.

С отповедью Ротчеву выступил И. Ф. Горбунов. В своем письме в редакцию, процитировав приведенные выше строки Ротчева, он писал: «Возражаем на эти строки словами Подхалюзина: «Ничего этого не было! Это ему, должно быть, во сне приснилось». Действительно, г. Р., вам это или во сне приснилось, или вы не были в театре в бенефис г-жи Линской, или вам просто захотелось уязвить новое представление г. Островского. Так или иначе, но вы поступили опрометчиво 〈...〉 Ничего подобного не было! Публика смеялась, аплодировала и вызывала исполнителей 〈...〉 Наконец, пьеса была дана не один раз; следовательно, она не упала. Видно, г. Р., вы за что-нибудь чересчур уже сильно вознегодовали на человека как литератора, что так невыгодно отозвались о его произведении 〈...〉 Полноте, г. Р. Публика лучше вас понимает достоинство и значение Островского; она давно уразумела, что не рыцари тумана, не фокусники, одуряющие голову и оскорбляющие эстетическое чувство, составляют наш драматический фонд» *(«Сев. пчела», 1861, 2 декабря»)*.

Автору же Горбунов писал: Федоров «вам напакостил при постановке «Свои собаки...». После «Отца семейства» дали какой-то паршивый водевиль. а вашу пьесу поставили в конец; но, при всем его желании, пьеса не упала, мы ее играли уже три раза; во второе представление вызывали автора; Степанов был в Устрашимове очень недурен; Линская была из рук вон плоха; про себя я скажу по совести: в первый раз я законфузился и играл не смело, во второй раз, начиная с чтения письма Устрашимова. и до конца пьесы получал одобрение. За первый акт вызывали меня одного. За второй — меня и Воронову» *(«Неизд. письма», стр. 672)*.

Но спектакль в целом не получил положительной оценки и у рецензента «Санктпетербургских ведомостей» *(1861, 12 ноября)*: «...пьеса не в состоянии выдержать даже снисходительную критику и совершенно упала на сцене, хотя и разыграна была весьма старательно всеми артистами». Одобрительно отнесся рецензент только к образу Устрашимова: «В новом произведении г. Островского есть только одна личность, сколько-нибудь интересная, да и то потому, что ее превосходно изобразил на сцене г. Степанов,— личность дюжего парня Устрашимова с разбойнической наружностью и энергическим характером».

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла всего 4 раза, в Петербурге, в Александринском театре, — 33 раза (последний спектакль в Москве состоялся 15 мая 1863 г., в Петербурге — 11 января 1872 г.).

Стр. 316
Рогожская, Лефортово — окраинные районы Москвы.

Стр. 318
...атанде-с — подождите (от франц.— attendez).

Стр. 332
Собрание — купеческое собрание, клуб московского купечества.

Стр. 334
Сокольники — парк в Москве, место народных гуляний.

Стр. 335
Чистые пруды — бульвар и пруды в Москве.

Стр. 337
Авантажный — производящий впечатление, видный.

Стр. 339
«*Льются слезы, дух мятется...*» — романс конца XVIII в. (см. «*Приятное и полезное препровождение времени*», *Спб., 1795, ч. VI, стр. 30)*.

«*Пастух, ищущий своей пастушки*» — романс (см. «*Новейший всеобщий и полный песенник*» *в двух частях, М., 1817, ч. 1, стр. 39.* Здесь к заголовку дается помета, приводимая Бальзаминовым: «Голос нежный»).

«*Злой пастух...*» — романс конца XVIII в. *(см.* «*Весельчак на досуге*», *Спб., 1797, ч. II, № 283)*.

Е. Прохоров

ЗА ЧЕМ ПОЙДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ (ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА)

Впервые опубликовано в журнале «Время», 1861, № 9, стр. 5—49.

Рукописные источники:

Авторизованная театральная копия *(ММТ)*.

Печатается по тексту журнала «Время» со следующими основными исправлениями по авторизованной копии:

Стр. 349, строка 44
«городишь» *вместо* «говоришь».

Стр. 350, строки 16—17
«Впрочем, я не унываю. Этот сон, маменька, не даром» *вместо* «А все-таки, маменька, я не унываю. Этот сон...» *(исправлено в авторизованной копии рукой Островского)*.

Стр. 353, строка 18
«всем так» *вместо* «всем вам».

Стр. 361, строка 10
«красавица ты моя» *вместо* «красавица моя».

Стр. 371, строка 14
«показано лазить по заборам» *вместо* «показано по заборам».

Стр. 373, строка 26
«Пойдемте все» *вместо* «Пойдемте».

Стр. 377, строки 8—9
«я на воротах прочел, что она Белотелова» *вместо* «я фамилию на воротах прочел» *(исправлено в авторизованной копии рукой Островского)*.

Третья комедия из трилогии о Бальзаминове была закончена в первой половине августа 1861 г.: 16 августа Островский сообщил П. С. Федорову, что на днях высылает комедию в Театрально-литературный комитет *(ПСС, XIV, 89)*, а около 20 августа отправил ее для опубликования в журнал братьев Достоевских «Время». 14 сентября М. М. Достоевский сообщил автору: «Ваши «сцены», за которые приношу Вам большую благодарность, уже отпечатаны. Цензура обошлась с ними самым почтительным образом — не выкинула из них ни слова. Корректуру держал я, и, надеюсь, Вы будете довольны» *(«Неизд. письма», стр. 97)*.

Отсылая комедию в журнал, Островский обратился к Ф. М. Достоевскому с письмом: «Милостивый государь Федор Михайлович. Посылаю Вам пьеску, которую обещал для Вашего журнала. Нездоровье помешало моей работе, и я кончил ее позже, чем желал бы. Когда прочтете эту вещь, сообщите мне в нескольких строках Ваше мнение о ней, которым я очень *дорожу*. Вы судите об изящных произведениях на основании вкуса; по-моему, это единственная мерка в искусстве 〈...〉 Еще просьба, прикажите получше смотреть корректуру» *(ПСС, XIV, 89—90)*.

Достоевский ответил: «Вашего несравненного Бальзаминова я имел удовольствие получить третьего дня, и тотчас же мы, я и брат, стали читать его. Было и еще несколько слушателей — не столько литераторов, сколько людей со вкусом неиспорченным. Мы все хохотали так, что заболели бока. Что сказать Вам о Ваших «сценах»? Вы требуете моего мнения совершенно искреннего и бесцеремонного. Одно могу отвечать: прелесть. Уголок Москвы, на который Вы взглянули, передан так типично, что будто сам сидел и разговаривал с Белотеловой. Вообще эта Белотелова, девицы, *сваха*, маменька и, наконец, сам герой — это до того живо и действительно, до того *целая* картина, что теперь, кажется, у меня она вовек не потускнеет в уме. Капитан только у Вас вышел как-то частнолицый. Только верен действительности и не больше. Может быть, я не разглядел с первого чтения. Разумеется, я Вашу комедию прочту еще пять раз.

Но из всех Ваших свах — Красавина должна занять первое место ⟨...⟩ Кстати: некоторые из слушателей и из слушательниц Вашей комедии уже ввели Белотелову в нарицательное имя» *(Ф. М. Достоевский, Письма, т. I, М., ГИЗ, 1928, стр. 306)*.

Сразу после опубликования комедии положительные отзывы о ней появились и в периодической печати. Так, рецензент «Светоча» (Ап. Григорьев?) свой отзыв заканчивал следующими словами: «Неудержимый смех одолевает читателя почти с первых слов пьесы и не умолкает до самого конца ее, а между тем, за этим видимым смехом стоят если не гоголевские невидимые слезы, то все-таки невеселые мысли. Эти богатые и глупые невесты, эти огромные капиталы, за которыми гоняются Чебаковы и Бальзаминовы, этот добродушный разврат, тупоумие и полное отсутствие всяких нравственных начал в героях и героинях пьесы — все это плоды застоя и неподвижности коренных русских людей» *(1861, № 10)*.

Но далеко не так благосклонно принята была комедия Театрально-литературным комитетом. 23 сентября 1861 г. Комитет рассмотрел ее и принял решение: «При слушании этой пьесы между членами комитета произошло разногласие: три голоса оказались в пользу пьесы, семь — против. Не одобряется к представлению» *(«Просв.», т. III, стр. 467)*. Надпись об этом решении комитета сохранилась на авторизованной копии. Об этом же И. Ф. Горбунов сообщил автору: «...во едину от суббот (две недели назад) распространился слух, что пьесы Ваши забракованы литературным комитетом», через несколько дней «распространился другой слух, что пьесы будут рассматриваемы вновь ⟨...⟩ Теперь все кончилось: одна пьеса пропущена («Свои собаки грызутся, чужая не приставай!».— *Е. П.*), другая, «За чем пойдешь», забаллотирована. Против пьесы шли Краевский с компанией, за пьесы: Яблочкин, Василько-Петров и Фролов. Зубров шел против ⟨...⟩ Григорьев, Каратыгин, Маль [1] — против. Федоров — и нашим и вашим, как всегда. Сначала запретили обе пьесы, но Яблочкин с Фроловым одну («Свои собаки») отстояли. Прения происходили три заседания» *(«Неизд. письма», стр. 670—671)*.

Возмущенный таким решением комитета, Островский 26 октября 1861 г. написал П. С. Федорову: «Давно я слышал, что пьеса моя «За чем пойдешь...» забракована Комитетом, но не верил этому, как делу совершенно невероятному. Теперь эти слухи подтвердились ⟨...⟩ И по моему собственному убеждению, да и по отзыву людей, наиболее заслуживающих доверия, эта пьеса нисколько не хуже других моих пьес, пропущенных Комитетом ⟨...⟩ Из всего этого, при самом беспристрастном взгляде, можно вывести только одно заключение и именно явное недоброжелательство ко мне Комитета ⟨...⟩ Поверьте, что этот поступок Комитета оскорбителен не для одного меня в русской литературе, не говоря уже о театре. Так как гласно протестовать против решения Комитета я не могу, то у меня остается только одно: отказаться совершенно от сцены и не подвергать своих будущих произведений такому произвольному суду» *(ПСС, XIV, 91—92)*.

Узнав о провале пьесы в Комитете, Н. А. Некрасов писал Островскому: «Я ⟨...⟩ надеялся добиться толку от Сабурова (директора императорских театров.— *Е. П.*), которому изъяснил дело о проделке с Вами театр⟨ального⟩ комитета. Саб⟨уров⟩ принял Вашу

---

[1] В издании ошибка: следует — Манн.

сторону ⟨...⟩ вразумившись, что дело сделано подлое, обещал его переделать, да вот и не делает ничего» *(Некрасов, X, 462)*.

Решение Комитета стало известно и литературной общественности. В журналах и газетах появились статьи в защиту драматурга и с резкой оценкой деятельности Комитета в целом. В журнале «Гудок», например, Театрально-литературный комитет был назван «обществом людей, нисколько не знакомых ни с искусством, ни с русской сценой, ни с ее условиями и требованиями» *(1862, № 40)*, что он «составлен из таких лиц, которым доверять не имеет никакого уважительного основания ни образованная часть нашей публики, ни литературный кружок, ни артисты. Составляющие его личности весьма мало известны как эстетики и литературные критики; между тем, обязанность их — оценять *на жизнь* или *смерть* произведения самой высшей литературной формы» *(1862, № 42)*. Мнение «Гудка» поддержали и другие органы печати. Так, в «Искре» *(1861, № 44)* В. С. Курочкин (под псевдонимом В. С. Знаменский) с возмущением писал: «...последние сцены А. Н. Островского «За чем пойдешь, то и найдешь», напечатанные в журнале «Время» и понравившиеся всей грамотной публике, признаны никуда не годными некоторыми ценителями искусства, аматерами. Что это за люди, откуда они вышли и куда идут? Ничего этого мы не знаем, но уверены, вместе с читателями, что мнение каких-нибудь Митрофанов Ивановичей, Назаров Назаровичей, Павлов Степановичей, Андреев Александровичей, Александров Гавриловичей, Петров Ильичей, Ивановичей, Андреичей и всех других ничтожно перед общим мнением людей, понимающих искусство». Приведенные здесь имена — не случайный набор: кроме первых двух, это имена и отчества членов Театрально-литературного комитета — П. С. Федорова, А. А. Краевского, А. Г. Ротчева, П. И. Юркевича, П. И. Зуброва, П. А. Каратыгина, голосовавших против пьесы.

Решительно выступил в защиту комедии рецензент «Времени» *(1862, № 10)*, скрывшийся под псевдонимом Ч. Комитетский (по всей вероятности, это Ап. Григорьев): «Последняя комедия г. Островского так хороша, что едва ли не одно из лучших его произведений, и на сцене имела бы успех громадный; ее и читать-то нельзя, не умирая со смеху. Отчего же ⟨...⟩ этой комедии нет на сцене?»

После того как Комитет, по выражению Ф. А. Бурдина, «отлупили» *(Бурдин, стр. 13)*, пьеса вновь поступила на рассмотрение, и 17 ноября 1862 г. Комитет принял решение, в котором говорилось, что хотя комедия в 1861 г. не была одобрена, «с того времени по распоряжению театрального начальства русский репертуар разделен между двумя сценами, Мариинскою и Александринскою, на которой предполагается давать пьесы, удовлетворяющие вкусу менее взыскательной части публики. Принимая это в соображение и имея в виду бедность репертуара Александринской сцены, Комитет, хотя и не признает большого сценического и литературного достоинства в пьесе г. Островского, но так как автор приобрел известность и, следовательно, отвечает за свое произведение, то Комитет большинством шести голосов против четырех и решается допустить комедию к представлению на Александринской сцене» *(«Вест. Евр.», 1916, № 10)*.

Вместе с тем нельзя не отметить, что немалая часть критики выступала и с отрицательными отзывами о комедии. Имея в виду две предшествующие пьесы о Бальзаминове, рецензент «Голоса» *(1863, 6 января)* писал: «Высказав наше уважение к таланту г. Островского,

мы выскажем откровенно, что всю названную трилогию о Бальзаминове считаем слабою, недостойною автора «Свои люди — сочтемся», «Грозы» и проч. ⟨...⟩ В девяти актах, посвященных похождениям Бальзаминова, нет ни мысли, ни содержания; героем этих девяти актов избран человек, которого никто иначе не называет, как дураком. Какой же интерес могут представлять похождения такого человека?»

В 1875 г. Н. В. Шелгунов в большой статье об Островском, подписанной псевдонимом «Н. Языков», писал: «Трудно понять, почему этот ничтожный мир человеческой пошлости мог вызвать целую эпопею на тему всех случайностей, какие постигали Бальзаминова в поисках за невестой ⟨...⟩ Мы не отрицаем в г. Островском права давать картины подобного быта, но зачем же их рисовать во всю стену, когда то же самое, но в сжатом и сокращенном виде было бы совершенно достаточно и подействовало бы на читателя гораздо сильнее» *(«Дело», 1875, № 2)*.

Восторжествовало в конце концов иное мнение. В статье, посвященной памяти драматурга, Д. В. Аверкиев писал: «...я твердо убежден, что одна из его комедий ⟨...⟩ а именно «Женитьба Бальзаминова», чем дальше, тем более и более станет возвышаться в общем мнении. Вы спросите, на чем основано такое предположение? На том, что Бальзаминов не просто бытовой тип, а характер; несмотря на его видимую пустоту и ничтожность, мы все по временам бываем Бальзаминовым, точно так же, как Хлестаковым. Что такое Бальзаминов? Ничтожество, мнящее о себе высоко ⟨...⟩ По этой настойчивости в исканиях, оправданием коих служит единственно надутое себялюбие, даже самообожание, возведение своего ничтожненького «я» в идеал,— Бальзаминов истый сын нашего века, столь богатого оскорбленными в своем самолюбии искателями права на блаженство на земном шаре» *(Д. В. Аверкиев, Дневник писателя, 1886, июнь — август, стр. 251)*.

Премьера спектакля состоялась в Александринском театре 1 января 1863 г. Роли исполняли: Бальзаминова — Ю. Н. Линская, Бальзаминов — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Красавина — Н. П. Воронова, Чебаков — П. С. Степанов, Белотелова — А. П. Васильева (Васильева 2-я), Анфиса — М. М. Александрова (Александрова 1-я), Раиса — А. П. Натарова, Матрена — О. А. Рамазанова, Химка — Трейефельд.

Борьба, развернувшаяся вокруг комедии в Театрально-литературном комитете, продолжалась и при постановке комедии. Так, рецензент «Северной пчелы» *(1863, 8 января)* обращал внимание на такую деталь: «Почему в «Бедной племяннице» (комедия И. Л. Гринберга (Ласкос), шедшая в Александринском театре в тот же день перед «Женитьбой Бальзаминова».— *Е. П.*) участвовали корифеи русской сцены, а на долю комедии Островского достались второстепенные актеры (за исключением г-жи Линской и Васильева 2-го)? ⟨...⟩ Или *фантастический* комитет, долго не пускавший комедии Островского на сцену, похлопотал, чтобы она была обставлена как можно хуже?»

Говоря о реакции зрителей, тот же рецензент продолжал: «Странно, что части публики комедия Островского не понравилась. Слышались восклицания, что пьеса пуста, что ее можно смотреть только ради Васильева 2-го ⟨...⟩ Схватить верно черты жизни, нарисовать всю пустоту ее, всю безвыходность и тину — это пустяки?»

В целом спектакль был почти единодушно хорошо встречен критикой. В. Александров (В. А. Крылов) писал, что эта «картинка московской жизни» «живьем взята из действительности и заставляет нас смеяться от души». Обращаясь к трилогии в целом, В. Александров добавляет: «Каждая часть составляет совершенно отдельную пьесу, и одна не есть продолжение другой. Каждая из них имеет много общего с другой, и потому мне кажется, что каждая проиграла бы, если б все три давались в один вечер» *(«Спб. вед.», 1863, 10 января)*. При жизни автора такого спектакля действительно не было.

Рецензенты особенно отмечали исполнение П. В. Васильевым роли Бальзаминова: «Играл один г. Васильев 2-й, но играл так, что заставлял мириться с остальной обстановкой. Везде он был типичен. Как мило он сидел, пока девицы Пеженовы читали письмо! Как весело прыгал, получив подарок Белотеловой!» *(«Сев. пчела», 1863, 8 января)*. Несколько позже об игре Васильева вспоминал Аверкиев, отмечая, как тонко переводил артист смех над Бальзаминовым в переживание за него: «Помните, как вы хохотали,— весь театр хохотал,— над дураком Бальзаминовым, который весь смешон, с ног до головы. Этакая глупая рожа, да и халатишко такой смешной! И вот судьба этого Бальзаминова начинает заманивать вас. Все вы смеетесь, и как с девицей Пеженовой в любви он объясняется, и как возгорел новой любовью, перескочив через забор. Все смешно вам, но вот начинает мечтать Бальзаминов: сначала смеетесь вы, но чем дальше, тем вам страшнее за него становится. Даже за себя и за свои мечтания страшно. Кто не любит мечтать, особенно в потемках? Хотя вы, может быть, себя и не брюнетом представляете, а чем другим, а все-таки, как начинает завираться Бальзаминов, вам не до смеху. Нет-нет, да и увидите вместо веселой комедии самую «прежалостную» трагедию. Ну, как он сойдет с ума? Смотрите, весь театр замолк; все прислушиваются к чему-то; раек, на что охотник посмеяться, замолк. Должно быть, есть что-то. И уже до конца действия остается весь театр под этим впечатлением» *(«Эпоха», 1864, № 10)*.

При возобновлении комедии на сцене Александринского театра в 1880 г. роль Бальзаминова была поручена только что принятому в труппу В. Н. Давыдову, ранее с огромным успехом исполнявшему ее на провинциальной сцене. Сам артист писал в своих воспоминаниях: «На первое мое выступление в Бальзаминове собрались все критики, писатели, вся труппа Александринского театра. Выступать в роли, за которую после Мартынова [1] и Павла Васильева никто не решался браться, было очень рискованно. Бурные овации сопровождали каждое мое появление, бодрили меня и заставляли верить в свои силы ⟨...⟩ Партнершей моей была незабвенная даровитая Елизавета Ивановна Левкеева, с незабываемым искусством игравшая ожиревшую и ленивую до неподвижности Белотелову. Мимическая сцена смеха от мысли о предстоящих наслаждениях после брака с Бальзаминовым — блестящий шедевр сценического мастерства ⟨...⟩ Все меня поздравляли с успехом, газеты сравнивали с Мартыновым, хвалили мимику, игру на паузах, умение смеяться и плакать» *(В. Н. Давыдов, Рассказ о прошлом, Л.—М., «Искусство», 1962, стр. 217—218)*.

---

[1] А. А. Мартынов играл Бальзаминова в комедии «Праздничный сон — до обеда».

Действительно, рецензенты очень высоко оценили игру Давыдова. В небольшой хроникальной заметке об этом спектакле «Санкт-петербургские ведомости» *(1880, 7 октября)* писали: «Мы обращаем внимание всех любителей русского театра на эту пьесу в виду того художественного наслаждения, которое доставляет зрителю г. Давыдов своей художественной игрой. Изображаемое лицо Миши Бальзаминова возводится в тип, чего мы не видали на здешней сцене со времен Мартынова, П. Васильева, В. В. Самойлова».

С этим отзывом солидаризировался рецензент «Всемирной иллюстрации» *(1880, № 612)*: «Публику привела в восторг его совершенно естественная и проникнутая неподдельным комизмом манера изображать наивного юношу, почти дурачка, каким выставлен в пьесе Бальзаминов».

Вспоминая историю постановок комедии, Аверкиев писал в 1886 г.: «Кстати заметим, что «Женитьбе Бальзаминова» в Петербурге посчастливилось больше, чем в Москве. Павел Васильев в этой роли был само совершенство; молодой, рано умерший Мартынов, сын знаменитого ⟨А. Е. Мартынова⟩, исполнял ее весьма удачно, обнаружив притом недюжинное дарование; наконец, г. Давыдов, следующий в общем замыслу Васильева, просто превосходен в двух первых актах; в третьем он несколько отстает, но г. Давыдов любит роль Бальзаминова, не устает ее играть, и ему третий акт еще придет. Было бы весьма поучительно в двух последовательных спектаклях поставить всю трилогию о Бальзаминове; тогда бы, думается, значение ее уяснилось для многих, ныне слепствующих на ее счет» *(Д. В. Аверкиев, Дневник писателя, 1886, июнь — август, стр. 252)*.

В Малом театре премьера состоялась 14 января 1863 г., в бенефис С. В. Шумского, игравшего в шедшей в тот же вечер комедии Ф. Н. Устрялова «Слово и дело». Роли исполняли: Бальзаминова — Н. В. Рыкалова, Бальзаминов — А. А. Рассказов, Красавина — С. П. Акимова, Чебаков — В. А. Дмитревский, Белотелова — А. И. Колпакова, Анфиса — В. В. Бороздина (Бороздина 1-я), Раиса — А. И. Колосова, Матрена — Х. И. Таланова, Химка — В. Д. Стрекалова.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 57 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 32 раза (последний спектакль в Москве состоялся 3 февраля 1885 г., в Петербурге — 6 декабря 1881 г.).

Стр. 353
Билеты — банковские кредитные билеты.

Стр. 354
«*Никто души моей не знает...*» — старинный романс Н. Ф. Вителяро «Напрасно я забыть ее стараюсь» на слова неизвестного автора.

Стр. 355
Афронт — резкий отпор, оскорбление.

Стр. 357
Магистрат — в России — выборный орган городского управления, занимавшийся в основном судебными делами купцов и мещан.

...в лабет поставят — поставить в неловкое положение (от французского faire la bête — оштрафовать в карточной игре).

Стр. 362
Каменный мост — мост через Москву-реку.

Стр. 367.
Люди, Черви — название букв Л и Ч в славянской азбуке.

Стр. 376
Китай-город — часть Москвы, одной стороной прилегающая к Кремлю, а с боков ограниченная Москвой-рекой и рекой Неглинкой. До начала XX в. от остального города отделялась стеной.

Стр. 380
...приезжаем в Эрмитаж — здесь: сад в Москве.

Стр. 383
Иван Яковлич — см. прим. к стр. 268.

Стр. 386
Тверская — центральная улица Москвы (ныне ул. Горького).

Е. Прохоров

ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТ

Впервые опубликовано в журнале «Время», 1863, № 1, стр. 35—110.

Рукописные источники:
черновой автограф пьесы *(ГБЛ)*;
цензурная театральная копия *(ЛГТБ)*;
авторизованная писарская копия *(Архив АН СССР)*;
театральная (суфлерская) копия *(ММТ)*.

Печатается по тексту журнала «Время» со следующими основными исправлениями:

Стр. 391, строки 5—6
«получше,— тот» *вместо* «получше-то» (по *ЧА*).

Стр. 418, строка 18
«пока» *вместо* «когда» (по *ЧА*).

Стр. 434, строки 23—24
«выказать» *вместо* «высказать» (по *ЧА*).

Стр. 438, строки 20—21
«Что говорила — не помню, что теперь делаю — не знаю» *вместо* «Что говорила — не знаю, что теперь делаю — не помню» (по *ЦТК*).

Летом 1862 г. Островский, видимо, обещал какую-то новую пьесу журналу братьев Достоевских «Время», а в октябре М. М. Достоевский уже напоминал автору об этом обещании (*«Неизд. письма», стр. 101*). Но только 25 октября Островский начал работу над драмой «Грех да беда...», и 26 ноября она была закончена: эти даты проставлены самим автором в начале и в конце чернового автографа пьесы.

Из воспоминаний В. М. Минокина известно, что прототипом главного героя пьесы — Краснова — был некто Горячев — сын подрядчика, занимавшегося перевозкой грузов и денег на Нижегородскую ярмарку. Этот Горячев пристрастился к театру, познакомился с Островским, боготворил его и «как на исповеди» рассказал ему всю свою жизнь. Драматурга же он поразил «своей энергией, силой и нравственной мощью» *(ЕИТ, 1910, вып. VI, стр. 62)*.

По окончании пьесы, как обычно, было изготовлено несколько копий, одна из которых поступила в начале декабря в журнал, а 28 декабря 1862 г. М. М. Достоевский писал автору: «Драма Ваша уже в наборе, и к Вашему приезду, я надеюсь, корректуры будут уже готовы» *(«Неизд. письма», стр. 102)*. По-видимому, Островский корректуры читал: в конце декабря он ездил в Петербург для подготовки спектакля на сцене Александринского театра, и именно авторской корректурой объясняются те небольшие отличия, которые имеются между автографом и первопечатным текстом; цензурная театральная копия отличается от этих двух источников большим числом грубых описок переписчика.

В Театрально-литературный комитет пьесу представил сам автор, сообщавший 20 декабря 1862 г. С. С. Кошеверову: «Пьеса произвела огромное впечатление ⟨...⟩ Когда я прочел пьесу, Анненков сказал: «За эту пьесу не надо ни хвалить, ни благодарить, а надо поздравлять автора» *(ПСС, XIV, 104)*. 22 декабря пьеса была одобрена Комитетом, а 31 декабря 1862 г. разрешена драматической цензурой (даты на титульном листе цензурной копии).

Возможно, цензурным вмешательством объясняется одно изменение текста: вместо фразы «Народ без креста» (стр. 393, строка 24) в *ЧА* и *ЦТК* было: «Народ хам», но последнее слово в *ЦТК* зачеркнуто и ничем не заменено, а в суфлерской копии рукой неустановленного лица (но не Островского) вписано: «Народ без креста». Учитывая, что автор сам представлял пьесу в цензуру и, следовательно, имел возможность перед публикацией изменить резкое слово в реплике Карпа, а также то, что новая редакция фразы представляется художественно более оправданной, мы сохраняем чтение первопечатного текста.

У драмы «Грех да беда...» своеобразная литературно-критическая история: так как опубликованная в январском номере «Времени» драма в январе же увидела сцену, все отзывы о ней в большей или меньшей степени давались под впечатлением увиденного критиком спектакля.

Первые рецензенты не поняли драмы. Так В. Александров (В. А. Крылов), очень высоко оценивая пьесу, увидел в ней то же самое «темное царство самодуров, хотя на этот раз самодур — человек страстно влюбленный, бессильный перед красотой жены», а Таня, по мнению рецензента,— это жертва «темного царства», «единственный человек в драме, имеющий право на сочувствие» *(«Спб. вед.», 1863, 30 января)*. Рецензент «Иллюстрации» *(1863, 31 января)*, наоборот, смысл пьесы видел в борьбе Краснова с темным царством, которое в качестве своего орудия использует Таню — «пустую, бесхарактерную женщину».

16 февраля 1863 г. И. С. Тургенев писал П. В. Анненкову из Парижа: «...я, разумеется, тотчас с жадностью прочел драму Островского. Я понимаю, что она должна иметь большой успех на сцене: но мне, кроме Афони и Архипа,— мотивы показались знакомыми. О языке говорить нечего — и сцены есть прекрасные (сцена между

Афоней и Архипом на берегу реки — прелесть) — но неужели Островский не может отделаться от Бабаевых, бойких девиц и т. д.?» *(И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем в 28-ми томах, М.—Л., АН СССР, Письма, т. 5, 1963, стр. 102).*

Не разделяя мнений рецензентов и, видимо, не соглашаясь с Тургеневым, Анненков в свою очередь выступил с отзывом о драме, в котором отметил «высокое художническое правосудие, с каким автор относится к главным действующим лицам своей драмы». Подробно проанализировав содержание пьесы, характеры персонажей, их связи в развитии действия и т.п., Анненков в итоге подчеркивает: «Пьеса художнического построения и глубокого жизненного содержания всегда открывает для мысли читателя бесчисленные пути во все стороны» *(«Спб. вед.», 1863, 23 февраля).*

Анонимный рецензент «Библиотеки для чтения» *(1863, № 2)* считал, что, хотя личность героя «Грех да беда...» взята автором из того же мира, что и герои предшествующих его пьес, читатель новой драмы сталкивается с совершенно иным психологическим типом, развитым автором «с глубокой правдой», и это позволяет критику признать, что «Островский опять-таки и в этом отношении сделал новый шаг», и далее: «мы всегда выносим из каждой пьесы Островского впечатления жизни и борьбы ⟨...⟩ То же самое мы видим и в новой драме». Не менее высоко оценивает пьесу автор статьи в газете «Очерки» *(1863, 26 февраля)*: Островский «так глубоко изучил тот быт, который он изображает, так верно знает его верованья, воззрения, отношения, при этом имеет так много художнического такту, что каждая сцена, каждый абрис, каждое слово представляются прямо выхваченными из жизни. Положения действующих лиц в драме и ход самого действия так, по-видимому, просты и натуральны, роковой конфликт так неизбежен, что трагическая развязка представляется необходимым следствием из посылок».

С обстоятельным обзором предшествующей критики и с высокой оценкой самой пьесы выступил Н. Страхов *(«Время», 1863, № 2).*

Третьего мая 1863 г. на заседании комиссии Академии наук по присуждению наград графа Уварова А. В. Никитенко выступил с предложением присудить эту премию Островскому за драму «Грех да беда...».

Комиссия решила обратиться к Анненкову с просьбой дать отзыв о драме, и в августе того же года на заседании была оглашена его рецензия. Анненков писал: «Художнические и сценические достоинства новой драмы Островского не могут подлежать сомнению», а «исполнение темы, выбранной автором, можно без преувеличения назвать образцовым и мастерским». Рассмотрев обстоятельно содержание драмы, Анненков закончил свою рецензию таким выводом: «Драма бьет ключом, так сказать, в пьесе и при всем том сдерживается и управляется сильной рукой, обнаруживающей опытность и мастерство необыкновенные в этом деле. Нет сомнения, что разбираемое нами произведение г. Островского облетит всю Россию, и на всех театрах ⟨...⟩ везде одинаково будет волновать партер и исполнителей» *(«Отчет о шестом присуждении наград графа Уварова», Спб., 1863, стр. 32—39).* С отчетом о решении комиссии на заседании Академии наук выступил Никитенко, в частности, сказавший, что содержание драмы «сильно возбуждает сочувствие зрителя или читателя именно своею простотою, истиною и живым, естественным развитием подробностей. Положения действующих лиц обрисовы-

ваются в самом ходе пьесы превосходно, отчетливо и ясно. Трагическая катастрофа естественно, сама собою вытекает из положения лиц и событий 〈...〉 Вообще произведение г. Островского, без сомнения, принадлежит к наиболее удавшимся его драматическим пьесам» *(там же, стр. 10—19)*. Академия наук шестью голосами против двух присудила Островскому Уваровскую премию, а Никитенко в своем дневнике записал: «Я сам далек от того, чтобы признать ее 〈драму〉 первоклассным произведением; но если нам дожидаться шекспировских и мольеровских драм, то премии наши могут остаться покойными; да такие пьесы и не нуждаются в премии. Островский у нас один поддерживает драматическую литературу, и драма его «Грех да беда...», хотя не блестит первоклассными красотами, однако она не только лучшая у нас в настоящее время, но и безотносительно отличается замечательными драматическими достоинствами» *(А. В. Никитенко, Дневник, т. 2, М., Гослитиздат, 1955, стр. 355)*.

После присуждения премии, в декабре 1863 г. Островский был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Возобновление драмы в 1864 г. вызвало небольшую заметку А. Н. Баженова: «Два слова по поводу драмы Островского «Грех да беда на кого не живет». Рецензент называет пьесу «прекрасным подарком прошлого сезона». «А как удался автору сам Краснов,— восклицает Баженов,— этот лавочник — человек в самом благородном значении последнего слова! Как мы понимаем и любим его с первого выхода его на сцену и до конца драмы, даже после совершенного им преступления! Таких прекрасных преступников мы находим только у Шекспира. И это не идеальничанье со стороны автора, это не чувствительные дворники г. Погосского, это не те яркие краски, которыми расписывают херувимов на вербах; нет, это краски самой жизни. Красновы — это плоть от плоти и кость от костей наших; а драма — самая жизнь, художественно воспроизведенная» *(«Антракт», 1864, 16 февраля)*.

Диссонансом в этом общем хоре голосов прозвучали, по существу, лишь две статьи. Е. Н. Эдельсон решительно отвергал пьесу: «... в «Грех да беда...» повредила делу искусственная задача написать из русской жизни сильную комедию. Благодаря множеству искусства, потраченного на эту последнюю задачу, она удалась в известной степени, но все-таки пьеса содержит всего менее того именно, что составляет главный капитал Островского», и, как вывод: «Мы положительно считаем драму «Грех да беда...» фальшивою по замыслу, хотя и необыкновенно искусно составленною» *(БДЧ, 1864, № 1)*.

В «Русском слове» *(1864, № 3)* в ироническом тоне писал Д. И. Писарев, назвавший Краснова «русским Отелло», который «во все время драмы ведет себя довольно сносно, а потом сдуру зарезывает свою жену, очень ничтожную бабенку, на которую и сердиться не стоило» *(Писарев, II, 394)*.

К репетициям приступили оба театра, но Островский, обычно руководивший постановкой своих пьес в Малом театре, на этот раз ограничился только составлением для режиссера А. Ф. Богданова списка с распределением ролей *(ПСС, XVI, 248)*, а сам остался в Петербурге: «В Москву к представлению я не приеду,— писал он С. С. Кошеверову 16 января 1863 г.,— нельзя бросить здешних

актеров без помощи. Здесь пьеса будет идти 23-го числа (в среду)» *(ПСС, XIV, 105—106)*.

В Москве премьера прошла несколько раньше — 21 января 1863 г., в бенефис режиссера А. Ф. Богданова. Роли исполняли: Бабаев — С. В. Шумский, Краснов — П. М. Садовский, Краснова — А. И. Колосова, Жмигулина — Х. И. Таланова, Архип — В. А. Дмитревский, Афоня — А. А. Рассказов, Курицын — В. И. Живокини, Курицына — С. П. Акимова, Шишгалев — Н. М. Никифоров, Зайчиха — Е. Д. Немчинова, Карп — А. А. Кремнев. Такое распределение ролей в точности соответствовало тому, которое предложил сам автор.

На премьере присутствовал Л. Толстой, записавший в дневнике: «Я никогда не испытывал более сильного и ни одной фальшивой нотой не нарушенного впечатления» *(Толстой, т. 48, стр. 50)*.

Баженов оценил спектакль очень высоко: это «решительно лучшая пиеса сезона», и исполнена она была «очень хорошо». Лучше других, по мнению рецензента, сыграли свои роли Садовский, Колосова и Шумский. Вместе с тем Баженов выражает явное сожаление, что «пиеса ставилась в отсутствие автора из Москвы; г. Островский, сколько я мог заметить, дорожит простотою и правдою даже в мелочах сценической обстановки пиесы 〈...〉 Так, г. Островский не потерпел бы мебели, разбросанной по середине комнаты в доме Зайчихи, да, может быть, и еще бы чего-нибудь. Пиеса имела успех, вызывали и автора и актеров» *(Баженов, I, 214)*. Высоко оценил игру Садовского рецензент «Голоса» *(1863, 21 апреля)*: в последней сцене слышен «не страх наказания, а страх и ужас от совершенного преступления, глубокое горе от потери любимой женщины 〈...〉 Этот стон производил глубокое впечатление».

Премьера в Петербурге, на сцене Мариинского театра, состоялась 23 января 1863 г. Роли исполняли: Бабаев — А. А. Нильский, Краснов — Ф. А. Бурдин (несколько позже эту роль в очередь с Бурдиным начал играть П. В. Васильев (Васильев 2-й), Краснова — Ф. А. Снеткова (Снеткова 3-я), Жмигулина — Ю. Н. Линская, Архип — В. В. Самойлов, Афоня — И. Ф. Горбунов, Курицын — П. И. Зубров, Курицына — П. К. Громова, Шишгалев — Д. И. Озеров, Зайчиха — Н. П. Воронова, Карп — В. И. Васильев (Васильев 1-й).

Сам автор позже вспоминал: «Эта пьеса везде имела огромный успех, а в Петербурге, при игре Снетковой, Линской, Васильева, Самойлова и Зуброва,— едва ли не больше, чем где-нибудь», и особенно выделял игру Снетковой: «С Снетковой я поставил «Грозу» и «Грех да беда на кого не живет», и обе прошли с огромным успехом» *(ПСС, XII, 207, 210)*.

Рецензенты тоже очень высоко оценили спектакль.

В. Александров (В. А. Крылов), как и Баженов, отметил в своем отзыве, что пьеса эта «составляет самую отрадную новость на русской сцене в текущем сезоне. Каждое лицо, каждая речь в высшей степени живы. Даже мелкие лица 〈...〉 все очерчены с искусством, хорошо знакомым публике из других произведений ее любимого автора. Артисты довольно хорошо воспользовались этими данными, кроме г. Бурдина, повторявшего в роли Краснова свои обыкновенные ухватки и завыванья; все были на своем месте, но особенно выделились роли Татьяны и Лукерьи, исполненные г-жами Снетковой 3-й и Линской 〈...〉 Какая простота и естественность (в исполнении

Снетковой.— *Е. П.*) в сценах с Бабаевым, как полно высказалось в этом исполнении и желание любви, и страх перед последствиями ее, и гордость оскорбленного чувства» *(«Спб. вед.», 1863, 30 января)*.

Высоко оценил спектакль и Ап. Григорьев, и только исполнение роли Бурдиным совершенно не удовлетворило его: «Главного героя драмы,— того, на ком сосредоточен интерес, к кому все тянет,— Льва Краснова, вовсе не было в игре г. Бурдина ⟨...⟩ Такие роли, как Краснов, играются *нервами*, а не кровью ⟨...⟩ *Лица* не было в игре г. Бурдина, определенного образа ⟨...⟩ Ну, вот три сцены, в которых весь Краснов выразился — сцена приема гостя: в ней г. Бурдин нелеп; сцена восторга от любви жены — в ней от него смеялись; сцена бешенства и убийства — в ней он только ярился и скакал, за недостатком нервов».

Статью эту Ап. Григорьев писал, уже увидев в роли Краснова и П. В. Васильева — и был от его исполнения в восторге: «Тут все было — и глубокое понимание характера, и поэзия высокой души, и простота приема и, наконец, увлечение волканическое ⟨...⟩ Это была настоящая игра трагического артиста. Настоящее имя для такой игры — мочаловская игра» *(«Время», 1863, № 2)*.

На премьере присутствовал Ф. М. Достоевский и тоже остался недоволен исполнением роли Краснова Бурдиным: «Лицо Краснова до того уже было мне понятно из чтения, что я без большого труда догадался, что господин Бурдин очень мало понял в своей роли, т. е., может быть, и понял, да выразил совершенно обратно. До сих пор не могу догадаться, для чего он все старался рассмешить публику? Мне кажется, приготовляясь к представлению, он прочел предварительно в одном из последних номеров «Русского вестника» афоризм, заключающийся в том, что можно увидеть все на свете, всякую возможную диковинку, но одного только нельзя никогда увидеть: это русского купца влюбленным».

Посетив театр второй раз, чтобы познакомиться с игрой Васильева, Достоевский так продолжал свой отзыв: «...я вошел в театр с предубеждением к Васильеву. Я слышал такие похвалы ему от тех, которые уже видели его в «Грех да беда...», что во мне невольно родилось сомнение: «Мочаловская игра!» — ведь это уж слишком много сказать. А между тем для меня его игра действительно оказалась чем-то невиданным и неслыханным. Да, я не видал до сих пор в трагедии актера, подобного Васильеву ⟨...⟩ Г-н Васильев в роли Краснова играл человека себя уважающего, серьезного и строгого и как будто очищенного своею страстью, как будто несколько отрывающегося от своей среды ⟨...⟩ Да, актер прежде всего лицедей, а все это созданное поэтом лицо я увидел во плоти и крови в игре Васильева и воочию убедился, что лицо это — правда» *(«Сев. вест.», 1891, № 11)* [1].

Наконец, много позже об игре Васильева и Садовского вспоминал А. Стахович: «Какое торжество для трагического таланта П. Васильева была в последней сцене ⟨...⟩ роль Краснова. Как постепенно сильней и сильней клокотал вулкан его страсти, разжигаемый змеиным шипением Афони, пока вполне не излилась его ярость и он не убил жены ⟨...⟩ Памятны мне остались слова Васильева: «От

---

[1] Эта статья не была опубликована при жизни Достоевского и до сих пор не входила ни в одно издание его произведений.

мужа только в гроб, больше никуда»,— и кинулся он за женой ⟨...⟩ Проходят несколько минут томительного ожидания. Стремительно вошел и остановился у рампы Васильев. Он бледен, как мертвец, лицо дергается судорогой, волосы дыбом, грудь ходит ходуном, ужас в помертвелых глазах!.. Он не может выговорить рокового слова, и, наконец, раздается страшный шепот: «Вяжите меня, я ее убил» ⟨...⟩ В Москве роль Краснова исполнял Садовский, и всю роль (кроме последнего акта) проводил много лучше Павла Васильевича; но в последних сценах Садовский и не пробовал играть, как Васильев, понимая, что так ему сыграть невозможно. После убийства жены, шатаясь, появлялся у двери Садовский, в изнеможении опускался на скамью, едва имея сил выговорить: «Вяжите меня, я ее убил», закрывал лицо руками и истерически плакал» *(С т а х о в и ч, стр. 293—295)*.

Сопоставительная характеристика этих двух спектаклей — московского и петербургского — дана в большой и интересной статье «Как даются пьесы в Петербурге и Москве?», опубликованной в февральском номере «Библиотеки для чтения» *(1863, № 2)*. Автор статьи пишет: «Начать с того, что в Петербурге никогда не умели играть пьес из купеческого быта. Здешние актеры, не бывая почти нигде дальше Петербурга, отличаются незнанием народного быта, а потому и играют как купцов, так и крестьян по театральной рутине». Этот отправной тезис и был главным для автора статьи при оценке игры отдельных актеров. Так игра Васильева в роли Краснова «была далеко не художественна», потому что прежде всего он «очень мало похож на лавочника в уездном городе. По своим манерам, походке, подниманию плеч и движениям рук он скорее похож был на барина, надевшего сибирку и желающего играть купца ⟨...⟩ Зато роль жены Краснова была прекрасно выполнена г-жой Снетковой 3-й ⟨...⟩ Трудно исполнить роль Красновой симпатичнее. Перед вами действительно была простенькая и добрая женщина, привыкшая жить в лени и праздности у богатой барыни, все ее движения дышали натурой, всякое слово было сказано в простоте, без обыкновенных театральных интонаций, без пошлого наивничанья и развязности девичьих ⟨...⟩ Г-жа Линская в роли Жмигулиной, при всей простоте и комизме своей игры, была недостаточно типична ⟨...⟩ Но все-таки ⟨...⟩ она производила самое полное и живое впечатление. В роли Бабаева г. Нильский был приличен, но не больше ⟨...⟩ Чета Курицыных вышла совсем не типична в игре г. Зуброва и г-жи Громовой ⟨...⟩ Личность Афони совершенно пришлась не по средствам Горбунову ⟨...⟩ Дедушка Архип ⟨...⟩ изображен был г. Самойловым очень талантливо и даже типично, только не совсем верно ⟨...⟩ он смотрел скорее каким-то каликой перехожим или мягкосердечным отшельником» и т. д.

Переходя к спектаклю Малого театра, автор замечает: «В Москве, как это известно всякому любителю драматического искусства, вещи народные только и могут даваться удовлетворительно ⟨...⟩ Теперь посмотрим, что сделали актеры. Роль Краснова играл г. Садовский ⟨...⟩ из Краснова он создал бодрую и нетронутую личность, вызывающую глубокую симпатию зрителей, и не прибегал при этом ни к сладости, ни к драматизму ⟨...⟩ Г-жа Колосова в роли Тани была очень хороша ⟨...⟩ Необыкновенной типичностью и комизмом отличалась игра г-жи Талановой ⟨...⟩ Г-н Шумский всегда хорош, когда он играет в пьесах Островского представителей элемента, враждебного бытовому миру ⟨...⟩ Даже маленькие роли

лакея, хозяйки и приказного сыграны были талантливее и с большим знанием жизни».

Ап. Григорьев считал, что Садовскому явно не хватало драматизма в исполнении роли Краснова. По мнению критика, Краснов—Садовский в первой сцене «просто разнежившийся добрый человек, весьма способный благодушествовать при всяком удобном и неудобном случае», в то время как Краснов—Васильев — это «волканический взрыв всхлипываний, восторгов, безмерной, душу раздирающей страсти, судорожных ласк, почти истерических припадков огненной натуры». Поэтому, считает Ап. Григорьев, следя за игрой Васильева, зрители «*ждали* убийства», а от Садовского такого финала ждать было нельзя: «Убийство совершилось не по трагической душевной необходимости, а совершенно случайно» *(«Якорь», 1863, № 9)*.

К сравнительной характеристике игры в этой роли Васильева и Садовского в 1880 г. вернулся Д. В. Аверкиев. Он считает, что оба актера превосходно исполняли эту роль, но по-разному. У Васильева Краснов «был весь поглощен любовью к жене, а там, где он мог выразить весь пыл страсти в сцене с женою в третьем акте, он был удивителен. У Садовского Лев Краснов выходил простым русским человеком, любящим жену и желающим ее любви, но никак не страстной, а, так сказать, законной ⟨...⟩ Любители предпочитали то того, то другого артиста, но, с объективной точки зрения критики, оба они были в своем роде бесподобны» *(«Голос», 1880, 16 января)*.

По-видимому, все эти воспоминания об игре Садовского складывались на основе впечатлений, сохранившихся от премьеры 1863 г., потому что Д. А. Коропчевский, вспоминая спектакль с участием Садовского в сезон 1867 г., писал: «Это был совершенно другой Краснов, другой тип, не имевший ничего общего с прежним! Гримировка оставалась тою же, но внутренний человек совершенно изменился. Передо мною был Краснов энергичный, твердый, скрывающий под учтивой купеческой внешностью железный характер ⟨...⟩ Энергия звучала в каждом его слове» и, видя такого Краснова, зритель уже с первого действия «предчувствовал драму и начинал напряженнее относиться к действию». Самое интересное, что такой Краснов оказался неожиданностью и для партнеров Садовского по сцене: об этом «как о событии, беспримерном в истории театра, поразившем всю труппу», Коропчевскому рассказал на следующий день после спектакля актер Рассказов, игравший Афоню *(ЕИТ, сезон 1894/1895, Приложения, кн. 2)*.

В воспоминаниях писателя В. П. Михеева рассказывается о постановке пьесы в 1881 г. в театре А. А. Бренко («близь памятника Пушкину») и реакции автора на исполнение роли Краснова М. И. Писаревым: Островский «в первые антракты только молча посматривал на Краснова—Писарева, отрывисто кидая своим сиповатым баском, с его характерной хрипотой:

— Ладно, ладно...

В позднейшие же антракты его светлые проницательные, немного скошенные по-восточному к вискам глаза сияли все более и более огоньком удовлетворения, и он уже похлопывал артиста по плечу, говоря: — Так, так! благородный ведь он у меня, благородный мужик... не гляди, что убийца... убийцы-то и бывают инова́ (по-костромски: иногда) благородные...» *(«Восп.», стр. 419)*.

Сам Островский в письме к директору императорских театров И. А. Всеволожскому в 1881 г. писал, что драма «Грех да беда...» принадлежит к числу пьес, которые не потеряли своего зрителя и по возобновлении имели «такой же успех, как будто бы шли в первый раз» *(ПСС, XVI, 29)*, а в записке по поводу проекта «Правил о премиях императорских театров за драматические произведения» указал, что эта пьеса «вошла в постоянный репертуар всех русских театров и везде постоянно возобновляется с новым персоналом» *(ПСС, XII, 207)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 39 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 46 раз (последний спектакль в Москве состоялся 26 декабря 1879 г., в Петербурге — 26 января 1886 г.).

Стр. 392
Табель — табельный день — день, включенный в табель о праздниках, нерабочий день.

Инвалидный начальник — начальник инвалидной команды. В России в XIX в. инвалиды войны расселялись в специально назначенных городах, где из них были сформированы инвалидные команды.

Стр. 396
Пестрая неделя — неделя перед масленицей.

Стр. 407
Вантажный — правильно: авантажный — см. прим. к стр. 337.

Стр. 419
Барашек в бумажке — взятка.

Стр. 430
«*Нет, уж я забрался*».— В «Словаре», составленном Островским, слово «забираться» объяснено: «Запирать лавку (прежде лавки забирались досками)» и приведен пример: «Подожди меня, мы сейчас заберемся» *(ПСС, XIII, 314)*. «Словарь современного русского литературного языка» *(М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, т. 4, стлб. 229—231)* объясняет это слово как «обеспечиваться покупками» и дает ссылку на текст Островского, но в данном случае такое объяснение не соответствует контексту (см.: *Е. Холодов, Мастерство Островского, М., «Искусство», 1967, стр. 123)*.

Стр. 431
С часок места побуду...— в смысле: с часок на месте побуду.

Стр. 437
«*Ах, матушка, скучно...*» — народная песня, вариант ее см.: Соболевский, V, № 307.

Е. Прохоров

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1863, № 9, стр. 205—250.

Рукописные источники:
черновой автограф *(ГБЛ)*;
цензурная театральная копия *(ММТ)*.

Печатается по тексту журнала «Современник» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 454, строка 29
«руку» *вместо* «руки».

Стр. 476, строка 37
«жениться хочет» *вместо* «жениться хочешь».

Стр. 488, строка 2
В число действующих лиц, участвующих в явл. 8, добавлена фамилия «Досужев».

Работа Островского над комедией велась, видимо, летом 1863 г. и была закончена 29 августа: эта дата стоит в конце автографа, представляющего собой, очевидно, самый первый черновик, с огромным числом зачеркиваний, перестановок текста и т. п., и лексически значительно отличающегося от первопечатного текста. В течение 3—4 дней пьеса была переписана, и 2 сентября Островский сообщил Ф. А. Бурдину, что одновременно с письмом он высылает пьесу в петербургскую контору императорских театров и просит Бурдина ускорить прохождение пьесы через все необходимые инстанции *(ПСС, XIV, 109)*. Действительно, все разрешения были получены очень быстро: 7 сентября пьесу одобрил Театрально-литературный комитет, а 8 сентября драматическая цензура разрешила ее для сцены (даты — на *ЦТК)*.

Видимо, тогда же автор сообщил Н. А. Некрасову, что пьеса для сентябрьского номера «Современника» готова. Некрасов отвечал Островскому: «10-го сентября будет в Петербурге Салтыков, которому и сдайте «Тяжелые дни» (*Некрасов, XI, 23)*. И хотя Островский в Петербург не приехал, а М. Е. Салтыков-Щедрин, будучи в Москве, не застал автора, пьеса успела войти в сентябрьский номер журнала; о чтении автором корректур никаких сведений не сохранилось.

Интересно отметить, что в тексте пьесы для характеристики замоскворецкого купеческого быта несколько раз используется слово «пучина». Это меткое слово, найденное автором, через два года стало заголовком новой пьесы Островского.

Критика отнеслась к пьесе «Тяжелые дни» в общем довольно сдержанно. Е. Н. Эдельсон отмечал, что конечно, и в этой пьесе видна рука мастера, но написана она «несколько по рецепту, прописанному в последнее время Островскому нашей критикой, и потому в ней, кроме самодура-отца, есть, разумеется, и притесненные, есть и протест в лице молодого сына Андрея Титыча». Рецензента не удовлетворил и сюжет ее — «скудный, чисто анекдотический» и вообще в пьесе «увы! много грехов ⟨...⟩ Одно из главных лиц, являющихся для развязки узла пьесы, Досужев, не имеет никакой внутренней необходимой связи с остальными действующими лицами; самая мысль пьесы не представляет особенной оригинальности и типичности и написана по рецепту: безобразие и протест. Повторяются даже комические приемы, уже прежде употреблявшиеся автором, каково, например, коверкание имени приказного женою Брускова. Наконец, сцена где Мудров в глаза жене радуется. что муж попался

в большую беду, задумана и отделана до того небрежно, что кажется неестественною» *(БДЧ, 1864, № 1)*.

Рецензент «Сына отечества» *(1863, 4 декабря)* также критически отнесся к комедии: «Сцены производят слишком *тяжелое* впечатление, несмотря на то, что и здесь проявляется мастерство автора в очерчении характеров ⟨...⟩ нет действия, сцены эти не кипят тою жизнию, которую мы ждем всегда от произведений Островского; нет связи, целости; это одно из менее удавшихся творений талантливого нашего писателя».

Высоко оценил новую комедию только В. Александров (В. А. Крылов). Мрачное впечатление от пьесы на сей раз оставило не «темное царство» самодуров, а выродившийся дворянин Перцов: «барские наклонности сделали его тунеядцем, и он теперь не остановится ни перед каким скверным делом ⟨...⟩ Конечно, только пучина, только Белая Арапия может порождать людей, подставляющих свое барское лицо под купеческий кулак, чтоб содрать за бесчестие, и для которых сочинить фальшивый документ есть дело очень обыкновенное» *(«Спб. вед.», 1863, 8 декабря)*.

Резко отрицательный, саркастический отзыв о пьесе дал Д. И. Писарев в статье «Мотивы русской драмы», опубликованной в «Русском слове» *(1864, № 3)*: «Что касается до «Тяжелых дней», то это уж и бог знает что за произведение. Остается пожалеть, что г. Островский не украсил его куплетами и переодеваниями: вышел бы премиленький водевиль, который с большим успехом можно было бы давать на сцене для съезда и для разъезда театральной публики. Сюжет заключается в том, что добродетельный и остроумный чиновник с бескорыстием, достойным самого идеального станового, устраивает счастье купеческого сына Андрея Брускова и купеческой дочери Александры Кругловой. Действующие лица пьют шампанское, занавес опускается» *(П и с а р е в, II, 395)*.

Премьера пьесы состоялась в Москве, в Малом театре, 2 октября 1863 г., в бенефис А. А. Рассказова. Роли исполняли: Брусков — П. М. Садовский, Настасья Панкратьевна — Х. И. Таланова, Андрей — А. А. Рассказов, Досужев — С. В. Шумский, Мудров — В. И. Живокини, Круглова — С. П. Акимова, Александра Петровна — А. И. Колосова, Перцов — В. А. Дмитревский, Неизвестный — Н. М. Никифоров.

С. П. Яковлев в «Московских ведомостях» *(1863, 12 октября)* весьма одобрительно отозвался об игре актеров. Так, Садовский «с большою художественною силой» изобразил «новый фазис из жизни Тита Титыча»: «Выходя на сцену, он уже одним своим взглядом знакомит зрителя со своим характером»; Дмитревский «выдвинул на первый план незначительную, по смыслу пьесы, роль Перцова»; Шумский «сделал все, что можно было сделать из Досужева».

Одобрительно отозвался о спектакле и рецензент газеты «Голос» *(1863, 12 октября)*: «Исполнены были «Тяжелые дни» как все, что исполняется на московской сцене из комедий Островского; здесь, по обыкновению, приходится говорить о громадном таланте Садовского, которому роль Брускова не была внове; г. Шумский придал много жизни Досужеву, а г. Живокини сделал совершенно противное с ролью Мудрова. Г-н Рассказов довольно верно понял характер Андрюши, хотя и здесь, как всегда, этому артисту не доставало драматизма и патетические сцены выходили у него слабы».

Д. А. Коропчевский позже вспоминал мимическую сцену, когда Садовский — Брусков «с красным нахмуренным лицом ⟨...⟩ ва-

ливался в распахнутые двери и затем грузно опускался в кресло. Следовала тяжелая пауза, в течение которой он мутным взглядом обводил замирающих от страха присутствующих. Наконец, у него вырывалось значительное — «Слышали?», в котором соединялось и признание постигшей его крупной неприятности, и требование сочувствия от окружающих» *(ЕИТ, сезон 1894/1895 гг., Приложения, кн. 2, стр. 30)*. Этот же автор писал об игре Шумского: «Шумский играл Досужева человеком независимым, изучающим нравы Замоскворечья, как изучают нравы дикой страны, и забавляющимся ее грубыми и невежественными обитателями ради развлечения. Он добродушно подсмеивался над страданиями угнетенного и влюбленного Андрюши Брускова, дразнил и смирял несколькими словами расходившегося Перцова и играл с свирепым Китом Китычем, как с рассерженной моськой, которая своим рычаньем никого испугать не может» *(ЕИТ, сезон 1895/1896 гг., Приложения, кн. 3, стр. 32)*.

Премьера в Александринском театре состоялась 2 декабря 1863 г., в бенефис Ф. А. Бурдина. Роли исполняли: Брусков — Ф. А. Бурдин, Настасья Панкратьевна — Ю. Н. Линская, Андрей — И. Ф. Горбунов, Досужев — А. А. Нильский, Мудров — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Круглова — Н. П. Воронова, Александра Петровна — Е. И. Подобедова (Подобедова 2-я), Перцов — П. С. Степанов, Неизвестный — В. И. Васильев (Васильев 1-й).

В. Александров (В. А. Крылов), отмечая, что комедия поставлена «весьма изрядно», особенно выделил П. В. Васильева: «по моему мнению, это одна из лучших ролей его» *(«Спб. вед.», 1863, 8 декабря)*.

Рецензент «Голоса» *(1863, 11 декабря)*, наоборот, считал, что «само исполнение «Тяжелых дней» нельзя назвать вполне удачным»: «Г-н Бурдин был недурен в роли Брускова, но, как кажется, придал этому лицу слишком зверский оттенок ⟨...⟩ Г-н Нильский был очень слаб в роли Досужева и решительно не придал этой личности никакой жизни. Г-н Степанов чересчур водевильно представил Перцова».

В 1869 г. «Тяжелые дни» были поставлены в Артистическом кружке, одним из организаторов и руководителей которого был Островский. Рецензенты высоко оценили этот спектакль: «Все вообще исполнение «Тяжелых дней» на сцене Артистического кружка ⟨...⟩ оказывается более состоятельным, чем на сцене Малого театра. Такого Перцова ⟨В. А. Макшеев⟩ и такого Андрея Титыча ⟨М. П. Садовский⟩ московской публике не удавалось видеть между нашими присяжными актерами» *(«Развлечение», 1869, № 44)*.

В 1872 г. спектакль «Тяжелые дни» был поставлен в Народном театре в Москве с Н. Х. Рыбаковым в роли Брускова. Д. В. Аверкиев признал, что роль эта у актера вышла «не совсем удачною. В ней г. Рыбаков показал обычные свои достоинства: обдуманность, желание обрисовать характер лица, но ему не доставало комизма, очевидно, не свойственного его таланту. Кит Китыч вышел мрачен и суров и вовсе не смешон ⟨...⟩ Вообще «Тяжелые дни» идут хотя довольно гладко, но недостаточно живо и весело» *(«Моск. вед.», 1872, 12 июля)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 61 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 24 раза (последний спектакль в Москве состоялся 10 мая 1885 г., в Петербурге — 3 ноября 1881 г.).

Стр. 451
...как сорок тысяч братьев не могут пить — шутливый парафраз слов Гамлета из трагедии Шекспира: «Я любил ее, как сорок тысяч братьев любить не могут» (перевод Н. А. Полевого, 1837).

Стр. 452
Четверик — мера веса сыпучих тел, около 3 кг.

Стр. 453
Марьина роща — см. прим. к стр. 80.

Стр. 455
Таганка — район Москвы.

Стр. 457
Облом — грубый, невоспитанный человек.

Стр. 460
Крамболь — термин биллиардной игры, в переносном смысле — скандал, происшествие.

Стр. 461
... к Гурину идти-с — трактир в Москве.

Стр. 466
«Глагол времен, металла звон...» — из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

Обаче — однако, впрочем.

Жупел — что-либо пугающее, наводящее страх.

Стр. 475
... на цепь — см. прим. к стр. 25.

Смирительный дом — род тюремного заключения за маловажные проступки; находившиеся в смирительном доме обязаны были исполнять различные работы.

Стр. 476
Косино, Угреша, Берлюки — села вокруг Москвы.

Стр. 477
Каменный мост — Большой Каменный мост через Москву-реку между нынешними Кремлевской и Кропоткинской набережными.

...с красным воротником... — полицейский.

Стр. 478
Будочник — полицейский (от полицейской будки, где находился его пост).

Стр. 479
...в поминанье запишу...— специальная книжечка, куда записывали имена тех, кого хотели помянуть в молитвах.

Стр. 484
...губернский регистратор... Пятнадцатого класса.— В Табели о рангах было только четырнадцать классов, и здесь Досужев смеется над Брусковым, сочиняя себе несуществующий чин путем соедине-

ния «губернского секретаря» (12-й класс) с «коллежским регистратором» (14-й класс).

Стр. 485
Стракулист — мелкий чиновник, канцелярист.

Е. Прохоров

ШУТНИКИ

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1864, № 9, стр. 259—318.

Рукописные источники:
черновой автограф *(ГБЛ)*;
цензурная театральная копия *(ЛГТБ)*.

Печатается по тексту журнала «Современник» со следующими основными исправлениями:

Стр. 491, строка 23
«Мал, глуп» *вместо* «Мол, глуп» (по *ЧА*, *ЦТК*).

Стр. 513, строки 21—22
«Схватил я шляпу» *вместо* «Схватил шляпу» (по *ЧА*, *ЦТК*).

Стр. 514, строки 27—28
«из жалованья» *вместо* «из жалованья я» (по *ЧА*).

Стр. 519, строка 12
«Шутку» *вместо* «Штуку» (по *ЧА*).

Стр. 530, строка 32
«над мальчишкой» *вместо* «над мальчиком» (по *ЧА*, *ЦТК*).

Стр. 536, строки 9—10
«Я тебе ничего обидного» *вместо* «Я тебе обидного» (по *ЧА*, *ЦТК)*.

Работа над пьесой была начата, по-видимому, летом 1864 г., и по первоначальному замыслу комедия должна была быть небольшой по объему. Но в процессе работы замысел разросся: «Пьеса выходит больше, чем я ожидал»,— писал Островский Ф. А. Бурдину 8 сентября 1864 г., когда уже почти закончил работу над комедией *(ПСС, XIV, 115)*.

Сохранившийся автограф представляет собой самую первоначальную черновую рукопись, написанную карандашом и содержащую огромную авторскую правку. Одновременно с написанием текущих эпизодов Островский на полях делал массу заметок: записывал варианты реплик и целых диалогов, конспективно набрасывал отдельные сцены и т. п. Почти все эти заметки вошли в разработанном виде в ткань пьесы, или в процессе написания соответствующих явлений, или вставлялись в уже созданный текст при доработке его.

На этом черновом автографе Островским проставлена дата окончания комедии: «9 сентября 1864 г., 10 ч. вечера». «Сегодня я заканчиваю, завтра начнем переписывать»,— сообщил автор Бурдину в тот же день. Изготовление копий для цензуры и театра заняло дня три-четыре, и около 14 сентября копии были высланы в Петербург. Одновременно с этим Островский послал П. С. Федорову — зав. репертуарной частью петербургских театров и члену Театрально-

литературного комитета — «просительное письмо», чтобы пьесу прочли на заседании комитета 19 сентября. Как только пьеса поступила в комитет, председатель его, П. И. Юркевич, немедленно прочел комедию и на следующий день опубликовал в «Голосе» *(1864, 18 сентября)* небольшую заметку с изложением содержания ее. Островский был этим возмущен: «...заявление Юркевича о моей пьесе мне показалось оскорбительно! Пока пьеса не сыграна, или не напечатана, или не прочитана автором публично, о ней говорить не имеет права никто, тем более член комитета или цензор. Подобные заявления вредят пьесе и нарушают всякие литературные приличия» *(ПСС, XIV, 117)*.

19 сентября Театрально-литературный комитет одобрил комедию, а 24 сентября 1864 г. она была разрешена к представлению на сцене драматической цензурой *(Б у р д и н, стр. 27)*.

До нас не дошло сведений, читал ли автор корректуру «Современника», но первопечатный текст содержит довольно много разнообразных отличий от черновой рукописи; скорее всего, эти изменения были сделаны автором при подготовке писарской копии для издания. Сохранившаяся *ЦТК* относится к более позднему времени (цензорское разрешение на ней датировано 27 ноября 1865 г.); копия эта фиксирует, по-видимому, какую-то сценическую редакцию пьесы и потому во многом отличается как от *ЧА*, так и от первопечатного текста; в ней имеется одна фраза, отсутствующая во всех других источниках,— реплика Недоноскова: «...да и подкинь ему» (стр. 519, строка 20) имеет продолжение: «когда он пойдет. Они все по Москве денег ищут, так вот ему и находка. Только ты скорее».

Постоянный рецензент «Современной летописи» — Н. Н. (Н. С. Назаров) писал, что наиболее характерная черта этой комедии — «недостаток действия при превосходной бытовой, так сказать, эпической, хотя и мало поэтизированной обстановке; характеры, высказавшись с первых слов, не растут, не развиваются далее ⟨...⟩ но зато они (почти все) чрезвычайно верны действительности; язык естественный, простой, словно отчеканенный» *(1864, № 35)*.

Д. В. Аверкиев находил, что «Шутники» вообще «скажем правду,— слабее многих других пьес Островского. Главный ее недостаток — очевидная поспешность в работе; характеры, по большей части, только намечены: ни один не доведен до полного типа ⟨...⟩ Вся комедия распадается на две части ⟨...⟩ Обе части связаны весьма эпизодически, и история о шестидесяти тысячах — история чисто анекдотическая и потому совершенно лишняя. Другая, более внутренняя связь — связь идеи — выполнена слабее ⟨...⟩ Второй акт ⟨...⟩ излишен ⟨...⟩ Здесь комедия переходит в простой дивертисмент» и т. п. *(«Эпоха», 1864, № 8)*.

Е. Н. Эдельсон подчеркивал, что новой пьесой автор стремится «привлечь мысль читателя и зрителя к созерцанию и суду целого ряда однородных фактов и, таким образом, навести его на невольные размышления об общих чертах русской жизни».Так, «...частный случай, драматический анекдот, изобретенный автором для сохранения условий известной литературной формы,— пишет критик, — остается уже как бы на втором плане, подавленный широтою иного содержания пьесы». «Только этим отступлением от строгой драматической формы,— признает он,— и мог придать Островский то ши-

рокое значение своей новой пьесе, которое делает из «Шутников», при всей слабости интриги, одно из капитальных произведений нашего автора» *(БДЧ, 1865, № 1)*.

Такое отношение к «Шутникам» разделяли и другие критики. Так Н. Ф. Бунаков (Эн-ков), посмотрев спектакль, писал: «Уж таково свойство таланта г. Островского, что наши критики путались, путаются и будут путаться, разбирая его произведения». Но, замечает рецензент, «что бы ни толковали о «Шутниках» фельетонные критики, пьеса пользуется большим успехом на сцене, и успех этот зависит никак не от имени любимого автора,— а совершенно объясняется достоинствами произведения». Высоко оценив спектакль, рецензент заканчивает свой отзыв такими словами: «Только что окончили мы эту статью, как нам принесли № 9 «Современника», в котором «Шутники» напечатаны. Пробежав пьесу, мы остались с тем же взглядом на нее, который вынесли с представления и высказали выше» *(«Рус. сцена», 1864, № 10)*. Точно так же после московского спектакля А. Н. Баженов писал, что и небольшие по размеру пьесы Островского «заключают в себе так много наблюдательности и знания жизни, что и им радуешься, как чему-то большому. К числу подобных эскизов принадлежит, по нашему мнению, и последняя пьеса его «Шутники» 〈...〉 В Оброшенове мы видим тип отца нового времени, отца, который совершенно забывает о своей отцовской власти и думает только о том, как бы полнее заменить силу авторитета силою нежности 〈...〉 Оброшенов одною стороною своего характера несколько напоминает другого отца комедии Островского, Иванова («В чужом пиру похмелье»), но лицо Оброшенова гораздо полнее, многостороннее, разнообразнее, а потому и интереснее. Еще более, по нашему мнению, удалось автору лицо старшей дочери Оброшенова, Анны Павловны 〈...〉 Анна Павловна должна занять самое видное место в ряду лучших женских типов Островского» *(«Антракт», 1864, 16 октября)*.

Сам автор считал «Шутников» одним из лучших своих произведений и писал, что эта пьеса «должна быть непременно в репертуаре всякого русского театра, если он хочет быть русским» *(ПСС, XII, 207)*.

При постановке своих пьес Островский нередко сам занимался распределением ролей, разработкой мизансцен и другими режиссерскими обязанностями, к «Шутникам» же он отнесся с особенным вниманием. Так, еще только окончив комедию, он сразу же писал Бурдину о распределении ролей в Александринском театре: «Вот мои два предположения о раздаче ролей: 1) Оброшенов — Самойлов, Гольцов — Малышев, Хрюков — ты, Шилохвостов — Васильев, Анна Павловна — Владимирова, остальное как хотите; 2) Оброшенов — Васильев, Хрюков — Зубров, Шилохвостов — ты. Второе мне кажется лучше; рассмотри хорошенько пьесу и подумай. Во всяком случае надо списаться, прежде чем раздавать роли» *(ПСС, XIV, 116—117)*.

Бурдину же более удачным показалось, чтобы Самойлов играл роль Оброшенова, и он предложил автору свое распределение, о котором, в частности, писал: «Я думаю, что Брошель будет очень мила в роли Верочки, это девушка с большим огнем и правдой 〈...〉 Сазонов тоже будет недурен в одной из ролей, Недоноскова, это молоденький мальчик, на роли любовников, впрочем его можно за-

менить Шемаевым или Алексеевым» *(Бурдин, стр. 25—26)*.

Островский не разделял это мнение: «Самойлов ничего не сделает для пьесы, лица он не представит, роли не выучит и будет стараться, чтобы его одного только заметно было, Васильев и для ensemble'я и сам по себе лучше гораздо ⟨...⟩ Молодых людей надо играть франтами, и я бы не отдал роли Недоросткова ни Алексееву, ни Шемаеву, я бы попросил Нильского; а если не его, то уж лучше Жулева» *(ПСС, XIV, 117)*.

Большое внимание уделил автор и внешнему виду основных действующих лиц и писал Бурдину: «Одеться тебе надо очень чисто, именно вот так: хороший черный сюртук, подлинней обыкновенного, черные панталоны (не в сапоги), сапоги отлично вычищенные, без каблуков; парик русый с очень сильной проседью, гладко причесанный и подстриженный в короткую скобку, борода поседее, щеголевато подстриженная, жилет черный, закрытый. Можешь надеть не очень толстую золотую цепочку и один или два перстня. Самойлову во всем стареньком: виц-мундир старомодный, узенький, воротник бархатный хомутом; во 2-ом акте шинель камлотовая; дома, как хочет. При виц-мундире форменная жилетка» *(ПСС, XIV, 118)*.

Премьера спектакля состоялась в Александринском театре 9 октября 1864 г., в бенефис Ф. А. Бурдина. Роли исполняли: Оброшенов — В. В. Самойлов, Анна Павловна — Е. В. Владимирова (Владимирова 1-я), Верочка — А. К. Брошель, Гольцов — П. И. Малышев, Хрюков — Ф. А. Бурдин, Недоносков — Г. Н. Жулев, Недоростков — Н. Ф. Сазонов, Шилохвостов — И. Ф. Горбунов, Улита — Н. П. Воронова, Важная особа — В. И. Васильев (Васильев 1-й), Солидный человек — П. А. Петровский.

Мнения о спектакле разделились. Так, если В. Александров (В. А. Крылов) считал, что «пьеса была обставлена очень хорошо, все артисты были весьма у места» *(«Спб. вед.», 1864, 14 октября)*, а другой рецензент писал, что комедия «была разыграна так, как редко разыгрывается что-либо на Александринском театре» («*Пб. листок*», *1864*, *17 октября)*, то рецензент газеты «Голос» *(1864, 11 октября)* утверждал, что постановка «не произвела никакого впечатления, не вызвала того одобрения, которым встречались прежние комедии и сцены того же автора».

Разошлись мнения и об игре отдельных актеров. Д. В. Аверкиев, например, решительно осуждал Самойлова за увлечение чисто внешней стороной образа, в частности гримом, в ущерб передаче внутреннего содержания, характера героя. «Не лучше ли, наконец, бросить излишние заботы о гримировке? Велика похвала для актера, что он — отличный грим! Надо на характер лица обращать внимание, а не преимущественно на его внешность». Напротив, рецензент «Русской сцены» *(1864, № 10)* писал, что Самойлов создал типичный образ несчастного и страдающего человека, но в этом «забитом, униженном, обезображенном» человеке «все-таки живой человек слышится».

Когда в 1866 г. Самойлов выступал в Москве, А. Н. Баженов писал: «...в роли старика Оброшенова ⟨...⟩ г. Самойлов ухватился за две черты характера роли: за старческую суетливость и добродушие, на отделку которых положил немало искусства ⟨...⟩ но мы не нашли у Оброшенова — Самойлова ни бесконечно горячей отцовской любви, ни отзывающего душевными слезами смеха, что так сильно давало знать себя в исполнении г. Шумского» *(Баженов, I, 630)*.

Совершенно не удовлетворил Аверкиева Бурдин в роли Хрюкова. «В игре г. Бурдина Хрюков весьма мало на купца похож; это какой-то сластолюбивый селадон 〈...〉 А разве таков должен быть Хрюков? 〈...〉 Он груб и прямо предлагает девушке идти к нему в экономки, не постигая, что тут обидного для нее. Ведь деньги дают». И в целом, с точки зрения Аверкиева, в спектакле не было ансамбля *(«Эпоха», 1864, № 9)*.

Но другие рецензенты к игре Бурдина отнеслись вполне одобрительно: «...ни малейшей аффектации, ни малейшего пускания бенгалики; а сцена с Анной Павловной ведена была г. Бурдиным с артистичностью, сделавшею бы честь и первоклассному таланту Садовского» *(«Пб. листок», 1864, 17 октября)*.

Высоко оценил игру Владимировой и Брошель рецензент «Русской сцены» *(1864, № 9)*: «Г-жи Брошель и Владимирова употребили большое старание для исполнения своих ролей и вполне достигли своей цели. Сколько прелести, одушевления и лукавой, игривой наивности было в сцене Верочки с Гольцовым, когда она его выспрашивает, что это значит быть женихом. Г-жа Владимирова в своей роли совсем отрешилась от мелодраматических замашек, играла просто, натурально и, вследствие этого, весьма симпатично».

С таким отзывом был вполне солидарен Л. Андропов: «Если бедная невеста самая большая роль репертуара г-жи Брошель, то Верочка, бесспорно, самая художественная. Такого милого, наивного и симпатичного ребенка вряд ли когда-нибудь видела сцена» *(БДЧ, 1865, № 1)*.

Иные оценки игре актеров дал Н. А. Некрасов: «Пьеса Ваша здесь нравится, но меньше, чем в Москве,— писал он Островскому 29 октября 1864 г.,— потому что идет гораздо хуже, чем в Москве. Брошель очень плоха. Хорош, говоря по правде, один Самойлов, который в этой роли несравненно выше Шумского. Для него я пошел смотреть «Шутников» в Петербурге и был вполне вознагражден» *(Некрасов, XI, 35)*.

Замечание Аверкиева об отсутствии ансамбля в постановке Александринского театра было, по-видимому, справедливо и нашло подтверждение в других отзывах. Так, рецензент «Русской сцены» *(1864, № 10)*, оценивая массовую сцену на улице (второе действие), писал: «...у Островского эта сцена имеет смысл в общем ходе пьесы 〈...〉 как сцена, необходимая художнику для выполнения его идеи». Но все же, отмечает рецензент, «подобные сцены на улице, или на площади, с толпами проходящего и стоящего народа, неудобны для театра и никогда не сходят естественно,— напротив, при выполнении бывают натянуты и вредят впечатлению 〈...〉 все это в чтении хорошо, но на сцене выходит фальшиво и смешно».

О неудаче со вторым действием писали Островскому и Бурдин и Горбунов, на что автор отвечал весьма сердито: «второй акт идет у нас (в Москве. — *Е. П.*) отлично и производит большой эффект (и с каждым разом все больше). Миша (М. Н. Островский.— *Е. П.*) мне пояснил, в чем дело, и я убедился, что вам должно быть точно очень неловко, но не по моей вине 〈...〉 Я и не воображал, чтобы вы догадались между зрителями и действующими лицами пустить лиц без слов, которые только мешают 〈...〉 для чего же у вас режиссер?» *(ПСС, XIV, 119—120)*.

Премьера в Малом театре, постановкой которой руководил сам Островский, состоялась 12 октября 1864 г., в бенефис А. А. Рассказова. Роли исполняли: Оброшенов — С. В. Шумский, Анна Павлов-

на — Е. Н. Васильева (Васильева 1-я), Верочка — Н. А. Никулина, Гольцов — А. А. Рассказов, Хрюков — П. М. Садовский, Недоносков — Н. Е. Вильде, Недоростков — М. И. Лавров, Шилохвостов — В. И. Живокини, Улита — С. П. Акимова, Важная особа — П. Г. Степанов, Солидный человек — В. А. Дмитревский.

«Артисты отнеслись к исполнению «Шутников» с большим вниманием,— писал Баженов. — Г-н Шумский был совершенно верен роли Оброшенова; с большим искусством и правдой передал он лицо этого добродушного, любящего старика, его напускное шутовство и честную обидчивость ⟨...⟩ Игре г-жи Васильевой мы, может быть, наполовину обязаны тем, что лицо Анны Павловны на наши глаза получило такую цену. Все, от прически и костюма до всякого взгляда или малейшего жеста, было у нее полно скромности, простоты и глубокой правды ⟨...⟩ Г-жа Никулина была очень хороша в роли Верочки ⟨...⟩ Г-н Садовский придал роли Хрюкова особенную оригинальность и комизм благодаря тому, что вел ее от начала до конца в тоне невозмутимого хладнокровия, которому не изменил даже и в то время, когда Хрюков, потерпев неудачу и поражение, со срамом должен был убираться восвояси. Г-н Рассказов хорошо передал бесхарактерность и пустоту Гольцова. Даже некоторые маленькие роли второго действия взяли на себя такие артисты, как гг. Живокини, Степанов, Дмитревский ⟨...⟩ Автор и исполнители главных ролей были вызываемы по нескольку раз».

Но вместе с тем Баженов тоже весьма критически относится к постановке массовой сцены во втором действии: «Не все, что от жизни, нужно для сцены. Переводить на сцену бессодержательную суету повседневной жизни — бесцельно ⟨...⟩ Что мы в этом случае не ошибаемся, доказательством может служить отчасти и то обстоятельство, что публика ⟨...⟩ просмотрела все второе действие в глубоком молчании, а по окончании его обошлась без вызовов» *(«Антракт», 1864, 16 октября)*.

В целом отзывы рецензентов об этом спектакле были на редкость единодушны. Так, рецензент «Русской сцены» *(1864, № 10)* писал, что Садовский «едва ли где-нибудь ⟨...⟩ так хорош, как в «Шутниках». Что за гримировка, что за невозмутимое спокойствие, что за художественное самообладание, удерживающее артиста в самых строгих границах естественности ⟨...⟩ В особенности был превосходен г. Садовский в тот момент, когда он гладит по голове старшую Оброшенову и хвалит ее. У этого грубого, бесцеремонного до цинизма человека тут проглядывает какая-то своего рода нежность,— причем он, впрочем, все-таки не теряет обычной важности». Н. С. Назаров также выделял исполнение роли Хрюкова Садовским: в его «осанке, в походке, в голосе, во всем сказывалась необыкновенная комическая важность и сознание своего полного права на всякую блажь и на всякое глумление над бедняками» *(«Совр. летоп.», 1864, № 36)*. Д. Коропчевский вспоминал позже в статье «С. В. Шумский»: «Уже с первой минуты, когда зритель видел Оброшенова при открытии занавеса, он, по его виду, по выражению лица, по интонации, угадывал,— с кем он имеет дело ⟨...⟩ И бесконечная отцовская любовь, и сознание человеческого достоинства, не убитое долгими годами бедности и унижения, вполне были выражены артистом в первой вступительной сцене. Зритель чувствовал, что этот «шут с гороху», как его называет Хрюков, скорее умрет, чем даст в обиду своих дочерей» *(ЕИТ, сезон 1895/1896 гг. Приложения, кн. 3, стр. 40)*.

А. Ф. Кони в своих воспоминаниях писал: «Как было не любить и не ставить высоко автора, который, найдя понимающих его замыслы исполнителей, умел в «Шутниках» Шумскому дать возможность[1] сказать поворачивающим душу полушепотом свое трагическое: «пошутили», а Садовскому раскрыть весь ужас положения бедной девушки, покровительственно гладя ее волосы и с особым многозначительным выражением говоря ей: «Ко мне в экономки...» *(«Восп.», стр. 193).*

Примерно через две недели после премьеры о спектакле Малого театра писал рецензент «Голоса» *(1864, 3 ноября)*: «На сцене Малого театра продолжают пользоваться, с первого дня постановки, огромным успехом «Шутники» 〈...〉 Успеху «Шутников» способствует весьма много выполнение их на сцене; обстановленная лучшими артистами, пьеса многим обязана их игре. Г-н Шумский оживил роль Оброшенова и придал ей много эффектности 〈...〉 Г-н Садовский, как всегда, был превосходен в роли Хрюкова 〈...〉 Из женских ролей обе нашли себе прекрасных исполнительниц. Г-жа Васильева — этот первоклассный талант нашей сцены, многим дополнила и объяснила тот очерк старшей дочери подьячего, который набросал автор. Другую сестру играла г-жа Никулина и очень верно передавала эту наивную до глупости девочку».

В ноябре же в Малом театре комедию смотрел Л. Н. Толстой и в письме к жене заметил, что «комедия трогательна, даже слишком»; присутствовавшая вместе с Толстым на спектакле Т. А. Кузминская вспоминала: «Помню, как понравилась ему новая пьеса Островского «Шутники». Я взглянула на него в тот момент, когда старик находит на улице подкинутый шутниками денежный пакет 〈...〉 У Льва Николаевича стояли в глазах слезы». Через десять дней Толстой второй раз смотрел комедию, и, как пишет С. А. Толстая, «ему очень понравилось» *(Толстой, т. 83, стр. 51, 53, 76).*

По возобновлении спектакля в 1870 г., во время гастролей московских актеров в Петербурге, рецензенты вновь отмечали прекрасную игру актеров. Исполнение роли Оброшенова Шумским, по мнению рецензента «Голоса» *(1870, 18 июня)* «должно быть причислено к наиболее удачным и совершенным сценическим созданиям г. Шумского 〈...〉 Это соединение трогательнейших чувств с комическою манерою их выражения, эти слезы, прикрытые смехом, смехотворное словечко или движение, нечаянно, по привычке, вырывающееся среди совсем несмешного, скорее драматического положения, производили сильное впечатление».

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 31 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 37 раз (последний спектакль в Москве состоялся 18 января 1870 г., в Петербурге — 6 мая 1882 г.).

Стр. 491
Кавалерия — от слова «кавалер», то есть награжденный орденом; отсюда «кавалерия» — орденские знаки.

Стр. 509
Люстриновая сибирка — верхняя мужская одежда в виде короткого

---

[1] Кони говорит «дать возможность» потому, что в тексте Островского этого слова нет — оно было привнесено самим Шумским, и автор согласился на это (см. кн. *«Сто лет Малому театру. 1824—1924», М., изд. РТО, 1924, стр. 92).*

кафтана со сборками и стоячим воротником; люстрин — шерстяная ткань с глянцем.

Ворота, где торгуют картинками — бывшие Ильинские ворота Китай-города (ныне Новая площадь); здесь было средоточие московских книжных лавок и «развалов».

Стр. 510
До Лобного дошел — до Красной площади: Лобное место находится возле собора Василия Блаженного.

Стр. 512
Чуйка — верхняя мужская одежда в виде длинного суконного кафтана.

Стр. 514
...в Совет деньги вносил — здесь : Опекунский совет.

Стр. 515
Нечего и на Спасских смотреть...— Спасская башня Московского Кремля с часами.
...в Ирбитской...— на ярмарке в г. Ирбите.

Стр. 518
«*Вина не пьет, с воды пьян живет...*» — стих из старой народной песни о муже-пьянице (см. : *Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым. Напевы записал и гармонизировал И. Прач, Спб., 1896, № 10).*

Стр. 519
«*Под вечер, осенью ненастной*» — романс Н. С. Титова на стихи А. С. Пушкина в переделке, «приспособленной под костромской говор, в котором типичнейшими моментами является урезывание окончаний в творительном падеже» *(А. И. Орлов, А. Н. Островский и фольклор Ивановской области, Иваново, 1948, стр. 14)*.

Стр. 538
...в сибирку посажу — в арестантскую камеру.

Е. Прохоров

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1865, № 9, стр. 115—170.

Рукописные источники:
черновой автограф *(ГБЛ)*;
цензурная театральная копия *(ЛГТБ)*.

Печатается по тексту журнала «Современник» со следующими основными исправлениями:

Стр. 545, строка 24
«кормить будешь» *вместо* «кормить будем» (по *ЧА, ЦТК*).

Стр. 551, строка 18
«Ермолаич» *вместо* «Мироныч» *(по смыслу)*.

Стр. 553, строка 13
«сигарки грошевые» *вместо* «сигарки дешевые» (по *ЧА*).

Стр. 587, строки 25—26
«так не скажу» *вместо* «так скажу» (по *ЦТК*).

В «Дневнике путешествия по Волге» под датой 1 июня 1856 г. Островский сделал следующую запись: «В Ситкове содержатель постоялого двора, толстый мужик с огромной седой бородой, с глазами колдуна, не пустил нас; у него гуляли офицеры с его дочерьми, которых пять» *(ПСС, XIII, 227)*. Эта случайная встреча, как писал С. В. Максимов, «напечатлелась в памяти» и почти через десять лет «выработалась в комедии «На бойком месте» *(«Рус. мысль», 1890, № 2)*.

Несомненно, что в пьесе отразились и личные впечатления Островского от поездки в Щелыково по Галичскому тракту, проходившему через глухие леса. Здесь он мог слышать рассказы о кабаке с дурной славой, ранее находившемся недалеко от усадьбы: недаром во вступительной ремарке сказано, что «действие происходит на большой дороге, среди леса 〈...〉 лет 40 назад». Упоминающиеся в пьесе села Покровское и Новая деревня действительно находились недалеко от Щелыкова, а ямщик по фамилии Раззоренный встречался автору в 1860 г. по дороге между Тулой и Ефремовом *(ПСС, XIV, 77)*.

Работу над пьесой Островский начал в первых числах августа (на л. 5 чернового автографа, хранящегося в *ГБЛ*, против явл. 5 I действия проставлена дата: 8 августа), и 18 августа работа над комедией была закончена (дата в том же автографе на л. 18).

Переписанная копия пьесы была тотчас же отправлена в Театрально-литературный комитет, а после одобрения ее Комитетом 28 августа и последующего разрешения театральной цензурой передана в театр и в «Современник».

Сохранившийся черновой автограф *(ГБЛ)*, видимо, не был оригиналом для переписчиков: вряд ли кто-нибудь, кроме автора, мог разобраться во всех зачеркиваниях, перестановках текста, вставках, разбросанных в разных местах рукописи. Скорее всего, Островский по этому черновику диктовал текст переписчикам.

Цензурная писарская копия *(ЛГТБ)* имеет позднейшее происхождение (разрешительная цензурная надпись на ней датирована 20 декабря 1865 г.); текст этой копии лексически значительно отличается и от *ЧА* и от первопечатного текста; по-видимому, это какая-то «сценическая редакция» комедии.

При появлении комедии в печати рецензент «Современной летописи» *(1865, № 39)* нашел ее безнравственной: «...автор начертил нам такие смелые картины, пред которыми бледнеет все, что было до сих пор им изображено 〈...〉 Что касается до эротизма, то автор остановился только у самых геркулесовых столпов, за которыми уже начинается царство маркиза де-Сада с братией». Это обвинение было настолько несостоятельно, что даже «Голос» *(1865, 31 октября)* удивился мнению рецензента: «Мы теперь, видевши пьесу, решительно не понимаем, чем возмутился этот почтенный критик: все обстоит как нельзя более благополучно». Тем не менее новая пьеса рецензенту «Голоса» также не понравилась: «слабее этого произведения едва ли есть что-нибудь из всего им 〈Островским〉 написанного»: Аннушка — «лицо до того неудавшееся, что мы не узнаем г. Островского 〈...〉 бледней, безжизненней 〈...〉 Аннушки трудно себе

представить что-нибудь ⟨...⟩ отношения между Миловидовым и Аннушкой — отношения, сочиненные совершенно произвольно».

Однако оба рецензента при всей недоброжелательности вынуждены были признать и положительные качества новой комедии. «Достоинствами пьесы,— писала «Современная летопись»,— остается то, что всегда хорошо у г. Островского: удачна первоначальная обрисовка характеров ⟨...⟩ умение вести разговор ⟨...⟩ типический, словно отчеканенный язык»; рецензент «Голоса» признавал, что пьесы Островского имеют «успех на сцене, и особенно на московской, где г. Садовский, по справедливости, имеет полное право на половину успеха, а иногда и более».

Очень сдержанно к оценке новой комедии подошел А. Н. Баженов. Многое не нравится критику в ней, но вместе с тем он признает: «Оба главные характера ⟨...⟩ совершенно удались автору, и характер жены даже больше, чем характер Бессудного, как потому, что он, уже по самому замыслу, новее последнего, так и по своей необыкновенной живости и правдивости; говорим, не обинуясь, что лицо Евгении Мироновны сто́ит, пожалуй, всей комедии и смело может быть отнесено к числу самых удачных женских лиц пиес Островского» *(«Антракт», 1865, 7 октября)*.

Премьера прошла сначала в Москве, в Малом театре, 29 сентября 1865 г., в бенефис А. А. Рассказова. Роли исполняли: Бессудный — П. М. Садовский, Евгения Мироновна — А. И. Колосова, Аннушка — Г. Н. Федотова, Миловидов — Н. Е. Вильде, Пыжиков — К. П. Колосов, Непутевый — А. А. Рассказов, Сеня — А. Ф. Федотов, Жук — В. А. Дмитревский, Раззоренный — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Гриша — Е. А. Воронский.

Много лет спустя, вспоминая об актрисе Колосовой, Островский писал: «...особенным же совершенством отличалось исполнение ею роли дворничихи в пьесе «На бойком месте», которая при всей верности действительности была проникнута необыкновенной грацией» *(ПСС, XII, 336)*.

Иного мнения придерживались рецензенты. Баженов отмечал, что «г-же Колосовой не совсем удалось передать основную черту характера Евгении Мироновны — необыкновенную пронырливость, так естественно выработавшуюся и сильно развившуюся в этой женщине под влиянием слишком исключительных обстоятельств ее семейной жизни ⟨...⟩ В притворстве г-жи Колосовой было что-то, легко выдающее это притворство и ее обман ⟨...⟩ Впрочем общий тон роли усвоен и передан был исполнительницею очень верно, а многие отдельные места и сцены поражали глубоко обдуманною и художественною отделкою». Федотова в роли Аннушки «была очень хороша и естественна в сценах с Евгенией Мироновной и с Непутевым ⟨...⟩ и была едва выносима во всех сценах сердечных излияний ⟨...⟩ Остальные, менее заметные лица нашли себе то добросовестное и внимательное исполнение, которое на нашей сцене не редкость вообще и которое особенно привыкли встречать мы в пиэсах Островского ⟨...⟩ Говоря вообще, новая комедия Островского смотрится с гораздо большим интересом, чем многие последние произведения его, не исключая и «Воеводы»; она имела успех и автор был вызван» *(«Антракт», 1865, 7 октября)*

Вполне одобрительно отнесся к спектаклю и особенно к игре Садовского и рецензент «Современной летописи» *(1865, № 39)*:

Садовский — Бессудный «передал нам этот характер со всеми оттенками».

«Когда я кончил комедию «На бойком месте»,— писал Островский Ф. А. Бурдину,— я долго думал, кому отдать ее в бенефис. Самая видная, по моему мнению, роль (Евгении) должна принадлежать Левкеевой, ей, по всей справедливости, следовало отдать и пьесу. Что же касается до роли Бессудного, то я с самого начала предполагал отдать ее Самойлову и при проезде его через Москву заявил ему об этом,— эта роль совершенно по его средствам», и, отвечая корреспонденту на его обиду, что роль Бессудного отдана не ему, добавлял: «Строгие характеры не по тебе, ты сам это знаешь» *(ПСС, XIV, 131)*.

Премьера на сцене Александринского театра состоялась 25 октября 1865 г., в бенефис Е. М. Левкеевой. Роли исполняли: Бессудный — В. В. Самойлов, Евгения Мироновна — Е. М. Левкеева, Аннушка — А. К. Брошель, Миловидов — А. А. Нильский, Пыжиков — П. С. Степанов, Непутевый — И. Ф. Горбунов, Сеня — Д. И. Озеров, Жук — В. И. Васильев (Васильев 1-й), Раззоренный — В. П. Волков.

Рецензент «Санктпетербургских ведомостей» *(1865, 26 октября)* высоко оценил и пьесу и спектакль: пьеса «сценична и эффектна в лучшем смысле этого слова, т. е. в том смысле, что действующие лица пиесы оригинальны и живы, отношения их психологически интересны и само раскрытие этих отношений в комедии таково, что внимание зрителя от начала и до конца поглощено ею ⟨...⟩ Пьеса была исполнена очень недурно, хотя и было заметно, что она дается только в первый раз». В игре Левкеевой, Брошель, Горбунова, Самойлова «выдавались от времени до времени очень хорошие минуты, за которые публика щедро награждала их аплодисментами ⟨...⟩ Но самая благодарная роль и самая большая доля сочувствия публики, бесспорно, принадлежали в этот вечер г-же Брошель, исполнявшей роль Аннушки, на замечательном характере которой держится вся пьеса». Спектакль прошел с большим успехом, публика много «рукоплескала артистам и с большим сочувствием вызывала автора, которого не оказалось в театре».

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 17 раз, в Петербурге — 18 раз (последний спектакль в Москве состоялся 16 декабря 1882 г., в Петербурге — 24 апреля 1885 г.).

Стр. 544

Сак-пальто — полупальто свободного покроя.

Стр. 547

Фурия — злая, сварливая женщина.

Стр. 555

«Пела, пела пташечка...» — романс А. А. Алябьева на слова А. А. Дельвига.

Ритурнель — часть аккомпанемента, повторяющаяся после каждого куплета.

Стр. 570

...на Афон молиться ушел. — Афон — гора в Греции, на которой с 1080 г. существовали русские монастыри, отличавшиеся строгими уставами.

Стр. 573
Змея василиска — сказочный змей, дракон, способный убивать все живое взглядом и дыханием.

Стр. 579
Арапельник, арапник — ременная плеть, кнут.

Е. Прохоров

ПУЧИНА

Впервые опубликовано в газете «Санктпетербургские ведомости», 1866, 1, 4, 5, 6 и 8 января.

Рукописные источники:
черновой автограф *(ГБЛ)*;
цензурная театральная копия *(ЛГТБ)*;
цензурная театральная копия *(ММТ)*.

Печатается по тексту газеты «Санктпетербургские ведомости» со следующими основными исправлениями:

Стр. 595, строка 16
«Наверное то сказать» *вместо* «Наверное-то сказать» (по *ЧА*).

Стр. 600
В списке действующих лиц «Аксинья» *вместо* «Анисья» (по *ЧА*).

Стр. 605, строки 39—40
После: «что тебе» *добавлено*: «мало дать — значит тебя обидеть, что тебе» (по *ЧА*).

Стр. 607, строка 19
«Луп Лупыч» *вместо* «Луп Лукич» (по копии *ММТ*).

Стр. 613, строка 2
«господа» *вместо* «господи» (по *ЧА*, копиям *ЛГТБ* и *ММТ*).

Стр. 619, строка 19
«не уломаем» *вместо* «не уломаешь» (по *ЧА*).

Стр. 619, строка 24
«да только даром-то» *вместо* «да даром-то» (по *ЧА*).

Стр. 622, строки 30—31
«не посоветует» *вместо* «не пожелает» (по *ЧА*, копии *ММТ*).

Пьеса была закончена автором во второй половине декабря 1865 г.: «Благодарю Вас сердечно,— писал Островскому В. Ф. Корш 16 декабря,— за намерение прислать несколько сцен. Если я получу их в этом месяце, то начну ими новый год. Пожалуйста, не откладывайте отсылку Вашей рукописи, если она окончательно отделана Вами» *(«Неизд. письма», стр. 157)*. Островский выслал пьесу вовремя, и первая сцена драмы была опубликована полностью в номере «Санктпетербургских ведомостей», вышедшем первого января 1866 г. Текст черновой рукописи, за мелкими исключениями, совпадает с первопечатным.

В самом начале января Островский прочитал пьесу членам Артистического кружка в Москве *(«Ист. вест.», 1912, № 5)*.

5 марта 1866 г. пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом, а 10 марта разрешена драматической цензурой (даты на копии *ММТ*; здесь же — надпись рукой Островского: «Покорнейше прошу Дирекцию императорских театров принять эту пьесу на условиях поспектакльной оплаты. А. Островский»). На копии *ЛГТБ*, предназначенной для Александринского театра, дата цензурного разрешения — 11 апреля 1866 г.

О «Пучине» критика отзывалась очень разноречиво. Первым на опубликование пьесы откликнулся «Сын отечества» *(1866, 22 января)*, напомнивший, что еще Н. А. Добролюбов, «разбирая сочинения г. Островского, отыскал в них, или, лучше, нарисовал на основании их целую картину темного царства — картину самодурства, обмана, пошлости, попрания самых высоких чувств, презрения к самым священным отношениям». И новая пьеса драматурга посвящена той же жизненной проблеме, «изображает то же темное царство и, рисуя ненормальности и уродливости жизни, в то же время способна заставить хоть кого плакать от тех уродливостей». При этом новые «сцены из московской жизни» полны жизненной правды, и именно в этом «заключается тайна того, что они сильно действуют на сердце. То, что представляют сцены, таково, что оно не только может быть, но и действительно бывает, и притом зачастую. Прибавим, что некоторые сцены отличаются особенною отделкою, потому и сильнее действуют на читателя».

Но уже через несколько месяцев тот же «Сын отечества» *(1866, 10 мая)* отнесся к пьесе гораздо более критично. Признавая частные достоинства пьесы и «порой мастерскую кисть истинного художника», рецензент вместе с тем писал, что в образе Кисельникова «автор впал в некоторую крайность», заставив своего героя «пройти чрез все те перипетии, которые слишком уже отзываются *кулисами* и смахивают на известные театральные пружины, сшитые теми белыми нитками, которые обильно израсходованы в любых французских мелодрамах».

Решительно не принял пьесы А. Н. Баженов: «В новой пиэсе своей автор задался на тысячу ладов перевертывавшейся темой: в ней доказывает он почему-то показавшуюся ему новой мысль о том, что среда часто заедает людей ⟨...⟩ что в духоте человек задыхается. С этой целию он раскрывает один из глубоких омутов московских, *пучину*, и опускает в нее нарочно для такого эксперимента приготовленную жертву. Пресловутая и всепоглощающая пучина эта, по пиэсе г. Островского, есть не что иное, как благословенная купеческая семейка, взятая вкупе с немногими присными ей». Баженов не видит, по существу, в драме ни одного нового лица: Боровцов — «личность, составленная из обрывков и клочков Гордея Торцова («Бедность не порок») и Квасова («Купец-лабазник» ⟨М. Н. Владыкина⟩)»; Дарья Ивановна, жена его — «личность тоже знаемная и переизвестная, ум и понятия ее взяты автором на прокат у купчихи Брусковой («Тяжелые дни»)», и т. п. Зато «Лиза — выдумка, может быть и хитрая, и причудливая, но едва ли правдоподобная. Девочка Лиза 2-й картины, которая выросла в бедности и которую учили говорить отцу в глаза: «папка дурак», могла выйти дурною, безнравственною, глупою девушкою; но ни в коем случае не могла сделаться белоручкой, причудницей и прихотницей»; Погуляев — «добродушен до умиления ⟨...⟩ Других человеческих черт в лице Погуляева из

пиесы не усматривается», Кисельников — «это какая-то расспропленная квинтэссенция из Бальзаминова и Жадова». Завершая свой отзыв о пьесе, Баженов пишет: «Все высказанное нами приводит нас к заключению, что глубина «Пучины» г. Островского равняется глубине самой мелкой тарелки» и «не будь под «Пучиной» подписано имя Островского, мы бы не стали и распространяться о ней» (*«Антракт», 1866, 17 апреля)*.

Двойственно отнесся к драме рецензент «Отечественных записок» *(1866, № 6)*: «Если позволить себе увлекаться симпатиями к произведениям г. Островского и быть столь пристрастным, как покойный Григорьев, то пьесу эту, *может быть*, следовало бы расхвалить. Если рассуждать о ней, сравнивая и сопоставляя ее с современными произведениями других наших драматических писателей, то ее почти *непременно* должно расхвалить ⟨...⟩ Но если относиться к ней серьезнее и независимее, с требованиями критики здравой, с уважением к задачам искусства и силе крепкого таланта, который должен идти вперед, чтобы не пойти назад, то придется быть значительно экономнее в одобрениях. В «Пучине» есть все то хорошее для сцены, чем хороши для сцены все почти произведения Островского ⟨...⟩ она жива, идет хорошо, трогает за сердце и, что называется, написана с знанием сцены, всегда составляющим привилегию этого писателя». Но вместе с тем, продолжает рецензент, драма «до непростительности не нова по замыслу и даже не нова по содержанию. Это опять процесс заедания личности тою самою средою «самодуров», которая уже съела у г. Островского не одного человека. Нет ни одного слова возражения против того, что среда растлевает и губит людей не особенно крепких; но твердить об этом тысячу раз и на одну и ту же ноту, едва ли составляет достоинство ⟨...⟩ Автору хотелось показать, что *пучина невежества* затягивает и поглощает человека, а в пьесе его только пучина кисельниковского ничтожества эксплуатируется бездонною пучиною купеческой жадности Боровцова».

Явно не по душе рецензенту и отчетливое отражение в речах Лизы идеи романа Чернышевского «Что делать?»: «В вызове Лизы научить девушек ценной работе мы не можем не видеть одной из ходячих идей нашего времени и потому можем соглашаться, что г. Островский приноравливается в «Пучине» к современным направлениям; только в этом предположении и разговор о «Жизни игрока», встречаемый у него в начале пьесы, получает смысл».

Впервые «Пучина» была поставлена в Малом театре 8 апреля 1866 г., в бенефис пом. режиссера С. А. Черневского и машиниста сцены Тимофеева. Роли исполняли: Кисельников — С. В. Шумский, Погуляев — Н. Е. Вильде, Боровцов — П. М. Садовский, Дарья Ивановна — С. П. Акимова, Глафира — В. С. Васильева (Васильева 2-я), Переярков — В. И. Живокини, Турунтаев — Н. М. Никифоров, Анна Устиновна — Е. Н. Васильева (Васильева 1-я), Лиза — Г. Н. Федотова, Неизвестный — В. А. Дмитревский.

По поводу спектакля, в полном соответствии со своей оценкой пьесы, Баженов писал, что большинство исполнителей уже раньше участвовало в спектаклях Островского и поэтому им «пришлось переигрывать их старые роли». Но и это делалось ими слабо и неинтересно: «Г-жа Васильева 2-я ⟨...⟩ была почти невыносима в роли

Глафиры Пудовны, особенно во второй картине ⟨...⟩ В исполнении г. Шумского Кисельников оглупел до последней крайности, до кретинизма; мы видели перед собой в трех первых картинах какого-то взрослого младенца. Помешанный Кисельников гораздо более удался артисту и был гораздо умнее Кисельникова, не потерявшего рассудок ⟨...⟩ Постановка пиесы самая рутинная ⟨...⟩ Успеха пиеса не имела, хотя автора, как это у нас вошло в обычай, и вызывали» *(«Антракт», 1866, 17 апреля)*.

Спектакль этот был, по-видимому, действительно неудачным, во всяком случае, все рецензенты были единодушны в оценках. Так, корреспондент «Санктпетербургских ведомостей» *(1866, 23 апреля)* сообщал из Москвы: «...много хорошего не придется сказать. Г. Шумский, исполнявший в пьесе главную роль ⟨...⟩ к удивлению всех, знающих его, доконал в конец изображаемую им личность. Г-н Островский своего героя хотел выставить только человеком слабым, бесхарактерным, не имеющим силы бороться с невежеством той среды, в которую судьба толкнула его; но ни в одной фразе, ни в одном монологе не заметно у г. Островского ни малейшего желания представить его человеком глупым, и тем менее — идиотом ⟨...⟩ Г-ну Шумскому вздумалось до такой степени одурачить этого несчастного Кисельникова, что в нем не осталось даже никакого человеческого подобия ⟨...⟩ Вообще говоря, мне еще ни разу не приходилось видеть, чтобы когда-нибудь произведения г. Островского так неудовлетворительно исполнялись, как эта последняя его пьеса».

Несколько иначе игру актеров оценил рецензент «Современной летописи» *(1866, № 11)*: «Г-н Шумский сделал все, что мог, чтобы поднять неблагодарную роль Кисельникова, честного малого, но совсем уже глупого и тряпкообразного ⟨...⟩ Г-жа Васильева прекрасно исполнила роль старой, скромной преданной матери Кисельникова. Г-жа Васильева 2-я была очень недурна в роли сварливой жены его».

Премьера в Александринском театре состоялась 6 мая 1866 г., в бенефис Васильева 1-го. Роли исполняли: Кисельников — П. И. Малышев, Погуляев — А. А. Нильский, Боровцов — Ф. А. Бурдин, Дарья Ивановна — Н. П. Воронова, Глафира — М. М. Александрова (Александрова 1-я), Переярков — П. И. Зубров, Турунтаев — В. И. Васильев (Васильев 1-й), Анна Устиновна — Н. К. Громова, Лиза — Е. П. Струйская (Струйская 1-я), Неизвестный — К. П. Полтавцев.

Оценивая первые представления, Бурдин писал автору: «...пьеса имела успех, все три раза сбору было за 700 р., несмотря на летнее время. Малышев патетические сцены вел с большим чувством и понравился, но целую роль играл бестолково по обыкновению. Из других сцен очень понравилась игра в карты. Струйская в роли девочки была слаба, и Громова много ныла. Тебя вызывали» *(Бурдин, стр. 39)*. Но рецензенты не были удовлетворены спектаклем. Так, «Отечественные записки» *(1866, № 6)* находили, что в первой картине Воронцова, Александрова, Зубров и Васильев играли «очень удачно; Бурдин, по обыкновению, кривлялся; Нильский не сумел ничего сделать из своей странной, по правде сказать, роли молодого резонера Погуляева. Всех хуже был Малышев ⟨...⟩ Он все время суетился, лепетал скороговоркой, улыбался и сыграл из Кисельникова чуть не Филатушку-дурачка». Характеризуя игру актеров во второй картине, рецензент вновь подчеркивает, что Бурдин ничего

не понял в своей роли: «Он даже не понял, что все мерзости Боровцова текут у него просто, искренно, из души выходят, вовсе не как мерзости лукавства, а как житейская мудрость». Высоко оценивает рецензент грим и игру Малышева — Кисельникова в последней сцене: «... он развалина, и даже не развалина,— а один осколок страдания 〈...〉 Именно «за человека страшно» было, глядя на его лицо 〈...〉 и если бы не недостаток внутренней силы, обнаруженный г. Малышевым в сцене возвращения к нему сознания, то можно было бы сказать, что г. Малышев сыграл четвертое действие «Пучины» прекрасно».

Вместе с тем некоторые рецензенты подчеркивали, что спектакль на сцене Александринского театра прошел все же лучше, чем в Малом театре. Так, рецензент «Сына отечества» *(1866, 19 мая)* писал: «У нас «Пучина» имела успех именно благодаря хорошему исполнению, и участь ее более благоприятна, чем в Москве»: Малышев свою роль «исполнил 〈...〉 с неподдельным чувством, горячностью 〈...〉 Все главные роли были исполнены удовлетворительно; весьма типичен был г. Зубров в роли Переяркова и г. Васильев 1-й, по обыкновению, очень хорош был в роли отставного военного с угловатыми, чересчур откровенными приемами».

С большой статьей о пьесе и об игре актеров выступил В. П. Буренин: «Говорят, что в Москве «Пучина» не имела успеха на сцене, и, несмотря на то, что роль Кисельникова исполнял один из талантливых московских артистов, г. Шумский, лицо это вышло в действии бледно». В Петербурге же, по его словам, Малышев «продумал свою роль и исполнял ее более чем добросовестно. Многие наиболее драматические места вызвали живые рукоплескания зрителей и публика вообще осталась довольна молодым артистом 〈...〉 Если б на нашей сцене ставилось побольше пьес вроде «Пучины», изображающих действительную русскую жизнь со смыслом, то нет никакого сомнения, что теперешние александринские гении сделались бы в непродолжительном времени артистами, которых можно смотреть с некоторым сочувствием» *(«Спб. вед.», 1866, 8 мая)*.

Несмотря на успех пьесы у публики, к ней очень недоброжелательно отнеслась Дирекция императорских театров, и после нескольких представлений ее сняли со сцены. Бурдин сообщал Островскому 10 июля 1866 г.: «Вообще нужно тебе с большим огорчением объяснить, что *высшие сферы* не благоволят к твоим произведениям, как я узнал вчера из слов Павла Степановича 〈Федорова〉; к тому же строгости цензурные вышли из всяких пределов, хуже, чем в старое доброе время — дошло до того, что «Пучина» возбудила в начальстве громадное неудовольствие и ее боятся давать» *(Бурдин, стр. 40)*.

Заслуживает упоминания постановка 1892 г., осуществленная на сцене Малого театра группой молодых актеров под руководством А. П. Ленского. На спектакле присутствовал А. П. Чехов, писавший о нем А. С. Суворину: «Пьеса — удивительная. Последний акт — это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал. Этот акт целая пьеса и, когда я буду иметь свой театр, то буду ставить только этот один акт» *(А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, т. 15, М., Гослитиздат, 1949, стр. 332—333)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла всего 5 раз, в Петербурге — 14 раз (последний спектакль в Москве состоялся 22 апреля 1866 г., в Петербурге — 2 октября 1869 г.).

Стр. 590
Нескучный сад — излюбленное место гуляний в Москве.

Мочалов — П. С. Мочалов (1800—1848) — великий русский драматический актер. В «Жизни игрока» исполнял роль Жоржа де Жермани.

«Жизнь игрока» — мелодрама Виктора Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока». Впервые была поставлена в Москве 26 января 1828 г. в переводе Ф. Ф. Кокошкина, с музыкой А. Н. Верстовского и «произвела необыкновенный фурор; ее давали почти ежедневно» (*«Записки П. А. Каратыгина», Спб., 1880, стр. 163).*

Валмир — персонаж мелодрамы «Жизнь игрока».

Стр. 592
Я буду держать на кандидата. — В дореволюционной России степень кандидата присуждалась по окончании университета с отличием.

Стр. 595
Шумла — турецкая крепость на Балканах; в 1828 г. ее осаждали русские войска.

Птица Сирен (правильно — Сирин) — сказочная райская птица с лицом и грудью женщины.

Стр. 596
Титулярный — титулярный советник, см. прим. к стр. 20.

Стр. 601
«Во саду ли, в огороде...» — народная песня, известная во многих вариантах (*см. Соболевский, IV, № 282, 283, 355, 636, 764—768 и др.).*

Стр. 606
Варом обдать — здесь: кипятком.

Стр. 607
Околоток — полицейский участок.

Стр. 610
...и в надворном служил, и в сиротском, теперь в магистрате — судебные учреждения в России: надворный суд занимался уголовными и гражданскими делами, сиротский суд ведал опекой над сиротами и вдовами, магистрат — см. прим. к стр. 357

Стр. 611
...реки сытовые... — медовые (точнее — подслащенные медом).

Стр. 612
Аршинники — торговцы тканями, продававшимися на аршин.

...конкурсами ...живешь... — то есть за определенную мзду сочиняешь бумаги для представления на конкурс — собрание заимодавцев, рассматривающих дела несостоятельных должников.

Стр. 628
Золотник — русская мера веса, около 4,26 грамма.

Стр. 629
Яма — см. прим. к стр. 154.

Е. Прохоров

СОДЕРЖАНИЕ

Островский А. Н.

О-77 Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. Т. 2. Пьесы (1856—1866). М., «Искусство», 1974.

808 с.; 1 л. портр.

Второй том включает пьесы, написанные в период с 1855 по 1865 год: «В чужом пиру похмелье», «Доходное место», «Праздничный сон — до обеда», «Не сошлись характерами!», «Воспитанница», «Гроза», «Старый друг лучше новых двух», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!», «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова»), «Грех да беда на кого не живет», «Тяжелые дни», «Шутники», «На бойком месте», «Пучина».

О $\frac{70600\text{-}105}{025(01)\text{-}74}$ **Подписное** **Р 1**

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ.

ТОМ 2

Редактор И. С. Гракова
Художественный редактор Л. И. Орлова
Технические редакторы В. Ф. Богданова и Н. С. Еремина
Корректор Н. Я. Корнеева

Сдано в набор 15/VI—1973 г. Подписано в печать 19/III—1974 г. Формат бумаги 84×108/32. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 42,526. Уч.-изд. л. 42,991. Изд. № 12970. Тираж 80 000 экз. Заказ № 435. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Искусство», 103051, Москва, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28